

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Национальный исследовательский
Томский политехнический университет»

ISSN 1684-8519

ИЗВЕСТИЯ

ТОМСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 323, № 6, 2013

Экономика.
Философия, социология
и культурология. История

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТПУ

г. Томск

ИЗВЕСТИЯ ТОМСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Редакционный совет:

Чубик П.С. (председатель), д.т.н., ректор ТПУ (г. Томск)
Пестряков А.Н. (заместитель председателя),
д.х.н., проректор ТПУ по НИИ (г. Томск)
Алексеенко С.В., д.ф.-м.н.,
член-корреспондент РАН (г. Новосибирск)
Болдырев В.В., д.х.н., академик РАН (г. Новосибирск)
Боровиков Ю.С., к.т.н. (г. Томск)
Гуляев Ю.В., д.ф.-м.н., академик РАН (г. Москва)
Дамамми Ж., PhD (Франция)
Дмитриев А.Ю., к.т.н. (г. Томск)
Долматов О.Ю., к.т.н. (г. Томск)
Ершов Ю.Л., д.ф.-м.н., академик РАН (г. Новосибирск)
Замятин А.В., к.т.н. (г. Томск)
Клименов В.А., д.т.н. (г. Томск)
Конторович А.Э., д.г.-м.н., академик РАН (г. Новосибирск)
Крёнинг М., PhD (Германия)
Летников Ф.А., д.г.-м.н., академик РАН (г. Иркутск)
Месяц Г.А., д.ф.-м.н., академик РАН (г. Москва)
Михайленко Б.Г., д.ф.-м.н.,
академик РАН (г. Новосибирск)
Накоряков В.Е., д.т.н., академик РАН (г. Новосибирск)
Панин В.Е., д.ф.-м.н., академик РАН (г. Томск)
Сигов А.С., д.ф.-м.н., академик РАН (г. Москва)
Сигфуссон Т.И., PhD (Исландия)
Турнаев В.И., д.и.н. (г. Томск)
Филлипов Г.А., д.т.н., академик РАН (г. Москва)
Чайковский Д.В., к.ф.н. (г. Томск)
Шень Джаоли, PhD (Китай)
Яковлев А.Н., к.ф.-м.н. (г. Томск)

Редакционная коллегия:

Пестряков А.Н. (председатель, главный редактор), д.х.н.
Коробейников А.Ф. (зам. председателя), д.г.-м.н.
Глазырин А.С. (главный редактор Издательства ТПУ), к.т.н.
Могильницкий С.Б. (учёный секретарь), к.ф.-м.н.
Барышева Г.А., д.э.н.
Григорьев В.П., д.ф.-м.н.
Заворин А.С., д.т.н.
Иванчина Э.Д., д.т.н.
Ильин А.П., д.ф.-м.н.
Корниенко А.А., д.ф.н.
Лавринович В.А., д.т.н.
Погребной В.К., д.т.н.
Савичев О.Г., д.г.н.
Тузовский А.Ф., д.т.н.
Шаманин И.В., д.ф.-м.н.

Журнал зарегистрирован Министерством
Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-16615 от 24 октября 2003 г.
Учредитель: Томский политехнический университет

Издаётся с 1903 г.

© ФГБОУ ВПО НИ ТПУ, 2013

BULLETIN OF THE TOMSK POLYTECHNIC UNIVERSITY

Editorial Board:

Chubik P.S. (Chairman), D.E., rector of TPU (Tomsk)
Pestryakov A.N. (Deputy Chairman) D. Chem.,
vice-rector of TPU for Research and Innovation (Tomsk)
Aleksenko S.V., D. Phys. and Math. Sc.,
corresponding member of RAS (Novosibirsk)
Boldyrev V.V., D. Chem., member of RAS (Novosibirsk)
Borovikov Yu.S., Candidate of Science (Tomsk)
Gulyaev Yu.V., D. Phys. and Math. Sc., member of RAS (Moscow)
Damamm G., PhD (France)
Dmitriev A.Yu., Candidate of Science (Tomsk)
Dolmatov O.Yu., Candidate of Science (Tomsk)
Ershov Yu.L., D. Phys. and Math. Sc., member of RAS (Novosibirsk)
Zamyatin A.V., Candidate of Science (Tomsk)
Klimenov V.A., D.E. (Tomsk)
Kontorovich A.E., D. Geol. and Mineral. Sc., member of RAS (Novosibirsk)
Kröning M., PhD (Germany)
Letnikov F.A., D. Geol. and Mineral. Sc., member of RAS (Irkutsk)
Mesyats G.A., D. Phys. and Math. Sc., member of RAS (Moscow)
Mikhailenko B.G., D. Phys. and Math. Sc.,
member of RAS (Novosibirsk)
Nakoryakov V.E., D. E., member of RAS (Novosibirsk)
Panin V.E., D. Phys. and Math. Sc., member of RAS (Tomsk)
Sigov A.S., D. Phys. and Math. Sc., member of RAS (Moscow)
Sigfusson T.I., PhD (Iceland)
Turnaev V.I., PhD (Tomsk)
Fillipov G.A., D.E., member of RAS (Moscow)
Chaikovskiy D.V., Candidate of Science (Tomsk)
Shen Zhaoli, PhD (China)
Yakovlev A.N., Candidate of Science (Tomsk)

Editorial Team:

Pestryakov A.N. (Chairman, Editor in Chief), D. Chem.
Korobeinikov A.F. (Deputy Editor in Chief), D. Geol. and Mineral. Sc.
Glazyrin A.S. (Editor in Chief), Candidate of Science
Mogilnitsky S.B. (Science Secretary), Candidate of Phys. and Math. Sc.
Barysheva G.A., Ec. D.
Grigoriev V.P., D. Phys. and Math. Sc.
Zavorin A.S., D.E.
Ivanchina E.D., D.E.
Ilyin A.P., D. Phys. and Math. Sc.
Kornienko A.A., Ph. D.
Lavrinovich V.A., D.E.
Pogrebnoy V.K., D.E.
Savichev O.G., D. Geog. Sc.
Tuzovsky A.F., D.E.
Shamanin I.V., D. Phys. and Math. Sc.

Подписной индекс по каталогу
Агентства «Роспечать» – 18054

Журнал рассылается в адреса 50-и библиотек РФ,
США, ФРГ, Великобритании, Франции
и 9-и стран ближнего зарубежья

Полнотекстовый доступ к электронной версии
журнала возможен на сайтах ТПУ: portal.tpu.ru/izvestiya/;
ООО «Научная электронная библиотека»:
www.elibrary.ru, www.e-library.ru,
а также поисковой системы scholar.google.com

Импакт-фактор РИНЦ 2011 г. 0,210

© Tomsk Polytechnic University, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЭКОНОМИКА		ECONOMICS	
Миграционные процессы между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией в контексте евразийской интеграции Шаболотов Т.Т.	6	Migration processes between the Kyrgyz Republic and the Russian Federation within the Eurasian indegration Shabolotov T.T.	6
Актуальные вопросы развития банковского кредитования в Томской области Густап Е.В., Густап Н.Н.	12	Topical issues of developing bank loans in Tomsk region Gustap E.V., Gustap N.N.	12
Оценка результативности реализации стратегии догоняющего развития России Спицын В.В.	18	Assessment of the efficiency of implementing Russia catching up development strategy Spitsin V.V.	18
Реформирование социальной политики на современном этапе развития страны Антонова З.Г., Лившиц В.И.	25	Reforming the social policy at the present stage of the country development Antonova Z.G., Livshits V.I.	25
Неоиндустриальная модернизация современной России Антонова З.Г., Лившиц В.И.	34	Ne industrial upgrade in modern Russia Antonova Z.G., Livshits V.I.	34
Влияние миграционных процессов на состояние рынка труда Новосибирской области Анофриков С.П.	40	The influence of migration processes on the condition of labor market in Novosibirsk region Anofrikov S.P.	40
Межрегиональные миграционные потоки: эмпирический анализ Борисова Л.М., Ионикан Н.В., Нехорошев Ю.С.	46	Interregional migration flows: an empirical analysis Borisova L.M., Ionican N.V., Nekhoroshev Yu.S.	46
Миграционные процессы в России и Германии Дукарт С.А., Маренкова Е.В., Нехорошев Ю.С.	52	Migration processes in Russia and Germany Dukart S.A., Marenkova E.V., Nekhoroshev Yu.S.	52
Труд мигрантов: между свободой и неволей Каз М.С., Каз Е.М.	58	Migrant labor: between the freedom and prison Kaz M.S., Kaz E.M.	58
Влияние инвестиций в жилищную сферу на экономический рост Золотарева Г.А., Подопригора И.В.	62	The impact of investment in the housing on economic growth Zolotareva G.A., Podoprigora I.V.	62
Экономическая оценка и перспективы российских инноваций Прокопенко С. А.	69	Economic appraisal and prospects of Russian innovation Prokopenko S.A.	69
Связь цены и качества на рынке потребительских товаров Рыжкова М.В.	74	Price-quality relations on consumer markets Ryzhkova M.V.	74
ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ		PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCE AND CULTURAL STUDIES	
Трансформация значений иронического при переходе от модерна к постмодерну Медведева Т.А.	81	Transformation of values of ironic at transition from modern to postmodern Medvedeva T.A.	81
Габитус, идентичность, обусловленность и когерентность в топологии местных сообществ Макогон Т.И.	88	Habitus, identity, predicament and coherence in topology of local communities Makogon T.I.	88
Локальное и глобальное в местных сообществах Макогон Т.И.	96	Local and global in local communities Makogon T.I.	96
Понятие «преемственность» и его социальное измерение Рубанов В.Г.	103	Concept «succession» and its social measurement Rubanov V.G.	103
Структура и механизмы социальной преемственности Рубанов В.Г.	111	Structure and mechanisms of social succession Rubanov V.G.	111
Терроризм в информационном пространстве Чубик А.П.	117	Terrorism in the information space Chubik A.P.	117
К вопросу об экологическом гуманизме Рубанова Е.В.	122	On the issue of ecological humanism Rubanova E.V.	122
Влияние целевой составляющей на формирование терминов в дизайне Соколов А.П.	126	Effect of task component on the formation of terms in design Sokolov A.P.	126
«Экологическое мировоззрение» как категория социальной онтологии новейшего времени Полещук Л.Г.	133	«Ecological outlook» as a category of social ontology of the contemporary history Poleshchuk L.G.	133
Неопозитивистские основания опровержения и возможности предсказания в системе знания К. Поппера Гончаренко М.В.	139	Neopositivist grounds of denial and opportunities of prediction in the K. Popper knowledge system Goncharenko M.V.	139
Знаниевая индустрия в исследовательском университете. Потери и возможности технологического трансфера Чубик М.П.	144	Knowledge industrialization in research university. Losses and possibilities of technology transfer Chubik M.P.	144
Философия управления развитием образования: разработка методологических основ модели оценки управления качеством аттестации в сфере образования Брылина И.В.	149	Philosophy of education development management: research of methodological bases of regional model of assessing certification quality management at the educational sphere Brylina I.V.	149
Управление знаниями как форма студенческой инициативы и повышения эффективности образования Ардашкин И.Б.	156	Knowledge management as a form of student initiative and increase of education efficiency Ardashkin I.B.	156

- Концептуальная интерпретация природы мифа в рамках теории «имагинативного абсолюта» Я.Э. Голосовкера Сбойчикова М.В. 163 Conceptual interpretation of myth nature within Ya.E. Golosovker «imaginative absolute» theory Sboychikova M.V.
- Онтология «Я» как источник проблематизации знания и горизонт познавательных возможностей человека Ардашкин И.Б. 168 «I» ontology as a source of knowledge problematization and horizon of a person informative possibilities Ardashkin I.B.
- О перспективах реализации концепции миграционной политики Российской Федерации в Сибири и на Дальнем Востоке Чмыхало А.Ю. 178 On prospects of migratory policy concept implementation of the Russian Federation in Siberia and Far East Chmykhalo A.Yu.
- Феномен проблемы с позиции радикального конструктивизма Ардашкин И.Б. 184 Problem phenomenon from the perspective of radical constructivism Ardashkin I.B.
- Архив в информационном обществе: опыт философской концептуализации Ардашкина О.М. 190 Archive in information society: experience of philosophical conceptualization Ardashkina O.M.
- Инновационные модели поведения как способ адаптации социальных систем к нестабильной внешней среде Никитина Ю.А. 196 Innovative behavior models as an adaptation mechanism of social systems in non-linear environment Nikitina Yu.A.
- Технологизация науки в условиях «общества знаний» Моисеева А.П., Андреева П.В. 200 Technologization of science in «the knowledge society» Moiseeva A.P., Andreeva P.V.
- Слово как самораскрытие и референция опыта постижения объекта Корниенко М.А. 207 Word as a self-disclosure and reference experience in object comprehension Kornienko M.A.
- К вопросу о философских предпосылках, состоянии и перспективах исследований по проблеме искусственного интеллекта Корниенко Ан.А., Корниенко А.А., Корниенко А.В. 210 On philosophical premises, state and perspectives of artificial intelligence problem research Kornienko Anna A., Kornienko Alla A., Kornienko Anatoly V.
- Подход к оценке эффективности сервиса как социальной системы Донскова Л.И., Удальцова М.В. 216 An approach to estimation of the effectiveness of service as a social system Donskova L.I., Udaltsova M.V.
- Инвариантность семантики в модели создания визуального образа дизайна Кухта М.С. 223 Invariance of semantics in model of visual image design Kukhta M.S.
- Влияние врожденных моделей организации опыта на формирование визуальных образов Кухта М.С. 227 The effect of inherent models of experience organization on visual image formation Kukhta M.S.
- Референтная структура интерпретации и механизм формирования смысла Корниенко М.А. 231 Referential structure of interpretation and mechanism of meaning formation Kornienko M.A.
- Гражданское общество и социальная сеть: к вопросу о взаимосвязи Иванкина Л.И., Лотова Е.В. 235 Civil society and social network: on the issue of relationship Ivankina L.I., Lotova E.V.
- Философия регуляции природы Н.Ф. Федорова и современность Брылина И.В. 240 N.F. Fedorov philosophy of nature regulation and modernity Brylina I.V.
- О тенденциях развития научной рациональности в свете проблемы общественной безопасности Черникова И.В., Черникова Д.В. 244 Trends of scientific rationality evolution in terms of public safety problem Chernikova I.V., Chernikova D.V.
- Концепт «семья» в русской и китайской языковых картинах мира Ян Фан 250 Concept «family» in Russian and Chinese picture of the world Yang Fang
- Феноменальность эстетического на рефлексивном уровне бытия Думинская М.В. 256 Aesthetics phenomenon on reflexive level of being Duminskaya M.V.
- Китаизация марксизма и модернизация Китая Цырендоржиева Д.Ш., Бальчиндоржиева О.Б. 261 Sinification of Marxism and China's modernization Tsyrendorzheeva D.Sh., Balchindorzheeva O.B.
- Социокультурные основания корпоративности и инновации (на примере образовательной деятельности кафедр ТНЦ СО РАН) Минченко Т.П., Литвинова Т.Д., Бланк Т.П. 266 Sociocultural rationale of corporativity and innovation (using the practices of the TSC SB RAS departments as an example) Minchenko T.P., Litvinova T.D., Blank T.P.
- Дизайн в культуре сетевого общества Долгих М.Н. 272 Design in culture of the network society Dolgikh M.N.
- Проблема формирования феномена правового отчуждения в процессе становления социальных институтов права Черняева Е.Е. 276 The problem of forming legal alienation phenomenon at establishment of social institutes of law Chernyaeva E.E.
- Типология методологических оснований творческой деятельности Кокаревич М.Н. 283 The typology of methodological bases of creativity Kokarevich M.N.
- Информационная этика современного общества Манжуева О.М. 288 Information ethics of modern society Manzhueva O.M.
- Актуализация концепции непрерывного образования в современном социокультурном пространстве Гиниятова Е.В., Панькова Н.М. 292 Updating the concept of lifelong learning in modern sociocultural space Giniyatova E.V., Pankova N.M.
- Трансформация музейного пространства в условиях новых визуальных стратегий Гиниятова Е.В., Ройз Е.Е. 297 Transformation of museum space in new visual strategies Giniyatova E.V., Royz E.E.

ИСТОРИЯ		HISTORY	
Самодержавие как национальный политический режим Земцов Б.Н.	301	Autocracy as a national political regime Zemtsov B.N.	
Вопрос о взаимодействии с Коммунистической партией Китая в политике США (1943–1944 гг.) Рагозин Д.В.	307	Problem of cooperation with the Communist Party of China in the American policy towards China (1943–1944) Ragozin D.V.	
Аларих между Востоком и Западом: в поисках места в империи (399–402 гг.) Коньков Д.С.	314	Alaric between the east and the west: searching for the place in the empire (399–402) Konkov D.S.	
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	320	INFORMATION ABOUT AUTHORS	

УДК 331

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ МЕЖДУ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Т.Т. Шаболотов

Аппарат Жогорку Кенеша (Парламента) Кыргызской Республики, г. Бишкек
E-mail: shatt05@mail.ru

На основе изучения вопросов перемещения населения Центрально-азиатского региона рассмотрены проблемы и перспективы развития миграционных процессов между Кыргызстаном и Россией в контексте Евразийской интеграции.

Цель работы: анализ проблем и перспектив миграционных процессов, в частности процессов трудовой миграции в кыргызско-российских отношениях через выявление особенностей развития демографических и социально-экономических изменений в миграционном движении населения Кыргызской Республики и Российской Федерации, а также определение путей и методов регулирования миграционных потоков между двумя странами.

Результаты: определены масштабы трудовой миграции в Кыргызстане и обоснована классификация факторов, обуславливающих трудовую миграцию в Кыргызстане. Выявлены наиболее проблемные компоненты социальной, экономической, национальной безопасности Кыргызстана на основе комплексного анализа развития миграционных процессов между Кыргызстаном и Россией.

Ключевые слова:

Мигрант, гастарбайтер, иммиграция, миграционные процессы, рабочая сила, квота, Россия, Кыргызстан, Центральная Азия.

Одним из главных стратегических партнеров Кыргызской Республики является Российская Федерация, которая благодаря своим ресурсам и интересам в Кыргызстане способна оказать активное содействие в поддержании социально-экономического потенциала страны. На современном этапе сотрудничество Кыргызской Республики и Российской Федерации в области миграционной политики развивается вполне активно [1].

Однако существуют проблемы в развитии миграционных процессов между двумя странами, причем и типичные, характерные для других стран, и специфические, присущие только России и Кыргызстану. К одной из первостепенных необходимо отнести проблему упорядочения единого учета мигрантов, который позволит дать исчерпывающую информацию о численности трудовых мигрантов и местах их размещения. Отсутствие достоверной официальной статистики не позволяет вести объективные исследования в сфере миграционных процессов [2]. В Российской Федерации в 2010 г. легальными трудовыми мигрантами являются 4,5 млн чел. из общего числа мигрантов, которых насчитывается 7 млн чел. [3].

Если исходить из того, что иммиграция – явление неизбежное, в силу присущей человечеству мобильности, которая в последние десятилетия обусловлена серьезными демографическими и социальными диспропорциями между государствами, встает вопрос о необходимости извлечь из нее максимальную выгоду. В России иммиграция рассматривается как источник экономического и демографического роста принимающего общества. Роль государства при этом заключается не в том, чтобы стимулировать или ограничивать последнюю, а в умении использовать ее преимущества, то есть приглашать наиболее квалифицированных, образованных, инициативных, молодых и здоровых специалистов. Однако в Российскую Федерацию в основном в качестве рабочей силы едут выходцы из регионов Кыргызской Республики, плохо знающие язык принимающей страны. Россия с начала 2007 г. также перешла к квотированию иммигрантов.

Представители научного сообщества не раз говорили о том, что установить обоснованные квоты на привлечение рабочей силы крайне трудно. В России пока нет инструментов, позволяющих

установить «обоснованность» квоты, нет адекватной фотографии рынка труда, соответственно невозможно определить, сколько работников ему требуется [4].

Страны-доноры рассматривают селективную иммиграцию как политику, идущую вразрез с их национальными интересами. Лишаясь квалифицированных кадров, они обречены на экономическое отставание. Попыткой отчасти исправить складывающуюся ситуацию являются трансферты иммигрантов на родину. Так, денежные переводы диаспоры из Мали, обосновавшейся во Франции, в несколько раз превышают помощь международных организаций этой стране. В Марокко существует следующая практика: специалист, выезжающий за рубеж, обязан переводить определенные суммы на родину. Активно изучается опыт Индии, Южной Кореи, Китая, которые создают специальные условия, облегчающие репатриацию иммигрантов. С одной стороны, они подключают иммигрантов, не желающих возвращаться, к проектам национального развития («на расстоянии»), путем их инвестиций в национальные инновационные программы, исследовательские проекты и т. п. С другой – дипломированные национальные кадры, работающие за рубежом, как правило в частных компаниях, которым государство оказывает поддержку, служат каналом передачи знаний, опыта, инвестиций в отечественную экономику и науку. Кроме того, мигранты финансово поддерживают свои семьи. Все это, безусловно, требует помощи государства, специального законодательства, льготного налогообложения. Совершенно очевидно, что требует пересмотра допускаемая законодательством ситуация, когда работодатель может использовать труд иностранцев, уведомив органы ФМС России о своем прибытии из-за рубежа, без оформления заявки на привлечение и использование иностранной рабочей силы. Иначе проблема несоответствия количества квот и числа приглашенных мигрантов, то есть их неконтролируемого, хотя и легального, притока, останется нерешенной, создавая дополнительную угрозу отечественному рынку труда.

Проблема трансфертов в отношении России с бывшими союзными республиками не менее актуальна, чем у европейских государств с развивающимся миром. В 2006 г. объем трансакций из Российской Федерации в страны СНГ, по данным Центробанка, равнялся 1,29 млрд долларов. По данным ФМС Российской Федерации, минуя таможенный контроль, мигранты ежегодно вывозят из России свыше 10 млрд долларов. Экономический ущерб, причиненный «нелегалами» из-за уплаты налогов, составляет более 8 млрд долларов в год [5]. Основными адресатами трансфертов являются Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан и Украина.

Особенностью трудовой миграции в Россию, в отличие от иммиграции в европейские страны, яв-

ляется низкая квалификация гастарбайтеров. Очевидно, что такой трудовой потенциал – 10 млн неквалифицированных нелегалов – не отвечает потребностям страны в развитии высоких технологий и инноваций. Более того, большая часть иммигрантов занята не в промышленности, как это было, например, в период индустриального подъема во Франции в 50–60-х гг. XX в., а в торговле и строительстве [6]. Проблема низкой квалификации иммигрантов не решается в полной мере и Программой переселения соотечественников, особенно это касается выходцев из Центральноазиатского региона. Сюда же можно отнести и плохое знание русского языка мигрантами.

В Россию приезжают гастарбайтеры, плохо или совсем не говорящие по-русски, так как это в основном люди среднего и молодого возраста, получившие образование (в лучшем случае) после распада СССР. Более 75 % лиц, подающих в Российской Федерации ходатайства о признании беженцем, не владеют или плохо владеют русским языком. Россия вышла на второе место в мире по числу прибывающих мигрантов (первое место по-прежнему занимает США).

Сократить иммиграцию в целом могла бы более эффективная координация между системой образования, профессиональной подготовкой и занятостью населения. Таким образом, целесообразно направлять часть безработных на обучение и переобучение по востребованным на рынке труда профессиям, за счет государства и работодателей. Однако надо иметь в виду, что значительная доля безработных – это женщины после 40 лет с высшим образованием [7]. Существуют другие непопулярные меры, которые также могли бы снизить потребность в мигрантах, например увеличение пенсионного возраста. Однако на сегодняшний день, учитывая заметный рост продолжительности жизни европейцев, эта мера скорее актуальна для Европы, чем для России.

К внешним факторам, влияющим на миграционную политику России, относится необходимость координировать ее в рамках европейского, средиземноморского сотрудничества и постсоветского пространства, а также приводить национальное законодательство в этой области в соответствие с международным. Наконец, внешнеполитические, геополитические интересы нередко, а в последнее время все чаще, диктуют тактику компромисса со странами-донорами, одновременно являющимися важными политическими, экономическими союзниками, или партнерами в энергодиалоге. Ориентируясь на поощрение контролируемой трудовой, временной, сезонной и студенческой миграции, государству необходимо предусмотреть возможную перспективу интеграции иммигрантов, остающихся на постоянное место жительства, как их способность к ней, так и ее оптимальную модель, а также комплекс мер, которые бы сохраняли привычный уровень жизни и комфорта, социально-культурную среду «коренного» насе-

ния. В противном случае, рост конфликтности и экстремизма в обществе неизбежен.

На современном этапе трудовая миграция оценивается как один из факторов сохранения правящих режимов и стабильности в регионе.

В Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане трудовые мигранты дают возможность выжить и простым людям, и чиновникам – как ни парадоксально это звучит, но в этом жизненные интересы власти и народа совпадают.

Россия и Казахстан дают работу многим трудовым мигрантам, приехавшим из Центральной Азии. Это отчасти снимает напряженность и в некоторой степени гасит протесты, которые могут возникать из-за неэффективной политики правительства. Однако этого не произошло в апреле 2010 г., когда народ Кыргызстана выразил свое недовольство по поводу проведения негативной политики президента и правительства республики.

В 2004–2008 гг., когда шел бум трудовой миграции, покинули дома и уехали на заработки в Россию и Казахстан 800 тыс. кыргызов, 1,5 млн таджиков и 2,5 млн узбеков [8]. Они работали на стройках (40 % рабочих – мигранты), в розничной торговле, сельском хозяйстве и ЖКХ и получали за свою работу меньше, чем платили местным жителям. Когда грянул мировой экономический кризис 2008 г., многие из них потеряли работу, около миллиона человек вернулись в свои дома в конце 2009 г. Но другие остались, перешли на нелегальное положение и брались за любую работу, лишь бы иметь возможность отправлять деньги домой, чтобы поддержать благосостояние семей. По мнению экспертов, возвращение трудовых мигрантов на родину и общее снижение количества денежных переводов способствовало смягчению социальных и политических потрясений в регионе.

В Центральной Азии растет зависимость от денежных переводов мигрантов. Кыргызстан признает, насколько важны денежные поступления от мигрантов для государства. Объемы денежных переводов из года в год увеличивались. Если в 2008 г. они составили 27 % ВВП Кыргызстана, то в 2009 г. поступления в Кыргызстан возросли от 430 млн долларов до 1,0 млрд. Поступления от переводов поднимали общий уровень жизни в Кыргызстане, не давая людям скатиться в нищету. В 2010 г. в Кыргызстан уже переведено 1 млрд 200 млн долларов, или треть ВВП [9].

При этом в странах региона наблюдалась сильная инфляция. Товары, производимые в Кыргызстане, постепенно вытеснялись с внутреннего рынка более дешевыми российскими или китайскими аналогами. Между 2005 и 2008 гг. объем импорта в Кыргызстане вырос втрое. Деньги, которые присылали мигранты, повышали покупательную способность населения, и цены росли. В 2010 г. в Кыргызстане был зафиксирован самый высокий в регионе рост цен на потребительские товары и услуги. Таким образом, основные товары становились все недоступнее для тех, кто оставался дома,

и у кого денег было меньше, – и это в свою очередь заставляло людей задуматься о миграции. Накануне кризиса поступления от мигрантов создавали иллюзию роста благополучия, хоть и относительного, но, тем не менее, устойчивого. Пока деньги поступали в страны региона, эти государства закрывали глаза и на ущербность собственных национальных экономик, и на проблемы насилия, которому подвергались мигранты в России, и на то, как негативно сказывается массовый отъезд трудоспособных мужчин на их семьях.

В 2009 г. международные наблюдатели заметили, что поступления средств в Кыргызстан сократились на 25 % по сравнению с 2008 г. В последующие годы наблюдался рост объемов переводимых мигрантами средств. Хотя денежные поступления являются основным, постоянным и надежным механизмом поддержки беднейших слоев населения, однако это эффективней и честней любой поддержки, которую предлагает государство. Эти деньги идут на покрытие самых необходимых семейных расходов. Если кому-то удается сделать накопления – это считается роскошью, и отложенные деньги тратят на медицинское обслуживание или образование.

Первой реакцией властей России и Казахстана на кризис стало сокращение квот на иностранную рабочую силу. Но многие мигранты, не только из Центральной Азии, работают в России и Казахстане нелегально. В России нелегалов около 65 % от общего числа мигрантов. В Казахстане доля нелегалов даже выше. Согласно официальным данным Посольства Кыргызской Республики в Республике Казахстан число работающих в Казахстане кыргызстанцев достигает 80 тыс. чел. Из них разрешение на трудовую деятельность имеют менее 10 %. Одна из основных проблем, с которой сталкиваются трудовые мигранты в Казахстане – это сложная процедура получения разрешительных документов на работу. Эксперты полагают, что численность мигрантов достигает 3 млн чел. ежегодно, и только около 200–300 тыс. из них работают легально [10].

Для въезда в Россию из Центральной Азии виза не нужна, и некоторые гастарбайтеры приезжают и работают, имея временную регистрацию, но не имея разрешения на работу. Некоторые заняты в так называемой «теневой экономике», когда права рабочих не защищены, а их работодатели не платят налоги, могут задерживать зарплату, забирают паспорта рабочих и т. д. Уменьшение квоты сохранится еще некоторое время, даже если вдруг начнется экономический подъем, и причины такого уменьшения являются политическими, а не экономическими.

Многие мигранты понимают, на что они могут рассчитывать. Привыкнув избегать столкновений с властями у себя дома, где они чаще становятся жертвами мелкого вымогательства, чем получают реальную помощь, трудовые мигранты не желают иметь дела и с российской бюрократией. Большин-

ство из них подавлены кризисом, деморализованы ростом расистских настроений, вынуждены мириться с тяжелыми условиями труда и низкой заработной платой. Но они все равно приезжают в надежде найти хоть какую-то работу.

Некоторые экономисты и специалисты по миграции верят, что кризис уже прошел свою тяжелую стадию и дополнительных жестких мер по отношению к трудовым мигрантам ждать не приходится.

В конце 2009 г. Кыргызстан забеспокоился, что делать с возвращающимися мигрантами. Власти заговорили о создании центра по трудоустройству, но инициативы, направленные на создание дополнительных рабочих мест или на выплаты пособий по безработице, так и не были разработаны.

Многие власти в регионе не скрывают отсутствия интереса к мигрантам. Большинство из них надеются, что мигранты вернутся обратно в Россию, а некоторые их представители видят в мигрантах только возможный источник поборов.

Реакция принимающих сторон (России и Казахстана) и вялая активность центрально-азиатских правительств, которая носит скорее символический характер, ставит мигрантов перед фактом: их судьба зависит только от них самих. Они не могут ждать поддержки и помощи ни от принимающей страны, ни от собственного государства.

Мигранты обычно покидают дома весной и возвращаются в начале зимы. Из Кыргызстана, как правило, едут мужчины от восемнадцати до тридцати пяти лет, большинство из них окончили школу, некоторые имеют диплом о высшем образовании. Около 10...20 % – женщины. Решение уехать на заработки вызвано экономическими причинами.

От местного населения мигрантов отличает готовность работать по многу часов, причем на худших условиях.

Мигранты в России работают, как правило, в строительстве, там, где нужен ручной труд, на огромных рынках, которые есть в каждом крупном городе. Существует и гендерное разделение рынка труда: женщины, как правило, устраиваются домработницами и зарабатывают на 20 % меньше мужчин. Большинство мигрантов находит работу с помощью знакомых или родственников, которые приехали на заработки раньше и уже устроились. До кризиса, во время строительного бума, гастарбайтеры, имеющие строительный опыт и заручившись поддержкой подрядчиков, набирали себе бригады из родственников или соседей.

Денег, которые мигранты получали, могло быть больше, чем возможные заработки дома, но гастарбайтеры, безусловно, остаются рабочими «второго класса». Хотя они получают в месяц примерно столько же, сколько и русские рабочие – около 420 долларов – мигранты, как правило, работают на 20 или даже на 30 часов в неделю больше. В Казахстане мигрант получает зарплату раза

в два меньше, чем местный житель, и работодатель не платит за него социальный и пенсионный налог. Работодатели заинтересованы в том, чтобы те, кто на них работает, знали о своих правах как можно меньше.

Исследования, проведенные Институтом социологии Российской Академии наук, показали негативное отношение россиян к мигрантам, хотя люди и признают, что гастарбайтеры работают лучше, более дисциплинированы и надежны, а платить им нужно меньше.

Данные статистических исследований подтверждают: несмотря на то, что небольшая часть гастарбайтеров и вернулась домой во время кризиса, все они ждут улучшения ситуации, чтобы снова покинуть страну и вернуться в Россию.

В 2007 г., когда миграция достигла пика, минимальная заработная плата в Кыргызстане оставалась значительно ниже прожиточного минимума, необходимого для семьи с одним кормильцем. Согласно официальной статистике, в 2010 г. среднемесячная номинальная заработная плата в Кыргызстане была 150 долларов США [10].

Часто мигранты остаются в России и Казахстане, потому что не могут приехать домой – нет денег на обратный билет. Кыргызские мигранты говорят, что должны были работать два месяца по 24 часа в сутки, чтобы выплатить все долги за переезд в Россию. И только после этого начинают откладывать деньги для отправки домой или копить на собственное возвращение.

Многие не хотят возвращаться как проигравшие. Миграция всегда ассоциируется с успехом. Известны примеры, когда семьи, уезжавшие на заработки, приобретали машины, строили большие дома, начинали лучше есть и одеваться. Поэтому гастарбайтеры предпочитают не возвращаться домой, остаются, надеясь на лучшее. И учитывая то, что все родственники собирали деньги для отправки человека на заработки, ему по возвращению домой необходимо будет всем помогать, несмотря на кризис.

Однако труд оставшихся в России и Казахстане мигрантов оплачивается хуже, и работы для них становится меньше. В России численность легальных мигрантов резко сократилась. Кто-то сокращает рабочий сезон и уезжает раньше, кто-то остается, переходя на нелегальное положение. Работы на больших городских стройках стало меньше, и многие мигранты заняты в частном строительстве. Менее квалифицированные рабочие нашли заработок в ЖКХ или в сельском хозяйстве.

Из больших городов – Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбург, которые традиционно оставались центрами притяжения для гастарбайтеров, многие перебираются на Дальний Восток. Они зарабатывают 200–300 долл. в месяц и держатся за свою работу. Это гораздо больше, чем они могли бы заработать у себя на родине.

Антимигрантские настроения растут в российском обществе. Мало вникая в значимость мигран-

тов для российской экономики, общественное мнение фокусируется на том, что мигранты не платят налоги, что российская экономика от этого теряет, а Центральная Азия получает большую прибыль от денежных переводов гастарбайтеров. В России мигранты из Центральной Азии являются объектами милицейского произвола, ксенофобии и насилия со стороны скинхедов и расистов. Ксенофобия проявляется по-разному, от мелких домогательств и приставаний до насильственных преступлений. Согласно проведенным опросам, 47 % опрошенных верят, что мигранты разносят болезни и совершают преступления, 60 % считают, что мигранты несут угрозу терроризма [11]. Негативное восприятие мигрантов особенно сильно в Москве и Санкт-Петербурге. Большинство москвичей с трудом выносят высокую скученность мигрантов в некоторых районах столицы, говорят об этих районах как об этнических гетто и опасаются, что из-за присутствия в районе мигрантов стоимость квартир начнет падать.

Российские СМИ способствуют закреплению негативных культурных стереотипов, часто обвиняют мигрантов в росте преступности, распространении заболеваний, в том числе и СПИДа, но факты, на которые они опираются, неполны, их достоверность сомнительна. Власти сообщают, что число преступлений, совершаемых иностранными рабочими, действительно, возросло, но связывают это с нарушениями миграционного законодательства.

Многие мигранты не знают о своих правах, они предпочитают откупиться (даже за несовершеннолетнее правонарушение), лишь бы их не задерживали в милиции или не отнимали паспорт. Мигранты не доверяют милиции и потому неохотно сообщают о преступлениях, жертвами которых они становятся.

Недостаток информации о преступлениях против мигрантов создает впечатление, что этих преступлений почти не существует.

Наконец, межэтнические отношения могут оказаться под угрозой. Как правило, гастарбайтеры переживают кризис и сосредотачиваются на поиске работы, а не на смене правительства или режима. Однако если экономический кризис будет продолжаться, нельзя исключать возможной радикализации мигрантов.

Некоторые международные организации отмечают, что экономический кризис может спровоцировать проблемы, связанные с безопасностью. Исследование, опубликованное Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в конце 2009 г., называет среди последствий кризиса, *во-первых*, появление интереса к политике у традиционно аполитичного населения региона и, *во-вторых*, активизацию экстремистских религиозных организаций.

Несмотря на кризис, поток мигрантов в Россию не прекратится, и мигранты еще долго будут востребованы, так как естественная убыль российского населения будет расти, а число трудоспособных россиян сокращаться. Это серьезно скажется на промышленной отрасли России, которая должна проводить политику привлечения иностранной силы [12].

При отсутствии эффективных реформ продолжится общая люмпенизация центрально-азиатских обществ, поскольку все более или менее образованные, квалифицированные, здоровые и энергичные люди уезжают в Россию и принимают российское гражданство. Учитывая это, Кыргызстан не может позволить себе терять людей и дальше, если хочет выжить в качестве жизнеспособного и независимого государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джекшенкулов А.Дж. Новые независимые государства ЦА в мировом сообществе. – М., 2000. – 285 с.
2. Муксинова А.Р. Миграционные процессы: межгосударственное сотрудничество России и Кыргызстана. – Бишкек, 2005. – 151 с.
3. Турдиева З.Т. Основные направления межгосударственного взаимодействия Российской Федерации и государств Центральной Азии в решении проблем международной безопасности. – Бишкек, 2011. – 86 с.
4. Трофимова Ж. Российская Бизнес-газета. – 27 мая 2008.
5. Российская газета. – 25 октября 2007.
6. Московский комсомолец. – 22 ноября 2007.
7. Российская газета. – 14 сентября 2007.
8. Фирсова Н.А. Проблемы международной трудовой миграции: политико-правовые аспекты // Вестник КРСУ. – 2010. – Т. 10. – № 1. – С. 32–35.
9. Лукашова И.В. Влияние мирового экономического кризиса на заработную плату и денежные переводы кыргызстанских мигрантов // Вестник КРСУ. – 2010. – Т. 10. – № 5. – С. 15–20.
10. Архив Министерства труда, занятости и миграции Кыргызской Республики. – Бишкек, 2011. – С. 18–26.
11. Хоперская Л.Л. Киргизская диаспора в России // Новые этнические группы в России: Пути гражданской интеграции. – М.: УОП ИЭА РАН, 2008. – 399 с.
12. Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы // Социс. – 2005. – № 3. – С. 71–81.

Поступила 27.05.2013 г.

MIGRATION PROCESSES BETWEEN THE KYRGYZ REPUBLIC AND THE RUSSIAN FEDERATION WITHIN THE EURASIAN INTEGRATION

T.T. Shabolotov

Administration Office of the Jogorky Kenesh (the Parliament) of the Kyrgyz Republic, Bishkek
E-mail: shatt05@mail.ru

Based on the study of the population movement issues of the Central Asian region, the challenges and prospects for the development of the migration processes between the Kyrgyz Republic and the Russian Federation have been considered within the Eurasian integration.

The study objective is to analyze the challenges and prospects of the migration processes, particularly of the labour migration processes in the Kyrgyz–Russian relations through revealing the development peculiarities of demographic and socio-economic transformations in the migration population movement of the Kyrgyz Republic and the Russian Federation, as well as to define the regulation means and methods of the migratory movements between two countries.

The results: the scope of the labour migration in the Kyrgyz Republic was measured and the factors classification stipulating labour migration in Kyrgyzstan was substantiated. The most problematic components of the social, economic, national security of the Kyrgyz Republic were identified on the basis of comprehensive review of the migration processes development between the Kyrgyz Republic and the Russian Federation.

Key words:

Migrant, gastarbeiter (migrant laborer), immigration, migration processes, workforce, quota, Russia, Kyrgyzstan, Central Asia.

REFERENCES

1. Dzhekshenkulov A.Dzh. *Novye nezavisimye gosudarstva TSA v mirovom soobshestve* [New independent states of central Asia in the world]. Moscow, 2000. 285 p.
2. Muksinova A.R. *Migratsionnye protsessy: mezhgosudarstvennoe sotrudnichestvo Rossii i Kyrgystana* [Migration processes: interstate cooperation of Russia and Kyrgyzstan]. Bishkek, 2005. 151 p.
3. Turdieva Z.T. *Osnovnye napravleniya mezhgosudarstvennogo vzaimodeystviya Rossiyskoy Federatsii i gosudarstv Tsentralnoy Azii v reshenii problem mezhdunarodnoy bezopasnosti* [The principle directions in interstate cooperation of the Russian Federation and states of central Asia in solving the problems of international safety]. Bishkek, 2011. 86 p.
4. Trofimova Zh. *Rossiyskaya Biznes-gazeta* [Russian Business-newspaper]. 27 May 2008.
5. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 25 October 2007.
6. *Moskobskiy komsomolets* [Moscow Komsomol member]. 22 November 2007.
7. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 14 September 2007.
8. Firsova N.A. Problemy mezhdunarodnoy trudovoy migratsii: politiko-pravovye aspekty [Problems of international labor migration: political and legal aspects]. *Vestnik KRSU*, 2010, vol. 10, no. 1, pp. 32–35.
9. Lukashova I.V. Vliyaniye mirovogo ekonomicheskogo krizisa na zarabotnuyu platu i denezhnye perevody Kyrgyzstanskikh migrantov [The influence of the world crisis on salary and money transmission of Kyrgyz migrants]. *Vestnik KPSU*, 2010, vol. 10, no. 5, pp. 15–20.
10. Arkhiv Ministerstva truda, zanyatosti i migratsii Kyrgyzskoy Respubliki [Records of the Ministry of Labor, Employment and Migration of Kyrgyz republic]. Bishkek, 2011. pp. 18–26.
11. Khoperskaya L.L. Kirgizskaya diaspora v Rossii [Kyrgyz Diaspora in Russia]. *Novye etnicheskie gruppy v Rossii: puti grazhdanskoy integratsii* [New ethnic groups in Russia: ways of civil integration]. Moscow, UOP IEA RAN, 2008. 399 p.
12. Rybakovskiy L.L. Demograficheskoe budushchee Rossii i migratsionnye protsessy [Demographic future of Russia and immigration processes]. *Sotsis*, 2005, no. 3, pp. 71–81.

УДК 336.717.061

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Е.В. Густап*, Н.Н. Густап

Томский политехнический университет

*Главное управление Центрального Банка Российской Федерации по Томской области

E-mail: GEW2008@mail.ru

Рассматриваются вопросы взаимодействия реального сектора экономики Томской области и банковской сферы. На основе анализа показателей деятельности нефинансовых организаций (индексы промышленного производства, инвестиции, финансовые результаты, хозяйственный оборот) и структуры банковского кредитования выявлены диспропорции в обеспеченности банковскими кредитами отдельных отраслей. Показано, что банковское кредитование не носит инвестиционного характера, оставаясь направленным на обслуживание текущей деятельности предприятий, и слабо связано с «точками роста» региональной экономики. Рассматривая условия банковского кредитования как фактор, влияющий на инвестиционную активность, необходимо учитывать дифференциацию экономического развития различных отраслей, а также реальный уровень рисков, имеющий место для банков как коммерческих субъектов. В рамках перехода экономики на инновационный путь развития требуется изменение концептуальных подходов к банковскому кредитованию, в том числе со стороны государства и самих предприятий.

Ключевые слова:

Экономика региона, виды хозяйственной деятельности, банковский сектор, банковское кредитование, обеспеченность банковскими кредитами.

Банковское кредитование является важным фактором стимулирования поступательного развития экономики. В этой связи проблемы взаимодействия реального сектора и финансово-кредитной сферы активно обсуждаются в экономической литературе. Исходным постулатом является то, что, выполняя функцию перераспределения денег и капитала, кредитный рынок должен реагировать на потребности реального сектора, способствуя его росту с помощью инвестиционных потоков [1. С. 52]. В то же время необходимым условием дальнейшего расширения кредитного процесса является соблюдение интересов кредитных организаций как коммерческих субъектов: получение прибыли, снижение величины проблемной ссудной задолженности и прочее. Дисбаланс взаимообусловленных процессов в этих секторах влечет и бесперспективность развития самого банковского сектора [2. С. 269]. В этой связи также и на региональном уровне возникает вопрос, каким образом на сегодняшний день генерируется спрос на кредитные продукты и какие сектора экономики в состоянии качественно обслуживать задолженность по полученным кредитам? Какие производства в силу своих финансовых и производственных показателей несут потенциальную возможность для банковского сектора эффективного взаимодействия с ними?

Мировой финансовый кризис 2008 г. отразился и на развитии национальной экономики, вызвав, в частности, снижение объемов производства. Этот процесс имел место также на уровне отдельных регионов. В 2010–2011 гг. в экономике Томской области наблюдалось оживление. По данным статистики, объемы промышленного производства в действующих ценах (в целом по разделам С, D, E) достигли докризисного уровня [по классификации Федеральной службы статистики раздел С включает в себя производство по виду хозяйственной деятельности «добыча полезных ископаемых», D – «об-

рабатывающее производство», E – «производство и распределение электроэнергии, газа и воды»].

Достижение докризисных показателей отмечалось и в других секторах экономики области (кроме строительства). В банковском секторе области также произошло восстановление динамики активных операций, что определило повышение его присутствия в экономике региона. Однако в 2012 г. развитие банковской деятельности было уже не столь однозначным. На фоне более низких по сравнению с прошлым годом показателей производства наблюдалось торможение темпов предоставления кредитов реальному сектору. Обострились вопросы обеспечения банковских кредитов и анализа платежеспособности ссудозамщиков, что объективно ограничило участие кредитных организаций в стимулировании экономических процессов.

В целях данной работы анализ развития отдельных секторов экономики можно провести на основе следующих параметров:

- индексы роста производства;
- инвестиционная активность;
- финансовые результаты деятельности;
- доля в хозяйственном обороте организаций области.

Начнем анализ с первого из перечисленных параметров, рассмотрев относительный рост индексов производства. На рисунке показана динамика индексов по отдельным видам хозяйственной деятельности. Линия тренда индекса выпуска базовых отраслей при этом выступает в качестве усредненного показателя развития экономики области.

Изменение индексов производства (к предыдущему годовому периоду) позволяет сделать выводы о наличии/отсутствии экономического роста. Индексы выпуска базовых для области отраслей (сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, обрабатывающее производство, производство

Рисунок. Сравнительная динамика индексов производства по отдельным секторам Томской области [3–6]

и распределение электроэнергии, газа и воды, строительство, транспорт, розничная торговля) в 2010–2011 гг., после преодоления наиболее острой фазы кризиса, демонстрировали положительную динамику. При этом необходимо учитывать, что экономический рост в 2010–2011 гг. имел восстановительный характер, в силу чего особенности динамики в этот период определялись эффектом «низкой базы», то есть ускоренные темпы роста сложились в результате предшествующего падения уровня производства.

Рассматривая линию тренда индекса выпуска базовых отраслей в качестве усредненного показателя развития экономики области, можно отметить, что возобновление экономического роста происходило неравномерно. Положительные темпы прироста сохранялись в период выхода из кризиса в добывающих видах экономической деятельности (при минимальном падении объемов производства в 2008–2009 гг.). Индекс обрабатывающих отраслей в 2011 г., оставаясь положительным, все же снизился относительно своего значения годом ранее, а в 2012 г. имел отрицательную величину. В части предприятий энергокомплекса, напротив, в 2012 г. отмечен резкий прирост показателя, тогда как в 2011 г. он находился на уровне ниже 100 %. Розничная торговля, после отрицательного значения индекса в 2009 г., в дальнейшем демонстрировала уверенную нарастающую

динамику. Наибольшим снижением индексов в 2009–2010 гг. характеризовалась строительная отрасль. В последующем годовом периоде индекс производства по указанному виду деятельности скачкообразно увеличился, а в 2012 г. вновь находился в области отрицательных значений. Сельскохозяйственное производство отличалось стагнацией индексов и практически полным отсутствием прироста с 2009 г. [3–6].

Таким образом, наиболее успешно в посткризисный период восстановились добывающая промышленность и розничная торговля. В целом положительный тренд наблюдается в энергокомплексе. Тенденцией 2012 г. являлось затухание положительного импульса в обрабатывающей промышленности, связанное с корректировкой объемов производства в соответствии с колебаниями рыночной конъюнктуры.

Инвестиционная активность предприятий реального сектора в 2009–2010 гг. оставалась недостаточной. Общий рост инвестиционных вложений в производящих секторах экономики (в целом по крупным и средним предприятиям) зафиксирован лишь в 2011 г. (кроме строительных видов деятельности и сельского хозяйства). В последующем годовом периоде наблюдалось снижение индекса физического объема инвестиций ниже 100 % по добывающим и обрабатывающим видам хозяйственной деятельности, а также в части

Таблица 1. Оборот организаций по видам хозяйственной деятельности и объем предоставленных кредитов [3–6, 11]

Основные виды экономической деятельности	Оборот предприятий (млн р.)			Объем выданных кредитов (млн р.)		
	2008 г.	2012 г.	темп роста (%)	2008 г.	2012 г.	темп роста (%)
Добыча полезных ископаемых (раздел С)	91674,4	160138,4	174,7	3566,2	5505,1	154,4
уд. вес, %	19,8	25,3		5,8	8,7	
Обрабатывающее производство (раздел D)	73273,3	109915,4	150,0	17857,5	14092,5	78,9
уд. вес, %	15,9	17,4		29,2	22,4	
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды (раздел E)	26220,2	41861,4	159,7	2538,1	1154,4	45,5
уд. вес, %	5,7	6,6		4,1	1,8	
Строительство	31831,3	31931,2	100,3	5214,0	7514,1	144,1
уд. вес, %	6,9	5,0		8,5	11,9	
Сельское и лесное хозяйство	13119,7	12012,7	91,6	2460,0	4082,4	166,0
уд. вес, %	2,8	1,9		4,0	6,5	
Оптовая и розничная торговля	137843,4	158086,0	114,7	18314,2	22326,2	121,9
уд. вес, %	29,8	25,0		29,9	35,4	
Транспорт и связь	45629,2	74388,7	163,0	1186,5	3353,7	282,7
уд. вес, %	9,9	11,7		1,9	5,3	
Итого	461873,3	633128,2	137,1	61191,9	63043,7	103,0

предприятий транспорта и связи. Продолжалось снижение объема инвестиционных вложений в строительном производстве. Рост физического объема инвестиций наблюдался в 2012 г. в энергокомплексе, торговле и сельском хозяйстве [7–10].

Выход из кризиса в реальном секторе сопровождался улучшением финансовых результатов деятельности хозяйствующих субъектов. По данным статистики, по всем видам экономической деятельности в 2010–2012 гг. получен положительный финансовый результат, хотя в некоторых секторах в 2012 г. его рост замедлился (добывающая промышленность) или он оказался ниже, чем в 2011 г. (сельское хозяйство).

Одним из основных экономических показателей, отражающих коммерческую деятельность хозяйствующих субъектов в нефинансовом секторе, является оборот организаций, который включает в себя стоимость отгруженных товаров собственного производства, выполненных собственными силами работ, услуг. Величина хозяйственного оборота в реальном секторе характеризует экономический потенциал региона. Рост указанного показателя означает увеличение валового объема производства в стоимостном выражении, что позволяет оценить динамику развития отдельных отраслей экономики области. Распределение объемов предоставленных кредитов по видам хозяйственной деятельности дает возможность определить приоритеты банковского кредитования. В целях сравнительного анализа взяты 2008 и 2012 гг., характеризующие соответственно ситуацию до и после кризиса.

В посткризисный период наиболее успешно развивались добывающая и обрабатывающая промышленность, а также организации энергокомплекса, которые повысили свой удельный вес в хозяйственном обороте в целом по области (табл. 1). Снизился удельный вес торговых организаций (оставаясь при этом наиболее значительным, наря-

ду с добывающей промышленностью). В целом повысилась значимость промышленных видов экономической деятельности (с 41,4 до 49,3 %) при рецессии строительного и сельскохозяйственного производств.

В структуре кредитов нефинансовому сектору как в 2008 г., так и в 2012 г. преобладали обрабатывающее производство и торговля; доля промышленности (в целом по разделам С, D, E) снизилась с 39,1 до 32,9 %, прежде всего, за счет снижения кредитования обрабатывающих отраслей. Следует отметить возросший объем краткосрочных кредитов на завершение расчетов. В целях кредитования расчетных операций хозяйствующим субъектам области за два указанных годовых периода было предоставлено 25121,3 и 54152,0 млн р. соответственно, что составило 29,1 и 46,2 % общего объема выданных кредитов. Удельный вес таких кредитов в структуре ссудной задолженности оставался минимальным (2,5 %).

На основе сопоставления данных, приведенных в табл. 1, получаем показатели участия банковского кредитования в обслуживании хозяйственной деятельности организаций реальной экономики (табл. 2).

Таблица 2. Доля кредитов в хозяйственном обороте (по отдельным видам экономической деятельности)

Виды экономической деятельности	Доля кредитов в хозяйственном обороте (%)	
	2008	2012
Добыча полезных ископаемых	3,9	3,4
Обрабатывающее производство	24,4	12,8
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	9,7	2,8
Строительство	16,4	23,5
Сельское и лесное хозяйство	18,8	34,0
Оптовая и розничная торговля	13,3	14,1
Транспорт и связь	2,6	4,5
Всего	18,7	18,5

Проанализировав рассмотренные нами параметры (индексы производства, хозяйственный оборот организаций и пр.), получаем матрицу эффективности секторов экономики области в посткризисный период 2009–2012 гг. Показатели оценены следующим образом: «+» – при наличии положительных значений индекса и/или темпов роста; «-» – отрицательные (ниже 100 %) индексы и/или темпы роста в 2012 г.

Особую значимость имел последний годовой период, поскольку к 2012 г. были исчерпаны ресурсы более интенсивного посткризисного восстановления: производство вернулось к естественным темпам роста, обусловленным новым макроэкономическим фоном. В табл. 3 отрасли экономики ранжированы по результату свода рассмотренных выше параметров.

Таблица 3. Матрица эффективности развития отдельных секторов экономики Томской области в 2009–2012 гг. [3–6, 7–11]

Показатели	Индекс производства	Финансовые результаты деятельности	Индекс физ. объема инвестиций	Доля в хозяйственном обороте области
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	+	+	+	+
Добыча полезных ископаемых	+	+	-	+
Торговля	+	+	+	-
Обрабатывающее производство	-	+	-	+
Сельское хозяйство	-	-	+	-
Строительство	-	+	-	-

Из анализа динамики развития отраслей следует вывод, что в плане хозяйственной состоятельности наиболее перспективно кредитование добывающей промышленности, энергокомплекса и торговых организаций (динамика роста выше среднего, хорошие финансовые показатели, удовлетворительная инвестиционная активность). В то же время в первых двух случаях мы не наблюдаем заинтересованности в банковских кредитах. По всей видимости, указанные отрасли осуществляют свою производственную деятельность за счет собственных оборотных средств или ресурсов, привлеченных на зарубежных финансовых рынках. В целом следует вывод, что в банковских кредитах наиболее заинтересованы отрасли, испытывающие финансовые трудности и имеющие стагнирующее производство. Так, данные табл. 2 свидетельствуют о том, что за с 2008 г. возростала обеспеченность банковскими кредитами сельского хозяйства и строительства, то есть отраслей с наименьшим потенциалом роста и наиболее тяжело выходящих из кризиса, но в силу своей социальной значимости имеющих определенный административный заказ на свою поддержку.

Структуру банковского кредитования области нельзя назвать направленной на инновационное развитие, учитывая снижающуюся долю обрабатывающего производства (при этом необходимо учитывать фактор существенной дифференциации отдельных отраслей обрабатывающего сектора). Все же основным направлением деятельности банковского сектора остается сегодня краткосрочное кредитование текущей деятельности предприятий, о чем, в частности, свидетельствует рост в общем объеме выдач доли кредитов на завершение расчетов. Следует отметить, что роль банковских кредитов в качестве источников инвестиций в основной капитал, как и в докризисный период, оставалась незначительной. Их удельный вес в общем объеме инвестиций составил по итогам 2008 г. 4,0 %, по итогам 2012 г. – 6,6 %. В 2009 г. этот показатель являлся несколько более высоким (8,4 %), за счет снижения доли собственных источников финансирования. В последующие периоды, в условиях роста финансовых результатов, доля собственных средств предприятий в совокупном объеме инвестиций по сравнению с докризисным уровнем начала возрастать.

При наличии собственных проблем (низкая капитализация, узость ресурсной базы и пр.) выдача долгосрочных инвестиционных кредитов является для банков достаточно сложной задачей. Безусловно, и в Томской области у кредитных организаций действуют программы поддержки и финансирования различных проектов в ключевых отраслях экономики [12]. Но, как показало анкетирование руководителей кредитных организаций, проведенное в 2013 г. журналом «Банки и деловой мир», практики считают, что для стимулирования динамичного развития необходимо осуществление комплексных мер, обеспечивающих необходимое кредитование всех секторов экономики [13. С. 51]. В свою очередь, для кредитных организаций поиск идеального партнера остается не таким простым и однозначным. Процесс привлечения клиентов ограничен как кредитной политикой банка, так и его потенциальными возможностями.

Задача развития предпринимательства в интересах всей российской экономики осознается на государственном уровне, о чем свидетельствует учреждение в 2011 г. «Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов». Для достижения стабильных темпов экономического роста необходима стратегия развития предпринимательства, включающая в себя также вопросы кредитования перспективных инновационных проектов.

К настоящему времени Администрацией области разработана Стратегия развития региона до 2020 г., в которой определены приоритетные для развития отрасли экономики, такие как информационные и биотехнологии, нефтегазовый и атомный сектора, машиностроение, лесопромышленный комплекс и др. В то же время в качестве одного из основных рисков развития определен недо-

статок привлекательных объектов для инвестиций и ограниченный доступ к кредитным ресурсам финансового сектора [14. С. 11]. В качестве комментария следует отметить, что в 2012 г. средняя рентабельность продажи товаров, работ, услуг в регионе примерно соответствовала уровню процентных ставок по кредитам, что повышало вероятность использования в хозяйственной деятельности ресурсов банков. При этом наиболее высокий уровень рентабельности (к выручке от продаж) сохранился по итогам года в добывающих видах хозяйственной деятельности (16,9 %), наименьший – в строительстве (4,7 %).

Для развития своей экономики Томская область имеет ряд конкурентных преимуществ, первыми из которых являются богатые и разнообразные природные ресурсы, прежде всего, запасы нефти и газа, по добыче которых область лидирует в Сибирском федеральном округе. Как видно из приведенных выше данных, добывающая промышленность остается основой экономики области. Второе преимущество – интеллектуальный потенциал, благодаря которому в области функционирует особая экономическая зона технико-внедренческого типа. На сегодняшний день региональными властями ставится задача диверсификации экономики, и одной из «точек роста» определено развитие высокотехнологичных и наукоемких производств. В какой мере в экономическом развитии области будут задействованы потенциальные возможности банковского сектора, покажет время.

Выводы. Как в национальном масштабе, так и на уровне региона банковское кредитование не стало движущей силой развития отечественного производства и экономики. Его структура лишь опосредованно детерминирована структурой экономики области, а динамика не связана с точками экономического роста, которые сегодня находятся в секторе обрабатывающих, прежде всего, машиностроительных производств. Получение основной массы прибыли банковского сектора обеспечивается ростом оборачиваемости активов на фоне сохраняющегося уровня процентных ставок и маржи активно-пассивных операций (некоторые исключения объясняются действием нерыночных факторов).

Актуальным для сегодняшнего дня является изучение причин, сдерживающих процессы инвестиционного кредитования [15. С. 31]. Приведенный анализ показал, что процессы торможения долгосрочного кредитования объясняются и, среди прочих причин, сложившимся в реальном секторе уровнем риска для банков как коммерческих субъектов (например, по данным табл. 3 в обрабатывающем производстве). Условием «перезагрузки» кредитования реального сектора с учетом дифференциации экономического положения отраслей должен стать определенный набор действий, в том числе со стороны государства и самих предприятий [15. С. 33]. Это особенно актуально в контексте повышения значимости банковского инвестиционного кредитования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никулина О.В., Патай О.А. Взаимодействие финансового и реального секторов экономики в условиях индустриализации // *Финансы и кредит*. – 2012. – № 34 (10). – С. 52–60.
2. Руденко А.М. Финансово-кредитное обеспечение промышленной политики в регионе // *Денежно-кредитные отношения в регионе: история, современное состояние и перспективы развития (к 75-летию Алтайского края и Алтайской краевой конторы Госбанка СССР): Матер. межрегиональной научно-практ. конф.* – Барнаул, 2012. – С. 265–274.
3. Социально-экономическое положение Томской области (статистический сборник). – Томск: Томскстат, 2010. – 148 с.
4. Социально-экономическое положение Томской области (статистический сборник). – Томск: Томскстат, 2011. – 164 с.
5. Социально-экономическое положение Томской области (статистический сборник). – Томск: Томскстат, 2012. – 156 с.
6. Социально-экономическое положение Томской области (статистический сборник). – Томск: Томскстат, 2013. – 153 с.
7. Сведения об инвестициях по Томской области (статистический бюллетень). – Томск: Томскстат, 2010. – 84 с.
8. Сведения об инвестициях по Томской области (статистический бюллетень). – Томск: Томскстат, 2011. – 82 с.
9. Сведения об инвестициях по Томской области (статистический бюллетень). – Томск: Томскстат, 2012. – 85 с.
10. Сведения об инвестициях по Томской области (статистический бюллетень). – Томск: Томскстат, 2013. – 86 с.
11. Сводные данные Банка России по форме отчетности 0409302 «Сведения о размещенных и привлеченных средствах». URL: http://www/cbr.ru/статистика/сведения_о_размещенных_и_привлеченных_средствах/размещенные_средства, Томская область/ (дата обращения: 25.02.2013).
12. Новости (Томск). URL: <http://banki.tomsk.ru/> (дата обращения: 15.05.2012).
13. Бизнес из первых рук: анкета БДМ «Женский взгляд на точки роста» // *Банки и деловой мир*. – 2013. – № 3. – С. 22–55.
14. Стратегия развития Томской области до 2020 года. URL: <http://www.investintomsk.com/files/doc/strategy-2020.pdf> (дата обращения: 26.03.2013).
15. Мазурина Т.Ю. Банковское инвестиционное кредитование: современное состояние, проблемы и перспективы развития // *Деньги и кредит*. – 2013. – № 4. – С. 28–34.

Поступила 28.09.2013 г.

TOPICAL ISSUES OF DEVELOPING BANK LOANS IN TOMSK REGION

E.V. Gustap, N.N. Gustap

Tomsk Polytechnic University

The main branch of Central Bank of the Russian Federation in Tomsk region

E-mail: GEW2008@mail.ru

The paper considers the interaction policy of real economy in Tomsk region and banking sector. Based on the analysis of indices of non-financial institute activity (indices of industrial production, investment, financial results, economic turnover) and the bank loan structure the authors have determined the imbalance in supplying some sectors with banking credits. It was shown that banking loan is not of investment nature being intended to provide the enterprise current activity; it is slightly connected with «growth points» of regional economy. When considering the conditions of banking loan as a factor which influences the investment activity it is necessary to take into account the differentiation in economic development of various sectors as well as the real level of risks for banks. Within the economy change over to the innovation-based development the conceptual approaches of the state and the enterprises themselves to the banking loan should be changed as well.

Key words:

Regional economics, economic activities, banking sector, bank loans, supply of banking credit.

REFERENCES

1. Nikulina O.V., Patay O.A. Vzaimodeystvie finansovogo i realnogo sektorov ekonomiki v usloviyakh industrializatsii [Interaction of the financial and real sectors of the economy in terms of industrialization]. *Finansy i kredit*, 2012, no. 34 (10), pp. 52–60.
2. Rudenko A.M. Finansovo-kreditnoe obespechenie promyshlennoy politiki v regione [Industrial policy financial and credit support in the region]. *Denezhno-kreditnye otnosheniya v regione: istoriya, sovremennoe sostoyaniye i perspektivy razvitiya (k 75-letiyu Altayskogo kraya i Altayskoy kraevoy kontory Gosbanka SSSR): Materialy mezhr regionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Monetary relations in the region: history, current state and development prospects]. Barnaul, 2012. pp. 265–274.
3. *Sotsialno-ekonomicheskoe polozhenie Tomskoy oblasti (statisticheskii sbornik)* [Socio-economic situation of the Tomsk region (statistical compilation)]. Tomsk, Tomskstat, 2010. 148 p.
4. *Sotsialno-ekonomicheskoe polozhenie Tomskoy oblasti (statisticheskii sbornik)* [Socio-economic situation of the Tomsk region (statistical compilation)]. Tomsk, Tomskstat, 2011. 164 p.
5. *Sotsialno-ekonomicheskoe polozhenie Tomskoy oblasti (statisticheskii sbornik)* [Socio-economic situation of the Tomsk region (statistical compilation)]. Tomsk, Tomskstat, 2012. – 156 p.
6. *Sotsialno-ekonomicheskoe polozhenie Tomskoy oblasti (statisticheskii sbornik)* [Socio-economic situation of the Tomsk region (statistical compilation)]. Tomsk, Tomskstat, 2013. – 153 p.
7. *Svedeniya ob investitsiyakh po Tomskoy oblasti (statisticheskii byulleten)* [Information on investments in the Tomsk region (statistical bulletin)]. Tomsk, Tomskstat, 2010. 84 p.
8. *Svedeniya ob investitsiyakh po Tomskoy oblasti (statisticheskii byulleten)* [Information on investments in the Tomsk region (statistical bulletin)]. Tomsk, Tomskstat, 2011. 82 p.
9. *Svedeniya ob investitsiyakh po Tomskoy oblasti (statisticheskii byulleten)* [Information on investments in the Tomsk region (statistical bulletin)]. Tomsk, Tomskstat, 2012. 85 p.
10. *Svedeniya ob investitsiyakh po Tomskoy oblasti (statisticheskii byulleten)* [Information on investments in the Tomsk region (statistical bulletin)]. Tomsk, Tomskstat, 2013. 86 p.
11. *Svodnye dannye Banka Rossii po forme otchetnosti 0409302 «Svedeniya o razmeshchennykh i privilechennykh sredstvakh»* [Bank of Russia aggregated data on the reporting form 0409302 «Information on issued and borrowed funds»]. Available at: http://www/cbr.ru/statistika/svedeniya_o_razmeshchennykh_i_privlechennykh_sredstvakh/razmeshchennyye_sredstva_Tomskaya_oblast/ (accessed 25 February 2013).
12. *Novosti (Tomsk)* [News (Tomsk city)]. Available at: <http://banki.tomsk.ru/> (accessed 15 May 2012).
13. Biznes iz pervykh ruk: anketa BDM «Zhenskiy vzglyad na tochki rosta» [Straight from the tin business: BDM profile «Women view at the growth point»]. *Banki i delovoy mir*, 2013, no. 3, pp. 22–55.
14. Strategiya razvitiya Tomskoy oblasti do 2020 goda [Tomsk Oblast Development Strategy until 2020]. Available at: <http://www.investintomsk.com/files/doc/strategy-2020.pdf/> (accessed 26 March 2013).
15. Mazurina T.Yu. Bankovskoe investitsionnoe kreditovanie: sovremennoe sostoyaniye, problemy i perspektivy razvitiya [Bank investment lending: current status, problems and development prospects]. *Dengi i kredit*, 2013, no. 4, pp. 28–34.

УДК 338.12(47+57)

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

В.В. Спицын

Томский политехнический университет
E-mail: spitsin_vv@mail.ru

Проводится оценка реализации стратегии догоняющего развития России. Развита методологический подход, и разработана методика оценки результативности стратегии догоняющего развития как частного случая комплексной оценки эффективности инновационного развития. Предложены пять основных видов результатов реализации стратегии догоняющего развития: экономические, социальные, территориальные (новое пространственное размещение производств), влияние на безопасность, оценка связей наука–инновации–инвестиции–бизнес. По каждому виду результатов определены показатели для оценивания. Проведена практическая апробация методики на примере подраздела ДМ «Производство транспортных средств и оборудования» обрабатывающей промышленности России, у которого признаки реализации стратегии догоняющего развития выражены наиболее ярко. В процессе оценки выявлены как положительные эффекты, так и негативные последствия реализуемой стратегии. Даны рекомендации по решению возникших проблем. Методологию комплексной оценки эффективности целесообразно использовать при формировании стратегий инновационного развития и мониторинге результатов их реализации на уровне страны, регионов и отдельных видов экономической деятельности.

Ключевые слова:

Инновационное развитие России, стратегия догоняющего развития, производство транспортных средств и оборудования, оценка результативности, методология.

В России провозглашен инновационный путь развития экономики. Приняты Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. и Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 г. В 2000-е гг. в стране только формировались инновационные механизмы, и оценивать их эффективность было преждевременно. В настоящее время ситуация меняется. Для исследователей оказывается доступным массив сопоставимой статистической информации за значительный временной интервал (2006–2011 гг.), охватывающий в том числе период кризиса 2008–2010 гг.

Цель настоящей работы заключается в разработке и апробации методологического и методического обеспечения оценки эффективности инновационного развития на уровне России. Практическое применение этого обеспечения может стать важнейшим инструментом совершенствования инновационного менеджмента и обоснования стратегических решений по формированию приоритетов и механизмов инновационного развития.

Обзор и анализ основных стратегий развития выполнен, в частности, в работах В.М. Полтеровича, С.Ю. Глазьева, Б.Н. Кузика [1–3]. Изучение этих работ позволяет выделить два основных стратегических направления инновационного развития России:

1. Стратегия догоняющего развития России на основе модернизации – путем адаптации и имитации зарубежных технологий или через диффузию инноваций, разработанных в зарубежных странах (В.М. Полтерович) [1].
2. Стратегия опережающего развития или технологического рывка – опережающее развитие высокотехнологичных отраслей, в которых

Россия сохраняет лидирующие позиции, преимущественно за счет внутренних ресурсов, научных исследований и инноваций (С.Ю. Глазьев, Б.Н. Кузык [2, 3]).

В рамках настоящей работы будет исследована результативность реализации стратегии догоняющего развития России. Период анализа – 2006–2011 гг. Источником информации для анализа выступают данные федеральной статистики¹ [4].

Структура исследования:

1. Методологические и методические аспекты оценки результативности стратегии догоняющего развития экономики России.
2. Апробация методики оценки результативности стратегии догоняющего развития экономики России.

Методологические и методические аспекты оценки результативности стратегии догоняющего развития экономики России

Методологический подход к оценке эффективности инновационного развития на уровне региона представлен в работе Е.А. Монастырного и др. [5]. Кратко изложим его основные положения.

1. Признается многоаспектность понятия «эффективность».
2. При оценке эффективности как характеристики инновационных систем необходимо использовать комплексный подход, рассматривающий объект с трех позиций:
 - а. Эффективность как результативность.
 - б. Эффективность как соотношение результатов и затрат.
 - в. Эффективность как оптимальность.
3. Определены принципы оценки эффективности инновационного развития региона.

¹ Приводимые в работе показатели взяты из ЕМИСС или рассчитаны автором по данным ЕМИСС [4]

Представляется, что основные положения этого подхода справедливы для решаемой в настоящей работе задачи. В то же время требуется его уточнение и построение методики оценки эффективности с учетом уровня исследования (уровень страны, а не региона) и объекта исследования (стратегия догоняющего развития и формируемые ею результаты).

Уточнения методологического подхода

1. Построение методик оценки эффективности зависит от субъекта оценивания. На уровне страны такими субъектами оценивания выступают: органы федеральной власти, органы региональной власти, кластеры предприятий, научно-образовательный комплекс на уровне страны и региона и т. д.
2. Наличие нескольких уровней или объектов оценивания: результаты развития на уровне разделов С, D, E², результаты развития на уровне подразделов DA, DG, DM и т. д., результаты развития на уровне подразделов и регионов, результаты развития отдельных предприятий.
3. По видам формируемых результатов. Формируемые результаты будут отличаться для стратегии догоняющего развития и стратегии технологического рывка. В качестве основных видов результатов для стратегии догоняющего развития выделим следующие: экономические результаты, социальные результаты, пространственная дифференциация, влияние на экономическую безопасность России, оценка связей: наука–инновации–инвестиции–бизнес.

Методика оценки результативности стратегии догоняющего развития экономики России

1. Определение объекта исследования – подраздела обрабатывающей промышленности, на примере которого будет проведен анализ результативности реализации стратегии догоняющего развития.
Основные требования к объекту исследования:
 - признаки реализации в подразделе стратегии догоняющего развития определяются с помощью показателей: высокая (свыше 20 %) доля предприятий в иностранной и совместной (российской и иностранной) собственности в отгруженной продукции подразделения, опережающий темп роста объемов отгруженной продукции этих предприятий;
 - значимость подразделения в экономике России определяется с помощью показателя: доля подразделения в объеме отгруженной продукции и занятости обрабатывающей промышленности России. Для признания раздела значимым эти доли должны быть более 5 %, тогда опережающее развитие подразделения будет сказываться на показателях обрабатывающей промышленности в целом.

2. Детализированный анализ результатов развития для выбранного подраздела обрабатывающей промышленности. Детализированный анализ проводится на двух уровнях: уровень всей экономики России и уровень ведущих регионов. Виды ожидаемых результатов и соответствующие им показатели оценивания представлены в табл. 1.

Таблица 1. Результаты стратегии догоняющего развития и показатели для их оценки

Вид результатов	Показатели оценивания
Экономические	Объемы отгруженной продукции, объемы экспорта и темпы их роста, качество продукции
Социальные	Численность персонала, средняя заработная плата, фонд оплаты труда и их темпы роста, трудоемкость и зарплатоемкость продукции
Формирование нового пространственного размещения производств	Структура производства в разрезе регионов и форм собственности и ее изменение, новые территории-лидеры
Влияние стратегии догоняющего развития на экономическую безопасность России	Абсолютные показатели, доли и темпы роста объема производства и занятости на предприятиях в иностранной и совместной собственности на уровне России и ведущих регионов
Оценка связей: наука–инновации–инвестиции–бизнес	Численность работников, выполняющих научные исследования и разработки (НИР), внутренние затраты на НИР, объем инновационной продукции, затраты на инновации, объем иностранных инвестиций и темпы роста этих показателей

3. Формирование сводной оценки результативности реализации стратегии догоняющего развития. Проводится свод полученных оценок. Определяются положительные эффекты, возникающие угрозы и негативные последствия в разрезе видов результатов, указанных в табл. 1.

Апробация методики оценки результативности стратегии догоняющего развития экономики России

Определение объекта исследования

Анализ объемов производства в разрезе форм собственности и темпов их роста показывает, что признаки реализации стратегии догоняющего развития присутствуют в подразделах:

- DE – целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность;
- DM – производство транспортных средств и оборудования;
- DJ – металлургическое производство и производство готовых металлических изделий;
- DA – производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака;
- DH – производство резиновых и пластмассовых изделий;

² Используются аббревиатуры разделов и подразделов ОКВЭД – URL: <http://www.mogem.ru/>

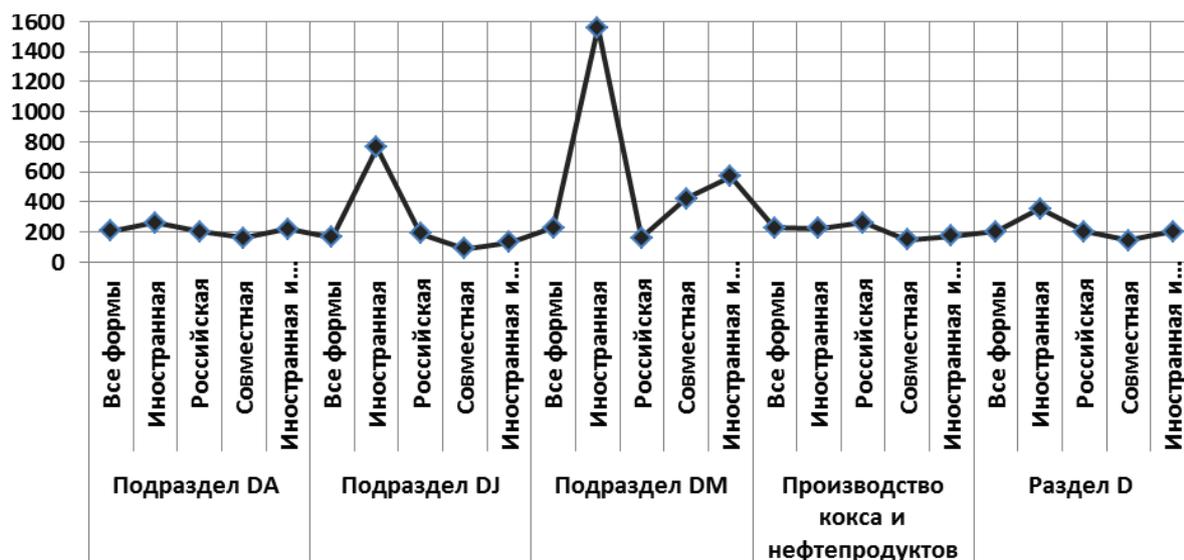

Рис. 1. Темп роста отгруженной продукции по формам собственности за 2006–2011 гг., %

- производство кокса и нефтепродуктов (доступные данные по подразделу DF).

Подразделы DE и DH нельзя отнести к значимым. Их доля в объеме отгруженной продукции обрабатывающей промышленности составляет менее 3 % в 2011 г., поэтому они исключены из дальнейшего анализа.

Из оставшихся подразделов наибольшая доля отгруженной продукции предприятий в иностранной и совместной собственности у подраздела DM – 41 % в 2011 г. В этом же подразделе отмечается самый высокий темп роста объема отгруженной продукции предприятий в иностранной и совместной собственности за период 2006–2011 гг. (рис. 1).

Значимость подраздела DM подтверждается его долей в отгруженной продукции (10 %) и занятости (13 %) обрабатывающей промышленности по данным за 2011 г. Эти данные позволяют выбрать подраздел DM «Производство транспортных средств и оборудования» в качестве объекта исследования для анализа результативности реализации стратегии догоняющего развития.

Детализированный анализ результатов развития подраздела DM «Производство транспортных средств и оборудования»

Экономические результаты

Дополним приведенные выше данные изменением структуры производства подраздела DM на уровне России в разрезе форм собственности (табл. 2) и анализом объемов экспорта (табл. 3).

Развитие подраздела DM идет преимущественно путем адаптации и имитации зарубежных технологий через создание в России предприятий в иностранной и совместной собственности. Наблюдаемое изменение пропорций подчеркивает существенно лучшие качественные характеристики зарубежной продукции.

Основная проблема: несмотря на высокие темпы роста объемов производства предприятий в

иностранной и совместной собственности, не наблюдаются более высокие темпы роста по подразделу DM в целом (рис. 1). Это означает, что новые предприятия и технологии ориентированы на российский рынок и происходит просто передел «фиксированного» объема российского рынка при очень незначительной экспортной ориентации новых производств (что подтверждается данными табл. 3).

Таблица 2. Структура объема отгруженной продукции подраздела DM по формам собственности, %

Формы собственности предприятий	Доля в объеме отгруженной продукции					
	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Российская собственность	84	81	69	72	64	59
Иностранная и совместная собственность, в т. ч.:	16	19	31	28	36	41
иностранная собствен-	2	5	7	6	11	15
ность						
совместная российская и	14	14	24	22	25	26
иностранная собствен-						
ность						
Всего	100	100	100	100	100	100

Таблица 3. Показатели экспорта и импорта автомобилей, шт.

Автомобили	2006		2011	
	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт
Грузовые	51646	63403	13778	108720
Легковые	126421	1051680	67391	1054126

Социальные результаты

Соотношение работников по показателю «среднесписочная численность работников» в 2011 г.: 84 % – на предприятиях российской собственности, 16 % – на предприятиях в иностранной и совместной собственности. Остальные показатели, рассчитанные автором по данным статистики, приведены в табл. 4.

Социальные эффекты (занятость, фонд заработной платы), формируемые предприятиями в иностранной и совместной собственности, оказываются ниже, чем у предприятий в российской собственности. С учетом того, что эти предприятия вытесняют с российского рынка отечественных производителей, в целом по подразделу DM получают негативные социальные результаты. Более высокая оплата труда на предприятиях в иностранной собственности не компенсирует существенное снижение занятости.

Таблица 4. Социальные результаты функционирования предприятий подраздела DM в разрезе форм собственности в 2011 г.

Форма собственности	Средняя зарплата, тыс. р.	Трудоемкость, работников на 1 млрд. продукции	Зарплатоёмкость, %
Российская	24,1	628	18
Иностранная и совместная	26,6	175	6

Формирование нового пространственного размещения производств

Выделим для анализа **7 ведущих регионов, объемы производства которых в 2011 г. превысили 100 млрд р.**, а их доля в объеме отгруженной продукции подраздела DM составила 55 %. Динамика объемов и структуры производства этой группы регионов представлена на рис. 2, 3, табл. 5.

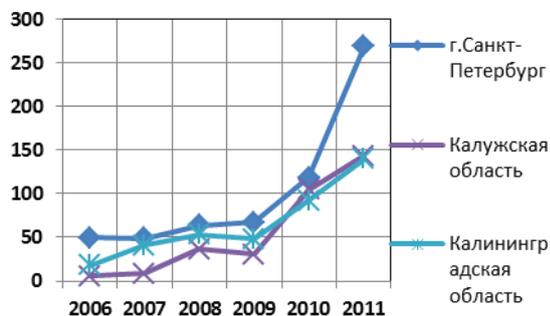

Рис. 2. Объем отгруженной продукции раздела DM по ведущим регионам-лидерам роста, млрд р.

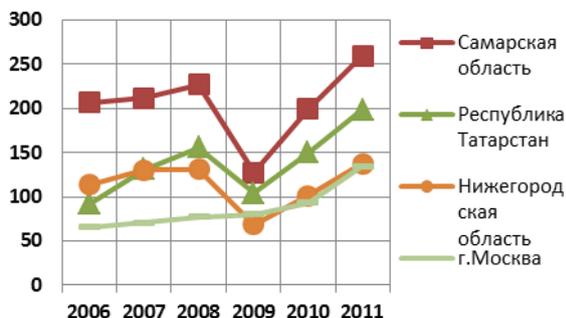

Рис. 3. Объем отгруженной продукции подраздела DM по прочим ведущим регионам, млрд р.

Выводы из представленных данных:

1. Происходит изменение пространственного размещения подраздела DM. Появилось три новых

центра производства: г. Санкт-Петербург, Калужская и Калининградская области, которые существенно нарастили свои объемы производства. Низкий рост и проблемы развития отмечаются в ранее лидировавших регионах (Самарская и Нижегородская области), которые теряют свои позиции.

2. В двух регионах преобладают предприятия в иностранной собственности, в трех регионах – в совместной собственности, и в двух регионах сохраняется преобладание предприятий в российской собственности.
3. Высокий рост объемов производства обеспечивает создание новых предприятий в иностранной собственности (г. Санкт-Петербург, Калужская область). Создание совместных предприятий (Республика Татарстан, Калининградская область) или переход в совместную собственность российских предприятий (ОАО «Автоваз», Самарская область) дают разные результаты (рис. 2, 3).
4. Преобладание предприятий в совместной собственности оставляет у государства больше рычагов для регулирования и обеспечения национальных и региональных интересов, чем в случае преобладания предприятий в иностранной собственности.

Таблица 5. Структура объема отгруженной продукции подраздела DM в разрезе регионов по формам собственности, %

Регионы	Иностранная		Совместная		Иностранная и совместная	
	2006	2011	2006	2011	2006	2011
Санкт-Петербург	2	60	3	14	5	74
Самарская область	0	2	8	75	8	77
Республика Татарстан	0	3	55	62	55	65
Калужская область	0	93	0	0	0	93
Калининградская область	0	0	2	73	2	73
Нижегородская область	3	2	1	7	4	9
Москва	2	0	23	38	25	38
7 ведущих регионов-лидеров по объемам производства DM в России	1	24	15	40	16	64

Влияние стратегии догоняющего развития на экономическую безопасность России

Позитивное влияние: перенос части производства на территорию России и постепенное освоение нашей страной передовых производственных технологий.

Негативные последствия реализации стратегии:

- формирование экономической зависимости России и отдельных регионов от зарубежных компаний, любые «перебои» в работе которых могут привести к росту социальной напряженности;
- наблюдаемые в настоящее время процессы изменения пространственной структуры производ-

ства и проблемы регионов с традиционно российскими производствами – происходит передел российского рынка и вытеснение отечественных производителей. В результате государству предстоит за счет бюджетных средств решать экономические и социальные проблемы регионов, предприятия которых не смогут конкурировать с иностранными сборочными производствами.

Следует ожидать усиления зависимости политических и экономических решений на уровне России от зарубежных инвесторов. В перспективе возможно формирование зарубежных культурных традиций сначала на предприятиях, а затем их постепенный перенос в российское общество.

Оценка связей: наука–инновации–инвестиции–бизнес

Анализ статистических данных по подразделу DM за 2006–2011 гг. приводит к следующим выводам:

1) Разрыв связей «наука–инновации»:

- произошло существенное сокращение численности работников, выполняющих НИР, – с 17 до 10 тыс. работников, или на 41 %, за 2006–2011 гг.;
- практически прекратился прирост внутренних затрат на НИР – прирост затрат в абсолютном выражении составил 12 %, что явно ниже уровня инфляции за этот период.

2) Разрыв связей «инновации–бизнес», неустойчивая динамика показателей:

- сокращение доли инновационной продукции 7 регионов-лидеров с 25 % в 2006 г. до 17 и 21 % в 2008 и в 2011 гг., соответственно;

- сокращение доли затрат на инновации в отгруженной продукции с 3 % в 2006 г. до 1,6 % в 2011 г.;
- неустойчивая динамика показателей: существенное падение показателей Самарской области, прирост у г. Санкт-Петербурга и Нижегородской области.

3) Разные результаты иностранных инвестиций: эффективные инвестиции на развитие производства в г. Санкт-Петербург и в Калужской области и, напротив, значительные по объемам, но не давшие результата инвестиции в предприятия Самарской области.

4) Доступные данные федеральной статистики не обеспечивают адекватного отражения протекающих в экономике России процессов инновационных и инвестиционных преобразований:

- отсутствие затрат на инновации и инновационной продукции у Калужской и Калининградской областей, хотя на их территории созданы новые (для России) производства и осваиваются новые (для России) технологии;
- отсутствие регистрируемых иностранных инвестиций в Калининградскую область на фоне существенного роста доли продукции, выпускаемой предприятиями в иностранной и совместной собственности (табл. 5);
- отсутствие данных в разрезе регионов по показателям: инвестиции в основной капитал, внутренние затраты на НИР, численность работников, выполняющих НИР.

Таблица 6. Результативность реализации стратегии догоняющего развития подраздела DM на уровне России

Вид результатов	Положительные результаты	Возникающие угрозы и негативные последствия
Экономические	Объемы производства предприятий в иностранной и совместной собственности. Изготовление современной качественной продукции	Не фиксируется опережающий рост объема производства по подразделу DM в целом. Подавление российских производителей и перенасыщение российского рынка сбыта. Объемы экспорта в 2011 г. существенно снизились по сравнению с 2006 г.
Социальные	Занятость и фонд оплаты труда предприятий в иностранной и совместной собственности	Трудоемкость и зарплатоемкость на предприятиях в иностранной и совместной собственности оказывается ниже, чем на российских. С учетом вытеснения последних результат может оказаться отрицательным.
Формирование нового пространственного размещения производств	Формирование новых центров производства. Решение проблем отдельных регионов	Переход традиционных регионов с российскими предприятиями в разряд депрессивных. Малое число регионов, потенциально привлекательных для иностранных инвесторов, и опасность усиления территориальных диспропорций.
Влияние на экономическую безопасность России	Перенос части производства на территорию России и постепенное освоение передовых производственных технологий	Формирование зависимости России и ее центральных регионов от политики зарубежных компаний. В перспективе возможно формирование зарубежных культурных традиций сначала на предприятиях, а затем их постепенный перенос в российское общество
Оценка связей: наука–инновации–инвестиции–бизнес	Технологии сборки и менеджмента. Технологии производства компонентов (двигателей и т. д.). Иностранные инвестиции в экономику России	Отсутствие регистрируемой инновационной деятельности у предприятий в иностранной и совместной собственности. Сокращение в подразделу DM численности занятых НИР и внутренних затрат на НИР. Опасность усиления разрыва между наукой, инновациями и производством, поскольку в мировой практике научные разработки традиционно осуществляются на уровне головных компаний

Формирование сводной оценки результативности реализации стратегии догоняющего развития подразделения ДМ «Производство транспортных средств и оборудования» на уровне России

Сформулируем оценку результативности реализации стратегии догоняющего развития подразделения ДМ на уровне России (табл. 6).

Позитивные результаты, негативные последствия и угрозы показывают необходимость активного использования методов государственного регулирования для усиления первых и сглаживания последних. Облегчает ситуацию тот факт, что доля предприятий в иностранной собственности пока невелика, а в отношении предприятий в совместной собственности у государства больше рычагов для регулирования и обеспечения национальных и региональных интересов. Центрами инновационного развития могут стать г. Санкт-Петербург, Самарская и Нижегородская области.

Выводы

1. Развита методологический подход и разработана методика оценки результативности стратегии догоняющего развития как частного случая комплексной оценки эффективности инновационного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полтерович В. Проблема формирования национальной инновационной системы // Экономика и математические методы. – 2009. – № 2. – С. 3–18.
2. Глазьев С.Ю. Об альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики // Российский экономический журнал – 2011. – № 4. – С. 68–85.
3. Кузык Б. Инновационное развитие России: сценарный подход // Экономические стратегии. – 2009. – № 1. – С. 56–67.

2. Проведена практическая апробация методики на примере производства транспортных средств и оборудования. В процессе оценки выявлены как положительные эффекты, так и негативные последствия реализуемой стратегии.
3. Для успешной реализации этой стратегии в подразделе ДМ и преодолении негативных последствий государству необходимо активно применять методы и инструменты регулирующего воздействия на предприятия подразделения ДМ и обеспечить переход к следующим этапам:
 - адаптация и имитация технологий производства компонентов (двигателей и т. д.), восстановление или выстраивание новых межотраслевых связей, в том числе с участием предприятий в российской, иностранной и совместной собственности;
 - экспорт значительных объемов продукции;
 - встраивание научных исследований и инноваций в новые производственные цепочки.

Исследования выполнены в рамках государственного задания «Наука», тема № 6.2158.2011 «Исследование теории адаптации науки и высшего профессионального образования в условиях инновационных преобразований общества».

- URL: http://www.inesnet.ru/magazine/mag_archive/free/2009_01/kuzyk.htm (дата обращения: 10.07.2013).
4. Единая Межведомственная Информационно-Статистическая Система (ЕМИСС). URL: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do> (дата обращения: 10.07.2013).
 5. Монастырный Е., Спицын В., Грик Я. Методологический подход к оценке эффективности инновационного развития региона // Инновации. – 2010. – № 1. – С. 80–86.

Поступила 12.07.2013 г.

UDC 338.12(47+57)

ASSESSMENT OF THE EFFICIENCY OF IMPLEMENTING RUSSIA CATCHING UP DEVELOPMENT STRATEGY

V.V. Spitsin

Tomsk Polytechnic University

E-mail: spitsin_vv@mail.ru

The paper assesses the implementation of Russia catching up development strategy. The methodological approach and the technique of evaluation of the catching up strategy as a special case of a comprehensive evaluation of the innovative development effectiveness were developed. The author has proposed five main types of results of catching up development strategy implementation: economic, social, territorial (spatial distribution of new production facilities) results, the impact on national safety, the assessment of science-innovation-investment-business connections. For each type of results the indicators for evaluation were identified. The technique was tested in practice by the example of DM subsection «Manufacture of transport equipment» of Russian manufacturing industry, which signs of the catching up strategy development are the most pronounced. The assessment revealed both positive effects of implemented strategy and the negative ones. The paper introduces the recommendations on solution of the problems occurred. The methodology of the comprehensive assessment of the effectiveness should be used when designing the innovative strategies and monitoring the results of their implementation at the national, regional and separate industry sectors levels.

Key words:

Innovative development of Russia, catch-up development strategy, transport vehicles and equipment manufacturing, performance assessment, methodology.

REFERENCES

1. Polterovich V. Problema formirovaniya natsionalnoy innovatsionnoy sistemy [The problem of formation of a national innovation system]. *Economics and Mathematical Methods*, 2009, no. 2, pp. 3–18.
2. Glazev S.Yu. Ob alternativnoy sisteme mer gosudarstvennoy politiki modernizatsii i razvitiya otechestvennoy ekonomiki [On an alternative system of measures gosudartsvvennoy policy of modernization and development of the national economy]. *Economic Journal*, 2011, no. 4, pp. 68–85.
3. Kuzyk B. Innovatsionnoe razvitie Rossii: stsenary podkhod [Innovative development of Russia: the scenario approach]. *Time Management*, 2009, no. 1, pp. 56–67. Available at: http://www.inesnet.ru/magazine/mag_archive/free/2009_01/kuzyk.htm (accessed 10 July 2013).
4. *Edinaya Mezhdedomstvennaya Informatsionno-Statisticheskaya Sistema* [Interdepartmental Statistical Information System (EMISS)]. Available at: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do> (accessed 10 July 2013).
5. Monastyrnyi E., Spitsin V., Creek Ya. Metodologicheskiy podkhod k otsenke effektivnosti innovatsionnogo razvitiya regiona [Methodological approach to assessing the effectiveness of the innovative development of the region]. *Innovations*, 2010, no. 1, pp. 80–86.

РЕФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

З.Г. Антонова, В.И. Лившиц

Томский политехнический университет

E-mail: economics@tpu.ru

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в претворении в жизнь идеи инновационного развития и модернизации экономики страны огромную роль играет социально-экономическая модернизация. Рост благосостояния является не только результатом, но и условием экономического роста. На современном этапе глобализации решение всех задач по неоиндустриализации не может происходить без модернизации в социальной сфере: в образовании, культуре, здравоохранении. Все делает человек, и от того, какие условия созданы для него, будет зависеть и то, какой будет наша страна.

Цель работы: изучить основные цели социально-экономической модернизации, выраженные Правительством России в социальной политике, рассмотреть причины утраты Россией своих преимуществ в реализации социальной политики на современном этапе развития, проанализировать федеральный закон о реформировании бюджетной сферы, сделать авторские выводы по теме исследования.

Методы исследования: фактографический метод, основанный на изучении всех опубликованных, зафиксированных фактов, характеризующих состояние экономики России в ключе изучаемой проблемы; мониторинг, заключающийся в выборе каких-либо индикаторов, сборе информации, в формализации полученных результатов, упорядочении, обработке информации, выявлении закономерностей и устойчивых тенденций в рамках исследуемой проблемы; системный подход и анализ.

Результаты: Выдвинута гипотеза о том, что факторы социальной культуры, такие как благосостояние и здоровье, могут являться одними из ресурсов современной неоиндустриализации и ее капиталом. Те знания, которые у человека есть, влияют на его производительность в той сфере, где он трудится, а капитал «здоровье» будет определять время, которое ему понадобится, чтобы обеспечить себя, работая. Социальная политика России в плане накопления такого капитала, как благосостояние и здоровье, не учитывает множество факторов, определяющих качество жизни. Доказано, что реформа бюджетных организаций на современном этапе развития неэффективна, так как остались и преумножились многие проблемы в связи со слабой законодательной базой, несогласованностью с другими законодательными актами. Все больше стала видна истинная цель реформы – стремление государства переложить социальную функцию на плечи местных властей и самого населения. Социальные реформы, проводимые Правительством России, никогда не оправдают ожидания большей части населения, если не будут внесены поправки и изменения в правительственные документы, касающиеся реформирования социальной политики.

Ключевые слова:

Социальная политика, реформа бюджетных организаций, общественные блага, частные блага, социально значимые блага, государственное регулирование экономики, индикаторы качества жизни.

Социальная политика государства является одним из важнейших инструментов регулирования процессов, связанных с жизнью и здоровьем людей, а также их благосостоянием. Социальная политика занимает одно из главных мест в системе внутренней политики любого государства. Главной целью социальной политики является разработка вопросов государственного регулирования всех общественных отношений и процессов в стране.

Главным свойством социальной политики является отражение потребностей и экономических интересов классов и групп людей в области социальных отношений и обеспечение условий их нормальной жизнедеятельности, так как никакое развитие невозможно без человеческого фактора. Человеческий фактор – «это мощный рычаг экономического роста в стране» [1. С. 53].

На сегодняшний день весьма актуальной проблемой является реформирование социальной сферы или, как видится авторам статьи, так называемая социокультурная модернизация, без которой немислим ни экономический рост, ни все начинания в плане технической модернизации. Как отмечает А. Аузен, «...решение модернизационной задачи в каждом случае уникально, обусловлено конкретной ситуацией...не может быть стандартизированным рецептом...» [2. С. 24]. Первое понятие модернизации дал М. Вебер, который опреде-

лял модернизацию как некоторый переход существующего общества к обществу модерн [3]. В середине прошлого столетия С. Липсетом была выдвинута гипотеза социальной модернизации, которая увязывала такие категории, как экономический рост и характер распределения имущества между гражданами [4].

Среди ученых до сих пор идут дискуссии по поводу этой гипотезы, хотя, на наш взгляд, и на современном этапе развития России она вполне справедлива и актуальна. Может ли в стране быть обеспечен экономический рост, если социальная политика несовершенна, если проводимые реформы усиливают социальную напряженность в обществе и на деле идёт «сокращение инвестиций в человеческий капитал здоровье и благосостояние людей?» [5. С. 114]. Гипотеза социальной модернизации должна отражать социальную ориентацию в стране, или так называемую социальную доктрину, на достаточно продолжительный период времени. Соглашаясь с профессором Бобковым, можно отметить, что целью социальной доктрины, или социальной модернизации, «является достижение высококачественной...жизни для каждого конкретного человека, семьи...сохранение гуманистического общества, обеспечивающего базовые социальные гарантии...» [6. С. 67]. В новом варианте долгосрочной стратегии развития России, где правительство учло послед-

ствия кризиса 2008–2009 гг., сказано: «Россия ставит перед собой амбициозные, но достижимые цели долгосрочного развития – обеспечения высокого уровня благосостояния населения, закрепления роли страны как одного из глобальных лидеров... Единственным возможным способом достижения этих целей является переход экономики на инновационную социально ориентированную модель развития» [7. С. 5].

Социальные отношения возникают в процессе общения между людьми в различных общественных группах, между нациями, профессиональными группами, между семьями и внутри семей. Условиями жизнедеятельности людей являются здоровье, материальные блага, духовный мир, а также сфера деятельности, которая даёт всё необходимое для существования и всестороннего развития человека. Таким образом, объектом социальной политики является население данной страны, представляющее собой потребительскую силу общества, являющееся при этом субъектом, как потребностей, так и потребления.

Политика государства осуществляется в различных направлениях в зависимости от того, на достижение каких экономических целей она направлена. Поэтому выделяют политику экономического роста, политику экономической эффективности, политику полной занятости трудоспособного населения, политику стабильного уровня цен, политику экономической обеспеченности, политику справедливого распределения доходов. Все эти направления государственной политики, ставящие и решающие, казалось бы, разные задачи, находятся, однако, в тесной связи между собой [8].

Диалектическая взаимосвязь между социальной и экономической политикой государства имеет очень большое значение для общества и его развития. Эта взаимосвязь проявляется в следующем:

1. Конечным итогом экономической политики является государственное регулирование деятельности трудоспособного населения по созданию материальных и духовных благ. При этом в качестве одного из главных результатов рассматривается благосостояние людей, другой же результат, экономический рост страны, является следствием благосостояния (более подробно о проблемах экономического роста в современных условиях изложено авторами в [9]).
2. Социальная политика связана с влиянием на использование людьми материальных и духовных благ и отношениями между людьми по использованию ими этих благ, то есть, исходя из принципов социальной справедливости, определением условий жизни всех членов общества. Отсюда можно сделать вывод, что все виды политики государства взаимосвязаны и взаимозависимы: если для одной политики это итог, то для другой – это начало действий.

Связь благосостояния общества и экономического роста отмечает также Л. Шипович: «...благо-

состояние находится в прямой зависимости от уровня развития производительных сил и характера экономических отношений. Благосостояние населения находится в сильной зависимости от эффективности социально-экономической политики. Таким образом, благосостояние является критерием экономического роста национальной экономики» [10]. Поэтому, когда правительство планирует экономический рост, необходимо учитывать благосостояние общества на данный момент времени.

В условиях рынка социальная политика государства должна быть направлена на создание предпосылок для того, чтобы удовлетворить основные потребности населения, с одной стороны, и обеспечить, с другой стороны, социальный мир между различными социальными группами людей, классами либо нациями, путём консенсуса. Без реализации данной очень важной стратегической задачи не представляется возможным эффективное функционирование рыночного хозяйства страны. Без этого невозможно предотвратить и сгладить различные социальные конфликты, возникающие в обществе. Эти конфликты представляют социальные риски, которые нашли своё выражение в религиозной нетерпимости, национализме, господстве финансовых олигархов. Сегодня мы видим, как происходит срастание властных и коммерческих интересов бизнеса и представителей власти, в эти интересы совсем не входят интересы народа. «За 20 лет капиталистических реформ уровень жизни снизился не менее чем у 40 % россиян. Обострилось противоречие между трудом и капиталом, между большинством населения и финансовой олигархией» [6. С. 63].

Чтобы социальная политика государства могла быть реализована в какой-либо стране, она должна учитывать некоторые основные принципы, такие как:

1. Обеспечение экономической свободы человека, гражданина наемного труда, интересы которого выражают свободные профсоюзы, представляющие его в системе социального партнерства.
2. Доверие к тому, что спрос и предложение, свободная цена и конкуренция получают утверждение на рынках сбыта.
3. Ответственность государства за обеспечение свободной игры сил рынка, за создание условий для нормальной экономической и социальной жизни в стране.
4. Повышенная нагрузка на наиболее трудоспособных членов общества, чтобы оказать помощь другой, менее трудоспособной, части населения: больным, инвалидам и др.
5. Участие трудовых коллективов и отдельных работников в принятии управленческих решений, в организации деятельности фирмы, а также в государственной и общественной жизни, через укрепление институтов гражданского общества.

На наш взгляд, социальная политика государства должна, *во-первых*, создавать условия для

роста доходов населения в соответствии с трудовым вкладом каждого человека и капиталом, которым он располагает; *во-вторых*, повышать экономическую и социальную ответственность каждого члена общества, предотвратив тем самым социальное иждивенчество; *в-третьих*, иметь надёжные инструменты социальной защиты населения.

Стратегические и тактические цели социальной политики Российской Федерации получила отражение в программах социальных реформ, рассчитанных на период 1996–2000, 2000–2008 гг., а также в Концепции развития Страны до 2020 г. [11].

Фундаментом для реализации экономических целей и мероприятий, направленных на реализацию стратегических планов социальной политики государства, являлись такие показатели, как:

1. Ежегодный рост валового внутреннего продукта и капитальных вложений, увеличение объемов производства и сбыта в важнейших стратегических отраслях экономики.
2. Уменьшение дефицита государственного бюджета.
3. Снижение уровня инфляции.
4. Укрепление позиций рубля на внутреннем и внешнем рынке.
5. Увеличение доли расходов на конечное потребление домашних хозяйств в используемом ВВП.

Намеченных целей социальной политики в соответствии с программой социальных реформ в России предполагалось достичь в несколько этапов.

Первый из них был рассчитан на 1996–1997 гг. Особенности этого периода, прежде всего, отражали ограниченность ресурсных возможностей экономики России. Поэтому главные цели и задачи были достаточно локализованными, ограниченными. Главной целью социальной политики этого периода являлось: сокращение масштабов бедности, недопущение роста безработицы, усиление защиты прав граждан в трудовых и социальных вопросах, стабилизация уровня жизни населения страны.

Второй этап охватывает 1998–2000 гг. Он, по мнению политиков того времени, должен был протекать в лучших экономических условиях для страны, чем предшествующий. На этом этапе намечалось решение таких задач, как повышение заработной платы и пенсии до уровня прожиточного минимума, создание полноценной системы защиты трудовых прав граждан на основе нового Трудового кодекса. Многие ученые расценивают эти этапы социальной политики государства как скачок в рынок, что для страны вылилось в «шоковую терапию». На следующем этапе (2000–2008 гг.) внимание политики государства концентрировалось на удвоении ВВП к уровню, который, к сожалению, в среднесрочной программе Правительства России не отразился с достаточной конкретикой базисного года, хотя кое-где показатели сравнивались с 1990 г. Глобальный финансовый кризис помешал выполнению этих планов. Далее Правительство

принимает новую стратегию: концепцию долгосрочного развития. В «Концепции развития страны до 2020 года» сказано «...в России сформируется общество, основанное на доверии и ответственности, включая доверие населения к государственным и частным экономическим институтам. Значительно снизится социальная поляризация. Это будет достигнуто за счет обеспечения равных возможностей для социальной мобильности талантливых представителей всех слоев общества, реализации социальной политики по поддержке уязвимых слоев населения и проведения политики, направленной на интеграцию мигрантов. Доля среднего класса составит более половины населения, при этом значительную часть среднего класса образуют люди, занятые созданием новой экономики знаний, технологий и обеспечением развития самого человека» [11]. Однако трудно надеяться на то, что эти планы будут реализованы в ближайшей перспективе. Так почему же реформы предыдущих лет не дали стране положительных результатов? Попробуем разобраться с прошлым и связать его с настоящими и будущими вопросами исследования.

Конституционная формула «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» отодвигалась на второй план по политической значимости в ущерб социальной политике и в пользу решения проблем макроэкономической политики.

В официальных правительственных программах России начиная с 2000 г. социальное государство стало трансформироваться от государства, которое заботится о своих гражданах, к государству вспомогательному (резервному), или «субсидиарному». Рассмотрим, в чём состоят отличия одного типа государства от другого. Первое государство обязано было заботиться обо всех членах общества и удовлетворять некоторые потребности людей за счёт собственной казны, казны государства, а второе – заботиться только о субсидиях населению, но не всему населению, а некоторым слоям, которые и выбирает само государство.

Государство еще в пореформенном периоде определило себе некоторую либеральную шкалу заботы о бедных и больных, о людях, не способных зарабатывать на жизнь в новых для них условиях рынка, с его правилами и законами, которые им были неизвестны, так как все они были выходцами из плановой экономики. Такое регулирование являлось тогда главной заботой правительства. А вместе с этим ещё необходимо было бы проявлять заботу о налаживании производства необходимых благ и услуг для населения страны, которые государство предоставляло из бюджетных средств. Вместо этого правительство стало переводить финансовые обязательства с бюджета государства на бюджеты домохозяйств. Таким образом, субсидировались только те обязательства го-

сударства, которые оно считало необходимыми субсидировать. Эта ситуация продолжает воспроизводиться и в настоящее время.

Федеральный закон № 83-ФЗ от 08.05.2010 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» [12] – это своего рода новая социальная реформа, общая концепция которой отражает идею субсидирования в новой политике государства. Причём это идея такой политики государства, которая во многом освобождает его от обязательств социального характера перед населением страны. Этим законом изменяется правовое положение государственных и муниципальных учреждений, которые предоставляли социальные услуги населению. Данный закон окажет огромное влияние на экономическую и финансовую деятельность организаций, представляющих публичный (государственно-муниципальный) сектор социально-экономической системы нашей страны. Согласно этому закону в сферу сектора общественных услуг вводятся существенные нововведения и новации. Эти новации касаются в первую очередь таких отраслей экономики, как образование, здравоохранение, культура, наука. Данная реформа вроде бы направлена на то, чтобы население России могло более доступно и качественно получать общественные услуги. Но тут же встаёт вопрос, какова цена этих услуг, и насколько эффективно данное реформирование в плане социальной политики и гарантий. По мнению нашего правительства, критерием эффективности данной реформы считается достаточный объём качественных общественных благ и их доступность для любого россиянина. Но, на наш взгляд, реальный критерий эффективности будет заключаться в предоставлении некоторого достаточного объёма бесплатных или хотя бы льготных общественных благ населению страны, так как благосостояние – это обеспеченность населения страны или её отдельного гражданина социальными и материальными благами, которые необходимы для их жизни. Принцип В. Парето подтверждает это: «Благосостояние общества достигает максимума и распределение ресурсов становится оптимальным, если любое изменение этого распределения не ухудшает благосостояния хотя бы одного субъекта экономики» [13. С. 672].

Согласно федеральному закону «О реформе сферы сектора общественных услуг» [12], который представляют бюджетные учреждения, вводятся новые и основательные нововведения которые:

1. Расширяют число учредителей организаций сектора общественных услуг. Сюда, кроме обычных ранее государственных и муниципальных органов, могут входить и физические лица, и иностранные коммерческие организации.
2. На основании директивно принимаемых и устанавливаемых институтами власти нормативов финансирования для таких организаций

изменяются сами механизмы обеспечения финансовыми ресурсами.

3. Определены новые типы учреждений сферы общественных услуг – автономные учреждения в образовании, здравоохранении, культуре, деятельность которых финансируется из бюджета в виде субсидий на основе подушевого норматива. При этом финансируется не сама организация, а лишь вполне определённая группа клиентов. В отношении данных учреждений предусмотрена также процедура банкротства.
4. Для автономных учреждений предусмотрено в законе два источника финансирования ресурсов: из бюджета и иной «деятельности, приносящей доходы». В отличие от бюджетных учреждений, эти доходы поступают в автономное учреждение, которое полностью распоряжается ими ради собственных основных целей.
5. Имущество казённых и бюджетных учреждений закреплено за ними на праве оперативного управления.

Согласно этому закону государственные и муниципальные учреждения финансируются не по сметам, а посредством механизма бюджетного субсидирования, для того чтобы выполнить задания государства либо муниципалитета.

Законодательно новая бюджетная реформа даёт возможность выполнять за плату в бюджетных учреждениях сверх задания, предложенного муниципалитетом либо государственным органом власти, некоторые работы либо оказывать услуги, которые представляют основной вид деятельности этого учреждения. Данный источник дополнительных финансовых ресурсов в бюджетных учреждениях имеет в экономической основе характер рыночных отношений, которые регламентируются «сверху», а не рыночной конкуренцией, т. к. определение *платы* за работу сверх задания устанавливается тем органом власти, который осуществляет полномочия учредителя данной бюджетной организации. Поэтому трудно ожидать, что установленные цены будут равновесными и эффективными.

Итак, реформа сектора общественных услуг направлена на то, чтобы повысить их качество и доступность. Это, по мнению реформаторов, будет считаться критерием её эффективности. Но, по нашему мнению, это будет являться лишь тогда критерием качества реформы, когда качественные и доступные услуги и общественные блага будут получаться *бесплатно*, либо на *льготных* условиях, та часть населения страны, которая реально в этом нуждается.

Теперь попытаемся дать оценку механизма обеспечения финансовыми ресурсами организаций общественного сектора национальной экономики, которые подлежат реформированию, и определить, насколько данный механизм соответствует определению общественных благ как социально-экономической категории. На наш взгляд, категории «общественные блага» и «госу-

дарственные и муниципальные услуги» должны быть связаны.

В теории общественного сектора дается определение и классификация общественных благ [14]. Как известно, все экономические блага делятся на *общественные* и *частные*. Общественные блага – это блага, которые являются основным результатом деятельности в общественном секторе экономики, это блага, которые потребляются каждым членом общества на бесплатной основе, т. е. за счет средств государства. Это так называемые чистые общественные блага. Эти блага имеют такие важнейшие характеристики, как несоперничество (неконкурентность) и неисключаемость из потребления. Для общественных благ характерно наличие большого положительного внешнего эффекта. Однако для целого ряда благ указанные свойства (неисключаемость и неконкурентность) могут проявляться лишь частично. Тогда принято говорить о смешанных благах. Смешанные блага могут быть перегружаемыми либо исключаемыми из потребления. Смешанный характер данных благ предполагает и возможность смешанной формы их финансирования [15].

Поскольку отсутствует индивидуальная функция спроса на общественные блага (в силу свойства неконкурентности), в сфере их предоставления невозможно формирование рыночных отношений. При отсутствии рынка очень трудно определить потребность общества в данных благах. Это можно сделать только через политический механизм.

Другой категорией благ и услуг, предоставляемых государством бесплатно, являются некоторые частные блага. Они считаются таковыми, поскольку потребляются *индивидуально* (услуги здравоохранения, образования и др.), но предоставляются государством за счет налогов и страховых платежей [16].

Многие научные работы трактуют такого рода частные блага, которые государством предоставляются какому-либо индивиду, как смешанные общественные блага. Однако здесь скорее речь идет о социально значимых частных благах.

Блага называются социально значимыми, если им свойственен ярко выраженный внешний положительный эффект. Такие блага называют еще благами особого достоинства. К таким благам относят обычно услуги социального обеспечения и социального страхования, здравоохранения, культуры, образования.

Социально значимое содержание – это то, что делает все эти три группы благ схожими между собой и побуждает общество регулировать их потребление.

По нашему мнению, чтобы реформа заработала эффективно, необходимо выделить частные блага в особую группу. Сюда мы бы отнесли лишь денежные трансферты населению, т. е. некоторые нормативно установленные государственные обязательства в денежной форме. Это могут быть какие-то социальные выплаты, денежные пособия, пенсии.

Тогда все эти блага: чистые, смешанные и частные, предоставляемые населению бесплатно, будут представлять совокупный интегральный потенциал общественных благ. Эти блага обеспечиваются налогами и другими доходами бюджета, а также государственными социальными фондами. Этот совокупный интегральный потенциал общественных благ можно представить как целевую функцию трёх аргументов: доступность благ для населения; качество благ, предоставляемых населению; достаточный объём благ, и всё это будет отражать благосостояние общества и каждого человека в отдельности и в то же время способствовать экономическому росту.

В зависимости от этих трёх аргументов целевая функция будет различной, так как величина благ каждого аргумента не является постоянной величиной. Но для нас она будет эффективной тогда, когда будет стремиться к своему наибольшему, максимальному значению.

Если критерием эффективности механизма обеспечения финансовыми ресурсами выбрать максимальное значение общего интегрального показателя бесплатных общественных благ, то этот механизм создаст такие объёмы денежных ресурсов, которые необходимы для достижения максимального значения этого показателя или этой целевой функции с одной стороны. С другой стороны, должен будет происходить устойчивый рост объёма благ за счёт организаций социальной сферы и производства некоторых товаров, на которые есть спрос, на государственных предприятиях, финансируемых из бюджетных средств.

Социальная функция государства и муниципального образования может достичь своего максимального значения только тогда, когда государство проводит соответствующую финансово-бюджетную, социально-экономическую, налоговую политику. Законодательная база тоже должна быть направлена на достижение этой цели.

В соответствии с основной концепцией федерального закона «О реформе бюджетных учреждений» [12] государство имеет право на создание ограничений в предоставлении бесплатных услуг (общественных благ). Приобретение этих благ сверх объёма, определенного государством, для населения будет платным. Тогда все блага чистые, смешанные и частные потеряют свои свойства социальных (бесплатных) благ и будут представлять рыночный товар. Государство же будет являться и производителем продукта, и регулятором, который за счёт бюджетов ограничивает потребление населением страны всяких благ.

Данная реформа имеет общесистемный характер. Она оказывает влияние на все, и, прежде всего, на роль «социального» государства России; реформа затрагивает экономические интересы населения страны, дает толчок изменениям в межбюджетных отношениях в бюджетном процессе.

Таким образом, реформа определила финансовый механизм по предоставлению благ и услуг на-

селению. Но пока еще отсутствует законодательная база. На региональном уровне необходимо ввести в действие большое количество нормативных актов, которые регулировали бы реформирование учреждений образования, здравоохранения, культуры и т. д.

Анализируя правительственную концепцию финансового обеспечения учреждений общественного сектора и формирование нового финансового механизма, можно сделать вывод о том, как будет обеспечиваться деятельность новых бюджетных учреждений:

1. Финансирование новых бюджетных учреждений идет сверху, и идёт только тогда, когда директивно установлены государственные и муниципальные задания, которые являются, по сути, решениями органов государственной и муниципальной власти, а последние выступают и главными распределителями средств бюджета.
2. В бюджетах предусматриваются субсидии каждому учреждению лишь по заданию, утверждённому сверху.

Таким образом, бюджетный процесс полностью зависит от огромного множества директивных заданий по оказанию услуг. При этом должен использоваться механизм конкурсов, тендеров на поставку общественных благ в их фактическом множестве, где заявлено столько позиций, что планировать, прогнозировать и учитывать на уровне директивного органа будет очень трудно или вообще невозможно. Выше уже говорилось о проблемах, связанных с определением реального спроса общества на общественные блага. Поскольку отсутствует рыночный механизм их предоставления, потребность в них определяется субъективно, через политический механизм общественного выбора. А это означает, что бюрократия получает право осуществлять этот выбор от имени общества. Данная реформа эту проблему не решает. Власть бюрократии еще более усиливается.

Новую систему финансирования организаций сектора общественных благ в результате введения Федерального закона № 83-ФЗ можно представить как сложнейшую чиновничье-бюрократическую пирамиду, у которой имеются колоссальные возможности коррупционного характера. Но ведь с этим как раз и борется Правительство России. На наш взгляд, эта пирамида может дестабилизировать общественный сектор экономики, сокращая рост общественных благ. А это, в свою очередь, нанесёт удар и по финансовой системе страны и поставит под удар всю политику как технической, так и социальной модернизации национальной экономики.

Если коснуться такой отрасли, как здравоохранение, то последствия реформы после введения данного закона могут выразиться в реальной опасности: «...государство может столкнуться с проблемой недостатка средств для финансирования ничем не ограниченного спроса, ...если государство

лишится сметного принципа финансирования, потребуются новые инструменты ограниченного спроса» [17. С. 140].

Чтобы исправить стагнирующую составляющую осуществляемой реформы, касающуюся в первую очередь организаций общественного сектора экономики, надо:

1. Объём финансирования бюджетных учреждений осуществлять как по госзаказу, так и по дополнительному сметному финансированию. Это определит прозрачность используемых средств с одной стороны, а с другой – отразит объёмы государственных вложений в человеческий капитал. В настоящее время, в результате реализации реформы, возникли проблемы с финансовым обеспечением бюджетных и автономных учреждений, которые финансируются только в рамках установленного задания через субсидии. При этом возможна корректировка задания, а значит и объёма финансирования. В свою очередь, определение объёма госзадания, а значит и определение спроса на общественные и социально-значимые блага, остается функцией бюрократического аппарата. Единственным выходом для бюджетных учреждений в данной ситуации является наращивание объёмов платных услуг, предоставляемых населению с использованием тех же ресурсов, что и бесплатные. А это противоречит самим принципам социальной политики, и, следовательно, социальной модернизации.
2. Оставить нетронутым старый механизм казенных учреждений по зарабатыванию ими дополнительных средств от деятельности, приносящей доход, сохраняя целевое использование доходов на модернизацию этих учреждений; кроме того, фонд заработной платы обязательно должен пополняться от этой деятельности, учитывая то, что заработная плата в бюджетных организациях достаточно низкая.

Реформа бюджетных учреждений практически уже начала реализовываться после 1 июля 2012 г., окончания так называемого переходного этапа. Однако проблемы, о которых так много говорили в предшествующий период, остались и преумножились в связи со слабой законодательной базой, рассогласованностью с другими законодательными актами. Все больше стала видна истинная цель реформы – стремление государства переложить социальную функцию на плечи местных властей и самого населения. Достаточно сказать, что в составе общих расходов федерального бюджета доля расходов на выполнение функций бюджетными учреждениями в сфере образования в 2012 г. снизилась на 12 % по сравнению с 2010 г., а в сфере здравоохранения – на 8 % [18].

В области здравоохранения, по нашему мнению, сегодня надо решить проблему замены изношенного медицинского оборудования в муниципальных организациях, «повысить степень социальной ориентированности отечественной си-

стемы здравоохранения» [5. С. 131]. Как отметила Д. Кривцова, «согласно расчетам ВОЗ, по справедливости финансовых взносов населения в систему здравоохранения Россия оказалась на 185 месте из 191...» [19. С. 69].

Несмотря на проводимые Правительством России меры по вопросам социальной политики, сегодня мы наблюдаем «массовую абсолютную бедность по доходам, жилищную бедность, избыточное и несправедливое экономическое и социальное неравенство» [6. С. 64].

Несовершенная социальная политика Правительства России также привела к тому, что утрачена управляемость властных структур, а также наблюдается недостаточная организованность гражданского общества, социальное безразличие, апатия к тому, что в стране происходит. «Обратной стороной этого процесса является бесконтрольное всевластие бюрократии и ограничения ею гражданских свобод, сопровождающееся утратой управляемости экономикой и развитием общества» [20].

Каковы же предпосылки кардинальных изменений в социальных процессах, в планах Правительства РФ? Как отмечают С. Дробышевский и С. Синельников-Мурылёв, анализируя материал «Основные направления бюджетной политики на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов» [21], «...расходы на национальную оборону, национальную безопасность...увеличиваются в реальном выражении, а сокращаются в первую очередь статьи, связанные с вложениями в человеческий капитал (здравоохранение, образование), ... расходы на социальную политику остаются практически неизменными» [22. С. 15]. Как нам предста-

вляется, если правительство не пересмотрит данные статьи расходов в сторону их увеличения, вряд ли можно ожидать хороших последствий в обществе после их введения.

В то же время профессор А. Акаев отмечает: «В стратегии «Инновационная Россия-2020» ...декларируется: «Россия ставит перед собой амбициозные, но достижимые цели долгосрочного развития – обеспечение высокого уровня благосостояния населения...Единственным возможным способом достижения этих целей является переход экономики на инновационную социально ориентированную модель развития, ...где ключевыми задачами являются: наращивание человеческого потенциала в сфере науки, образования, технологий и инноваций. Планируется увеличить к 2020 г. расходы на образование до 6,5–7 % ВВП, на здравоохранение – до 6 %»» [23. С. 97–98]. Так что у нас есть надежда, что все это осуществится и Россия станет страной с высокими темпами экономического роста благодаря эффективной технической и социальной модернизации.

Таким образом, была сделана попытка доказательства негативных для России последствий, которые возникнут, если наше государство будет и дальше оставаться субсидиарным. Население ожидает от социальных реформ большего, и эти ожидания – это ожидания, не групп олигархов, у которых есть всё, а ожидания большей части населения, живущих за чертой бедности, у которых индикаторы качества жизни очень низкие. Все социальные реформы просто никогда не оправдают их ожидания, если не будут внесены поправки и изменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Орлов А. Развитие экономики зависит от человеческого фактора // Экономист. – 2012. – № 12. – С. 51–56.
- Аузен А. Социокультурная формула экономической модернизации развития // Вопросы экономики. – 2012. – № 5. – С. 38–44.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Центр гуманитарных исследований, 1990. – 360 с.
- Липсет С. Некоторые социальные предпосылки демократии: Экономическое развитие и политическая легитимность / пер. с англ. // Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории, 1950–1960 гг.: Сб. переводов РАН. ИНИОН. – М., 2012. – С. 35–86.
- Розмаинский И. Почему капитал здоровья накапливается в развитых странах и «проедается» в постсоветской России // Вопросы экономики. – 2011. – № 10. – С. 113–131.
- Бобков В. О социальном измерении нового этапа развития // Экономист. – 2013. – № 5. – С. 61–72.
- Инновационная Россия-2020 / Минэкономразвития 2010. URL: http://www.economy.gov.ru/activity/sections/innovatijns/djc201012031_016 (дата обращения: 22.02.2012).
- Ахинов А., Мыслева И.Н. Экономика общественного сектора. – М.: ИНФРА, 2011. – 330 с.
- Антонова З.Г., Комаревцева Л.В., Лившиц В.И. Проблемы экономического роста в России в современных условиях // Вестник государственного университета. – 2012. – № 1 (17). – С. 5–16.
- Шипович Л. Критерии и показатели роста национальной экономики в развитии экономической системы // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 15 (306). – Вып. 41. – С. 152–157.
- Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. – М.: Проспект, 2009. – 124 с.
- Федеральный закон № 83-ФЗ от 08.05.2010 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений». – М.: Проспект, 2010. – 77 с.
- Иохин В.Я. Экономическая теория. – М.: ЮРАЙТ, 2007. – 861 с.
- Понаморенко Е. Экономика и финансы общественного сектора. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 432 с.
- Лившиц В., Рыжкова М. Экономика общественного сектора. – Томск: Изд-во ТПУ, 2009. – 148 с.
- Аткинсон Э.Б., Стиглиц Д.Е. Лекции по экономической теории государственного сектора / пер. с англ. под ред. Л.Л. Любимова. – М.: Аспект пресс, 1995. – 254 с.
- Чиркунов О. Управление мотивами в здравоохранении // Вопросы экономики. – 2011. – № 10. – С. 132–141.
- Боброва С.Г. Реформа бюджетных учреждений в рамках социально-ориентированной бюджетной политики // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 10. – С. 17–19. URL: <http://www.sisp.ncrus.ru/e-ru/issu-es/2012/10/bobrova.pdf/> (дата обращения: 10.03.2013).

19. Кривцова Д. Проблемы финансирования национальной системы здравоохранения Российской Федерации // Труды междисциплинарного научно-практического семинара «Социально-экономические проблемы здоровья и здравоохранения». – СПб., 2009. – 192 с.
20. Губанов С. Державный прорыв. Неиндустриализация России и вертикальная интеграция. (Серия «Сверхдержава»). – М.: Книжный мир, 2012. – 224 с.
21. «Основные направления бюджетной политики на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов». URL: http://www.minfin.ru/common/img/uploaded/library/2012/12/FZ216-FZ_ot_031212.pdf (дата обращения: 22.05.2012).
22. Дробышевский С., Синельников-Мурылёв С. Макроэкономические предпосылки реализации новой модели роста // Вопросы экономики. – 2012. – № 9. – С. 4–24.
23. Акаев А. О стратегии интегрированной модернизации экономики России до 2025 года // Вопросы экономики. – 2012. – № 4. – С. 97–116.

Поступила 14.03.2013 г.

UDC 338.242.4

REFORMING THE SOCIAL POLICY AT THE PRESENT STAGE OF THE COUNTRY DEVELOPMENT

Z.G. Antonova, V.I. Livshits

Tomsk Polytechnic University
E-mail: economics@tpu.ru

The relevance of the work is determined by a great role of socio-economic modernization in realizing the idea of innovation development and economy modernization. The increase of well-being is not only the result, but also a prerequisite for economic growth. At the present stage of globalization, all challenges of neo-industrialization could not be solved without modernization in social sphere: education, culture, health. A person does everything and the future of our country depends on the conditions that have been created for a person.

The objective of the work is to study the main purposes of socio-economic modernization, expressed by the Russian Government in social policy, to consider the cause of the loss of Russia advantages in the implementation of social policy at the present stage of development, to analyze the Federal law on the reform of the budgetary sphere, to make the author's conclusions on the research topic.

Research methods: factographic method, based on the study of all published, recorded facts, characterizing the state of the Russian economy in the key of the problem being studied; monitoring, which consists in selecting any indicators, collection of information, formalization of the obtained results, ordering, processing information, identifying regularities and sustainable trends in the framework of the research problem; system approach and analysis.

Results: the authors make a hypothesis that factors of social culture, such as welfare and health may be one of the resources of modern neo-industrialization and its capital. The knowledge that the person has affect his performance in the sphere where he works, and capital health will define the time that he need to provide for his life while working. Social policy in Russia in terms of accumulation of such capital as welfare and health does not take into account many factors determining the quality of life. It is proved that the reform of budgetary organizations on the contemporary stage of the development is ineffective, as many problems are still exist and they were even multiplied due to weak legislative base, unbalance with other legislative acts. It is more obvious that the true aim of the reform is the desire of the state to shift social function on the shoulders of local authorities and the population. Social reforms conducted by the Government of Russia never justify the expectations of a greater part of the population, if the government documents relating to the reform of social policy are not amended.

Key words:

Social policy, the reform of budgetary organizations, public goods, private goods, socially significant goods, state regulation of economy, life quality indicators.

REFERENCES

1. Orlov A. Razvitie ekonomiki zavisit ot chelovecheskogo faktora [Economic development depends on the human factor]. *Ekonomist*, 2012, no. 12, pp. 51–56.
2. Auzen A. Sotsiokulturnaya etika ekonomicheskoy modernizatsii razvitiya [Sociocultural development of economic modernization formula]. *Economic issues*, 2012 no. 5, pp. 38–44.
3. Veber M. *Protestanskaya etika i dukh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Moscow, Tsentr Gumanitarnykh Issledovaniy, 1990. 360 p.
4. Lipset C. Nekotorye sotsialnye predposylki demokratii: ekonomicheskoe rezvitie i politicheskaya legitivnost [Some social prerequisites of democracy: Economic development and political legitimacy]. *Kontseptsiya modernizatsii v zarubezhnoy sotsialno-politicheskoy teorii, 1950–1960* [The concept of modernization in the foreign socio-political theory, 1950–1960]. RAS translations. Moscow, 1990. pp. 35–86.
5. Rozmainkiy I. Pochemu kapital zdorovya nakaplivaetsya v razvitykh stranakh i «proedaetsya v postsovetskoj Rossii» [Why is health capital accumulated in the developed countries and «eaten through» in post-Soviet Russia]. *Voprosy ekonomiki*, 2011, no. 10, pp. 113–131.
6. Bobkov V.O. O sotsialnom izmerenii novogo etapa razvitiya [On the social dimension of a new stage of development]. *Ekonomist*, 2013, no. 5, pp. 61–72.
7. Innovatsionnaya Rossiya-2020 [Innovative Russia-2020]. *Minekonomrazvitiya 2010* [Ministry of Economic Development 2010]. Available at: http://www.economy.gov.ru/activity/sections/innovatijns/dje201012031_016 (accessed 22 February 2012).
8. Akhinson A., Myslyaeva I.N. *Ekonomika obshchestvennogo sektora* [Public Economics]. Moscow, INFRA, 2011. 330 p.
9. Antonova Z.G., Komarevtseva L.V., Livshits V.I. Problemy ekonomicheskogo rosta v Rossii v sovremennykh usloviyakh [Problems of economic growth in Russia in contemporary conditions].

- blems of economic growth in Russia in the current conditions]. *Bulletin of the Tomsk State University*, 2012, vol. 17, no. 1, pp. 5–16.
10. Shipovich L. Kriterii i pokazateli rosta natsionalnoy ekonomiki v razvitiy ekonomicheskoy sistemy [Criteria and indicators of national economic growth in the development of the economic system]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2013, vol. 41, no. 15, pp. 152–157.
 11. *Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda* [The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2020]. Moscow, Prospekt, 2008. 124 p.
 12. *Federalnyy zakon № 83-FZ ot 08.05.2010. «O vnesenii izmeneniy v otdelnye zakonodatelnye akty v svyazi s sovershenstvovaniem pravovogo polozheniya gosudarstvennykh (munizipalnykh) uchrezhdeniy»* [Federal law no. 83-FZ of 08.05.2010, «On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with improvement of the legal status of state (municipal) institutions»]. Moscow, Prospekt, 2010. 77 p.
 13. Iokhin V.Ya. *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic theory]. Moscow, Yurayt, 2010. 861 p.
 14. Ponamorenko E. *Ekonomika i finansy obshchestvennogo sektora* [Economics and Finance of public sector]. Moscow, INFRA-M, 2011. 432 p.
 15. Livshits V., Ryzhkova M. *Ekonomika obshchestvennogo sektora* [Public Economics]. Tomsk, Publishing house of TPU, 2009. 148 p.
 16. Atkinson E.B., Stiglits D.E. *Leksii po ekonomicheskoy teorii gosudarstvennogo sektora* [Lectures in economic theory of public sector]. Moscow, Aspekt Press, 1995. 254 p.
 17. Chirkunov O. Upravlenie motivami v zdravookhraneni [Management motifs in health care]. *Questions of Economics*, 2011, no. 10, pp. 132–141.
 18. Bobrova S.G. Reforma byudzhethnykh uchrezhdeniy v ramkakh sotsialno-orientirovannoy byudzhethnoy politiki [Reform of budgetary institutions in the framework of the socially-oriented budget policy]. *Modern researches of social problems*, 2012, no. 10, pp. 17–19. Available at: <http://www.sisp.ncrus.ru/e-ru/issues/2012/10/bobrova.pdf> (accessed 22 March 2012).
 19. Krivtsova D. Problemy finansirovaniya natsionalnoy sistemy zdravookhraneniya Rossiyskoy Federatsii [Problems of financing of the national health system of the Russian Federation]. *Sotsialno-ekonomicheskie problemy zdorovya i zdravookhraneniya: Trudy mezhdistsiplinarnogo nauchno-prakticheskogo seminar* [Proceedings of the international scientific-practical workshop Socio-economic problems in health and health care]. Saint-Petersburg, 2009. 192 p.
 20. Gubanov S. *Derzhavny proryv. Neoliberalizatsiya Rossii i vertikalnaya integratsiya (seriya «Sverkhderzhava»)* [Sovereign breakthrough. Neoliberalization of Russia and vertical integration. (Series «Superpower»)]. Moscow, Knizhny mir, 2012. 224 p.
 21. *Osnovnye napravleniya byudzhethnoy politiki na 2013 god i na planovyy period 2014 i 2015 godov* [«Basic directions of budget policy for the year 2013 and for the planning period 2014 and 2015»]. Available at: http://www.minfin.ru/common/img/uploaded/library/2012/12/FZ216-FZ_ot_031212.pdf/ (accessed 22 May 2012).
 22. Drobyshevskiy S., Sinelnikov-Murylev S. Makroekonomicheskie predposylki realizatsii novoy modeli rosta [Macroeconomic prerequisites for implementation of a new growth model]. *Questions of Economics*, 2012, no. 9, pp. 4–24.
 23. Akaev A. O strategii integririvaniya modernizatsii ekonomiki Rossii do 2025 goda [On the strategy of integrated modernization of the Russian economy before 2025]. *Questions of economy*, 2012, no. 4, pp. 97–116.

УДК 338.242.4

НЕОИНДУСТРИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

З.Г. Антонова, В.И. Лившиц

Томский политехнический университет

E-mail: economics@tpu.ru

Актуальность статьи обусловлена тем, что условием сохранения позиционирования России в современном мире выступает её инновационная составляющая. На сегодняшний день стало очевидным, что сырьевая модель экономического развития экономики России устарела и возникла потребность в другой модели, предпосылки которой уже сложились в нашей стране, – это модель неоиндустриальной экономики.

Цель работы: рассмотреть и оценив сложившуюся ситуацию в экономическом развитии России, выдвинуть некоторую гипотезу о наличии множества факторов, которые оказывают влияние на претворение в жизнь новой модели развития, основанной на модернизации. Рассмотреть действие этих факторов в рамках трансформации динамики развития экономики, сделать авторские выводы по теме исследования.

Методы исследования: фактографический метод, основанный на изучении всех опубликованных, зафиксированных фактов, характеризующих состояние экономики России в ключе изучаемой проблемы; мониторинг, заключающийся в выборе каких-либо индикаторов, сборе информации, в формализации полученных результатов, упорядочении, обработке информации, выявлении закономерностей и устойчивых тенденций в рамках исследуемой проблемы; системный анализ.

Результаты: Сформулировано и проанализировано множество факторов, которые оказывают влияние на претворение в жизнь концепции новой модернизации. Новая модернизация рассмотрена в виде общей комплексной составляющей развития, которая включает экономические, политические и социальные, а также пространственные факторы, трансформирующие динамику развития экономики. Отмеченные в статье подходы к развитию инноваций сегодня получили название единого неоиндустриального подхода к социально-экономическому развитию России. Правительству России необходимо для претворения в жизнь неоиндустриальной модернизации уделять внимание не только высокотехнологическим отраслям национальной экономики, но также и инфраструктуре страны, учитывая специфику регионов в плане ресурсных и пространственных особенностей. Всё это в конечном итоге должно обеспечить социальную и экономическую устойчивость и целостность России, что очень важно в связи с вступлением России в ВТО.

Ключевые слова:

Научно-технический подход, технократический подход, институциональный подход, монетарный подход, социальный подход, инновации, неоиндустриальная модернизация, технологическая платформа, инновационные системы.

На сегодняшний день стало очевидным, что сырьевая модель экономического развития экономики России устарела, и возникла потребность в другой модели, предпосылки которой уже сложились в нашей стране, – это модель неоиндустриальной экономики. В настоящее время существует несколько подходов к формированию неоиндустриальной модели развития экономики России: научно-технический подход, технократический, институциональный, монетарный и социальный [1. С. 18].

Научно-технический подход опирается на потенциал научных исследований и заделов, которые у нас сохранены. Такой потенциал в России есть. Этими резервами можно считать научно-технические заделы, а также высококвалифицированный кадровый корпус ученых, которые остались в стране после массовой эмиграции за годы перехода к рынку. Достаточно сказать, что Россия строит за рубежом 5 атомных энергоблоков, контролирует 40 % мирового рынка услуг по обогащению урана и 20 % по поставкам ядерного топлива [2]. Надо отметить и достаточно прочные и устойчивые позиции страны в микроэлектронике. Компания NT-MDT в Зеленограде, которая занимается производством сканирующих зондовых микроскопов, занимает сегодня 14 % рынка ЕС, 9 % азиатских стран и 35 % рынка Израиля [2. С. 24]. Необходимость же модернизации определяется задачами перехода к новому технологическому укладу, поскольку в России за годы рыночных реформ практически не

обновлялся основной капитал «...в ключевых отраслях промышленности – машиностроении, химии, нефтепереработке – качественные мощности составили лишь 6–12 %» [3]. То есть для России не до конца еще решены задачи перехода к индустриальному укладу, в то время как в экономически развитых странах наблюдается заметное движение к обществу знаний как к более высокому проявлению информационного общества. Наша страна тоже должна не отстать в погоне за новыми технологиями, имея пусть небольшой, но собственный кадровый и научно-технический потенциал.

Технократический подход также опирается на технико-технологическую модернизацию посредством обновления основных средств во всех отраслях национальной экономики. Если рассматривать два эти подхода к формированию новой модели неоиндустриальной экономики, то они связаны между собой, хотя и имеются различия. *Во-первых*, оба они означают переход от более низкого уклада развития производства к более высокому. *Во-вторых*, оба подхода предполагают научно-техническое и технологическое обновление реальных секторов национальной экономики. Главным отличием этого подхода является то, что функция принятия управленческих решений переходит к технократам (высококвалифицированным специалистам с хорошими знаниями производства), а не к финансистам.

Институциональный подход предполагает полный отход от сырьевой экономической модели, ра-

ботающей практически полностью на экспорт, при помощи институциональной модернизации, которая коснётся не только главных отраслей экономики, которые нужно сегодня реанимировать: приборостроение, машиностроение, – но и развивать новые технологические секторы экономики, такие как нанотехнология, биотехнология.

Монетарный подход предполагает главным условием экономического развития снижение темпов инфляции, развитие финансовых институтов, контроль финансовых потоков.

С точки зрения социального подхода экономика страны представляет собой сложную социо-экономическую систему. Поэтому необходимо развитие социальной сферы общества, где человек (социум) рассматривается как важнейший фактор и условие научно-технического прогресса.

Выбирая для страны тот или иной подход к неондустриализации, необходимо учитывать предыдущие концепции экономического развития, отбрасывая рациональные «зёрна» и отбрасывая ненужное, а так же учитывая её специфические особенности: культурные, исторические, пространственные, национальные.

Уже с началом нового тысячелетия, когда 8 лет перехода к рынку (1992–2000 гг.) не дали существенных положительных изменений экономики страны, Правительство РФ приняло концепцию дальнейшего развития, интегрируя все вышеперечисленные подходы к новой модели развития – модели инновационной экономики.

Экономика, основанная на инновациях, создаёт благоприятный климат для предпринимательства, конкуренции, имеет диверсифицированную структуру, которая логически взаимодействует со всеми партнёрскими группами при создании нового инновационного продукта. Инновационная экономика могла бы способствовать не только изменению социальной, экономической структуры, но и системы управления, а также способствовала бы развитию таких секторов, как образование, здравоохранение, что является весьма актуальным для экономики нашей страны.

В России, где преобладала и преобладает сырьевая структура, развитие регионов неодинаково, внедрение идеи инновационной экономики в жизнь было и остаётся проблематичным. В связи с этим возникла необходимость выбора правильного решения проблемы управления инвестиционным развитием, как самой страны, так и ее регионов.

Крупные корпорации, которые являются до сих пор основными точками экономического роста российской экономики, представляют в России режим частных монополий. И при претворении в жизнь инновационной концепции необходимо было учитывать и то, что интересы олигархии не всегда совпадали и совпадают с государственными экономическими интересами. Поэтому идея инновационной экономики существенно трансформировалась. Это объясняется еще и тем, что по сравнению с развитыми странами, у которых и была

позаимствована концепция инновационного развития, наша страна откатилась за годы реформирования в плане инноваций на десятки лет назад.

Сегодня много говорят и пишут о национальных инновационных системах (НИС). Как отмечает Л. Иванова: «Страны, которые смогли обеспечить относительно свободную циркуляцию научно-технической информации, необходимой для наукоемкого типа развития, а также внедрение соответствующего финансового инструмента для того, чтобы грамотно управлять финансовыми ресурсами в инновационных проектах, рассматривались как страны, обладающие развитой инновационной системой (НИС). В качестве НИС выступала совокупность субъектов и институтов, деятельность которых приводит к возникновению, импорту, модификации и распространению новых технологий» [1. С. 20]. По нашему мнению, идею создания собственной НИС реализовать в российской практике пока не удастся, так как воспринимать инновации многие хозяйствующие субъекты просто не хотят в силу того, что инновации – это рискованные вложения капитала, а зачем рисковать, например, компании, добывающей сырую нефть, нефть востребована на рынках сбыта и приносит хорошую прибыль. Хотя научно доказано, что лучше продавать не сырьевые ресурсы, а продукцию наукоемкого производства.

На наш взгляд, чтобы преодолеть техническую и технологическую отсталость, необходимо вкладывать денежные ресурсы в те отрасли экономики, у которых есть на сегодня достаточные рыночные перспективы, как на внутренних рынках сбыта, так и на внешних: современные медицинские, ядерные, космические технологии и т. п.

Как считают некоторые исследователи, «денежный фонд для вложения в основной капитал национальной экономики может и должен создаваться, и он должен быть не менее 25 % от ВВП. Китай сегодня стоит на втором месте по ВВП. Эта страна за короткий срок стала ведущей державой мира. По нашему мнению, именно за счёт высокой нормы накопления капитала среднегодовые темпы роста могут быть достаточно высокими. В России норма накопления капитала в последние годы составляла около 11 %, что и проявилось в незначительном экономическом росте. Основные фонды работающих предприятий не обновлялись, не проводились капитальные ремонты, оборудование было изношено более чем на 75 %, и это физический износ, не говоря о моральном износе основных производственных средств» [4. С. 11].

Все это говорит о том, что в России произошла подмена самого понятия НИС. На западе НИС – это взаимодействие трёх составляющих: науки, государства и бизнеса в целях улучшения развития национальной экономики в конкурентной среде. У нас же НИС стали трактовать как «наукоемкий центр», т. е. положение, когда инициатором выступает наука, а государство создаёт условия для ее развития и внедрения научных достижений. Как нам представляется, само понятие НИС в Рос-

сии было искажено: идея создания НИС исходит от ученых, а государство поддерживает это. На самом деле поддержка со стороны государства была совсем незначительной. А спрос на инновации и проблемы этого спроса отходили на второй план.

Россия внедрила идею НИС посредством создания инновационной инфраструктуры в виде набора институтов развития. К началу 2009 г. функционировали технопарки, инновационные центры, бизнес-инкубаторы. В городах с наукоёмкой структурой, таких как Дубна, Зеленоград, Томск, открылись технико-внедренческие зоны. Но ввиду отсутствия в достаточном количестве движущих сил экономического развития России данная инновационная инфраструктура не обеспечила создания реальной НИС.

В дальнейшем возобладали наукоцентрический, а не комплексный подход к инновационной экономике, что проявилось в развитии некоторых ведущих отраслей национальной экономики и внедрении там различных наукоёмких технологий. При этом в экономический оборот не был включён задел в НИОКР России, не был активизирован спрос на инновации реального сектора экономики России. Ученые предполагали, что преодолеть всё, что нам мешает, мы сможем, вступив в ВТО.

Мировой финансовый кризис ещё раз подтвердил ресурсные ограничения России. И это определило уход от НИС, на смену этому пришел новый термин «инновационный сектор». Проект «Сколково» – это воплощение новой идеи России в плане инновационного развития.

В 2009 г. Правительством России была выдвинута идея модернизации экономики. Модернизация отличалась от инновационного развития тем, что это было неоднозначное и достаточно широкое понятие. В нём практически не прослеживалась социокультурная идея, в отличие от идеи инновационной экономики. Это был проект «сверху». Такие проекты в России осуществлялись в эпоху Петра I и И. Сталина. Как заметил по этому поводу Э. Липкович: «...великие народы имеют перед собой сверхзадачи...» [5. С. 39]. Эти проекты предусматривали создание новых по своему характеру движущих сил и сопровождалась большими издержками для социальной жизни страны. Государство определило приоритеты модернизации экономики: это поддержка ведущих отраслей, у которых прослеживались рыночные перспективы как внутри страны, так и за рубежом. При этом необходимо было разработать механизм согласования экономических интересов различных социогрупп, которые были бы заинтересованы в модернизации экономики. Этим механизмом явилась идея создания технологических платформ, т. е. некоторых коммуникаций, с помощью которых можно было бы согласовывать экономические интересы и бизнеса, и государства, и общества. Правительством РФ было утверждено более двадцати подобных технологических платформ, в которых объединялись и биотехнологии, и ядерные техно-

логии, и энергетика, и космические технологии. Подобные технологические платформы используют свободные государственные финансовые активы для реализации национальных проектов развития экономики страны [6. С. 3]. Процессы модернизации, помимо создания технологических платформ, должны были коснуться и социальных проблем, вот тогда модернизация имела бы комплексный характер.

Правительству России необходимо в плане претворения в жизнь модернизации уделять внимание не только высокотехнологическим отраслям национальной экономики, но также и инфраструктуре страны, учитывая различие регионов в плане ресурсных и пространственных особенностей.

Сырьевой сектор экономики сегодня рассматривается односторонне: добываем нефть, газ и продаём за рубеж. Такую позицию трудно признать правильной. Сегодня этот сектор российской экономики нужно рассматривать как национальный сектор воспроизводства как природной, так и ресурсной среды. Таким образом, этот сектор экономики должен не только заниматься добычей сырья, но и его переработкой. Сырьевой сектор экономики является базой, основой собственного дальнейшего развития. Но государство предпочитает в настоящее время считать, что сырьевой сектор – это источник доходной части бюджета страны. Правительством РФ определены перспективы добывающих отраслей. Эти перспективы направлены на создание механизма максимального извлечения природной ренты, а не на создание качественных перемены в добывающих отраслях. Это, к примеру, планы по увеличению объемов нефти, газа или протяженности магистральных трубопроводов [7].

Основной особенностью рынка сырьевых ресурсов является то, что он определяет спрос на свою конечную продукцию. Очевиден и мультипликативный эффект от рынка сырьевых ресурсов, его тоже надо научиться использовать в рамках развития новых отраслей экономики, использующих новейшие технологии. В отношении развития сырьевого сектора экономики были утверждены такие технологические платформы, как:

- технологическая платформа твёрдых полезных ископаемых;
- глубокая переработка углеводородных ресурсов;
- технология добычи и использования углеводородов;
- добыча и переработка биоресурсов.

Разработка данных технологических платформ, связанных с внедрением новейших ресурсосберегающих технологий в сам процесс производства, является одной из главных составляющих комплексного подхода к неоиндустриальной модернизации.

В таблице отражены количественные и качественные показатели инновационного развития российской экономики, представленные министерством экономического развития Правительства России до 2020 г.

Таблица. Инновационное развитие российской экономики на основе [8]

Основные показатели инновационной деятельности	Годы		
	2007	2010	2020
Доля обрабатывающих производств в промышленном производстве, %	66	69	
Инновационная активность			
Доля инновационной продукции в выпуске промышленности, %	5,6	6,3	–
Общие затраты на исследования и разработки, % ВВП	1,05	1,3	–
Экспорт товаров, млрд долл., в том числе:	235,2	382	606
газа	191,9	219	318
нефтепродуктов	11,8	118	121
машин и оборудования	19,7	28,0	116
транспортных услуг	11,8	17,0	51
Импорт товаров	223,4	418	914
Повышение качества человеческого потенциала			
Среднедушевой доход в месяц, долл.	484	780...800	2000...2100
Реальная заработная плата, %	100	140	321
Реальный размер трудовой пенсии, %	100	142	384
Уровень общей безработицы, %	6,3	4,5	3,0
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	14,4	10,7	5,5...6,0
	2006	2011	2020
Расходы на образование, % ВВП	4,6	5,2	5,5
частные	0,7	0,8	1,0
государственные	3,9	4,4	4,5
Расходы на здравоохранение, % ВВП	3,9	4,8	6,3
частные	0,7	0,9	1,5
государственные	3,2	3,9	4,8

Согласно этим данным видно, что рост доли инновационной продукции в общем выпуске промышленности в 2010 г. незначительный – 0,7 %. Рост общих затрат на исследования и разработки тоже небольшой – 0,25 %. В динамике экспорта товаров инновационная активность в денежных единицах увеличилась в 2010 г. на 162,4 % по сравнению с 2007 г., а к 2020 г. инновационная активность в денежных единицах составит 257,9 %. В структуре экспорта товаров большой рост инновационной активности в экспорте нефтепродуктов: в 10 раз больше в 2010 г. по сравнению с 2007 г. и в 10,25 раза больше к 2020 г. Если говорить об инвестиционной активности основного капитала (машин и оборудования), то она возрастёт в 5,9 раза только к 2020 г. Транспортные услуги сегодня также являются объектом пристального внимания в связи с изношенностью парка не только отечественного транспорта, но и транспорта, приобретённого за границей, что представляет угрозу жизни пассажиров. Об этом говорят различные аварии на пассажирском транспорте и многочисленные человеческие жертвы. Мы приобретаем физически изношенные и морально устаревшие самолёты в странах афри-

канского континента, хотя в СССР было хорошо развито самолётостроение. Поэтому необходимо возродить выпуск отечественных транспортных средств, учитывая то, что и там должна присутствовать инновационная составляющая. Но расходы на транспортные услуги в инновационной составляющей увеличатся на 432,2 % лишь к 2020 г. В 2010 г. их прирост составил 144,1 %.

В инновационном развитии экономики в плане повышения качества человеческого потенциала среднедушевой доход в 2010 г. по сравнению с 2007 г. увеличен на 161,2 %, а к 2020 г. планируется его возрастание, в 4,1–4,4 раза превышающее этот показатель в 2007 г. Реальная заработная плата в 2010 г. составляла 140 % от реальной зарплаты 2007 г. К 2020 г. она вырастет до 321 %, т. е. больше чем в 3 раза. Реальный размер трудовой пенсии растёт примерно одинаково с ростом зарплаты. Уровень безработицы сокращается на 1,8 % в 2010 г., а к 2020 г. уменьшится по сравнению с 2007 г. почти в два раза. Доля населения с доходами, ниже прожиточного уровня, неуклонно снижается. Доля расходов на образование, здравоохранение в инновационной составляющей за счёт государства в динамике неуклонно растёт [9]. Как отмечает академик А. Амосов: «...удельный вес экспорта российских высокотехнологичных товаров в общем мировом объёме экспорта увеличится до 2 % к 2020 году (2007 г. – 0,3 %)» [10. С. 10].

На основании вышеизложенного можно сказать, что государство придает особое значение проблемам развития инновационной сферы, выступало и выступает главным субъектом инновационной деятельности.

Несомненно, государственная активность в области инноваций способна поднять и показать весь экономический потенциал тогда, когда государство выберет в качестве доминирующей промышленную стратегию развития, направленную на обеспечение интенсивного типа экономического роста всех секторов национальной экономики на основе новой индустриализации и проведения инновационно-инвестиционной политики [11. С. 41]. И ещё, общеизвестным является тот факт, что «капитал функционирует ради получения прибыли, а его кругооборот охватывает производство и предметов потребления, и средств производства, то есть элементов как промежуточных переделов, так и конечного производственно-технологического цикла. Тогда, когда господствующее место занимает частный капитал, ему безразлично, откуда извлекать прибыль, из какого передела – низкого или высокого. Но если приоритеты развития определяет государство, то...совсем не безразлично из какого передела производственно-технологического цикла извлекается прибыль: промежуточного или конечного» [11. С. 41–42]. Ответ на данный вопрос резюмировал в экономическом законе вертикальной интеграции С. Губанов [12].

Следует отметить, что достаточно подробно вертикальная интеграция авторами уже рассматривалась в статьях [11, 13]. Хотя проблема вертикальной интеграции весьма популярна в западной экономи-

ческой теории [14–16], данный аспект является весьма оригинальным. Как выяснилось, только при нулевой рентабельности промежуточных переделов производства экономика может достигать максимального конечного эффекта, или агрегированного результата конечного воспроизводства. При этом важным является, то, что С. Губанов указал на прямую связь вертикальной интеграции и неоиндустриализации: «Производительные силы не существуют вне определённых производственных отношений, вне исторически обусловленной формы своей организации... в силу закона соответствия производительных сил и производственных отношений ... без вертикальной индустриализации неоиндустриализация неосуществима...» [12. С. 22]. «Неоиндустриализация – это и создание компьютеризованных производительных сил и ... распределение материальных и социальных благ» [17. С. 33].

Включая в модернизационные планы Правительства все отрасли национальной экономики, можно получить неплохой результат, так как все они имеют достаточный рыночный потенциал не только для внешнего, но и для внутреннего рынка сбыта. Если в инновационно-модернизационном процессе будут задействованы все секторы экономики, то можно будет ожидать мультипликативного эффекта и экономического, и социального, так как широкие массы населения страны будут вовлечены в эти процессы. Но, по мнению некоторых ученых, чтобы это произошло, необходимо повысить долю инвестиций государства в ВВП с нынешних 2,5 до 5 % [18. С. 11]. А. С. Глазьев отмечает, что необходимо быстрое наращивание инвестиций в соответствующие направления развития эко-

номики России [19. С. 3–9], об этом же говорит в своей статье и В. Рязанов [20. С. 8].

Отмеченный в статье подход к развитию инноваций сегодня получил название единого неоиндустриального подхода к социально-экономическому развитию России. Действительно, новая индустриализация предполагает качественное обновление и производительных сил, и производственных отношений, включая экономическую систему, различные стимулы, а также некоторые факторы инноваций [12].

Вертикальная интеграция технологических цепочек производства в совокупности с развитием ведущих отраслей машиностроения, производства микропроцессоров будет способствовать интеграции производительных сил с единой системой общественного производства. Всё это в конечном итоге должно создать социальную и экономическую устойчивость и целостность России, а это немаловажный аспект: Россия вступила в ВТО.

Выводы

В России, где преобладала, да и сейчас преобладает, сырьевая структура, развитие регионов неодинаково, внедрение идеи инновационной экономики в жизнь оказалось проблематичным.

Правительству России необходимо для претворения в жизнь неоиндустриальной модернизации уделять внимание не только высокотехнологическим отраслям национальной экономики, но также и инфраструктуре страны, учитывая специфику регионов в плане ресурсных и пространственных особенностей. Всё это в конечном итоге должно создать социальную и экономическую устойчивость и целостность России, а это очень важно в связи с вступлением России в ВТО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванова Л. К вопросу о стратегии неоиндустриальной модернизации // Экономист. – 2012. – № 2. – С. 18–26.
2. Семенова Е.И. Возможности инновационного типа развития // Экономист. – 2006. – № 3. – С. 24–25.
3. Теняков И.М. К вопросу о природе экономического роста // Экономист. – 2007. – № 11. – С. 28–30.
4. Антонова З. Модернизация экономики как главный фактор экономического роста // Известия ТПУ. – 2011. – Т. 319. – № 6. – С. 10–15.
5. Липкович Э. Модернизация экономики и её моделирование // Экономист. – 2011. – № 6. – С. 39–54.
6. Черный Л. Нужны ли экономике России государственные корпорации // Экономист. – 2011. – № 4. – С. 3–9.
7. Левицкий Л. Заметки с «круглого стола»: Состояние и перспективы разработки нефтяных месторождений // Российская Федерация сегодня. – 2010. – № 11. – С. 22–28.
8. План мероприятий количественных и качественных показателей, установленных на 2008 г. для Министерства экономического развития и торговли РФ // Положение о Министерстве экономического развития и торговли РФ (утверждено Правительством РФ от 5 июня 2008 г. № 438). – М.: Проспект, 2008. – 300 с.
9. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. – М.: Проспект, 2009. – 124 с.
10. Амосов А. О неоиндустриальном сценарии в Концепции развития до 2020 г. // Экономист. – 2011. – № 6. – С. 3–17.
11. Антонова З., Лившиц В. Неоиндустриальная модернизация как фактор интенсивного развития // Экономист. – 2012. – № 11. – С. 38–44.
12. Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. – 2008. – № 9. – С. 3–27.
13. Антонова З.Г., Комаревцева Л.В., Лившиц В.И. Проблемы экономического роста в России в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 1 (17). – С. 5–16.
14. Grossman S.J., Hart O.D. The costs and benefits of ownership: a theory of vertical integration // Journal of Political Economy. – 1986. – V. 94. – № 4. – P. 691–719.
15. Arrow K.J. Vertical Integration and Communications // The Bell Journal of Economics. – 1975. – V. 6. – № 1. – P. 173–183.
16. Science, Technology and Industry Scoreboard Paris, 2011. – OECD. – P. 164–165.
17. Иохин В.Я. Предпосылки инновационного развития // Экономист. – 2011. – № 4. – С. 32–47.
18. Акаев А. О стратегии интегрированной модернизации экономики России до 2025 года // Вопросы экономики. – 2012. – № 4. – С. 97–116.
19. Глазьев С. Какая модернизация нужна России? // Экономист. – 2010. – № 8. – С. 3–9.
20. Рязанов В. От рентной экономики к новой индустриализации России // Экономист. – 2011. – № 8. – С. 3–17.

Поступила 28.02.2013 г.

NEOINDUSTRIAL UPGRADE IN MODERN RUSSIA

Z.G. Antonova, V.I. Livshits

Tomsk Polytechnic University

E-mail: economics@tpu.ru

Relevance of the study is caused by the fact that Russia innovative component is a condition to save its positioning in the modern world. Recently it is obvious that the raw model of economic development of Russia economy is out of date and there is a demand for another model, is a model of neoindustrial economy; its premises have been already developed in our country.

The objective of the study is to make a hypothesis of existing set of factors which impact on implementation of a new development model based on upgrades, having considered and having evaluated the current situation in economic development of Russia; to consider the action of these factors within the transformation of economy development dynamics, to draw the conclusions on a research subject.

Research methods: the factual method based on study of all published, recorded facts, characterizing state of the economy of Russia in the sense of the studied problem; the monitoring consisting in a choice of any indicators, information collection, in formalization of the received results, streamlining, information processing, detection of regularities and steady tendencies within the researched problem; systems analysis.

Results: The set of factors which affects on implementation of the concept of a new upgrade is stated and analyzed. New upgrade is considered in the form of a general complex component of development which includes economic, political and social, and also the spatial factors transforming dynamics of the economy development. The approaches to the development of innovations marked in the paper received the title of a uniform neoindustrial approach to social and economic development of Russia. To implement the industrial upgrade the government of Russia should pay attention not only to high-tech branches of national economy, but also to the country infrastructure, considering specific character of regions in respect of resource and spatial features. All these facts should finally support social and economic stability and integrity of Russia that is very important in connection with Russia accession to the World Trade Organization.

Key words:

Scientific and technical approach, technocratic approach, institutional approach, monetary approach, social approach, innovations, neoindustrial modernization, technological platform, innovative systems.

REFERENCES

- Ivanova L. K voprosu o strategii neoindustrialnoy modernizatsii [On the strategy of neo-industrial modernization]. *Ekonomist*, 2012, no 2, pp. 18–26.
- Semenova E.I. Vozmozhosti innovatsionnogo tipa razvitiya [The possibilities of innovative type of development]. *Ekonomist*, 2006, no 3, pp. 24–25.
- Tenyakov I.M. K voprosu o prirode ekonomicheskogo rosta [On the nature of economic growth]. *Ekonomist*, 2011, no. 3, pp. 39–54.
- Antonova Z. Modernizatsiya ekonomiki kak glavnyy faktor ekonomicheskogo rosta [Modernization of the economy as the main factor of economic growth]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2011, vol. 319, no. 6, pp. 10–15.
- Lipkovich E. Modernizatsiya ekonomiki i ee modelirovanie [Modernization of the economy and its modeling]. *Ekonomist*, 2011, no. 6, pp. 39–54.
- Chernyy L. Nuzhny li ekonomike Rossii gosudarstvennye korporatsii [Does Russian economy need state corporation]. *Ekonomist*, 2011, no. 4, pp. 3–9.
- Levitsiy L. Zametki s «kruglogo stola»: sostoyanie i perspektivy razrabotki nevtanykh mestorozhdeniy [Notes from the «round table»: Status and prospects of the development of oil fields]. *The Russian Federation today*, 2010, no. 11, pp. 22–28.
- Plan meropriyatiy kolichestvennykh i kachestvennykh pokazateley, ustanovlennykh na 2008 god dlya Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya i torgovli (utverzhdeno Pravitelstvom RF ot 05.06.2008, № 438) [Plan of measures of quantitative and qualitative targets set for 2008 for the Ministry of Economic Development and Trade (Regulations of the Ministry of Economic Development and Trade of the Russian Federation (approved by the Government of the Russian Federation dated June 5, 2008 № 438)]. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 300 p.
- Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy federatsii na period do 2020 goda [The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020]. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 124 p.
- Amosov A. O neoindustrialnom stsenerii v Kontseptsii rasvitiya [On the neo-industrial scenario in the concept development up to 2020]. *Ekonomist*, 2011, no. 6, pp. 3–17.
- Antonova Z., Livshits V. Neoindustrialnaya modernizatsiya kak faktor intensivnogo razvitiya [Neo-industrial modernization as a factor of intensive development]. *Ekonomist*, 2012, no. 11, pp. 38–44.
- Gubanov S. Neoindustrializatsiya plyus vertikalnaya integratsiya (o formule razvitiya Rossii) [Neoindustrialization plus vertical integration (on a formula for the development of Russia)]. *Ekonomist*, 2008, no. 9, pp. 3–27.
- Antonova Z.G., Komarevtseva L.V., Livshits V.I. Problemy ekonomicheskogo rosta v Rossii v sovremennykh usloviyakh [Problems of economic growth in Russia in the current conditions]. *Bulletin of the Tomsk State University*, 2012, vol. 17, no. 1, pp. 5–16.
- Grossman S.J., Hart O.D. The costs and benefits of ownership: a theory of vertical integration. *Journal of Political Economy*, 1986, vol. 94, no. 4, pp. 691–719.
- Arrow K.J. Vertical Integration and Communications. *The Bell Journal of Economics*, 1975, vol. 6, no. 1, pp. 173–183.
- Science, Technology and Industry Scoreboard Paris. *OECD*, 2011, pp. 164–165.
- Iokhin V.Ya. Predposylki innovatsionnogo razvitiya [Prerequisites of innovative development]. *Ekonomist*, 2011, no. 4, pp. 32–47.
- Akaev A.O. O strategii integrirovannoy modernizatsii ekonomiki do 2025 [On the strategy of integrated modernization of the Russian economy to 2025]. *Economic issues*, 2012, no. 4, pp. 97–116.
- Glazev S. Kakaya modernizatsiya nuzhna Rossii? [What modernization does Russia need?]. *Ekonomist*, 2010, no. 8, pp. 3–9.
- Ryazanov V. Ot rentnoy ekonomiki k novoy industrializatsii Rossii [From the rental of the economy to the new industrialization of Russia]. *Ekonomist*, 2011, no. 8, pp. 3–17.

УДК 331.5.024.54

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СОСТОЯНИЕ РЫНКА ТРУДА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

С.П. Анофриков

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск
E-mail: anofrikov@rambler.ru

Актуальность темы обусловлена усилением миграционных процессов на постсоветском пространстве. Обозначенное явление приводит к ряду позитивных и негативных последствий, характерных для всех стран. Однако средние данные о рассматриваемом явлении в стране невозможно использовать для разработки эффективной экономической политики на уровне отдельного ее региона, в связи с чем необходимо изучение региональных особенностей данного процесса.

Цель исследования: выявить зависимость состояния рынка труда Новосибирской области от миграционных процессов и сформулировать некоторые рекомендации по устранению их отрицательного воздействия.

Методы: исследование проведено на основе сочетания принципов исторического и логического анализа, кроме того, в работе применялись методы сравнения, корреляционно-регрессионного анализа и другие общепринятые экономико-статистические и аналитические методы.

Результаты: охарактеризованы миграционные процессы в Новосибирской области. Обозначено влияние миграции на состояние рынка труда. Выделены проблемы рынка труда, порождаемые миграцией. Предложены некоторые мероприятия, способствующие улучшению ситуации на рынке труда региона.

Ключевые слова:

Миграция, рынок труда, занятость, политика занятости, экономика региона.

Рыночная экономика, как и любая другая система, не является идеальным построением и ее функционирование связано с рядом проблем. Особо это касается сферы труда, так как эффективное использование трудового потенциала и вновь прибывающих трудовых ресурсов является залогом высоких темпов экономического роста и в целом формирования социально ориентированной рыночной экономики. Однако средние показатели по стране мало пригодны для устранения диспропорций в конкретном регионе. Поэтому для проведения эффективной политики в сфере миграции и занятости видится обоснованным обращение к региональному уровню [1–7].

Как известно, миграция может влиять не только на количественное соотношение между спросом и предложением на рынке труда, но и определенным образом сказываться на качестве рабочей силы.

При анализе влияния миграционных процессов на состояние рынка труда следует различать как отрицательные, так и положительные стороны подобного воздействия. При этом связь между миграцией и состоянием рынка труда характерна не только для формирующейся российской экономики, но и для экономики развитых государств [8–11].

Наиболее часто при подобных исследованиях сталкиваются с проблемами:

- повышения уровня напряженности на рынке труда, в связи с усилением конкуренции со стороны мигрантов за свободные рабочие места;
- снижения уровня доходов населения, что вызвано более низкими претензиями мигрантов к уровню заработной платы;
- экономической безопасности, что обусловлено зависимостью экономики принимающей мигрантов страны от их услуг на рынке труда.

Однако обозначенным проблемам можно противопоставить положительные тенденции, вызываемые миграцией:

- одной из основных демографических проблем как России в целом, так и Новосибирской области в частности, выступает проблема старения населения, которую в некоторой степени можно решить за счет усиления иммиграционных потоков. Данное положение основывается на том, что основную часть иммигрантов составляют люди трудоспособного возраста, положительно влияющие на средний возраст населения области;
- мигранты занимают в основном рабочие места, непривлекательные для местного населения, тем самым обеспечивая бесперебойное функционирование многих предприятий в различных отраслях экономики и способствуя экономическому развитию региона [12];
- в связи с более низкими претензиями к уровню заработной платы мигранты способствуют снижению издержек производства, замедля тем самым инфляцию.

Вопросам миграции всегда уделялось особое внимание. В условиях Советского Союза эти проблемы решались административными методами, к которым можно отнести институт прописки, ограничение прописки в крупных городах, закрепление сотрудников за предприятием, институт распределения молодых специалистов, целенаправленное перемещение трудовых ресурсов для освоения новых территорий и т. п.

В постсоветской России миграция также остается объектом государственного воздействия. Но если в 90-е гг. прошлого века в основном решались проблемы беженцев, вынужденных переселенцев и незаконных мигрантов, то есть просматривалась

социальная направленность миграционной политики, то в начале XXI в. четко прослеживается совершенствование стратегии миграционной политики государства на перспективный период, направленной на улучшение социально-экономического положения в стране, а также на решение демографических проблем, так остро стоящих перед Россией в последнее время [13].

Однако процессы, происходящие в настоящий момент в сфере миграционного обмена, все еще усиливают неравномерность размещения населения по территории страны, тем самым увеличивая разрыв между размещением трудового и природно-ресурсного потенциалов.

По официальным данным в процессе внутренней миграции население страны перераспределяется в пользу Центрального и Северо-Западного федеральных округов, являющихся наиболее привлекательными. Все округа теряют население в западном направлении и получают прирост за счет прибывших с востока.

Такое перераспределение населения не способствует решению ни социально-экономических, ни геополитических задач, стоящих в настоящий момент перед Россией. В связи с этим требуется дальнейшее совершенствование миграционной политики, влияющей в конечном счете на улучшение состояния рынка труда большинства регионов, в том числе и Новосибирской области.

Согласно официальным статистическим данным в 2001–2003 гг. произошло существенное снижение (в два раза) числа прибывших в Новосибирскую область по сравнению с 2000 г., связанное с резким ужесточением порядка приема мигрантов из стран СНГ в Россию (рис. 1).

Так, в 2003 г. миграционная убыль достигла рекордного значения 3233 человек (34 % от показателя 2000 г.). В этом же году была принята концепция регулирования миграционных процессов. После принятия мер по легализации иммигрантов и ряда других мер по совершенствованию законодательства стала наблюдаться тенденция повышения миграционного прироста населения Новосибирской области в 2004–2009 гг. В 2006 г. были приняты меры, направленные на привлечение соотечественников в Россию и упрощение порядка въезда, регистрации и пребывания в стране трудовых мигрантов на законном основании, в связи с чем к 2009 г. миграционный приток достиг 50151 человек, а миграционный прирост составил 13 тысяч человек. В 2010 г. сокращение сальдо миграции произошло в основном за счет снижения потока мигрантов, прибывших из стран СНГ, и увеличения числа выбывших в другие регионы России, в 2011 г. – за счет снижения потока мигрантов, приезжающих в область из других регионов.

В 2006 г. указом Президента РФ была утверждена Государственная программа содействия стимулированию привлечения соотечественников, проживающих за рубежом. Было выбрано 12 «пилотных» регионов, куда на первом этапе реализации начали переселяться соотечественники. В их число наряду с Красноярским, Приморским и Хабаровским краями, Амурской, Иркутской, Калининградской, Калужской, Липецкой, Тамбовской, Тверской и Тюменской вошла и Новосибирская область. Таким образом, государство приняло специальную миграционную программу, направленную на привлечение необходимых категорий мигрантов в страну. Немаловажно, что помимо поли-

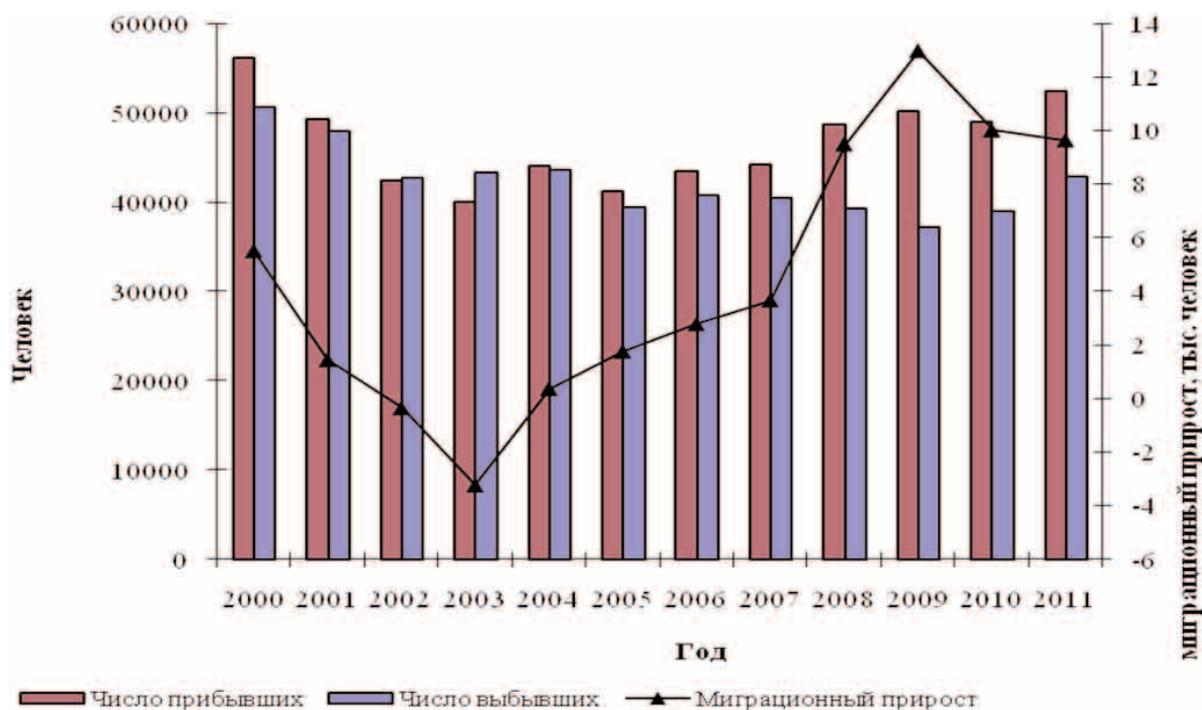

Рис. 1. Динамика миграции населения Новосибирской области за 2000 – 2011 гг. [14]

тического и демографического эффектов названная программа имеет и четко выраженное этическое значение – Россия стала принимать своих соотечественников (большинство из них русские и представители народов России), которые в советское время, после окончания вузов по направлению государства («распределению») ехали на работу в национальные республики, ставшие независимыми государствами. В 2007–2011 гг. в рамках государственной программы в Новосибирскую область переселились около четырех тысяч человек и еще около пяти тысяч находятся на различных стадиях переселения. Основными донорами трудовых мигрантов для нашего региона по данной программе стали Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Украина, Армения, Латвия, Молдова, Таджикистан, Германия, Азербайджан, Туркмения, Грузия и Израиль. Положительным эффектом реализации данной программы можно считать переселение граждан в возрасте до 40 лет, имеющих высшее профессиональное образование. Преимущественно участники программы – мужчины (61,5 %).

Основной поток мигрантов, приезжающих из стран СНГ, составляют мигранты из Казахстана. Их доля составляет 54 % от числа прибывших из стран СНГ. Казахстан является одним из приоритетных направлений внешнеэкономической деятельности правительства Новосибирской области. В связи с этим в 2010 г. Правительством Новосибирской области и Акиматом Восточно-Казахстанской области было подписано Соглашение о торгово-экономическом, социальном, научно-тех-

ническом и культурном сотрудничестве, что позволило увеличить прирост мигрантов из Казахстана на 436 человек (22,3 %).

Динамика эмиграции за последние 10 лет кардинально изменилась (рис. 2).

В 2000–2005 гг. наблюдается существенное превышение числа выбывших в страны дальнего зарубежья над числом выбывших в страны СНГ. Наибольший пик был достигнут в 2001 г., когда число выбывших в страны дальнего зарубежья составило 2531 человек (66,4 % от числа прибывших из других стран). В 2005 г. произошло резкое падение числа эмигрантов. Число выбывших в страны дальнего зарубежья составило 1183 человека, что в два раза ниже показателя 2001 г. Такое падение произошло в результате резкого снижения эмиграции в Германию. С 1990 г. в Германии действовал закон «О приеме переселенцев» до 1 января 2006 г., когда прием контингентных беженцев из стран СНГ в Германию прекратился.

С 2006 г. наблюдается устойчивая тенденция снижения числа эмигрантов. И в 2011 г. число выбывших в зарубежные страны составило 768 человек (20 % от показателя 2000 г.).

Наряду с международной миграцией существенное влияние на регион оказывает внутренняя миграция населения.

В отличие от миграционного прироста иностранной рабочей силы, внутренняя миграция характеризуется миграционной убылью. Как и федеральный округ в целом, Новосибирская область, получая приток населения с востока и севера, стала больше населения отдавать в европейскую часть

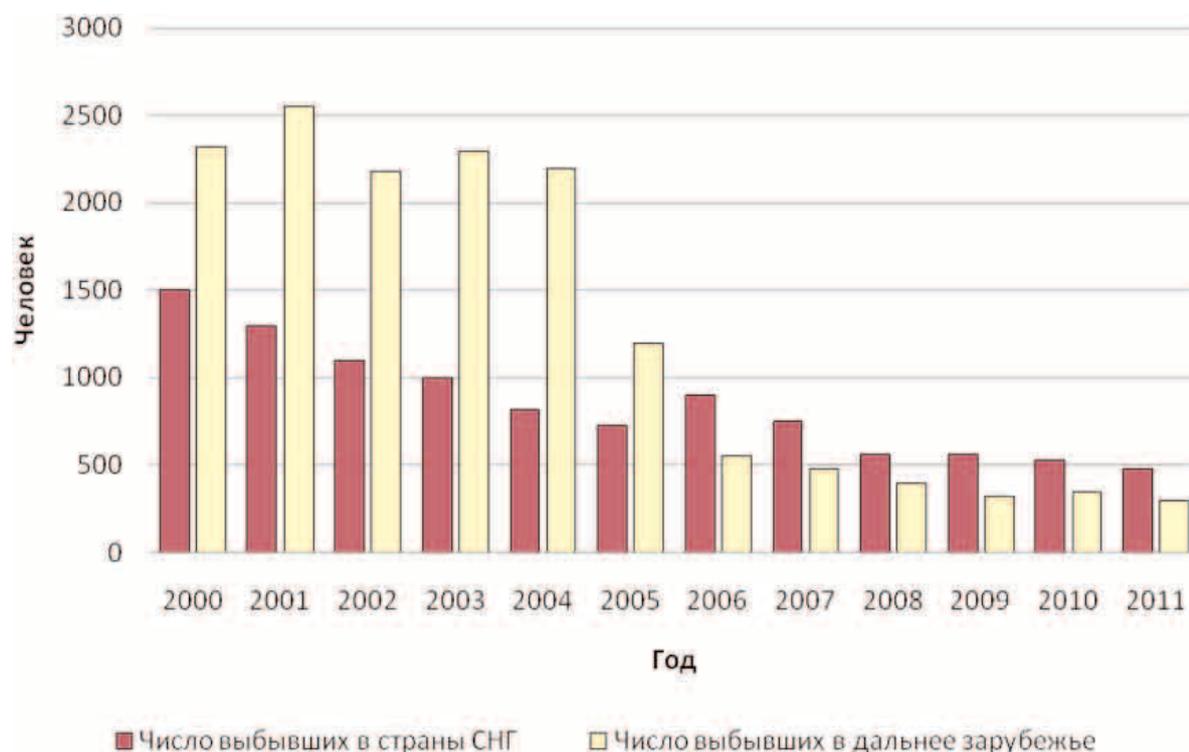

Рис. 2. Эмиграционные потоки из Новосибирской области за 2000–2011 гг. [15–18]

страны, то есть преобладает западный дрейф. Наивысший показатель миграционной убыли был достигнут в 2010 г. и составил 7025 человек, что на 19,7 % выше показателя 2011 г. Однако в перспективе развитие внутренней миграции должно стать альтернативой привлечения иностранных работников.

В настоящее время очень остро стоит проблема не только привлечения мигрантов, но и их профессионализм. Так, в 2011 г. наблюдается высокая доля мигрантов, прибывших в Новосибирскую область из стран СНГ, имеющих начальное образование (86,3 %) [19]. Такая динамика может негативно сказаться на социально-экономическом положении в Новосибирской области. Поэтому срочно должны быть приняты меры миграционной политики по повышению уровня качества мигрантов в Новосибирскую область.

Несомненно, миграция оказывает существенное воздействие на состояние рынка труда как страны в целом, так и региона в частности. А в связи с неразвитостью российского рынка труда и невозможностью его саморегулирования особое внимание нужно уделять роли государства при решении проблем занятости и безработицы.

Как видно по данным, представленным в таблице, в Новосибирской области наблюдается устойчивый темп роста уровня занятости с 2001 по 2011 гг.

На начало 2008 г. этот показатель составлял 63,3 %, что на 9 % выше показателя 2001 г. Отклонения показателей наблюдаются в 2009 г. в связи с влиянием острой фазы мирового финансово-экономического кризиса. Но уже в 2011 г. уровень занятости в Новосибирской области достиг отметки в 65,2 %.

Рассматриваемые показатели свидетельствуют о том, что уровень миграционного прироста и уровень занятости изменяются однонаправлено. Положительная динамика миграционного прироста влечет за собой увеличение уровня занятости, что также положительно сказывается на состоянии рынка труда Новосибирской области.

Однако на протяжении рассматриваемого периода наблюдаются колебания миграционного прироста и уровня занятости населения Новосибирской области. Резкое расхождение данных показателей в 2001–2003 гг. объясняется проводимой политикой Новосибирской области. В данный период был принят ряд мер, направленных на ужесточение порядка приема мигрантов из стран СНГ, в результате чего уровень миграционного прироста значительно сократился.

В 2001 г. была разработана программа содействия занятости населения Новосибирской обла-

сти. В качестве приоритетного направления реализации государственной политики занятости на территории Новосибирской области определено создание новых экономически эффективных рабочих мест, в связи с чем уровень занятости населения существенно повысился.

В 2003 г. была принята Концепция регулирования миграционных процессов. В результате были отменены некоторые ограничения миграционной политики и выбраны приоритетные направления по привлечению трудовых мигрантов в Новосибирскую область.

Также важно отметить, что на состояние рынка труда влияют не только миграционные процессы, но и многие другие факторы, одним из которых выступает процесс старения населения.

Однако, несмотря на то, что миграция оказывает положительное влияние на состояние рынка труда Новосибирской области, а следовательно, и на экономическое положение региона, на сегодняшний день существует ряд проблем, связанных с данным явлением:

- количественный и качественный состав мигрантов не в полной мере соответствует потребностям экономического развития региона. Высокий удельный вес мигрантов с низким уровнем образования и квалификации можно объяснить тем, что в случае отсутствия свободных рабочих мест в легальном секторе экономики данные лица не исключают возможность занятости в теневом секторе. Этого нельзя сказать о высококвалифицированных специалистах, для которых предпочтительнее легальная занятость у себя на родине, чем нелегальная в другой стране, даже при более высоком уровне оплаты;
- наблюдается затягивание формирования и практической реализации подходов к привлечению мигрантов с востребованными в регионе профессионально-квалификационными, образовательными, экономическими, демографическими, социокультурными и прочими качествами, способных быстро адаптироваться к российским условиям;
- недостаточно используется миграционный потенциал, заложенный в системе образования. На международном уровне переезд для получения образования, а также академическая мобильность студентов, преподавателей и ученых считается эффективным источником квалифицированных работников, являющихся также наиболее подготовленными к интеграции в принимающую общественную среду;
- миграционная политика, носящая до сих пор преимущественно ограничительный характер, а также неразвитость инфраструктуры в сфере

Таблица. Уровень миграционного прироста и уровень занятости населения Новосибирской области в 2000–2011 гг.

Показатель / Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Уровень миграционного прироста, ‰	1,09	0,30	-0,08	-0,75	0,09	0,45	0,68	0,91	2,42	3,48	2,56	2,25
Уровень занятости населения, %	57,1	54,4	56,9	57,0	57,6	60,1	60,2	61,0	63,3	60,7	65,0	65,2

миграции провоцируют массовость незаконной миграции, являющейся одним из основных источников рабочей силы для теневого сектора экономики, что в конечном счете приводит к макроэкономической нестабильности [20]. Кроме того, результатом незаконной миграции выступает усиление антимигрантских настроений среди коренного населения России, определенную роль при сглаживании которых должны выполнять СМИ [21–23].

По результатам проведенного анализа для улучшения ситуации на рынке труда Новосибирской области можно рекомендовать упростить процедуру получения гражданства для необходимых России категорий мигрантов; снизить ставку налога на доходы физических лиц для трудовых мигрантов – иностранных граждан – с 30 до 13 %, что не только легализует существенную часть теневого рынка труда, но также позволит вывести из «тени» значительные финансовые средства; утвердить квоту на право привлечения иностран-

ных работников закрепить за конкретным работодателем, обосновавшим необходимость привлечения иностранных работников перед сторонней комиссией, а также упростить процедуру обоснования необходимости привлечения иностранной рабочей силы работодателем.

Результатом реализации подобных мер может стать рост численности трудоспособного населения, снижение нелегальной миграции, привлечение высококвалифицированных специалистов, необходимых экономике области.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках реализации государственного контракта № 12.741.11.0170 на выполнение работ для государственных нужд («Открытый конкурс на право заключения государственных контрактов на выполнение работ по организационно-техническому обеспечению проведения всероссийских и международных молодежных конференций в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анофриков С.П. Особенности государственного регулирования регионального рынка труда // Государственное регулирование экономики. Региональный аспект: матер. VII Междунар. научно-практ. конф.: в 2 т. Т. II. – Нижний Новгород: ННГУ, 2009. – С. 10–12.
2. Горбуля Л.А. Трудовая миграция на Дальний Восток России: проблемы и перспектива // Вестн. Тихоокеан. гос. ун-та. – 2009. – № 2. – С. 257–262.
3. Горбенкова Е.В. Привлечение иностранной рабочей силы на Дальний Восток России: подходы к проблеме и предпосылки развития // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 285–288.
4. Дибирдеев В.И. Управление миграционными процессами региона. – Чита: Забайкал. гос. гуманитар.-пед. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2008. – 71 с.
5. Жвирблис Ю.А. Экономические последствия международной миграции рабочей силы в Республике Хакасия // ЭКО. – 2009. – № 10. – С. 104–110.
6. Калихман Т.П. Прошлое и настоящее китайской миграции в Сибири // Известия РАН: Сер. Географ. – 2010. – № 2. – С. 135–138.
7. Неверова Г.П. Тенденции процесса миграции в регионе с учетом возрастной структуры населения // Региональные проблемы. – 2010. – Т. 13. – № 2. – С. 117–121.
8. Reed H., Latorre M. The Economic Impacts of Migration on the UK Labour Market. URL: <http://www.newunionism.net/library/internationalism/IPPR%20-%20Economic%20Impacts%20of%20Migration%20on%20the%20UK%20Labour%20Market%20-%202009.pdf> (дата обращения: 10.08.2012).
9. Dustmann C., Frattini T. Can a Framework for the Economic Cost-benefit Analysis of Various Immigration Policies be Developed to Inform Decision-making and, if so, What Data are Required? URL: <http://www.ukba.homeoffice.gov.uk/sitecontent/documents/aboutus/workingwithus/mac/dustmann-and-frattini/report.pdf?view=Binary> (дата обращения: 10.08.2012).
10. Giovanni P. Immigrants, Complementarities and Native Wages: Evidence from California. URL: http://www.sudaneseconomist.org/print/Giovanni_Perri_1.pdf (дата обращения: 10.08.2012).
11. Immigration and Labour Supply. URL: <http://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2007/sep/pdf/bu-0907-2.pdf> (дата обращения: 10.08.2012).
12. Дукарт С.А., Слета Е.В. Проблемы оценки трансформации рынка труда в условиях модернизации экономики // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316. – № 6. – С. 8–12.
13. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации // Федеральная миграционная служба. 2011. URL: <http://www.fms.gov.ru/law/865/details/49505/> (дата обращения: 25.08.2012).
14. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. URL: <http://novosibstat.gks.ru> (дата обращения: 20.08.2012).
15. Миграция населения Новосибирской области в 2007 году: стат. сборник / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Новосиб. обл. – Новосибирск, 2008. – 100 с.
16. Миграция населения Новосибирской области в 2008 году: стат. сборник / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Новосиб. обл. – Новосибирск, 2009. – 68 с.
17. Миграция населения Новосибирской области в 2009 году: стат. сборник / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Новосиб. обл. – Новосибирск, 2011. – 71 с.
18. Миграция населения Новосибирской области в 2011 году: стат. сборник / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Новосиб. обл. – Новосибирск, 2012. – 85 с.
19. Численность, состав и движение населения Новосибирской области в 2011 году: стат. сборник / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Новосиб. обл. – Новосибирск, 2012. – 63 с.
20. Шмаков А.В. Общее макроэкономическое равновесие на легальном и параллельном рынках труда // Экономическая наука современной России. – 2007. – № 2. – С. 34.
21. Сараева О.В. Миграция в дискурсах российской массовой коммуникации // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – № 3. – С. 193–196.
22. Сараева О.В. Конструирование образов миграции на региональном и федеральном уровнях // Вестник ТОГУ. – 2012. – № 3. – С. 267–276.
23. Стратегия-2020: новая модель роста, новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. // ИНТЕЛПРОС. 2012. URL: <http://www.intelros.ru/pdf/strategy2020-2012-litog.pdf> (дата обращения: 25.08.2012).

Поступила 13.12.2012 г.

THE INFLUENCE OF MIGRATION PROCESSES ON THE CONDITION OF LABOR MARKET IN NOVOSIBIRSK REGION

S.P. Anofrikov

Siberian State University of Telecommunications and Information, Novosibirsk

E-mail: anofrikov@rambler.ru

The topic of the study is important due to increase of migration processes in post-Soviet area. This phenomenon leads to a number of positive and negative consequences typical for all countries. However the average data of the considered phenomenon is impossible to be used for the development of the effective economic policy at the level of a particular region. That is why it is necessary to investigate regional features of the process.

The purpose of the investigation is to find out the dependence of the labor market condition in Novosibirsk region on the migration processes and to form some recommendations on their negative influence elimination.

Methods: The investigation was based on the combination of principles of historical and logical analysis, moreover the author has used the methods of comparison, correlation and regression analysis and other common economic, static and analytic methods.

Results: The migration processes of Novosibirsk region were characterized. The influence of migration on the labor market was marked. The author has marked as well the problems of the labor market, caused by migration. Some measures to improve the situation on the labor market were proposed.

Key words:

Migration, labor market, employment, employment policy, regional economy.

REFERENCES

- Anofrikov S.P. Osobennosti gosudarstvennogo regulirovaniya regionalnogo rynka truda [The properties of state regulation of regional labor market]. *Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki. Regionalnyy aspekt: Materialy VII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii* [State management of the economy. Regional aspect: Materials of the seventh international scientific conference]. Nizhny Novgorod, 2009, pp. 10–12.
- Gorbulya L.A. Trudovaya migratsiya na Dalniy Vostok Rossii: problemy i perspektiva [Labor Migration to the Far East of Russia: problems and perspective]. *Vestnik Tihookean. gos. universiteta*, 2009, no. 2, pp. 257–262.
- Gorbenkova E.V. Privlechenie inostrannoy rabochey sily na Dalniy Vostok Rossii: podkhody k probleme i predposylki razvitiya [Hiring foreign labor to the Far East of Russia: approaches to the problem and prerequisites for the development]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*, 2012, no. 1, pp. 285–288.
- Dibirdeev V.I. *Upravlenie migratsionnymi protsessami regiona* [Management of migration in the region]. Chita, Trans-Baikal N.G. Chernyshevsky Humanities University, 2008. 71 p.
- Zhvirblis Yu.A. Ekonomicheskie posledstviya mezhdunarodnoy migratsii rabochey sily v Respublike Khakassia [The economic impact of international migration of labour in The Republic of Khakassia]. *EKO*, 2009, no. 10, pp. 104–110.
- Kalikhman T.P. Proshloe i nastoyashchee kitayskoy migratsii v Sibiri [The past and the present of Chinese migration to Siberia]. *Izvestiya RAN: ser. Geografiya*, 2010, no. 2, pp. 135–138.
- Neverova G.P. Tendentsii protsessa migratsii v regione s uchetchom voznrastnoy struktury naseleniya [Trends in migration in the region taking into account the age structure of the population]. *Regionalnye problemy*, 2010, vol. 13, no. 2, pp. 117–121.
- Reed H., Latorre M. The Economic Impacts of Migration on the UK Labour Market. Available at: <http://www.newunionism.net/library/internationalism/IPPR%20-%20Economic%20Impacts%20of%20Migration%20on%20the%20UK%20Labour%20Market%202009.pdf> (accessed 10 August 2012).
- Dustmann C., Frattini T. Can a Framework for the Economic Cost-benefit Analysis of Various Immigration Policies be Developed to Inform Decision-making and, if so, What Data are Required? Available at: <http://www.ukba.homeoffice.gov.uk/sitecontent/documents/aboutus/workingwithus/mac/dustmann-and-frattini/report.pdf?view=Binary> (accessed 10 August 2012).
- Giovanni P. Immigrants, Complementarities and Native Wages: Evidence from California. Available at: http://www.sudaneseconomist.org/print/Giovanni_Peri_1.pdf (accessed 10 August 2012).
- Immigration and Labour Supply. Available at: <http://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2007/sep/pdf/bu-0907-2.pdf> (accessed 10 August 2012).
- Dukart S.A., Sleta E.V. Problemy otsenki transformatsii rynka truda v usloviyakh modernizatsii ekonomiki [The problems of evaluation of labor market transformation under the modernization of the economy]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2010, vol. 316, no. 6, pp. 8–12.
- Kontseptsiya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii [The concept of the state migration policy of Russian Federation]. *Federalnaya migratsionnaya sluzhba*, 2011. Available at: <http://www.fms.gov.ru/law/865/details/49505/> (accessed 25 August 2012).
- Territorialnyy organ Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Novosibirskoy oblasti* [Regional office of Federal agency for state statistics in Novosibirsk region]. URL: <http://novosibstat.gks.ru/> (accessed 20.08.2012).
- Migratsiya naseleniya Novosibirskoy oblasti v 2007 godu: stat. sbornik [Migration of population of Novosibirsk region in 2007: stat. collection]. *Territorialnyy organ Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Novosibirskoy oblasti*, Novosibirsk, 2008. 100 p.
- Migratsiya naseleniya Novosibirskoy oblasti v 2008 godu: stat. sbornik [Migration of population of Novosibirsk region in 2008: stat. collection]. *Territorialnyy organ Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Novosibirskoy oblasti*, Novosibirsk, 2009. 68 p.
- Migratsiya naseleniya Novosibirskoy oblasti v 2009 godu: stat. sbornik [Migration of population of Novosibirsk region in 2009: stat. collection]. *Territorialnyy organ Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Novosibirskoy oblasti*, Novosibirsk, 2011. 71 p.
- Migratsiya naseleniya Novosibirskoy oblasti v 2011 godu: stat. sbornik [Migration of population of Novosibirsk region in 2011: stat. collection]. *Territorialnyy organ Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Novosibirskoy oblasti*, Novosibirsk, 2012. 85 p.
- Chislennost, sostav i dvizhenie naseleniya Novosibirskoy oblasti v 2011 godu: stat. sbornik [The number, structure and movements of Novosibirsk region in 2011: stat. collection]. *Territorialnyy organ Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Novosibirskoy oblasti*, Novosibirsk, 2011. 71 p.

- ny organ Federalnoy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Novosibirskoy oblasti. Novosibirsk, 2012. 63 p.*
20. Shmakov A.V. Obshchee makroekonomicheskoe ravновesie na legalnom i paralelnom rynkakh truda [Overall macroeconomic balance in the legal and parallel labor markets]. *Ekonomicheskaya nauka v sovremennoy Rossii*, 2007, no. 2, p. 34.
 21. Saraeva O.V. Migratsiya v diskursakh rossiyskoy massovoy kommunikatsii [Migration in the discourses of the Russian mass media]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2011, no. 3, pp. 193–196.
 22. Saraeva O.V. Konstruirovaniye obrazov migratsii na regionalnom i federalnom urovnyakh [The construction of migration types on regional and federal levels]. *Vestnik TOGU*, 2012, no. 3, pp. 267–276.
 23. Strategiya-2020: novaya model rosta, novaya sotsialnaya politika. Itogovyi doklad o rezultatakh ekspertnoy raboty po aktualnym problemam sotsialno-ekonomicheskoy strategii Rossii na period do 2020 goda [Strategy-2020: the new model of increase, new social policy. The final report on the results of the expert work with actual problems of social-economic strategy in Russia in the period to 2020]. [INTELROS], 2012. Available at: <http://www.intelros.ru/pdf/strategiy2020-2012-litog.pdf> (accessed 25 August 2012).

УДК 314.724

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Л.М. Борисова, Н.В. Ионикан, Ю.С. Нехорошев

Томский политехнический университет
E-mail: unexx@rambler.ru; natasha2307@mail.ru

Для современной России актуальной и по-прежнему острой является задача сохранения и повышения численности населения. Рассмотрение естественного движения населения как единственного и абсолютного решения данной задачи невозможно. В связи с этим становится необходимой реализация научно-обоснованной миграционной политики, наряду со стимулированием процессов воспроизводства населения. С целью обоснования данного положения исследована текущая ситуация в сфере внутренней миграции в России, проведен анализ факторов межрегиональных миграционных потоков. В качестве основных были использованы следующие методы исследования: статистический, описательный, аналитический. По итогам исследования выявлены причины существующей внутренней миграции, определены факторы, ограничивающие внутреннюю мобильность трудовых ресурсов. Установлено, что в отличие от развитых стран внутренняя миграция не рассматривается правительством РФ как реальный инструмент выравнивания межрегиональной дифференциации показателей социально-экономического развития. Сделан вывод о необходимости усиления контроля и ужесточения управления миграционными процессами в России.

Ключевые слова:

Межрегиональная миграция, факторы миграции, результативность межрегиональных миграционных связей, внутренняя мобильность трудовых ресурсов.

Начало нового тысячелетия охарактеризовалось вступлением экономики Российской Федерации в фазу экономического роста. Стабильность и устойчивость экономического роста возможны только в рамках инновационного развития, где приоритетными будут процессы аккумуляции человеческого капитала в стране. В течение всего периода развития экономической теории подчеркивается высокая значимость человеческого фактора как главной движущей силы прогресса. И здесь необходимо уделять внимание как качественным, так и количественным характеристикам.

В связи с этим определенную значимость приобретают задачи по выявлению факторов, побуждающих население к миграции либо ограничивающих ее, задачи количественного измерения миграционных потоков, а также социально-экономических последствий, которые обусловлены направлением и ростом территориальной подвижности населения.

Однако в современных условиях при высокой интенсификации глобализационных процессов [1–3] переход российского общества к обществу с открытой рыночной экономикой сопровождался

большими потерями человеческих ресурсов. Негативные тенденции, сложившиеся в обществе, привели к необходимости вмешательства государства в решение проблем демографии. Естественное движение населения не может быть абсолютным решением задачи сохранения и повышения численности населения в России. Поэтому наряду со стимулированием процессов воспроизводства населения необходимым является решение проблемы реализации научно-обоснованной миграционной политики, которая предполагает стимулирование межрегиональной подвижности и повышение интенсивности внешней миграции с целью роста численности и грамотного распределения населения РФ.

Миграция населения – процесс, реагирующий на социально-экономические трансформации [4, 5] и являющийся одним из элементов оценки регионального неравенства.

В России достаточно велика дифференциация регионов по различным значимым показателям социально-экономического развития, причем она имеет тенденцию к росту. Теоретически можно ожидать от межрегиональной миграции определенную активизацию, но, несмотря на происходящую

трансформацию межрегиональных социально-экономических неравенств, направленность и масштабы межрегиональной миграции остаются устойчивыми в течение последних двадцати лет [6].

Миграционные процессы в Российской Федерации в минувшие два десятилетия подвергались влиянию как положительных, так и отрицательных факторов. Отрицательными факторами являются распад бывшего СССР, проявления национализма, терроризм, недостаточная защищенность государственных границ РФ, загрязнение окружающей среды, ухудшение качества жизни населения, социальные конфликты и экономическая нестабильность. К положительным же факторам относят демократизацию общественно-политической жизни, реализацию конституционного принципа свободы передвижения, выход России на международный рынок труда и развитие рыночных отношений в целом.

Остается прежним наличие внутренней миграции, связанной со стихийными бедствиями и неотвратимой экологической обстановкой. Экстренные массовые переселения людей бывают вызваны природными и техногенными катастрофами, что как следствие приводит к необходимости аккумуляции дополнительных ресурсов государства для решения возникших проблем [7–9].

В России огромные территориальные различия на значительной ее части обусловлены суровыми климатическими условиями. С этой точки зрения межрегиональная миграция населения всегда играла важнейшую роль, как в экономическом, так и в демографическом развитии отдельных территориальных субъектов и регионов, а в определенные периоды и в развитии страны в целом.

Современный этап для миграционной ситуации в нашей стране характеризуется следующими факторами:

- резкое увеличение эмиграции и в соответствии с этим рост иммиграционных потоков [10];
- усиленный отток русскоязычного населения из республик бывшего СССР [11];
- ускоренная урбанизация;
- коренные изменения в межрегиональных миграциях на рубеже последних двадцати лет [8. С. 191].

В последние десять лет наблюдается сокращение миграционной активности населения России. Количество перемещений внутри страны сократилось более чем на треть, причем можно отметить, что уровень миграционной активности сельских жителей более высок по сравнению с уровнем миграционной активности городских. Этот факт обусловлен более низким уровнем дохода сельского населения, которое в связи с этим стремится в промышленно-развитые районы, находящиеся в основном в центральной части страны.

В 2008 г. было зарегистрировано увеличение размера межрегиональной трудовой миграции. Количество занятых в экономике, работающих за пределами субъекта своего проживания, составило

в 2008 г. 1,6 млн человек, в то время как в 2007 г. это количество было равно 1 млн человек. В 2009 г., в связи с сокращением общей потребности в рабочей силе, масштабы внутренней трудовой миграции уменьшились в среднем до 1,4 млн человек.

В 2010 г. вновь произошло увеличение размеров выезда на работу из своего региона в соседние. При этом за первые два месяца 2010 г. выехало около 1 млн человек, что составляет 2,4 % от численности всего занятого населения. Однако начиная с третьего месяца наблюдалось постепенное увеличение выездов, и к концу 2010 г. количество выезжающих составило 2,3 млн человек, т. е. 3,3 % от численности всего занятого населения.

На рисунке видно, что в среднем в 2010 г. численность населения, выехавшего за пределы своего субъекта в поисках работы, достигла 1,8 млн человек, т. е. 2,6 % от общей численности занятого населения.

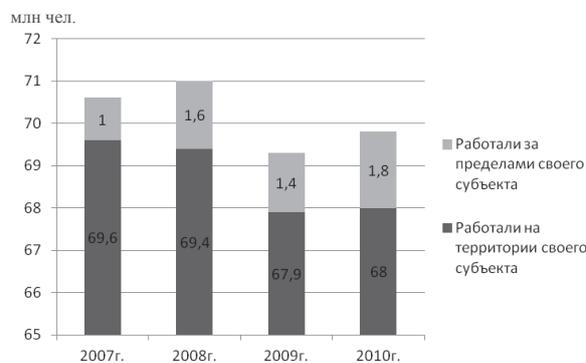

Рисунок. Занятое население по месту работы и месту постоянного проживания

В общем числе занятого населения, работающего вне субъекта своего официального проживания, тремя четвертями являются мужчины и двумя третями – городские жители.

В числе населения, работающего вне своего субъекта, большую долю составляют лица, имеющие начальное профессиональное образование (24 % против 20 %) и среднее (полное) общее образование (22 против 20 %), меньшую часть составляют лица, имеющие среднее профессиональное и высшее образование (51 против 56 %), по сравнению с населением, работающим в рамках своего субъекта.

В составе занятого населения, которое выезжает на работу за пределы своей территории, работают в организациях 84 %, индивидуальными предпринимателями и лицами, работающими на индивидуальной основе, являются 3 %, а наемными работниками у физических лиц и индивидуальных предпринимателей – 13 %.

Но в современной ситуации можно четко выделить отдающие и принимающие регионы (страны). Принимающие регионы размещены более компактно и совпадают с наиболее густонаселенными территориями, в которых сосредоточено 80 % все-

го населения, т. е. 120 млн чел. Эта зона находится от Калининградской до Новосибирской области и от Карелии (не включая остальную часть Европейского Севера) до Краснодарского края. В отличие от принимающих, отдающие регионы расположены некомпактно. В общем, данная территория охватывает около 17 % населения, что составляет 26 млн чел. Сюда относятся Ингушетия, Чечня, Дагестан, Дальний Восток, Восточная Сибирь и северная часть Урала.

Большее количество прибывших в регион в 2010 г. в абсолютном выражении было зафиксировано в Московской области (145,7 тыс. чел.). Второе место по количеству прибывших занимает Москва (125,9 тыс. чел.), третье место – Тюменская область (85,4 тыс. чел.). Далее идут Краснодарский край (84,4 тыс. чел.), Республика Башкортостан (75,6 тыс. чел.), Санкт-Петербург (67,1 тыс. чел.) и Красноярский край (62,1 тыс. чел.). В других регионах количество прибывших не достигло 58 тыс. чел. [12].

В структуре въезжающих в Москву на работу из других территориальных субъектов жители Московской области составляют 46 %, жители Пензенской, Тульской, Тамбовской, Ивановской, Владимирской, Брянской областей, Республики Мордовия, Чувашской республики – 28 %. Половина въезжающих в Москву заняты в сферах строительства, торговли и транспорта.

Но об истинной картине результативности межрегиональных миграционных связей двух первых реципиентов – г. Москвы и Московской области – с другими регионами страны умалчивается. Данные субъекты проводят между собой близкий к равноценному, сверхтесный обмен населением. Таким образом, повышаются итоговые значения результативности межрегиональных миграций двух территориальных субъектов. Если исключить этот обмен населением между городом и областью, окружающей его, и объединить два этих субъекта в группу, то значением итоговой эффективности этой первой пары за период 2006–2010 гг. будет одно выбытие на четыре прибытия. С этой точки зрения наиболее четко проявляется степень различия первой столичной пары и другими регионами России по форме межрегионального миграционного обмена, который предопределяется разницей в уровне жизни населения, проживающего на сравниваемых территориях.

Аналогичная, но немного менее ярко выраженная картина результативности межрегиональных миграционных связей наблюдается по второй столичной паре – г. Санкт-Петербургу и окружающей его Ленинградской области. В структуре въезжающих на работу в Санкт-Петербург жители Ленинградской области составляют около 73 %, и около 56 % из них работают в строительстве, торговле и в сфере транспорта.

Что касается Тюменской области, здесь одну треть приезжающих на работу составляют жители Республики Башкортостан, еще одну треть – жите-

ли Омской, Свердловской, Курганской областей, Удмуртской Республики и Республики Татарстан. В числе приезжающих в Тюменскую область около 50 % находят работу в отрасли добычи полезных ископаемых и около 27 % – в сфере строительства.

Нельзя не обратить внимания на два автономных округа Тюменской области – Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский, которые влияют на «притягивающий» характер межрегиональных потоков внутри страны. В этих округах производится около 10 % от общего совокупного валового регионального продукта России при участии 1,5 % постоянного населения страны при участии трудовых мигрантов из других регионов и стран СНГ. Высокий и в то же время равный по составу влияющим его двум частям межрегиональный миграционный оборот «промзоны» Тюменской области – это различные по составу потоки долгосрочных трудовых мигрантов, прибывающих на заработки на несколько лет из депрессивных и (или) смежных к Тюменской области регионов и выбывающих в более благоприятные для проживания места России. Несмотря на принятие руководством этих округов всех возможных мер для повышения приживаемости трудовых мигрантов, улучшение инфраструктуры, рост уровня жизни, проведение действенной политики в области демографии, отток не прижившихся работников не снижается.

В общем, межрегиональная миграция характеризуется определенными тенденциями. С одной стороны – центростремительное перемещение населения, притягивание населения в определенные благополучные районы. С другой стороны – понижение численности населения Европейского Севера, некоторых регионов Дальнего Востока и Сибири. Сложившаяся ситуация несет опасность с геополитической точки зрения. Недостаток населения на Дальнем Востоке формирует определенные предпосылки для замещения коренного населения иммигрантами из соседних стран. Основная причина – огромная и неприемлемая диспропорция в уровне социально-экономического развития между регионами страны, поэтому необходимо акцентировать внимание на миграционной политике государства, выявить детерминанты внутренней миграции, понять какие причины определяют подобное поведение людей.

На территории России, наравне с основными локальными реципиентами и донорами, можно выделить транзитные или «буферные» территории, которые также активно принимают участие в перераспределении трудовых ресурсов страны. Утрачивая население в качестве миграционной убыли в обмене трудовыми ресурсами с реципиентами, данные территории получают приток населения из депрессивных регионов страны. Примерно 2/5 межрегиональных перемещений населения в России за период с 2001 по 2010 гг. представляли собой замещающий характер, таким образом, только 5 миллионов переселений из восьми по-

влияло на изменение численности населения в регионах. Оставшиеся 3 миллиона являются следствием «ползучей» формы миграции, то есть ситуациями, когда межрегиональные выбытия погашаются прибытиями, либо наоборот [13].

Параллельно развитию экономики стремительно растет и уровень жизни населения, проживающего в первых мегаполисах. Вследствие этого растут цены на землю и недвижимость. Желая переселиться или начать свое собственное дело в первых городах сначала переселяются в ближайшие, а потом уже и не в самые ближние пригороды. Соответственно цены на землю и недвижимое имущество в них также начинают увеличиваться. В итоге вокруг Москвы и Московской области, например, активно начинают заполняться ближайшие области «Золотого кольца» России: цены на недвижимость позволяют переезжать в них из-за рубежа или других регионов страны, а небольшое расстояние до столицы позволяет иметь там работу. Именно эти регионы выбирают в качестве территории для строительства крупных предприятий, филиалов промышленных автогигантов и т. д. Такому выбору способствует сочетание, с одной стороны – приемлемой низкой цены на землю, невысокой средней зарплаты и низкого прожиточного минимума, и с другой стороны – объективной возможности быстрого привлечения дополнительных трудовых ресурсов. В подтверждение этого, например, в Калужской области темпы роста интенсивности совокупного (зарубежного и межрегионального) миграционного прироста возросли больше чем в 10 раз между пятилетиями (2001–2005 гг. и 2006–2010 гг.)

Межрегиональные миграционные потоки в России зависят от определенных социально-экономических закономерностей, российская структура детерминант межрегиональной миграции на современной стадии не имеет принципиальных отличий от соответствующей структуры в странах с рыночной экономикой.

В современной России, в отличие от экономически развитых стран, внутренняя миграция не является реальным инструментом выравнивания межрегиональной дифференциации показателей социально-экономического развития [14], каким она могла бы быть при политике государства, направленной на преодоление барьеров внутренней миграции, что актуально с учетом понимания всей глубины демографического кризиса.

При анализе причин внутренней миграции, разрабатываемых и публикуемых Росстатом, можно заметить, что в ряду причин миграции порядочное место занимают семейные и личные причины (около 58 %) и желание вернуться на прежнее место проживания (16,04 %). Кроме того, в принимающих регионах мигрантов привлекает возможность трудоустройства (10,97 %) и возможные перспективы получения образования (9,3 %). И только 0,6 % межрегиональных перемещений в России приходится на такие причины, как эколо-

гическое неблагополучие, обострение криминогенной обстановки и международных отношений.

Несмотря на нарастающий дефицит кадров в стране и в частности в крупных городах, проблема уравнивания рынков труда при помощи миграции осознана недостаточно. Первоначальные институциональные условия, которые смогли бы облегчить пространственную мобильность граждан, до сих пор не созданы.

Выделяют следующие факторы, ограничивающие мобильность:

1. Сохраняющаяся обязательная бюрократизированная система регистрации. До сих пор сохраняется система оплаты коммунальных услуг в соответствии с числом проживающих в жилом помещении, а не по фактическому потреблению.
2. Ограниченный доступ к отдельным социальным услугам. Большинство систем социального обеспечения привязаны к месту постоянной регистрации человека. Сюда относятся услуги здравоохранения, пенсионного и социального обслуживания, в некоторых случаях – услуги образовательных учреждений.
3. Недостаточная развитость рынка жилья и высокие цены на него в региональных центрах являются главной причиной, которая препятствует перемещениям туда граждан на постоянное место жительства и удерживает их в статусе временных трудовых мигрантов.
4. Слаборазвитая сеть рекрутинговых и кадровых агентств, которые ответственны за поиск и подбор служащих в других населенных пунктах. Только небольшое количество подобных структур, которые действуют в этой области, занимаются поиском наиболее востребованных специалистов редких специальностей.
5. Существование в России этнофобии. Человек с неславянской внешностью и фамилией, независимо от того, является ли он российским гражданином, сталкивается со значительными препятствиями при устройстве на работу.

Объемы, направления и характер современной межрегиональной миграции России как никогда ранее детерминированы рыночным характером отношений. Такое развитие в условиях недостаточного государственного контроля ведет к поляризации всех сторон жизни регионов страны, к росту социальной напряженности, к разобщенности и ослаблению связей между различными территориями слабозаселенного российского государства. Аналогичные негативные явления препятствуют положительному социально-экономическому и демографическому развитию страны, ослабляя российское государство в целом. Вопрос эффективности управления межрегиональными потоками как никогда остро стоит в современной экономической ситуации. Оптимизация миграционных процессов и направление их в русло, отвечающее интересам государства, может положительно повлиять не только на геополитическую ситуацию в стране, но

и позволит увеличить темпы демографического и социально-экономического развития не некоторых, а большинства российских субъектов; а также будет способствовать не дифференциации, а выравниванию уровня жизни населения всех субъектов Российской Федерации. Единственный положительный эффект от неконтролируемой современной миграции в стране – сверхконцентрация рабочей силы и зарождение здоровой конкуренции в её среде – не может перевесить потерь от вымирания окраинных территорий, роста сепаратизма, ухудшения экологических и отдельных демографических (рождаемость, сохранение института семьи) характеристик российского общества, коренное население которого продолжает вымирать второе десятилетие.

Подводя итог, необходимо отметить, что для миграционных потоков в России характерно ее активное вовлечение в межрегиональный обмен, увеличение доли семейной миграции, уменьшение числа мигрантов трудоспособного возраста,

низкая степень приживаемости мигрантов, совпадение мест концентрации внутренних и внешних мигрантов. Все это ведет к ряду негативных социальных последствий: обострению ситуации на рынке недвижимости, на рынке труда, росту нагрузки на социальную инфраструктуру, увеличению уровня преступности. Сложившаяся ситуация требует разработки и осуществления адекватной миграционной политики, усиления контроля и ужесточения управления миграционными процессами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках реализации государственного контракта № 12.741.11.0170 на выполнение работ для государственных нужд («Открытый конкурс на право заключения государственных контрактов на выполнение работ по организационно-техническому обеспечению проведения всероссийских и международных молодежных конференций в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова Л.М., Гейнц М.А. Миграционные процессы в условиях глобализации // Особенности миграционной политики. Проблемы, поиски, решения: сб. науч. трудов Междунар. молодежной конф. / под ред. Г.А. Барышевой. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2012. – С. 144–147.
2. International Migration Outlook. 2012 / OECD publishing. URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2012_migr_outlook-2012-en#page1 (дата обращения: 01.10.2012).
3. Internal Migration by Local Authorities in England and Wales: Statistical bulletin / Office for national statistics. Year Ending June 2012. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/migration1/internal-migration-by-local-authorities-in-england-and-wales/year-ending-june-2012/stb-internal-migration-for-england-and-wales—year-ending-june-2012.html> (дата обращения: 01.10.2012).
4. Baccaini Br. Inter-Regional Migration Flows in France over the Last Fifty Years / Population (English Edition). – 2007 – V. 62. – P. 139–155. URL: www.cairn.info/revue-population-english-2007-1-page-139.htm (дата обращения: 02.08.2012).
5. Migration: A World on the Move / Linking Population, Poverty and Development. Commission on population and development. Theme: New trends in migration // 46th Session, 22–26 April 2013. URL: <http://www.unfpa.org/pds/migration.html> (дата обращения: 22.08.2012).
6. Межрегиональная миграция в России // Госбук. 2011. URL: <http://www.gosbook.ru/node/20251> (дата обращения: 04.06.2012).
7. Рыбаковский Л.Л. Демографические контуры регионов России. 2011. URL: <http://rybakovsky.ru/demografia2a.html> (дата обращения: 22.08.2012).
8. Романова Н.А. Детерминанты внутренней миграции населения в современной России // Молодой ученый. – 2011. – Т. 1. – № 3. – С. 190–196.
9. Вакуленко Е., Фурманов К., Мкртчян Н. Детерминанты российской миграции // XII Междунар. научно-практ. конф. по проблемам развития экономики и общества. 06.04.11. Экспертный портал Высшей школы экономики «Открытая экономика» – OPEC.ru. URL: <http://opec.ru/1352675.html> (дата обращения: 22.08.2012).
10. В России самое большое количество нелегальных мигрантов // Русский обозреватель. 29 июня 2012. URL: <http://www.rusobr.ru/days/18751> (дата обращения: 05.09.2012).
11. Раковская В.С., Соловьева Н.Н. Миграционные процессы на рынке труда России (обзор ситуации и проблемы) // Российское предпринимательство. – 2011. – № 12. – Вып. 1 (197). – С. 62–66. URL: <http://www.creativeconomy.ru/articles/15969/> (дата обращения: 12.09.2012).
12. Миграционный прирост населения России за 2010 год снизился на треть, составив 158 тысяч человек // Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 2012. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0457/barom05.php> (дата обращения: 05.06.2012).
13. Павлов К.В., Попова Л.А., Фаузер В.В. Межрегиональные социально-экономические отношения // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2011. – № 1. URL: <http://vestnik-ku.ru/2011/2011-1/9/9.htm> (дата обращения: 22.08.2012).
14. Guriev S. Inter-Regional Convergence in Russia // Forum for Research on Eastern Europe and Emerging Economies. October 1, 2012. URL: <http://freepolicybriefs.org/2012/10/01/inter-regional-convergence-in-russia/> (дата обращения: 22.08.2012).

Поступила 13.12.2012 г.

INTERREGIONAL MIGRATION FLOWS: AN EMPIRICAL ANALYSIS

L.M. Borisova, N.V. Ionican, Yu.S. Nekhoroshev

Tomsk Polytechnic University

E-mail: unexx@rambler.ru; natasha2307@mail.ru

For modern Russia the problem of preservation and growth of population is still relevant. It is impossible to consider the natural movement of the population as a unique and absolute solution of the problem. In this regard, it is necessary to implement the scientifically grounded migration policy along with the stimulation of population reproduction. To substantiate this position the authors have studied the current situation in internal migration in Russia and have analyzed the factors of inter-regional migration flows. Statistics, descriptive, analytical methods of research were used as the main ones. The survey revealed the causes of the current internal migration, the factors limiting the internal mobility of labor resources. It was found out that unlike the developed countries the government of the Russian Federation does not consider the internal migration as a real instrument of equalization of regional differentiation of socio-economic development. The authors made the conclusion on the need to strengthen control and toughen the management of migration processes in Russia.

Key words:

Interregional migration, migration factors, effectiveness of the interregional migratory ties, internal mobility of labor resources.

REFERENCES

1. Borisova L.M., Geynts M.A. Migratsionnye protsessy v usloviyakh globalizatsii [Migration processes in the context of globalization]. *Osobennosti migratsionoy politiki. Problemy, poiski, resheniya: sbornik nauchnykh trudov. Mezhdunarodnaya molodezhnaya konferentsiya* [Proc. Int. Conf. Special features of migration policy. Problems, searches, solutions]. Ed. G.A. Barysheva. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ. house, 2012. pp. 144–147.
2. International Migration Outlook. 2012. *OECD publishing*. Available at: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2012_migr_outlook-2012-en#page1 (accessed 01 October 2012).
3. Internal Migration by Local Authorities in England and Wales: Statistical bulletin. *Office for national statistics. Year Ending*. June 2012. Available at: <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/migration1/internal-migration-by-local-authorities-in-england-and-wales/year-ending-june-2012/stb-internal-migration-for-england-and-wales-year-ending-june-2012.html> (accessed 1 October 2012).
4. Baccaïni Br. Inter-Regional Migration Flows in France over the Last Fifty Years. *Population (English Edition)*, 2007, vol. 62, pp. 139–155. Available at: www.cairn.info/revue-population-english-2007-1-page-139.htm (accessed 02 August 2012).
5. Migration: A World on the Move. *Linking Population, Poverty and Development. Commission on population and development. Theme: New trends in migration*. 46th Session, 22–26 April 2013. Available at: <http://www.unfpa.org/pds/migration.html> (accessed 22 August 2012).
6. Mezhhregionalnaya migratsiya v Rossii [Interregional migration in Russia]. *Gosbuk*. 2011. Available at: <http://www.gosbuk.ru/node/20251> (accessed 4 June 2012).
7. Rybakovskiy L.L. *Demograficheskie kontury regionov Rossii* [Demographic contours of the regions of Russia]. 2011. Available at: <http://rybakovsky.ru/demografia2a.html> (accessed 22 August 2012).
8. Romanova N.A. Determinanty vnutrenney migratsii naseleniya v sovremennoy Rossii [Determinants of internal migration of the population in modern Russia]. *Molodoy uchenyy*, 2011, vol. 1, no. 3. pp. 190–196.
9. Vakulenko E., Furmanov K., Mkrtychyan N. Determinanty rossiyskoy migratsii [Determinants of the Russian migration]. *XII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* [XII Int. Conf. on problems of development of economy and society]. 06.04.11. Ekspertnyy portal Vysshey shkoly ekonomiki «Otkrytaya ekonomika» – OPEC.ru. Available at: <http://opec.ru/1352675.html> (accessed 22 August 2012).
10. V Rossii samoe bolshoe kolichestvo nelegalnykh migrantov [Russia has the largest number of illegal migrants]. *Russkiy obozrevatel*, 29 June 2012. Available at: <http://www.rus-obr.ru/days/18751> (accessed 5 September 2012).
11. Rakovskaya V.S., Soloveva N.N. Migratsionnye protsessy na rynke truda Rossii (obzor situatsii i problemy) [The migration processes on the labor market in Russia (review of the situation and challenges)]. *Rossiyskoe predprinimatelstvo – Russian entrepreneurship*, 2011, no. 12, Iss. 1 (197), pp. 62–66. Available at: <http://www.creativeconomy.ru/articles/15969/> (accessed 12 September 2012).
12. Migratsionnyy prirost naseleniya Rossii za 2010 god snizilsya na tret, sostaviv 158 tysyach chelovek [The migration growth of the population of Russia for the year 2010 decreased by one third, reaching 158 thousand people]. *Institut demografii Natsionalnogo issledovatel'skogo universiteta «Vysshaya shkola ekonomiki»*. 2012. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0457/ba-rom05.php> (accessed 5 June 2012).
13. Pavlov K.V., Popova L.A., Fauzer V.V. Mezhhregionalnye sotsialno-ekonomicheskie otnosheniya [Interregional socio-economic relations]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa – Corporate governance and innovation development of economy of the North: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the research center of corporate law, management and venture investment Syktyvkar state University*, 2011, no. 1. Available at: <http://vestnik-ku.ru/2011/2011-1/9/9.htm> (accessed 22 August 2012).
14. Guryev S. Inter-Regional Convergence in Russia. *Forum for Research on Eastern Europe and Emerging Economies*. October 1, 2012. Available at: <http://freepolicybriefs.org/2012/10/01/inter-regional-convergence-in-russia/> (accessed 22 August 2012).

УДК 331.91

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

С.А. Дукарт, Е.В. Маренкова, Ю.С. Нехорошев

Томский политехнический университет

E-mail: dukart@mail.ru; evm18@tpu.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью модернизации государственной миграционной политики России.**Цель работы:** обоснование необходимости изучения опыта миграционной политики Германии в условиях трансформационных сдвигов в экономической системе и на основании сравнительного анализа правовых норм, динамики миграции и выявленных тенденций в развитии, разработка рекомендаций по корректировке существующей миграционной политики РФ.**Методы исследования:** сравнительный анализ статистических данных; графическое отображение корреляционных связей; метод исторических аналогий; методы индукции и дедукции в рамках междисциплинарного подхода; прогностический метод на основе выявления закономерных тенденций развития экономических систем.**Результаты:** Выявлены общие закономерности протекания миграционных процессов в России и Германии. Обнаружено наличие верифицируемой связи между процессом трансформации и миграционными потоками. Проведен анализ динамики этнической миграции в РФ и ФРГ в постсоветский период. Даны рекомендации по направлениям модернизации миграционной политики России.**Ключевые слова:**

Трансформация, миграция, экономическая система, демографическое «старение», «немецкое экономическое чудо».

Глобализационные процессы, происходящие в современной экономике, со всей очевидностью выдвигают на первый план вопросы управления неизбежной в такой ситуации трансформацией национальной экономической системы. Однако можно говорить также о наличии имманентно присущей связи между трансформацией экономики и миграционными процессами. С одной стороны, миграция неизбежно предполагает социально-культурную, политическую трансформацию системы, ибо происходит взаимопроникновение культур. С другой стороны, системная трансформация способна активизировать глобальные перемещения и трудовых ресурсов, и капитала, и технологий. И наконец, сами миграционные процессы, в свою очередь, способны как усилить, так и ослабить процессы перестройки экономической системы страны-эмиграции и страны-иммиграции.

Термин трансформация может иметь разное значение. Под трансформацией может пониматься и радикальное изменение самой сути экономической системы, происходящее, как правило, под влиянием внешних для данной системы сил (революционная трансформация), и медленная перманентно-существующая перестройка экономической системы в результате каких-то внутренних процессов (эволюционная трансформация). И в том, и в другом случае имеет место быть изменение части элементов экономической системы. В то же время стабильность и эффективность происходящей трансформации будет определяться множеством параметров, одним из которых является конгруэнтность, или согласованность, старых и новых элементов системы между собой [1–3]. Отсюда очевиден факт необходимости четко и последовательно разработанной стратегии государства по управлению миграционными процессами в условиях трансформации.

В современных условиях можно констатировать факт наличия единой европейской миграционной системы с двумя четко выделенными субрегиональными системами и достаточно ярко обозначенными центрами притяжения: это так называемые «старые» страны Евросоюза, одной из которых является Германия, и Россия как центр евразийского притяжения мигрантов из республик бывшего СССР. Сравнительный анализ проблемы миграции в России и Германии представляет особый интерес для исследователей в силу ряда причин.

В обеих странах прослеживается четкая связь массовых иммиграционных потоков конца 80-х начала 90-х гг. прошлого века с процессом возвращения на историческую родину этнически родственных народов. Именно в это время в полной мере проявляется два вектора миграции: массовый исход этнических немцев в Германию из бывшего Советского Союза и не менее массовый приток этнических русских в Россию. Массовая эмиграция немцев с территории бывшего СССР в Германию началась с 1987 г., когда выехало 14488 человек, в 1988 г. – 47572, в 1989 г. – 98134 и достигла своего максимума в 1994 г. – 213214 человек (табл. 1).

Таблица 1. Иммиграция в Германию из СССР [4]

Год	Численность мигрантов, чел.	Год	Численность мигрантов, чел.	Год	Численность мигрантов, чел.
1986	753	1993	207347	2000	94558
1987	14488	1994	213214	2001	97434
1988	47582	1995	209409	2002	90587
1989	98134	1996	172181	2003	72289
1990	147950	1997	131895	2004	58728
1991	147320	1998	101550	2005	35396
1992	195576	1999	103599	Всего за 1986–2005	2239990

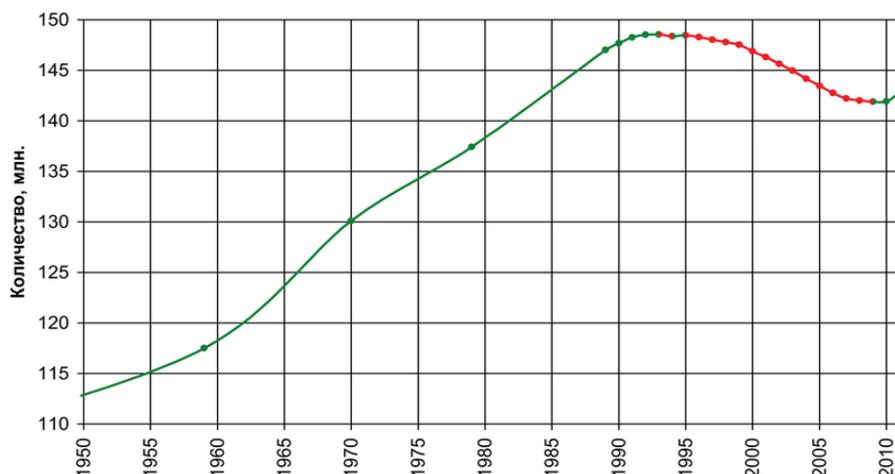

Рис. 1. Изменение численности населения России, млн. чел.

Первая волна миграции в Россию из бывших советских республик лиц, условно относимых к этническим русским, приходящаяся на период 1990–2009 гг., по разным данным оценивается от 5,9 до 8 млн чел. [5–7] (рис. 1)

И в Германии, и в России массовый приток мигрантов приходится на период и так достаточно сложный для государства – радикальной трансформации экономической системы. Конец 1980-х начало 1990-х гг. – это время распада Советского Союза и переориентации господствующей экономической парадигмы планового, централизованного управляемого хозяйства на идеи рыночной экономики. Как следствие в 1991–1995 гг. ВВП и промышленное производство упали более чем на 20 % [8].

Экономика Германии в это же время также переживает тяжелые времена, но это является следствием процесса создания единого государства. В данном конкретном случае научный интерес представляет исторический факт искусственно инициированной и контролируемой радикальной экономической трансформации. Объединение ГДР и ФРГ в одно государство по историческим меркам произошло практически мгновенно, в течение года, с октября 1989 г. по октябрь 1990 г.

Однако не только это привлекает внимание. Разрушение Восточной Германии произошло во многом вследствие невозможности руководства ГДР контролировать миграционные потоки. Толчком к началу необратимого процесса послужило событие, имеющее, казалось бы, весьма косвенное отношение к Германии, – открытие для относительно свободного перемещения в мае 1989 г. австро-венгерской границы. После этого началось массовое бегство восточных немцев через Венгрию и Австрию в Западную Германию. Осенью 1989 г. начинаются демонстрации по всей ГДР, которые приводят к удовлетворению требований об открытии границ и процесс миграции становится неуправляемым, что приводит в конечном итоге к включению 5 воссозданных восточногерманских

земель с 3 октября 1990 г. в состав ФРГ. С этого момента начинается контролируемый процесс радикальной трансформации командно-административной экономики бывшей ГДР и одновременно неизбежно происходят изменения и в социально-экономической системе ФРГ, которая после объединения, помимо новой присоединенной территории, получает множество девиантно-дестабилизирующих факторов. Новая власть поддержала санацию 10 % предприятий бывшей ГДР. На момент подписания договора об объединении в стране количество безработных достигло отметки 600 тыс. человек, при этом около 1,8 млн чел. были заняты частично. Ежедневно количество безработных увеличивалось на 30–40 тыс. человек [9]. Объединение имело негативные последствия и для западногерманской экономики, выразившиеся в повышении налогов, падении жизненного уровня основной массы населения, замедлении темпов экономического роста.

Общей характеристикой, в рамках анализа миграционного климата на посттрансформационном экономическом пространстве России и Германии, является резкое увеличение масштабов внутренней миграции, которая носит центростремительный характер. В Германии на сегодняшний день продолжается массовый отток населения из бывшей Восточной Германии в западные земли, как следствие, по прогнозам официальной статистики, уже к 2025 г. ожидается сокращение населения пяти восточных земель с нынешних 13,1 до 11,5 млн чел. [10].

В России наблюдаются не менее значимые процессы трансформации внутренней миграции населения. С крушением СССР сменился вектор миграционных потоков. Бывшие регионы притока мигрантов – Сибирь, Крайний Север, Дальний Восток – превратились в регионы оттока. Основная причина – разница в уровне жизни, уровне доходов, социальных условиях в этих регионах, по сравнению с центральными. Основной поток внутренних мигрантов направлен в Центральную Россию и ра-

йон Урало-Поволжья. Между тем контроль за внутренней миграцией чрезвычайно важен, так как в условиях трансформации рациональное пространственное размещение трудовых ресурсов оказывает существенное влияние на уровень социально-экономического развития регионов и тем самым позволяет обеспечить стабилизацию экономической системы.

Общая и очень серьезная проблема и для России, и Германии – демографическое «старение» населения. Так, по оценке Отдела народонаселения ООН, приведенной во «Всемирных демографических прогнозах (оценка 2000 г.)», при отсутствии иммиграции численность населения Германии сократится на 23 млн чел. (27 %), а доля населения старше 65 лет будет превышать 15 % в 2050 г. [11]. Эта проблема не менее актуальна для России, которая весьма похожа по уровню рождаемости на Германию: 1,41 и 1,42 ребенка на условную семью (женщину) соответственно. Согласно статистическим данным на 1 января 2010 г. в России 88,36 млн чел. трудоспособного населения (62 % от общего), нетрудоспособного – 30,7 млн чел. (21,6 %), моложе трудоспособного – 22,854 млн чел. (16,2 %). Численность постоянного населения РФ на 1 ноября 2010 г. составила 141,8 млн чел. и с начала года уменьшилась на 82,4 тыс. чел., или на 0,06 % [12].

Итак, наблюдается некая общая платформа для сравнительного анализа современного состояния миграционных процессов и миграционной политики России и Германии. В рамках этого анализа следует однозначно заявить, что и Россия, и Германия находятся перед сложным выбором: с одной стороны, проблемы естественного «старения» населения, существования так называемых «узких» мест на рынке труда, заселения пустующей территории и др. можно было сравнительно легко решить за счет привлечения мигрантов, но, с другой стороны, существует и ярко выраженное нежелание их принимать по социальным, культурным и иным причинам.

Миграционное законодательство Германии гораздо более проработано по сравнению с российским и имеет более долгую историю. Фактически в основе современной миграционной политики лежат нормативные акты, разработанные сразу после Второй мировой войны. В 1949 г. принята Конституция ФРГ, где в отдельном параграфе был прописаны условия получения статуса беженца. Спустя четыре года (в 1953 г.) был принят Закон о репатриантах, определяющий общие правила приема репатриантов для всех федеральных земель. В 1982 г. был принят целый ряд законов, касающихся предоставления политического убежища и прав иностранцев. Начиная с 1988 г. Германия, столкнувшись с началом исхода переселенцев из стремительно разрушающегося социалистического лагеря, принимает программу интеграции переселенцев и ряд законов, облегчающих репатриацию этнических мигрантов. Однако масштаб

миграции заставил ужесточить миграционное законодательство, принятием Закона о предоставлении политического убежища, и поправок к Конституции, Закона о регистре иностранцев, поправок к Закону «О помощи лицам, претендующим на политическое убежище», главная цель которых – фильтрация миграционного потока и сокращение нагрузки на бюджет. Этой же цели подчинены принятые в 1999–2000 гг. новые Законы о гражданстве ФРГ и о правах иностранцев, а также принятый в 2005 г. Закон об управлении и ограничении иммиграции. В современной Германии отсутствие гражданства не мешает мигрантам заниматься бизнесом, а численность иностранцев на территории Германии неуклонно растет и сегодня численная пропорция между гражданами и иностранцами достигает 92/8 % (табл. 2) [13].

На примере современной Германии можно наблюдать общий тренд европейской миграционной политики: переход от моноэтнической модели государственного устройства к разработке и принятию элементов иммигрантской модели государства [14, 15].

Таблица 2. Численность населения, граждан Германии и иностранцев, 1951–2005 гг.

Годы	Общая численность населения, тыс. чел.	Численность граждан ФРГ		Численность иностранцев	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1951	50808,9	50302,9	99,0	506,0	1,0
1961	56174,8	55488,6	98,8	686,2	1,2
1971	61502,5	58063,8	94,4	3438,7	5,6
1981	61719,2	57089,5	92,5	4629,7	7,5
1990	63725,7	58383,2	91,6	5342,5	8,4
1991	80274,6	74392,3	92,7	5882,3	7,3
1996	81881,6	74567,5	91,1	7314,1	8,9
2005	82501,0	75801,0	91,9	6700,0	8,1

В настоящее время правовую основу национального миграционного законодательства Российской Федерации составляют следующие документы: Конституция РФ; ФЗ от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»; ФЗ от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и др. Но, несмотря на такое количество законодательных актов, проблема эффективного контроля миграционных потоков по-прежнему представляется актуальной [16, 17].

На данный момент основную часть иммиграционного потока представляют трудовые мигранты – граждане стран СНГ, преимущественно Украины, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Молдавии: в частности в 2010 г. из 191656 прибывших граждан 171940 составили граждане СНГ [18]. Напротив, анализ эмиграционного потока переселенцев из России на рис. 2 позволяет сделать вывод о Германии как об одном из традиционно приоритетных направлений внешней миграции, наряду с Израилем и США, на сегодняшний день уступающим по масштабам только странам СНГ,

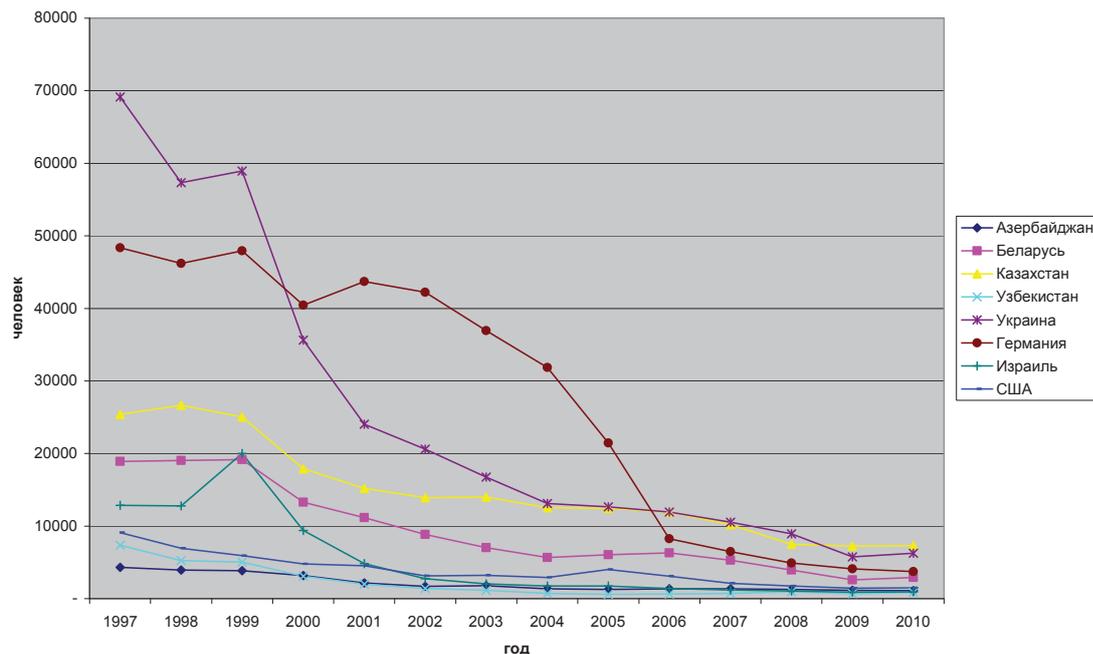

Рис. 2. Эмиграция из России [19]

притом что миграция трудовых ресурсов в Германию и Израиль носит преимущественно ярко выраженный этнический характер.

Важной проблемой, которая, возможно, недооценивается правительством РФ, является «утечка умов» из страны. По крайней мере, сравнение трудовых иммигрантов и эмигрантов по образовательному уровню позволяет сделать вывод о том, что в отличие от приезжающих на работу в Россию мигрантов, в большинстве своем ориентированных на выполнение низкоквалифицированной работы, большинство россиян, выезжающих работу за рубеж, имеют высшее и среднее специальное образование. Данная тенденция ведет не только к прямым потерям финансовых ресурсов, потраченных на образование рабочей силы, но имеет далеко идущие последствия с точки зрения постепенной деградации народнохозяйственного комплекса в силу возможного недостатка высококвалифицированных специалистов в будущем.

По оценке специалистов, при сохранении современных миграционных тенденций в России к 2050 г. население должно сократится на 20 % и составит 112–119 млн чел. С нехваткой трудоспособного населения Россия столкнется уже в бли-

жайшем будущем. Компенсировать эти потери возможно, если в страну ежегодно будут иммигрировать не менее 1 млн чел. [19, 20].

Нельзя отрицать попытки Правительства РФ решить проблемы внешней и внутренней миграции, но с учетом существующей отрицательной динамики изменения численности населения и огромных региональных различий в уровне занятости и доходов населения вряд ли можно оценивать его действия как успешные. Исходя из этого, опыт активной миграционной политики Германии может быть весьма полезен. Так называемое «немецкое экономическое чудо», выразившееся в создании эффективного, социально-ориентированного государства, является наглядным подтверждением этого.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках реализации государственного контракта № 12.741.11.0170 на выполнение работ для государственных нужд («Открытый конкурс на право заключения государственных контрактов на выполнение работ по организационно-техническому обеспечению проведения всероссийских и международных молодежных конференций в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дукарт С.А. Трансформация экономики России и «воспитание предпринимательского духа» // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316. – № 6. – С. 5–7.
2. Дукарт С.А., Слета Е.В. Проблемы оценки трансформации рынка труда в условиях модернизации экономики // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316. – № 6. – С. 8–12.
3. Дукарт С.А. Модернизация российской экономики: анализ «инновационного сопротивления» // Вестник науки Сибири. – 2012. – № 3 (4). – С. 173–177. URL: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/374/334> (дата обращения: 23.09.2012).
4. Zuwanderung nach Deutschland aus der UdSSR // Официальный сайт Федерального офиса статистики Германии (Statistisches Bundesamt). 2008. URL: http://www.destatis.de/jetspeed/portal/cms/Sites/destatis/Internet/EN/Navigation/Homepage_NT.psm1 (дата обращения: 19.09.2012).

5. Переведенцев В. История миграции в Россию // Общероссийская Общественная Организация «Федерация мигрантов России». 2012. URL: <http://www.fmr.su/index.php?name=demograf> (дата обращения: 23.09.2012).
6. Дмитриев К. Миграции, новые диаспоры и российская политика // Неприкосновенный запас. – 2002. – № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/dmit.html> (дата обращения: 23.09.2012).
7. Международная миграция // Федеральная служба государственной статистики. 2010. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/05-09.htm (дата обращения: 14.06.2012).
8. Бабашкина А.М. Государственное регулирование национальной экономики. – М.: Финансы и статистика, 2005. – 253 с.
9. История государства и права зарубежных стран / под общ. ред. О.А. Жидкова, Н.А. Крашенинниковой // Библиотекар.Ру. 1999. URL: <http://www.bibliotekar.ru/teoria-gosudarstva-i-prava-5/107.htm> (дата обращения: 23.09.2012).
10. Толстоног В. Экономические результаты и просчеты при объединении Германии // Социально-экономический портал Exrus.eu. 2011. URL: <http://ru.exrus.eu> (дата обращения: 23.09.2012).
11. Гринблат Ж.-А. Иммиграционные сценарии для стареющей Европы // Отечественные записки. 2004. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/4/2004_4_18.html (дата обращения: 21.09.2012).
12. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики. 2010. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_111/Main.htm (дата обращения: 20.09.2012).
13. Карачурина Л.Б. Иммиграционная политика Германии: успешный – неуспешный опыт // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 7. – С. 50–60.
14. Молодикова И. Основные этапы и методы регулирования трудовой миграции в западноевропейских странах // Государство и антропопоток. Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа. 2003. URL: <http://www.anthropotok.archipelag.ru/text/ad24.htm> (дата обращения: 23.09.2012).
15. Razum O., Spallek J. Definition von Migration und von der Zielgruppe «Migranten» // Bundeszentrale für politische Bildung. 2012. URL: <http://www.bpb.de/gesellschaft/migration/dossier-migration/57302/definition> (дата обращения: 20.09.2012).
16. Аникина Е.Е., Раковская В.С., Соловьева Н.Н. Государственное регулирование трудовой миграции в России // Российское предпринимательство. – 2011. – № 11. – Ч. 2. – С. 40–45.
17. Шишиморова Т.С., Борисова Л.М. Преобразования в сфере противодействия незаконной миграции с применением инновационных решений // Особенности миграционной политики. Проблемы, поиски, решения: сб. науч. трудов Междунар. молодежной конф. / под ред. Г.А. Барышевой. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2012. – С. 378–382.
18. Плисецкий Е.Л. Современные миграционные процессы в России // Электронная версия журнала «География». – 2003. – № 37. URL: <http://geo.1september.ru/2003/37/4.htm> (дата обращения: 23.09.2012).
19. Андриенко Ю., Гуриев С. Анализ миграции в России // Центр экономических и финансовых исследований и разработок в Российской экономической школе. Серия «Аналитические разработки и отчеты». – 2006. – № 23. – 47 с.
20. Чевтайкина О.А., Таран Е.А. Особенности современной миграционной политики // Особенности миграционной политики. Проблемы, поиски, решения: сб. науч. трудов Междунар. молодежной конф. / под ред. Г.А. Барышевой. – Томск: Изд-во ТПУ, 2012. – С. 368–370.

Поступила 26.09.2012 г.

UDC 331.91

MIGRATION PROCESSES IN RUSSIA AND GERMANY

S.A. Dukart, E.V. Marenkova, Yu.S. Nekhoroshev

Tomsk Polytechnic University
E-mail: dukart@mail.ru; evm18@tpu.ru

The relevance of the work is caused by the necessity to modernize the state migration policy of Russia.

The main aim of the study is to investigate the experience of migration policy in Germany in terms of transformational shifts in the economic system and on the basis of a comparative analysis of legal norms, migration dynamics and the identified trends in the development of recommendations for updating existing migration policy of the Russian Federation.

The methods used in the study are the comparative analysis of statistical data, graphic display of correlations, the method of historical analogies, methods of induction and deduction in interdisciplinary approach; prognostic method based on the detection of regular trends in the development of economic systems.

The results: The authors have determined general regularities of migration processes in Russia and Germany and revealed the presence of a verifiable link between the process of transformation and migration flows. The dynamics of ethnic migration in Russia and Germany in the post-Soviet period was analyzed and the recommendations on the areas of migration policy modernization in Russia were given.

Key words:

Transformation, migration, economic system, demographic «aging», «German economic miracle».

REFERENCES

- Dukart S.A. Transformatsiya russiyskoy ekonomiki i «vospitanie predprinimatelskogo dukha» [Transformation of Russian economy and «education of entrepreneurial spirit»]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2010, vol. 316, no. 6, pp. 5–7.
- Dukart S.A., Sleta E.V. Problemy otsenki transformatsii rynka truda v usloviyakh modernizatsii ekonomiki [Problems of assessing transformation of the labor market in terms of modernization of economy]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2010, vol. 316, no. 6, pp. 8–12.
- Dukart S.A. Modernizatsiya rossiyskoy ekonomiki: analiz «innovatsionnogo soprotivleniya» [Modernization of the Russian economy: an analysis of «innovation resistance»]. *Siberian Journal of Science*, 2012, no. 3 (4), pp. 173–177. Available at: <http://sjs.tpu.ru/journal/article/view/374/334> (accessed 23 September 2012).
- Zuwanderung nach Deutschland aus der UdSSR. *The official website of the Federal Office of Statistics Germany (Statistischen Bundesamt)*. 2008. Available at: http://www.destatis.de/jetspeed/portal/cms/Sites/destatis/Internet/EN/Navigation/Homepage_NT.psm1 (accessed 19 September 2012).
- Perevedentsev B. Istoriya migratsii v Russiyu [The history of migration in Russia]. *Russian public organization «Russian Federation migrants»*. 2012. Available at: <http://www.fmr.su/index.php?name=demograf> (accessed 23 September 2012).
- Dmitriev K. Migratsiya, novaya diaspora i rossiyskaya politika [Migration, Diaspora and new Russian policy]. *Emergency ration*. 2002. no. 5. Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/dmit.html> (accessed 23 September 2012).
- Mezhdunarodnaya migratsiya [International migration]. *Federal State Statistics Service*. 2010. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/05-09.htm (accessed 14 June 2012).
- Babashkin A.M. Gosudarstvennoe regulirovanie natsionalnoy ekonomiki [State regulation of the national economy]. Moscow, Finance and Statistics, 2005. 253 p.
- Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran [History of state and law of foreign countries]. Ed. O.A. Zhidkov, N.A. Krashe-ninnikova. Bibliotekar.Ru. 1999. Available at: <http://www.bibliotekar.ru/teoria-gosudarstva-i-prava-5/107.htm> (accessed 23 September 2012).
- Tolstonog B. Economicheskie rezultaty i proshchety pri obedinenii Germanii [Economic results and errors in German unification]. *Socioeconomic*. Exrus.eu portal. 2011. Available at: <http://ru.exrus.eu> (accessed 23 September 2012).
- Greenblatt J.A. Immigratsionnyye stsennarii dlya stareyushchey Evropy [Immigration scenario for aging Europe]. *Notes of the Fatherland*. 2004. Available at: http://magazines.russ.ru/oz/2004/4/2004_4_18.html (accessed 21 September 2012).
- Chislennost naseleniya v Russiyskoy Federatsii po polu i vozrastu na 1 yanvarya 2010 goda [Population of the Russian Federation, by sex and age on 1 January 2010]. *Federal State Statistics Service*. 2010. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_111/Main.htm (accessed 20 September 2012).
- Karachurina L.B. Immigratsionnaya politika Germanii: uspeshnyy–neuspeshnyy opyt [Germany immigration policy: successful, unsuccessful experience]. *World Economy and International Relations*, 2008, no. 7, pp. 50–60.
- Molodikova I. Osnovnye etapy i metody regulirovaniya trudovoy migratsii v zapadnoyevropeyskikh stranakh [Milestones and methods of regulation of labor migration in Western Europe]. *State and antropotok. Center for Strategic Research of the Volga Federal District*. 2003. Available at: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/ad24.htm> (accessed 23 September 2012).
- Razum O., Spallek J. Definition von Migration und von der Zielgruppe «Migranten». *Bundeszentrale für politische Bildung*. 2012. Available at: <http://www.bpb.de/gesellschaft/migration/dossier-migration/57302/definition> (accessed 20 September 2012).
- Anikina E.E., Rakovskaya V.S., Solovyov N.N. Gosudarstvennoe regulirovanie trudovoy migratsii v Rossii [State regulation of labor migration in Russia]. *Russian Entrepreneurship*, 2011, no. 11, p. 2, pp. 40–45.
- Shishimorova T.S., Borisova L.M. Preobrazovaniya v sfere protivodeystviya nezakonnoy migratsii s primeneniym innovatsionnykh resheniy [Transformations in the field of combating illegal migration with innovative solutions]. *Features migration policy. Problems, finding solutions: Sat scientific. Intern work. Youth Conference*. Ed. G.A. Barysheva. Tomsk, Tomsk Polytechnic University, 2012, pp. 378–382.
- Plisetsky E.L. Sovremennyye migratsionnyye protsessy v Rossii [Modern migration processes in Russia]. *The journal «Geography»*, 2003, no. 37. Available at: <http://geo.1september.ru/2003/37/4.htm> (accessed 23 September 2012).
- Andrienko Yu., Guriev S. Analiz migratsii v Rossii [Understanding Migration in Russia]. *Centre for Economic and Financial Research at New Economic School. Series «Analytical development and reports»*, 2006, no. 23, 47 p.
- Chevtaykina O.A., Taran E.A. Osobennosti sovremennoy migratsionnoy politiki [Features of modern migration policy]. *Features migration policy. Problems, finding solutions: Sat scientific. Intern works. Youth Conference*. Ed. G.A. Barysheva. Tomsk, Tomsk

Polytechnic University, 2012, pp. 368–370.

УДК 331.1

ТРУД МИГРАНТОВ: МЕЖДУ СВОБОДОЙ И НЕВОЛЕЙ

М.С. Каз, Е.М. Каз*

Томский политехнический университет

*Томский государственный университет

E-mail: Genyak92@sibmail.com

Актуальность работы: обострение межнациональных отношений, наблюдающееся в РФ в последнее время, в решающей степени обусловлено недостаточной проработанностью вопросов регулирования трудовой миграции. Это требует как совершенствования законодательства в данной сфере, так и глубоких исследований организации трудовой деятельности и социальных отношений, формирующихся на предприятиях, использующих труд мигрантов. Все это определяет актуальность темы.

Цель работы: статья посвящена анализу проблем, с которыми сталкиваются трудовые мигранты на российском рынке труда и путей их решения.

Методы исследования: проведены сравнительные исследования трудовых отношений, складывающихся в процессе производства среди российских рабочих, трудовых мигрантов и заключенных. Источниками информации для анализа явились специализированные форумы в сети Интернет, материалы открытых интервью и анкетирования. В процессе исследования использовался метод контент-анализа для выявления представлений, доминирующих в сознании трудовых мигрантов.

Результаты: выявлены и проработаны, с использованием метода контент-анализа, проблемы, определяющие особенности положения трудовых мигрантов на российском рынке труда. Выявлено, что данная категория рабочей силы занимает промежуточное положение между российскими рабочими и заключенными. Они не осуждены, но труд их не свободен. Сделан вывод, о необходимости их самоорганизации, путем создания профсоюза трудовых мигрантов, который будет отстаивать права и решать специфические проблемы мигрантов.

Ключевые слова:

Трудовые мигранты, рынок труда, контент-анализ, фокус-группа, оплата труда.

Одним из традиционных массивов информации для социальных исследований в гуманитарных науках выступают результаты интервьюирования. По нашему мнению, новым объектом исследования, дополняющим, углубляющим, а во многих случаях играющим самостоятельную роль в социальных исследованиях, может выступать анализ диалогов на форумах в сети Интернет. В отличие от количественных методов, дающих ответ на вопросы: сколько, как часто, качественные методы позволяют вскрыть качественный аспект отношений субъекта к исследуемому объекту: индивидуальную значимость объекта для субъекта исходя из его социального опыта [1]. Все это указывает на целесообразность и возможность применения качественных методов исследования к анализу диалогов на форумах, посвященных работе, в сети Интернет.

Особенности организации общения на форумах позволяют заключить, что по методам сбора данных оно ближе к методу фокус-групп. Фокус-группа – метод выявления различий в понимании какой-то проблемы. Его основу составляет дискуссия между участниками специально подобранной группы, которую ведет модератор (как правило, исследователь). Модератор задает тему дискуссии, стимулирует участников к спору, направляет дискуссию. Затем результаты дискуссии подвергаются анализу методами из арсенала как количественного, так и качественного подхода.

По нашему мнению, дискуссия на форумах это, в некотором роде, стихийная фокус-группа. Факторами стихийности выступают:

- отсутствие, как правило, модератора;
- произвольный состав группы;

- изменение состава группы в процессе дискуссии.

Вместе с тем, в отличие от интервью, общение на форумах (и этим оно похоже на фокус-группу) является общением с себе подобными, а не с интервьюером. Это снимает психологические барьеры, возникающие между интервьюером и информантом в процессе интервью. В результате открытость суждений, эмоциональные реакции выше, чем при интервью. Фактор анонимности общения на форумах также, в немалой степени содействует этому.

В качестве объекта исследования нами выбраны:

- специализированные форумы, на которых работники обсуждают организацию трудовой деятельности на своих предприятиях;
- выдержки из открытых интервью, проведенных сотрудниками Human Rights Watch среди трудовых мигрантов, работающих на российских предприятиях [2];
- результаты социологических исследований, проведенных в колониях Омской области.

Изучение материалов, относящихся к первой и второй группе, проводилось методом контент-анализа. Он предоставляет возможности изучения текстовой и графической информации, на основе ее перевода в количественные показатели и дальнейшей статистической обработке. В результате контент-анализ позволяет выявлять понятия, доминирующие в сознании опрошенных. Их анализ дает ясное представление о проблемах, с которыми сталкивается работник в процессе трудовой деятельности.

Проведенное нами исследование содержания форумов о работе в сети Интернет указанным методом позволило количественно оценить частоту упоминания проблем их посетителями (табл. 1).

Таблица 1. Проблемы российских рабочих (по материалам форумов о работе в сети Интернет)

Вид проблемы	Частота упоминания посетителями форумов (%)
Задержка заработной платы	51,85
Низкая заработная плата	45,6
Чрезмерный объем сменных заданий	44
Отсутствие премии	25,9
Напряженная обстановка в коллективе	14,8
Увольнение без причин	8
Дискриминация руководителями	7,4
Отсутствие возможностей роста	7,2
Некомпетентное начальство	3,7

Контент-анализ открытых интервью среди мигрантов, проведенных сотрудниками Human Rights Watch (неправительственная организация, занимающаяся мониторингом, расследованием и документированием нарушений прав человека более чем в 70 странах мира), позволил выявить и расположить в порядке приоритета проблемы, с которыми сталкивается эта категория наемных работников в процессе трудовой деятельности на территории Российской Федерации (табл. 2).

Таблица 2. Проблемы трудовых мигрантов, работающих на российских предприятиях

Вид проблемы	Частота упоминания в открытых интервью (%)
Стали жертвами мошенничества и обмана	58,33
Невыплата работодателем обещанной заработной платы	52,0
Милицейские поборы	50,0
Физическое насилие	41,7
Чудовищные бытовые условия	41,6
Изъятие паспортов	40,6
Прием на работу без оформления трудового договора	33,37
Оскорбления	33,35
Чувство несправности	33,22
Отсутствие выходных	33,19
Неоказание необходимой медицинской помощи	25,0
Дискриминация	17,1
Ненормированный рабочий день	16,8
Жестокое обращение	11,3
Ограничение свободы	11,1
Низкая, несвоевременная оплата труда	10,6
Работа даром	10,4
Отчужденность мигрантов	9,5
Вымогательство взятки	8,4

Об отношении работодателей к трудовым мигрантам, нередко складывающихся в российских компаниях, позволяют судить следующие выдержки из открытых интервью, проведенных сотрудниками Human Rights Watch (манера речи опрашиваемых сохранена).

Выдержка из открытого интервью трудового мигранта из Киргизии, полтора года проработавшего в России штукатуром: «Видел я киргиза одного, лет 25, он на 24-м этаже работал. Страховочного пояса не было. Упал, разбился. Приехали родственники, тело забрали. Не думаю, чтобы фирма что-то платила. Сестра его у меня на глазах с кем-то из компании разговаривала, плакала, а эти ей только: «У нас сейчас денег нет, потом подкинем».

Другой трудовой мигрант из Киргизии, работающий бригадиром на крупной стройке в Красноярске, в процессе интервью рассказал, как несколько бригадиров и рабочих попытались организовать забастовку в связи с невыплатой зарплаты: «В тот день бригадиры собрались и решили бастовать. Это было 30 августа 2011 года. Пришли ... мы к прорабу... Он сказал: «Деньги получите 31 декабря...», а сам вместо этого позвал охрану. Они стали бить одного рабочего из Самарканда у нас на глазах. Вернулись мы по местам, своими силами первую помощь тому побитому оказали. Куда его в больницу, если у него регистрации нет?»

Третий массив информации, который был подвергнут анализу, представляет собой результаты социологического опроса, проведенного в колониях Омской области среди осужденных. Ответы на вопрос: «Какие факторы не способствуют продуктивной работе?» представлены в таблице (табл. 3).

Таблица 3. Факторы, не способствующие продуктивной работе осужденных

Вид проблемы	Частота упоминания опрошенными (%)
Условия труда не всегда отвечают санитарно-гигиеническим требованиям	61,8
Эмоциональная напряженность между осужденными и администрацией учреждения	27,6
Отсутствие современной техники	5,8
Отсутствие уважения труда окружающими	2,8
Нет стимула	2

Полученные результаты после обработки всех трех массивов информации были обобщены в таблице (табл. 4).

Анализ показывает, что по составу проблем, которыми сопровождается трудовой процесс, и интенсивности их проявления? трудовые мигранты занимают промежуточное положение между российскими рабочими и заключенными. Они не осуждены, но труд их не свободен. Такое положение дел требует решительных действий. Вряд ли их стоит ждать от государства, которое до сих пор не смогло решить проблемы трудовых мигрантов [3–6]. По нашему мнению, выход из сложившейся ситуации состоит в их самоорганизации, путем создания профсоюза трудовых мигрантов, который будет отстаивать их права и решать их специфические проблемы. Это позволит преодолеть безнаказанность работодателей, расширит арсенал средств правовой защиты трудовых мигрантов.

Таблица 4. Основные группы проблем, возникающих у российских рабочих, мигрантов и заключенных в трудовой деятельности

Критерий сравнения	Российские рабочие	%	Мигранты	%	Заключенные	%
Заработная плата	Задержка заработной платы	51,8	Невыплаченная заработная плата	52	Нет стимула	2
	Низкая заработная плата	45,6	Низкая, несвоевременная оплата труда	10,6	–	–
	–	–	Работа даром	10,4	–	–
Рабочий день	Много работы	44	Отсутствие выходных	33,19	–	–
	–	–	Ненормированный рабочий день	16,3	–	–
Обстановка в коллективе	Напряженная обстановка в коллективе	14,8	Жесткое обращение	11,3	Эмоциональная напряженность между осужденными и администрацией учреждения	27,6
	Некомпетентное начальство	3,7	Жертвы мошенничества и обмана	58,3	Отсутствие уважения труда окружающими	2,8
	Дискриминация руководителями	7,4	Дискриминация	17,1	–	–
	–	–	Ограничение свободы	11,1	–	–
	–	–	Чувство бесправности	33,2	–	–
	–	–	Физическое насилие	41,7	–	–
–	–	Оскорбления	33,3	–	–	
Возможности профессионального роста	Отсутствие возможностей роста	7,2	–	–	Нет стимула	2
Бытовые условия	–	–	Чудовищные бытовые условия	41,6	Условия труда не всегда отвечают санитарно-гигиеническим требованиям	61,8
	–	–	–	–	Отсутствие современной техники	5,8

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках реализации государственного контракта № 12.741.11.0170 на выполнение работ для государственных нужд («Открытый конкурс на право заключения государ-

ственных контрактов на выполнение работ по организационно-техническому обеспечению проведения всероссийских и международных молодежных конференций в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Качественные методы. Полевые социологические исследования / под ред. И.З. Штейнберга. – СПб.: Алетей, 2009. – 352 с.
2. Эксплуатация трудовых мигрантов в российском строительном секторе // Human Rights Watch. 2009. URL: <http://www.hrw.org/ru/reports/2009/02/09-0> (дата обращения: 15.09.2012).
3. Динамика развития рынка труда / под ред. И.В. Жилкина. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 233 с.
4. Региональная миграционная политика в Российской Федерации / под ред. А.А. Вартумяна, В.В. Бобылева. – Армавир: АГПУ, 2010. – 155 с.
5. Миграционная политика России: использование отечественного и зарубежного опыта / под ред. А.М. Бабичева. – М.: ИСПИ, 2009. – 28 с.
6. Миграционные процессы и проблемы адаптации / под ред. В.Г. Акумова. – Пенза: Изд-во ПГПУ, 2009. – 183 с.

Поступила 24.09.2012 г.

MIGRANT LABOR: BETWEEN THE FREEDOM AND PRISON

M.S. Kaz, E.M. Kaz*

Tomsk Polytechnic University

*Tomsk State University

E-mail: Genyak92@sibmail.com

The relevance of the study: the aggravation of interethnic relations, observed in Russia in recent years, is caused (to a great extent) by poor drafting of labor migration issues. It is necessary both the improvement of legislation in this area, and deep research of organizing work and social relations at enterprises employing workers.

The main aim of the study: the article analyzes the problems faced by migrant workers in the Russian labor market and ways to solve them.

The methods used in the study: the authors have carried out the comparative studies of labor relations in the production process of the Russian workers, migrant workers and prisoners. The specialized forums on the Internet, material of open interviews and questionnaires were the sources of information for analysis. The study used the method of content analysis to identify the representations that dominate the minds of migrant workers.

The results: using the method of content analysis the authors identified and ranked the problems defining the specific situation of migrant workers in the labor market. It was revealed that this category of labor occupies an intermediate position between the Russian workers and prisoners. They are not condemned, but their work is not free. The authors made a conclusion on the necessity of their self-organization by forming a trade union of migrant workers to defend their rights and to solve their specific problems

Key words:

Internally Displaced Persons, labor market, content analysis, focus group, wages.

REFERENCES

1. *Kachestvennye metody. Polevye sotsiologicheskie issledovaniya* [Qualitative methods. Field case studies. Ed. by I.Z. Shteynberg]. St. Petersburg, Aletheia, 2009. 352 p.
2. *Ekspluatatsiya trudovykh migrantov v rossiyskom stroitelnom sektore* [Exploitation of migrant workers in the Russian construction sector]. Human Rights Watch. 2011. Available at: <http://www.hrw.org/ru/reports/2009/02/09-0> (accessed 15 September 2012).
3. *Dinamika razvitiya rynka truda* [Dynamics of labor market development. Ed. by I.V. Zhilkin]. Moscow, INFRA-M, 2011. 233 p.
4. *Regionalnaya migratsionnaya politika v Rossiyskoy Federatsii* [Regional Migration Policy of the Russian Federation. Ed. by A.A. Vartumyan, V.V. Bobylev]. Armavir, ASPU 2011. 155 p.
5. *Migratsionnaya politika Rossii: ispolzovanie otechestvennogo i zarubezhnogo opyta* [Russian migration policy: the use of domestic and foreign experience. Ed. by A.M. Babichev]. Moscow, ISPR 2012. 28 p.
6. *Migratsionnye protsessy i problem adaptatsii* [Migration processes and problems of adaptation. Ed. by V.G. Akumov]. Penza, PGPU Publ., 2011. 183 p.

УДК 330.332.012

ВЛИЯНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В ЖИЛИЩНУЮ СФЕРУ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Г.А. Золотарева, И.В. Подопривога*

Томский политехнический университет

*Томский государственный архитектурно-строительный университет

E-mail: zgazga@mail.ru; podigval@mail.ru

Актуальность работы обусловлена не вполне сформированной структурой российского инвестиционного рынка, а также необходимостью увеличения инвестиций в реальный сектор российской экономики.

Цель работы: обоснование необходимости увеличения инвестиций в жилищную сферу, как фактора экономического роста, на основе структурной перестройки экономики.

Методы исследования: метод анализа и синтеза, метод системного подхода, методы статистического и экономического анализа, инвестиционные теории экономического роста, метод математического моделирования.

Результаты: Рассмотрены проблемы роста инвестиций в реальный капитал. Изучено влияние инвестиционных решений домохозяйств, в частности в жилищное строительство, на рост национальной экономики. Показано, что жилье, как часть первичных жизненных потребностей человека, является мощным стимулом развития национальной экономики.

Выводы: увеличение инвестиций в жилищное строительство и в отрасли социальной инфраструктуры, которые с ним связаны, может стать мультипликатором развития многих сопутствующих отраслей, регионов и одной из основ экономического роста.

Ключевые слова

Инвестиции, сбережения, валовое накопление, экономический рост, капитальные вложения, жилищное строительство.

В условиях, когда уровень использования производственной мощности недостаточно высокий, что характерно для многих предприятий России на современном этапе, рост объема производства продукции можно получить и на имеющихся основных фондах за счет улучшения их использования. Но использование старой технологической базы позволит выпускать только морально устаревшую продукцию, неконкурентоспособную на мировом рынке и усугубит дальнейшее отставание от передовых стран. В трактовке современной экономической теории экономический рост – это не просто увеличение производства, а рост конкурентоспособной продукции (работ, услуг). Для решения этой проблемы необходимо обновление не только техники, но и технологии, что невозможно без инвестиций. Поэтому для увеличения темпов роста валового национального продукта в нашей стране необходимо не только улучшение использования основных фондов, но и структурное и институциональное реформирование инвестиционного процесса. Для этого нужно формировать такие условия, чтобы средства высокорентабельного топливно-энергетического комплекса использовать в инвестиционном процессе в отраслях с низкой рентабельностью, испытывающих недостаток собственных инвестиционных ресурсов (обрабатывающие отрасли, сфера услуг) [1].

На темпы роста ВВП в краткосрочном периоде влияют преимущественно некапиталоемкие факторы. Но в среднесрочной и долгосрочной перспективе роль капитальных вложений очевидна. Это необходимо также для ликвидации воспроизводственных и структурных диспропорций народного хозяйства, сложившихся в нашей стране еще при плановом хозяйстве. Нужно при этом перейти от энерго-сырьевой образующей капиталовложений к инновационной, так как инновационный ресурс

воспроизводится в расширенном масштабе в отличие от сырьевых ресурсов.

Модель инвестиционного развития можно характеризовать с помощью параметров, определяющих тип капитальных вложений и их ориентацию. Эти параметры можно разделить на группы:

- макроэкономические и структурные показатели, такие как темпы роста сбережений, инвестиций, национального дохода, с одной стороны, и отраслевые, территориальные и воспроизводственные, с другой стороны;
- показатели, характеризующие институциональную среду инвестирования, к которым относятся особенности финансовых систем, источники финансирования инвестиций и др.;
- характеристики роли субъектов инвестиционного процесса и их структура.

Таблица. Структура использования валового внутреннего продукта*

	2008	2009	2010	2011	2012
Валовой внутренний продукт (%)	100	100	100	100	100
Валовое сбережение (%)	33	30	31	31	30
Валовое накопление (%)	26	16	20	24	24
Валовое накопление основного капитала (%)	22	21	21	22	23

*Рассчитано по [6].

В условиях превышения износа над обновлением основных фондов и, как следствие, их устаревания происходит сокращение объемов капитальных вложений. Многие авторы [1–4] пишут о том, что для увеличения инвестиций в реальный капитал и удовлетворения потребности всех отраслей народного хозяйства норма накопления должна быть не менее 30 % ВВП. В России это значение последние годы составляет 20...24 %. Основной причиной ухудшения перспектив экономического роста, а

следовательно, и уменьшения ресурсов инвестирования является не только низкая норма накопления, но и низкое качество (относительно уровня передовых стран) вложений в основной капитал [5].

На величину инвестиций влияет будущая предельная производительность капитала, поэтому инвестиции связаны с неопределенностью из-за изменения ожиданий относительно будущего. Неопределенность является важнейшей проблемой при принятии решений при выборе вариантов использования доходов и сбережений и на стадии реализации инвестиционного процесса. Причиной этого может быть недостаточно полная информация или ее отсутствие. Для того чтобы преодолеть эти проблемы неопределенности существуют различные методы. Один из них – получение дополнительной информации, но это может быть связано со значительными временными и стоимостными затратами. Получить информацию можно также с помощью научно обоснованных методов прогнозирования, но они не дают стопроцентного преодоления неопределенности. И даже с помощью этих методов недостаточную информацию не всегда можно восполнить. Это связано с объективными причинами, такими как неопределенность будущего, инфляция, состояние фондового рынка и др. Поэтому принятое решение может привести к нежелательным или отрицательным последствиям. Эффективность принятых инвестиционных решений часто связана с поведенческим (социальным) подходом, который изложен в работе Д. Норкотта [7]. Дж. Кейнс в своем труде «Общая теория занятости, процента и денег» объяснял инвестиционные решения не расчетами или желанием действовать, а «животным чутьем». Предприятие же должно стремиться к увеличению своей рыночной стоимости, для этого оно должно руководствоваться следующим правилом принятия инвестиционных решений: предельный продукт капитала должен быть равен его издержкам [8].

Экономическая деятельность государства как хозяйствующего субъекта по сравнению с хозяйственной деятельностью частного сектора не всегда имеет четко определенный критерий оптимальности, поэтому определить весь перечень основных факторов, влияющих на объем государственного бюджета, не всегда просто. Государственный бюджет является величиной неизменной на год, поэтому постоянной остается также на рынке благ функция спроса. Государство оказывает воздействие на совокупный спрос как прямым способом – являясь покупателем благ, так и косвенным – через налогообложение и государственные займы (выпуск ценных бумаг). Изменение налогообложения влияет на доход и величину сбережений частного сектора. Выпуск государственных облигаций влияет на уровень ставки процента и в конечном счете на инвестиционную активность предприятий и домашних хозяйств.

Субъектами инвестиционной деятельности являются не только хозяйствующие субъекты и государство, но и домашние хозяйства, для которых

инвестирование сбережений является возможностью не только распределить потребление во времени, но и, возможно, увеличить его в будущем. Объектом инвестиций для домашних хозяйств могут быть вложения в финансовые активы (вложения в ценные бумаги и др.) и приобретение объектов основных фондов (реальные инвестиции).

Согласно базовой теории инвестиций Дж.Д. Сакса и Ф.Б. Ларрена, инвестиции в реальные активы следует осуществлять тогда, когда норма прибыли больше процента от сбережений, для чего целесообразно покупать инвестиционные товары, а не финансовые активы. Управляя своими инвестициями и их величиной, домохозяйство может максимально увеличить свое богатство [9. С. 149–157].

В экономической политике любой страны инвестиции играют ключевую роль. Инвестиционные теории экономического роста объясняют ведущую роль инвестиционных процессов. Основные факторы, влияющие на объем инвестиций, можно выявить, проанализировав различные теории экономического роста.

Концепция мультипликатора Дж. Кейнса показывает устойчивую зависимость прироста национального дохода от прироста инвестиций, и основная задача – это создание дополнительного спроса в условиях отсутствия капитала для инвестиционной активности.

Если под воздействием технического развития решено увеличить объем инвестиций на величину ΔI , то, чтобы при возросшем спросе на инвестиции на рынке благ сохранилось равновесие, предложение также должно увеличиться на величину Δy , которая определяется следующим соотношением:

$$\Delta y = \Delta I + \Delta I C_y + \Delta I C_y^2 + \dots + \Delta I C_y^n,$$

где C_y – предельная склонность к потреблению, при $n \rightarrow \infty$ получим:

$$\Delta y = \frac{1}{1 - C_y} \Delta I.$$

Множитель $\frac{1}{1 - C_y}$ называется мультипликатором

и показывает, насколько увеличится равновесный национальный доход, если автономный спрос возрастет на единицу. Так как $0 < C_y < 1$, то мультипликатор больше единицы, а значит, национальный доход должен расти быстрее, чем автономные расходы.

Индукцированные инвестиции осуществляют предприниматели после того, как они будут уверены, что увеличение спроса постоянно, и, принимая решение об инвестициях, они ориентируются на приращение национального дохода не в настоящем, а в предыдущем периоде.

$$I_{инт} = K(y_{t-1} - y_{t-2}).$$

При данных допущениях экономика будет находиться в равновесном состоянии, если

$$y_t = C_y y_{t-1} + K(y_{t-1} - y_{t-2}) + A_t,$$

где A_t – экзогенная величина спроса, K – акселератор. При постоянной величине автономных расходов ($A_t = A = \text{const}$) долгосрочное равновесие достигается в экономике, когда национальный доход устанавливается на определенном уровне.

Для того чтобы определить объем инвестиций, обеспечивающий необходимый уровень воспроизводства основных средств, необходимо знать приростную капиталоемкость продукции (K) – акселератор, величину, которая показывает, сколько для производства дополнительной единицы продукции требуется единиц капитала. И для того чтобы увеличить производство при данной капиталоемкости с y_{t-1} до y_t , потребуются индуцированные инвестиции в следующем размере:

$$I_{\text{ин}} = K(y_t - y_{t-1}),$$

поэтому индуцированные инвестиции зависят от увеличения национального дохода.

Осуществление инвестиционных процессов является важнейшим условием достижения экономического роста в стране. Как видно из уравнений, значительным фактором роста инвестиций является склонность к потреблению и накоплению. Связь между экономическим развитием и накоплением была отмечена еще в начале капиталистического способа производства [10. С. 48]. Абсолютное большинство экономистов XIX и начала XX вв. рассматривали накопление как главный фактор прогресса. Так, например, программа Кейнса заключалась в достижении экономического роста только за счет полного использования ресурсов, а это довольно простая задача.

Э. Харрод и др. пытались пересмотреть теорию Кейнса. Например, в модели Харрода темп роста национального дохода зависит от двух причин: нормы накопления и капитального коэффициента (соотношение прироста всех видов благ и прироста продукции за один период).

Авторы теории экономической динамики рассматривали увеличение темпов роста национального дохода как следствие прироста объема накопления. Это и является главной идеей «кембриджского уравнения» [11. С. 97–98]:

$$\Pi = \frac{1}{S_{\Pi}} I,$$

где Π – масса прибыли; I – инвестиции; S_{Π} – сбережения из прибыли.

Дж. Кейнс исходил из предположения, которое назвал «основным психологическим законом», в соответствии с которым главным фактором, влияющим на потребление домашних хозяйств, является величина текущего дохода. Главная мысль этой гипотезы заключается в том, что население, с ростом дохода, склонно, как правило, увеличивать свое потребление, но не в такой степени, в которой растет доход [8].

Соответствующая «основному психологическому закону» алгебраическая запись функции потребления (C) выглядит следующим образом:

$$C = C_0 + C_y y; \quad C_0 > 0,$$

где y – текущий доход; C_0 – величина независимого от текущего дохода потребления (автономного потребления); C_y – предельная склонность к потреблению (MPC), которая показывает, как увеличится потребление с ростом текущего дохода на единицу ($C_y = \Delta C / \Delta y$), а ограничение $0 < C_y < 1$ говорит о том, что потребление с ростом дохода увеличивается, но не в такой степени, как растет доход. Следует отметить, что в развитых странах расходы на жилье (арендная плата, погашение ипотечного кредита) являются частью автономного потребления C_0 , в то время как в России эти расходы существенно зависят от текущего дохода домохозяйств. Если же он отсутствует, то потребление происходит за счет сокращения имущества. Недостаток этого уравнения в том, что оно не учитывает влияние ставки процента и будущего дохода на решения о потреблении.

Как полагал Дж. Дьюзенбери на основе гипотезы относительного дохода [12], по которой потребление отдельных домохозяйств (C_i) определяется не их абсолютными доходами (y_i), а отношением их доходов к среднему доходу социального слоя, к которому они принадлежит (\bar{y}):

$$APC = \frac{C_i}{y_i} = a + b \frac{\bar{y}}{y_i}; \quad a, b > 0.$$

Если растет доход только данного домохозяйства относительно средневзвешенного заработка, то средняя норма его потребления (APC) снижается, соответственно увеличивается норма накопления и, как следствие, повышается склонность к инвестированию.

Модель, предложенная П. Самуэльсоном и Дж. Хиксом [13, 14] содержит в себе только рынок благ, и предполагается, что относительные цены благ, уровень цен и ставка процента постоянны, а объем предложения совершенно эластичен. И так как модель динамическая, то все переменные являются функциями времени. Объем потребления домашних хозяйств в текущем периоде, в отличие от модели Дж. Кейнса, определяется их доходом в предыдущем периоде:

$$C_t = C_0 + C_y y_{t-1}.$$

Это подтверждает то, что с увеличением дохода уровень потребления увеличивается не сразу (соответственно растут сбережения).

Теория перманентного дохода (средневзвешенная величина всех доходов, ожидаемых в будущем):

$$C_t = C_y \alpha y_t + C_y (1 - \alpha) y_{t-1}.$$

Из этого соотношения видно, почему предельная склонность к потреблению в длительном периоде больше, чем в коротком: при увеличении дохода на единицу в текущем периоде потребление вырастет на $C_y \alpha$ единиц и еще на $C_y (1 - \alpha)$ единиц в следующем периоде. Таким образом, факторами, влияющими на объем инвестиций являются не только склонность к потреблению и накоплению, но и величина доходов.

На основе теории перманентного дохода получена концепция «жизненного цикла» Модильяни [15], в которой текущий объем потребления определяется в итоге равномерного потребления всех ожидаемых в течение жизни доходов. Таким образом, домохозяйству, принимающему решение об инвестициях в жилье, приходится иметь в виду не только текущий доход, но и планировать свои будущие доходы.

Анализ инвестиций и экономического роста обычно предполагает, что экономический рост является следствием инвестиций. Эта связь адекватна в случае, когда производственные мощности реального сектора максимально загружены, и поэтому для последующего роста необходимо обновление и создание новых производственных мощностей. В России их загрузка на средних и крупных предприятиях в 1990 г. составляла около 83 %, в 1997–1998 гг. не превышала 26 %, к 2007 г. достигла всего 60...62 % и в 2012 г. оставалась на уровне 55...70 % в зависимости от отрасли [6].

Таким образом, существует значительная недогрузка производственных мощностей, и послекризисный экономический рост должен быть достаточно сильным, чтобы стимулировать повышение нормы накопления. Добиться этого можно, стимулируя отечественные инвестиции на базе структурной политики, основными элементами которой являются объявление правительством приоритетных отраслей и программ, доленое участие государства в реализации этих программ с дальнейшей программой продажи своей доли, льготное финансирование этих проектов на основе бюджета развития как части государственного бюджета через государственные банки.

Перспективы стабильного роста объемов инвестиций определяются также повышением уровня капитализации сбережений домашних хозяйств, которые являются значимым источником инвестиций. Сбережения создают предпосылки к последующему его инвестированию.

Анализ структуры денежных доходов населения за последние десять лет показал, что доходы населения имеют тенденцию к постоянному росту, что привело к значительному увеличению сбережений. В настоящий момент, по оценке экспертов, на руках у населения России находится 30...40 млрд долларов свободных средств [16].

Уровень сбережений в России на современном этапе достаточно высок – около 30 % от ВВП (таблица), в том числе растут сбережения домашних хозяйств, а соответственно, увеличивается их значение как источника инвестиций. Несмотря на то, что частные сбережения в настоящее время составляют около 10 % от общих сбережений, они представляют существенный интерес в качестве источника увеличения инвестиционных ресурсов по следующим причинам: как раз сбережения домохозяйств в значительной степени находятся в неорганизованной форме, и их доля существенно увеличивается в последние годы. Проблема же их дефицита заключается в трансформации неорганизо-

ванных сбережений в организованные. Сбережения населения существуют в двух формах: организованной (в виде вкладов в кредитно-финансовых учреждениях, в ценных бумагах и т. д.) и неорганизованной (на руках, в секторе «домашние хозяйства»). Выбор формы хранения средств обуславливается рядом причин: степень доверия к банкам и ценным бумагам, сроки хранения сбережений и возможность их получения в любое время, доходность различных инструментов финансового рынка. Наличные средства на руках у населения оторваны от производственного процесса и в некоторой степени считаются потерянными для экономики, по этой причине организованная форма сбережения является более предпочтительной с точки зрения расширения инвестиционного процесса.

Для осуществления этой цели необходима институционализация привлечения сбережений, а именно развитие финансовых институтов, и стимулирование дополнительного спроса с целью увеличения нормы накопления. Таким образом, с одной стороны, в России наблюдается недостаток средств для финансирования инвестиций и высокий уровень сбережений, но низкий уровень их использования – с другой [1, 17].

Инвестиции в жилищную сферу – одно из направлений инвестиционного расхода и это основной фактор стимулирования сбережений домохозяйств. Покупка жилья – это инвестиция, так как полезные свойства объекта распределены во времени и не могут быть получены одновременно во всей своей совокупности. В зависимости от субъекта и целей вложения, инвестиции в жилище могут быть рассмотрены как экономические и (или) социальные решения.

Человеческий ресурс – это главная движущая сила экономики, и инвестирование в жилищное строительство является одним из важнейших факторов эффективного использования человеческого ресурса и соответственно развития экономики. Улучшая качество жизнедеятельности населения, инвестиции в жилищную сферу, помимо социального, имеют и экономический эффект. И поэтому жилищная проблема является одной из наиболее значимых из множества социально-экономических проблем.

Жилье является частью первичных жизненных потребностей человека наравне с продуктами питания и одеждой, также оно является мощным стимулом развития национальной экономики. Это обуславливается особенностями инвестиций в жилье. С одной стороны, жилье – товар длительного пользования, к тому же дорогостоящий, и в стабильной экономике он является основным фактором стимулирования сбережений домохозяйств, которые и являются источником формирования инвестиционных ресурсов [18]. С другой стороны, так как в жилищной сфере покупают и продают как активы, так и услуги, инвестиции в жилье увеличивают не только капитал, но и рынок услуг, влияя на увеличение темпов экономического роста страны.

Как показали исследования американских ученых, существует зависимость между доступностью жилья и демографическими процессами: если стоимость жилья снижается на 10 %, то количество семей увеличивается на 0,25 % [19]. Если рассматривать это с точки зрения теории жизненного цикла сбережений, то увеличение доли молодого населения должно повлечь за собой превышение сбережений над их расходами, т. е. к увеличению чистых совокупных сбережений [20. С. 271]. Таким образом, увеличение инвестиций в жилье должно привести к увеличению нормы сбережений, что служит, как уже отмечалось, источником формирования инвестиционных ресурсов и ускорения экономического роста. Этот вывод, конечно, не является однозначным. Говоря о молодом населении, в данном случае, видимо, должно иметься в виду работающее население. Поэтому на первоначальном этапе рост населения может даже привести к относительному снижению экономического роста (т. е. снижению доходов на душу населения). То есть можно говорить о долговременном аспекте увеличения нормы сбережений, который, по-видимому, произойдет со значительным временным лагом.

Улучшение жилищных условий влияет на увеличение производства также с другой стороны. Если анализировать производственную функцию, которая увязывает объем выпуска с затратами факторов производства (ресурсов) и с уровнем технологии (совокупной производительности факторов), то улучшение жилищных условий является как прямо, так и косвенно фактором экономического роста.

Прямое влияние связано с приростом (как отмечалось выше) трудовых ресурсов. Косвенное связано с тем, что улучшение условий проживания влияет на производительность труда, и это оно, как представляется, существеннее, чем прямое. Удовлетворение жилищных потребностей является не только экономической проблемой, но также и социальной, и политической и имеет влияние на все стороны жизни общества.

Рост производительности труда – это не только результат повышения уровня технологий, который является центральным показателем ее роста в модели факторного анализа источников экономического роста, разработанной Робертом Солоу и используемой многими экономистами [21]:

$$Q = Q(K, L, T),$$

где рост выпуска Q зависит от капитала (K), затраченного труда (L) и технологий (T).

В литературе последних лет часто поднимается вопрос о значении инвестирования в человеческий капитал как фактора увеличения производительности труда. Притом говорится об инвестициях в образование, профессиональную подготовку, здравоохранение и т. п., но не исследуется роль удовлетворения потребности в жилище и прочих насущных потребностей на увеличение производительности труда. Но качественные характеристики жилья и, тем более, обеспеченность им являются

стимулом желания трудиться и зарабатывать больше. Влияние этого фактора, так же как и влияние технического прогресса, не может быть измерено непосредственно и проверено эмпирически. В то же время это будет также являться стимулом склонности к сбережению и инвестированию. Поэтому в модель Р. Солоу будет целесообразно добавить фактор инвестиций, при этом в данном случае мы не отождествляем инвестиции и капитал, так как инвестиции – это независимый текущий процесс:

$$Q = Q(K, L, T, I).$$

Выбор между трудом и отдыхом в значительной степени зависит от величины реальной заработной платы (после уплаты налогов). Размер реальной заработной платы может вырасти как в результате политики государства (с увеличением минимальной оплаты труда), так и путем повышения эффективности труда, т. е. с увеличением его производительности. Согласно теории предложения, увеличение оплаты труда должно стимулировать предложение труда. При повышении заработной платы происходит относительное (т. е. за 1 час работы) увеличение дохода работающего, что теоретически может привести к сокращению предложения труда (как известно, существенная часть населения имеет не один источник дохода (т. е. один человек может быть занят на нескольких рабочих местах). И поэтому существенное увеличение заработной платы на одной работе может стимулировать работника оставить остальные. Но эффект замещения будет действовать в сторону стимулирования увеличения предложения труда, т. к. каждый час отдыха теперь тоже будет стоить дороже. Таким образом, увеличение доступности жилья теоретически должно привести к стимулированию увеличения как сбережений, так и доходов домохозяйств.

Поскольку повышение доступности жилья увеличивает естественный прирост численности населения, то на первоначальной стадии инвестирования он, возможно, приведет к относительному снижению экономического роста, но в долгосрочной перспективе можно предположить, что норма сбережений будет увеличиваться, а улучшение жилищных условий опосредованно повлияет на увеличение производительности труда. Таким образом, инвестиции в жилье, в качестве мультипликатора экономического роста, будут являться следствием еще большего роста нового капитала [1].

Огромные масштабы российского инвестиционного рынка, неразрешенные строительные проблемы, прежде всего в жилищной сфере, минимальная удовлетворенность потребностей в жилье и объектах жилищной среды практически всех видов позволяет сделать предположение о том, что увеличение инвестиций в жилищное строительство и отрасли социальной инфраструктуры, которые с ним связаны, может стать мультипликатором развития многих сопутствующих отраслей, регионов и одной из основ экономического роста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Подопригора И.В. Особенности инвестиционных процессов в жилищной сфере современной российской экономики: дис.... канд. экон. наук. – Томск, 2009. – 191 с.
2. Соколов И. Тенденции валового накопления в российской экономике // Обозреватель – Observer. – 2004. – № 6. URL: http://www.rau.su/observer/N6_2004/6_11.htm. (дата обращения: 21.10.2013).
3. Дубинин С. Речь идет о коренной ломке всей экономической системы страны // Ладожская хроника. – 2013. – № 3. URL: <http://www.ladoga-park.ru/a130312171543.html> (дата обращения: 21.11.2013).
4. Золотарева Г.А., Подопригора И.В. Сбережения как необходимое условие осуществления инвестиций // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – Т. 319. – № 6. – С. 41–45.
5. Клинов В.Г. О темпах экономического роста России до 2030 года // МГИМО. 2013. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document243310.phtml> (дата обращения: 21.11.2013).
6. Банк готовых документов. Россия в цифрах. 2012. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 31.01.2013).
7. Northcott D. Capital investment decision-making: A role for strategic management accounting? // British Accounting Review. – 1998. – 38 (2). – P. 149–173.
8. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Прогресс, 1978. – 114 с.
9. Сакс Дж.Д., Ларрен Ф.Б. Макроэкономика. Глобальный подход / пер. с англ. – М.: Дело, 1999. – 848 с.
10. Аникин А.В. Юность науки. – М.: Изд-во «Политическая литература», 1975. – 384 с.
11. Литвиненко О.И. Теории прибыли. – М.: Изд-во «Мысль», 1979. – 206 с.
12. Duesenberry J. Income, Saving and Theory of Consumer Behavior. – Cambridge, 1949. – 186 p.
13. Samuelson P. Interactions between the Multiplier Analysis and the Principles of Acceleration // Rev. Econ. Stat. – 1939. – V. 21. – P. 75–78.
14. Hicks J. A Contribution to the Theory of the Trade Cycle. – Oxford, 1950. Ch. VI. – 267 p.
15. Modigliani Fr. The role of intergenerational transfers and life-cycle saving in the accumulation of wealth // Journal of Economic Perspectives. – 1998. – 2 (2). – P. 15–20.
16. Бобылев В., Семко А. Правовые основы регулирования деятельности паевых инвестиционных фондов как формы коллективного инвестирования // Инвестиции в России. – 2008. – № 9. – С. 19–22.
17. Подопригора И.В. Задачи стимулирования спроса и предложения на рынке жилья в российской экономике // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 307. – С. 121–125.
18. Малаховская М.В., Золотарева Г.А., Подопригора И.В. Инвестиции в жилищное строительство как фактор экономического роста // Инвестиции в России. – 2006. – № 4. – С. 23–24.
19. Овсянникова Т.Ю. Жилье как фактор роста человеческого потенциала // Томский финансовый журнал. – 2004. – № 3. – С. 14–15.
20. Дорнбуш Р., Фишер С. Макроэкономика / пер. с англ. – М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 1997. – 784 с.
21. Solow R. We'd better watch out // New York Times Book Review. – 1987, July 12. – P. 36.

Поступила 12.02.2013 г.

UDC 330.332.012

THE IMPACT OF INVESTMENT IN THE HOUSING ON ECONOMIC GROWTH

G.A. Zolotareva, I.V. Podoprigora*

Tomsk Polytechnic University

*Tomsk State University of Architecture and Building

E-mail: zgazga@mail.ru; podigval@mail.ru

The urgency of the discussed issue is caused by the need to increase the investment in the real sector of the Russian economy as a factor of economic growth; not completely formed structure of the Russian investment market.

The main aim of the study is to justify the importance of increasing the investment in the housing sector as a factor of economic growth, based on economic restructuring.

The methods used in the study: analysis and synthesis, system analysis, methods of statistical and economic analysis, investment growth theory, method of mathematical modeling.

The results: The problems of real capital investment are discussed. The authors have studied the influence of investment decisions of households, particularly in housing on the growth of the national economy. It was shown that housing, as a part of the primary vital human needs, is a powerful stimulus for the development of the national economy.

Conclusions: The increase of investment in housing and social infrastructure sector, associated with it, can become a multiplier of many related industries, regions development and one of the foundations of economic growth.

Key words:

Investment, savings, gross accumulation, economic growth, capital investment, housing construction

REFERENCES

1. Podoprigora I.V. *Osobennosti investitsionnykh protsessov v zhilishchnoy sfere sovremennoy rossiyskoy ekonomiki. Diss. kand. econ. nauk* [Features of the investment processes in the housing sector of the Russian economy. PhD diss. Economics] Tomsk, 2009. 191 p.
2. Sokolov I. Tendentsiy valovogo nakopleniya v rossiyskoy ekonomike [Gross Accumulation Trends in the Russian economy]. *Obozrevatel – Observer*, 2004, no. 6. Available at: http://www.rau.su/observer/N6_2004/6_11.HTM. (accessed 21 October 2013).
3. Dubinin S. Rech idet o korennoy lomke vsey ekonomicheskoy sistemy strany [It is a radical change in the entire economic system of the country]. *Ladoga Chronicle*, 2013, no. 3. Available at: <http://www.ladoga-park.ru/a130312171543.html> (accessed 21 November 2013).
4. Zolotareva G.A., Podoprigora I.V. Sbezheniya kak neobkhodimoe uslovie osushchestvleniya investitsiy [Savings as a prerequisite for investment]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2011, vol. 319, no. 6, pp. 41–45.
5. Klinov V.G. *O tempakh ekonomicheskogo rosta Rossii do 2030 goda* [The rate of economic growth in Russia 2030]. Available at: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document243310.phtml> (accessed 21 November 2013).
6. Bank gotovykh dokumentov. Rossiya v tsifrah [Bank of Russia finished documents at a Glance]. 2012. *Federal State Statistics Service*. Available at: <http://www.gks.ru/> (accessed 31 January 2013).
7. Northcott D. Capital investment decision-making: A role for strategic management accounting? *British Accounting Review*, 1998, no. 38 (2), 149–173.
8. Keynes J. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [Theory of Employment, Interest, and Money]. Moscow, Progress, 1978. 114 p.
9. Sachs J.D., Larren F.B. *Makroekonomika. Globalny podkhod* [Macroeconomics. Global approach]. Moscow, Delo, 1999. 848 p.
10. Anikin A. *Yunost nauki* [Youth of the Science]. Moscow, Politicheskaya Literatura, 1975. 384 p.
11. Litvinenko O.I. *Teorii pribyli* [Theory of the profit]. Moscow, Mysl, 1979. 206 p.
12. Duesenberry J. *Income, Saving and Theory of Consumer Behavior*. Cambridge, 1949. 186 p.
13. Samuelson P. Interactions between the Multiplier Analysis and the Principles of Acceleration. *Rew. Econ. Stat*, 1939, vol. 21, pp. 75–78.
14. Hicks J. A Contribution to the Theory of the Trade Cycle. Oxford, 1950. Ch. VI, 267 p.
15. Modigliani Fr. The role of intergenerational transfers and life-cycle saving in the accumulation of wealth. *Journal of Economic Perspectives*, 1998, 2 (2), pp. 15–20.
16. Bobilev V., Semko A. Pravovye osnovy regulirovaniia deyatelnosti paevykh investitsionnykh fondov kak formy kollektivnogo investirovaniya [Legal framework regulating the activities of mutual funds as a form of collective investment]. *Investments in Russia*, 2008, no. 9, pp. 19–22.
17. Podoprigora I.V. Zadachi stimulirovaniya sprosa i predlozheniya na rynke zhilya v rossiyskoy ekonomike [Problems of supply and demand in the housing market in the Russian economy]. *Bulletin of the Tomsk State University*, 2008, no. 307, pp. 121–125.
18. Malakhovskaya M.V., Zolotareva G.A., Podoprigora I.V. Investitsii v zhilishchnoe stroitelstvo kak faktor ekonomicheskogo rosta [Investment in residential construction as a factor of economic growth]. *Investment in Russia*, 2006, no. 4, pp. 23–24.
19. Ovsyannikova T. Zhilye kak faktor rosta chelovecheskogo potentsiala [Housing as a human growth factor]. *Tomsk financial Journal*, 2004, no. 3, pp. 14–15.
20. Dornbusch R., Fischer S. *Makroekonomika* [Macroeconomics]. Moscow, Moscow State University: INFRA-M, 1997. 784 p.
21. Solow R. We'd better watch out. *New York Times Book Review*, July 12 1987, p. 36.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКИХ ИННОВАЦИЙ

С.А. Прокопенко

Томский политехнический университет
Институт угля СО РАН, г. Кемерово
E-mail: sibgr@mail.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью освоения российской экономикой инновационного пути развития и медленными темпами внедрения инноваций на предприятиях.

Цель работы: показать ущербность проводимой нынешними предприятиями экономической политики, делающей невозможным внедрение новаций, а также предложение к освоению критериев оценки ресурсов, позволяющих осуществлять грамотный их выбор.

Методы исследования: технико-экономического анализа и сравнения, обобщения факторов.

Результаты: Разработана матрица сравнения инновационных продуктов с применяемыми изделиями, позволяющая экономить средства предприятий при закупках ресурсов. Предложен и апробирован на примере шахт Кузбасса критерий оценки «удельные затраты ресурса», обеспечивший выявление существенных экономических потерь.

Выводы: Предлагаемые промышленности инновации могут иметь меньшую, равную или большую цену по сравнению с применяемыми решениями или материальными ресурсами. Однако критерием выбора должна служить не цена, а удельные затраты инновации на единицу выполняемой с ее помощью работы. Непонимание сути таких затрат и неумение их рассчитывать ведут к отклонению промышленниками многих выгодных предприятиям инноваций. Игнорирование закупок для шахтных комбайнов новых резцов, показавших в ходе промышленных испытаний рентабельность 100...300 %, свидетельствует об ущербности экономической политики, проводимой нынешними управляющими кузбасских шахт. Для инновационного развития требуются освоение снабженческим персоналом шахт новых экономических категорий и смена целеполагания с «дешевого» на «выгодное».

Ключевые слова:

Инновации, качество, затраты, шахта, резец, матрица.

Инновационное развитие российской промышленности требует всестороннего совершенствования ее предприятий путем освоения новшеств, генерируемых как внутри производственных систем, так и появляющихся на рынке. Эти новшества, выступающие ресурсами предприятия, требуют технико-экономической оценки и определения размера получаемой выгоды. Появляющиеся новации могут иметь по сравнению с применяемыми предприятиями техническими решениями меньшую, равную или большую стоимость. И отдача от новации может быть разного масштаба. Экономическим критерием оценки новации должны служить удельные затраты на единицу выполняемой с ее помощью работы. Именно этот критерий соотносит стоимость с качеством продукта. Цена же нового продукта выступает не определяющим фактором, а дополняющим. На рис. 1 показана разработанная матрица сравнения по цене и удельным затратам инновационного продукта с используемым предприятием в настоящее время.

Целью большого количества инноваций является снижение затрат на единицу выпускаемой предприятием продукции [1–5]. Инновационные ресурсы с равными или большими удельными затратами, чем у применяемых (рис. 1, группы 5–9), невыгодны предприятию. Интересны только те, что снижают удельные затраты или при равных удельных затратах влекут меньше покупных расходов (рис. 1, группа 4). Привлекательные инновации могут иметь большую, равную или меньшую цену закупки (рис. 1, группы 1–3). Но все они выгодны.

Наиболее выгодны инновационные продукты группы 1 (рис. 1), но они редки и производятся на

основе принципиально новых знаний, для получения которых необходимы фундаментальные исследования с прорывными результатами, существенно меняющими технологию производства. Следующими по привлекательности являются инновации группы 2 (рис. 1). При равной цене они обеспечивают снижение удельных затрат.

Анализ показывает, что основное количество на рынке инноваций группы 3 (рис. 1). Это ресурсы улучшенного качества, большей производительности, длительного срока службы. Однако для получения потребителями этих преимуществ производителями инноваций расходуется больше средств, чем на существующий продукт, что влечет за собой рост цены. Большая цена становится препятствием на пути инноваций [6–9]. Вот что писала газета Коммерсантъ, освещая визит премьер министра Д.А. Медведева в г. Омск в 2012 г.: «...руководитель Российских железных дорог (РЖД) Владимир Якунин показал Д.А. Медведеву лаборатории, которые находятся в Омском государственном университете путей сообщения и частично спонсируются РЖД. В ходе встречи господин Якунин пожаловался, что перевозчики не заинтересованы в приобретении железнодорожных колес, которые производятся по новым технологиям, поскольку они дороже обычных на 30 %. Но, по словам главы РЖД, их срок службы в два раза больше, поэтому он попросил Дмитрия Медведева повысить налог для тех, кто использует устаревшую технику» [6]. Аналогичная ситуация и в горнодобывающей промышленности.

Вследствие экономической неадекватности нынешних управляющих шахт и угольных компа-

ний инновации группы 3 (рис. 1) ими сейчас практически не востребуются. Снабженческие службы торговых домов угольных компаний часто закупают не то, что нужно горному участку, а то, что дешевле и проще купить. Специалист торгового дома (часто молодой и еще низкоквалифицированный работник) организует закупочную деятельность следующим образом. При поступлении заявки с шахты на какой-то ресурс, например резцы к шахтному комбайну, он запрашивает у производителей прайс-листы, затем выбирает резцы нужного типоразмера с наименьшей ценой, пишет служебную записку начальнику отдела, в обоснование выбора прикладывает прайс-листы и... все обоснование. Оформляются бухгалтерские документы на закупку самых дешевых резцов, выполняется расчет якобы сэкономленных средств.

ЦЕНА, р./шт.	ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫ	БЕЗРАЗЛИЧНЫ	НЕПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫ
ВЫШЕ	3	6	9
РАВНА	2	5	8
НИЖЕ	1	4	7
	НИЖЕ	РАВНЫ	ВЫШЕ

УД. ЗАТРАТЫ, р./т

Рис. 1. Матрица сравнения инновационного продукта с применяемым предприятием (выше, равны, ниже – характеристики инновации в сравнении с применяемым продуктом)

Псевдоэкономия формирует базу для премирования снабженца. Дальнейшая эксплуатация закупленных резцов торговым домом не отслеживается, анализ их эффективности ни снабженцами, ни механиками, ни начальниками участков не выполняется [10]. Такое положение дел обусловлено тем, что функция оценки эффективности приобретенных ресурсов в торговых домах не организована. Отсюда миллионные переплаты за низкоэффективные ресурсы, низкая конкурентоспособность поставляемой на мировой рынок продукции, многомиллионные недополученные доходы от недобытого из-за поломок и низкой производительности оборудования угля, недополученные поступления в бюджет...

Многочисленные закупки низкокачественного ресурса при оценке не в момент приобретения, а за период (квартал, полугодие, ...) ведут к кратной ра-

страте денежных средств предприятий. Резцы же износостойкие, высококачественные и экономичные не закупаются снабженцами, работающими по нынешней схеме. Резцы в данном случае лишь конкретный пример, а проблема касается и других машин, инструментов, запчастей, материалов, ...

При такой работе снабженцев, какие бы инновационные резцы или другие ресурсы для шахты не появлялись на рынке, они обречены на невостребованность. Закупки по критерию меньшей цены – это тупик для инноваций.

В условиях финансового кризиса шахты урезают даже такие малые статьи затрат, как канцелярские расходы, при этом миллионы рублей расходуются неэффективно. Уже сейчас есть решения по снижению затрат шахты, например на комбайновые резцы, в 4–8 раз и более. Но и шахты и компании продолжают жить в бюджетном режиме, стремясь получить от собственника запланированные средства и не имея интереса к их экономии.

Например, одна из шахт Кузбасса в 2010 г. провела опробование резцов разных марок и составила акт. По его результатам нами были рассчитаны удельный выход горной массы на резцы и удельные затраты. Удельные затраты, связанные с использованием для отбойки горной массы резцов, рассчитывались по формуле:

$$Z_{уд} = Ц \times N / M, \text{ р./т};$$

где Ц – цена резца, р./шт.; N – количество резцов в контрольной партии, шт.; M – масса отбитого угля (т) на резцах контрольной партии.

На рис. 2 показано сравнение выхода горной массы до отказа, цен и удельных затрат резцов различных поставщиков для этой шахты. Анализ показывает, что у резцов РГ производительность (выход горной массы на резец до износа) составила 212 т, а у резцов РШ – 418 т/резец. При этом для резцов РГП значение этого показателя достигло 2600 т/резец или в 6 и 12 раз больше, чем у РГ и РШ, соответственно. Расчетное значение удельных затрат резцов РГ равняется 1,5 р./т, что в 4 раза больше, чем у резцов РГП, несмотря на втрое меньшую цену. Удельные затраты резцов РШ при их цене 390 р./шт. составили 0,9 р./т угля или в 2 раза выше, чем у более дорогих (980 р./шт.) резцов РГП – 0,4 р./т [11].

В таблице приведен анализ возможностей рассматриваемой шахты при освоении инновационных резцов РГП. Годовую потребность комбайнов шахты в резцах можно будет сократить в 7,4 раза с нынешних 17,8 до 2,4 тыс. шт. Масса металла, переносимого шахтерами за год в угольные забои с поверхности, сократится с нынешних 25–27 до 3,6 т. Простой комбайнов, связанные с заменой резцов, можно будет уменьшить на 10,5 суток чистого времени за год, что позволяет нарастить добычу угля. Ежегодные затраты на приобретение резцов сокращаются с 5,1 до 2,3 млн р. или в 2,2 раза. Экономия денежных средств достигает 2,8 млн р./год.

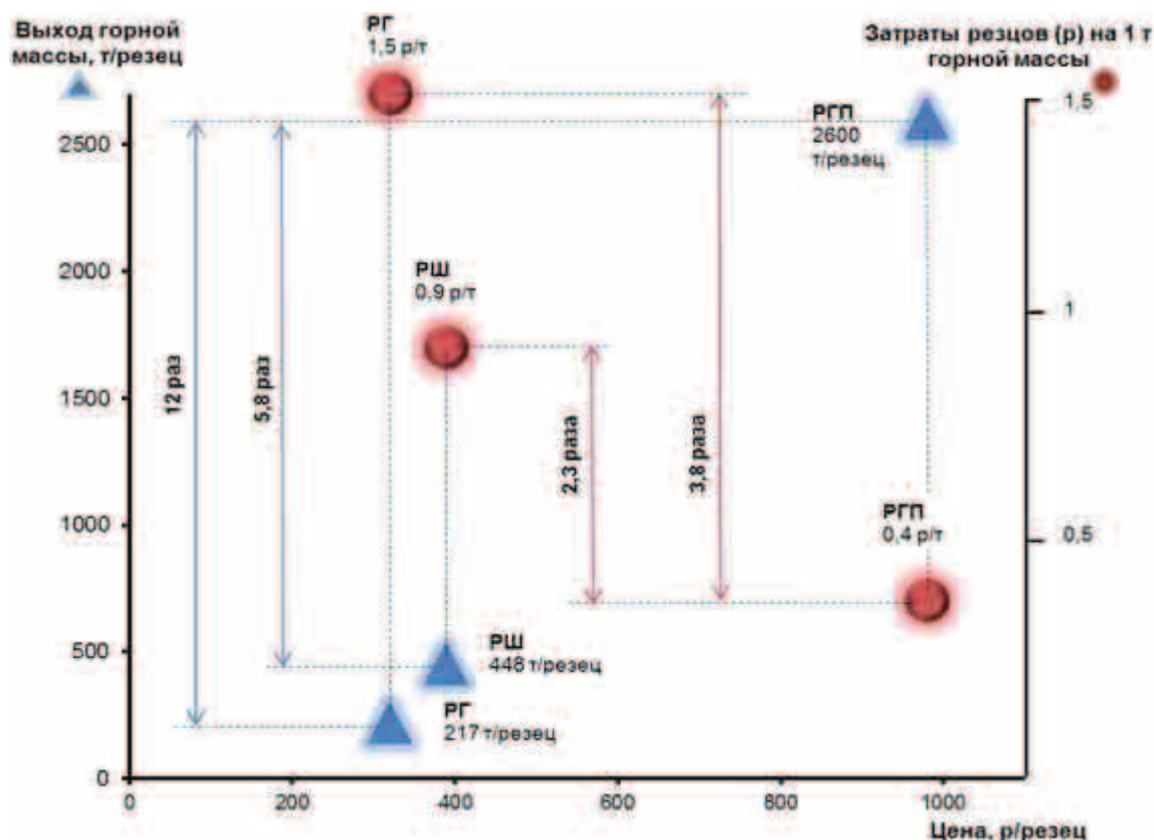

Рис. 2. Сравнение цен, производительности и удельных затрат резцов РГП, РШ и РГ от разных поставщиков

Однако, получив такие высокие экономические оценки резцов РГП, шахта их не закупает. И не комплектует комбайны высокопроизводительными резцами для экономической отбойки угля и породы. Шахта продолжает переплачивать ежегодно по 3 и более млн р.; тяжелый физический труд рабочих не облегчает, и те ежегодно вместо 3–4 т переносят в забои 25–27 т резцов. Для освоения этой инновации не требуется инвестиций, затрат на конструкторскую разработку, на испытания – все уже сделано. И опытные испытания проведены только в этой шахте трижды, и результаты получены превосходные (превосходство над резцами-аналогами в 6–12 раз (рис. 2), и технические специалисты поддерживают инновации. Но дело дальше не движется, а многократные предложения руководителям шахты по сокращению ее расходов отклоняются.

Еще пример по другой кузбасской шахте. В 2008 г. она провела испытания резцов на комбайне КП-21, установила производительность изделий разных поставщиков, выбрала как наиболее экономичные резцы РГП. Работала в экономичном режиме отбойки горной массы два года, однако новый директор, якобы прогрессивный управляющий, вернул шахту к закупкам «растратных» резцов, мотивируя это их меньшей ценой. О показателе «удельные затраты резцов» он не слышал, не воспринимает его и понять не стремится. В результате шахта уже два года несет неоправданные

Таблица. Анализ эффективности замены применяемых резцов РГ и РШ на инновационные РГП (по итогам 2010 г.)

Параметр	Значение параметра для резцов			Всего
	РГ	РШ	РГП	
Использовано резцов за год, тыс. шт.	6,07	11,6	0,2	17,8
Расходы на покупку, тыс. р.	1785,8	3334,9	195,6	5316,4 (5120,7 без резцов РГП)
Превосходство резцов РГП по выходу горной массы (подтверждено испытаниями), раз	12	6	1	–
Количество резцов РГП, достаточных для замены, шт.	506	1925	–	2431
Сокращение количества резцов при замене их на РГП, тыс. шт	5,6	9,6	–	15,2
Уменьшение массы резцов, доставляемых в забои (1 резец=1,5 кг), т	8,3	14,4	–	22,8
Уменьшение времени простоев комбайнов, необходимого для замены резцов (1 резец=1 минута), мин	5564	9629	–	15193 или 253 ч/год или 10,5 сут.
Расходы на покупку резцов РГП для замены, тыс. р.	480,7	1827,8	–	2308,5
Возможная экономия от перехода на инновационные резцы, тыс. р.	1305,1	1507,1	–	2812,2

убытки, производственники между собой ругают снабженцев, приобретающих совсем не то, что нужно для производительной работы горных участков, но изменить ситуацию не могут вследствие «глухоты» управляющего.

На возможный укор в незначительности для шахты таких инноваций как резец можно ответить следующее. *Во-первых*, для успешности в освоении крупных новаций требуется опыт, который обретается через навыки освоения инноваций малого масштаба. И как можно доверить крупные инновации менеджерам, не накопившим опыта внедрения и получения эффекта от небольших совершенствований. *Во-вторых*, резец шахтного комбайна стоит во главе всей цепочки угледобычи, он головной в ней, главный. Именно с него начинается целевая функция шахты «отбивать и выдавать уголь на поверхность». Количество же резцов, ежегодно доставляемых в одну шахту, может достигать 10–15 тыс. шт. и более.

Освоенное многими угольными компаниями новшество в виде электронных торгов по закупке ресурсов для шахт также не позволяет привлекать с рынка наиболее выгодные товары. Главным критерием выбора здесь опять же выступает цена товара. Удельные затраты ресурса на единицу выполняемой работы на торгах не применяются. В результате самые выгодные ресурсы в забой шахт так и не поступают.

Таким образом, нынешняя система снабжения угольных производств в Кузбассе по принципу дешевизны ресурсов является непреодолимым тупиком для большого количества выгодных новаций, что ведет к многомиллионным потерям и растратам. От приведенных выше недостатков в деятельности угольных шахт и компаний позволяют уйти освоение управляющими простой экономической категории «**удельные затраты ресурса**» и **смена целеполагания** для снабженческих структур с «**дешевое**» на «**выгодное**». Импульс к такому изменению должен пойти от собственников угольных активов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мошкин Н.В., Калинин В.В. Инструмент, способствующий повышению производительности // Уголь. – 2006. – № 8. – С. 46–47.
2. Прокушенко С.И., Мошкин Н.В. Ресурс – одно из основных условий эффективности // Горная промышленность. – 2006. – № 4. – С. 19–21.
3. Крестовоздвиженский П.Д. Некоторые результаты наблюдений за работой очистных комбайнов на шахтах Кузбасса // ГИАБ. – 2009. – № 6. – С. 120–123.
4. Крестовоздвиженский П.Д. Повышение прочности тангенциальных поворотных резцов горных очистных комбайнов: дис. ... канд. техн. наук. – Кемерово, 2011. – 146 с.
5. Садовец В.Ю., Резанова Е.В., Дементьев А.В. Выбор резцов для баровых исполнительных органов геологов // Инновационные технологии и экономика в машиностроении: Сб. тр. II Междунар. научно-практ. конф. с элементами научной школы для молодых ученых. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. – С. 570–573.
6. Премьер проедет по четырем городам Сибири // Газета «Коммерсантъ». № 143/П (4928), 06.08.2012. URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y/1996188/> (дата обращения: 06.08.2012).
7. Люханов В.В., Алферов С.Б. Импортзамещающая продукция производства ЗАО «Машиностроительный холдинг» // Горная промышленность. – 2012. – № 1 (101). – С. 38–43.
8. Твердов А.А., Жура А.В., Никишичев С.Б. Инновации в горном деле // Горная промышленность. – 2013. – № 2 (108). – С. 48–50.
9. Судаков А.К. Результаты разработки технологии оборудования буровых скважин криогенно-гравийными фильтрами // Горная промышленность. – 2013. – № 4 (110). – С. 111–112.
10. Прокопенко С.А., Лудзиш В.С. Система учета и анализа использования резцов шахтных комбайнов // Горный журнал. – 2012. – № 8. – С. 24–25.
11. Прокопенко С.А. Универсальный резец многоразового применения на шахтных комбайнах // Уголь. – 2012. – № 1. – С. 18–20.

Поступила 20.02.2013 г.

ECONOMIC APPRAISAL AND PROSPECTS OF RUSSIAN INNOVATION

S.A. Prokopenko

Tomsk Polytechnic University
 Coal Institute Siberian branch of Russian Academy of Science, Kemerovo
 E-mail: sibgp@mail.ru

The relevance of the work is caused by the need of mastering the innovation-based growth by the Russian economy and by the slow rate of innovations implement at the enterprises.

The objective of the study is to show the inferiority of economic policy carried out by the current enterprises, which makes it impossible to implement innovations. Besides, to show the proposal for development of criteria for resource appraisal, that allows making a competent choice of these resources.

Methods of enquiry: techno-economic study, comparison, general conclusion of factors.

Results: The author has developed the matrix for comparing the innovative products with the applied ones. This matrix can save the enterprise capital when purchasing resources. The criterion for estimating «unit resource costs» is offered and tested by the example of Kuzbass mines. It has ensured the identification of material economic losses.

Conclusions: The innovations offered to industry can have lower, equal or higher price comparing with the applicable decisions or material resources. However, not the price should be the selection criteria, but the costs of innovations per unit of work carried out with its help. Misunderstanding the core of such costs and inability to count them lead to rejection of innovations by the industrialists, even if they are profitable to enterprises. The ignoring of purchases of new cutters for the mine combined machines, even when the industrial tests of these cutters have shown the profitability of 100...300 % indicates the inferiority of economic policy carried out by the current managers of the Kuzbass mines. For innovation it is necessary to master new economic categories by the supply agents and to change the goal-setting from «cheap» to «favorable».

Key words:

Innovations, quality, expenses, mine, tool, matrix.

REFERENCES

1. Moshkin N.V., Kalinin V.V. Instrument, sposobstvuyushchiy povysheniyu proizvoditelnosti [Tool for improving performance]. *Ugol*, 2006, no. 8, pp. 46–47.
2. Prokushenko S.I., Moshkin N.V. Resurs – odno iz osnovnykh usloviy effektivnosti [Resource is one of the main conditions of efficiency]. *Gornaya promyshlennost*, 2006, no. 4, pp. 19–21.
3. Krestovozdvizhenskiy P.D. Nekotorye rezultaty nablyudeniya za rabotoy ochistnykh kombaynov na shakhtakh Kuzbassa [Some results of monitoring operation shearers on mines of Kuzbas]. *GIAB – Mountain information-analytical Bulletin*, 2009, no. 6, pp.120–123.
4. Krestovozdvizhenskiy P.D. *Povyshenie prochnosti tangentsialnykh povorotnykh reztsov gornykh ochistnykh kombaynov*. Diss. kand. tekhn. nauk [Improvement of strength of the tangential rotary cutters mining shearers. Cand. diss.]. Kemerovo, 2011. 146 p.
5. Sadovets V.Yu., Rezanova E.V., Dementev A.V. Vybora reztsov dlya barovykh ispolnitelnykh organov geokhodov [Selection of picks for jib executive bodies]. *Innovatsionnye tekhnologii i ekonomika v mashinostroenii: Sbornik trudov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s elementami nauchnoy shkoly dlya molodykh uchenykh* [Innovative technologies and economics in machine engineering. Proc. II International research conference]. Tomsk, 2011, pp. 570–573.
6. *Premyer proedet po chetyrem gorodam Sibiri* [The Prime Minister will travel to four cities of Siberia]. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc-y/1996188/> (accessed 6 August 2012).
7. Lyukhanov V.V., Alferov S.B. Importozameshchayushchaya produkcziya proizvodstva ZAO «Mashinostroitelny holding» [Substituting import products manufactured by JSC «Machine-building holding»]. *Gornaya promyshlennost*, 2012, no. 1 (101), pp. 38–43.
8. Tverdov A.A., Zhura A.V., Nikishichev S.B. Innovatsii v gornom dele [Innovations in mining industry]. *Gornaya promyshlennost*, 2013, no. 2 (108), pp. 48–50.
9. Sudakov A.K. Rezultaty razrabotki tekhnologii oborudovaniya burovnykh skvazhin kriogenno-graviynymi filtrami [The results of development of the technology for drilling wells with cryogenic-gravel filters]. *Gornaya promyshlennost*, 2013, no. 4 (110), pp. 111–112.
10. Prokopenko S.A., Ludzish V.S. Sistema ucheta i analiza ispolzovaniya reztsov shakhtnykh kombaynov [System of accounting and analysis of using cutters of mine combines]. *Gornyy zhurnal*, 2012, no. 8, pp. 24–25.
11. Prokopenko S.A. Universalny rezets mnogorazovogo primeneniya na shakhtnykh kombaynah [Versatile Reusable blade for Plowing and Mining Machines]. *Ugol*, 2008, no. 1, pp. 18–20.

УДК 338.518

СВЯЗЬ ЦЕНЫ И КАЧЕСТВА НА РЫНКАХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ТОВАРОВ

М.В. Рыжкова

Томский политехнический университет

E-mail: marybox@inbox.ru

Актуальность работы обусловлена нерешенностью проблемы измерения и сложностью связей между двумя характеристиками товара: его ценой и качеством.

Цель работы: выделить основные типы сигналов о качестве товара на потребительском рынке, определить перечень основных факторов, влияющих на успешность сигнализирования фирмой уровня качества своего товара, выявить механизмы действия этих сигналов, а также описать подходы к определению влияния ценового сигнала о качестве на основе экспериментальных работ.

Методы исследования: метод классификаций, обобщение результатов полевых и экспериментальных исследований в области психологии, социологии, экономики.

Результаты: сделан вывод о нестабильности связи цены и объективного качества. Устойчивая связь имеется только между ценой и субъективным качеством, уровень последнего связывается с брэндом. В итоге наиболее оправданными вложениями в товар являются не расходы на улучшение объективного качества товара, а затраты на продвижение, что предполагает манипуляцию мнением потребителя.

Ключевые слова:

Цена, субъективное качество, объективное качество, поисковые товары, проверяемые товары.

Reality is merely an illusion, albeit a very persistent one.

Albert Einstein

Реальность – по большей части иллюзия, хотя и весьма устойчивая.

Альберт Эйнштейн

Одной из ключевых тем дисциплины «Микроэкономика» является теория спроса, которая на основе закона спроса утверждает, что цена является сдерживающим для потребления фактором. В случае же если товар неоднороден, его качество субъективно, сложно определимо, или продукт является новым для потребителя, роль цены от издержек потребления смещается в сторону сигнала о качестве.

В соответствии с классической классификацией Ф. Нельсона [1] товары делятся на поисковые (*search*) и проверяемые (*experience*). Качество поисковых товаров может быть оценено потребителем до покупки. Как правило, характеристики таких товаров стандартны, и при покупке потребитель может путем поиска аналогов легко минимизировать цену, т. к. для него товары – близкие заменители. Если в целом на группу товаров спрос неэластичен, то на продукцию конкурирующих фирм (если таковые есть на рынке) он абсолютно эластичен. Примерами могут служить соль, электроэнергия, бензин и др. При покупке второй группы товаров – проверяемых товаров – предварительная оценка качества затруднена или невозможна. Эластичность спроса по цене существенно ниже, т. к. потребитель неоднозначно воспринимает снижение цены: желание купить в нем борется с опасением получить товар более низкого качества. Даже если в целом по товарной группе эластичность может быть высока, то ценовая эластичность по конкретной марке или перекрестная эластичность невысоки. Большинство товаров, с которыми потребители сталкиваются в повседневности, относятся

к такой группе. У потребителей два варианта получения информации о проверяемых товарах: многократные проверки путем покупок или восприятие сигналов о качестве товара.

Сигналы о качестве товара

В качестве сигналов могут выступать разные типы информации. Сигнал в терминах теории принципал-агента – это идея относительно товара и условий его передачи, которой одна из сторон сделки делится с другой стороной. Основной целью приобретающей стороны является оценка товара с точки зрения удовлетворения потребностей (выгоды) при учете цены (издержки). Уровень удовлетворения потребностей зависит от качества товара. Характеристики, которые подлежат независимой от мнения потребителя проверке, определяют объективное качество товара. Но на современных рынках определяющими характеристиками, влияющими на восприятие качества товара, являются параметры товара, оцениваемые исходя из отношения и внутренних интенций индивида. Таким образом, качество как критерий выбора потребительского товара – понятие во многом оценочное, не подлежащее внешней, независимой оценке. Субъективное представление о качестве товара формируется на основе системы сигналов, каждый из которых потребитель обрабатывает неравноценно.

На основе анализа обширного массива первичных исследований зарубежных авторов систематизируем ниже информационные источники, которые могут выступать в как сигналы о качестве.

1) Цена товара. Этот фактор наиболее значимый, поэтому на нем остановимся ниже отдельно.

2) Репутация в форме формирования брэнда. В традиционном инвестиционном анализе считается, что цена на брэндовые товары выше, чем цена на безымянные аналоги за счет премии за брэнд, в основе которой – приведенная стоимость вложений в продвижение брэнда. Однако покупатель не в состоянии рассчитать, каков должен быть уровень «наценки за брэнд», рационально. Он определяет скорее «прикидку», предельную готовность платить за обладание фирменным товаром на основе позитивного своего отношения к брэнду. Здесь возникает возможность у фирмы получить положительную разницу между затраченными инвестициями в брэнд и завышенными ожиданиями покупателей. Свидетельством этому является скандал, связанный с всемирно известным сайтом Amazon.com. Этот продавец выставил более высокие цены на товары для постоянных покупателей, извлекая сверхприбыли, что вызвало протесты покупателей [2].

Дополнительным фактором, подкрепляющим возможность брэнда сигнализировать качество товара, является дополнительное качество брэндового товара олицетворять социальный успех, т. е. покупая брэндовые товары, статусно-ориентированный покупатель получает дополнительное качество – повышение социального статуса.

Брэнд – достаточно мощный сигнал; имеются исследования, свидетельствующие в пользу того, что брэнд более информативен, чем цена. Так происходит в силу действия эвристики «брэнд=хорошее качество». Это не значит, что все брэнды ассоциируются у потребителя с хорошим качеством. Просто по правилу аффективного соотнесения многократно принимаемые решения по одной товарной категории приводят к формированию в памяти потребителя некоторой усредненной оценки брэнда. Собранная информация (даже если покупка не происходит) не пропадает и хранится в памяти до следующего аналогичного поиска. В этом случае каждый раз при выборе не будет необходимости сопоставлять характеристики, выбор будет происходить исключительно по виртуальной, сформированной ранее оценке. Если ни один из ранее купленных брэндов не подходит по критериям, потребитель может (по мере повышения эластичности спроса к брэнду):

- отложить покупку, если покупка важная и разовая;
- изменить уровень требований к характеристикам;
- приступить к поиску дополнительных брэндов или информации по ним.

В любом случае, ориентация на брэнд приводит к максимизации информационного подкрепления выбора и экономии на сборе информации.

3) Наблюдаемые характеристики товара как сигнал о ненаблюдаемых. Если у товара имеются наблюдаемые характеристики, то по ним потребитель может судить о ненаблюдаемых. Для

оценки значимости данного вида сигнала необходимо знать, насколько сильно потребитель ассоциирует наблюдаемые характеристики со скрытыми. Использование такого сигнала особо эффективно для низкоинформированных потребителей [3].

4) Уровень расходов на рекламу. Чем чаще рекламируется товар, тем выше воспринимается его качество, т. к.

- только товар высокого качества может окупить неинформативную рекламу в случае нового проверяемого товара (сигнал скрытой окупаемости);
- только эффективные и успешные производители могут позволить себе рекламировать товар (сигнал об эффективности);
- реклама окупается только в долгосрочном периоде, а значит товар действительно высокого качества, если производитель принялся тратить деньги на его рекламу (сигнал о долгосрочных намерениях);
- даже на первый взгляд неинформативная реклама дает покупателям косвенную информацию и позволяет им находить товары, которые лучше могут удовлетворить их потребности (сигнал о неявных свойствах товара).
- создание репутации в ущерб текущей прибыльности увеличивает долгосрочную приведенную прибыльность фирмы (эффект гарантированного качества).

Также существует мнение, что о высоком уровне качества свидетельствует скорее средний уровень расходов на рекламу [4]. Основным направлением влияния рекламы на восприятие покупателем качества товара с точки зрения этого фактора является то обстоятельство, что реклама делает покупателей осведомленными о существовании товара, но относительно качества потребители остаются неинформированными.

5) Товарный ассортимент фирмы. Если фирма продает поисковые и проверяемые товары, то качественные характеристики товара с наблюдаемым качеством становится сигналом для товаров с ненаблюдаемым качеством. Цена товара ненаблюдаемого качества зависит от того, в паре с каким товаром он производится. Цена позитивно коррелирует с высококачественным и отрицательно с низкокачественным поисковым парным товаром, отрицательно с проверяемым парным товаром [5].

Значимость сигналов о качестве товара определяется действием факторов успешности сигнализирования фирмой уровня качества своего товара. Ниже приведем их перечень.

1. Издержки поиска. Если потребитель ищет товар последовательно и вынужден нести издержки поиска, то фирма в зависимости от специфики товара выбирает одну из двух стратегий: для поисковых продуктов с низкими издержками поиска устанавливается низкая цена, для проверяемых продуктов с высокими издержками

- поиска устанавливается высокая цена. При снижении количества фирм из-за роста издержек поиска происходит монополизация рынка (подробнее в [6]).
2. Распространенность информации в среде покупателей. В ситуации нового проверяемого товара основная масса потребителей не обладают информацией о его характеристиках, поэтому цена товара высокая, а расходы на рекламу при прочих равных условиях низкие. По мере роста распространенности информации о товаре в среде покупателей (т. е. переходе его в категорию поисковых товаров) цена снижается, и для поддержания уровня продаж необходимо производить агрессивную рекламную кампанию. Косвенно это подтверждает и модель А. Дубовика [7], где при превалировании на рынке неосведомленных покупателей устанавливается парето-неэффективное равновесие с завышенной ценой.
 3. Форма представления информации о характеристиках товара. Если потребителю представляют много информации, то он начинает отбрасывать с его точки зрения излишнюю. Ф. Кардес [8] предлагает следующий принцип: для высокомотивированных к завершению процесса поиска товара для покупки потребителей (уже собрались купить) должна быть представлена подробная ранжированная информация в табличной или иной удобной форме. Для «просто интересующихся» покупателей необходимо предоставлять несистематизированную по брэндам и характеристикам информацию (Ф. Кардес говорит даже о случайном ее предоставлении), способную повлечь формирование отношения в целом к покупке.
 4. Тип товара. На основании анализа цен, рейтингов качества и количества рекламных обращений по 200 товарам, попавшим в справочники продуктов Consumer Reports, была проанализирована корреляция этих величин [9]. Выяснилось, что количество рекламы не влияет на рейтинг. Сила связи «цена–качество» увеличивается с ростом вертикальной дифференциации товара и падает с ростом инновационности товара.
 5. Отношение субъектов к риску. Пусть на рынке продаются товары гарантированного качества и неизвестного качества. Покупатели различаются по своей склонности к риску (не склонные к риску предпочитают товары гарантированного качества, склонные к риску – неопределенного). В ситуации равновесия товары и покупатели по структуре совпадают. В случае перекоса соотношения структур товаров и покупателей и превалирования на рынке товаров неизвестного качества цена перестает играть роль сигнала. Общее качество товара снижается [10].
 6. Соккрытие цены от покупателя до момента его приезда в магазин. В условиях товара неопределенного качества и наличия издержек поиска у

покупателя продавец стоит перед выбором, опубликовать ли в объявлении цену или нет. Если товар высокого качества, то высокая цена изначально может отпугнуть покупателей, поэтому рекомендуется «заманить» покупателя в магазин, а уже после ознакомления с качеством товара предъявить цену с возможностью ее снижения в зависимости от уровня издержек поиска и переключения на другие марки у конкретного покупателя.

Несмотря на то, что в порядке упоминания сигналов и факторов их силы нами предусмотрена логика снижения степени влияния сигнала на восприятие качества товара, нельзя утверждать, что в каждом конкретном случае порядок будет именно такой. Нельзя списывать со счетов элемент случайности возникновения сигналов и управление сигналами со стороны продавца. Точно же можно утверждать, что цена как сигнал будет играть в большинстве ситуаций главную (если не ведущую) роль. В ситуации поисковых товаров только цена выступает показателем качества, для проверяемых товаров, как правило, нет ни финансовой, ни временной возможности экспериментировать, а значит остальные факторы (в том числе и брэнд) будут восприниматься в контексте ценового сигнала.

Цена как сигнал о качестве

Экономические психологи выделяют два направления моделей, позволяющие объяснить процесс восприятия цен потребителем [11]:

- 1) Нумерологический подход, позволяющий оценить способы обработки числовой информации в мозге человека. Основным методом получения результатов является анализ реакции (в миллисекундах и долях ошибок) подопытных на предоставляемые стимулы в условных расчетных ситуациях (например, оценки разниц в числах типа «больше–меньше», оценки эквивалентности величин). Результатами таких экспериментов стал ряд выявленных устойчивых эффектов: эффект дистанции (*the distance effect*), эффект масштаба проблемы (*the problem size effect*), эффект конгруэнтности (*the size congruity effect*) и эффект случайных числовых ассоциаций (*the spatial-numerical association effect*) и др.

Чтобы понять, как обрабатывается числовая информация в мозге, необходимо учесть два объяснения процесса:

- символический подсчет. Индивид обрабатывает числа как символы по математическим и логическим правилам. Процесс может происходить полностью осознанно, но существует вариант подсчета частично на основе долговременной памяти (например, таблица умножения, которую еще в 1 классе заучивают наизусть, в дальнейшем же люди пользуются ей как уже готовым решением).
- аналоговый подсчет. Числа воспринимаются индивидом в субъективной шкале, отражаю-

щей отношение к значимости разницы в изменении цены. Оценка, о которой идет речь, сложно вербализуема, производится на уровне интуиции и ассоциаций. Наиболее часто встречающийся феномен аналогового подсчета – эффект разницы (*distance effect*): субъектам эксперимента предлагают определить, какое из пары чисел больше (7 и 9; 2 и 9), в итоге, чем больше разница между числами, тем быстрее и точнее субъекты делают выбор [12]. Дополнительное свидетельство в пользу аналогового подсчета – феномен наличия невербальной обработки чисел у детей до года и животных, которые могут различать разные количества благ. Компромиссной точкой зрения, объединяющей эти подходы, является то, что способность к математическим расчетам основана на примитивной невербальной системе, позволяющей дать эмоциональную окраску дискретным и непрерывным числам, простым арифметическим операциям. Отсюда и ошибки в принятии решений с использованием сигнала о ценах.

2) Психологическая теория принятия решений. Исследование поведения в этом ключе позволяет выявить природу ежедневных решений и оценить причины отклонений от нормативного образца. Обычно субъективный уровень цены определяется потребителем с использованием следующих эвристик:

- 2.1) якорение, чаще всего в виде эффекта якорения к левому крайнему разряду (*the left-digit anchoring effect*): потребители склонны некорректно оценивать разницу между 400 и 299 р. как большую, чем между 401 и 300 р. [11]. В основе этого эффекта лежат типовые ошибки в расчетах, когда вместо 400–299 р. потребитель применяет операцию $400 - 200 = 200$ р., что больше, чем $400 - 300 = 100$ р. (вместо 401–300). Стоит упомянуть, что неоклассические экономисты не считают якорение к левому крайнему разряду нерациональным: субъекты могут намеренно игнорировать небольшие числа для экономии когнитивных ресурсов на подсчет, но ошибку восприятия при этом, тем не менее, никто отрицать не может;
- 2.2) репрезентативность в виде эффекта точности: покупатель воспринимает круглые числа (например, 5200 р.) как большие, чем точные числа без нулей с тем же количеством разрядов (например, 5212 р.);
- 2.3) доступность в виде эффекта легкости подсчета, который предполагает, что легче сравнить два числа разного масштаба, чем одинаковые по количеству разрядов числа.

Существуют также рациональные соображения для восприятия ценового сигнала как прокси-оценки качества, а именно:

- оценивать каждый товар по всем имеющимся у него характеристикам, а потом сравнивать ин-

тегрированные характеристики и выбирать достойный покупки товар – когнитивно затратный процесс. Гораздо проще предположить, что в более высокой цене отражаются затраты на увеличение качества товара (т. н. *price-quality heuristic, price-quality schema*);

- если продавец поднял цену и продает товар, значит, другие покупатели его покупают; если это товар низкого качества, то никто его не купит, и если у производителя товар низкого качества, то он не станет придерживаться столь рискованной стратегии (механизм в целом аналогичен сигнализированию с помощью рекламных расходов).

Рассмотрев вышеизложенные факты влияния самого числа, с помощью которого выражен уровень цен, на восприятие, можем заключить, что одним из важнейших сигналов является цена сама по себе, и отношение потребителя к товару начинает формироваться еще до того, как он разобрался в характеристиках товара, в момент, когда он наблюдает число на ценнике.

Эмпирические исследования формирования отношения «цена–качество»

На практике, в отличие от теории, ситуация с ценовым сигналом не столь однозначная. Для понимания сути процессов рассмотрим историю вопроса.

Еще в 1949 г. О. Кнаут [13] обнаружил факт позитивной реакции спроса на рост цен, что объяснялось ассоциацией у потребителей высоких цен с повышением качества товара. За этим утверждением последовала серия работ, на практике пытающихся проанализировать связь этих явлений. Например, на основе экспериментальных данных условного рынка А. Рао и К. Монро [14] пришли к выводу о средней и устойчивой связи цены и качества товара. Параллельно, примерно в это же время, другие ученые заявляют низкую корреляцию с обратным знаком (т. е. чем выше цена, тем хуже качество) [15]. Стоит, однако, оговориться, что это происходит на рынке с сильной асимметрией информации с высокой долей неинформированных покупателей, что в принципе соответствует эффекту рынка лимонов Дж. Аккерлофа [10]. Перечисленные выше результаты исследований свидетельствуют в пользу прямой, но крайне нестабильной связи цены и качества товара на рынке.

Соотношение «цена–качество» также нестабильно на рынке и во времени. Исследование 62 товарных категорий, проведенное Д. Кьюри [16] к 1988 г., показало, что со временем наблюдается снижение разброса и падение реальных цен товаров. Новые неизвестного качества товары могут встать как в верхний, так и в нижний ценовой сегмент рынка, что также дисбалансирует соотношение «цена–качество». А значит изменяется направление затрат: производитель меньше тратит на улучшение качества товара, больше – на продвижение и маркетинговые коммуникации.

Для окончательного решения вопроса восприятия цены как сигнала о качестве товара необходимо вспомнить важное разграничение терминов, данное в начале статьи: объективное и субъективное качество товара. Попытки исследователей сопоставить объективные характеристики товара и цену, по которым он продается, приводят к неизбежной волатильности оценок модели. Ведь истинное качество не в продукте, а в его восприятии.

В подтверждение данного тезиса приведем две группы аргументов:

1. Имеется достаточно внушительный ряд экспериментальных работ, посвященных тестированию оценок потребителей одинаковых товаров под разными лейблами. Например, Дж.Д. МакКоннелл [17] провел эксперимент, предлагая участникам выбор из трех марок пива (фактически в бокалы наливали одинаковое пиво): высокого, среднего и низкого качества, и 24 попытки выбора с пробой пива каждый раз после выбора. Несмотря на то, что у участников была возможность понять отсутствие разницы, они готовы (в статистическом смысле) были платить больше денег за «высокое» качество. Более того, не просто платить, а платить на порядок больше (исходя из полученных им данных связь между ценой и качеством можно охарактеризовать как экспоненциальную или степенную функцию).
2. На восприятие качества влияют ожидания [18]. Более того, при снижении цены товара (скидки, акции) потребитель воспринимает качество товара как ухудшившееся, даже если он имеет возможность попробовать товар. Это отражается не только на уровне высказываний участников эксперимента, но и на физиологическом уровне (в частности, подопытные употребляли энергетик, и в ситуации с напитком, проданным со скидкой, они решали меньше головоломок, чем употребляя напиток, купленный без скидки). И далее эффект плацебо легко устранялся путем объяснения участникам сути эксперимента, что означает неосознанный механизм действия связи «цена-качество». Накладывая на соотношение «цена-качество» еще эффект плацебо (испытуемым прорекламировали эффективный компонент энергетика, который бы улучшал их перформанс), получили нейтрализацию эффекта скидки, в ситуации же

с нормальной ценой был чистый положительный эффект. Отсюда вывод – скидки нужно делать очень осторожно, не всегда скидка будет означать увеличение выручки.

Выводы

Из представленного выше анализа можно сделать ряд выводов для практического маркетинга на рынках товаров и услуг.

- 1) Качество является во многом эфемерным понятием, объективные характеристики потребитель принимает во внимание не всегда и не все. Присутствуют существенные искажения в понимании даже тех свойств товара, которые попадают в поле зрения потребителя, тем самым формируется субъективная оценка качества, на основании которой определяется допустимый уровень расходов на товар и принимается решение о покупке. Наиболее оправданными вложениями в товар являются не расходы на улучшение объективного качества товара, а затраты на продвижение.
- 2) На формирование представления о качестве влияют множество сигналов. Какой сигнал сыграет определяющую роль, зависит скорее от контекста выбора. Важно при этом учитывать, что два типа сигналов (цена и бренд) в большинстве случаев преобладают благодаря эвристикам «высокая цена – высокое качество» и «бренд – хорошее качество». Вывод на рынок принципиально нового товара происходит достаточно редко, как правило, фирмы сосредоточены на совершенствовании уже имеющихся групп товаров, объединенных брендом, а значит, исходно потребитель анализирует связку «цена-бренд», только исходя из которой может фиксироваться ожидаемое субъективное качество товара.
- 3) В ситуации увеличения нестабильности связей потребителей и производителей, что особенно актуально для постиндустриальных и интернет-рынков транзитивных экономик, повышаются риски обмана потребителей [19]. А если вспомнить эффект плацебо (упомянутый выше) и необходимость устранения постпокупочного диссонанса, то у производителя появляется возможность поставки товаров низкого качества под маркой известных брендов по высоким ценам в достаточно длительной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nelson Ph. Information and Consumer Behavior // *Journal of Political Economy*. – 1970. – V. 78. – № 2 (Mar.-Apr.). – P. 311–329.
2. Amir O., Lobel O., Arieli D. Making Consumption Decisions by following Personal Rules / *Inside Consumption: Consumer Motives, Goals, and Desires* / Ed. S. Ratneshwar, D. Glen Mick. – USA: Routledge, 2005. – P. 45–73.
3. Clements M.T. Low Quality as a Signal of High Quality // *Economics: The Open-Access, Open-Assessment E-Journal*. – 2011. – V. 5. URL: <http://dx.doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2011-5> (дата обращения: 04.12.2013).
4. Orzach R., Overgaard P.B., Tauman Y. Modest Advertising Signals Strength // *RAND Journal of Economics*. – 2002. – V. 33. – P. 340–358.
5. McClure J.E., Spector L.C. Joint Product Signals of Quality // *Atlantic Economic Journal*. – 1991. – V. 19. – № 4. – P. 38–41.
6. Besancenot D., Vranceanu R. Quality and Price Dispersion in an Equilibrium Search Model // *Journal of Economics and Business*. – 2004. – V. 56. – P. 99–116.

7. Dubovik A., Janssen M.C.W. Oligopolistic Competition in Price and Quality // *Games and Economic Behavior*. – 2012. – V. 75. – Iss. 1. – P. 120–138.
8. Kardes F.R., Cronley M.L., Kellaris J.J., Posavac S.S. The Role of Selective Information Processing in Price-Quality Inference // *Journal of Consumer Research*. – 2004. – V. 31. – № 2. – P. 368–374.
9. Caves R.E., Greene D.P. Brands' Quality Levels, Prices, and Advertising Outlays: Empirical Evidence on Signals and Information Costs // *International Journal of Industrial Organization*. – 1996. – V. 14. – Iss. 1. – P. 29–52.
10. Akerlof G.A. The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // *Quarterly Journal of Economics (The MIT Press)*. – 1970. – V. 84. – № 3. – P. 488–500.
11. Thomas M., Morwitz V. Heuristics in Numerical Cognition: Implications for Pricing / *Handbook of Pricing Research in Marketing* / Ed. V.R. Rao. – Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2009. – P. 132–149.
12. Moyer R.S., Landauer T.K. Time Required for Judgments of Numerical Inequality // *Nature*. – 1967. – № 215. – P. 1519–1520.
13. Knauth O. Considerations in the Setting of Retail Prices // *Journal of Marketing*. – 1949. – V. 14. – № 1. – P. 1–12.
14. Rao A.R., Monroe K.B. The Effect of Price, Brand Name, and Store Name on Buyers' Perceptions of Product Quality: An Integrative Review // *Journal of Marketing Research*. – 1989. – V. 26. – № 3 (Aug.). – P. 351–357.
15. Tellis G.J., Wernerfelt B. Competitive Price and Quality under Asymmetric Information // *Marketing Science*. – 1987. – V. 6. – № 3. – P. 240–253.
16. Curry D.J., Riesz P.C. Prices and Price/Quality Relationships: A Longitudinal Analysis // *The Journal of Marketing*. – 1988. – V. 52. – № 1. – P. 36–51.
17. McConnell J.D. The Price-Quality Relationship in an Experimental Setting // *Journal of Marketing Research*. – 1968. – V. 5. – № 3 (Aug.). – P. 300–303.
18. Shiv B., Carmon Z., Ariely D. Placebo Effects of Marketing Actions: Consumers May Get What They Pay For // *Journal of Marketing Research*. – 2005. – V. 42. – № 4 (Nov.). – P. 383–393.
19. Рыжкова М.В. Взаимоотношения российского бизнеса и потребителей: антикризисные схемы обмана // *Вестник ТГУ (серия Экономика)*. – 2011. – № 4. – С. 56–67.

Поступила 12.04.2013 г.

UDC 338.518

PRICE–QUALITY RELATIONS ON CONSUMER MARKETS

M.V. Ryzhkova

Tomsk Polytechnic University
E-mail: marybox@inbox.ru

The urgency of the discussed issue is caused by the unresolved problems of quality measurement and the complexity of the relationship between price and quality of goods.

The main aim of the study is to identify the main types of signals about the goods' quality in the consumer market; to determine a list of the main factors affecting the success of quality signaling by a firm; to reveal the mechanisms of these signals; to describe approaches to price-quality signaling on the experimental basis.

The methods used in the study: the method of classification, generalization of field and experimental results in psychology, sociology and economics.

The results: The author concludes that relation between price and objective quality is rather unstable. A stable relationship exists only between price and subjective quality; the latter is associated with brand. As a result the most profitable investments are not in improvement of objective characteristics but in promotion that means consumer manipulation.

Key words:

Price, subjective quality, objective quality, search goods, experience goods.

REFERENCES

1. Nelson Ph. Information and Consumer Behavior. *Journal of Political Economy*, 1970, vol. 78, no. 2 (Mar.–Apr.), pp. 311–329.
2. Amir O., Lobel O., Ariely D. Making Consumption Decisions by following Personal Rules. *Inside Consumption: Consumer Motives, Goals, and Desires*. Ed. S. Ratneshwar, D. Glen Mick. USA, Routledge, 2005. pp. 45–73.
3. Clements M.T. Low Quality as a Signal of High Quality. *Economics: The Open-Access, Open-Assessment E-Journal*, 2011, vol. 5. Available at: <http://dx.doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2011-5> (accessed 4 December 2013).
4. Orzach R., Overgaard P.B., Tauman Y. Modest Advertising Signals Strength. *RAND Journal of Economics*, 2002, vol. 33, pp. 340–358.
5. McClure J.E., Spector L.C. Joint Product Signals of Quality. *Atlantic Economic Journal*, 1991, vol. 19, no. 4, pp. 38–41.
6. Besancenot D., Vranceanu R. Quality and Price Dispersion in an Equilibrium Search Model. *Journal of Economics and Business*, 2004, vol. 56, pp. 99–116.
7. Dubovik A., Janssen M.C.W. Oligopolistic Competition in Price and Quality. *Games and Economic Behavior*, 2012, vol. 75, Iss. 1, pp. 120–138.
8. Kardes F.R., Cronley M.L., Kellaris J.J., Posavac S.S. The Role of Selective Information Processing in Price-Quality Inference. *Journal of Consumer Research*, 2004, vol. 31, no. 2, pp. 368–374.
9. Caves R.E., Greene D.P. Brands' Quality Levels, Prices, and Advertising Outlays: Empirical Evidence on Signals and Information Costs. *International Journal of Industrial Organization*, 1996, vol. 14, Iss. 1, pp. 29–52.
10. Akerlof G.A. The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism. *Quarterly Journal of Economics (The MIT Press)*, 1970, vol. 84, no. 3, pp. 488–500.

11. Thomas M., Morwitz V. Heuristics in Numerical Cognition: Implications for Pricing. *Handbook of Pricing Research in Marketing*. Ed. V.R. Rao. Northampton, MA, USA, Edward Elgar Publishing, 2009. pp. 132–149.
12. Moyer R.S., Landauer T.K. Time Required for Judgments of Numerical Inequality. *Nature*, 1967, no. 215, pp. 1519–1520.
13. Knauth O. Considerations in the Setting of Retail Prices. *Journal of Marketing*, 1949, vol. 14, no. 1, pp. 1–12.
14. Rao A.R., Monroe K.B. The Effect of Price, Brand Name, and Store Name on Buyers' Perceptions of Product Quality: An Integrative Review. *Journal of Marketing Research*, 1989, vol. 26, no. 3 (Aug.), pp. 351–357.
15. Tellis G.J., Wernerfelt B. Competitive Price and Quality under Asymmetric Information. *Marketing Science*, 1987, vol. 6, no. 3, pp. 240–253.
16. Curry D.J., Riesz P.C. Prices and Price/Quality Relationships: A Longitudinal Analysis. *The Journal of Marketing*, 1988, vol. 52, no. 1, pp. 36–51.
17. McConnell J.D. The Price-Quality Relationship in an Experimental Setting. *Journal of Marketing Research*, 1968, vol. 5, no. 3 (Aug.), pp. 300–303.
18. Shiv B., Carmon Z., Ariely D. Placebo Effects of Marketing Actions: Consumers May Get What They Pay For. *Journal of Marketing Research*, 2005, vol. 42, no. 4 (Nov.), pp. 383–393.
19. Ryzhkova M.V. Vzaimootnosheniya rossiyskogo biznesa i potrebitel'ev: antikrizisnye skhemy obmana [Relationship between Business and Consumers in Russia: Anticrisis Scheme of Fraud]. *Vestnik of Tomsk State University (Series Economics)*, 2011, no. 4, pp. 56–67.

Философия, социология и культурология

УДК 316.74:7.035.93

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ ИРОНИЧЕСКОГО ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОТ МОДЕРНА К ПОСТМОДЕРНУ

Т.А. Медведева

Томский политехнический университет
E-mail: tamedvedeva@tpu.ru

Традиционный для исследования иронии историко-философский подход замыкает данный феномен в рамках определенной философской системы, не позволяя ответить на вопрос о его генезисе и механизме социокультурного функционирования. В качестве методологии, позволяющей расширить поле анализа, выбрана диалогическая логика, сочетающая собственно философский и культурологический подходы. На основе ее теоретико-методологических принципов стало возможным сформулировать основную задачу исследования – выявить сопряженность антропологического и социокультурного в механизме функционирования иронии на примере периода смены европейских культурных парадигм. В результате были выявлены причины и закономерности трансформации значений иронического в ситуации перехода от модерна к постмодерну, раскрыты характеристики модернистской и постмодернистской иронии как доминанты культурного сознания и художественного приема, выявлена связь постмодернистской трактовки понятия иронии с формированием постметафизического типа философского мышления, дана характеристика иронии как жизненной стратегии в ситуации кризиса ценностей. Таким образом, реализация выбранной методологии позволила рассмотреть феномен иронии с позиций антропологически ориентированной философии культуры.

Ключевые слова:

Диалогическая логика, ирония, культура, модерн, постмодерн.

Значение феномена иронии для европейской культуры трудно переоценить. По мнению современного французского исследователя В. Янкелевича, все западные «протестующие философы», дерзко расправляющиеся с традицией, являются наследниками Сократа, который с помощью иронии развенчивал мнимо бесспорные истины, делал подвижным неподвижное и оспаривал неоспоримое [1. С. 8–10]. Дальнейшее многовековое развитие феномена иронии обогатило содержание соответствующего понятия, стало возможным говорить о различных модификациях иронического. Вместе с тем, весьма существенные вопросы о том, почему в определенную эпоху формируется та или иная модификация иронии, какова причина отсутствия этого феномена в те или иные исторические периоды, не находили решения в силу традиционного, историко-философского подхода к исследованию иронии, замыкающего ее анализ в рамки стиля философствования того или иного мыслителя. На наш взгляд, поставленные вопросы возможно решить на основе концепции диалогической логики В.С. Библера, органично сочетающей принципы

собственно философского и культурологического подходов [2].

В основе предложенной В.С. Библером концепции лежит тезис о том, что различным культурно-историческим эпохам соответствуют собственные типы разума – философские логики, состоящие в отношениях взаимодетерминации с ценностным сознанием данных эпох. Поскольку ирония выступает разновидностью критической рефлексии над ценностями, постольку анализ этого феномена с точки зрения развития и смены типов разума представляется нам весьма плодотворным. Не ставя в данной статье задачу анализа феномена иронии в контексте всех выделенных Библером типов разума (античного, средневекового, нововременного, современного), попытаемся выявить причины и закономерности трансформации значений иронического в условиях зарождающегося в XX в. нового типа философской логики, определяемой Библером как «логика диалога логик». Характеристики такой логики будут рассматриваться через призму эстетического сознания, что продиктовано изменениями в направленности и стиле мышления европейского человека.

Рождение нового типа разума Библиер связывает с разрушением «линейного, векторного течения жизни и сознания» как следствием небывалых социальных потрясений начала века, а также кризиса классической парадигмы в науке [2. С. 266]. Новая доминанта культурного бытия определяется философом как идея «культуры», представляющая не линейность (ее пример – гегелевская идея «образования»), а дополнительность, когда последующие этапы культурного развития не «снимают» предыдущих, а как бы вовлекают их в свою орбиту, вступают в диалог с ними. Таким образом, новый разум обнаруживает ориентированность на такие формы понимания мира, которые аналогичны формам его эстетического освоения [2. С. 271].

Эстетическая доминанта нового разума по-разному проявляет себя в культурных парадигмах модернизма и постмодернизма, охватывающих – от начала до конца – двадцатый век. Но есть нечто общее, что их объединяет: это начавшееся в модернизме и давшее значительные плоды в постмодернизме разрушение идеи трансцендентального субъекта. Данный процесс приводит к кризису идентичности, редукции ценностного аспекта человеческого бытия до «бытия желаний, аффектов, жестов и случая» [3. С. 293].

Стоит согласиться с мнением В.О. Пигулевского, утверждающего, что модерн в сфере искусства прямо противоположен тому модерну, который называют проектом Просвещения, поскольку художественный модерн отмечен антирационализмом [3. С. 297]. С большим основанием можно утверждать, что модерн в искусстве «предугадал» кризис модерна – проекта Просвещения. В то время как в политике и общественном сознании конца XIX – начала XX вв. еще продолжала существовать вера в возможность прогресса и устройства общества на рациональных началах, в авангардном искусстве наблюдаются противоположные тенденции отрицания прогрессистских, рационалистически объясняющих мир и человека схем, происходит художественная актуализация хаоса как онтологической противоположности упорядоченности. Мощным средством отрицания и расшатывания рационалистического «порядка» является в этом искусстве ирония. Произведения ярких представителей русского авангарда начала XX в. – Д. Хармса, В. Хлебникова, Е. Шварца, Н. Олейникова – дают яркие образцы действенности иронии как средства деструкции старых схем и штампов.

Значительное место иронии в культуре модернизма связано и с другими аспектами, порожденными парадоксами этой культуры. Один из таких парадоксов – необходимость и невозможность «мира впервые» – философ и культуролог С.С. Неретина выражает следующим образом: «"Мир впервые" – не белый лист. Скорее, это лист, начерно записанный (подобно "Черному квадрату" Малевича), сквозь который волевым усилием надо увидеть свет» [4. С. 132]. «Мир впервые», таким образом, – это жизнетворчество, понимаемое как

смыслопорождение. Названный важнейший парадокс модернистской культуры отчетливо эксплицируется посредством иронии в произведениях литературы русского авангарда. Так, произведение «Чертик» В. Хлебникова – «петербургская шутка на рождение «Аполлона» – является пародией на стихотворение А. Блока «Балаганчик». Сравним оригинал Блока:

«О н: Вы понимаете пьесу, в которой мы играем не последнюю роль?

О н а (как тихое и внятное эхо): Роль.

О н: Вы знаете, что маски сделали нашу сегодняшнюю встречу чудесной?

О н а: Чудесной.

О н: Так вы верите мне? О, сегодня вы прекрасней, чем всегда!

О н а: Всегда» [5. С. 17].

И пародию Хлебникова:

«С т а р и к: О дайте мне рог!

Д р у г и е в н и м а ю щ и е: Рок...

С т а р и к: Просторы смерти...

В н и м а ю щ и е: Смерти...

С т а р и к: Есть он, радейте в нем любить...

К т о – т о с з а с т ы в ш и м в з о р о м: Внемлю: бить» [6. С. 391].

В тексте Хлебникова явно выражены два противоположных мироощущения и миропонимания. Очевидно, что внешняя пародийная канва не мешает, а, наоборот, способствует более острому (за счет наполнения имеющейся формы новым содержанием) восприятию онтологической дуальности человеческого существования – существование в зазоре между рабством и свободой.

Ю.М. Лотман в работе «Структура художественного текста» высказал идею о том, что пародия (в которой ироническое начало всегда присутствует) в истории литературы играет подсобную, а не главную роль. Только тогда, когда новая художественная модель действительности уже существует, деструктурирующий текст пародии, обыгрывающий старый структурный штамп, находит отклик в сознании читателя [7. С. 278–279]. Новая – модернистская – художественная модель, рождение которой сопровождалось бурным развитием иронически окрашенных культурологических экспериментов, подобных описанным выше, есть модель «художественно материализованного хаоса» (И. Васильев) [8]. Понятие хаоса прилагается и к культурному, и к природному бытию, таким образом, становясь для модерна парадигмальным.

Оформление хаоса как художественной модели в значительной степени было обусловлено нарастающим процессом энтропии в общественной и культурной жизни этого времени. Поскольку же, культура по определению включает в себе негэнтропийное начало, тенденции художественной актуализации хаоса в модернизме противостоят «тен-

денция упорядочивания и выстраивания поэтического универсума» [8. С. 176–177]. Вместе с тем, как отмечает отечественный культуролог М.Н. Липовецкий, принципиальная недостижимость этой гармонии приводит к тому, что «...процесс развоплощения традиционных форм мироустройства и мировосприятия превращается в самоцель: активизация хаоса интерпретируется как монополярный путь к высшей гармонии» [9. С. 36]. В парадоксальной ситуации, когда гармония выводится за пределы действительности и вместе с тем понимается как художественная сверхзадача художника в мире, ирония становится не только техническим средством развоплощения, но и важнейшей мировоззренческой доминантой.

Продуктивность иронии как средства развоплощения основана на том, что развоплощение предполагает снижение пафосности, лишение абсолютного значения форм, ранее казавшихся незыблемыми, смысловое смещение – то, что является существенными характеристиками иронии как эстетической категории. Например, в драматическом произведении В. Хлебникова «Снежмочка»:

«Х о в у н: Ноне норовят все из нас книги... Старых разбойников нет. Те, что свистнут в два пальца, и откуда ни возьмишь сивка-бурка пышет ноздрями.

1-й с о б е с е д н и к: Складно сказано, дед. Читал ты, дедушка, Каутского?

Х о в у н: Мы, барин, темные люди черной сотни. Живем в лесу, а и в гостях у нас либо ворон, либо вор. Не научены мы» [6. С. 385].

В приведенном отрывке иронически профанируется политическое сознание, с его зашоренностью, далекостью от жизни; иронический эффект возникает как следствие помещения этого сознания в иную среду.

Ирония как доминанта мировоззрения художника обусловлена, как отмечалось выше, задачей построения художественного проекта гармонии. Модернистский автор – «создатель механического (clock-wise) универсума» (М. Липовецкий) из материала хаотического мирового целого; неповторимость его авторской манеры развоплощать и затем снова «заколдовывать» вещи с помощью метафоричности поэтического языка, рождает всепроникающую иронию творца. Эта непреходящая насмешка отчетливо звучит в известном стихотворении эгофутуриста Игоря Северянина, начинающегося гордым «Я, гений Игорь Северянин...»:

«Я выполнил свою задачу,/ Литературу покорив./
Бросаю сильным наудачу/ Завоевателя порыв.
Схожу насмешливо с престола/ И, ныне светлый пилгрим,
Иду в застенчивые доли,/ Презрев ошеломленный Р и м» [10. С. 360–361].

Модернистская интертекстуальность предстает иронической игрой автора с текстами культуры; это черта мировоззрения художника, видящего

мир сквозь призму культурных ассоциаций [9. С. 13]. Осознание необходимой включенности в культуру («лист, начерно записанный») посредством диалога между ее текстами рождает не только феномен пародирования (как, например, пародийный образ черта в романе Томаса Манна «Доктор Фаустус»), но и феномен самопародирования модернистского автора (пародирование собственной гениальности Томасом Манном в том же произведении [11]).

Переход от модернизма к постмодернизму характеризуется, по мнению М. Липовецкого, движением от монологизма авторского сознания к диалогизму. Диалогическая установка разрушает модернистскую концепцию хаоса как чистого объекта и создает возможности поиска компромисса между хаосом и космосом [9. С. 38–39].

В.С. Библер полагает, что названные процессы связаны со складыванием диалога культур как формы существования культуры в XX в. Формирование нового, «взаимопонимающего» разума является собой длительный процесс и охватывает как модернизм, так и постмодернизм. Однако эстетическая доминанта нового разума проявляет себя в этих культурных мирах неодинаково, соответственно, разными оказываются в них и функции иронии.

Модернистский этап был исторически связан с небывалыми социальными потрясениями, что обусловило растущую роль личностного начала, всегда актуализирующегося в кризисные моменты истории. Именно значимостью личностного начала обусловлен элитарный характер модернистского искусства. То огромное значение, которое придается неповторимости авторской индивидуальности, уникальности ее стиля, – все это представляет эстетизм как волюнтаризм. Ирония в этом случае являет себя как один из способов манифестации авторской индивидуальности, ее ценностного отношения к миру.

Формирование постмодернистской парадигмы происходит в качественно новых социокультурных условиях. Переход социального бытия в более спокойное, по сравнению с первой половиной XX в., русло обусловил интерес к повседневности: то, что раньше считалось лишь фоном человеческих свершений, отныне осознается как онтологически значимая сфера, в которой протекает человеческая жизнь. Выявление структуры этой сферы, равно как и других сфер опыта (знания, власти, личностных практик и т. д.) составляет важную задачу постмодернистской философии. Стремление к экспликации структурности в рамках некоторой целостности и обусловленная им ценностная нейтральность постмодернистского дискурса представляют, по сравнению с модернистской парадигмой, новое качество эстетической доминанты «взаимопонимающего Разума». Данный вывод согласуется с мнением исследователей, отмечающих, что модернизм в большей мере характеризует эпистемологическая доминанта (как я вижу

мир?), а постмодернизм – онтологическая (как мир устроен?) [12. С. 142].

На основании вышесказанного можно сделать вывод о трансформации модернистской иронии – изменении ее некоторых характеристик при сохранении той общей направленности, которая определена единым типом разума и его эстетической доминантой. Дадим краткую характеристику этих изменений.

Одной из важнейших характеристик постмодернистской парадигмы является понимание культуры как семиотического пространства, связанное с возрастающей ролью информации в жизни общества как результатом стремительного развития технических средств связи. Для сознания человека пространство культуры предстает пространством бесконечной интерпретации, перевода с одного культурного языка на другой. Стоит отметить, что интерпретация – не прихоть, а необходимость для современного культурного сознания, обусловленная своеобразной «избыточностью» культуры, невозможностью органического усвоения всего ее объема современным человеком. Гуманитарная мысль XX в. приходит к осознанию естественных границ расширения культурного сознания человека. «Прошлое давит, тяготит, шантажирует» [13. С. 636]. Таким образом, парадокс «мира впервые» стоит и перед постмодернизмом, но решение проблемы здесь иное, чем в модернизме. Авангард разрушает прошлое, новизна в нем определяется оригинальностью способа этого разрушения. «Постмодернизм – это ответ модернизму: раз уж прошлое нельзя уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить, иронично, без наивности» [13. С. 636].

Значение иронии в художественном методе постмодернистского искусства во многом определяется таким фактором, как смена структуры читательской (зрительской) аудитории. Развитие технологий (издательских, телекоммуникационных) приводит ко все большей доступности искусства массам. Массовое искусство начинает диктовать свои стандарты производителям самого искусства. Один из главных стандартов, предъявляемых искусству обществом потребления, – требование занимательности, означающее, что любые несомые искусством идеи должны быть представлены в понятной, яркой, наглядной форме, не требующей напряжения интеллектуальных сил. В связи с этим, искусство постмодернизма несет в себе, в противоположность модернизму, демократизирующую тенденцию. Эта тенденция фиксируется М. Липовецким в его противопоставлении демифологизирующей игры постмодернизма мифологизирующей игре модернизма [9. С. 19]. В том же духе, характеризуя иронию как метаязыковую игру, высказывается У. Эко: «Если в системе авангардизма для того, кто не понимает игру, единственный выход – отказаться от игры, здесь, в системе постмодернизма, можно участвовать в игре, даже не понимая ее, воспринимая ее совершенно серьезно» [13. С. 637].

Можно сделать вывод, что ирония представляет собой идеальное авторское средство для сохранения баланса между серьезностью и занимательностью: произведение постмодернистской литературы интересно не только для интеллектуалов, открывающих для себя в произведении, как в слоеном пироге, все новые и новые смысловые уровни, но и для широкой публики, не подозревающей о последних, но вполне довольной закрученностью сюжета. Примером могут служить произведения самого У. Эко: в романах «Имя розы», «Маятник Фуко», «Остров накануне» в саму ткань детективно-приключенческих сюжетов искусно вплетено изложение научных гипотез, философских идей, различных мировоззренческих установок и т. д. Более того, сами произведения в целом являются воплощением, как бы экспериментальной площадкой для научных идей – в частности, идеи о культуре как пространстве семиозиса.

Особенности существования культуры как семиотического пространства позволяют определить иронию как способ существования в этом пространстве. Основой для такого понимания выступают две фундаментальные идеи постмодернизма. Идея децентрации отрицает существование некоей заданной структуры бытия, описываемой единым «идеальным» языком, на основе которого функционируют все другие. Тем самым одной из важнейших характеристик бытия становится плюралистичность. Идея деконструкции, получившая обоснование в работах Ж. Деррида, предполагает, с одной стороны, разрушение структур (деструкцию), а с другой стороны, – необходимость каждый раз изобретать что-то новое (реконструкцию) [14. С. 166]. Тем самым, существование человека в современной культуре мыслится как перманентное переописание им ее текстов. Если идея децентрации является общим мировоззренческим и методологическим основанием постмодернистского искусства, то с идеей деконструкции связаны его конкретные приемы. Одним из таких приемов является ироническое цитирование, создающее разомкнутость текста и возможность его нового переописания. Так, в романе У. Эко «Остров накануне» читатель может обнаружить большие вставки из произведений ученых, писателей, философов XVII в., в котором разворачивается действие романа: Ж. Верна, Г. Галилея, Р. Декарта, Ф. де Ларошфуко и других, причем без прямой отсылки к источникам.

В качестве другого примера реализации деконструктивной функции иронии можно привести такой постмодернистский прием, как текст в тексте – например, ироническая биография Чернышевского в романе В. Набокова «Дар». Образ Чернышевского, лишенный официального глянца советской идеологии, являет в исследовании героя романа, писателя Федора Годунова-Чердынцева как карикатурные, так и подлинно трагические черты [15].

Одной из важнейших характеристик постмодернистской парадигмы, знаменующей ее движе-

ние к онтологизму, является возросшее значение категории «возможности». Возможное бытие – это «бытие, которое понимается не как нечто, только могущее быть, могущее стать действительностью, но как бытие, которое актуально *есть* – в форме возможного» [2. С. 86]. Идея бесконечно-возможного бытия становится, как полагает В. Библер, основной культурообразующей идеей накануне (и теперь уже – в начале) XXI в.

Подвижный характер иронии, способность к бесконечной перекодировке культурных текстов позволяют определить ее как средство реализации возможностного бытия, ведь сама ироническая структура, как отмечает Е.А. Найман, это – «нефиксируемое скольжение необъединенного и недифференцируемого пространства, – пространства чистой открытости и вечной возможности» [16. С. 40], образом которого в постмодернизме стала ризома.

Влияние онтологизма новой парадигмы на изменение роли и значения иронии в искусстве и культуре в целом заключается, на наш взгляд, и в связи иронии с категорией различия. Если классическая философия исходит из идеи тождества, существующего «до» различий (и ирония служит средством приведения к тождеству), то постметафизическое мышление основывается на первичности различия, лишь в рамках существования которого возможны какие-либо положительные утверждения о вещах. В современной философии существует термин «дифференция», обозначающий подвижное семантическое единство категории различия, обозначающей существенное, разводящее оба момента различия, и категории разности, фиксирующей внешние, случайные моменты нетождества [17. С. 110–111].

Категориальное разведение различия и разности можно проследить уже в концепции русского философа Н.О. Лосского, пытающегося преодолеть закрытый характер основанной на тождестве гегелевской логики полаганием двух видов противоположности. Под реальной противоположностью философ понимает такие взаимоотношения между двумя элементами мира, при которых они не только отличаются друг от друга, но и препятствуют бытию друг друга, взаимно уничтожаются. Другой вид, обозначенный как индивидуализирующая противоположность, характеризуется наличием качеств, индифферентных полюсам реальной противоположности, – индивидуализирующих качеств. Наличие именно этого вида противоположности ведет «к богатству, сложности и разнообразию мира» [18].

Глубокую разработку логика дифференций получила у Ж. Деррида. Понятие «*différance*», введенное Деррида, означает для нас наличие некоторой связи с тем, что превышает противоположность присутствия и отсутствия. Такое движение мысли позволяет осуществить принципиально новый подход к культуре, следствием чего является возникновение и новых характеристик иронии.

Важнейшей проблемой, имеющей выходы на проблемы культуры в целом, является для Деррида проблема дара (отдавания) как альтернативы гегелевской системе, основанной на труде и экономике – способах приращения смысла. Существует ли возможность дара? Парадокс заключается в том, что как только мы хотим осуществить акт дарения, тут же находится способ придания ему некоего смысла, что заново впишет его в круг экономики, связки «брать–давать», отрицающих дар [14. С. 172; 19]. Тем не менее, этот опыт *есть*, Деррида связывает его с тем, что он обозначил как «*affirmation*» – такое «да», которое не является прямой противоположностью «нет». Этот опыт коренится в *différance* как приостановке присутствия. Представляется, что благодаря способности иронии выступать задержкой, балансированием между оппозициями ситуация самосознания может быть охарактеризована как ироническая: суверенность (свобода от всех внешних определений и самоопределений), чтобы сохранять себя как таковую, должна расходовать себя без остатка, теряться. В контексте «лингвистического поворота» в философии данная ситуация может быть представлена следующим образом: суверенность не может быть адекватно представлена ни в дискурсе, ни вне его. Тем не менее, суверенность существует и может быть – неким срединным путем – выражена.

Парадоксальностью человеческой ситуации определяется парадоксальность бытия культуры. Культура существует лишь в онтологическом зазоре между необходимостью собственного выражения и невозможностью осуществить его в полной адекватности своему бытию. Исторически существовавшие опыты критики культуры (С. Кьеркегор, Ф. Ницше, В. Розанов и др.) всегда в той или иной степени заключали в себе ироническое начало, которое делало акцент на становлении и актуализировало дискретность культуры – те ее моменты, в которых «просвечивало» нечто, не вписывающееся в ее идеальный образ, то, что в дальнейшем приводило к изменению самого этого образа.

В современной культуре, несущей на себе груз многовековой культуры прошлого, нового, по мнению Ж. Деррида, можно достичь только с помощью деконструкции, которая всегда зависит от контекста, от случая, что позволяет связать ее с «игрой», в противоположность «труду» как приращению смысла в гегелевской системе.

Игровой характер постмодернизма, его «сознательный эклектизм» предполагает легкость иронического скольжения по культурному континууму. Этот иронизм неоднозначно воспринимается многими современными мыслителями. Одна из часто поднимаемых в связи с этим тем – соотношение иронии и серьезного: над чем можно и над чем нельзя иронизировать? «Жизнь остается серьезным делом» – различные вариации этого тезиса В. Янкелевича можно обнаружить в работах Р. Рорти, Ж. Делеза, У. Эко [20–22]. Страдание, болезнь, смерть – в этих моментах мир обнаружи-

вадет над нами свою власть. Не в силах человека преодолеть эту боль посредством усвоения и трансформации, единственное, что он может, – это распознать случайность и боль [20. С. 67]. Чтобы шутить по поводу собственной боли, нужно быть, по словам В. Янкелевича, «героем иронии», это не всем дано, поэтому ироническое сознание обычно направлено вовне, являясь своего рода самообманом, бегством от себя.

Опасности иронического самообмана ярко выражены в европейской литературе двадцатого века. Так, в романе «Маятник Фуко» У. Эко показывает трагические жизненные последствия иронической игры компании увлеченных историей эзотеризма интеллектуалов, в присущей ему манере ставя на фоне хитросплетений сюжета важнейшую проблему границы интерпретаций в ее гносеологическом и экзистенциальном аспектах [23]. Особенности иронической жизненной позиции как бегства от себя отчетливо предстают и в романе известного аргентинского писателя Х. Кортасара «Игра в классики» [24].

Подытоживая опыт иронизма как жизненной позиции, современные философы приходят к выводу: сознание не является вполне осознанным,

пока оно ошибается в самом себе. Сознание есть лишь способ объективировать страдание, но осознанное страдание постоянно возрождается, и участь человека – вечный переход от страдания к сознанию и от сознания к страданию. Задача человека – стать *causa sui* – субъектом и объектом, действующим лицом, чьи действия направлены на самого себя [1. С. 18]. Это – единственный путь, следуя которым можно избавиться от столь часто свойственного иронии изъяна, обозначенного А. Блоком как «отсутствие в себе».

Таким образом, в современной культуре, характеризующейся открытостью, диалогичностью, преимущественно эстетическим отношением к реальности обнаруживают значимость как онтологический аспект иронии, выражающийся в ее связи с актуальными для постметафизического мышления категориями возможности и различия, так и ее антропологический аспект, связанный с проблемами ценностного самоопределения и поиска смысла существования в утраченном единстве мире.

Статья опубликована при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Янкелевич В. Ирония. Прощение / пер. с фр. / послесловие В.В. Большакова. – М.: Республика, 2004. – С. 61–40.
2. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры (Два философских введения в двадцать первый век). – М.: Политиздат, 1991. – 412 с.
3. Пигулевский В.О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. – Ростов-на-Дону: Фолиант, 2002. – 418 с.
4. Неретина С.С. Средневековое мышление как стратегия мышления современного // Вопросы философии. – 1999. – № 11. – С. 122–150.
5. Блок А.А. Собр. соч. в 6 т. Т. 3. – Л.: Худож. лит., 1981. – 440 с.
6. Хлебников В. Творения. – М.: Сов. писатель, 1986. – 736 с.
7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. – СПб.: Искусство-СПб, 1998. – 704 с.
8. Васильев И.Е. Русский поэтический авангард XX века. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. – 315 с.
9. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики). – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 1997. – 317 с.
10. Северянин И. Эпиграмм // Серебряный век: Петербургская поэзия конца XX – нач. XIX в. – Л.: Лениздат, 1991. – С. 360–361.
11. Манн Т. Доктор Фаустус / пер. с нем. – М.: ТЕРРА, 1997. – 656 с.
12. Маньковская Н.В. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с.
13. Эко У. Постмодернизм, ирония, занимательность // Имя розы. – СПб.: Симпозиум, 1999. – С. 635–639.
14. Ж. Деррида в Москве: деконструкция путешествия / сост., предисл., пер. и коммент. М. Рыклина; ред. Е.В. Петровская, А.Т. Иванов. – М.: РИК «Культура», 1993. – 208 с.
15. Набоков В. Дар. – М.: СП «Слово», 1990. – 332 с.
16. Найман Е.А. Пародирование как философский метод. – Томск, 1992. – 110 с.
17. Киммерле Х. Разность и противоположность. О соотношении диалектики и мышления дифференций // Философия Гегеля: проблемы диалектики: Сб. ст. – М.: Наука, 1987. – С. 110–111.
18. Лосский Н.О. Мир как органическое целое // Избранное. – М.: Правда, 1991. – С. 338–480.
19. Деррида Ж. Невоздержанное гегельянство // Танатография Эроса. – СПб.: Мифрил, 1994. – С. 133–173.
20. Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность / пер. с англ. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996. – 279 с.
21. Делез Ж. Логика смысла. – М.: Академия, 1995. – 298 с.
22. Эко У. Пять эссе на темы этики. – М.: Астрель: CORPVS, 2012. – 190 с.
23. Эко У. Маятник Фуко. – СПб.: Симпозиум, 1999. – 764 с.
24. Кортасар Х. Игра в классики / пер. с исп. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 848 с.

Поступила 27.12.2012 г.

TRANSFORMATION OF VALUES OF IRONIC AT TRANSITION FROM MODERN TO POSTMODERN

T.A. Medvedeva

Tomsk Polytechnic University

E-mail: tamedvedeva@tpu.ru

The historical and philosophical approach traditional for researching irony closes this phenomenon within a particular philosophical system and does not allow answering the question about its genesis and mechanism of sociocultural functioning. The dialogical logic combining proper philosophical and cultural approaches was selected as a methodology to extend the field of analysis. On the basis of its theoretical and methodological principles it becomes possible to state the basic research problem – to identify the conjugation of anthropological and sociocultural irony in the mechanism of its functioning by the example of the period of European cultural paradigm change. As a result, the author determined the causes and patterns of irony values transformation in situation of transition from modern to postmodern and disclosed the characteristics of modernistic and postmodernistic irony as the substantial feature of cultural awareness and artistic technique, found a link of postmodern interpretation of irony concept to the formation of postmetaphysical type of philosophical thinking, stated the characteristic irony as vital strategy in a crisis of values. Thus, the implementation of the chosen methodology allowed the author to examine the phenomenon of irony from the perspectives of anthropologically oriented philosophy of culture.

Key words:

Dialogical logic, irony, culture, modernity, postmodernity.

REFERENCES

1. Yankelevich V. *Ironiya. Proshchenie* [Irony. Forgiveness]. Moscow, Respublika, 2004, pp. 61–40.
2. Bibler V.S. *Ot naukoucheniya – k logike kultury (Dva filosofskikh uvedeniya v dvadtsat pervy vek)* [From epistemology to the logic of culture (Two philosophical introduction to the twenty-first century)]. Moscow, Politizdat, 1991. 412 p.
3. Pigulevskiy V.O. *Ironiya i vymysel: ot romantizma k postmodernizmu* [Irony and fiction: from romanticism to postmodernism]. Rostov-na-Donu, Pholiant, 2002. 418 p.
4. Neretina S.S. Srednevekovoe myshlenie kak stratagema myshleniya sovremenno. [Medieval thinking as the stratagem of modern thinking]. *Voprosy filosofii*, 1999, no. 11, pp. 122–150.
5. Blok A.A. *Sobranie sochineniy v 6 tomakh* [Works in 6 volumes]. Vol. 3. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1981. 440 p.
6. Khlebnikov V. *Tvoreniya* [Creations]. Moscow, Sovetsky pisatel, 1986. 736 p.
7. Lotman Yu.M. Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of the artistic text]. *Ob iskusstve* [About the Art]. Saint-Petersburg, Iskusstvo-SPb, 1998. 704 p.
8. Vasilev I.E. *Russkiy poeticheskiy avangard XX veka* [Russian avant-garde poetry of the twentieth century]. Ekaterinburg, Ural university Publ., 1999. 315 p.
9. Lipovetskiy M.N. *Russkiy postmodernizm (Ocherki istoricheskoy poetiki)* [Russian postmodernism (Essays on historical poetics)]. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 1997. 317 p.
10. Severyanin I. Epilog [Epilogue]. *Serebryany vek: Peterburgskaya poeziya kontsa XX – nachala XIX v.* [Silver Age: Petersburg poetry of the late XX – early XIX century]. Leningrad, Lenizdat, 1991, pp. 360–361.
11. Mann T. *Doktor Faustus* [Doctor Faustus]. Moscow, TERRA, 1997. 656 p.
12. Mankovskaya N.B. *Estetika postmodernizma* [Postmodernism aesthetics]. Saint-Petersburg, Aleteya, 2000. 347 p.
13. Eko U. *Postmodernizm, ironiya, zanimatelnost* [Postmodernism, irony, entertaining]. *Imya rozy* [Name of the Rose]. Saint-Petersburg, Simpozium, 1999. pp. 635–639.
14. Zh. Derrida v Moskve: *dekonstruktsiya puteshestviya* [Derrida in Moscow: deconstruction of travel]. Translated by Rykлина; ed. by E.V. Petrovskaya, A.T. Ivanov. Moscow, Kultura, 1993. 208 p.
15. Nabokov V. *Dar* [The Gift]. Moscow, Slovo, 1990. 332 p.
16. Nayman E.A. *Parodirovanie kak filosofskiy metod* [Parody as a philosophical method]. Tomsk, 1992. 110 p.
17. Kimmerle Kh. Raznost i protivopozhnost. O sootnoshenii dialektiki i myshleniya differentsiy [Difference and contrast. On the relation between dialectics and thinking Differ]. *Filosofiya Gegeilya: problemy dialektiki* [Philosophy of Hegel's dialectic problems]. Moscow, Nauka, 1987. pp. 110–111.
18. Losskiy N.O. *Mir kak organicheskoe tseloe* [The world as an organic whole]. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow, Pravda, 1991. pp. 338–480.
19. Derrida Zh. *Nevozderzhannoe gegelyanstvo* [Intemperate Hegelianism]. *Tanatografiya Erosa* [Tanatografiya of Eros]. Saint-Petersburg, Mifril, 1994. pp. 133–173.
20. Rorty R. *Sluchaynost, ironiya, solidarnost* [Contingency, Irony, Solidarity]. Moscow, Russkoe fenomenoloicheskoe obshchestvo, 1996. 279 p.
21. Delez Zh. *Logika smysla* [The Logic of Sense]. Moscow, Akademiya, 1995. 298 p.
22. Eko U. *Pyat esse na temy etiki* [Five essays on the topics of ethics]. Moscow, Astrel: CORPVS, 2012. 190 p.
23. Eko U. *Mayatnik Fuko* [Foucault's Pendulum]. Saint-Petersburg, Simpozium, 1999. 764 p.
24. Kortasar Kh. *Igra v klassiki* [The Hopscotch]. Moscow, AST Publ., 2003. 848 p.

ГАБИТУС, ИДЕНТИЧНОСТЬ, ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ И КОГЕРЕНТНОСТЬ В ТОПОЛОГИКЕ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

Т.И. Макогон

Томский государственный университет

E-mail: makogonti@mail.ru

С помощью концепции собственной логики осуществляется описание местных сообществ. Собственная логика сообщества выявляется через структурированную практику, доксические точности, пространственное расположение. Используются понятия габитуса, идентичности, обусловленности и когерентности путей развития с альтернативным пониманием действия и структуры, описанием смысловых конструкций, детерминирующих условные реляции в специфических социальных феноменах. Определяется специфика влияния материального на социальное. Ассоциированность развития объясняется через сравнение созависимостей, шкалированных влияний различных уровней и сфер внутри сообществ. Сообщества описываются через внутреннюю смысловую зависимость, через структурирующую силу материальности, внутренние дифференциации, доминантные локальные смысловые комплексы, физически реальные пространственные структуры, теоретически представляемые топологически, через четко установленные правила, ресурсы и образцы рационального и неизменяемого порядка. Развитие сукцессивных гипотез о текстуре сообществ, в смысле собственно логического значения, достигается посредством сравнений похожего между ними и через сравнение конструкций различных типов сообществ.

Ключевые слова:

Местные сообщества, собственная логика, габитус, докса, топос, топология, глобализация, когерентность.

Концепция собственной логики местного сообщества – одна из первых смысловых конструкций для их изучения, она понятийно связана с определением габитуса сообщества и позволяет описывать местные сообщества категориями, отличающимися от дефиниций других социальных и материальных структур. Понятие собственной логики сообщества предполагает использование понятия габитуса для обозначения социального в человеческом телесном и материальном, для обозначения внутренней структуры исследуемого объекта.

Пьер Бурдье представляет габитус как категорию, которая «подчеркивает инкорпорированную историю сообщества как структурирующую его силу» [1. S. 267]. Его понимание габитуса допускает, что «дифференциация различных габитусов объяснима, например, классовой или гендерной принадлежностью, которые формируют габитус разными способами и принуждают людей различных полов и классов к различным действиям» [1. S. 267]. «Габитус – элементарный модус по производству практик. В этой связи габитус представляет собой внутренний центр субъекта. Он является исходным пунктом всех его устремлений, точкой отсчета всех целей, связующим пунктом всех его интенций; именно габитус поставляет оптику видения, основной образец видения и понимания, меру оценки, тип социального вкуса» [2. С. 165]

Социальное входит в сообщество, разворачивая собственную логику. Собственная логика является продуктом структуры сообщества как креативно-структурирующей силы, однако эта логика не может быть описана только по специфически классовым или гендерным признакам. Люди подвергаются влиянию логики места по-разному. Степень влияния, действительно, может зависеть и от полового, и от классового признака. Но дифференцировать сообщества по классам или полам можно

только в очень ограниченном смысле, для выявления отдельных логических констант.

Понятие габитуса П. Бурдье тесно связано с понятием поля [2. С. 165]. Поле и габитус – относительные понятийные изобретения, которые предлагают альтернативное понимание действия (габитус) и структуры (поле): «Отношение между габитусом и полем как раз становится условием: поле структурирует габитус, а он является продуктом инкорпорирования имманентной необходимости этого поля или одного ансамбля более или менее конкордатных (согласующихся между собой – Т.М.) полей. Но это и соотношение, пропорция когнитивной конструкции: габитус способствует созданию полем сигнифицированного смыслового и ценностного мира. Габитус – это социальное, ставшее материальным. Габитус – овестествленное социальное» [1. S. 278].

Концепт собственной логики сообщества несет в себе гипотезу, допущение, что сообщества представляют собой смысловые миры, которые входят в габитус жителей. Сообщества связаны сетью объективных отношений, но эта сеть не отвечает никакой полевой логике, так как коммуникативный мир сообщества сложно разделить на такие смысло-специфические поля, как искусство, наука или политика. Местные сообщества могут быть объяснены из собственной логики в ограничении к конкурирующим сообществам, как объясняется базис-конструкт из дифференции к территориальной форме. Теория П. Бурдье о габитусе и поле может быть применена к анализу местных сообществ с уточняющими переформулировками в отношении сообщества и его поля. Если логика сообщества объясняется понятием габитуса, необходимо уяснить, что такое поле сообщества и что может являться его условными реляциями, которые могли бы детерминировать габитус сообщества. Габитус

тус (через повседневность развернутая чувственная структура) является релевантной категорией для обдумывания овеществленных способов поведения и практических понятийных, местно-окрашенных форм этого поведения. Габитус – практическое понимание собственной логики местного сообщества. Однако нельзя ментальные черты сообщества рассматривать как вещественные диспозиции, как реально существующие расположения. Приписывание отдельному сообществу особого образа поведения несет с собой проблему превращения габитуса отдельного сообщества в упрощенный антропоморфизм. Концепция габитуса отдельного сообщества обязательно должна включать в себя понятие идентичности конъюнктуры, отражающей стечение обстоятельств, множество событий, происходящих именно в этом сообществе, чтобы подчеркнуть особенность одного сообщества перед другим.

С помощью смысловой пары «культура сообщества – идентичность сообщества» можно представлять сообщества как специфические социальные феномены. Каждое сообщество имеет свою собственную культуру. Вместе с национальными и региональными влияниями есть существенные сигнифицированные внутренние процессы развития сообщества. Культура местного сообщества может быть изображена как продукт коммуникативного действия, как у Т. Лукмана и П. Бергера. «В рамках коммуникативного действия образуются материальные и нематериальные объективации, которые составляют культуру сообщества» [3. S. 67]. При коммуникативном действии образуются и ассоциации, и союзы, и институции, местные СМИ, профсоюзы, которые несут в себе как материальные, так и нематериальные аспекты. Жители развивают типичные образы поведения в ходе исторического процесса, которые постоянно проигрываются, возвращаются. Прошедшие и современные явления действительности объединяются в топосы. Они образуют материал, из которого формируется идентичность сообщества. Чтобы снять с понятия идентичности подозрение в антропоморфизме, Габриэлла Христманн утверждает, что «если можно говорить о национальной идентичности, то можно, по праву, говорить и об идентичности местного сообщества» [4. S. 56]. Анализируя особенное в местном сообществе, мы находим идентичность в шаблонных, стереотипных высказываниях. При этом материальность сообщества остается, выделяется понятийно в структуре сообщества, а идентичность связывается с дискурсом. Обрисовать сразу и окончательно все отношения между культурой сообщества и его идентичностью просто невозможно, постоянно возникают дополнительности к этим понятиям: блеск города, гордость Томска, местные коммуникации, культура Сибирских Афин. Без сомнения, постоянные центральные темы брэндов являются приметой специфических процессов на местах.

Исследования габитуса позволяют перенести влияние специфики сообщества на вещественные, материальные субстанции. Например: в одном сообществе ходят люди быстрее или медленнее, появляется у них больше или меньше аллергий, реагируют на шум восприимчивее, активнее в спортивной и культурной жизни. Отсюда вытекает фигурация «топос–идентичность» при установлении наблюдаемых различий через историческое развитие. Различия уплотняются, кристаллизуются в культуру сообщества. Становятся объяснением для производства и репродукции своего собственного общественного модуса. Мы предлагаем продумывать «топосы–идентичности» в их привязке к базальной, собственно логической структуре сообщества, так как это имеет большую исследовательскую перспективу.

Еще одна смысловая конструкция, с помощью которой можно изучать местные сообщества – это «логичность, связность, ассоциированность, зависимость, обусловленность, последовательность пути» местного сообщества. Этот концепт достаточно давно применяется для объяснения различных дифференциаций в научных изысканиях. Мы вышли на этот концепт через тексты экономиста и математика Артура Бриана (W. Brian Arthur) [5] и историка экономики Пауля Давида (Paul A. David) [6] и решили, что он может быть использован и в социально-философском измерении. Концепт ассоциированности или обусловленности пути сообщества ими был выведен из анализа, показывающего, что не всегда эффективные технологии являются главными двигателями экономического прогресса, иногда на этот процесс решающее влияние оказывают на первый взгляд несущественные, ограниченные процессы или случайности, которые, однако, могут привести к субоптимальным инновациям и стать доминирующими. Продолжение идеи обусловленности, связности, созависимости пути местного сообщества имеется также у экономиста и историка экономики Дугласа Норта [7]. Однако он расширяет влияние этого концепта в целом и на институциональные изменения в сообществе. Именно институционально-экономическим концептом созависимости Д. Норт объясняет различия между обществами (экономиями). Для Д. Норта не только случаи или незначительные события конституируют нити созависимости, но и процессы созависимости направляются им на ограниченную рациональность действия акторов и также на высокую стоимость трансакций при изменении институционального порядка. Изменения он объясняет как зеркальный ответ на действия индивидуальных акторов и организаций. Техника при этом является собственным интересом этих акторов, так же как условия соревновательности между организациями. Д. Норт, как и Б. Артур и П. Давид, поясняет, что от связанной обусловленности действиями акторов и институций зависит высокая эффективность или плохая продуктивность при технологически-экономическом развитии.

Конечно, при переносе на социально-философский анализ связность, зависимость пути теряет четкую ориентацию на экономическую эффективность. Зависимость пути сообщества становится концептом, которым подчеркивается историчность институций, при этом понимается, что произошедшие в прошедшем решения и укоренившиеся у жителей образы мышления и повседневной жизни продолжают оказывать влияние на современные события в сообществе. Обусловленность путей развития – основная черта социальных институций в местных сообществах. Процессы исторического континуитета, непрерывности, сплошного покрытия социальных влияний можно наблюдать в местных сообществах, особенно когда нет экономических изменений. Задержка на одном-единственном варианте пути в политике объясняется, прежде всего, асимметричными, часто завуалированными властными констелляциями, стечением обстоятельств властных расположений, становится условием для повторения из-за высокой релевантности коллективного действия.

Каковы ведущие представления об обусловленности, созависимости путей развития местных сообществ? Скрепки, на которые ориентируются акторы, образуют общие основы понимания для действий. Они могут быть направлены на повышение экономической эффективности в сообществе или на идею модернизации. Изменение пути сообщества становится возможным только через инновационные действия, может быть, не очень смелые, только отдельных приверженцев, уверенных в успехе такого пути. Такая социально-философская концепция местных сообществ коррелируется с мнением о структурирующем воздействии натренированного образа мысли и повседневной жизни. С точки зрения габитуализированного действия имеет важность и историчность событий. Однако собственная логика сообщества выводится не только из исторических отношений, но и одновременно из отношений современности. Базисный постулат, что можно знать многое о сообществе, зная все об его историческом пути, в нашем случае не всегда срабатывает, если мы не дополняем этот постулат представлениями о современных коммуникативных сетях, которыми сегодня охвачено сообщество. Концепт пути и его имплицитную, запутанную ориентацией на акторов и институции, логику можно переносить и на сообщества, развитие которых обусловлено, прежде всего, местом их расположения.

Известный современный социолог Мартина Лёв утверждает, что, например, Венеция и сегодня своим местоположением привлекает всех людей мира к себе. Причем именно ее пространственное расположение, а не политические или экономические институции Венеции усиливает одновременно исторические и современные значения конституции ее собственной логики [8. S. 94].

Отдельные индивиды, акторы также могут внести изменения в концепцию обусловленности, за-

висимости пути. Возникает новое понятие креативности пути развития местного сообщества. Такие феномены возникают в сообществах, когда, например, мэр выбирает необычную стратегию (Томск 3.0) и успешно ее претворяет в жизнь [9]. Концепция призвана сделать жизнь в городском сообществе более современной, интересной, культурно насыщенной. Превратить Томск в место, которое притягивало бы новых жителей, включить в пространство сообщества русскую традиционную культуру, классическую музыку, очистить заброшенные уголки, украсить старые заборы граффити по мотивам классических произведений, особенно креативная команда разрабатывает и осуществляет новый имидж, а смена элит делает возможными новые коалиции. Если собственная логика нацелена на городские структуры, которые практически и вещественно вызывают действия, тогда встает вопрос, как их смена повлияет на сообщество в целом. Собственная логика сообщества обращается к структурам, докисическим точностям, которые и в изменении должны будут найти собственно-логическое выражение. Анализ различных путей сообществ может дать пояснение и собственной их логики. Собственная логика сообществ не оглядывается на констелляцию акторов, как это делается при многих социально-научных исследованиях зависимостей путей сообщества, а ищет совместные пункты в действиях различных групп и индивидов. Также и собственно-логические структуры местного сообщества являются комплексными, генеративными порядками. Сложное социальное комплексное образование, такое как местное сообщество, не может быть продумано и объяснено только одним ходом пути развития.

Когерентность местных сообществ

Собственная логика сообществ может быть изложена синхронно и диахронно. Собственное в сообществах развивается как на основе исторически мотивированных событий, повествования, познаний и материальных наслоений, так и в относительном сравнении системы отношений со сходными по форме образованиями, это значит, – с другими сообществами. Интерпретации различной материальности, политические и экономические фигуры разворачиваются на историческом и пространственном сравнении. Собственно логические структуры развиваются таким способом не только из практического тренинга, в исторических отношениях, но и в пространственных отношениях, условиях, что означает, – из других одновременно происходящих развитий сообщества. Максима П. Бурдые: «Я должен удостовериться, не вовлечен ли объект, который я себе представил, в сеть отношений, и не обусловлены ли его черты существенным частями этой сети отношений» – реально действительна для нашего описания местных сообществ [1. S. 289].

Собственная логика сообществ воспринимается, постигается как структурированная практика.

И в связи с этим интегрируется точка зрения, что каждая структурная стратегия связана с определенными достижениями. До сих пор все изучения специфических структур в сообществах тяготеют к объяснению динамик развития в историческом пути. До этих пор отсутствовала, и поэтому практически не представлена реляционная система относительных понятий, формирующая собственное в сообществах. Сообщества вовлечены в сеть объективных отношений, которые, *во-первых*, структурируют их развитие дополнительно через сравнительные системы, и, *во-вторых*, объясняют развитие сообществ в условиях глобализации, расширяющихся сетей и зависимостей не только через категорию места, пространства. Структура места, в этом смысле, является также результатом процессов в других местах. Таким образом, собственная логика не может быть спроектирована концептуально без практики отграниченности и совместности отношений к другим сообществам на локальном, национальном и глобальном уровнях (города-побратимы, агломерации). Понятно это может быть выражено как связность, взаимозависимость, контактность, ассоциированность, созависимость сообществ.

Связность сообществ можно объяснить через сравнение однотипных и существующих в одно время сообществ не только из исторически складывающихся отношений, но также из их созависимостей и из шкалированных влияний различных уровней, сфер внутри самих сообществ. Георг Зиммель обращает внимание, что понятие места, пространства сообщества часто указывает не на субстанциальное его состояние, а на форму отношений с другими сообществами. Он утверждает, что развитие одного местного сообщества зависит часто от того, как другие релевантные сообщества себя утверждают и позиционируют [10. S. 710]. Франкфурт-на-Майне поставил себя на арене как американизированный город потому, что ни Кёльн, ни Берлин, ни Гамбург этого не смогли сделать [8. S. 97]. Связность, созависимость сообществ не исследована широко, однако оценить различные когерентности вполне можно по единству их соразмерности, по сбалансированности всех институциональных структур. Методологически возможно социальные феномены местных сообществ концептуализировать в различных шкалированных уровнях, выявить региональные, национальные и глобальные различные системы относительных понятий в местных сообществах. Безусловно, необходимо понимать, что не во всех городах, сообществах все сферы, уровни рассматриваются одинаково важными. Компаративные, сравнительно-исторические исследования местных сообществ сегодня состоят не только из историческо-сравнительных изложений, но и из отчетных количественных сравнительных характеристик, прежде всего, для больших городских сообществ, сетью связанных с мировым сообществом, а также из исследований, которые следуют сетевой логике.

Собственно логические структуры одного сообщества содействуют развитию другого сообщества. Сообщества партиципируют (соотносятся) на диверсивных глобальных процессах, которые происходят во всем мире, однако они анализируются иным специфическим образом. Локальные устремления одновременно выделяют специфические материальные, социальные и исторические констелляции локальности и связаны при этом с потоком людей, капиталом, информацией, имиджем и идеями. В различных конфигурациях по этническому, расовому, гендерному и другим различиям создаются различные пространства с различными отношениями и конфигурирующими значениями, но которые имеют отношение к этому самому месту. Топонимические наименования и переименования также имеют местную привязку и влияние. Собственная логика сообществ – это местно ориентированный, местно зависимый процесс, но происходящий не только в одном этом месте. Через когерентность местных сообществ логика одного сообщества может оказывать влияние на другое сообщество. Нам предстоит сформировать идеи исследования по открытию похожего в развитии сообществ и по типизации одинаковостей.

Сравнение сообществ в собственно-логическом течении имеет большое методическое значение, так как такое сравнение в первую очередь соотносит сообщества ни с чем-то третьим, а со своей собственной логикой. Общие формы сообществ принципиально сравнимы, а их соотнесение с качествами граничности, связности, гетерогенизации и культурными констелляциями дает точное описание эмпирически определенной структуры их собственной логики. Цель сравнения – собственно, понять изображение социальной концентрации в сообществе и выявить все виды собственно-логических следствий его развития. Конституциональная специфика самого объекта нашего исследования, глобальные потоки и обменные процессы, влияющие на него, усложняют вопрос о выявлении совместных основных черт как предпосылок для сравнения. Для понятия «компаративный консенсус местных сообществ» необходимо выявить общие вопросы и понятийные приемы. Смысло-логический подход изучает сообщества через их внутреннюю смысловую зависимость и анализирует по принципу, как различные качества соотносятся друг с другом, образуют структуру, способную к саморепродуцированию. Структура и структурирование, образ и процесс в сообществах могут быть продуманы различными приемами. Если сообщество идет на убыль, его структурная логика угасания будет отражена в различных темах и процессах. Допустимость такой возможности не вытекает из современной, сегодняшней перспективы, повторяемости. Она выявляется через репродуктивное правовое поле сообщества, причем локальные прогнозы становятся более эффективными, поскольку сравнение в них нацелено не только на всеобщее, но и на область горизонтальных сравнений.

Структурирующая сила материальности

Собственная логика сообщества выявляется через анализ материальных ресурсов сообщества, благодаря которому сообщество конституируется специфическим образом. Проблемы материальности воспринимаются в социальных науках достаточно адекватно и в нарративах социальной философии они достаточно представлены, поскольку всем понятно, что мир и отношения в нем материальны. В теоретических социально-философских исследованиях материальность рассматривается, как правило, через многие факты, но чаще – как открыто данная рамочная фигурация и, как правило, как общественно-теоретически менее важная вещь из-за само собой разумеющейся материальности мира. Особое отношение к материальности образовал, само собой, Карл Маркс. Понятие материи и материального базиса для него – не устойчивые сущности с различными качествами, он понимает под материальностью вокабуляр практики и производства. Он отграничивает материальное от духовного и, таким образом, дефинирует два вида деятельности. Материальность экзистенции подразумевает действительность, в отличие от мира мыслей, и указывает в этом смысле на необходимость практической деятельности, а также на наличие технологий освоения природы. К. Маркс в этом понимании материальности, прежде всего, внес вклад в то, что значение материальности стало обсуждаться в социологии техники, материальность стала представляться как сила. Словами «Ручная мельница воспроизводит, выдает общество с феодалами, паровая мельница порождает общество с индустриальными капиталистами» он описывал построенный и технически употребляемый предметный мир и его детерминированное действие на общественные структуры. Центральная его идея – человеческое существование также определяется материальными условиями [11. С. 62]. Сегодня в социально-философском дискурсе заново активно обсуждается мысль воздействия технических артефактов на процессы деятельности. Артефакты действуют в том смысле, что вызывают изменения, заставляя брать во внимание более последовательно вклад техники в организацию социального порядка. Если перенести эти основные мысли о структурирующей силе материальной аранжировки на сообщества, то можно прийти к выводу, что сообщества становятся таковыми не только из-за того, что и как люди активно в них устраивают, но и представляют силу, которая структурирует социальные практики. Таким образом, местные сообщества структурируют социальную практику.

Есть работы, показывающие, как вокзалы, транспортные терминалы через формирование материальности принуждают людей к определенному образу действия. Человеческая телесность по-полняет материальную вещьность. Генри Лефевр [12], Пьер Бурдьё [1] и Эдвард Зоя [13] показывали, что пространственные структуры, как части общественного каркаса, содержат свою собствен-

ную силу действия. В последовательности это означает, что местные сообщества как пространства действуют, социализируя. Джон Урри выразил это таким образом: «Я хочу аргументировать, что время и пространство как продуцируемые и продуцирующие могут быть представлены символически структурно организованными» [14. Р. 160]. Эту структурирующую силу материальных ресурсов упоминает также Дэвид Харвей. «Я хочу подчеркнуть, что пространственные отношения и географические феномены имеют материальные черты, которые могут быть использованы для начала анализа и что формы, которые они принимают, не могут быть нейтральными с точки зрения возможных путей развития. Материальные черты должны быть интерпретированы в противоречивой динамике капитализма как основополагающие и активные» [15. Р. 33]. Пространственные отношения как материальные границы и качества фундаментальны и структурируют развитие сообществ, – аргумент Д. Харвея. Появление социальных дифференциаций в сообществах базируется существенно на способностях, которые влияют на производство пространства. Определение границ и пространственный контроль являются аспектами в совместной игре пространственных, временных и денежных дискурсов. Для продажи, например, земельных участков правильно выбранное время продажи может стать решающим фактором получения наибольшей прибыли. Таким образом, по Д. Харвею время, пространство и деньги между собой могут конвертироваться. «Наличие денег делает возможность контроля над пространством и временем, также как власть над пространством и временем создает финансовую прибыль, это известно любому маркетологу», ? писал Д. Харвей [16. Р. 158]. Резидентальную сегрегацию он понимает как феномен, который продуцируется не только социально, но и вызывает общественные отношения. У Д. Харвея пространство в его материальности действует по собственной динамике. Э. Зоя разделяет с Д. Харвеем марксистский фундамент пространственной теории, которая и время, и историчность хочет интегрировать как центральные составляющие. Э. Зоя, желая перенести пространственно-временную перспективу на общество и социальную жизнь, эксплицитно эту точку зрения определяет как историческую географию капитализма. При этом он предлагает делать различие между пространством как данностью и пространством, продуцированным социальным. Его триалектика пространственности, историчности и социальности раскладывает пространственность/география, временность/история и общественность/общество на три друг от друга отделенные, но сообщающиеся поля. Историчность всегда окрашена пространством, сообщество пространственно и темпорально структурировано. Э. Зоя всегда подчеркивал своеобразное действие пространства. Он выступал против представления, что история совершается в пассивно данном пространстве, но также и против

того, что пространства порождают социальные процессы. Он отстаивал точку зрения, что география – это пространственность, и она одновременно социальный продукт и формирующая сила, или медиум социальной жизни [13. Р. 76].

Со ссылкой на Э. Гидденса и П. Бурдье Томас Гирич утверждает, что даже здания имеют двойную реальность [17. Р. 37] Они структурируют и могут быть структурированы. Они стабилизируют социальную жизнь. Они не только импозантно возвышаются, но и влияют на объекты интерпретации и рассказа в их материальном присутствии на течение действительности. М. Вильковский в «Социологии архитектуры» отмечает: «Сначала мы строим свои сооружения, потом они формируют нас» [18. С. 345].

В философии материальности Т. Адорно, М. Хайдеггера и Л. Виттгенштейна мы нашли живые описания того, как реальные пространственные объекты формально внедряются в наше телесное. «Иногда при посещении галереи, выставки или даже супермаркета кажется видимым, якобы взгляды посетителей, их жесты, их скорость, движения управляются экспонатами и выставленное их программирует и руководит их телами, как эстетический механизм и, таким образом, эти посетители входят сами в элементы, субъекты и мелочи выставочных экспонатов» [19. С. 8]. Как следствие, это означает, что не только абстрактно капиталистический порядок действия структурирует, но и совсем конкретный жилой микрорайон, транспортные пути или сообщества могут выступать как материальные контексты. Перенос на общественные, социальные структуры приводит к заключению, что пространственно-структурные образцы (типа национально-государственных границ) могут предварительно структурировать социальные дифференции. Переноса эту сентенцию на маленькие масштабы местных сообществ, мы можем выявить локальные пространственные образцы, определить их возможное влияние на динамику структурирования в сообществе. Это указывает на то, что пространства познаваемы не только материально, предметно, но они влияют на телесное, социальное. Получается, что пространства – не только продукты действий, но они могут также структурировать институты действий в сообществах.

Глобальное, национальное и локальное имеют различную величину в предметной рефлексии, эти констелляции открывают новое поле для исследования социологии сообществ не только в направлении конституции собственной логики. Через глобальную сеть и глобальные зависимости возникает новое направление исследования о возникновении и репродукции собственной логики сообществ через их специфические порядки и местно-зависимые познавательные качества. Социальное может быть понято только из пракселогической перспективы, как состоит его материальность и имплицитная, нерационализируемая логика. Социология ищет собственную логику в имплицитном по-

нимании, как пространственность попадает в телесное, в материальность сообщества и репродуцируется в повседневной жизни. Практическое знание о сообществах возникает как результат структурирующей и структурированной практики и затем показывает себя в реальности, в экспертных культурах внутри институций и организаций и в материальных ресурсах общества. Материальное качество сообщества вносит существенный вклад в структурирование способов поведения и практики. Материальность сообщества может быть продумана как пространственный и темпоральный хранитель возникших строительных ландшафтных и исторических единиц, который наполняет материальный субстрат для смысло-материального познания места. Важным методическим следствием является то, что практический смысл в сообществах всегда развивается со ссылкой на символические и также на материальные ресурсы. Наше исследование показало, что всегда выявляется двойной фокус: как место, пространство сообщества со значением организуется и как люди через это место, пространство сами конституируются (или как реальное место влияет на социальные интеракции сообщества).

Материальность сообщества можно считать по его образным представлениям. Образы, картины как символические синтетические достижения сообщества отображают материальность его пространства, они вписываются в материальность также, как коммуникации. Они как визуальные аргументы политического, исторического и нормативного значения развиваются в социальном сообществе и привязаны к материальности пространственных конституций. Обозначенное ранее нами мыслительное движение «пространственный поворот» (*spatial turn*) рассматривает пространство как основополагающую форму и материально обусловленное образование отношений общественных повседневных и повествующих практик в сообществе. Есть предложения в социально-философском дискурсе сообществ одинаково проводить *iconic/pictorial and spatial turn*, которые берут во внимание привязку образов к месту и способность места к действию, в переносе на материальность. Термин «Иллюстрированный поворот (изобразительный поворот) (*iconic/pictorial*)» введен в 1992 г. Вильямом Джоном Томасом Митчеллом [20], который в свое время обучался на текстах Маршалла Маклюэна [21] и Мишеля Фуко [22]. В. Митчелл пытался на основе иконологии Эрвина Пановского реабилитировать мышления в образах и об образах. Он фокусируется на сущности и важности образов, материальности изображения и хочет соединить образный, иллюстративный поворот с социальными и политическими вопросами [23]. О знаковом повороте, иконическом, символическом повороте впервые заговорил Готфрид Бём в 1994 г. «Речь о знаковом повороте была интересной, вдумчивой попыткой сохранить идею согласно чисто немецкой традиции об абсолютности, ау-

ры искусства против употребления изображений по их медиальному пониманию» [24. S. 5]. Знаковый поворот Г. Бёма ориентирован на герменевтику Георга Гадамера [25] и Макса Имдаля [26]. Тогда как В.Д.Т. Митчелл фокусируется на использовании иллюстративного, образного поворота в повседневной культуре и науке, постановка вопроса Г. Бёмом более основательна, он задумывается еще и о «лингвистическом повороте», – как образы воспроизводят, рожают смысл, воспроизводят собственный логос в социальных системах.

Сообщества могут быть поняты из практического знания и сравнительных динамик, например, по континентальному расположению (европейский город, американское местное сообщество) или по большим властным категориям (город мирового значения, мегасити, глобальный город). Объект исследования социальной философии – сообщество, может через понятие формы конструироваться практикой. Таким образом, *во-первых*, местное сообщество может быть познано и реконструировано как структурное единство, *во-вторых*, – как система, *в-третьих*, – как собственно-логическое образование. Можно дифференцировать форму жизни сообщества в трех категориях: 1) специфическая физически реальная структура; 2) специфическая социальная организационная система; 3) образование с собственной логикой, составом позиций и мыслей.

Выводы

Исследование, анализирующее собственную логику местного сообщества, развития его по собственному смыслу, неизменно выявляет креативную силу специфического структурирования его практики. Собственная логика местных сообществ выявляет все основные диспозиции, которые привязаны к материальности и социальности и конституируются в системе национальных и глобальных черт. В контексте сообществ собственная логика одного сообщества может быть сотрансформи-

рована в другом. Связность сообществ указывает на то, что собственная логика никогда не объясняется только историческими условиями, она выстраивается также и из сравнения двух и более одинаковых по форме сообществ. Что до сих пор воспринималось только через перенесение телесно-ориентированного концепта на сообщества (габитус сообщества), через персональные черты на сообщество (биографии сообщества) и как эмоциональная сфера (структура чувствований), сейчас может быть изображено как местно-специфическая структура и ее реализация через доксу и габитус. Собственная логика сообщества как вопрошаемая достоверность, точность об этом сообществе находит свое выражение в различных выразительных образах, это одновременно означает – в материальности и в символической. Материальные ресурсы одновременно являются элементами социальной практики, которые в собственно логических достоверностях влияют как символически структурирующая практика. Каждое сообщество имеет внутренние дифференциации. Социальный уровень, возрастные группы и гендеры в повседневной жизни ориентируются на структуры сообщества и на доминантные локальные смысловые комплексы. Местное сообщество – физически реальная пространственная структура, теоретически представляемая топологически. По предпосылкам пространственной дифференцированной формы местное сообщество воспринимается как пространственная структура через четко установленные правила, ресурсы и образцы рационального и неизменяемого порядка в нем. Пространственные структуры вытекают из технико-материальной структуры сообщества, они реализуются в овеществленном, материальном виде с помощью габитуса. Развитие сукцессивных гипотез о текстуре сообществ, в смысле собственно логического значения, достигается посредством сравнений похожего между ними и через сравнение конструкций различных типов сообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bourdieu P. Die Praxis der reflexiven Anthropologie // In: P. Bourdieu, Wacquant L. Reflexive Anthropologie. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1996. – S. 251–294.
2. Макогон Т.И. Возникновение топологического восприятия пространства в теориях социальных полей // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 321. – № 6. – С. 162–166.
3. Berger P., Luckmann T. Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit // Eine Theorie der Wissenssoziologie. – Frankfurt am Main: Fischer, 1970. – 220 S.
4. Christmann G. Dresdens Glanz, Stolz der Dresdner: lokale Kommunikation, Stadtstruktur und städtische Identität. – Wiesbaden: Deutscher Universitäts-Verlag, 2004. – 416 S.
5. Brian A. Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. – 201 P.
6. David P. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. – 1985. – V. 75 (2). – 332–337 p.
7. North D. Economic Performance through Time // In: Brinton M., Nee V. The New Institutionalism in Sociology. – Stanford: Stanford University Press, 1998. – P. 247–257.
8. Löw M. Soziologie der Städte. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2008. – 289 S.
9. Михайлов В. Апгрейд пространства до версии 3.0. URL: http://expert.ru/siberia/2012/13/apgrejd-prostranstva-do-versii-3_0/. (дата обращения: 20.01.2013).
10. Simmel G. Der Raum und die räumliche Ordnung der Gesellschaft // Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. – Gesamtausgabe, Band II. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995–1998. – S. 687–790.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Ницета философии. Соч., Т. 4. 2 изд. – М.: Прогресс, 1955. – 178 с.
12. Lefebvre H. Die Produktion des Raums // Raumtheorie. Grundlagentexte aus Philosophie und Kulturwissenschaften. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2006. – S. 330–340.
13. Soja E. Thirdspace. Journeys to Los Angeles and Other Real-and-imagined Places. – Cambridge; Oxford: John Wiley & Sons, 1996. – 348 p.
14. Urri J. Time and Space in Giddens Social Theory // In: Bryant C., Jary D. Giddens Theory of Structuration. A Capital Appreciation. – London; New York: Routledge, 1991. – P. 160–175.

15. Harvey D. *The Urbanization of Capital Studies in the History and Theory of Capitalist Urbanization*. – Baltimore: John Hopkins University Press, 1985. – 239 p.
16. Harvey D. Geld, Zeit, Raum und die Stadt // In: Wenz M. *Stadträume. Die Zukunft des Städtischen*. – Frankfurt am Main; New York: Campus, 1991. – P. 149–168.
17. Gieryn T. What Buildings Do // *Theory and Society*. – 2002. – № 31 (1). – P. 35–74.
18. Вильковский М.Б. *Социология архитектуры*. – М.: Типография Момент, 2010. – 588 с.
19. Schwarte L. *Die Regeln der Intuition, Kunstphilosophie nach Adorno, Heidegger und Wittgenstein*. – München: Wilhelm Fink Verlag, 2000. – 275 S.
20. Mitchel W. *Bildtheorie*. – Frankfurt am Main: Surkamp, 2008. – 497 S.
21. Маклюэн М. *Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего*. – М.: Академический проект, 2005. – 496 с.
22. Фуко М. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. – М.: Прогресс, 1977. – 488 с.
23. Panofsky E. *Architecture gothique et pensée scolastique. Traduction et postface de Pierre Bourdieu*. – Paris: Editions de Minuit, 1967. – 217 p.
24. Boehm G. *Die Wiederkehr der Bilder // Boehm Gottfried. Was ist ein Bild?* – München: Wilhelm Fink Verlag, 1994. – S. 1–38
25. Гадамер Х.Г. *Истина и метод // Основы филос. Герменевтики*. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
26. Имдаль М. *Опыт другого видения: статьи об искусстве X–XX веков*. – Киев: Изд-во «Дух і Літера», 2011. – 488 с.

Поступила 25.01.2013 г.

UDC 114

HABITUS, IDENTITY, PREDICAMENT AND COHERENCE IN TOPOLOGY OF LOCAL COMMUNITIES

T.I. Makogon

Tomsk State University
E-mail: makogonti@mail.ru

Local communities are described by the concept of self logic. The local community self logic is determined through the structured practice, doxology accuracy, spatial arrangement. The author uses the concept of habitus, identity, predicament and coherence of the development patterns with the alternative comprehension of action and structure, description of semantic constructions determining conditioned reports in particular social phenomena. Specific nature of material principle on social one is determined. Associativity of development is explained by comparison of codependencies, scale affect of different levels and spheres inside the community. The communities are described by the inner semantic dependence, by the structuring strength of materiality, inner differentiations, dominant local semantic complexes, physically real spatial structures represented topologically, by the clear regulations, resources and samples of rational and permanent order. The development of successive hypotheses on the community structure in terms of properly logic meaning is achieved when comparing something similar among them and comparing the constructions of various types of communities.

Key words:

Local community, self logic of community, habitus, doxa, topos, topology, globalization, coherence.

REFERENCES

1. Bourdieu P. The practice of the reflexive anthropology [Die Praxis der reflexiven Anthropologie]. In: P. Bourdieu and Wacquant L. *Reflexive anthropology*. Frankfurt-on-Main, Surkamp, 1996. pp. 251–294.
2. Makogon T.I. Vosniknovenie topologicheskogo vosprijatija prostranstva v teorijach sotsialnyh poley [The emergence of topological perception of space in theories of social fields]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 321, no 6, pp. 162–166.
3. Berger P., Luckmann T. *The social construction of reality* [Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit]. Theory of the sociology of knowledge. Frankfurt-on-Main, Fischer, 1970. 220 p.
4. Christmann G. *Dresden Shine, Pride of the Dresden: local communication, urban structure and urban identity* [Dresdens Glanz, Stolz der Dresdner: lokale Kommunikation, Stadtstruktur und städtische Identität]. Wiesbaden, Deutscher University publishing house, 2004. 416 p.
5. Brian A. *Increasing Returns and Path Dependence in the Economy*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1994. 201 p.
6. David P. Clio and the Economics of QWERTY. *American Economic Review*, 1985, vol. 75 (2), pp. 332–337
7. North D. Economic Performance through Time. In: Brinton M., Nee V. *The New Institutionalism in Sociologie*. Stanford, Stanford University Press, 1998, pp. 247–257.
8. Loew M. *Sociology of the cities* [Soziologie der Städte]. Frankfurt-on-Main, Surkamp, 2008. 289 p.
9. Mikhaylov V. *Aprejd prostranstva do versii 3.0* [Upgrade space to version 3.0.] Available at: http://expert.ru/siberia/2012/13/apgrejd-prostranstva-do-versii-3_0/. (accessed 20 January 2013).
10. Simmel G. The room and the spatial order of the society [Der Raum und die räumliche Ordnung der Gesellschaft]. *Sociology: studies on the forms of socialization*. Joint publication, vol. II. Frankfurt-on-Main, Surkamp, 1995–1998, pp. 687–790.
11. Marks K., Engels F. *Nishcheta filosofii* [The Poverty of philosophy]. Moscow, Progress, 1955. Vol. 4, 178 p.
12. Lefebvre H. The production of space [Die Produktion des Raums]. *Theory of contemporary performance. Grundagentexte of philosophy and cultural studies*. Frankfurt-on-Main, Suhrkamp, 2006, pp. 330–340.
13. Soja E. *Thirdspace. Journeys to Los Angeles and Other Real-and-imagined Places*. Cambridge; Oxford, John Wiley & Sons, 1996, pp. 74–78.
14. Urri J. Time and Space in Giddens Social Theory. In: Bryant C., Jary D. *Giddens Theory of Structuration. A Capital Appreciation*. London; New York: Routledge, 1991, pp. 160–175.
15. Harvey D. *The Urbanization of Capital Studies in the History and Theory of Capitalist Urbanization*. Baltimore, John Hopkins University Press, 1985. 239 p.

16. Harvey D. Money, time, space, and the city [Geld, Zeit, Raum und die Stadt]. In: Wentz M. *City-rooms. The future of the City*. Frankfurt-on-Main; New York, Campus, 1991, pp. 149–168.
17. Gieryn T. What Buildings Do. *Theory and Society*, 2002, no. 31 (1), pp. 35–74.
18. Vilkovsky M.B. *Sotziologiya arkhitektury* [Sociology of architecture]. Moscow, Printing Moment, 2010. 588 p.
19. Schwarte L. *The rules of the Intuition, philosophy of art according to Adorno, Heidegger, and Wittgenstein* [Die Regeln der Intuition, Kunstphilosophie nach Adorno, Heidegger und Wittgenstein]. Munich, Wilhelm Fink Verlag, 2000. 275 p.
20. Mitchel W. *Image theory* [Bildtheorie]. Frankfurt-on-Main, Suhrkamp, 2008. 497 p.
21. McLuhan M. *Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [Gutenberg Galaxy. Becoming human printing]. Moscow, Academic project, 2005. 496 p.
22. Fuko M. *Slova i veshchi. Archiologija gumantarnykh nauk* [Words and things. Archaeology of the human Sciences]. Moscow, Progress publishers, 1977. 488 p.
23. Panofsky E. *Gothic and thought scholastic architecture. Translation and postface of Pierre Bourdieu* [Architecture gothique et pensée scolastique. Traduction et postface de Pierre Bourdieu]. Paris, Editions of Midnight, 1967. 217 p.
24. Boehm G. The return of the pictures [Die Wiederkehr der Bilder]. *Boehm Gottfried. What is a picture?* Munich, Wilhelm Fink publishing company, 1994. pp. 1–38
25. Gadamer H.G. Istina i metod [Truth and method]. *Bases philosoph. Hermeneutics*. Moscow, Progress, 1988. 704 p.
26. Imdal M. *Opyt drugogo videniya: statyi ob iskusstve X–XX vekov* [Experience of other vision: articles about art of the X–XX centuries]. Kiev, Spirit of i Litera Publ. house, 2011. 488 p.

УДК 114

ЛОКАЛЬНОЕ И ГЛОБАЛЬНОЕ В МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Т.И. Макогон

Томский государственный университет
E-mail: makogonti@mail.ru

Осуществляется социально-философский анализ обстоятельств, происходящих в местных сообществах под влиянием глобализации. Выявляются способы и формы противодействия в местных сообществах негативному влиянию глобальных процессов. Определяются новые социальные явления, вызванные глобальными влияниями. Соотносятся шкала глобализирующих процессов и уровень переплетения глобальных отношений и отношений зависимости в местных сообществах в разных взаимодействующих полях, описывается уровень сетевого включения в полевые практики сообщества. Местные сообщества представляются топологическими пространствами, имеющими различные пространственные логики. Исследование позволяет размерность локального, измеряемого в шкалировании, воспринимать как отправную систему рядом с национальным и глобальным. Местные сообщества изображаются не только как глобальные конструкции локального, но и как локальные конструкции глобального. Глобализация и локализация являются параллельно протекающими в местных сообществах процессами.

Ключевые слова:

Местное сообщество, топология, глобализация, гомогенизация, гетерогенизация, собственная логика, идентичность местного социума, локальная практика.

Местные сообщества выступают механизмами сохранения локальной идентичности местного социума. Главная их особенность в том, что это миры повседневности, где все социальные отношения основываются на непосредственных отношениях между людьми. Здесь принципиально важно то, что сфера повседневной жизни местных сообществ является базовой основой формирования местных идентичностей. А именно, локальная, местная идентичность наполнена устойчивой информацией, непосредственно передающейся от поколения к поколению ? традициями, верованиями и т. д. – этими «первоначальными» знаниями, из которых создается первичный российский менталитет – менталитет российской повседневности. Процессы развития и укрепления местных сообществ вполне могут противодействовать глобальной мегасистеме, которая стремится перестроить мир только в своих собственных интересах [1. С. 49].

Сознание единства мира – самое большое достижение глобализации, однако чтобы сохранить, не

привести к распаду специфические, своеобразные локальные сообщества, необходимо уметь выявлять, анализировать обстоятельства, происходящие в сообществах под влиянием глобализации. Общепринятым является мнение, что сообщества при условиях глобализации попадают в ситуацию потери своеобразия. Специфические формы сообществ под функционалистским влиянием глобализации размываются, теряют уровень своего социального влияния. Мануэль Кастельс отмечает, что глобализационные процессы нивелируют все локальные и исторические проявления: «Моя гипотеза свидетельствует, что приход пространства глобальных потоков стирает смысловые отношения между обществом и его архитектурной. Пространственная манифестация господствующих интересов пронизывает все культуры в мире вдоль и поперек, ведет к перемещению знания истории и специфической культуры на задний план, способствует общему распространению внеисторической, внекультурной архитектуры» [2. С. 44].

Глобальные изменения размывают дифференциальные различия между сообществами, их выделение становится анахронизмом, однако местное сообщество, как топос, является главным носителем специфических черт социальной организации. Местные сообщества как предмет исследования в социально-философской теории и практике с давних времен воспринимаются как единства, противостоящие глобально-циркулирующим, гомогенизирующим потокам. Именно жители местных сообществ глобальные влияния и структурные предпосылки фильтруют, выбирают, отклоняют, преобразовывают или игнорируют. Местные сообщества, локалы, топосы могут быть представлены полями сопротивления глобализации. Именно эта традиция локального сопротивления против глобального, повторяющаяся в каждодневном действии, укрепляет местные сообщества, делает их социально сильными.

В социально-философском дискурсе мы видим в последнее время возрастающее внимание к месту, пространству (*spatial turn*), его своеобразию. Внимание возрастает не только к пространству, но и к местным сообществам, способным на местах противостоять процессам мировой глобальности [3].

Однако глобализация способна вызвать к жизни соревновательные тенденции между сообществами. Соревновательность как таковая – явление не новое, но позиционировать свое сообщество стало интересным и возможным именно в последнее время. Имидж сообщества, маркетинговые исследования в муниципальных образованиях стали учитываться при планировании их развития, сохранения. Большие сообщества под глобализационными влияниями действительно становятся местами динамического развития, что неизменно приводит к возрастающей гетерогенизации и поляризации метрополий, в отличие от периферийных сообществ. Глобализующий пространственный порядок следует принципу: «Каждому по его способностям, сильным – силу» [4].

Создание супранациональных объединений, таких как Евросоюз, расширение глобальных сетей одновременно увеличивают роль и значение сообществ как действующих акторов – основных действующих ценностно-ориентированных единиц. Местные сообщества имеют хорошие потенциалы развития, действительно реальную способность к конкуренции. Исходя из растущей гетерогенизации и контекстной зависимости от проблемных ситуаций, не теряется до сих пор смысл управления в местных сообществах через совместные объединительные программы. Как ни парадоксально звучит, даже агрессивная агитация своих преимуществ отдельными местными сообществами дает рост и расширение возможностей и для других сообществ. Местные сообщества, индифферентные к таким изменениям, испытывают опасность деградации, распада, стагнации. Сетевая глобализация способствует массовой миграции, передвижению, росту массового туризма. Местные

сообщества уже вынуждены конкурировать за жителей. Именно местные сообщества, экономика этих сообществ, особенно в богатых странах мира, производят не только абстрактные продукты, но и традиционные и новые медиа, различные финансовые инструменты, имидж, идеи, стили. Символика и культура местных сообществ также вносит большой вклад в создание продуктов мирового уровня, нивелирует дифференциации между культурой и экономикой. Медиаиндустрия является одновременно и культурной индустрией, рекламные компании становятся культурными консументами, городской туризм становится экспандирующей экономической отраслью.

Глобализация сама по себе – это не сила, которая что-то решает в местных сообществах, мы используем это понятие для эмпирического описания форм отношений в них посредством сетей. Глобальные обменные отношения и отношения зависимости делятся на различные качества, а именно: на достижения сетевого экономического сообщества (отношения предпринимательские, финансовые рынки), технологического сообщества (электронные сети, транспортные линии, электро- и водоснабжение) и достижения культурного сообщества (обмен идеями и консументной продукцией, мобильность в туризме или через миграцию). Исходя из того, какой аспект взят во внимание, по-разному будет оцениваться уровень и своеобразие связи с глобальной сетью определенных отношений в местных сообществах. Считаем целесообразным выстраивать шкалу глобализующих процессов и выводить уровень переплетения глобальных отношений и отношений зависимости в местных сообществах в нескольких взаимодействующих полях: территориального пространства, экономического и социально-культурного пространства.

Эти специфические полевые логики открываются классифицированным посылом интенсификации отношений под действием глобализации в сообществах, через них выявляются специфичность и своеобразие процессов гомогенизации или гетерогенизации. Поле экономики на современном уровне повсеместно демонстрирует проблему отсутствия функциональности глобальных объединяющих решений, в нашем случае – для местных сообществ, культурное глобализационное поле, напротив, вызывает тенденции осмысления места, локальных, местных культур в противовес гегемонистским устремлениям западничества и американизации. Однако из глобализационных сетей логически не следует, что глобализация и гомогенизация (или гетерогенизация) стоят в дедуктивном соотношении. Вопрос о гомогенизации или гетерогенизации является особенно важным в плане культурного сетевого воздействия, независимо от того, принимается ли это воздействие в сообществе или исторически повторяется. Но в местных сообществах глобализация и гомогенизация не состоят друг с другом в обусловленном отношении. Про-

цессы гомогенизации в местных сообществах можно наблюдать во временных фазах и в пространственных чертах, которые не вплетены пока еще в глобальные сети, например, в периферийных городских сообществах, в сельских поселениях.

Исторический экскурс позволяет сравнить явление глобализации, возникшей в эпоху постмодерна, с явлениями экспансии распространенных во всем мире великих религий (христианства, ислама, буддизма, конфуцианства), однако они также концептуально несут внутри самих религий стремление к гомогенизации. Постмодерн характеризуется своим притязанием на универсальное признание, хотя бы через победное шествие капитализма и возникновение национальных государств, а также через расцвет науки, ее институализацию в национальных исследовательских университетах. Именно в постмодернистское время полным ходом идет процесс образования почти одинаково окрашенных индустриальных сообществ, взрывной рост урбанистических агломераций. Георг Зиммель задолго до постмодерна предопределяет возможность такого явления: «Пунктуальность, исчисляемость, точность определяют городскую жизнь, стоят не только в тесной связи с ее экономико-денежным и интеллектуальным характером, но и окрашивают содержание жизни, исключая ее иррациональные, инстинктивные, суверенные черты, существо и импульсы, обеспечивающие жизненную форму, воспринимаются обобщенно и схематически» [5. С. 195].

Образ жизни большого городского сообщества, ставший логичным для его жителей, служит примером жизненного пути и для других сообществ, как правило, он окрашен анонимностью, рациональностью, техничностью и выглядит более демократичным. Выявить различие между привычным городским образом жизни и урбанистическим, постмодернистским можно в широте распространения рациональности жизненных установок. В то время как понятие городского образа жизни означает качественный аспект массового переселения людей в город, урбанизация понятийно от этого отличается, хотя содержательно ориентирована на городской образ жизни и подразумевает его в качестве общей доминирующей формы. Распространению этого европейского явления, безусловно, служат гомогенизирующие тенденции.

Одновременное внедрение в сообщества постмодерна и гомогенизации вносит в топологию местных сообществ определенную путаницу. Так как постмодерн подразумевался как процесс распространения гомогенизации, все же успех этого проекта в мировом масштабе более чем сомнителен. Местные сообщества с их специфическими культурными оболочками и интеллектуальными выходами постоянно привносят изменяющиеся культурные и институциональные образцы, которые представляют различные реакции на требования и возможности, содержащиеся в основных чертах постмодернистских цивилизирующих предпо-

лок. Экспансия постмодерна не принесла унифицированных и гомогенных сообществ, а их разнообразие свидетельствует, по сути, о приходе мультимодерна. Многообразие современных местных сообществ одновременно может констатировать, что это не результат процесса, категоризированного как глобализация. Внутренне многие сообщества похожи, в них сравнимы легитимации конкурентной политики, даже могут быть похожими их виды на открытках. Изменяющиеся культурные формации, институциональные созвучности с другими местными сообществами или городскими концентрациями могут передаваться также опытно.

Воздействие гетерогенизации и гомогенизации на местные сообщества среди других культурных воздействий способствуют диагнозу глобализации и дискурсу глобализации. Однако поле понимания гомогенизации и гетерогенизации в местных сообществах практически не исследовано.

Глобализация описывает уровень сетевого включения в полевые практики сообщества, гомогенизация и гетерогенизация являются обусловленными изменяющимися динамиками. Гомогенизация обозначает процесс выравнивания местных сообществ и через это – нивелирование их структурных дифференциаций. Концептуально гомогенизация заложена в постмодерн, но никогда не была в полной мере реализована, исходя из наших исследований местных сообществ. Гетерогенизация вызывает процесс различий и через него – выявление новых структурных дифференциаций. Гетерогенизация есть представленная практика в модусе реакции на экономическую глобализацию, но в местных сообществах она никогда не оставалась только ограничением или политикой сообщества. Чистая гомогенизация могла бы означать, что все местные сообщества, по меньшей мере, одинаковые по размеру или сравнимые по экономическому потенциалу, подвергнувшись процессу выравнивания, могли полностью утратить местный культурный элемент. Чистая гетерогенизация могла бы имплицитно показать, что местный культурный элемент и чужая культура могут длительно сосуществовать без взаимного влияния.

Наблюдая процессы культурной дивергенции в постмодерне, мы можем констатировать, что вряд ли это реально – длительное сосуществование без ассимиляционного влияния. Примеры наличия в сетевом мире альянсов между городами, взаимодействия политиков, появление городов-побратимов, экономических и технологических союзов, исторических общин – тому свидетельство. Можем воспользоваться примером исторических следствий колониализма в этом формате: отношения двусторонней зависимости стали возможны и между городами, далеко друг от друга расположенными, времена колониализма не только изменили местные сообщества в колониях, но и местные сообщества у себя дома. Поработители изменялись через порабощение.

Глобализационные процессы оказали влияния на большинство местных сообществ, многие местные сообщества пострадали от выравнивания, ассимиляции, уподобления. Уподобляясь, некоторые сообщества становятся измененными, другими, непохожими на себя. В местных сообществах сложно или почти невозможно воспринимать эти процессы типа «или/или», эти категории не обязательно лежат в одной плоскости. В отдельных случаях они могут вести себя ассиметричным образом. Редуцируется больше гомогенизация, тогда возникают процессы, провоцирующие гетерогенизацию. Они могут, меняясь местами, возрастать или снижаться. Как правило, длительные гомогенизирующие процессы в местных сообществах в какое-то время все равно спровоцируют возрастание гетерогенизационных процессов. Гомогенизация и гетерогенизация являются формами воздействия, и они не могут рассматриваться в точной оппозиции друг к другу или позиционироваться как противоречия или контрасты на одной оси с изменяющимися воздействиями. В местном сообществе невозможно выявить образец типа «больше гомогенности, одновременно меньше гетерогенности». Интересен процесс реализации в местных сообществах детерминированных комплексов действия и процессуальных модусов этих двух форм. В местных сообществах реально присутствуют и взаимодействующие воздействия, и смешение, ассимиляция, объединение различного (гомогенизация) и несмешение, т. е. новое возникновение различностей (гетерогенизация), однако они не являются причинными отношениями, а выводятся как культурные воздействия из повседневных значений и практик каждого отдельного сообщества.

Гетерогенизация часто проявляется в местных сообществах вместе с фрагментированием, понимаемым как процесс раздифференцирования привычных явлений. При фрагментировании есть опасность потери социального сцепления, когезии, силы сцепления социального в местном сообществе. Глобальные сетевые процессы в мире дают нам примеры, когда через гегемонистское гомогенизирование получается разрыв между формально благим и благополучным. Оба этих процесса имеют идеологический отпечаток. Гомогенный дискурс западного модерна излагается двумя различными способами: как культурно-критический собственный упрек и как идеализация единичного, угрожающего распасться на фрагменты.

Специфика местного через глобальное и локальное

Социально-философский анализ местных сообществ нуждается в категориях «глобальный», «локальный» как в аналитическом приеме. В глобализационных теориях общества с глобальным массовым единством часто не только цивилизационные формы, но и важнейшие рамки отношений в целом выпадают из поля зрения. Базисной категорией в пространственном, топологическом анализе местных сообществ становится шкалирование, как

процедура учета множества объективных и субъективных оценок процессов, полевых влияний, позволяющих учитывать одновременно не один параметр одного явления, а множество параметров многих явлений.

Петер Тейлор говорил, что Иммануил Валлерстайн в мировой системной теории рассматривал глобализацию как территориально распространяемое продолжение национальной логики и, таким образом, ввел горизонтальное различие между местным, национальным и глобальным. В его текстах познавательная ценность шкалирования научного предмета выигрывает в значении, если ее рассматривать одновременно как вертикальную, иерархизованную размерность социальных феноменов. Для Тейлора город – это область, сфера повседневного знания, национальное государство, мезосфера реального структурирования, сильно окрашенная идеологически, и глобальная структурированная шкала реальности [6. С. 19]. Феномены социального неравенства познаваемы в местных сообществах через национальное государство, идеологически переструктурированное под влиянием доминантности мировой экономики. Размерность локального, измеряемого в шкалировании, делает возможным локальное, местное, воспринимать как отправную систему рядом с национальным и глобальным. Локальное в социально-философской теории, в его пространственной окраске продумывается как специфическое место. Это место никогда не является чисто локальным. Более того, это вид взаимной встречи локального и глобального, что придает особое своеобразие нашему предмету исследования – местному сообществу. Шкалированием как раз и можно исследовать связь между интенсивностью глобализационных влияний и величиной вызываемых этими влияниями изменений. Шкалирование позволяет локальное и глобальное воспринимать как систему соотносительных понятий рядом с национальным пространством и развивать гипотезы об их взаимовлиянии. Продумывание социально-научного значения шкалирования с самого начала связывает два аспекта: темпоральный аспект и методологию. Наш интерес к процессу шкалирования объясняется наблюдением процессов реструктуризации современного глобального общества, которое производит новые пространственные форматы, усиливающие социальные дифференции. Шкалирование позволяет выявить расчлененные социальные отношения, включить их в иерархический помост территориальных образований, которые распространяются от глобальных измерений до супранациональных, национальных и вниз до региональных, городских, локальных и телесных измерений. Эти и другие измерения социологически и политически помечены, несмотря на то, что они кристаллизуют такие общественные ключевые процессы, как аккумуляция капитала, государственное регулирование, городской уклад и политическая борьба, и в известных сферах интегрируются

с более широким, вертикально структурированным шкалированным измерением. Глобализация, которая условно определяет национальное государство как шкалированную сферу, интенсивирует суб- и супранациональные формы территориальных организационных форм. Это изменение названо Эриком Свингедоу как *re-scaling* [7. С. 137]. А Нейл Смит обозначил его как *jumping scales* «прыгающая шкала» [8. С. 135].

Шкалирование требует концептуально располагать в нашем исследовании социальные феномены местных сообществ на различных шкалированных уровнях, чтобы самих себя закрепить на этих величинах. Шкала является организационной метрикой производства пространства. Шкала – больше чем пространственно-теоретическое понятие для введения различий между микро-, мезо- и макроуровнями. Шкалы от городских и региональных к национальным и глобальным понимаются не как данные территориальные образования, а как социально сконструированные и исторически измененные величины. В этом смысле шкала называет территориализацию процессом производства (глобализация, национализация, регионализация). Силу значения нужно искать не в досоциальных существующих пространственных разрезах, а в понятийно-концептуальном выражении для пространственно-социальных процессов образования современных стилей жизни. При этом шкалирование для каждого измерения (локального, национального, глобального) свою убедительность, приемлемость выявляет одновременно из ограничения ко всем другим. Таким образом, шкалы являются медиумами и предпосылками всех интеракций в местных сообществах. Так как пространственные измерения не означают контейнероподобные отрезки, может быть принята трансформация шкалированной иерархии.

Можно местные сообщества рассматривать как обобществленные единства в сравнении с национальными государствами. Так как в сравнительных исследованиях местных сообществ постоянно присутствует указание, что сообщества со стороны объединительной логики национального государства, по меньшей мере, через специфические сети акторов и институций, показывают свой собственный образец политического действия. В сфере качественных характеристик местные сообщества сравниваются по социально-структурным точкам зрения, через показ их собственного динамического развития. Значение социализации в сообществах тем больше имеет значение, чем больше современное национальное государство отнимает от него в плане социальных полномочий. Характер сообщества оказывает влияние на опции его развития. Размер различий между сообществами варьируется в зависимости от локальных политических сетей, акторов, которые, в свою очередь, формируют характер сообщества, так же как и сети, в свою очередь, имеют влияние на этот характер. В согласовании они могут показать, что институции и по-

литические формы образуют с культурой сообществ тесное соединение. В противовес дифференциациям между национальными государствами вариативные и влиятельные структуры сообществ являются конституирующими факторами социального и экономического успеха или неуспеха.

Герд Хельд указывает на возможность образования различных пространственных логик. Он присоединяется к наблюдению Фернанда Броделя, что местное сообщество и территориальное государство представляли собой в раннем модерне конкурирующие организационные формы пространственных образований, и развивает тезис о комплементарности больших сообществ и территориальных форм (последнее выигрывает сейчас перед восприятием национального государства – Т.М.) как образца пространственного порядка модерна [9. С. 56]. Г. Хельд предлагает выявлять не различие между городом и деревней, а различие между пространственными присоединительными логиками. Он отмечает структурную открытость современного большого городского сообщества и его пространственную присоединительную логику, в отличие от современного национального государства, чья логика находится в закрытой конструкции [10. С. 287].

Современные местные сообщества являются отдельным предметом исследования социальной философии, имеющим свою собственную форму социализации в дополнение к национальному государству. Местные сообщества распознаваемы по различным типам местных культур и организационным формам. Местное сообщество является локальным измерением со своим собственным качеством социализации в различных топологических полях. Восприятие пространства местного сообщества требует исследования дифференциаций между сообществами как социальных феноменов не только в глобальном и национальном пространстве, но и в своей собственной топологии. Категория пространства, места, где находится местное сообщество, является основополагающей для социально-философского анализа средствами топологии. Место, пространство местного сообщества определяет специфику процессов и действий в нем. Образцы значимости действий, практики и фигурации властных констелляций имеют в разных пространственных привязках различную приемлемость. Местные сообщества развиваются как социально-сконструированные, изменяющиеся социально-пространственные феномены, по действующему образцу осознания в них живущих. Образцы осознания являются конститутивными для понимания каждого отдельного сообщества. Местные сообщества, как социальные единицы в познавательном социально-философском поле, часто вытесняются вопросами исследования мирового сообщества. Д. Харви говорит о «пространственно-временной компрессии» в отношении исследований местных сообществ со стороны пространства глобальных потоков, которые пространство мест

делает старомодным [11. С. 78]. Глобализация открывает и показывает изменение многих концепций и моделей, которые помогают понять, в том числе, и специфику местного. То, что эмпирически определялось как глобализация, с 70-х годов идет с эпистемологическим переходом от традиционного, пространственно ограниченного понимания социального пространства к посттрадиционному, открытому плюралистическому его пониманию. Продумывание в пространственных реляциях, отношениях, а также в социально-сконструированных не субстанционализированных местах и пространствах ставит во главу угла исследований глобальные сети и локальную практику.

При шкалировании берутся во внимание как фиксированные, контейнероподобные величины, так и продукты политико-экономических процессов, местные медиа и предпосылки интеракций. Мы не видим аналитического смысла резервировать локальное исключительно как территориальные формы, а глобальное концептуализировать исключительно как мобильный, детерриторизированный мир. Мы не переносим социально-пространственные единицы на организационные формы и рассматриваем глобализацию и локализацию как две стороны одной медали. На одной стороне находятся стратегии конструкций локальных культур. На другой стороне находятся локальная продукция глобально циркулирующих артефактов, глобальное внедрение европейского территориального принципа, универсализация стандарта традиционно рыночного поведения и организационный образец формальной рациональности. Если пространство местных сообществ относительно концептуализируется, тогда сами локальности являются партикулярными моментами внутри этой топологии. Когда локальное и глобальное конституируют друг друга, тогда локальные места – не просто жертвы и не только продукты глобального. Напротив, они – моменты, через которые глобальное и конструируется, т. е. не только глобальные конструкции локального, но и локальные конструкции глобального. Для обозначения этого двойного процесса английский социолог Роланд Робертсон предложил очень удачный термин «глокализация» – как форма диалектики локального и глобального. Он утверждает, что «глобальные и локальные тенденции, в конечном счете, взаимодополняемы и проникают друг в друга, хотя в конкретных ситуациях могут прийти в столкновение» [12].

Глобализация и локализация – параллельно протекающие процессы. Ни одно место не может быть чисто локальным, государство – только национальным, глобус – только глобальным, это показывает, что исследование в форме шкалирования объединяет важные пространства, которые друг друга пересекают, перегружают и друг на друга влияют. Если мы акцептируем послы, что локальное, прежде всего местное сообщество очень важно, тогда местные сообщества надо воспринимать как предмет социально-философского анали-

за, так как они есть места, в которых мир в специфической форме получает значение, и места, воспринимаемые как различаемые и познаваемые, как своеобразные места. Обращение научного внимания на структуры местных сообществ не оспаривает преимуществ познания национального и глобально-концептированных изучений. Однако различные измерения социальной действительности возможны, когда глобальные изучения не будут иметь привилегию перед локальными. Сообщества – не только локальные образования, они развиваются в глобальных, национальных и локальных дискурсах. Надо спасать от глобализации не местные сообщества, а разросшееся общемировое сетевое пространство и его зависимость от гомогенизирующих и гетерогенизирующих воздействий. Посредством открытого изложения структурной логики сообщества и указания репродуктивной практики этих структур могут быть развиты стратегии, усиливающие потенциал сообществ.

Поэтому сегодня мы сознательно должны развивать местные сообщества, ведь цена упущенных возможностей будет велика, «поскольку скорость изменений условий существования человека, обусловленных быстрым развитием технических систем, несоизмерима со скоростью ответных реакций со стороны социальных систем, существующих посредством метода проб и ошибок, включающего в себя исторический опыт, демократию, здравый смысл» [13. С. 61].

Выводы

Выявляя посредством социально-философского анализа обстоятельства, происходящие в сообществах под влиянием глобализации, можно многое сделать для сохранения своеобразия местных сообществ. Местные сообщества противодействуют глобальным, гомогенизирующим потокам. Мировая глобальность вызывает к жизни вопросы внешнего позиционирования местных сообществ, повышает потенциал их развития, их действительно реальную способность к конкуренции. Шкала глобализирующих процессов и уровень переплетения глобальных отношений и отношений зависимости в местных сообществах осуществляется в полях территориального пространства, экономического и социально-культурного пространства. Глобализация описывает уровень сетевого включения в полевые практики сообщества, гомогенизация и гетерогенизация являются обусловленными, изменяющимися динамиками в них. Местные сообщества имеют различные пространственные логики. Размерность локального, измеряемого в шкалировании, делает возможным локальное, местное, воспринимать как отправную систему рядом с национальным и глобальным. Местные сообщества могут быть изображены не только как глобальные конструкции локального, но и как локальные конструкции глобального. Глобализация и локализация – параллельно протекающие в местных сообществах процессы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макогон Т.И. Местное самоуправление как ресурс ограничения глобализации // Вестник ТГУ. – 2008. – № 317. – С. 47–51.
2. Castells M. Das Informationszeitalter // Teil 1 der Trilogie. – Der Aufstieg der Netzwerkgesellschaft. – Opladen: Leske + Budrich, 2001. – 474 S.
3. Макогон Т.И. «Пространственный поворот» и возможность новационных подходов в социально-философском дискурсе // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 321. – № 6. – С. 167–172.
4. Aring J. Modernisierung der Raumordnung. URL: http://bfag-aring.de/pdf-dokumente/Aring_2005_Modernisierung_raumordnung.pdf (дата обращения: 09.11.2012).
5. Simmel G. Die Großstädte und das Geistesleben // Das Individuum und die Freiheit. Essays. – Berlin: Wagenbach, 1984. – S. 192–204.
6. Taylor P. Materialist Framework for Political Geography // Transactions of the Institute of British Geographers. – 1982. – № 7. – P. 15–34.
7. Swyngedouw E. Neither Global nor Local: «Glocalization» and the Politics of Scale // In Spaces of Globalization: Reasserting the Power of the Local. – New York; London: Guilford; Longman, 1997. – P. 137–166.
8. Smith N. Homeless/global: Scaling. Places // In: J. Bird, B. Curtis, T. Putnam, L. Tickner. Mapping the Futures. Local cultures, global, change. – London: Routledge, 1993. – 304 p.
9. Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 128 с.
10. Held G. Territorium und Großstadt. Die räumliche Differenzierung der Moderne. Verlag für Sozialwissenschaften. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. – 384 S.
11. Harvey D. The Condition of Postmodernity. – Cambridge; Oxford: Blackwell, 1989. – 320 p.
12. Робертсон Р. Точка глобального осознания. Модернизация модернизации // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/pole/Tochka-global-nogo-osoznaniya> (дата обращения: 07.12.2012).
13. Мехонцева Д.М. Универсальная теория самоуправления и управления. – Красноярск: КГТУ, 2001. – 74 с.

Поступила 25.01.2013 г.

UDC 114

LOCAL AND GLOBAL IN LOCAL COMMUNITIES

T.I. Makogon

Tomsk State University
E-mail: makogonti@mail.ru

The author has carried out social and philosophic analysis of circumstances occurred in local communities under globalization and has determined the methods and forms of resistance to negative impact of global processes in local communities. New social phenomena caused by global impact are defined. The scale of globalizing processes and the level of intertwining of global and dependence relations in local communities in different interacting fields are matched up; the level of network inclusion into the field practices of the community is described. The local communities are represented as topological spaces having different spatial logics. The study allows perceiving the size of locality measured in scaling as a starting system along with national and global. Local communities are represented not only as global constructions but also as local constructions of the global. Globalization and localization are parallel processes in local communities.

Key words:

Local community, topology, globalisation, homogenization, heterogenization, self logic, identity of local society, local practice.

REFERENCES

1. Makogon T.I. Mestnoe samoupravlenie kak resurs ogranicheniya globalisatsii [Local government as a resource limitations of globalization]. *Vestnik TSU*, 2008, no. 317, pp. 47–51.
2. Castells M. *The information age. The rise of the network society* [Das Informationszeitalter. Teil 1 der Trilogie. Der Aufstieg der Netzwerkgesellschaft]. Opladen, Leske + Budrich, 2001, P. 1, 474 p.
3. Makogon T.I. «Prostranstvenny povorot» i vozmozhnosti novatsionnykh podkhodov v sotsialno-filosofskom diskurse [«Spatial turn» and opportunities of innovative approaches in social-philosophic discourse]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 321, no. 6, pp. 167–172.
4. Aring J. *Modernisation of the spatial planning* [Modernisierung der Raumordnung]. Available at: http://bfag-aring.de/pdf-dokumente/Aring_2005_Modernisierung_raumordnung.pdf (accessed 09 November 2012).
5. Simmel G. The large cities and the spiritual life [Die Großstädte und das Geistesleben]. *The individual and the freedom. Essays*. [Das Individuum und die Freiheit. Essays]. Berlin, Wagenbach, 1984, pp. 192–204.
6. Taylor P. Materialist Framework for Political Geography. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 1982, no. 7, pp. 15–34.
7. Swyngedouw E. Neither Global nor Local: «Glocalization» and the Politics of Scale. *In Spaces of Globalization: Reasserting the Power of the Local*. New York; London, Guilford; Longman, 1997, pp. 137–166.
8. Smith N. Homeless/global: Scaling. Places. In: J. Bird, B. Curtis, T. Putnam, L. Tickner. *Mapping the Futures. Local cultures, global, change*. London, Routledge, 1993. 304 p.
9. Brodel F. *Dinamika kapitalisma* [Dynamics of capitalism]. Smolensk, PolyGram demonstrate, 1993. 128 p.
10. Held G. *Territory and city. The spatial differentiation of the Modern* [Territorium und Großstadt. Die räumliche Differenzierung der Moderne]. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. 384 p.
11. Harvey D. *The Condition of Postmodernity*. Cambridge; Oxford, Blackwell, 1989. 320 p.
12. Robertson R. Tochka globalnogo soznaniya. Modernizatsiya modernizatsii [Point of global awareness. Modernization of modernization]. *Russian journal*. Available at: <http://www.russ.ru/pole/Tochka-global-nogo-osoznaniya> (accessed 07 December 2012).
13. Mechontseva D.M. *Universalnaya teoriya samoupravleniya i upravleniya* [Universal theory of government and management]. Krasnoyarsk, KSTU, 2001. 74 p.

ПОНЯТИЕ «ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ» И ЕГО СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В.Г. Рубанов

Томский политехнический университет

E-mail: rubanw@tpu.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью определения места и роли преемственных процессов в условиях трансформации общественного состояния, изменения приоритетов и ценностных ориентаций.

Цель работы: эксплицировать понятие «преемственность» и выявить особенности «социальной преемственности».

Методы исследования: метод логико-исторического и системно-деятельностного анализа.

Результаты: на основе анализа существующих точек зрения, определяющих сущность понятия «преемственность», предлагается авторская интерпретация содержания этой категории. Раскрыты функции «преемственности» как философской категории. Акцентируется внимание на фундаментальности преемственной закономерности. На основе исследования точек зрения зарубежных и отечественных философов выработан подход к определению преемственных процессов в формировании нового, его связи с предшествующим. Определен авторский подход и предложено определение категории «социальная преемственность». Осуществлен сравнительный анализ социальной преемственности и традиции, где подчеркивается содержательное и функциональное превосходство преемственности над традицией.

Ключевые слова:

Преемственность, наследование, опыт, настоящее, прошлое, социальная преемственность.

В условиях изменения социокультурных ориентиров общества чрезвычайно важно учитывать отношение к предшествующему опыту в культурной, социально-политической, экономической жизни страны. В этой связи нам представляется важным рассмотрение преемственных процессов, осуществляющихся в обществе.

В различные времена понятие «преемственность» исследовали многие философы. Для этого использовались различные основания и методологические посылки. Иногда анализ начинался с определения тождества и различия между «преемственностью» и «повторяемостью». Процесс повторения связан с дискретностью, непрерывностью, а преемственность характеризуется как непрерывность и как прерывность. При повторении осуществляется полное или частичное возвращение к ранее пройденному. Преемственность – это и возвращение назад, и воспроизведение прошедшего на качественно новом уровне. Преемственность и повторяемость близки по своему содержанию, но неадекватны. Преемственность шире, чем повторяемость.

Проведение различия между этими понятиями чрезвычайно важно для понимания процессов движения и развития. Совершенно прав А.И. Зеленков, отмечающий, что «преемственность» является философским понятием, которое отражает важнейший тип связи между различными качественными состояниями развивающейся действительности. Сущность этого понятия «состоит в единстве сохранения, воспроизведения и модификации определенного содержания из отрицаемой системы» [1. С. 21].

С этим трудно не согласиться. В структуру преемственной связи входит повторение, снятие, углубление, развитие, отбрасывание. Преемственность является существенной стороной закона отрицания отрицания, сведение которого к закону

диалектического отрицания как закону преемственности развития, на наш взгляд, неправомерно [2. С. 139]. Сам закон отрицания отрицания шире диалектического отрицания и характеризуется следующими моментами:

- преемственностью;
- поступательностью (прогрессивностью);
- спиралевидностью.

Выявленная связь преемственности с законом отрицания отрицания позволяет перейти к анализу сущности понятия «преемственность».

Одним из первых в отечественной философии трактовку понятия «преемственности» дает Э.А. Баллер. Исследуя преемственные процессы в развитии культуры, он пишет: «Преемственность – это связь между различными этапами или ступенями развития как бытия, так и познания, сущность которой состоит в сохранении тех или иных элементов целого или отдельных сторон его организации при изменении целого как системы» [3. С. 15]. Это определение в основном схватывает сущность преемственных процессов. Позитивным в нем является следующее: а) проявление преемственности на всех уровнях развития материи, б) сохранение и развитие наследуемого материала.

Э.А. Баллер выделял преемственную связь между различными поколениями и современниками. «...Преемственность на одном уровне наблюдается в процессе количественных изменений, происходящих в рамках данного, относительно неизменного качества. Преемственность на различных уровнях связана с качественными изменениями. При количественных изменениях основное содержание преемственности составляет сама структура, сохраняется, удерживается организация. При качественных изменениях, когда структура объекта так или иначе трансформируется, содержанием преемственности являются лишь отдельные элементы, составляющие связи объекта», – пишет он [4. С. 9].

Эксплицируя понятие «*преемственность*», М.П. Завьялова соотносит его, *во-первых*, с одноуровневыми фундаментальными категориями философии (развитие, отрицание, повторяемость), *во-вторых*, с близкими по смыслу (наследование, заимствование) [5. С. 109–133].

Здесь внимание акцентируется на том, что преемственная связь обеспечивает конкретно всеобщую основу развития, выступая важнейшим фактором самодетерминации процесса. Понятие «*преемственность*» выражает способ перехода к новому состоянию. Преемственность в развитии выражает непрерывность. Родственное ему понятие «*повторяемость*» не отражает всей полноты развития. М.П. Завьялова анализирует соотношение понятий «*преемственность*» и «*взаимствование*», подчеркивая, что не всякое заимствование является преемственностью. Заимствовать, считает она, значит, перенять, перенести определенные результаты деятельности предшественника в актуальную деятельность. На основании этих посылок автор приходит к заключению, что преемственная связь представляет собой сохранение, удержание и одновременное отбрасывание, утрату и отвержение определенных сторон, форм, элементов предшествующего развития [5. С. 132].

В принципе с позицией М.П. Завьяловой мы согласны, но надо отметить, что в ее определении упускается существенная сторона преемственности – дальнейшее качественное развитие некоторых социально значимых ценностей наследства. В своих последующих рассуждениях она выделяет эту характеристику преемственности. Можно согласиться с М.П. Завьяловой в вопросе синонимичности понятий «*преемственность*» и «*наследование*».

Идеи преемственности и философская традиция волновали и М.К. Мамардашвили. Это выражено в его отношении к словам Дж. Оруэлла, высказанным по поводу героя романа «1984», суть которых заключалась в следующем: «Он был одинок духом, вещающим правду, которой никогда никто не услышит. Но пока он говорит ее, преемственность каким-то неизвестным образом сохраняется. Духовное наследие человечества передается дальше не потому, что вас кто-то услышал, а потому, что вы сами сохранили рассудок» [6. С. 93]. М.К. Мамардашвили говорил, что существенные, конституирующие акты сознания и духовности проходят на фоне опыта сознания. И дальше он подчеркивает, что на уровне эмпирического факта встречу между тем, кто «вещает» сегодня, и тем, кто его услышит, завтра мы можем не наблюдать. «Собственно, – отмечает М.К. Мамардашвили, – поэтому я и ввел понятие предшествующей, предварительной связности, которая совершенно меняет всю проблему далекого и близкого» [6. С. 93].

Не отбрасывая ценного из того, что сделано нашими предшественниками, мы считаем, что понятие «*преемственность*» было бы более корректным, если определить его следующим образом:

«преемственность» есть философская категория для обозначения закономерной связи между различными этапами развития действительности, где определенное содержание, структура и функции одной системы повторяются, отбрасываются и развиваются в другой на качественно новом уровне.

Методологическим основанием выработки дефиниции было, *во-первых*, представление о том, что преемственность обладает признаком всеобщности и является категорией, *во-вторых*, в генетическом плане понятие «*преемственность*» представляет собой абстракцию, которая базируется на выявлении общих признаков взаимосвязи различных этапов развития на уровне неживой, живой и социальной форм движения материи, *в-третьих*, онтологическим основанием определения понятия «*преемственность*» является выделение объективных признаков, которые существуют в различных типах связи.

Как философская категория «*преемственность*» обладает рядом функций. Среди них можно выделить: онтологическую, гносеологическую, методологическую.

В онтологической функции категории «*преемственность*» находит свое выражение объективная закономерность бытия, выражающая связь между различными ступенями развития. «*Преемственность*» позволяет рассматривать действительность не как нагромождение случайных, не связанных друг с другом явлений, а как объективную связь между ними.

В своем развитии наследуемое претерпевает изменения, которые ведут к появлению форм существования или к возврату назад, т. е. «*преемственность*» способствует научному решению вопроса взаимосвязи явлений в развивающемся мире.

Но «*преемственность*» представляет собой выражение закономерности не только бытия, но и познания. Гносеологическая функция категории «*преемственность*» заключается в последовательном проведении принципов и законов развития действительности. Категория «*преемственность*» служит ступенькой в движении познания. Она позволяет более полно и всесторонне охватить связь прошлого с настоящим, нового со старым.

Преемственность выявляет характерные черты связи между различными науками, ступенями их развития, что способствует решению задач прогнозирования их будущего. В свое время, говоря о преемственной связи между представителями различных поколений в процессе совершенствования знаний, И. Кант отмечал: «Старшее поколение трудится в поте лица, как будто исключительно ради будущих поколений, а именно для того чтобы подготовить им ступень, на которой можно было бы выше возводить здание, для построения которого работал длинный ряд предшественников» [7. С. 10].

Гносеологическая функция тесно связана с методологической функцией. Становление и выработка содержания категории «*преемственность*»

представляет собой процесс, определяемый всем ходом развития теории и практики.

Методологическая функция «*преемственности*» заключается в следующем: будучи философской категорией, она является категорией диалектического метода познания мира. Научно обоснованное содержание категории «*преемственность*» способствует совершенствованию исследования действительности, выступает философско-методологической основой познания взаимодействия различных процессов и этапов в развитии систем различного характера. Диалектическое рассмотрение сущности преемственности помогает объяснить объективность развития, вооружает человеческое знание принципами диалектики в интересах практического преобразования окружающей действительности.

Категория «*преемственность*» дает основание для понимания перехода от абстрактного к конкретному, от исторического к логическому. И здесь мы согласны с Б.М. Бобровым, который утверждает, что «принцип совпадения логического и исторического служит критерием преемственности идей, с одной стороны, не позволяет отбрасывать, игнорировать значение преемственности в процессе знаний, а с другой, не допускает абсолютизации преемственности, не критического отношения к духовному наследию прошлого» [8. С. 159].

Важным моментом в обосновании методологической функции категории «*преемственность*» является метод восхождения от чувственного к абстрактному, а от него – к мысленно-конкретному. Знание, которое получаем в результате исследования связи настоящего с прошлым на основании ощущений и созерцания, должно быть «просвечено» абстракцией, что позволяет отвлечься от множества сторон опосредованного объекта и выявить более полное содержание преемственности. В процессе перехода от конкретного к абстрактному, а от него – к мысленно-конкретному преемственность может выступать как один из имманентных двигателей процесса познания действительности.

Существенной чертой методологической функции категории «*преемственность*» является то, что на основе совпадения логического и исторического, мы познаем целостность и внутреннюю взаимосвязь явлений объективного мира.

Категория «*преемственность*» способствует осуществлению движения от незнания к знанию, сокращает путь познания законов развития.

Таким образом, преемственность в развитии является фундаментальной закономерностью. Прошлое является базой существования настоящего, оно снимается в нем, приобретает инобытие.

Социальная преемственность выступает закономерностью общественного развития, характерной особенностью которой является связь различных уровней человеческой культуры. В современной философско-социологической литературе преемственность в обществе как социологическая категория получила слабое освещение, поэтому мы

считаем необходимым предложить свою трактовку понятия «*социальная преемственность*», выявить ее существенные стороны, а затем рассмотреть механизмы реализации преемственных связей в общественных процессах.

Социальная преемственность реализуется в деятельности общественного субъекта (личности, группы, общества в целом), который проявляет свое активное отношение к наследуемому. Через деятельность человек включается в систему общественных отношений. В деятельности он создает среду своего существования.

В деятельности реализуются и воплощаются способности и возможности субъекта, удовлетворяются его потребности и интересы. Но прежде чем включиться в активный творческий процесс развития наследованного социального содержания, субъект деятельности должен приобщиться к существующим стереотипам культуры, действующим в обществе и в группах, к которым он принадлежит. Процесс освоения культурных ценностей осуществляется во взаимодействии поколений. Одно из ключевых мест в духовной жизни занимает преемственность исторической памяти в настоящем.

Итак, что же представляет собой социальная преемственность? Исследуя взаимосвязь прошлого и настоящего в развитии общества, схему мировой истории, как известно, К. Ясперс выделяет этапы доистории и истории, между которыми существует как различие, так и связь. Чем характеризуется доистория? Это так называемый период доосевого времени. Как в истории, так и в доистории происходили и происходят изменения. В доистории осуществлялось становление конститутивных свойств человеческого бытия. Результатом доистории является образование рас, речи, мифов, технических открытий. Это, собственно, колыбель человечества. На этом уровне развития общества биологическое и социальное в человеке было примерно на равных в определении механизмов обмена, передачи опыта. И К. Ясперс отмечает, что история возникает там, «где есть осознание истории, традиций, документация, осмысление своих корней и происходящих событий» [9. С. 56]. Он признает, что в общности великих культур древности лежит преемственность. Это проявляется в сходстве состояний хода развития культур. Естественно, уровень гипотетического знания по этой проблеме не дает стопроцентной достоверности факта, но культурологические исследования подтверждают эту мысль. Влияние Шумера на Египет и Китай сказывалось таким образом, что китайцы осевого времени видели в древних культурах свое прошлое, продолжающееся без изменений, в идеализированных чертах.

Историческая эпоха, по К. Ясперсу, характеризуется развертыванием приобретенного в духовной и технической области. Скачок от доисторического существования к историческому обуславливался тремя основными моментами, пронизанными, с нашей точки зрения, преемственностью: а) созна-

ние и воспоминание, передача духовного достояния (это позволяло включать в сферу деятельности не только элементы настоящего, но и прошлого); б) рационализация какого-либо значения и содержания посредством техники (это делает более устойчивым само существование человека, предохраняет от случайностей); в) выделение в качестве образца людей, чьи дела и помыслы постоянно стоят перед потомками (это способствовало совершенствованию рефлексивности человека, освобождению его от страха перед демонами) [9. С. 72].

В истории осевое время (примерно около 500 лет до н. э.) сформировало человеческое бытие, независимое от религиозного содержания. Оно связывало человечество в единую мировую историю, но при этом следует помнить, что преемственность как фундаментальная закономерность развития культуры не диктовала жесткий единый образец. Возникали принципиально отличные друг от друга направления культуры. Достаточно назвать Парфенон, пирамиды, готические соборы и т. д. Европа отличается от Азии. Повышается степень осмысленности, творчества, динамичности культурных систем. Причем, как отмечает К. Ясперс, сознательная передача опыта становится обязательным жизненным элементом.

Размышляя о будущем, он подчеркивает, что будущее скрыто в прошлом и настоящем. «Видение настоящего в такой же степени зависит от прошлого, как и прогнозирование будущего» [9. С. 155].

В этой связи, мы считаем интересным соотношение таких понятий как «*непрерывность*» и «*прерывность*» в развитии.

Существует несколько концептуальных подходов к этой проблеме. Это, *во-первых*, абсолютизация момента прерывности, *во-вторых*, абсолютизация непрерывности в развитии, *в-третьих*, объединение непрерывности и прерывности в их диалектической связи. Остановимся на некоторых из этих подходов. Один из ведущих представителей западной философской мысли А. Бергсон в работах, посвященных творчеству, обосновывает положение о том, что жизнь есть сплошной поток творчества, характерной особенностью которого являются непрерывные качественные изменения, изобретения. В творческом процессе он признает наличие логической и хронологической преемственности. Хотя прошлое и сохраняется в действительности, индивидуальность, «строящаяся в каждый момент при помощи накопленного опыта, непрерывно меняется» [10. С. 11]. По мнению А. Бергсона, состояния, тождественные по объему, не повторяются по глубине. Он подчеркивает, что развитие жизни таково, что нельзя определить его направление. Это не ядро, выпущенное из пушки. Это снаряд, который после выстрела немедленно разбивается на множество частей, каждая из которых в свою очередь разбивается и т. д., а при взрыве, как мы знаем, осколки разлетаются в самые разные направления, т. е. эти слова А. Бергсона подтверждают его тезис о нелинейном разви-

тии. Они обращены против непрерывности, эволюции в развитии. У этого философа было много последователей, например М. Пруст, А. Тойнби, Тейяр де Шарден и др.

Своеобразно представлена теория эволюции в работах Тейяра де Шардена: «Феномен человека», «Человеческая энергия», «Появление человека», «Дух Земли», «Место человека в природе». Свою точку зрения этот философ строит на космологическом основании. С его точки зрения, развитие Земли происходит исторически, в виде образования качественных слоев, которые он называет «*пеленами*».

Первая пелена – уровень неживой природы (литосфера). Из нее вследствие качественного скачка образуется органическая природа, возникает жизнь, то есть вторая пелена (биосфера). На уровне живой природы зарождается человек, который представляет собой определенный прерыв постепенности, и сознание которого создает психическую пелену, называемую Тейяром де Шарденом ноосферой. Образование ноосферы из биосферы у него получило название ноогенеза или рождение разума.

Дальнейшая эволюция характеризуется переходом в фазу высшего развития человеческого духа – кристогенез. Кристогенез, согласно представлениям Тейяра де Шардена, где на данный момент победил не геолог и палеонтолог, а мистик и теолог, есть психически преобразованная материя, которая концентрируется в Духе Земли. Дух Земли вбирает в себя все психические пелены и устремляется в космос к мистической точке Омга (космическому Богу) [11].

Итак, теория Тейяра де Шардена представляет собой исследование процессов развития с позиции их качественных изменений, скачков. В теории познания Тейяр де Шарден использует принцип дополнительности материи духом, между которыми нет непреодолимых преград.

Свое отношение к проблеме развития сформулировал И.Г. Гердер, исследуя проблему генезиса человека и общества, придавая ее решению натуралистический характер. Этот философ предпринял попытку исторического объяснения всех основных феноменов культурной жизни. Всемирная история, как он считал, отождествлялась по своим законам и детерминантам развития с историей вселенной. В его основной работе «Идеи о философии истории» явно выражена эволюционистская естественнонаучная ориентация. И.Г. Гердер вводит категории причинного объяснения в философии истории. Историческое развитие, как он представлял, есть детерминированная цепь причин и следствий, есть процесс движения, в котором действуют имманентные силы. Но он не понимал отличия истории общества от истории природы, как качественно более высокой ступени развития. Социальная история есть продолжение природной истории, не столько в отношении первой ко второй как последующей стадии к предыдущей, а в отноше-

нии целого (природы) к части (обществу). Одной из ошибок И.Г. Гердера было его своеобразное понимание качественных изменений в развитии. Переход от природы к культуре человеческого общества он понимал как результат вмешательства некой трансцендентальной силы.

Надо отметить, что в философских рассуждениях при анализе факторов, формирующих движущие силы социально-исторического развития (генетические силы природы и силы, передаваемые от поколения к поколению), особое внимание уделяется второму фактору – «гению народов», который включает в себя упражнения, навыки, традиции. Человек не может действовать, исходя из самого себя, он во многом зависит от других. «В той же мере, – пишет И.Г. Гердер, – в какой человеку, согласно естественным законам его рождения, не свойственно происходить из самого себя, не может он, при употреблении своих духовных сил, действовать так, как если бы они были прирожденны ему» [12. С. 252–253].

В вопросах становления человека И.Г. Гердер уделяет внимание социальным факторам, и прежде всего воспитанию, где традиции и подражание являются детерминирующими. Однако в дальнейшем культурные традиции по генезису он связывает с силами природы. С его точки зрения, природа в своих проявлениях растительного и животного мира есть субстрат, образец человеческой культуры.

Итак, идеи плавной эволюции И.Г. Гердера распространились не только на природу, но и на человеческое общество, его культуру. Культура есть частица развития общей системы, где не исчезают никакие духовные накопления. Эта цепь развития продолжается, и человек в ней представляет одно звено. Если животное в доме всевышнего отца есть слуга, то человек – лишь дитя, которому нужно научиться всему. Высшие существа на человека могут смотреть как на среднюю породу, как на переход от одной стихии к другой. «И человек – пока только человекоподобный – станет человеком и расцветет бутон гуманности, – подчеркивает И.Г. Гердер, – застывающий от холода и засыхающий от зноя, он расцветет и явит подлинный облик человека, его настоящую, его полную красоту» [12. С. 132].

Диалектическое понимание органической связи прерывности и непрерывности прослеживается в становлении и развитии всей реальной действительности. Это две стороны одного и того же диалектического процесса. Каждый из диалектических законов является иллюстрацией взаимосвязи непрерывности и прерывности. Непрерывность включает в себя моменты прерывности, так же как и прерывность подготавливается непрерывностью. Например, количественное изменение в конечном итоге приводит к накоплению критической массы, которая вызывает появление нового качественного состояния, а это, как известно, прерыв непрерывности. Явление, феномен реальной действительности

на определенном этапе в силу различных факторов «обречен» на количественное изменение. Если говорить о наличии преемственности, то необходимо сказать, что она имеет место как в эволюционной, так и в революционной фазах развития.

Процесс единства прерывности и непрерывности связан с пониманием настоящего и прошлого, старого и нового, традиций и новаций, направленности в развитии. Это можно проследить в процессах развития культуры. М.М. Бахтин понимание нового и старого, преемственности в культуре связывает с пониманием хронотопа, то есть пространственно-временных отношений. Исследуя культуру смеха, он отмечает, что отношение ко времени является конститутивной (определяющей) характеристикой гротескового образа. Второй его чертой является амбивалентность, то есть переплетение нового и старого, умирающего и рождающегося.

В Средневековье многое в культуре народа связывалось с временной цикличностью: времена года, лунные и солнечные фазы, смерть и обновление растительности. «В этой смене, – говорит М.М. Бахтин, – положительно акцентируется момент нового, растущего, обновляющегося. И этот момент приобретает значение более широкое и глубокое: в него вкладывались народные чаяния лучшего будущего, более справедливого социально-экономического строя, новой правды» [13. С. 93–94].

В таком представлении формируется отношение к процессу развития как единству повторения и обновления. И как справедливо пишет М.М. Бахтин, официальное было обращено в прошлое, а народное – в будущее.

Продолжая линию М.М. Бахтина, А.Я. Гуревич большое внимание в работах отводит вопросам становления ментальности, которая раскрывается с двух позиций: *во-первых*, мир культуры в каждую историческую эпоху образует некую глобальность (воздух, которым дышат члены общества), *во-вторых*, ментальность связана с такими понятиями как «*время*», «*пространство*», «*право*», «*труд*», «*богатство*», т. е. с такими понятиями, которые образуют картину мира [14. С. 11].

В ходе своей жизнедеятельности человек общается, воспринимает то чувство пространственно-временных отношений, которые сформировались культурой данного исторического этапа. Прошлое персонифицировалось в человеке, который повторял характер и поступки предка. «Если время циклично, – пишет А.Я. Гуревич, – и прошлое повторяется, то и будущее время не что иное, как возобновляющееся настоящее и прошлое. Все три времени расположены как бы в одной плоскости» [14. С. 110]. Исходя из этой позиции, мир Средневековья воспринимался стабильным, устойчивым, а изменения касались лишь поверхности богом установленной системы.

Статичность, устойчивость состояний обуславливали отношения к прошлому на уровне повторений, традиций, обычаев, почти не вносящих новаций в существующую систему.

Отрицание новаторства и индивидуальности регламентировали поведение человека по формуле: «Поступай как все».

Прорыв в мировоззрении был совершен благодаря переходу от языческого к христианскому восприятию времени. Уход от цикличности дал возможность воспринимать действительность более динамично. Было выработано новое понятие времени. «Во-первых, – подчеркивает А.Я. Гуревич, – в христианском мирозерцании понятие времени было отделено от понятия вечности ... вечность – атрибут бога, время же сотворено и имеет начало и конец, ограничено длительностью человеческой истории. ... Во-вторых, историческое время приобретает определенную структуру» [14. С. 120].

Цикличность времени измеряется линейностью и необратимостью, где есть начало, кульминация и завершение. Сравнивая ветхозаветные и новозаветные тексты, можно отметить определенную прогрессивность новозаветных текстов. В своих проповедях, обращенных к ученикам и народу, Иисус Христос дает возможность выбора пути постижения истины. Человеку дается свобода воли. Однако средневековому человеку в проявлении активности мешает существовавшая в этом обществе корпоративность общественной жизни. Индивид всегда был связан с корпорацией, которая подчиняла «сознание единицы коллективному сознанию группы» [14. С. 201].

В этой связи, мы считаем уместным вспомнить слова Н.А. Бердяева, который проводил различие между цивилизацией и культурой. Генетически культура более древняя, чем цивилизация, а в силу этого последняя не имеет таких глубоких корней и традиций. И если цивилизация дорожит новшествами, приспособленными к удобствам сегодняшнего дня, то культуре «дорого увековечивание, непрерывность, преемственность, прочность культурных творений и памятников» [15. С.248–249].

С Н.А. Бердяевым можно согласиться в том, что в культуре сосуществует два начала: консервативное и творческое. Одно стремится к сохранению системы, обращено к прошлому, а второе, создавая новые ценности, устремлено к будущему. Однако вызывает возражение тезис о том, что революционизм поверхностен, оторван от ядра жизни. Мы считаем, что революционные преобразования невозможны без качественного изменения предшествующего, без преемственной связи с ним. В противном случае это будет не качественно новое состояние, а то, что, например, было во времена «Пролеткульта», явление, лишённое корней, питательной среды своего существования. И в конечном итоге было обречено на исчезновение.

Мы рассмотрели лишь некоторые концептуальные подходы к определению взаимосвязи прошлого и настоящего в обществе, ее детерминированности социокультурными факторами. В этой связи считаем необходимым выявить сущность категории «социальная преемственность».

В исследовании преемственной связи на социальном уровне сформировалось два основных подхода. Согласно первому, эту связь выражает понятие «социальное наследование» [16. С. 57]. Второй подход базируется на том, что процесс передачи совокупного социального продукта выражается понятием «социальная преемственность» или «культурная преемственность» [17. С. 114]. Сторонники этого подхода вводят эти понятия с целью разграничения социального и филогенетического наследования.

Как первая, так и вторая точки зрения имеют позитивные моменты: в первой позиции охватываются процессы реализации преемственной связи в деятельности субъекта, во второй характеризуются процессы социального наследования на абстрактно-теоретическом уровне. Однако они не снимают актуальности проблемы социальной преемственности как социологической категории. Мы предлагаем свое видение данной проблемы, которое обосновывали в ряде публикаций [18, 19 и др.]. Мы не претендуем на исчерпывающее решение, а предлагаем один из возможных вариантов.

Социальная преемственность, с нашей точки зрения, является выражением высшего типа преемственной связи. Она, *во-первых*, представляет собой отражение закономерной связи между различными этапами социального развития, и которое проявляется на любом уровне общественного развития; *во-вторых*, социальное наследование воплощается в деятельности субъекта наследования; *в-третьих*, социальная преемственность есть отношение между поколениями и представителями одного поколения. Поэтому мы считаем, что «социальная преемственность» – это такое понятие, отражающее процессы социального наследования, характерной особенностью которого является сохранение, повторение, преобразование и развитие, отрицание и отбрасывание социально значимого продукта в пространстве и времени в деятельности субъекта конкретно-исторической системы культуры.

В философской и культурологической литературе большое внимание уделяется соотношению понятий «преемственность» и «традиция» [20, 21, 22 и др.]. По своему содержанию и функциям «преемственность» значительно шире, чем традиция. Она вбирает в себя не только традиции, но и обычаи, обряды и т. д. Если традиция аккумулирует, стереотипизирует и передает культурные ценности, то преемственность включает в себя уничтожение того из наследуемого, которое не выдерживает испытания временем, не вписывается в новые условия. Кроме этого в ее структуры входят преобразование и развитие. Традиция предполагает устойчивость или, как пишет К.В. Чистов, «(длительность–континуитет) функционирования форм культуры» [23. С. 109]. Но традиция, понимаемая в современном значении, имеет динамические моменты. Это ни чисто консервативное наследование, чуждое изменениям и преобразованиям. С понятием «традиция» связано социально-философское направление, кото-

рое основывается на изначальной традиции, являющейся носителем всеобщего космического смысла мироздания. В истории развития человека известны традиционные общественные системы, философские школы, уклады жизни и т. п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зеленков А.И. Философско-методологический анализ проблемы преемственности в научном познании: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Минск, 1986. – 40 с.
2. Демидов И.В. Логика. – М.: Юриспруденция, 2002. – 272 с.
3. Баллер Э.А. Преемственность в развитии культуры. – М.: Наука, 1969. – 294 с.
4. Баллер Э.А. Социальный прогресс и культурное наследие. – М.: Наука, 1987. – 225 с.
5. Завьялова М.П., Расторгуев В.Н. Единство и преемственность сознания. – Томск: ТГУ, 1988. – 208 с.
6. Мамардашвили М.К. Идея преемственности и философская традиция // Как я понимаю философию. – М.: Группа Прогресс, Культура, 1992. – 415 с.
7. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане, 1784 // Соч. в 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 7–23.
8. Бобров Б.М. Логическое и историческое и преемственность идей // Ленинская теория отражения и современность. – Свердловск: СГУ, 1967. – С. 156–162.
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.
10. Бергсон А. Творческая эволюция. – СПб.: Издание М.И. Семёнова, 1913. – Т. 1. – 332 с.
11. Тейяр де Шарден. Божественная среда. – М.: Гносис, 1994. – 220 с.
12. Гердер И.Г. Идея к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 703 с.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Наука», тема № 6.2158.2011 «Исследование теории адаптации науки и высшего профессионального образования в условиях инновационных преобразований общества».

13. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Худ. лит-ра, 1990. – 543 с.
14. Гуревич А.Я. Категории средневековой народной культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
15. Бердяев Н.А. Философия неравенства. – М.: ИМА-Пресс, 1990. – 285 с.
16. Дубинин Н.П. Социальное и биологическое в современной проблеме человека // Вопросы философии. – 1972. – № 10. – С. 50–58.
17. Астауров Б.Л. Социальные и биологические факторы развития человека. Круглый стол // Вопросы философии. – 1972. – № 9. – С. 109–125.
18. Рубанов В.Г. Преемственность в научной деятельности. – Томск: Дельтаплан, 2005. – 284 с.
19. Рубанов В.Г., Рубанова Е.В. Преемственность научных идей в контексте экологического сознания. – Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. – 249 с.
20. Абрамян Э.Г. У истоков культурной традиции. – Ташкент: ФАН Узб. ССР, 1988. – 128 с.
21. Буева Л.П. Общественный прогресс и гуманизм. – М.: Знание, 1985. – 64 с.
22. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. – М.: Искусство, 1981. – 359 с.
23. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. – Л.: Наука Ленингр. отд., 1986. – 304 с.

Поступила 09.08.2013 г.

UDC 101.1

CONCEPT «SUCCESION» AND ITS SOCIAL MEASUREMENT

V.G. Rubanov

Tomsk Polytechnic University
E-mail: rubanw@tpu.ru

The relevance of the study is caused by the necessity to define the place and the role of successive processes under social status transformation, changes of priority and value system.

The aim of the study is to express «succession» concept and to find out the specialties of «social succession».

Methods of researching: *logical historical and system-pragmatic.*

Results: *The author proposes his vision of this term based on the analysis of current points of view defining the idea of «succession» concept. The functions of «succession» as philosophic category are cleared up. The depth of succession logic is emphasized. Based on the researches of foreign and national sophists' opinions the author developed a way to define succession process within forming new one, its links with the previous one. The author's way is identified and the notion of «social succession» category is proposed. The comparative analysis of social succession and tradition is carried out; the informative and functional succession superiority over tradition is underlined.*

Key words:

Succession, inheritance, experience, the present, the past, social successive.

REFERENCES

1. Zelenkov A.I. *Filosofsko-metodologicheskii analiz problem preemstvennosti v nauchnom poznanii*. Dokt. Dis. [Philosopho-methodological essay of problem of succession in science perception. Dr. Dis.]. Minsk, 1986. 40 p.
2. Demidov I.V. *Logika* [Logic]. Moscow, Yurisprudentsiia, 2002. 272 p.
3. Baller E.A. *Preemstvennost v razvitii kultury* [Succession of culture development]. Moscow, Nauka, 1969. 294 p.
4. Baller E.A. *Sotsialny progress i kulturnoe nasledie* [Social progress and cultural heritage]. Moscow, Nauka, 1987. 225 p.
5. Zavyalova M.P., Rastorguev V.N. *Edinstvo i preemstvennost soznaniya* [Unity and succession of perception]. Tomsk, TGU, 1988. 208 p.
6. Mamardashvili M.K. *Idei preemstvennosti i filosofskaya traditsiya. Kak ya ponimayu filosofiyu* [Idea of succession and philosophical tradition. How I understand philosophy]. Moscow, Gruppya Progress, Kultura, 1992. 415 p.
7. Kant I. *Ideya vseobshchey istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane, 1784. Sochineniya* [Idea of universal history in globally civil system]. Moscow, Mysl, 1966. Vol. 6, pp. 7–23.
8. Bobrov B.M. *Logicheskoe i istoricheskoe i preemstvennost idey. Leninskaya teoriya otrazheniya i sovremennost* [Logical and historical, and idea succession. Lenin theory of return and conformity]. Sverdlovsk, SGU Publ., 1967. pp. 156–162.
9. Yaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [Idea and goal of history]. Moscow, Politizdat, 1991. 528 p.
10. Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative evolution]. Saint Petersburg, 1913. Vol.1, 332 p.
11. Teyar de Sharden. *Bozhestvennaya sreda* [Celestial sphere]. Moscow, Gnosis, 1994. 220 p.
12. Gerder I.G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Philosophy of humanity history ideas]. Moscow, Nauka, 1977. 703 p.
13. Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura Srednevekovaya i Renessansa* [Works of Francois Rabelais and folk culture of Mediaeval and Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1990. 543 p.
14. Gurevich A.Ya. *Kategorii srednevekovoy narodnoy kultury* [Categories of mediaeval folk culture]. Moscow, Iskusstvo, 1984. 350 p.
15. Berdyaev N.A. *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality]. Moscow, IMA-Press, 1990. 285 p.
16. Dubinin N.P. *Sotsialnoe i biologicheskoe v sovremennoy probleme cheloveka* [Social and biological about modern problem of person]. *Voprosy filosofii*, 1972, no. 10, pp. 50–58.
17. Astaurov B.L. *Sotsialnye i biologicheskie faktory razvitiya cheloveka. Krugly stol* [Social and biological factors of human development]. *Voprosy filosofii*, 1972, no. 9, pp. 109–125.
18. Rubanov V.G. *Preemstvennost v nauchnoy deyatel'nosti* [Succession in scholarly endeavor]. Tomsk, Deltoplan, 2005. 284 p.
19. Rubanov V.G., Rubanova E.V. *Preemstvennost nauchnykh idey v kontekste ekologicheskogo soznaniya* [Succession of science concept in sphere of ecological perception]. Tomsk, TML-Press, 2008. 249 p.
20. Abramyan E.G. *U istokov nauchnoy traditsii* [Sources of cultural tradition]. Tachkent, FAN Uzb., SSR, 1988. 128 p.
21. Bueva L.P. *Obshchestvenny progress i gumanizm* [Social progress and humanism]. Moscow, Znanie, 1985. 64 p.
22. Gurevich A.Ya. *Problemy srednevekovoy kultury* [Problems of mediaeval folk culture]. Moscow, Iskusstvo, 1981. 359 p.
23. Chistov K.V. *Narodnye traditsii i folklor. Ocherki teorii* [National traditions and folklore. Theory essay]. Leningrad, Nauka, 1986. 304 p.

СТРУКТУРА И МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

В.Г. Рубанов

Томский политехнический университет

E-mail: rubanw@tpu.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью выработки подходов отношения к социокультурному наследию в условиях трансформации общества.

Цель работы: раскрытие структуры социальной преемственности в ее историческом становлении; рассмотреть диалектику механизмов социального наследования.

Методы исследования: метод логико-исторического и системно-деятельностного анализа.

Результаты: Раскрыта структура социальной преемственности. Рассмотрена роль предшествующего опыта в структуре современной деятельности. Показаны специфические особенности ее элементов. Предложено понятие «скорость социальной преемственности», как способность субъекта деятельности в освоении содержания социальной памяти. Определены основные критерии типологизации механизмов социальной преемственности, и введены новые типы механизмов социальной преемственности. Даны характеристики механизмов социального наследования в их историко-культурном формировании, при этом акцентируется внимание на особенности механизмов наследования в примитивном и развитом общественном состоянии. Вводятся понятия «факторы социального воздействия», «общественные каналы восприятия», «внешние факторы влияния», «матричная социокультурная модель». Наряду с существующим понятием «хомо сапиенс» автор предлагает использовать понятие «хомо патримониенс» – человек наследуемый.

Ключевые слова:

Преемственность, наследование, жизненный опыт, социальная преемственность, механизм социальной преемственности.

Исследование процессов общественного развития выявляет общее и особенное в содержании социальной преемственности, присущие как обществу в целом, так и отдельным его подсистемам.

Общей тенденцией наследования в общественной деятельности является то, что чем сложнее общественная деятельность, тем содержательнее преемственные процессы; чем богаче содержание социального наследования, тем шире по своему объему деятельность субъекта наследования. Возьмем первобытное общество. Область применения человеческих знаний, умений ограничена объективными условиями и прежде всего низким уровнем практической деятельности, общественных отношений, которые направлены в основном на удовлетворение биологических потребностей. Передача социального опыта осуществляется посредством механического усвоения наследуемого. Его использование осуществляется в основном без существенного изменения содержания. Род, племя вырабатывает социальный продукт, а совет старейшин как посредник между обществом и индивидом является транслятором и ревностным смотрителем этого продукта. Главная функция – не допустить в процессах социального наследования новаций, творческих моментов.

С развитием общественной деятельности, с процессами разделения труда уменьшилась доля «мертвого» опыта, то есть такого опыта, который не подвергался дальнейшей трансформации, и увеличилась доля творчества, новаторства в социальном опыте. Но даже в таком примитивном виде преемственности намечалась свобода выбора в социальной деятельности. Появление земледелия и скотоводства, ремесла и торговли значительным образом повлияли на совершенствование

механизмов совокупного социального продукта. В процессе социального наследования стала проследиваться активность субъекта деятельности, в ходе которой он вырабатывал свое видение, свое отношение к наследуемому.

Многогранности становления культуры как социального феномена отводится место в работах Л.Г. Олеха. Он считает, что культура проявляется в разносторонней деятельности человека и составляет ее содержание. Это, прежде всего, богатейшее наследие, которое передается от поколения к поколению, приобретает отдельными личностями и человечеством в целом, создавая основу преемственности и непрерывности всемирно-исторического процесса [1. С. 37].

Социальная преемственность, реализующаяся в деятельности субъекта, протекает с разной степенью интенсивности и длительности. Для характеристики этой особенности наследования мы вводим понятие «скорость социальной преемственности». «Скорость социальной преемственности» – это такое понятие, которое служит для обозначения способности субъекта деятельности за определенный промежуток времени и с определенной интенсивностью осваивать содержание социального наследия.

Скорость социальной преемственности прямо пропорциональна плотности информационного слоя и социальной активности субъекта и обратно пропорциональна времени, в течение которого субъект деятельности способен освоить содержание социального наследия. Для различных уровней развития общества, его ступеней, а также видов деятельности, скорость социальной преемственности будет неодинакова. Она зависит и от степени совершенства механизмов наследования совокупного человеческого опыта.

Механизмы социальной преемственности интересуют философов давно. Так, например, М. Мид, при типологизации культуры, выделяет *постфигуративный*, *кофигуративный* и *префигуративный* тип, в основу которых положены механизмы наследования культурных ценностей между представителями различных и одинаковых поколений.

Постфигуральный тип культуры характеризуется тем, что дети учатся у своих предшественников. *Конфигуральный* тип – это такое состояние культуры, при котором дети и взрослые учатся у своих сверстников. *Префигуральный* тип отличается от остальных тем, что взрослые учатся у своих детей. Прimitивные общества по своей сути постфигуральны. Здесь велика власть прошлого над настоящим. Новаии осваиваются крайне медленно. Кофигуральный тип культуры в своей основе имеет модель поведения как для младшего, так и для старшего поколения. Это более гибкая система. Внедрение новшеств почти не затруднено, но более совершенным типом культуры является префигуральный, который характерен для современного общества. При этом осуществляется диалектическая взаимосвязь нового и старого [2. С. 322–342].

Социальная преемственность основывается на критическом анализе и активной творческой переработке субъектом наследуемого содержания. В основе ее механизма всегда лежал, как считают В.А. Воронович и Ю.К. Плетников, «...язык (членораздельная речь) как всеобщая отвлеченная форма обобщения и закрепления в знаковых системах накопленных навыков, традиций, социальных норм и знаний и воссоздаваемые людьми определенные ценности, в первую очередь техника как овеществленная сила знаний» [3. С. 9]. Благодаря языку сохраняются и передаются от поколения к поколению знания и культурные ценности.

Важность и значение исследуемой проблемы побудили нас разработать и предложить свой вариант механизма социального наследования. В основу его были положены социокультурные детерминанты формирования личности субъекта преемственных процессов. Мы выделяем три вида механизма преемственности: а) *устно-визуальный*, б) *устно-визуальный+письменно-закрепленный*, в) *письменно-закрепленный+устно-визуальный*.

Ранний этап становления преемственной связи характеризуется примитивным способом передачи и закрепления того опыта, которым располагало первобытное общество. Этот способ мы называем *устно-визуальным*. Суть его заключается в следующем: есть непосредственный пример и его подражание. Еще Аристотель отмечал: «Первые познания человек приобретает посредством подражания» [4. С. 44]. В ходе подражания субъект деятельности приобретает социальные навыки, общается к социальной и природной действительности. Он нес в своей деятельности наглядный пример для подражания другим членам сообщества. Социальный опыт передавался при непосредственном контакте субъектов, при устноречевом

сопровождении. «Значимость познавательной функции подражания, – пишет А.М. Агальцев, – трудно переоценить, если учитывать сравнительно непродолжительный контакт между различными поколениями первобытных людей» [5. С. 160]. Процесс подражания, несмотря на свою примитивность, не следует понимать упрощенно. Социальная преемственность даже на таком уровне не была зеркально-мертвым отражением в деятельности индивидов. Социальное наследование на этом уровне отличается от биологического наследования активным началом. На ход социальной преемственности оказывают влияние избирательная способность субъекта, его интересы и потребности. Наследование не заканчивалось выбором материала, ценностей, все это преобразовывалось в деятельности индивида. И хотя при этом механизме преемственности активность проявляется еще слабо, но все же в конечном счете приводит к обогащению и развитию содержания социального опыта.

С появлением наскальных рисунков, а затем и письменности социальная преемственность стала осуществляться быстрее. Субъектам деятельности в процессе освоения совокупного социального продукта не надо было иметь непосредственный контакт. Теперь человек «вместо того, чтобы, как это было до сих пор, другие думали за него, а он только подражал или позволял водить себя на помочах, – пишет И. Кант, – ... решает самостоятельно идти вперед на почве опыта, хотя еще не твердо» [6. С. 471].

Для передачи информации существовали различные способы, например пиктографическое письмо, представляющее собой воплощение в рисунке или последовательности рисунков определенное содержание. При таком письме была возможна метафоричность (например, у северо-американских индейцев красный топор на черном фоне обозначал объявление войны, а дымящаяся трубка – мир). Таким же средством передачи информации служили *вампумы* – разновидность предметного письма, которая была распространена среди северо-американских индейцев. *Вампум* – это нити с нанизанными на них разноцветными раковинами. Комбинируя цвета раковин, можно составить рисунок, который был носителем определенного сообщения. Средством передачи социальной памяти служило народам Южной Америки узелковое письмо – *кипу*. Но искусством декодировать рисунок, *вампум*, *кипу* обладал не каждый член общества, в силу этого устно-визуальный механизм сохранял свое лидерство. С развитием человеческой деятельности письменно-закрепленный способ фиксации и передачи информации стал, наряду с существовавшим устно-визуальным, выполнять роль передатчика и проводника социальной памяти от поколения к поколению, а также между представителями одного поколения.

Единство существующих способов передачи и развития социального наследства дал новый механизм, который мы называем *устно-визуаль-*

ный+письменно-закрепленный. Прогрессивность его заключается в том, что передача социальной памяти не ограничивается адресатностью, пространственными и временными рамками. Появилась возможность расширения и обезличивания адресата, субъекта социальной преемственности. Благодаря рисунку или письму можно было пронести информацию о состоянии существующей культуры через века. В силу этого человеческая деятельность стала более гибкой и динамичной, разнообразной и содержательной. Появилась возможность внести больше новаций в социальный опыт, хотя устно-визуальный механизм в определенной степени тормозил этот процесс. Объективные условия развития социальной действительности формировались таким образом, что ведущее место постепенно занимал письменно-закрепленный механизм социальной преемственности. «Прогресс ... стал бы невозможным, – писал Ж.А. Кондорсе, отмечая роль письменности в развитии человеческой деятельности, – если бы ... люди не знали письменности, этого единственного средства обеспечить существование традиций, их увековечить, обобщить и передавать знания, как только они начинают умножаться» [7. С. 47].

С развитием общественной деятельности возникает необходимость в людях, которые могли бы читать и писать, и такие люди появляются. Формируется новый механизм социальной преемственности – *письменно-закрепленный+устно-визуальный.* Этот механизм занимает ведущее место в передаче социального опыта, т. к. «...знаки языка и письменности дают людям средство обеспечить себе обладание идеями и сообщать их другим, образовали из частных знаний общую сокровищницу, переходящую как наследство от одного поколения к другому, и все увеличивающуюся открытиями каждого века», – писал А.Р. Тюрго [8. С. 51].

Письменно-закрепленный механизм социальной преемственности осуществляет быструю трансляцию опыта, навыков, умений не только от одного поколения к другому, но и между представителями одного поколения. Он способствует прогрессивному развитию общества. При нем меньше тратится времени на поиски методов, технологии и т. д. Он предупреждает дублирование в науке (хотя это не всегда удается). Социальная память, закрепленная в научных теориях, способствует осуществлению сознательного, планомерного освоения культурных ценностей, сведя до минимума стихийность и спонтанность в этом процессе. Устно-визуальный способ освоения наследства существует в данном механизме в снятом виде и выполняет сопутствующую роль. Получило дальнейшее развитие языковое закрепление социального опыта. Языковые знаковые системы делятся на естественные и искусственные (знаки естественных языков науки, знаки искусственных формализованных языков, знаки других искусственных языков, например эсперанто и др.).

Так как все предшествующие механизмы со-

циальной преемственности получили свое отражение в последнем, то целесообразно рассмотреть его более подробно.

Как уже отмечалось выше, данный механизм социальной преемственности присущ развитому общественному состоянию. На определенном уровне развития материального и духовного производства вырабатывается содержание социального наследия, социальная память. В нашу задачу не входит содержательная и функциональная характеристика понятия «социальная память», в данном вопросе мы солидарны с Я.К. Ребане, который отмечал, что содержание социальной памяти составляют: «1) накопленные знания; 2) логическая структура мышления, понимаемая в широком смысле (включая мыслительные операции, категориальную структуру, математический аппарат и т. д.); ... 3) формы общественного сознания; 4) социальные ценности» [9. С. 28–29].

В.А. Колеватов в монографии «Социальная память и познание» выделяет несколько типов социальной памяти: системно-генетический (системно-формационный), эволюционно-генетический [10. С. 170].

В нашем исследовании социальная память понимается в широком смысле слова, то есть включаются все ее составляющие компоненты. Она выступает предпосылкой, которую используют субъекты, строящие свое настоящее и решающие задачи построения будущего. В деятельность субъектов включены исторически сформировавшиеся, социально значимые достижения науки, культуры, социальной деятельности и отношений.

Социальная память проецируется на различные *факторы социального воздействия*, которые по своей общественной значимости, функциям отличаются друг от друга. С нашей точки зрения, они представляют собой исторически сложившиеся социальные образования, выполняющие роль социализации, то есть воспитания, образования и обучения субъекта социальной преемственности. Факторы социального воздействия включают в себя *общественные каналы восприятия и внешние факторы влияния*, отличающиеся по задачам, средствам аккумуляции и коммуникации, а также способам трансляции содержания социальной памяти.

Общественные каналы восприятия, с нашей точки зрения, выполняют главную, непосредственную роль в формировании определенного типа личности. В этом процессе они закладывают объективные предпосылки становления субъекта социальной преемственности. Социализация, осуществляемая каналами восприятия, является направленным действием на конкретного человека и представляет собой организованный, целенаправленный механизм социального наследования. В процессе формирования личности индивид выступает объектом, который впоследствии становится активным субъектом общественной деятельности, субъектом преемственности. В разви-

том обществе к каналам восприятия относятся семья (или структуры ее заменяющие), дошкольные детские учреждения, школа, средние и высшие специальные учебные заведения, производство, наука.

К *внешним факторам влияния* мы относим Internet-технологии, радио, телевидение, кино, библиотека, театр, печать, микросреда. В отличие от общественных каналов восприятия, внешние факторы влияния не направлены на конкретный субъект преемственности. Они являются проводниками общественных интересов, ценностных ориентиров, средствами централизованного влияния на совокупный субъект социальной преемственности, то есть на обезличенный субъект. Основная цель факторов социального воздействия – выработка и реализация технологии воспитания, образования и обучения, которая дала бы на выходе личность, адекватную уровню развития общества.

На человека в процессе освоения социального наследия оказывают влияние различные факторы социального воздействия, роль которых на временных этапах становления личности неодинакова. Формирование индивида как субъекта деятельности начинается с раннего возраста и протекает до конца жизни. В результате получается личность, то есть такой субъект, который имеет устойчивое мировоззрение и постоянно занимающийся самосовершенствованием.

Общественные каналы восприятия социального наследия в процессе становления субъекта социальной памяти взаимосвязаны с внешними факторами влияния. Каждый отдельно взятый канал общественного восприятия, как и внешний фактор влияния, представляет собой исторически сложившийся социокультурный феномен. Социальное время, уровень развития деятельности вносят свои коррективы в их становление и развитие.

Субъект преемственной связи, вступая во взаимодействие с общественными каналами восприятия, осуществляет в своем сознании первичную обработку, фильтрацию того материала, который предлагается ему в «сыром» виде. Это можно назвать началом выработки самостоятельного отношения к содержанию совокупного социального продукта. Но так как на субъект оказывают воздействие и внешние факторы влияния, которые выступают катализаторами в процессе освоения наследия, то здесь могут возникать различные противоречия в восприятии и понимании продукта социальной памяти. Прежде всего, это противоречие между материалом, который предлагают каналы общественного восприятия, и теми нормативно-содержательными элементами, которые проводят внешние факторы воздействия. Разрешение противоречий составляет основу первичного отношения субъекта преемственности к ее объектам. На этом этапе возможно и обратное воздействие субъекта на содержание и функционирование некоторых факторов социального влияния.

Дальнейшее становление субъекта преемственности связано с использованием в его деятельности содержания социального наследия, прошедшего первичную фильтрацию и отбор. В данном случае деятельность берется в широком смысле слова, как материальная, так и духовная, то есть как форма движения социальной материи. Общественная деятельность является тем вторичным фильтром, который помогает человеку выработать устойчивое отношение к социальному наследству. В деятельности вырабатывается парадигмальное мироотражение и мировосприятие.

В процессе становления личности формируется банк-память, иначе говоря, тот перспективный материал, который становится элементом социальной памяти, социального наследия. Не все достижения человеческой деятельности входят в банк-память. Некоторый материал исчезает в деятельности субъекта. Это говорит о том, что в содержание социальной преемственности включены сохранение, повторение, отбрасывание и дальнейшее развитие.

Если условно разделить становление личности на временные отрезки, то для каждого можно выделить основные факторы социального воздействия.

Некоторые зарубежные теоретики пытаются представить человека как некую нейтральную единицу, которая никого и которую ничто не интересует.

В контексте наших размышлений интересной, с нашей точки зрения, является концепция З. Фрейда, посвященная становлению личности. Как известно, в его понимании личность состоит из трех образующих: Оно, Я и сверх-Я, каждое из которых обладает характерными особенностями. Оно – это воплощение бессознательных иррациональных психических реакций. Оно биологическое по своему генезису. В процессе развития индивида появляется Я как сознательное начало. Я и Оно не разделены резкой границей и находятся в соотношении, как зародышевый диск находится в яйце. На основе Я возникает сверх-Я (Я-идеал). Это высшая инстанция в структуре душевной жизни человека, которая выполняет нормативно-запретительную функцию.

В становлении личности Я находится по отношению к Оно как всадник, «который должен обуздать превосходящую силу лошади, с той только разницей, что всадник пытается совершить это собственными силами. Я же силами заимствованными» [11. С. 432].

Таким образом, Я попадает под двойное давление: со стороны Оно и сверх-Я. С одной стороны на него давит бессознательное, с другой – социальное в виде норм, правил и т. д. На этой почве возникают различные психологические ситуации. Отсюда вывод: общественное направлено на подавление бессознательного в человеке. С позиции диалектики между бессознательным и сознательным существует взаимосвязь. Личность в своем развитии

формируется как сознательным, так и бессознательным.

Иногда в социологии предпринимаются попытки скрыть социальные конфликты за якобы всегда существующими конфликтами поколений [12 и др.]. В действительности, как мы считаем, конфликт поколений не носит генетический характер, он обусловлен, прежде всего, социальными причинами. А вот что касается преемственности поколений, то это имеет для человека сущностный характер. И в этой связи мы вводим понятие «*хомо патримониенс*» – человек наследуемый. Мы считаем, для того чтобы стать хомо сапиенсом, необходимо быть хомо патримониенсом.

Нужно отметить, что в период научно-технической революции, когда информация поступает по многочисленным каналам, субъект социальной деятельности не может быть индифферентным к ней. С позиции западных социологов увеличивается роль и масштабы коммуникации, что способствует превращению населения в пассивно информированную массу. Конечно, с некоторыми моментами этого высказывания можно согласиться. Если информация не интересует субъекта, то он, действительно, становится пассивным ее потребителем, но если она затрагивает его интересы и потребности, то он относится к ней с явной заинтересованностью.

Получение большого количества информационного материала способствует не приспособлению субъекта к рамкам, нормам, идеалам, которые ему навязываются, а утверждению его как личности, выработке критического отношения к содержанию объекта социальной преемственности. Вырабатывается устойчивое понимание социального наследия, которое получает дальнейшее развитие в деятельности субъекта. В свою очередь непонимание социального наследия приводит к отрицанию познания самости человека. К. Ясперс утверждает, что человек, каков он есть «сам по себе», недоступен науке. «То, что я познаю в психологии и социологии, – пишет он, – не есть также целое, которое я предполагаю, а частная определенность. Человек больше, чем то, в качестве чего он, став предметом познания, проявляет себя» [13. С. 202].

Таким образом, абстрагируясь от конкретных условий общественных состояний, в которых действует тот или иной механизм социальной преемственности, можно представить процесс передачи социального опыта в общем виде следующим образом: в определенное социальное время в человеческой деятельности формируется социальная память, которая фиксируется в материальной и духовной культуре. Социальная память действует на существующие в обществе каналы восприятия и внешние факторы влияния (чем сложнее общество, тем их больше). Общественные каналы восприятия являются непосредственными проводниками социальной памяти, а внешние факторы влияния – непосредственными или опосредован-

ными. Между этими проводниками преемственности существует диалектическая взаимосвязь: взаимодействуя между собой, они дополняют друг друга (если их интересы и направленность совпадают) и противодействуют (если они вырабатывают и преследуют противоположные интересы и цели в процессе социального наследования). В своем развитии они формируют *матричные социокультурные модели*, через которые пропускается содержание социальной преемственности.

Что мы понимаем под социокультурными моделями? Как всякая матрица, социокультурная матрица представляет начало, оттиск социально наследуемых ценностей материальной и духовной культуры. *Матричная социокультурная модель – это исторически сложившиеся, относительно устойчивые системы содержательных и функциональных элементов человеческой деятельности, которые закреплены в различных социальных институтах, в идеологии и социальной психологии, верифицированы, апробированы практикой.*

Содержание социальной памяти, пройдя через матричные социокультурные модели, преломляется. После этого отфильтрованное содержание оказывает действие на субъект социальной преемственности. В практической деятельности субъект вырабатывает свое отношение к наследству. Результат деятельности сопоставляется с тем, что предлагается в матричных социокультурных моделях. Если есть расхождение, то субъект стремится воздействовать на содержание социокультурных моделей. Такое понимание отношения субъекта наследования к содержанию исторически сложившихся норм, идеалов и т. д. отличается от предлагаемого по данной проблеме Т. Парсонсом, Д.К. Хамансом и др., которые переносят взаимодействия субъектов в обществе в психологическую область.

Наибольший эффект в совершенствовании матричных социокультурных моделей достигается в практической апробации социального наследия.

Усвоив и развив наследованное содержание совокупного социального продукта, субъект достигает в деятельности таких результатов, которые будут использоваться его последователями, то есть субъект социальной преемственности формирует содержательные и функциональные элементы блок-памяти.

Резюме. Механизмы социальной преемственности в зависимости от условий, в которых они действуют, имеют специфические особенности. Важно учитывать и то, кто выступает субъектом и в какое историческое время. Как отмечают В.Е. Давидович и Ю.А. Жданов: «Единство и взаимопроникновение, общение и обособление, взаимодействие и отталкивание, связи и противопоставления – все это характеризует противоречивое единство разных форм культурного бытия» [14. С. 176]. Мы согласны с этим утверждением, но нужно добавить, что все процессы становления и развития человека, человеческой культуры теряют смысл, лишены

преемственности. Социальная преемственность способствует сохранению и развитию совокупного социального продукта. Это возможно при наличии совершенного механизма социального наследования. Деятельность человека является «полигоном», на котором испытывается социальный продукт на его историческую значимость и ценность. В деятельности, опирающейся на достижения

предшественников и современников, формируется стиль мышления, картина мира, профессиональная, социальная и т. д. позиция личности.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Наука», тема № 6.2158.2011 «Исследование теории адаптации науки и высшего профессионального образования в условиях инновационных преобразований общества».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Олех Л.Г. Цивилизация и революция. – Новосибирск: Наука, СО, 1989. – 192 с.
2. Мид М. Культура и мир детства. Избр. произ. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
3. Воронович В.А., Плетников Ю.К. Категория деятельности в историческом материализме. – М.: Знание, 1975. – 64 с.
4. Аристотель. Топика // Соч. в 4 т. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – С. 347–531.
5. Агальцев А.М. О гносеологической функции подражания // Проблема методологии и логики науки. – Томск: Изд-во ТГУ, 1970. – Вып. 6. – С. 159–163.
6. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения, 1798 // Соч. в 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 351–586.
7. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. – М.: Госсэкономиздат, 1936. – 265 с.
8. Тюрго А.Р. Последовательные успехи человеческого разума. Речь, произнесенная в Сорбонне 11 декабря 1750 года. Избр. филос. произв. – М.: Госсэкономиздат, 1937. – С. 51–73.
9. Ребане Я.К. О социальной детерминации познания: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1970. – 32 с.
10. Колеватов В.А. Социальная память и познание. – М.: Мысль, 1984. – 190 с.
11. Фрейд З. Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1989. – 448 с.
12. Celeman J.S. The Adolescent society. – London: Routledge & Kegan Paul, 1966. 138 p.
13. Jaspers K. Philosophie. – München. 1956. Bd. I. – 365 p.
14. Давыдович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1979. – 264 с.

Поступила 09.08.2013 г.

UDC 101.1

STRUCTURE AND MECHANISMS OF SOCIAL SUCCESSION

V.G. Rubanov

Tomsk Polytechnic University
E-mail: rubanw@tpu.ru

The relevance of the study is caused by the necessity to develop the principals of attitude to sociocultural heritage within society transformation.

The aim of the study is to clear up the structure of social succession in its historical establishing; to consider dialectic of social inheritance methods.

Methods applied: logical historical and system-pragmatic analyses.

The results of the study: The author has revealed the structure of social succession and analyzed the role of previous experience in the structure of modern activity. The paper demonstrates the pointed specifics of its elements and introduces the concept «speed of social succession», as actor's ability to absorb social memory. The main criteria of social succession mechanisms were determined and new types of social succession mechanisms were introduced. The author characterized the social succession mechanisms in their historical-cultural formation; the special aspects of succession mechanisms in primitive and high level social condition were emphasized. The paper introduces the notions: «factors of social influence», «common channels of perception», «external influence factors», «matrix sociocultural form». Together with the existent «homo sapiens» concept the author offers to use «homo patrimoniens» concept – heritable person.

Key words:

Succession, inheritance, experience, social successive, mechanism of social succession.

REFERENCE

1. Olekh L.G. *Tsivilisatsiya i revolyutsiya* [Civilization and revolution]. Novosibirsk, Nauka, SO, 1989. 192 p.
2. Mid M. *Kultura i mir detstva. Isbrannye Proizvedeniya* [Culture and world of childhood]. Moscow, Nauka, 1988. 429 p.
3. Voronovich V.A., Pletnikov Yu.K. *Kategoriya deyatelnosti v istoricheskom materializme* [Historical materialism category of activity]. Moscow, Znanie, 1975. 64 p.
4. Aristotel. *Topika. Sochineniya* [Topika]. Moscow, Mysl, 1978. Vol. 2, pp. 347–531.
5. Agaltsev A.M. O gnoseologicheskoy funktsii podrazhaniya [About epistemic function of imitation]. *Problema metodologii i logiki nauki*. Tomsk, TGU, 1970. Iss. 6, pp. 159–163.
6. Kant I. *Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya, 1798* [Realistic point of view on anthropology]. *Sochineniya*. Moscow, Mysl. 1966. Vol. 6, pp. 351–586.
7. Kondorse Zh.A. *Eskizy istoricheskoy kartiny progressa chelovecheskogo razuma* [Sketch of historical picture of human sense progress]. Moscow, Gossotseconomizdat, 1936. 265 p.
8. Tyurgo A.P. *Posledovatelnye uspekhi chelovecheskogo razuma. Rech, proiznesennaya v Sorbonne 11 dekabrja 1750 goda* [Speech

- that was made at the 11th of December 1750 in Sorbonne]. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophic works]. Moscow, Gosstatsekonimizdat. 1937. pp. 51–73.
9. Rebane Ya.K. *O socialno determinatsii poznaniya*. Dokt. Diss. [About social determination perception. Dr. Diss.]. Moscow, 1970. 32 p.
 10. Kolevatov V.A. *Sotsialnaya pamyat i poznanie* [Social remembrance and perception]. Moscow, Mysl, 1984. 190 p.
 11. Freud Z. *Psikhologiya bessoznatelnogo* [Depth psychology]. Moscow, Prosveshchenie, 1989. 448 p.
 12. Coleman J. S. *The Adolescent society*. London, Routledge & Kegan Paul, 1966. 138 p.
 13. Jaspers K. *Philosophie*. München, 1956. Bd. I. 365 p.
 14. Davidovich V.E., Zhdanov Yu. A. *Sushchnost kulture* [Essence of culture]. Rostov-na-Donu, RGU, 1979. 264 p.

УДК 316.776:316.485.26

ТЕРРОРИЗМ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.П. Чубик

Томский политехнический университет
E-mail: chubikap@tpu.ru

Несмотря на видимые изменения в социально-информационной сфере, произошедшие в последнее время, а также относительно отсутствие крупных социальных катаклизмов, информационные войны и связанный с ними информационный терроризм продолжают оказывать значимое воздействие на сознание людей. В погоне за властью лидеры и аутсайдеры политического процесса стремятся любыми доступными способами и средствами доказать собственную правоту. Наиболее дешевым и эффективным из них выступает глобальное информационное поле, сформированное совместной работой средств массовой информации и сети Интернет, где видимое присутствие реальности скрывает истинное положение вещей, одновременно его же и формируя.

Цель работы: рассмотреть сущность информационного терроризма.

Методы исследования: провести сравнительный анализ информационного терроризма, войны и партизанского движения.

Заключение: обоснован тезис о том, что информационная война сопряжена с постоянным воспроизводством конфликтных ситуаций; раскрыта информационная сущность терроризма; сделан вывод о фундаментальном отличии терроризма от прочих видов насильственной политической борьбы.

Ключевые слова:

Информация, власть, терроризм, глобализация, информационное пространство, информационный терроризм, информационная война.

Закон превращения количества в качество гласит: качественные изменения наступают в результате перехода незначительных и скрытых изменений в крупные вследствие увеличения их числа. Поэтому считается, что чем больше человек читает, тем он становится умнее и образованнее, так как каждый текстовый источник несет какую-либо полезную информацию, и хотя в данном конкретном документе ее может быть мало, но большое количество подобных же источников в итоге должно привести к формированию стойкого мировоззрения. В этом смысле одним из самых главных ресурсов для развития личности могут выступать сеть Интернет и Mass Media – главные поставщики информации в современном мире.

Однако прежде чем строить планы по развитию человечества с помощью данного закона в сети Интернет и через Mass Media, следует сначала обратить внимание на суть современной информационной реальности, которая претерпевает серьезные изменения, основанные на трансформации в представлениях об истинности. Один из исследователей, Х. Патнэм, отмечает: «Понятие истины зависит по содержанию от наших стандартов рациональной приемлемости, а они, в свою очередь, опираются на наши ценности и предполагают их»

[1. С. 279]. Таким образом, рождается плюралистичная информационная картина мира, где на первый план выходит принципиальная двойственность, и с одной стороны человеку вменяется в обязанность быть активным членом социума, самостоятельно определяя свои общественные позиции, а с другой стороны, количество информации на сегодняшний день таково, что он теряет, не в силах поглотить и переварить огромное количество зачастую противоречивых сведений, что приводит, в свою очередь, к тому, что человек вынужден цепляться за навязываемые ему стереотипы. Но и сами эти стереотипы не едины, прежде всего, в связи с тем, что современная информационная реальность не едина. Рассмотрим вопрос превращения количества информации в качество на примере политической сферы, которая выступает одной из базовых при формировании личностных идеалов человека.

Проникая во все сферы общества, СМИ выступают аренной для глобального политического процесса, при этом можно выделить двойкий подход к определению непосредственного участия Mass Media: с одной стороны они рассматриваются как средство влияния на граждан (П. Бурдьё [2]), с другой – как бездушный инструмент передачи ин-

формации, не затрагивающий политических интересов человека (П. Ларасфельд). Принято выделять две технологии влияния Mass Media на политический процесс: конструирование политической реальности и виртуализацию политического процесса (Э. Денис, Д. Мерилл).

Так или иначе, СМИ стали ареной для политической борьбы за власть, под которой понимается способность и право одних осуществлять свою волю в отношении других. Отличительными признаками информационной власти выступают: незаметность влияния (так как она осуществляется на уровне манипуляции), глобальность и безграничность распространения (это приводит к тому, что субъектом политической власти может выступать далеко не формальный лидер).

Суть власти в информационном пространстве тесно связана с принципиально новым источником власти – манипуляцией, которую условно можно разделить на три вида: скрытый контроль, изменения окружения объекта без взаимодействия с ним и воздействие на мир человека. Манипуляция обнаруживает себя на волне «бегства от свободы» (Э. Фромм [3]), когда человек под гнетом обрушившейся на него свободы выбора в виде бесконечного числа источников информации ищет опору во мнении другого, так как он не может определить себя в возникшем плюралистичном мире. И даже в том случае, если человек готов принять на себя ответственность за выбор альтернативы во мнении, само его мнение обнаруживается уже проинтерпретированным в существующих информационных блоках, что освобождает его от необходимости определить свою позицию самостоятельно.

На фоне всех этих изменений в информационной сфере, где власть проникает во «внутрь» человека (подробно процесс перехода власти над телом во власть над душой описан М. Фуко [4], который рассматривает современную тюрьму как один из видов психологического принуждения) рождается борьба за могущество, которая превращается постепенно в информационную войну. Двумя основными задачами этой войны выступают достижение информационного превосходства над стратегией противника, а также защита собственной информации. На гребне подобных «незримых» войн вырастает и ставший одним из атрибутов современной культуры терроризм, приобретший в информационной сфере новый статус, прежде всего за счет того, что сами по себе террористические акты могут вызвать общественный резонанс, следовательно, достичь своей цели только благодаря тому, что станут информационным достоянием, под прикрытием какой бы интерпретации они не подавались в Mass Media.

Информационная война всегда представляет собой постоянное воспроизводство конфликтных ситуаций, в которых противоборствующие стороны используют терроризм как средство борьбы за власть, ведь главным «оружием» выступают самые разнообразные способы манипулирования

общественным сознанием (конструирование стереотипов, имиджей, мифотворчество и т. д.). При этом информационная война довольно часто связана с терроризмом, который проявляет себя как показательные насильственные акты, направленные на достижение политических целей. Политические оценки террора всегда относительны, так как в отношении к нему нередко применяется «двойной стандарт»: он полезен с точки зрения его последователей и вреден с точки зрения противников. Иными словами, выигравшая в результате информационного террора сторона будет настаивать на оправданности принятых ей мер (победителя, как известно, не судят), проигравшая же сторона будет объявлена аморальной.

На сегодняшний день не существует общепринятого определения понятия «терроризм», более того, у некоторых зарубежных и отечественных исследователей сложилось мнение о принципиальной невозможности его определения. Примером может служить идея У. Лакера, который акцентировал внимание на случайности, иррациональности и недоступности в понимании терроризма. Он отмечал: «Не должно быть иллюзий по поводу того, что можно выяснить о происхождении и характере терроризма. Установлению поддается лишь тот факт, что при одних обстоятельствах террор чаще осуществляется, чем при других, и что при некоторых обстоятельствах он вообще не может иметь корней. Перегруженный значением по своей природе термин не поддается всем усилиям выработать всеобъемлющее и объективное определение терроризма. Такое определение не существует и не будет найдено в обозримом будущем» [5. С. 170]. Однако терроризму все же можно дать определение, так как центральным вопросом в данном случае выступает выяснение того, насколько последовательно и точно термин применяется к явлению, и что становится главным критерием для определения сущности понятия.

Нередко терроризм отождествляют с политическим насилием (например, американские исследователи В. Малиссон и С. Маллисон). Согласно подобным представлениям терроризм – это «систематическое использование крайнего насилия и груза насилия для достижения публичных или политических целей» [6. С. 37]. Еще одно определение можно найти у Г. Нонлау: «... терроризм понимается как вид борьбы, который в политических целях или по политическим мотивам пытается принудить государственные органы или граждан насилием или угрозой к определенным действиям» [6. С. 37]. Все эти определения роднит отождествление терроризма с вооруженной борьбой, партизанскими войнами, массовыми беспорядками, революциями и восстаниями, геноцидом, экстремизмом и другими терминами, связанными с политическим насилием.

Нельзя отрицать, что существуют точки соприкосновения между терроризмом и войной. У этих двух понятий существует общая принадлежность

к политическому насилию, причем зачастую их взаимосвязь носит конкретный исторический характер, например, когда террористические акты выступали в роли детонатора для военных действий. Именно взаимосвязь этих двух явлений порождает гораздо большее число жертв, в противовес запланированному числу.

В связи с этим один из политических деятелей, Б. Голдуотер, предположил, что «терроризм содержит в себе применение принципов Клаузевица (война – это продолжение политики с использованием иных средств) тайными группами и индивидами без персональной направленности» [7. С. 93]. Один из известных зарубежных политологов, Б. Дженкинс, определил терроризм как «суррогатную войну», под которой понимается специфический способ ведения тайных боевых действий, направленных на устрашение. В контексте подобного понимания изучаемого явления особый интерес представляет концепция «мяжевойны», сформулированной Е. Месснером, который доказывает, что в двух мировых и многих локальных войнах XX в. родилась и развивалась Всемирная революция, субъектами которой выступают народные движения. В данном типе войны оружие и войско не имеют решающего значения, а только лишь психология мятежной массы.

В этом контексте становится еще более понятной и доступной идея М. Фуко, о которой уже говорилось ранее: физическое насилие уходит на второй план, высвобождая куда более серьезное и опасное насилие над душой. Возвращаясь к Е. Месснеру, следует отметить, что его концепция исходит из приоритета информационно-психологической войны, которая во многом начинает реализовываться в действительности. Ведь как уже отмечалось, для терроризма важен не только сам факт насилия, но и то, что информация об этом факте будет разглашена, только так можно добиться политических целей в современном мире. Именно это отличает традиционную войну от терроризма: в войне всегда существуют две или более противостоящие стороны. Терроризм же, скрываясь, растворяясь в социуме, наносит удары по выбранным объектам, которые напрямую не являются им враждебными (чем, например, могут помешать для осуществления политических целей зрители театра, пришедшие на премьеру, или дети, пришедшие в школу?).

Не смотря на наличие точек соприкосновения между войной и терроризмом, существуют и различия между ними, основанные на правилах ведения военных действий, входящих в международное законодательство в виде различных конвенций. Прежде всего, это иммунитет от нападения, предоставляемый гражданским лицам, не участвующим в военных действиях, запрет на захват мирных граждан, правила общения с захваченными в плен и сдавшимися военнопленными, запрет на репрессии против гражданских лиц и военнопленных, признание статуса нейтральной террито-

рии и ее граждан, неприкосновенность дипломатических лиц и прочих уполномоченных представителей. Исследования же показывают, что террористы за последнюю четверть века нарушили все вышеперечисленные правила.

Распространено в литературе и сравнение терроризма с партизанской войной, которая понимается как военные операции, осуществляющиеся нерегулярными войсками в тылу вражеской армии или местными жителями против оккупационных сил. В таком виде партизанское движение может выступать составной частью боевых действий в качестве народной войны, направленной на защиту территории от захватчиков. Таким образом, партизанская война нацелена на отражение внешней агрессии, однако к данному определению было добавлено дополнительное значение, связанное с борьбой против диктаторских режимов. Постепенно термин размылся настолько, что стало невозможным его размежевание с такими понятиями, как терроризм, национальное движение, социальная революция, сектантское объединение и проч.

На сегодняшний день существует несколько позиций, размежевающих понятие партизанской войны и терроризма. Первая из них основана на разнице в местах дислокации и степени открытости борьбы: если партизаны в основном скрываются в сельской местности, активно организовывая пропаганду и ведя открытую политическую деятельность, то базы террористов располагаются в крупных городах и действуют тайно малыми группами. Кроме того, отмечается, что партизанское движение сохраняет предусмотренные конвенциями правила ведения войны. Таким образом, терроризм отличает принципиальная косвенная направленность, когда цель атаки не соответствует цели всей операции.

Если же говорить об информационной сущности терроризма, то она отличается от сущности как войны, так и партизанского движения, прежде всего тем, что прямые политические цели здесь достигаются опосредованно. Насилие выступает лишь поводом для манипуляций. Так, например, в октябре 2002 г. при захвате театра на Дубровке пострадали люди, которые не являлись врагами для захвативших их террористов, они лишь выступили жертвами внешних по отношению к ним политических разборок. Иными словами, терроризм всегда носит информационный характер, независимо от того, идет ли речь о глобальных событиях, или о событиях локального характера, потому что главная задача – манипуляция (либо в виде запугивания населения для порождения паники и истерии, либо в виде прямых угроз, выраженных в захвате заложников и т. д.). Таким образом, фундаментальное отличие терроризма от прочих видов насильственной политической борьбы заключается в том, что он располагается на грани, так как для достижения реальных политических целей использует насилие против мирных граждан.

Более того, если говорить о схожести терроризма и современных информационных систем, то их роднит глобальность и сетевая структура. Первое находит выражение в том, что терроризм не знает границ, он в равной степени распространен по всему миру, способом же реализации этой глобальности выступает разветвленная сетевая организация, которая обладает определенной идеологией и отработанным механизмом рекрутирования. Важным условием для осуществления террористических актов выступает наличие жесткой организационной структуры, позволяющей координировать действия множества мелких и незаметных группировок, а также единство действия, обеспеченного масштабностью подобных структур.

Информационные войны и сопутствующий им терроризм, использующий Mass Media как полигон для распространения своих убеждений и отстаивания интересов, влияют непосредственно на количество информации, распространяемой в обществе. Однако в то же время индивид в этом огромном пространстве доступных данных не способен самостоятельно ориентироваться, потому что Mass Media представлены сегодня в виде инструмента для конструирования реальности, обладающей видимой очевидностью. Задача этой реальности не быть отражением истины, но скрывать ее, осуществляя тем самым «мягкую власть», которая стремится подчинить человека чуждым ему убеждениям. Недаром центральным звеном в постмодернистской коммуникации выступает си-

мулякр (Ж. Бодрийяр [8]) – знак, призванный скрыть отсутствующее значение.

Сотканная из подобных знаков современная информационная политическая реальность уподобляется Покрывалу Майя (в индийской философии данный образ выступает визуализацией представления о том, что все вокруг является иллюзией, которую человек натягивает на окружающий мир, скрывая от себя самого подлинную реальность). Информационные войны, будучи направлены на создание плотного слоя дезинформации (которую также называют черным пиаром), порождая множественность трактовок одного и того же политического явления, еще больше запутывают индивида.

Еще сложнее дело обстоит с качеством информации, когда речь заходит о терроризме, потому что в данном случае поднимаются не только вопросы «чистоты» фактов (как раз в данном контексте характерно стремление освещать события максимально достоверно без лишних интерпретаций), сколько о способах их возникновения. Ведь насилие в данном случае используется против людей, не принимающих активное участие в политическом процессе, но ставших невольным проводником, ступенью для достижения власти. Таким образом, сегодня нельзя говорить о переходе количества информации в ее качество, особенно это касается Mass Media (в том числе, безусловно, и сети Интернет), так как, по сути, они выступают полигоном для политических игр, в задачи которых входит не показать реальность, а исказить ее в ту или другую сторону.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Патнэм Х. Разум, истина и история. – М.: Праксис, 2002. – 296 с.
2. Бурдые П. О телевидении и журналистике. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры» Институт экспериментальной социологии, 2002. – 160 с.
3. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2004. – 571 с.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать. – М.: Ad Magrinem, 1999. – 478 с.
5. Laqueur W. New Terrorism. – NY; Oxford: Oxford University Press, 1977. – 290 p.
6. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 35–40.

7. Антипенко В.Ф. Использование в современном терроризме военных методов борьбы как фактор, определяющий необходимость активизации международного антитеррористического сотрудничества // Консолидация усилий правоохранительных органов стран СНГ – основа противодействия транснациональной преступности. – Минск: Тэхалопя, 2001. – С. 93–101.
8. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. – М.: Академический проект, 2007. – 336 с.

Поступила 04.09.2013 г.

TERRORISM IN THE INFORMATION SPACE

A.P. Chubik

Tomsk polytechnic university

E-mail: chubikap@tpu.ru

In spite of obvious changes in social and information media which took place in the last years and taking into consideration the relative absence of large scale social cataclysms, information wars and information terrorism related to it influence considerably the minds of people. In pursuit of power the leaders and outsiders of political process strive to prove their rightness by all available means. The cheapest and the most effective of such means is global information field which is formed by mutual efforts of mass media and Internet where the observed presence of reality hides the true state of things forming it at the same time.

The main aim of the study is to consider the nature of information terrorism.

The methods used in the study: a comparative analysis of information terrorism, war and the guerrilla movement.

Conclusion: The author has substantiated the thesis that information warfare is associated with the constant reproduction of conflict situations, has disclosed information essence of terrorism. The conclusion was made on fundamental difference of terrorism and other types of violent political struggle.

Key words:

Information, power, terrorism, globalization, information space, information terrorism, information warfare.

REFERENCES

1. Patnem H. *Razum, istina i istoriya* [Mind, truth and history]. Moscow, Praksis, 2002. 296 p.
2. Burdye P. *O televidenii i zhurnalistike* [On television and journalism]. Moscow, Research Foundation «Pragmatics of Culture» Institute of Experimental Sociology, 2002. 160 p.
3. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom]. Moscow, AST, 2004. 571 p.
4. Fuko M. *Nadzirat i nakazyvat* [Discipline and Punish]. Moscow, Ad Magrinem, 1999. 478 p.
5. Laqueur W. *New Terrorism*. New York; Oxford, Oxford University Press, 1977. 290 p.
6. Avdeev Yu.I. *Terrorizm kak sotsialno-politicheskoe yavlenie* [Terrorism as a socio-political phenomenon]. *Sovremenny terrorism: sostoyanie i perspektivy* [Modern terrorism: Status and Prospects]. Moscow, Editorial URSS, 2000. pp. 35–40.
7. Antipenko V.F. *Ispolzovanie v sovremennom terrorizme voennykh metodov borby kak faktor, opredelyayushchiy neobkhodimost aktivizatsii mezhdunarodnogo antiterroristicheskogo sotrudnichestva* [Using modern methods of combating terrorism military as the factor determining the need to strengthen the international anti-terrorist cooperation]. *Konsolidatsiya usilij pravookhranitelnykh organov stran SNG – osnova protivodeystviya transnatsionalnoy prestupnosti* [Consolidation of law enforcement efforts of the CIS is the basis of combating transnational crime]. Minsk, Tehalopya, 2001. pp. 93–101.
8. Bodriyar Zh. *K kritike politicheskoy ekonomii znaka* [Critique of Political Economy sign]. Moscow, Academic Project, 2007. 336 p.

УДК 502:101.1:316(075.8)

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ГУМАНИЗМЕ

Е.В. Рубанова

Томский политехнический университет

E-mail: rubanowaelena@tpu.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью исследования экологического сознания и формирования гуманистического отношения к Природе в условиях постиндустриального состояния общества.

Цель работы: рассмотреть содержание экологического гуманизма в изменяющихся геополитических условиях.

Методы исследования: метод логико-исторического и системно-деятельностного анализа.

Результаты: показано, что формирование концепции экологического гуманизма тесным образом связано с антропологическими проблемами освоения природы. Акцентируется внимание на связи процесса формирования экологического гуманизма с формированием основных принципов экологической этики. Рассмотрены проблемы формирования экологического гуманизма в их взаимосвязи с нравственным гуманизмом. Представлены различные точки зрения понимания современного состояния взаимоотношения Человека и Природы в контексте его нравственно-этической интерпретации и преемственной связи с традициями гуманизма, корни которого уходят в ранние философские течения. Показано, что содержание экологического гуманизма включает в себя элементы не только философии, но и искусства, религии, науки, политики.

Ключевые слова:

Человек, Природа, императив, нравственный императив, экологический императив.

Современные экологические проблемы привлекают специалистов различных направлений.

В философии рассматриваются наиболее общие социокультурные возможности характеристики экологической проблематики с позиции абстрактных решений. Намечаются пути методологических вариантов нравственно-этических подходов. Проводится некоторое размежевание социал-гуманизма и рефлексивного гуманизма [1]. Не вдаваясь в дискуссию, которая возникла между А.А. Кудишиной и С.С. Перуанским по проблемам природы гуманизма, остановимся на своем видении вопроса экологического гуманизма.

В истории человечества этика никогда не была оторвана от антропологических проблем освоения природы. Довольно часто древние философы призывали людей для обретения гармонии с природой поступать так, как поступают животные. На этом основании базировалось и построение социальных систем.

В современных условиях, когда человек располагает огромными возможностями и может сделать с природной средой очень многое по-своему усмотрению, во весь рост встала проблема ответственности человека за природу и установления гармонических отношений с нею. Повышенный интерес к данной проблеме, как совершенно справедливо отмечает В.А. Решетников, связан «с резким изменением геополитической ситуации, устранением бинарной оппозиции сверхдержав и выстраиванием нового миропорядка. Элиминирование прежнего образа врага (хотя инерция и сохранилась) и деконструкция силового противостояния привели к резкому усилению контактов на государственном и гражданском уровне, и тем самым укреплялась почва для взаимопонимания» [2. С. 120].

Решение проблемы гармонизации отношений Общества и Природы связано с новым направлени-

ем этики, получившим название – экологическая этика [3–9].

Основные принципы и нормы экологической этики формировались в структуре культурологической картины мира. Своими корнями они уходят в мифологию, религию, античную философию. Это, прежде всего ответственность человека за преобразуемую природу, а также любовь к природе, выработка в конечном итоге гуманистического мировоззрения в системе Человек–Природа.

Различные философские концепции по-разному понимали сущность самого гуманизма. Он мог быть деструктивным и конструктивным. В свое время М. Хайдеггер в работе «Письмо о гуманизме» подверг критике понятие гуманизма в западной культуре Нового времени. Он пишет: «Если же люди понимают под гуманизмом вообще озабоченность тем, чтобы человек освободился для собственной человечности и обрел в ней свое достоинство, то, смотря по трактовке «свободы» и «природы» человека, гуманизм окажется разным. Различаются и пути к его реализации. Гуманизм Маркса не нуждается ни в каком возвращении к античности, равно как и тот гуманизм, каковым Сартр считает экзистенциализм. В названном широком смысле христианство тоже гуманизм, поскольку согласно его учению все сводится к спасению души (*salus aeterna*) человека и история человечества разворачивается в рамках истории спасения. Как бы ни были различны эти виды гуманизма по цели и обоснованию, по способу и средствам осуществления, по форме своего учения, они все сходятся на том, что *humanitas* искомого *homo humanus* определяется на фоне какого-то уже утвердившегося истолкования природы, истории, мира, мироздания, т. е. сущего в целом» [10. С. 196–197]. Если Человеку разрешать делать все, что он пожелает, – это еще не гуманизм. С точки зрения М. Хайдеггера, философия антропоцентризма не

способна решать проблемы гуманизма. Истинный гуманизм должен преследовать принципы коэволюции человеческого общества и природы.

Современный век характеризуется тем, что с уменьшением насилия Человека над Человеком, благодаря достижениям науки и техники, увеличивается давление Человека на Природу. Появилось противоречие – эксплуатация Человека Человеком была вытеснена эксплуатацией Человеком Природы. В конечном итоге, это порождает не только экологические, но и политические, экономические, социальные кризисы [11, 12 и др.]. В этих условиях появилась необходимость в формировании новой парадигмы в отношении Человека к Природе, новой концепции экологического гуманизма.

В условиях постиндустриального общества, когда прагматизм и агрессивно-потребительская ориентация в использовании природной среды стали превалировать, Человек не задумывается о последствиях. Проблемы взаимоотношения Человека и Природы все больше приобретают нравственные аспекты.

Близким к позиции М. Хайдеггера является философский взгляд на поднимаемую проблему А. Швейцера, который считал, что культура не может быть оторванной от этики. Конечной целью развития человеческого общества должно быть духовное и нравственное совершенство индивида. Возрождая древний принцип ахимсы, обозначающий такое поведение человека, которое не приносит боли и зла, А. Швейцер утверждал, что для истинно нравственного человека всякая жизнь священна, даже та, которая стоит ниже человеческой. «Как много делаем мы еще зла, когда подвергаем животных ужасным мукам, чтобы продемонстрировать студентам и без того хорошо известные явления! Именно благодаря тому, что животное, используемое в качестве подопытного, в своей боли стало ценным для страдающего человека, между ним и человеком установилось новое, единственное в своем роде отношение солидарности. Отсюда вытекает для каждого из нас необходимость делать по отношению к любой твари любое возможное добро...

Там, где животное принуждается служить человеку, каждый из нас должен заботиться об уменьшении страданий, которые оно испытывает ради человека. Никто из нас не имеет права пройти мимо страданий, за которые мы, собственно, не несем ответственности, и не предотвратить их. Никто не должен успокаивать себя при этом тем, что он якобы вынужден будет вмешаться здесь в дела, которые его не касаются. Никто не должен закрывать глаза и не считаться с теми страданиями, которых он не видел. Никто не должен сам себе облегчать тяжесть ответственности. Этика благоговения перед жизнью не позволяет нам молчаливо согласиться с тем, что мы уже якобы не переживаем то, что должны переживать мыслящие люди. Она дает нам силу взаимно поддерживать в этом страдании

чувство ответственности и бесстрашно говорить и действовать в согласии с той ответственностью, которую мы чувствуем. Эта этика заставляет нас вместе следить за тем, чтобы отплатить животным за все причиненные им человеком страдания доброй помощью, и таким путем избавить их хотя бы на мгновение от непостижимой жестокости жизни» [13. С. 234].

Этимологический смысл самого понятия «гуманизм» восходит не только к понятию «*hoto*» – «человек», но и к понятию «*гумус*» – «земля». Таким образом, гуманизм понимается как земной, экологический, да и само понятие «экология» есть учение о взаимоотношениях живого с окружающей средой; экология человека рассматривает взаимоотношения человеческого общества и окружающей среды. По своей сущности человек должен соединяться с природной средой. Человек может выбирать различные пути своей жизнедеятельности: технологический или экологический.

Современные эколого-социальные кризисы в своем разрешении требуют практического гуманизма. Такая задача не под силу одной отдельно взятой общественной системе. Это может решиться выработкой всецивилизационных подходов. При этом сохраняются как этнические, культурные, так и политические своеобразия. Построение глобальной культуры, парадигмы экологического мировоззрения не лежит через подавление одного культурного или рационального конструирования другим. Он основывается на сближении всех вариантов человеческих представлений о месте и назначении человека, его сущности и отношения к окружающей среде.

Современная экологическая парадигма должна формироваться на основе преемственности с традициями гуманизма, основоположниками которого были Конфуций, Сократ, Христос, философы Возрождения и представители русской науки и культуры. Экологический гуманизм должен вобрать в себя содержательные элементы искусства, религии, философии, морали, науки, политики.

Принцип ахимсы, который должен быть положен в основу экологической этики, требует принципиального изменения подходов как к природе, к людям, так и к Универсуму.

Экологический гуманизм напрямую связан с пониманием ноосферного мышления, ноосферного гуманизма, актуальность которых была представлена в русской философии В.И. Вернадским, А.А. Богдановым, Н.А. Умовым, А.Л. Чижевским и др. Анализ проблем формирования ноосферного мышления рассматривается в работе «Преемственность научных идей в контексте экологического сознания» [14].

Проблема экологического гуманизма связана с формированием экологического императива как основополагающей установки в поведении Человека по отношению к Природе. Экологический императив, с нашей точки зрения, переплетен с нравственным императивом. Это проблема достаточно

сложная. Ее решение лежит через научное понимание феномена человека.

Формирование экологического императива обосновано переходом человечества в эпоху ноосферы, которая предполагает кардинального изменения мышления Человека, включение научного знания во все области человеческой деятельности, в том числе и во взаимоотношения Человека и Природы.

По своей сути императив есть своего рода запрещение, это некоторый тормоз в определенной деятельности и отношениях. И это достигается не путем нагнетания противоречий, а путем компромиссов. Проблеме формирования экологического императива и его соотношения с нравственным императивом большое место в своих работах отводил Н.Н. Моисеев. Формирование экологического императива связано с созданием особого «инструментария кооперативного взаимодействия». А это значит определить цели развития общие для планеты, создать определенную стратегию направленного развития биосферы и согласованного с этим поведения отдельных стран, групп людей и т. д., формировать системы коллективного интеллекта [15. С. 271].

Экологический гуманизм основан на коэволюции человека и природы, на признании равноценности всего живого, ненасильственного отношения одного живого вида по отношению к другому. Однако современные экологические кризисы являются следствием господства Человека над Природой. В развитии человеческого общества господствовали тенденции освобождения Человека от природного влияния, и это ему в определенной сте-

пени удалось: он создает вторичную природу, все больше и больше вмешивается в природные процессы, становясь геологической силой. И это привело его к дилемме – или господствовать, или выживать. Антропологические последствия таковы, что Человек изменил к худшему состояние субстрата, из которого вышел, а именно, Биосферу [11, 12 и др.]. Выход из существующего положения – это гармонизация отношений между Человеком и Природой через экологический гуманизм.

Основные принципы экологического гуманизма содержат в себя следующие элементы:

1. Гармония человека с природой.
2. Равноценность всего живого.
3. Ненасилие.
4. Самоограничение вместо потребительства.
5. Необходимость нравственного совершенствования личности.
6. Личная ответственность за мир.
7. Сохранение разнообразия природы, человека и культуры.

Таким образом, в экологическом гуманизме Человек приходит к осознанию бытия не только со стороны абстрактно-теоретической, но и с практической. Духовное совершенствование Человека лежит через понимание экологического гуманизма. Нельзя быть духовно богатым и уничтожать дом, в котором живешь.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Наука», тема № 6.2158.2011 «Исследование теории адаптации науки и высшего профессионального образования в условиях инновационных преобразований общества».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кудишина А.А. Гуманизм – феномен современной культуры. – М.: Академический Проект, 2005. – 504 с.
2. Современный гуманизм: проблемы и перспективы. Сб. науч. трудов / под ред. В.А. Решетникова. – Иркутск: ИГУ, 2004. – 462 с.
3. Бореико В.Е. Прорыв в экологическую этику. 5-е изд., доп. – Киев: Логос, 2013. – 168 с.
4. Kolbuszewski J. Ochrona przyrody a kultura. Wrocław: Zakład, 1992. – 206 p.
5. Gunn A. Environmental ethics and trophy hunting // Ethics and environmental. – 2001. – № 6. – С. 68–95.
6. Safaro P. Thoreau, Leopold and Carson: toward an environmental virtue ethics // Environmental ethics. – 2001. – Т. 22. – № 1. – С. 3–17.
7. Эренфельд Д. Дилемма сохранения природы // Экологическая антология. – М.; Бостон: Голубка, 1992. – С. 89–101.
8. Birnbacher D. A priority rule for environmental ethics // Environmental ethics. 1982. – Т. 4. – С. 3–16.
9. Леопольд О. Календарь песчаного графства. – М: Мир, 1980. – 216 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
11. Julien C. Le suicide des democraties. Paris, 1972. – 215 p.
12. Poniatowski M. L'avenir n'est ecrit nulle part. Paris: A. Michel, 1978. – 431 p.
13. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992. – 572 с.
14. Рубанов В.Г., Рубанова Е.В. Преемственность научных идей в контексте экологического знания. – Томск: ТМЛ-Пресс, 2008. – 248 с.
15. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 351 с.

Поступила 09.08.2013 г.

ON THE ISSUE OF ECOLOGICAL HUMANISM

E.V. Rubanova

Tomsk Polytechnic University
E-mail: rubanowaelena@tpu.ru

The relevance of the study is caused by the necessity to investigate ecological sense and formation of humanistic attitude to Nature in postindustrial society.

The aim of the study is to clear up the content of ecological humanism within the changing geopolitic conditions.

Methods of researching: logical historical and system-pragmatic.

The results of the study: it was shown that the formation of concept of ecological humanism is tied to anthropologic problems of nature reclaiming. The link of ecological humanism formation and formation of ecological ethics main principles is emphasized. The paper considers the problems of ecological humanism formation in their connection with a moral humanism. The paper introduces different standpoints of understanding modern conditions of Person–Nature relations within its ethical interpretation and successive connection with humanism traditions, which is based on early philosophical stream. It was shown that the content of ecological humanism includes not only philosophical elements but also elements of religion, science, and politics.

Key words:

Man, Nature, imperative, moral imperative, ecological imperative.

REFERENCES

1. Kudishina A.A. *Gumanizm – fenomen sovremennoy kultury* [Humanism – phenomenon of modern culture]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2005. 504 p.
2. *Sovremenny gumanizm: problemy i perspektivy* [Modern humanism: problems and perspectives]. *Sbornik nauchnykh trudov* [Selected papers]. Ed. by V.A. Reshetnikova. Irkutsk, IGU, 2004. 462 p.
3. Boreyko V.E. *Proryv v ekologicheskuyu etiku* [Breakthrough into ecological ethics]. Kiev, Logos, 2013. 168 p.
4. Kolbuszewski J. *Ochrona przyrody a kultura*. Wroclaw, Zaklad, 1992. 206 p.
5. Gunn A. Environmental ethics and trophy hunting. *Ethics and environmental*, 2001, no. 6, pp. 68–95.
6. Cafaro P. Thoreau, Leopold and Carson: toward an environmental virtue ethics. *Environmental ethics*, 2001, vol. 22, no. 1, pp. 3–17.
7. Erenfeld D. Dilemma sokhraneniya prirody [Dilemma of nature preservation]. *Ekologiceskaia antologiya*. Moscow; Boston, Golubka, 1992, pp. 89–101.
8. Birnbacher D. A priority rule for environmental ethics. *Environmental ethics*, 1982, vol. 4, pp. 3–16.
9. Leopold O. *Kalendar peschanogo grafstva* [Calendar of Sand County]. Moscow, Mir, 1980. 216 p.
10. Khaydegger M. *Bytie i vremia* [Genesis and time]. Moscow, Respublika, 1993. 447 p.
11. Julien C. *Suicide of democracy* [Le suicide des democracies]. Paris, 1972. 215 p.
12. Poniatowski M. *The future is not described anywhere* [L'avenir n'est écrit nulle part]. Paris, A. Michel, 1978. 431 p.
13. Shveytser A. *Bogovolenie pered zhiznyu* [Wonder to life]. Moscow, Progress, 1992. 572 p.
14. Rubanov V.G., Rubanova E. V. *Preemstvennost nauchnykh idey v kontekste ekologicheskogo znaniia* [Succession of science conception in sphere of ecological knowledge]. Tomsk, TML-Press, 2008. 248 p.
15. Moiseev N.N. *Chelovek i noosfera* [Human and noosphere]. Moscow, Molodaya Gvardiya, 1990, pp. 271

УДК 658.512.23: 101.1

ВЛИЯНИЕ ЦЕЛЕВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРМИНОВ В ДИЗАЙНЕ

А.П. Соколов

Томский политехнический университет
E-mail: iscanderaga@rambler.ru

Актуальность работы связана с необходимостью исследования механизмов формирования терминов в условиях бурного развития дизайна в современном обществе и становления науки дизайна.

Целью работы является изучение влияния целевой составляющей на терминологический аппарат дизайна.

Методы исследования: Используются методы семиотики для вербальных и визуальных знаковых систем, методы системного анализа и культурно-исторические методы.

Результаты: Доказано, что точность терминов зависит от цели, определяется уровнем развития технологий и уровнем культуры. Выявлена специфика вербального и визуального термина. Термины должны соответствовать среде их функционирования. Они должны изменять свою форму, расширяя визуальное содержание и уточняя целевую составляющую. При вступлении человечества в постиндустриальную фазу настолько изменяется роль дизайна, что его терминологический аппарат превращается в инструмент обеспечения информационно-психологической безопасности общества за счёт повышения его культуры.

Ключевые слова:

Термин, дизайн, точность, цель, общество.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что с каждым годом дизайн завоевывает новые позиции, включаясь во всё большее количество областей деятельности человека и становясь неотъемлемой частью его бытия. При изучении происходящих в дизайне процессов используются термины, которые ввиду недостаточной точности принимаются не всеми дизайнерами. В связи с этим возникает необходимость философского осмысления происходящего процесса в области становления терминологического инструментария – базовой составляющей дизайна как науки и как средства общественных коммуникаций.

Целью данной статьи является определение основных факторов, влияющих на точность формирующихся терминов, учитывающих специфику природы дизайна, и на основе полученных сведений разработать рекомендации по совершенствованию терминологического инструментария дизайнера.

Задачи исследования: изучение процесса формирования термина; определение главных факторов, влияющих на точность терминов; выработка методологии совершенствования терминологического инструментария; адаптация формируемых терминов к теории и практике дизайна.

Используются методы семиотики для вербальных и визуальных знаковых систем, методы системного анализа и культурно-исторические методы.

Приведём два варианта формулировки самого понятия «термин».

«Термин (от лат. *terminus* – предел, граница) – слово или словосочетание, являющееся названием некоторого понятия какой-нибудь области науки, техники, искусства и т. п. * ... термины в пределах сферы применения однозначны и лишены экспрессии. Термины ... входят в конкретную лексическую систему языка, лишь через посредство конкретной терминологической системы ...» [1].

«Термин (лат. *terminus* – предел, граница) – слово или словосочетание, обозначающее эмпирические или абстрактные объекты, значение которого уточняется в рамках научной теории.* Среди логических принципов образования Т. в качестве основных выделяют: 1) принцип предметности; 2) принцип однозначности; 3) принцип осмысленности. Т. должен не только передавать информацию о содержании понятия, но и по возможности указывать на его место в системе подобных понятий, облегчать вход в систему, взаимопонимание, запоминание и применение. Создание нового Т. означает введение понятия в автоматическую систему коммуникации, лишение его образности ...» [2. С. 204].

При явных различиях в формулировках в них есть общее: термин включает название и определение (формулировку). Название – это слово или сочетание слов, а определение содержит две части: ограничительную (до знака *) и пояснительную (после знака *). Пояснительная часть, как правило, является методикой применения термина. Пояснительная часть зависит от формата источника, в котором размещается описание термина. Если пояснительная часть имеет достаточный объём, то из формулировки термина можно составить представление о цели, ради которой введён термин. Название термина может соответствовать цели его введения, а может и не соответствовать. Например, «кибернетика (от др.-греч. *κυβερνητική* – «искусство управления») – наука об общих закономерностях процессов управления и передачи информации в различных системах, будь то машины, живые организмы или общество» [1]. Владеющий греческим языком исследователь сразу поймёт из названия, что термин введён для использования в области изучения процессов управления. Противоположная ситуация с термином «информатика». «Информатика (от информация и автоматика) – наука о методах и процессах сбора, хранения, обработки, анализа и оценки информации, обеспечи-

вающих возможность её использования для принятия решений. Она включает дисциплины, относящиеся к обработке информации в вычислительных машинах и вычислительных сетях: как абстрактные, вроде анализа алгоритмов, так и конкретные, например разработка языков программирования и протоколов передачи данных» [1]. Узловой точкой здесь является выражение «для принятия решений». Если заменить это словосочетание на выражение «для управления», то формула термина «информатики» превращается в формулу термина «кибернетика», т. е. это фактически два названия одной и той же науки. Для чего было сделано это замещение? Это будем выяснять позже, а пока часть формулы термина, поясняющей цель его введения, будем называть «целевая составляющая термина» (в дальнейшем без кавычек). В приведённом примере термин «кибернетика» имеет чёткую целевую составляющую, а в термине «информатика» целевая составляющая размыта. Иными словами, в этом термине форма (название) не соответствует содержанию (описанию).

При исследовании процессов формирования терминов в естественных науках выявлено, что существуют два процесса: процесс усиления целевой составляющей и противоположный ему процесс размывания целевой составляющей термина [3]. Так как результаты естественных наук находят применение в технике, то первый процесс обусловлен усложнением технических систем, что повышает требования к точности используемых терминов и, соответственно, к усилению их целевой составляющей. Второй процесс связан с тем, что нейтральной науки не бывает. Результаты развития наук затрагивают отношения в обществе, интересы его частей. Главным здесь является вопрос о власти, об управлении. Именно суть этого вопроса размывается, искажается, что находит отражение в описании терминов. Сказанное очевидно, если сравнить описание терминов «кибернетика» и «информатика». Таким образом, можно констатировать, что на точность термина влияет развитие области, в которой он находит применение, а также общественные отношения.

Факторы, влияющие на формирование терминов в дизайне

Если исходить из приоритетности цели исследования, то факторы, влияющие на точность терминов, можно расположить по убыванию значимости в следующем порядке: цель введения термина, развитие технологий, роль культуры.

Проанализируем влияние целевой составляющей на точность терминов в дизайне. Дизайн интегрален по своей сути, т. к. имеет признаки и общественных, и естественных наук. Это молодая наука, находящаяся на допарадигмальном уровне развития [4]. Учитывая указанную специфику дизайна, формулируемые в нём законы нельзя подавать в виде, аналогичном естественнонаучным законам, которым имманентно присуща независи-

мость от воли человека. Поэтому при изучении процесса формирования терминов в дизайне следует применять методы системного анализа и культурно-исторические методы. Методы системного анализа требуют сопоставления устоявшихся формул терминов, выработанных авторами, практикующими в различных видах дизайна, и определения закономерностей формирования этих терминов. Исторический метод позволяет на основе изучения тенденций формообразования терминов в других науках, находящихся на парадигмальном уровне развития, делать прогнозы по развитию терминов в дизайне, находящемся на допарадигмальном уровне, тем самым способствуя его развитию как науки.

Проанализируем термин «дизайн». Корни этого слова можно найти в разных языках. В латинском языке слово «designatus» означает: намеченный, предусмотренный, назначенный. В итальянском языке слово «disegno» – это выражение художественного творчества посредством рисунка. Во французском языке имеется два слова: «dessin» (*рисунки*) и «dessein» (*замысел*), а в английском языке дизайн – это и существительное (замысел, план, намерение, цель, интрига, чертёж, эскиз, набросок, рисунок, узор, модель, композиция), и глагол (задумывать, придумывать, разрабатывать, замысливать, проектировать; конструировать, делать эскизы, наброски, создавать узоры и т. п.). Из сравнения приведённых слов можно утверждать, что в соответствии с названием термин «дизайн» хорошо подходит для обозначения явления, в котором объединены две вещи: проект (проектирование, замысел) и искусство (художественное творчество, рисунок, узор, композиция). Или коротко, дизайн – это проект с элементами эстетики. Т. е. в узком смысле слова, «дизайн – художественное конструирование» [5. С. 1325]. При неизменном названии термина «дизайн» он изменяет своё описание в зависимости от области и цели применения. Ведущие теоретики и практики дизайна определяют дизайн как:

- философию: «Место, которое мы отводим дизайну в мире, зависит от того, как мы понимаем этот мир» (Томас Мальдонадо);
- творчество: «... дизайн, это образ жизни и мысли. Дизайнер делает из хаоса порядок. Он владеет умами. Он создает настроения...» (Артемий Лебедев);
- деятельность: «Дизайн – это создание всей предметно-пространственной среды, всей визуально воспринимаемой среды» (Джио Понти);
- процесс: «Дизайн – это процесс производства вещей, мудрое и творческое решение человеческих проблем» (Брайен Хорриган);
- проектное мышление: «Дизайн остается профессией в узком смысле, мастерской изобретений, которая содействует тому, чтобы быстро развивающаяся индустрия отвечала вопросам формообразования» (Кеби Гантенбай);
- искусство: «Дизайн – выражение замысла. Впоследствии (при соответственно высоком

уровне) он может оцениваться как искусство» (Чарльз Имз);

- самовосприятие и самовыражение: «Дизайн – это средство, пользуясь которым можно воспринять самого себя, и одновременно это средство, пользуясь которым, можно выразить себя для других» (Эллиот Нойес);
- бизнес: «Дизайн – это хозяйство, и как всякое хозяйство оно имеет свои цели и подчиняется определённым законам, а пренебрежение этими законами ведёт к проблемам» (Глазычев В.Л.) [6. С. 125].

При всём различии приведённых определений их объединяет стремление отразить проблему, решению которой способствует термин в предлагаемой автором формулировке. Например, если автор (Томас Мальдонадо) определил дизайн как философию, то соответствующая формулировка отразила один из основных вопросов философии – гносеологический. Если же автор (Глазычев В.Л.) определил дизайн как хозяйство (бизнес), то основное внимание уделено соблюдению законов бизнеса, цель которого – получение прибыли.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что формирование терминов осуществляется под влиянием конкретных целей. Например, с точки зрения проектировки и конструктора – акцентируется проектная часть термина; с т. зр. социолога – в термине выделяется аспект взаимовлияния дизайна и общества; с т. зр. технолога – качественный дизайн невозможен без освоения современных технологий; с т. зр. культуролога – в дизайне проявляются реалии современной культуры. В зависимости от цели исследования актуальной становится какая-либо позиция в дизайне, влияющая на формирование его терминологического аппарата.

Обратим внимание, что в приведённых определениях дизайна разное соотношение между ограничительной и описательной составляющими частями формул. В основном сделан упор на ограничительную часть, и в этом случае целевая составляющая термина размыта. Этот вывод, полученный из сопоставления терминов от разных авторов, в целом ожидаем, так как мы имеем фактически разные термины, имеющие одинаковое название – «дизайн». В теории и практике дизайна из этого затруднения выходят в основном за счёт корректировки названия. Например, вводится «философия дизайна», «дизайн интерьера», «дизайн архитектурной среды» и т. п. В скорректированном названии уже читается область, в изучении которой используется термин, и тем самым фактически уточняется целевая составляющая термина, и в итоге – повышается точность самого термина.

На терминологическую определённую в дизайне влияет развитие технологий. С начала прошлого века и по настоящее время в геометрической прогрессии растёт количество технологий получения различных вещей. Соответственно растёт и число терминов, используемых для коммуникации в технической среде и для научного исследова-

ния происходящего процесса. Появляющиеся термины должны пройти апробацию в научном сообществе, но возможности его ограничены. Возникает противоречие между лавинообразным ростом технологий и линейным ростом возможностей апробации в научном обществе. Это противоречие решают на пути специализации терминов. Этот процесс аналогичен процессу специализации наук, который актуализирует философский анализ развития как самих наук, так и используемых терминов.

На точность терминов в дизайне влияет изменение роли культуры, связанное с переходом от традиционных культур с замедленным темпом развития к техногенным цивилизациям, характеризующимся лавинообразным ростом технологий. Если в традиционных обществах термины являются в основном средством коммуникации, то в техногенных цивилизациях функции терминов расширяются – они становятся инструментом познания. В традиционном обществе термины находятся под влиянием его культуры, которая постоянно корректирует термины на соответствие традиционным формам. В техногенных цивилизациях термины «освобождаются» от власти культуры. Целью общества становится его развитие, что отражается на терминах. Термины проходят всё менее слабую культурную корректировку и всё больше отвечают задачам развития общества. Соответственно должна усиливаться целевая составляющая терминов, но это происходит не всегда, так как на формирование терминов осуществляют воздействие общественные отношения.

Влияние визуальной информации на формирование терминов в дизайне

Проанализируем теперь влияние факторов на точность терминов в дизайне с учётом его специфики, выражающейся в том, что дизайн во многих своих видах имеет дело с визуальной информацией. Систематизация и анализ этой информации требует выработки определённой методологии, создания определённого инструментария, основной частью которого является терминологический инструментарий. Возникает вопрос: при каких условиях используемые в дизайне визуальные знаки, осуществляющие коммуникацию, могут выполнять роль специфических терминов, которые не просто осуществляют коммуникацию, но несут познавательную функцию, обращаясь непосредственно к нашему сознанию? То есть необходимо определить условия, при которых визуальные знаки выполняют функцию «визуальных терминов» (далее без кавычек). Основное внимание при этом будет уделяться выполнению принципа однозначности термина.

Термин является одним из инструментов работы с информацией, поэтому формирование терминов зависит от законов преобразования информации. Р. Якобсон, изучавший движение информации, развил идею о кодировании информации, в

соответствии с которой в качестве канала связи между адресантом и адресатом могут выступать все коммуникационные структуры – от телефонного провода до языка и объектов культуры [7]. При таком подходе любая вещь может выступать элементом коммуникационной структуры, и при этом она «включает в себя как перцептуальные (непосредственно воспринимаемые) физические свойства, так и её культурные, символические смыслы, которые генерируются и транслируются в процессе её познания-освоения» [8]. Ю. Лотман выявил различия информационных сообщений, разделив их на два вида: вербальный текст (письмо) и иконическое сообщение (рисунок) [9]. Аналогично используемые в дизайне термины могут иметь вербальное содержание (вербальный контент) и визуальное содержание (иконический контент).

Усиление визуального содержания термина по отношению к вербальному содержанию постепенно приводит к доминированию визуального содержания в такой степени, что можно говорить о визуальном термине. Особенно правомочно это в отношении товарных знаков. «Товарный знак (также *Товарная марка*, англ. *Trademark*) – обозначение (словесное, изобразительное, комбинированное или иное), служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей» [1]. На современном этапе развития товарных знаков в них всё большее значение приобретает изобразительное обозначение. Товарный знак всё больше становится визуальным знаком, имеющим признаки термина. Не смотря на то, что в определении товарного знака всё чаще употребляется слово «термин», между товарным знаком и термином сохраняются различия. Создание товарного знака похоже на поиск формулы изобретения. В обоих случаях идёт поиск такой взаимосвязи существенных признаков, которая патентуется. Но патентуется частное решение (рисунок), а термин является обобщением (образом).

Итогом развития товарного знака является бренд, который по своей сути остаётся знаком. «Бренд – это торговая (товарная) марка, идентифицируемая массовым сознанием» [1]. Знак этот визуальный. Различие между визуальным знаком (брендом) и термином заключается в различии целей, для которых они вводятся. Бренд вводится в оборот для различения производителей, а термин – для изучения какого-то явления.

Во многих видах дизайна работа идёт со зрительной информацией. Часто возникает необходимость обобщения этой информации. Например, определение стиля объекта или выполнение его стилизации. Выявление стиля может строиться двумя путями. Первый путь – создаётся видеоряд из образцов, наиболее точно характеризующих данный стиль, и этот видеоряд превращается в своеобразный визуальный термин, с которым можно оперировать, например, классифицировать объекты или изучать закономерности их формирования.

Второй путь – выделяются наиболее характерные визуальные признаки стиля. Эти признаки в совокупности также превращаются в визуальный термин. Определение конкретного стиля – это «визуальный термин», так как базируется он на обобщении видеорядов большого количества объектов, соответствующих этому стилю. Создание образа конкретного стиля, его определение – это создание определённой матрицы, с помощью которой определяется соответствие конкретного объекта данному стилю и облегчается генерация образов новых объектов в этом стиле.

Можно утверждать, что многие термины, используемые в дизайне, являются визуальными. Например, термин «модерн». Можно взять определение из любого источника, например из (Википедии) [1]. В вербальном варианте он звучит так: «**Модерн** (от фр. *moderne* – современный), **ар-нуво** (фр. *art nouveau*, букв. «новое искусство»), **югенд-стиль** (нем. *Jugendstil* – «молодой стиль») – художественное направление в искусстве, наиболее распространённое в последней декаде XIX – начале XX вв. (до начала Первой мировой войны). Его отличительными особенностями является отказ от прямых линий и углов в пользу более естественных, «природных» линий, интерес к новым технологиям (например, в архитектуре), расцвет прикладного искусства» [1]. Можно, ли этот термин в указанном виде использовать как инструмент? Однозначно – нет! Ограничительная часть содержит «...отказ от прямых линий и углов в пользу более естественных, «природных» линий ...», но этот «отказ» с равным правом можно отнести и к барокко, и к рококо, т. е. приведённый термин в вербальном виде не удовлетворяет принципу однозначности и, соответственно, не является термином. В той же Википедии статья под названием «Модерн» сопровождается картинками. Их много, но среди них есть образцы, т. е. такие, которые наиболее точно характеризуют модерн. Сведя такие картинки в видеоряд с названием «Модерн» и дополнив фразой «отличительными особенностями является отказ от прямых линий и углов в пользу более естественных, «природных» линий, интерес к новым технологиям (например в архитектуре), расцвет прикладного искусства» мы получим визуальный термин, в котором дополнение – это пояснительная часть, а видеоряд – это ограничительная часть. Если расширить пояснительную часть так, чтобы из неё была видна цель введения термина, то мы будем иметь термин с чёткой целевой составляющей, и именно такой, которым можно пользоваться как инструментом. Таким образом, визуальный термин – это блок, содержащий: название; ограничительную часть (видеоряд); пояснительную часть.

На определённости терминов в дизайне оказывают влияние технологии переработки и передачи информации. В дизайне информация в основном зрительная. Обобщения же, составляющие суть дизайна как науки, делаются на вербальном уровне.

не, и строятся они при этом на основе сравнения визуальных рядов. В результате развития компьютерных сетей передача любой визуальной информации не представляет труда. Автоматизируются и процессы обработки информации. Благодаря развитию компьютерных технологий сокращаются сроки проектирования и запуск в производство любых объектов дизайна. Генерация образов объектов дизайна, компьютеризация процессов обработки и передачи информации и производство самих объектов находятся в постоянном взаимодействии. Так, расширение системы образов объектов дизайна ведёт к совершенствованию технологий, а знание технологических возможностей конкретного предприятия направляет развитие образов объектов дизайна в сторону оптимальной их реализации.

Обобщение опыта генерации объектов дизайна, анализ систем обработки информации и развитие производства служат основой для развития дизайна как науки. В науке же в целом в настоящее время происходят кардинальные изменения. Всё больше внимания уделяется визуализации получаемых результатов. Изменяется система доказательства в науке. С одной стороны, решаемые наукой проблемы всё более затрагивают всё общество, и поэтому научная дискуссия всё более выходит за рамки научного общества. С другой стороны, изменились средства коммуникации в обществе. В научном обществе систему доказательства какого-либо научного положения можно упрощённо представить как систему выстраивания последовательной цепи доказательств, и здесь близок по смыслу термин «научная концепция», т. е. объединённая цепь. При этом соседние элементы «цепи-концепции» часто близки настолько, что если мысленно представить эту цепь, то возникнет ощущение движения – своеобразный «эффект кино» – психологический феномен, заключающийся в том, что если зрителю в определённом темпе показать череду близких кадров, то возникает ощущение движения. Различие заключается в том, что в кино мелькание кадров приводит к возникновению нового ощущения – движения, а в научной дискуссии представление «цепи-концепции» с чередованием её звеньев приводит к появлению научного образа.

Выходя за рамки научного общества, научная дискуссия изменяет систему доказательств. Формирование «цепи-концепции» заменяется формированием готового научного образа. Делается это различными методами, но в настоящее время в основном средствами компьютерной анимации. Исходная научная система доказательств с использованием в ней элементов системы культуры в целом (и элементов кодирования в том числе) заменяется анимацией. Компьютерная анимация близка к компьютерному моделированию. Она, используя «картины» реальной природы, позволяет построить «картины», которые в природе не наблюдаются. Так как исходные «картины» отражают реальность, то воспринимаются реально, поэтому полу-

ченные компьютером «картины» тоже создают ощущение реальности. Компьютерное моделирование базируется на создании математических моделей, но математические модели – это всегда упрощение, поэтому в результате компьютерной обработки получается результат часто не адекватно отражающий реальность.

Приведённые закономерности иллюстрируют тенденцию, имеющуюся в научном мире, и проявляются в различных науках. Происходит переход от «вербальной» системы доказательств к визуальной. В области дизайна научная картина строится сразу из сравнения зрительных рядов. Поэтому в дизайне процесс построения научной картины изначально сложнее. Соответственно, сложнее становится построение адекватного понятийного аппарата, и тем большее внимание в дизайне нужно уделять формированию терминов. Поскольку в дизайне основная работа – это работа с образами, то основное внимание оказывается зрительной информации.

Переход от «вербальной» системы доказательств к «визуальной» можно считать новым этапом развития науки. Термины становятся «визуальными», происходит переход к «зрительному» терминологическому пространству. Закономерности у этого пространства другие. Основу «вербальной» системы доказательств составляет язык с его системой кодов. Эта система выстраивается по культурной матрице данного общества, и, возможно, часть информации матрицы передаётся генетическим путём. Формирующаяся «визуальная» система доказательств базируется на зрительной системе кодирования, которая строится частично с использованием информации, передаваемой генетически.

Язык – более позднее изобретение эволюции. Это социальный инструмент. Можно сказать, что язык – вербальная система переработки и передачи информации. Информация выкладывается в цепь, которая напоминает цепь логических рассуждений. Внешнее сходство позволило философам предположить их генетическое родство. Недаром, греческое слово «логос» – это и слово и учение. Формирующаяся в дизайне «визуальная» система доказательств строится принципиально на другой основе. Основным в этом случае является не социальное, а индивидуальное, и это индивидуальное подчинено определённым закономерностям. Такого рода факты необходимо тщательно исследовать при развитии дизайна. Переходя к «визуальной» системе доказательств, мы одновременно переходим в «визуальное» терминологическое пространство.

Оценим влияние технологий на формирование терминов в дизайне. Технологию можно представить как цепь операций, т. е. технологическую цепь. Технологические цепи напоминают логические цепи в науке, т. е. «вербальную» систему доказательств. Условно технологии можно разделить на «линейные», «плоскостные» и «объёмные». В осно-

ве «объёмных» технологий до конца XX в. оставалась такая операция, как литьё. С изобретением 3D-принтера и 3D-сканера ситуация кардинально меняется. В технологической цепи от проектирования до изготовления объекта дизайна участок цепи «идея → эскизный проект → натурная модель» становится полностью автоматизированным, а в целом система становится более адаптированной к автоматизированному производству. Указанный участок становится виртуальным и выпадает из анализа по законам человеческой психики. Соответственно меняется и формобразование терминов в дизайне. По генезису они становятся всё более «визуальными». Уменьшается роль процесса «анализ – синтез» на осознанном уровне. Он переводится на виртуальный уровень, т.е. формализуется и передаётся компьютеру. Логично рассуждая, термины тоже должны быть формализованы.

Видеоряд – это ряд индивидуальных эмоциональных предпочтений, а вербальный ряд – это ряд социально организованных эмоциональных предпочтений. Во многих науках видеоряд – это просто иллюстрация, упрощающая восприятие. В дизайне видеоряд – это основа восприятия, через которую проявляется суть дизайна.

Учитывая сказанное, можно утверждать, что дизайн может выступать не только как простой инструмент визуализации полученных научных результатов, но и как инструмент направления вос-

приятия. А это уже серьёзный вопрос, связанный с обеспечением информационно-психологической безопасности [10]. Так как конструктивное развитие современного общества не может быть без обеспечения информационно-психологической безопасности, то общество должно иметь возможность контроля поступающей информации в плане предотвращения манипуляции общественным сознанием. Важное средство для этого – повышение культуры общества.

Выводы

Термины должны соответствовать среде их функционирования. В дизайне всё большее место занимает обработка визуальной информации, поэтому термины должны изменять свою форму, расширяя визуальное содержание и уточняя целевую составляющую.

В развитии дизайна и его терминологического аппарата находит отражение развитие общественных отношений. Человечество вступает постиндустриальную фазу, в которой формирование психики человека превалирует над формированием физической среды его обитания. В этом историческом повороте настолько изменяется роль дизайна, что его терминологический аппарат превращается в инструмент обеспечения информационно-психологической безопасности общества за счёт повышения его культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Википедия – свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 11.09.2013).
2. Грицанов А.А. Новейший философский словарь. URL: <http://bookz.ru/authors/gricanov-aa/gricanov03.html> (дата обращения: 22.09.2013).
3. Голдобин А.С., Кузнецов М.А., Соколов А.П. Становление и функционирование терминов в рамках технической определённости. Современные техника и технологии: XV Междунар. научно-практ. конф. студентов аспирантов, молодых учёных: в 3-х т. Т. 3. – Томск: Изд-во ТПУ, 2009. – С. 560–562.
4. Кун Т.С. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – 315 с.
5. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров; редкол.: А.А. Гусев и др. – 4-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 1600 с.
6. Глазых В.Л. О дизайне. Очерки по теории и практике на западе. – М.: Искусство, 1970. – 191 с.
7. Якобсон Р. Избранные труды. – М.: Наука, 1985. – 350 с.
8. Кухта М.С. Смысловая ёмкость вещи в дизайне // Труды Академии технической эстетики и дизайна. – Томск: Изд-во «СТТ». – 2013. – № 1. – С. 31–33.
9. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллин: Ээсти Раамат, 1973. – 187 с.
10. Пуя Ю.В. Влияние информационно-психологической безопасности на конструктивное развитие России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – Вып. 109. – С. 57–66.

Поступила 17.11.2013 г.

UDC 658.512.23: 101.1

EFFECT OF TASK COMPONENT ON THE FORMATION OF TERMS IN DESIGN

A.P. Sokolov

Tomsk Polytechnic University
E-mail: iscanderaga@rambler.ru

The relevance of the work is the need to study the mechanisms of formation of the terms in the rapid development of design in modern society and the development of science design.

The aim is to study the influence of the target component in the terminological system design.

The methods of semiotics for verbal and visual sign systems, methods, systems analysis, cultural and historical methods are used.

The results: It is proved that the accuracy of the terms depends on the purpose, it is determined by the level of technological development and the level of culture. The author has found out the specific character of the verbal and visual terms. The terms must comply with the environment of their functioning. They should change their shape, expanding visual content and updating the target component. When humanity entering the post-industrial phase the role of design changes considerably so that its terminological apparatus turns into an instrument for providing information and psychological security of the society by increasing its culture.

Key words:

Term, design, accuracy, purpose, society.

REFERENCES

1. *Wikipediya – svobodnaya entsiklopediya* [Wikipedia]. Available at: <http://ru.wikipedia.org> (accessed 21 September 2013).
2. Gritsanov A.A. *Noveyshiy filosofskiy slovar* [Newest Philosophical Dictionary]. Available at: <http://bookz.ru/authors/gricanov-aa/gricanov03.html> (accessed 22 September 2013).
3. Goldobin A.S., Kuznetsov M.A., Sokolov A.P. Stanovlenie i funkcionirovanie terminov v ramkakh technicheskoy opredelenosti [The establishment and functioning of the terms in the technical certainty]. *Sovremennye tekhnika i tekhnologii. XV Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya studentov, aspirantov, molodykh uchenykh* [Modern equipment and technology: XV Intern. scientific and practical. conf. students graduate students, young scientists]. Tomsk, TPU Publ., 2009. vol. 3, pp. 560–562.
4. Kun T.S. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, Progress, 1975. 315 p.
5. *Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Soviet Encyclopedic Dictionary]. Ed. A.M. Prokhorov; A.A. Gusev. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1987. 1600 p.
6. Glazychev V.L. *O dizayne. Ocherki po teorii i praktike na zapade* [About design. Essays on the theory and practice in the west.] Moscow, Iskusstvo, 1970. 191 p.
7. Jakobson R. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Nauka, 1985. 350 p.
8. Kukhta M.S. Smyslovaya emkost veshchi v dizayne [The semantic capacity of things in the design]. *Trudy Akademii tehniceskoy estetiki i dizajna*. 2013, no. 1, pp. 31–33.
9. Lotman Yu.M. Semiotika kino i problemy kinoestetiki [Semiotics of film and problems of movie esthetics]. Tallin, Eesti Raamat, 1973. 187 p.
10. Puyu Yu.V. Vliyaniye informatsionno-psikhologicheskoy bezopasnosti na konstruktivnoe razvitie Rossii [The impact of information and psychological security for the constructive development of Russia]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2009, Iss. 109, pp. 57–66.

«ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ» КАК КАТЕГОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Л.Г. Полещук

Юргинский технологический институт (филиал)
Томского политехнического университета
E-mail: kgoutitpu@rambler.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа экологического кризиса как следствия мировоззренческих трансформаций.

Цель работы: Диалектическое понимание взаимосвязанности мира приводит к выводу о невозможности в любом конкретном исторически ограниченном мировоззрении абсолютно адекватно отразить место человека в действительности. С другой стороны, противоборство противоположных мировоззрений создает предпосылки для качественного скачка в виде появления исторически нового мировоззрения – экологического.

Методы исследования: Исторический метод позволяет обосновать выбор категории «экологическое мировоззрение» и эксплицировать ее как категорию социальной онтологии новейшего времени; общефилософские законы указывают на становление, функционирование, связи, детерминанты и содержание категории.

Результаты: Статья обосновывает выбор категории «экологическое мировоззрение» и эксплицирует ее в качестве категории социальной онтологии новейшего времени.

Ключевые слова:

Экологическое мышление, экологическое сознание, экологическое мировоззрение, статус экологического мировоззрения, социальная онтология.

Сто девять лет назад английский фантаст Герберт Уэллс в романе «Пища богов» писал: «В середине девятнадцатого века в нашем странном мире стало невиданно расти и множиться число людей той особой категории, по большей части немолодых, которых называют учеными – и очень правильно называют, хотя им это совсем не нравится. Настолько не нравится, что со страниц «Природы» – органа, который с самого начала служит им вечным и неизменным рупором, – слово это тщательно изгоняют как некую непристойность» [1. С. 199]. К началу XXI в. ситуация изменилась: скорее ученый мир, мир технологий готов к изгнанию природы из жизни человека, заменяя естественную природу на ее суррогаты. Другими словами, глобальные проблемы современности и, в частности, экологический кризис приводят к необходимости изучения названных явлений как социальных событий и как следствия мировоззренческих трансформаций человеческого общества.

Категория «экологическое мировоззрение» представляет диаду, одна из составляющих которой «экология», впервые возникнув в 1869 г. для обозначения биологической науки, изучающей взаимоотношения животных с органическими и неорганическими средами, в XX в. трансформировалась в дисциплину, обладающую самостоятельным статусом и рассматривающую особенности существования организмов и сообществ. Будучи первоначально частью биологической дисциплины, она стала междисциплинарной областью науки, занимающейся изучением взаимодействия живого как с естественными факторами среды, так и с порождениями деятельности человека. Она же помогает увидеть человека и общество в целом, среду их обитания в условиях НТР. Обратившись к отраже-

нию этих проблем в духовных формах, экология, таким образом, расширила свои исследовательские задачи.

Вторая составляющая диады – категория «мировоззрение», достаточно разработана в философской литературе. Например, концептуальный подход к мировоззрению личности – предмет исследования таких философов, как В.С. Степин [2], И.Т. Фролов [3]; основания для типологизации мировоззрений систематизирует А.А. Касьян [4]; структура мировоззрения исследуется С.Г. Макаровой [5], С.Ф. Минаковой [6], С.С. Теслюк [7], В.Г. Федотовой [8] и др. авторами. Аксиологическая, гносеологическая, методологическая значимость мировоззрения обозначена в работах В.Р. Букина [9], А.В. Воевского, В.Г. Иванова [10], Р.Н. Исраиловой [11], А.Г. Лохова [10], А.Ф. Малышевского [9], И.Т. Фролова [3] и других авторов.

Общее определение категории «мировоззрение» в работах В.С. Степина [2], И.Т. Фролова [3] и других авторов дополняется цивилизационным, формационным подходами. В.С. Степин называет мировоззрение «генетическим кодом социального организма» [2]. Философы отмечают и такой аспект характеристики мировоззрения, бытующий в общественном сознании, как фактическое отождествление мировоззрения с идеологией. Однако представляется, что хотя то и другое понятие есть совокупность взглядов, тем не менее, есть существенное различие в их характере. Так, в работе Е.В. Дмитриева указывается, что «мировоззрение» наиболее отражает «индивидуальную, личностную сторону взглядов человека, его личное понимание своего собственного места в мире» [12. С. 47], в отличие от идеологии, которая, являясь совокупностью

взглядов, отражает «официальные интересы той или иной общественной группы и потому менее индивидуализирована» [12. С. 47].

Индивидуализированность мировоззрения позволяет утверждать не только то, сколько людей – столько мнений, но и выделить наряду с его традиционными гносеологическими и социальными корнями еще и психологические, так как на формирование мировоззрения человека влияют его психические характеристики и психологические предпочтения.

В целом категория «мировоззрение» включает тезис предельного обобщения основополагающих взглядов на мир и место в нем человека, и как генетический код общественного организма программирует жизненные позиции больших групп и отдельных людей.

Мировоззрение как совокупность представлений социального субъекта о его месте в окружающей действительности обеспечивает оценочно-ориентировочную деятельность человека в решении социально-ответственных проблем. Исторически возникая на донаучной стадии, с развитием науки представление об окружающем мире углубляется и оформляется в научно-обоснованное мировоззрение. Причем свои исторические истоки миропонимание берет не просто в знаниях о мире вообще, а в соотношении человека и природы, так как природа и человек не безразличны друг другу. Даже неорганическая природа соотносится с человеческим обществом. Природа же в целом есть базовое условие жизнедеятельности человека и, следовательно, любая историческая форма мировоззрения как обязательный компонент включает регуляцию взаимоотношений в системе «природа–человек».

К концу XX в. философская мысль осознала мировоззренческую причину экологического кризиса, угрожающего всему объединенному человечеству, и сосредоточилась на поисках новых мировоззренческих идей, которые могли бы помочь преодолеть ситуацию неопределенности человеческого существования. Так, В.С. Степин, рассматривая проблему «выработки новых стратегий жизнедеятельности глобализирующегося человечества» [13. С. 17], видит возможность возникновения точек роста «новых ценностей и мировоззренческих ориентаций» [13. С. 17]. В работе В.И. Толстых говорится о кризисе «парадигмального характера, и, стало быть, речь идет о смене старой и установлении новой основы (парадигмы) мироустройства» [14].

О «неадекватности современного мировоззрения» и одновременно о зародыше «нового, грядущего постсовременного мировоззрения» [15. С. 46], в контексте экологизации науки, говорит И.В. Черникова.

В контексте исследования представляют особый интерес работы А.Н. Павленко, который, хотя и считает, что экологический кризис есть закономерное следствие европейского антропоцентризма, тем не менее, утверждает, что «весьма распростра-

ненное убеждение, согласно которому корень всех проблем – в человеке, в его душе – опасное заблуждение» [16. С. 78]. «Невероятно, – пишет он, – чтобы европейский человек, перевоспитался к лучшему» [16. С. 79]. А если все же предположить обратное, то «выбор внутри человека – ложен!» [16. С. 79]. Однако, на наш взгляд, А.Н. Павленко все же оставляет надежду на оптимистический исход проблемы. *Во-первых*, в вопросе перевоспитания он акцентируется только на европейском человеке. *Во-вторых*, понимая, что в замкнутой системе «ни один процесс не может продолжаться бесконечно» [16. С. 79], верит в окончание века бездушной европейской рациональности.

Вне сомнений, новое мировоззрение объективно возможно. Потому категория «экологическое мировоззрение» завоевывает сегодня самостоятельный статус. Так, академик Д.К. Беляев определяет экологическое мировоззрение как понимание нашей ответственности за судьбу природы [17. С. 98]. Н.Г. Васильев дает следующее определение: «Экологическое мировоззрение – это совокупность научных и обыденных знаний об отношении общества с природой, этические, эстетические, ценностные установки данного субъекта, то есть специфически субъективированные особенности экологического сознания, отражающие конкретно-социальную среду и конкретно-природные условия жизни субъекта духовно-практического освоения природы. В понятии экологического мировоззрения отражается процесс личностного преломления содержания форм общественного сознания в первую очередь экологического сознания» [18. С. 21].

Вместе с тем, категория экологическое мировоззрение не сразу появилась в обиходе философов.

Безусловный экологический смысл заключает в себе идея ноосферного сознания В.И. Вернадского. Его учение о ноосфере идеями коэволюции обозначает развитие человеческого общества и природы в такой тесной взаимосвязи, что преобладание в ней интересов одной стороны становится невозможным. Идея автотрофности в эколого-мировоззренческом плане, получившая развитие в трудах В.И. Вернадского, позволяет нам видеть глубокий геологический процесс, охвативший естественные и искусственные сферы в человеческой деятельности. Ее гетеротрофный, апокалиптический характер, на который указывал русский космизм, начиная с К. Леонтьева и заканчивая нашими современниками В.П. Казначеевым и А.Д. Московченко, характеризует лишь переходную ступень человеческой цивилизации на пути к автотрофности. «Гетеротрофная цивилизация (разрушающая естественную биосферу), – пишет В.И. Вернадский, – сменится цивилизацией автотрофной, которая в качестве первоочередной задачи поставит задачу сохранения и воссоздания естественной биосферы-ноосферы» [19. С. 303]. С.Г. Макарова уточняет содержательный подход к

структуре мировоззрения «в курсе охраны природы» [5. С. 118], но категория «экологическое мировоззрение» не называется, а только подразумевается в контексте.

Об «экологической идеологии» как новой идеологии и проблеме ригидного человеческого духа размышляет Н.Н. Моисеев [20. С. 26]. Однако Н.Н. Моисеев не вводит категорию «экологическое мировоззрение» в научный оборот, но подразумевает ее, говоря о современном миропонимании, которое «необходимо должно обрести новые точки зрения. Экологические императивы ведут к новому видению расклада сил, причин и характера возможных конфронтаций не только наций, народов, но и цивилизаций» [21]. Другими словами, экологический императив видится им как внешнее условие, способствующее становлению современного миропонимания.

Предтечей нового экологического мировоззрения в русле рассмотренных им проблем развития цивилизации является наука о том, как жить – по Л.Н. Толстому, а также «скачок от индивида к виду» В.И. Данилова–Данильяна, К. Лосева [22. С. 256]. Все это то, что представляет объективный, не зависящий от воли человека процесс эволюции социума в нетварном, духовном смысле. Так, А.Д. Московченко пишет, к примеру, о формировании нового состояния сознания, которое позволит человеку жить в гармонии и согласии с окружающим миром природы, не разрушая его, сознании не столько интеллектуально-анализирующего, «сколько интуитивно-углубляющего духа, позволяющего существовать в условиях, когда нет времени на долгие размышления, но необходимы решительные действия, приводящие сложный многоплановый мир к гармонии...» [23. С. 27].

Неопределенность статуса экологического мировоззрения закономерна, так как категория находится в стадии становления и экспликации. Д.Ж. Беляев, указывающий на иерархию категорий «мировоззрение» и «экологическое мировоззрение», отражает эту объективную ситуацию. Академик, включая экологическое мировоззрение как структурный компонент в целостное, тем самым не выделяет его в качестве самостоятельного образования: «Экологическое мировоззрение, понимание нашей ответственности за судьбу природы, должно быть элементом нашего мировоззрения как целого...» [17. С. 98]. Таким образом, категория «мировоззрение» соотносится с категорией «экологическое мировоззрение» как общее с частным. Другими словами, являясь вариантом философского мировоззрения, экологическое мировоззрение, будучи холистическим, основывается не только на классической научности, но и на неклассической парадигме научного мышления, на новой физической парадигме. Классическая, неклассическая и постнеклассическая науки предполагают различные типы рефлексии над действительностью. Как пишет В.С. Степин: «...все три типа научной рациональности взаимодействуют и появление каждо-

го...из них не отменяет предшествующего, а лишь... очерчивает сферу его действия» [13. С. 15].

Обращает на себя внимание тот факт, что категория «экологическое мировоззрение» используется в ряде исследований недостаточно дифференцированно, в частности, как синоним категории экологическое сознание.

В целом, представление об экологическом сознании как составляющей мировоззрений лежит в основе многих исследований. Например, вариант определения, включающий не только деятельностно-содержательный аспект экологического сознания, но и указывающий на его связь с конкретно-историческим временем и социальной принадлежностью субъекта экологического сознания, мы можем видеть у Н.Г. Васильева: «Экологическое сознание – это воспроизведение людьми экологических условий жизни и отношений между людьми в процессе экологической деятельности по оптимизации функционирования системы «природа–общество» в виде экологических теорий, идей, представлений, отражающих отношение определенных социальных групп к природе в данную историческую эпоху» [18. С. 13]. Определяя экологическое сознание, исследователи называют специализированное и массовое сознание [18. С. 19]. При этом массовое сознание вплетает несистематизированное знание о законах взаимодействия природы и общества непосредственно в практическую деятельность. Рациональные и эмоциональные факторы массового экологического сознания преломляются через жизнь конкретной общественной группы и индивидуальный опыт субъекта, действующих в системе «человек–природа» [18. С. 18]. Специализированный же уровень массового сознания преобразовывает систему «природа–общество» с учетом научного подхода к экологической проблематике. Определяя экологическое сознание через функции, Н.Г. Васильев отмечает следующие две: познавательную и регулятивную [18. С. 19].

Исследователи выделяют теоретическое отражение природы экологическим сознанием, которое предполагает формирование программ координации деятельности человека в природе, где действуют не стихийные нормативы, а соотносящиеся с законами экосистем.

Экологическое сознание определяют и с позиций, отражающих интересы определенной группы людей, а, следовательно, оно носит характер идеологического отражения действительности, позволяет классу определить свою роль в системе экологической деятельности общества. Например, «...экологическая идеология при социализме ориентирована на выработку у личности ответственности за природу, необходимости получения практических и теоретических знаний и навыков в области охраны природы и рационального природопользования» [18. С. 20]. Думается, определение экологического сознания с позиций классового подхода является ограниченным, так как в восьмидесятые годы XX столетия не могли учитывать

современную тенденцию к интеграции усилий мирового сообщества в поисках разрешения всеобщей глобальной проблемы и остро обозначившейся к началу нового тысячелетия.

Многообразие характеристик различных ступеней экологического сознания отражает понимание значимости его как необходимой составляющей мировоззрения. Вместе с тем, отождествление таких разнородных категорий как «экологическое сознание» и «экологическое мировоззрение» не корректно, в силу различия их функций.

Так, экологическое сознание, основываясь на экологическом мышлении как процессе становления идей устойчивого развития, с необходимостью включает в себя «совокупность чувств, мыслей, переживаний, настроений, идей, учений, концепций» [24. С. 8] убеждений, норм, которые характеризуют отношение к природе, то есть экологическое знание.

В свою очередь, экологическое мировоззрение («миропонимание» по Н.Н. Моисееву [25]) – внешнее выражение идей устойчивого развития общества, руководство к действию, знания, подчиняющие, организующие поведение в соответствии с картиной мира, где природа один из основных компонентов.

Таким образом, исследования отечественных философов дают материал для понимания категорий экология, экологическое сознание, но не дают широкого толкования категории «экологическое мировоззрение». Ситуация противоречива, но на наш взгляд разрешима. С одной стороны определения категории «экологическое мировоззрение» отражают ее структурное содержание, но не указывают его должного места в иерархии социального бытия, и, кроме того, не видят динамическую характеристику категории, не указывают на преемственные ее связи как закономерность развития. Однако не учитывать этого нельзя. Фундаментом построения нового является старое. Как отмечает В.Г. Рубанов, не все кирпичики «прошлых этапов пригодны для строительства в новых условиях: от одних приходится отказываться, другие используются в своем неизменном состоянии, третьи – в «снятом» виде – составляют «душу» нововведений» [26. С. 14].

Таким образом, подводя итог сказанному, отметим, что «экологическое мировоззрение» – кате-

гория, находящаяся в стадии экспликации и связана с перестройкой массового сознания с помощью научных, ненаучных и вненаучных знаний, с учетом объективной реальности. Возможно и такое определение категории «экологическое мировоззрение» – совокупность общечеловеческого опыта, научных, ненаучных и вненаучных знаний об отношении общества с природой, выражающихся в специфически-субъективированных особенностях экологического сознания, отражающего конкретно-социальную среду и конкретно-природные условия жизни субъекта. Экологическое мировоззрение как новое мировоззрение должно учитывать выгоды не только краткосрочного, но и долгосрочного пользования природой, а также то, что сохранение устойчивого равновесия зависит только от человека. Как отмечает Н.Н. Марфенин, экологическое мировоззрение – очередной «шаг развития гуманистической этики. Теперь уже речь идет не только о взаимном уважении между современниками, но и о заботе о благополучии будущих поколений, о сохранении биосферы – «общего дома», в котором мы живем все вместе со множеством других населяющих ее видов живых существ» [27. С. 10]. Более того, «жизненно укорененный мировоззренческий смысл...» [28. С. 95] не может призывать людей к физической трансформации, но может – к духовно-нравственному возвышению. На мировоззренческом уровне это выражается через идеологию устойчивого развития, обозначающую «процесс непрерывного движения и изменения, но в направлении не «вовне», а «внутри», ради сохранения равновесия системы» [28. С. 87; 24, 29].

Использование понятия «экологическое мировоззрение» возможно для обозначения способа социального движения, которое включает в себя не просто заботу о благополучии потомков, о сохранении общего жилища и всего живого на Земле, но и призванного обеспечить устойчивое развитие человечества в течение неограниченно долгого времени, «стратегию Разума» [25]. Экспликация «экологического мировоззрения» как категории социальной онтологии новейшего времени позволяет отметить развитие ее содержания, детерминируемое потребностями мировоззренческого кризиса современного человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уэллс Г. Первые люди на Земле. Пища богов / пер. с англ. / Послесловие Н.Г. Михальской. – М.: Правда, 1987. – 448 с.
2. Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика. – М.: Правда, 1996. – 175 с.
3. Фролов И.Т. Перспективы человека: опыт комплексной постановки. – М.: Политиздат, 1983. – 350 с.
4. Касьян А.А. Контекст образования: наука и мировоззрение. – Нижний Новгород: Деком, 1996. – 183 с.
5. Макарова С.Г. Алгоритмизация понятия как средство раскрытия мировоззренческих проблем экологического образования // Философские проблемы химии, биологии, экологии. – Киев: Выща школа, 1989. – 133 с.
6. Минакова С.Ф. Предотвращение экологической катастрофы. – Апатиты: МУП Полиграф, 2000. – 212 с.
7. Теслюк С.С. НТР и проблемы экологизации техники // Философские проблемы химии, биологии, экологии. – Киев: Выща Школа, Киев. гос. ун-т, 1989. – 133 с.
8. Федотова В.Г. Когда нет протестантской этики // Вопросы философии. – 2001. – № 10. – С. 27–44.
9. Букин В.Р., Малышевский А.Ф. Школьникам о философии. – М.: Просвещение, 1992. – 142 с.
10. Иванов В.Г., Лохов А.Г., Воевский А.В. Человек-наука-природа. Диалектико-материалистические основы научного миропо-

- нимания и др. / под ред. В.Г. Иванова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 135 с.
11. Исраилова Р.Н. Мировоззренческая значимость биологических дисциплин в практике вузовского преподавания // Философские проблемы химии, биологии, экологии. – Киев: Выща школа, 1989. – С. 124–125.
 12. Дмитриев Е.В. Банк философских идей. Причинно-следственные связи // Философия и жизнь. – 1991. – № 11. – 64 с.
 13. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 5–17.
 14. Цит. по: Толстоухов А.В. Глобальный социальный контекст контуры эко-будущего // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 61.
 15. Черникова И.В. Наука и философия о путях выхода из экологического кризиса // Вест. Томского гос. ун-та. – 2001. – № 2. – 50 с.
 16. Павленко А.Н. Экологический кризис как псевдопроблема // Вопросы философии. – 2002. – № 7. – С. 66–79.
 17. Беляев Д.К. Соответствовать требованию времени // Вопросы философии. – 1986. – № 1. – С. 98–108.
 18. Васильев Н.Г. Экологическое сознание: генезис и сущность: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Иркутск, 1985. – 23 с.
 19. Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Русский космизм. – М.: Педагогика прес, 1993. – С. 303–310.
 20. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 3–30.
 21. Моисеев Н.Н. Думая о будущем, или Напоминание моим ученикам о необходимости единства действий, чтобы выжить. URL: <http://www.ecolife.ru/jornal/echo/2002-1-1-1.shtml> (дата обращения: 03.12.2012).
 22. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 416 с.
 23. Московченко А.Д. Введение в космическую философию. – Томск: Наука, 1997. – 40 с.
 24. Рубанова Е.В. Философские проблемы становления экологического знания. – Томск: Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2007. – 140 с.
 25. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. URL: http://platonanet.org.ua/load/knigi_po_filosofii/sinergetika/moisseev_n_n_chelovek_i_noosfera/55-1-0-2220 (дата обращения: 03.12.2012).
 26. Рубанов В.Г. Преемственность в развитии науки как социального феномена (философско-социологический анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Новосибирск, 1993. – 23 с.
 27. Марфенин Н.Н. Экология и гуманизм. Россия в окружающем мире: 2000 // Аналитический ежегодник. МНЭПУ. – 2000. – 328 с.
 28. Кутырев В.А. Философия для людей // Вопросы философии. – 2012. – № 9. – С. 86–96.
 29. Рубанов В.Г., Рубанова Е.В. Преемственность научных идей в контексте экологического сознания. – Томск: Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2008. – 248 с.

Поступила 29.05.2013 г.

UDC 1:101.1:316:57

«ECOLOGICAL OUTLOOK» AS A CATEGORY OF SOCIAL ONTOLOGY OF THE CONTEMPORARY HISTORY

L.G. Poleshchuk

Technological Institute (Branch) of National Research Tomsk Polytechnic University, Yurga
E-mail: kgoutitpu@rambler.ru

Global problems of modern age and in particular the ecological crisis require thorough examination; they are considered as social events and consequences of transformations of people outlook.

The main aim of the study: *The dialectic understanding of the qualitative infinity, inexhaustibility and coherence of the world leads to an inevitable conclusion that no concrete historically limited outlook can reflect adequately and systemically the place of a man in reality. On the other hand, the antagonism of opposite types of outlooks helps define each part of views, create the preconditions for a quantum leap which leads to historically new paradigm – ecological outlook.*

The methods used in the study: *The historical method allows us to see this process (the choice of the category «ecological outlook») and to express it as a category of social ontology of contemporary history pointing at its dynamic development in time and space; and all-philosophical laws show the category evolution, functioning, links, determinants and content.*

The results: *The article proves the choice of the category «ecological outlook» and expresses it as a category of social ontology of contemporary history.*

Key words:

Ecological thinking, ecological mind, ecological outlook, status of ecological outlook, social ontology.

REFERENCES

1. Uells G. *Pervye lyudi na Zemle. Pishcha bogov* [The first humans on the Earth. Food for the gods]. Moscow, Pravda, 1987. 448 p.
2. Stepin V.S. *Epokha peremen i stsenarii budushchego* [The era of changes and scenarios of the future]. Moscow, Pravda, 1996. 175 p.
3. Frolov I.T. *Perspektivy cheloveka: opyt kompleksnoy postanovki* [Man's prospects: an attempt of integrated setting]. Moscow, Politizdat, 1983. 350 p.
4. Kasyan A.A. *Kontekst obrazovaniya: nauka i mirovozzrenie* [Educational context: science and world outlook]. Nizhniy Novgorod, Dekom, 1996. 183 p.
5. Makarova S.G. *Algoritmizatsiya ponyatiya kak sredstvo raskrytiya mirovozzrencheskikh problem ekologicheskogo obrazovaniya* [Algorithmization of a concept as a means of exploring the worldview problems of the environmental education]. *Filosofskie problemy khimii, biologii, ekologii*, 1989, no. 1, 133 p.

6. Minakova S.F. *Predotvrashchenie ekologicheskoy katastrofy* [Ecological disaster prevention]. Apatity, MUP Poligraf, 2000. 212 p.
7. Teslyuk S.S. NTR i problemy ekologizatsii tekhniki [Technological revolution and the problems of technology ecologization]. *Filosofskie problemy khimii, biologii, ekologii*, 1989, no. 1, 133 p.
8. Fedotova V.G. Kogda net protestantskoy etiki [When there is no protestant ethic]. *Voprosy filosofii*, 2001, no. 10, pp. 27–44.
9. Bukin V.R., Malyshevskiy A.F. *Shkolnikam o filosofii* [Telling the schoolchildren about philosophy]. Moscow, Prosveshchenie, 1992. 142 p.
10. Ivanov V.G., Lokhov A.G., Voevskiy A.V. Chelovek–nauka–priroda [Man–science–nature]. *Dialektiko materialisticheskie osnovy nauchnogo miroponimaniya* [Dialectic materialistic basis of scientific world outlook]. Leningrad, LGU Publ., 1986. 135 p.
11. Israilova R.N. Mirovozzrencheskaya znachimost biologicheskikh distsiplin v praktike vuzovskogo prepodavaniya [Worldview importance of the biological disciplines in the high school teaching practices]. *Filosofskie problemy khimii, biologii, ekologii*, 1989, no. 1, pp. 124–125.
12. Dmitriev E.V. Bank filosofskikh idey [The bank of philosophical ideas]. Prichinno-sledstvennyye svyazi [Cause and effect relations]. *Filosofiya i zhizn*, 1991, no. 11, 64 p.
13. Stepin V.S. Samorazvivayushchiesya sistemy i postneklassicheskaya ratsionalnost [Self-developing systems and late-classical rationality]. *Voprosy filosofii*, 2003, no. 8, pp. 5–17.
14. Cit.: Tolstouhov A.V. Globalny sotsialny kontekst kontury ekobudushchego [Global social context the shape of eco-future]. *Voprosy filosofii*, 2003, no. 8, p. 61.
15. Chernikova I.V. Nauka i filosofiya o putyah vykhoda iz ekologicheskogo krizisa [Science and philosophy about the ways out of the ecological crisis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2001, no. 2, 50 p.
16. Pavlenko A.N. Ekologicheskij krizis kak psevdoproblema [Ecological crisis as a pseudoproblem]. *Voprosy filosofii*, 2002, no. 7, pp. 66–79.
17. Belyaev D.K. Sootvetstvovat trebovaniyu vremeni [Answer the imperative of our time]. *Voprosy filosofii*, 1986, no. 1, pp. 98–108.
18. Vasilev N.G. *Ekologicheskoe soznanie: genezis i sushhnost*. Dokt. Diss. [Ecological conscienceness: genesis and essence. Dr. Diss.]. Irkutsk, 1985. 23 p.
19. Vernadskiy V.I. Avtotrofnost chelovechestva [Autotrophy of the human kind]. *Russkiy kosmizm* [Russian cosmism]. Moscow, Pedagogika press, 1993. pp. 303–310.
20. Moiseev N.N. Sovremenny antropogenez i tsivilizatsionnye razlomny. Ekologo-politologicheskij analiz [Modern anthropogenesis and civilizational splits. Ecological and politological analysis]. *Voprosy filosofii*, 1995, no. 1, pp. 3–30.
21. Moiseev N.N. *Dymaya o bydyschem ili napominanie moim ychenikam o neobходимosti edinstva deystviy, chtoby vyzhit* [Thinking of the future, or the Reminder to my pupils about need of unity of actions to survive]. Available at: <http://www.ecolife.ru/journal/echo/2002-1-1-1.shtml/> (accessed 3 December 2012).
22. Danilov-Danilyan V.I., Losev K.S. *Ekologicheskij vyzov i ustoychivoe razvitie* [Ecological problems and sustainable development]. Moscow, Progress–Traditsiya, 2000. 416 p.
23. Moskovchenko A.D. *Vvedenie v kosmicheskuyu filosofiyu* [Introduction to cosmic philosophy]. Tomsk, TML-Press, 1997. 40 p.
24. Rubanova E.V. *Filosofskie problemy stanovleniya ekologicheskogo znaniya* [The philosophical problems of ecological knowledge formation]. Tomsk, TML-Press, 2007. 140 p.
25. Moiseev N.N. *Chelovek and noosphere* (Man and noosphere). Available at: http://platonanet.org.ua/load/knigi_po_filosofii/sinergitika/moiseev_n_n_chelovek_i_noosfera/55-1-0-2220/ (accessed 3 December 2012).
26. Rubanov V.G. *Preemstvennost v razvitii nauki kak socialnogo fenomena: filosofsko-sotsiologicheskij analiz*. Dokt. Diss. [Continuity in the development of science as a social phenomenon: philosophical and sociological analysis. Dr. Diss.]. Novosibirsk, 1993. 23 p.
27. Marfenin N.N. *Ekologiya i gumanizm. Rossiya v okruzhayushchem mire: 2000*. [Ecology and humanism. Russia in the world]. *Analiticheskij ezhegodnik. MNJePU*, 2000, no. 1, 328 p.
28. Kutryev V.A. *Filosofiya dlya lyudey* [Philosophy for speople]. *Voprosy filosofii*, 2012, no. 9, pp. 86–96.
29. Rubanov V.G., Rubanova E.V. *Preemstvennost nauchnykh idey v kontekste ekologicheskogo soznaniya* [Continuity of scientific ideas in the context of environmental consciousness]. Tomsk, TML-Press, 2008. 248 p.

НЕОПОЗИТИВИСТКИЕ ОСНОВАНИЯ ОПРОВЕРЖЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕДСКАЗАНИЯ В СИСТЕМЕ ЗНАНИЯ К. ПОППЕРА

М.В. Гончаренко

Томский политехнический университет

E-mail: markgon73@rambler.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью анализа оснований опровержения и предсказания знания в неопозитивистской концепции К. Поппера.

Цель работы: рассмотрение проблемы неопозитивистских оснований опровержения и предсказания в системе знания К. Поппера в аспекте современных тенденций развития знания; обоснование предположения о том, что утверждение автора концепции фальсификационизма об экзистенциальности формы дедукции и невозможности элиминирования аксиоматической формы, структурирующей систему знания, является неявным признанием наличия априорных факторов.

Методы исследования: компаративистский метод позволяет проводить корректный анализ различных понятий и мифологем в диахроническом срезе; данный подход обеспечивает аргументированное сопоставление принципов конституирования дискурса на различных исторических этапах, которые обусловлены смещением значений понятий и мифологем; феноменологический метод позволяет показать, как и на основании чего «перераспределяются» значения рациональных и иррациональных факторов, что обуславливает конфигурацию того или иного дискурса в конкретном культурно-историческом срезе.

Результаты: сделано предположение о том, что апелляция к метанаучности знания – ни что иное как признание/утверждение сопричастности системы знания статусу иррационального; сформулированы аргументы утверждения о том, что объяснительные теории, указанные К. Поппером, либо не имеют непосредственного отношения к нашим когнитивным возможностям, либо математические структуры, будучи описанием логико-эпистемологического континуума, никак не соотносятся с репрезентируемым данным континуумом объектом.

Ключевые слова:

Знание, основания опровержения, К. Поппер, фальсификация, рациональность, целесообразность.

Введение

С точки зрения истории рассматриваемого нами вопроса концепция фальсификационизма Поппера представляет особый интерес по следующим причинам. *Во-первых*, знание как естественным образом фальсифицируемая система обладает особым статусом в сравнении с другими нарративными системами, и поэтому интерес вызывают те отличительные признаки, посредством которых Попперу удается фальсификация знания без отождествления систем последнего с другими системами. *Во-вторых*, Поппер предлагает весьма оригинальную интерпретацию понятия «рациональность», так как для последнего совершенно не обязательно «дедуктивное развитие». И, *в-третьих*, проблема стандарта, как объективной истины, предопределяет неизбежность ошибки.

Основная часть

Итак, Поппер отмечает, что проблема «вероятности» и проблема «правдоподобности» (теории) – не одно и то же, хотя, безусловно, обе эти проблемы актуальны с точки зрения цели науки. Вероятность как возможность чревата невероятностью: «[д-р Брук-Уовел, п. м. – М.Г.] посоветовал мне не говорить, что наука стремится к невероятности, а просто сказать, что она стремится к максимальному содержанию» [1. С. 364]. Поэтому прогресс науки «как возможность более высокого порядка» и вероятность знания как «отсутствие содержания у высказываний» [1. С. 365] – далеко разошедшиеся направления, по Попперу. В этом случае невозможно отказать в оригинальности вывода: прогресс не может быть ограничен невероятностью (и логической

невероятностью в том числе). Ссылки на Аристотеля и других древнегреческих философов указывают на осознанное желание Поппера обнаружить именно тот аргумент, по отношению к которому как «вероятность», так и «невероятность» и др. будут пребывать в абсолютно равных позициях: «Об этом свидетельствует другой его [Ксенофана – п.м. М.Г.] фрагмент, говорящий о том, что даже если бы нам случайно удалось найти и высказать окончательную истину (т. е. как мы бы могли сказать, абсолютно правдоподобное утверждение) мы бы не могли знать об этом» [1. С. 395].

Таким образом, к вышерассмотренным категориям имеет непосредственное отношение и вопрос о предсказании научной теории и ее проверяемости: возможность/невозможность обуславливают само предсказание (допустимость использования метода предсказания дельфийского оракула [наверное, именно по причине трудности разграничения предсказания – познания метод экспертного прогнозирования посредством организации системы сбора экспертных оценок, их статистической обработки и последовательной корректировки на основе результатов каждого цикла обработки получил название «дельфийский метод»] само по себе уже указывает на неисключительность науки как вида деятельности, так как использование общего критерия говорит об общности возможностей и целей). При этом Поппер не смущается контекстуальным пересечением понятий «прогресс» и «предсказание» (возможно, «предвидение»), вследствие чего паранепротиворечивым образом «совпадают» контексты употреблений данных понятий: «Я утверждаю, что если мы *знаем*, какой должна быть хорошая науч-

ная теория, и даже до её проверки нам известно, какого рода теория будет еще лучше. Это есть то (метанаучное) знание, которое дает нам возможность говорить о прогрессе в науке и о рациональном выборе теорий» [1. С. 362]. Повествование «как нарратив» и научная теория, действительно, структурированы критерием достоверности (в смысле философии позднего Витгенштейна [2]), но с точки зрения неопозитивизма вера в определенное положение вещей и вера в научную теорию (которая описывает, безусловно, тоже определенное положение вещей) не является одним и тем же феноменом, так как рационально-эмпирический уровень обоснования – основополагающий критерий второго, но не первого, и именно поэтому акт предсказания не может быть соотнесен (и отождествлен) с актом познания (как элементом системы знания). *Апелляция к метанаучности знания – ни что иное, как констатация иррациональной составляющей системы знания.*

Также одним из затруднительных моментов на пути позиционирования приоритета *ratio* оказывается проблема реального выявления несоотнесимости постулата и догмы. Необъяснимо выглядит и сам идеал науки как аксиоматизированная дедуктивная система, по Попперу [1. С. 368]. И именно в форме дедуктивной системы «мы вынуждены развивать наши теории» [1. С. 369]. Таким образом, утверждая экзистенциальность формы дедукции и невозможность элиминирования аксиоматической формы, структурирующей систему знания, автор концепции фальсификационизма *неявно* признаёт присутствие априорных факторов. Именно ввиду столь сложной и неоднозначной системы «подтверждения/утверждения опровержения» теории/знания и использования факторов «двойного назначения» Поппер вынужден заменить, собственно, критерий рациональности науки критерием здравого смысла (возможно, целесообразности): «Рациональность науки состоит в рациональном выборе новой теории, а не в дедуктивном развитии теорий» [1. С. 369]. И это возможно по причине использования критерия прогресса, ориентированного в данной системе отсчета исключительно на практику, поэтому именно фактор эмпирической проверки по отношению к *ratio* приобретает приоритетность. Другими словами, противопоставление рациональности и иррациональности усугубляется еще и тем, что интерпретация рационального приобретает, как минимум, неоднозначность, т. е. последняя может быть аргументирована и как целесообразность, что само по себе не исключается и для фактора иррационального. «Вместе с тем почти вся значительная часть исходного знания, которую мы постоянно используем в любом неформальном обсуждении, по практическим основаниям необходимо будет оставаться бесспорной, и ошибочная попытка поставить под вопрос все, т. е. начать с нуля, легко может привести к крушению критических споров» [1. С. 397], – делает заключение Поппер. И даже заключение весьма показательно:

«... утверждается невозможность рационального вне обусловленности (возможно, соположенности) иррациональным.

Апелляция Поппера к Адаму также симптоматична: попытка определить положение Адама как интеллектуальную невозможность осуществления чего-либо в противовес «человеку» (совершившему акт познания), *во-первых*, совершенно необоснована, так как именно Адам совершил первый акт познания в силу наличия свободной воли «экзистенциальности которой фактически отрицается Поппером посредством признания теоретической необходимости дедуктивной формы», а *во-вторых*, учитывая образную природу сравнения, нельзя игнорировать его [эпистемологическую] некорректность, так как противопоставление факторов рационального/иррационального само по себе исключает определение приоритетности одного из них на основании возможности утверждения аксиоматической приоритетности одного из этих факторов. Вследствие признания такого положения дел мы автоматически допустили бы и нормативность иррационального «поглощения» *ratio*, с чем категорически не согласен сам Поппер (хотя сам принцип фальсификационизма, по сути, и является следствием постоянно обнаруживаемых «сбоев» рациональных систем). Таким образом, диалектическая природа противоречия «рационального» не может быть исключена для определенных теоретических систем, иначе в противном случае они приобрели бы статус догматических систем, что неприемлемо с позиции фальсификационизма.

Наверное, именно приведенный выше пример парадоксальности «мышления» может в какой-то степени объяснить нам использование Поппером истины научной и соотношение её с истиной метафизической: «Сама идея ошибки и способности ошибаться включает в себя идею объективной истины как стандарта, идея истины является *регулятивной идеей*, истина не является *единственной целью науки*, мы ищем *интересную истину* – истину, которую нелегко получить... Просто истины нам недостаточно, ибо мы, прежде всего, ищем *ответ на наши проблемы*» [1. С. 383]. Итак, мы видим: стандарт истины предопределяет ошибку, поэтому истина естественнонаучная логически невероятна. Поппер фактически предпринимает попытку «узаконить» следующее положение: невзирая на безусловную противоположность рационального/иррационального факторов, мы должны признать возможность бесконечной модификации научной истины, обусловленной прагматикой дискурса, даже если «*интересная истина*» не будет иметь никакого отношения к *ratio*. Таким образом, с одной стороны, научная теория, имеющая обоснования, не является иррациональной, а с другой стороны, научная теория может и не иметь обоснования, и это не лишает последнюю научного статуса. Данное, ничем не скрываемое противоречие с точки зрения концепции «языковых игр» Л. Витгенштейна [2], конечно, преодолимо, но это

не устраивает самого Поппера, так как все подлежит фальсификации. Действительно, идея истины как возможного правдоподобия не так уж и нова с точки зрения истории философии, но не с точки зрения истории позитивизма. «Истина» как множество наиболее подходящих объяснительных теорий, что утверждает Поппер, не обладает, по определению, наиболее важным позитивистским качеством – рациональностью, и это является противоречием, скрыть которое в пределах позитивистского дискурса невозможно. [Признание же в духе позднего Витгенштейна [2], «здесь играет такая игра», также не представляется возможным, так как основания этой игры «подрывают» основополагающий критерий позитивизма – рациональность; ни по этой ли причине так выглядит и современный западный социально-политический дискурс: демократизация Ближнего Востока (как и других стран) необходима посредством военной кампании, многотысячные жертвы которой объясняются некими техническими сбоями, которые не могут быть истолкованы как недемократические и т. д. по определению].

В этой же связи, упоминая Тарского, Поппер приводит и эволюцию своих взглядов: «В прошлом я иногда сам говорил подобным образом, если мы говорим так ясно, как можем, то нет большого вреда в появляющихся иногда неясностях при выражении наших чувств и интуитивных представлений о вещах. Лишь совсем недавно я задумался над тем, действительно ли используемая нами идея истины столь опасно неопределенна и метафизична. Почти сразу я понял, что это не так и нет никаких особых трудностей в применении к ней фундаментальных результатов Тарского» [1. С. 386]. Из чего следует: все, что угодно приемлемо, если оно по каким-либо причинам востребовано, «истина» же как таковая, в смысле рационального построения «дедуктивной системы», исчезает вовсе – данный критерий остается невостребованным. Рассуждение Поппера по поводу контрпримера для основополагающей аксиомы аксиоматической системы также является показательным: «У нас имеется аксиоматизированная теоретическая система, позволяющая нам предсказать, что определенные события не происходят, и что мы открыли контрпример... этот контрпример удовлетворяет большей части наших аксиом за исключением той, независимость которой обосновывается этим контрпримером» [1. С. 399]. Как видим, проблема реальности и проблема истины когерентны: суппозиция первой «в той или иной традиции» – обязательное условие конвенции в отношении второй.

Предлагаемая Поппером идея эволюционирования теорий (ввиду нормативности их фальсификации), также как и выше приведенное заключение о когерентности реальности и истины, обусловленное «контрпримером», приводит его к утверждению, что любая теория со временем (следовательно, в связи с изменением возможного опыта и формированием новых концептов (знаний и смы-

слов)) «трансформируется» в ряд «неявных определений и соглашений» [1. С. 401]. Но последнее не является основанием признания Поппером вероятностной природы теории «и теоретического» знания, то есть, невзирая на констатацию определенного положения дел, Поппер попросту игнорирует проблему компетенции теории. Конвенция и дефиниция, бесспорно, «обладают» определенным уровнем знания, так как иначе были бы невозможны, и именно их конфигурация и определяет структуру логико-эпистемологического пространства теоретической системы. Другими словами, такого рода «трансформация» теории не может быть представлена как процесс «приобретения новой сущности», в этом и состоит природа Теории как таковой и ее компетенции. Таким образом, Поппер неявно демонстрирует физикалистскую установку, но в отличие от представителей физикализма [3. С. 37] он не занимает позицию антиреализма по отношению к познавательным возможностям.

Рассуждая о структуре мира и универсальных теориях, неопозитивист Поппер обращается к странному, на первый взгляд, противопоставлению: с одной стороны, он утверждает, что математическая структура и универсальная теория *a priori* являются описаниями различных объектов [1. С. 402], а с другой стороны, он констатирует, что мы должны стремиться к объяснительным теориям: «Мы должны делать действительные догадки относительно структуры мира» [1. С. 406]. Следовательно, объяснительные теории либо не имеют непосредственного отношения к нашим когнитивным возможностям, либо математические структуры, будучи описанием логико-эпистемологического континуума, никак не соотносятся с репрезентируемым данным континуумом объектом. По понятным причинам, ни первое, ни второе следствие не может быть удовлетворительным.

Фактически данное смешение, наложение и одновременное противопоставление представленных структур еще раз указывает на попытку объединения объективного мира и коммуникативного пространства, в результате чего фальсификационизм Поппера начинает напоминать следующее положение вещей: «С точки зрения научного реализма, ориентированного на физическую реальность, платонизм будет выражать антиреалистическую установку. Однако если переходить от умеренного (научного) к радикальному реализму, признающему, помимо физического мира существование объективных абстрактных сущностей в мире метафизическом, то платонизм будет охарактеризован как проявление реалистической онтологической позиции» [4. С. 32–33]. Это и является одной из основных причин столь прозрачных «парадоксов» концепции фальсификационизма, и именно поэтому автору данной концепции не нужны идеи «подлинных объяснений»: «Но мне эта идея (идея предсказания – п.м. М.Г.) представляется совершенно необходимой частью этой эпистемологии, которая рассматривает науку как прогрессирующую ко все

более хорошим объяснительным теориям, т. е. создающую не просто хорошие инструменты, но подлинные объяснения» [1. С. 412–413]. Подлинные объяснения наряду с трактовкой аксиоматического знания (природы аксиом) – это далеко не все «контраргументы» автора к концепции фальсификационизма, возможность которых обусловлена утверждением приоритета *ratio* как атрибута знания. Возможно, именно этот атрибут во многом и предопределил вариативность смысла десигната понятия «реальность», если иметь в виду онтологический реализм Платона и реализм физикализма.

Заключение

Итак, в заключение рассматриваемой проблематики фальсификации теорий (утверждений) обратимся к примеру следующего экзистенциального утверждения Поппера: «Существует конечная последовательность латинских двустий такого рода, что если её произнести соответствующим образом в определенное время и в определенном месте, то сразу же после этого появится дьявол, т. е. человекоподобное существо с рогами и копытами» [1. С. 414–415]. Данное экзистенциальное утверждение сам Поппер рассматривает как верифицируемое, но неэмпирическое, так как наделяет его метафизическим (ненаучным) статусом в противовес тем позитивистам, для которых верифицируемость определяет эмпиричность (научность). Что из этого следует и почему позитивист Поппер допускает верифицируемость неэмпирического утверждения?

Во-первых, автор концепции фальсификационизма указывает на то, что данное утверждение – ложное утверждение, фактически подтверждающая это возможностью верификации непроверяемой

(неэмпирической) теории. Оппоненты-позитивисты предлагают не менее «экзотический» вариант рассмотрения данного утверждения как ложного эмпирического утверждения. И, таким образом, мы имеем два разных варианта известного утверждения: как ложное метафизическое утверждение (Поппер), и как ложное эмпирическое утверждение (позитивисты), с которыми не согласен сам Поппер, поскольку: «Эмпирически оно (утверждение – п.м. М.Г.) непроверяемо, никакое реальное наблюдение не способно обосновать его ложности» [1. С. 415], но не существует также и оснований, подтверждающих его истинность. Феномен эмпиризма в данном случае исчезает так же, как и сама возможность верификации неэмпирической теории в концепции антиреалиста У. Куайна [3], который утверждает, что «значение формируется в самом языке еще до обращения к непосредственному чувственному опыту» [3. С. 34]. *Во-вторых*, приведенный нарратив, по каким-то никому неизвестным рационально-эмпирическим принципам, рассматривается позитивистами как эмпирическое (научное) утверждение, при этом они не утруждаются сформулировать хотя бы признаки, осуществляющие демаркацию рационального/иррационального [5].

Таким образом, признавая разницу между эмпирическим и рациональным, Поппер, как и другие позитивисты, не признает смысл и значение «иррациональных» десигнатов на основании отрицания эмпирического характера последних, что не может выглядеть обоснованным, учитывая факт перманентного рационально-эмпирического «жонглерства» в контексте обоснования позитивистского аспекта видения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поппер К. Предположения и опровержения. – М.: Ермак, 2004. – 638 с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. II. – С. 78–319.
3. Куайн У.В.О. Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVIII. – 321 с.

4. Ладов В.А. Проблема реальности в аналитической философии // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. – 2010. – № 4 (12). – С. 30–49.
5. Ардашкин И.Б. Онтологические основания проблемно-ориентированных исследований // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 320. – № 6. – С. 56–63.

Поступила 11.03.2013 г.

UDC 1.16.165.1.165.19

NEOPOSITIVIST GROUNDS OF DENIAL AND OPPORTUNITIES OF PREDICTION IN THE K. POPPER KNOWLEDGE SYSTEM

M.V. Goncharenko

Tomsk Polytechnic University
E-mail: markgon73@rambler.ru

The relevance of the work is caused by the need to analyze the grounds of denial and prediction of knowledge in the K. Popper neopositivist concept.

The objective of the study is to analyze the problem of neopositivist grounds of denial and prediction in the K. Popper knowledge system in the aspect of knowledge development current trends; to justify the assumption that the statement of the falsificationism concept author on existential form of deduction and impossibility of elimination of axiomatic form structuring knowledge system, is an implicit recognition of the presence of a priori factors.

The methods of the research: comparative method allows us to carry out the correct analysis of various concepts and mythologems in diachronic level; this approach provides a reasoned comparison of the discourse constitution principles at different historical stages, which are caused by the shift of meaning of concepts and mythologems; phenomenological method allows us to show the way and the bases of «redistribution» of the meaning of rational and irrational factors that determines the configuration of this or that discourse in a particular cultural and historical level.

The results of the study: The author has made an assumption that appeal to meta-scientific character of knowledge is pure and simple recognition/statement of interconnectedness of knowledge system to the irrational status; and formulated arguments of the statement that the explanatory theories specified by K. Popper neither have a direct relation to our cognitive abilities nor the mathematical structures, being logical-epistemological description of the continuum, in any way correspond to the represented given continuum object.

Key words:

Knowledge, foundation of refutation, K. Popper, falsification, rationality, expediency.

REFERENCES

1. Popper K. *Predpolozheniya i oproverzheniya* [Conjectures and refutations]. Moscow, Ermak, 2004. 638 p.
2. Vitgenshteyn L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical studies]. Moscow, Gnozis, 1994. P. II, pp. 78–319.
3. Kuayn U.V.O. Slovo i obekt. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. [The word and the object. New in foreign linguistics]. Moscow, Progress, 1986. Iss. XVIII, 321 p.
4. Ladov V.A. Problema realnosti v analiticheskoy filisofii [The problem of a reality in analytic philosophy]. *Vestnik TGU*, 2010, no. 4 (12), p. 30–49.
5. Ardashkin I.B. Ontologicheskie osnovaniya problemno-orientirovannykh issledovaniy [Ontological foundation of the problem-oriented research]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 320, no. 6, pp. 56–63.

УДК 378.662.014.5

ЗНАНИЕВАЯ ИНДУСТРИЯ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ. ПОТЕРИ И ВОЗМОЖНОСТИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ТРАНСФЕРТА

М.П. Чубик

Томский политехнический университет
E-mail: mchubik@tpu.ru

Анализируется проблема коммерциализации знаний в современном исследовательском университете. Основное внимание фокусируется на возможных трансформациях специфики университета в процессе капитализации знаний. Обосновывается тезис о том, что современный университет предпринимает попытку совместить выдающийся интеллектуальный потенциал с идеями конкурентоспособности и предпринимательства. Автономной сферой общественного производства является и знаниевая индустрия, сам же исследовательский университет превращается в предпринимательскую структуру. В статье анализируется проблема формирования «инновационного пояса» как совокупности структур, реализующих заключительные этапы инновационного цикла. Показано, что предпосылкой становления знаниевой индустрии является переход на стадию информационного общества, доминантой которого является знание. Утверждается, что общество выбирает инновационный путь, и именно это осознание роли инноваций придаёт знанию статус решающего фактора – знание становится источником инноваций, а формирование наукоемких отраслей производства – составляющая названного процесса.

Ключевые слова:

Исследовательский университет, знание, технологический трансферт, коммерциализация, знаниевая индустрия, капитализация знаний.

Сегодня, в условиях «неклассического» времени, исследовательские университеты переживают эпоху глобальных трансформаций, предпринимая попытку совместить выдающийся интеллектуальный потенциал с идеями конкурентоспособности, эффективности и предпринимательства. Университет все чаще сравнивают с академическим супермаркетом, фабрикой по производству знаний. Самостоятельной сферой общественного производства становится знаниевая индустрия, и исследовательский университет постепенно превращается в предпринимательскую структуру, в пределах которой производится знание, обретающее статусные характеристики и свойства товара. В условиях экономической и технологической глобализации исследовательский университет входит в контекст коммерческой конкуренции, что сопряжено со сциентификацией социальной жизни и индустриализацией науки. Явление знаниевой индустрии проявляет свою специфику в широком спектре структурных подразделений, формирующих «инновационный пояс» исследовательского университета. Это инжиниринговые центры, технопарки, проектно-конструкторские бюро, малые инновационные предприятия, бизнес-инкубаторы, – все то, что свидетельствует о превращении университета в дорогостоящий бизнес. В сфере знаниевой индустрии и технологического трансферта подобные структуры реализуют заключительные этапы инновационного цикла от прикладных исследований, опытно-конструкторских разработок до внедрения, производства и реализации научно-технической продукции и оказания научно-технических услуг; их основной задачей является обеспечение эффективного взаимодействия науки, образования, промышленности и коммерции.

Предпосылкой становления знаниевой индустрии является переход на стадию информацион-

ного общества, доминантой которого является знание. Университет назван Д. Беллом, одним из авторов либеральной концепции, не только транслятором знаний и ценностей, но «социальным креатором», в назначение которого входит задача культивирования исследований. Одновременно, полагает Белл, университет являет собой «станцию социального обслуживания», – здесь организуется консультирование, здесь создаются рациональные методики; наконец, теоретическое знание, являющее собой действительную производительную силу, в университетском производстве подвержено процессу кодификации и проверки. Работа Д. Белла «Социальные рамки информационного общества» вышла в 1989 г.; именно в ней был впервые использован термин «информационное общество» как обозначающий фазу общества постиндустриального, равно как и была предложена система доминантных признаков этого общества. Определяющая роль была отведена теоретическому знанию. Это знание, по Беллу, важно в организации решений и определении направления изменений, – при этом предполагается первенство теории над эмпиризмом, кодификация знаний в системах символов, использующихся в интерпретации сфер опыта. Общество выбирает инновационный путь, это осознание роли инноваций придает знанию статус решающего фактора, – знание превращено в источник инноваций, и становление наукоемких отраслей промышленности – составляющая этого процесса. Подобно тому, как предприятие являлось ключевым институтом благодаря своей роли в организации массового производства товаров-вещей, университет явится центральным институтом благодаря своей роли источника теоретического знания и инноваций: «...теоретическое знание во всевозрастающей степени становится стратегическим ресурсом, осевым принципом

общества. А университет, исследовательские организации и интеллектуальные институты, в которых теоретическое знание кодифицируется и обогащается, становятся основными структурами возникающего общества» [1. С. 49].

В этих условиях меняется и характер власти. В информационном обществе возникает новая элита, элита знания, основанная не на обладании собственностью, но на владении квалификацией и знанием. Эта новая элита названа Д. Беллом «оверстратом». Подобного рода элита владеет властью в сферах, связанных с интеллектуальной деятельностью, но не в мире большой политики. Однако, становясь меритократическим, общество вынуждено ориентироваться на «интеллектуальную касту», и в силу того, что проблемы политические очень тесно связаны с проблемами техническими, «элита знания» инициирует новые вопросы и предлагает нестандартные решения.

Интересную особенность формирующейся ситуации отмечает Р. Ретрелла. «Сциентификация производства и человеческой деятельности, – пишет он, – заставляет нас поверить, что нет ни временного, ни концептуального, ни материального лага между знанием и конечным продуктом. Вы можете действовать немедленно! И это причина того, почему знание уже не является больше только истиной. Знание стало предметом понимания. Следовательно, сегодня знание только частично. Мы входим в период инструментализации науки и знания: все становится предметом применения, т. е. вопросом техническим, генетической инженерией интеллекта... новое знание – больше уже не результат стремления постичь истину, а итог поиска решений» [2. С. 22].

Формируется ситуация, в которой образование определяет метаквалификацию как систему знаний, облегчающую поиск и усвоение новых знаний. Метаквалификация позволяет человеку найти нужную информацию и усвоить ее, даже если она находится вне пределов его личного опыта. Появляется новая «символическая» форма капитала. «Символический капитал» – знания – имеет принципиально иную природу: он неисчерпаем и одновременно доступен бесконечному числу пользователей без ограничений. Во второй половине XX в. произошло слияние науки и инженерии, изобретательство перестало носить эмпирический характер, стало сугубо научным; научное исследование превратилось в важнейшую сферу общественного производства. Был осознан тот факт, что продажа информации (продажа патента, лицензии, авторского права) создает богатство. Сегодня мы вступаем в эпоху экономического меркантилизма, в которой наука и университет имеют реальную ценность в той степени, в какой они производят сиюминутное, краткосрочное, экономически обоснованное богатство» [2. С. 23]. Тенденция индустриализации науки сама по себе обретает ряд векторов своего проявления: в производителя знания превращается промышленность, меняется соотношение зат-

рат на исследования прикладные и исследования фундаментальные. Объем затрат на фундаментальные исследования в XXI в. в промышленности возрастет вдвое и составит 40 % годового оборота фирм. Специалисты все чаще прибегают к терминам «технологический трансферт» и «предпринимательские университеты», что также красноречиво свидетельствует о возникновении знаниевой индустрии. Коэволюционным становится процесс, в условиях которого университетские исследовательские центры выполняют прикладные разработки по заказу крупных корпораций, а успешные холдинги и концерны создают корпоративные университеты, в которых проводятся в том числе и фундаментальные исследования. Именно корпорационные университеты могут в будущем сыграть роль, подобную роли первых университетов, разрушивших монополию церкви и оторвавших науку от монастырей.

Во все времена университет был центром образования, науки и культуры. Миссия университета, интерпретируемая как смыслообразующее ядро «идеи» университета, синтезирует в себе интеллектуальную, социальную и образовательную функции, задачей же всегда является развитие знаний и поиск истины. Положение кардинально изменилось уже в первое десятилетие XXI в., когда резко выросли темпы трансформаций научных и технологических разработок, когда технологические инновации были превращены в базисный блок конкурентоспособного промышленного производства, обнаружившего непосредственную зависимость от производимого знания. В этой ситуации образование превратилось в доминирующий экономический источник ресурсов. А. Амарал пишет в этой связи: «...проблема университета состоит в изменении некоторых его традиций и отношений с обществом при одновременном стремлении сохранить большинство своих особенностей; это значит, что университеты должны совместить преемственность и изменчивость, расширяя свои роли и функции применительно к новым требованиям с одновременным сохранением традиционных целей, даже в большой мере чем прежде, защищая стратегические альтернативы, потому что это – единственный путь защиты своей целостности и поддержания авторитета в обществе, которое является безусловной базой их свободы» [3. С. 26].

Университеты в ситуации технологического трансферта стоят перед необходимостью компенсировать средства, используемые на инвестиционные вложения промышленности. При этом серьезнейшая проблема связана с безудержным возрастанием темпов роста издержек исследований, поскольку знания обладают эффектом новизны недолго (краткосрочность эта в сфере информационных технологий составляет менее 2 лет), а между тем инвестиционные вложения должны компенсироваться к началу цикла следующего обновления. И еще одна проблема отмечена Р. Ретреллой: если ранее знание было общественным благом, сегодня

оно утрачивает эту функцию. Став предметом потребления, знание подчинено законам рынка, превращаясь в часть рыночного механизма, в инструмент борьбы за глобальное лидерство в области высоких технологий [4. С. 7]. Это, по мнению исследователей, символизирует утрату университетом его универсального предназначения, размывание традиционной миссии университета, превращение университета в средство конкуренции.

В заключение обосновывается тезис о том, что знаниевая индустрия в полной мере и степени обнаруживает свои возможности и в условиях глобализации образовательной сферы. Происходит кластеризация высшей школы, бизнеса и профессиональных сообществ. При этом возрастает роль университетов исследовательского и предпринимательского типа, формирующих вокруг себя распределенные мультикластеры различных образовательных форматов, работодателей и сообществ. Образование – доминирующая часть индустрии знания, последствия же глобализации сегодня представляют собой многовекторный феномен, при этом могут быть названы такие проявления глобализации, как применение интернет-технологий не только для связи, но и для маркетинговых операций со знаниевыми продуктами. Появился и термин для обозначения нового явления – «новый неокOLONиализм», используемый для означивания мощного конгломерата средств информации, ряда ведущих университетов и многонациональных корпораций. «Новый неокOLONиализм» опирается на широко разветвленную сеть провайдеров знания, продвигающих академические программы, тренинговые программы корпораций, проекты, в реализации которых возможно участие предпринимательских структур и университетов.

Университет перестал быть монополистом в процессе трансляции и производства знаний [5]. Сейчас есть масса других упаковок и медиумов, включая обучение через интернет-ресурсы, форумы и краудсорсинговые платформы. В XXI в. генераторами новых знаний становятся информационные сетевые сообщества.

Новейший этап в развитии высшего образования связан с появлением многопользовательских открытых онлайн-курсов (massive open online courses, MOOC) – площадок, предлагающих своим слушателям учебные программы от преподавателей различных университетов вместе с возможностью академического общения и получения официальных сертификатов после сдачи экзаменов [6]. Монетизация MOOC реализована по принципу «фримиум», зарекомендовавшему себя на рынке онлайн-игр. Образовательные курсы предоставляются пользователям бесплатно, однако все дополнительные услуги являются платными, в том числе сертификаты, подтверждающие успешно сданные экзамены, доступ рекрутинговых агентств к профайлам пользователей и т. п.

Экспансия англосаксонских образовательных франшиз (Coursera, EdX, Udacity) началась совсем недавно (проект Coursera был создан в апреле

2012 г. двумя профессорами Стэнфордского университета), но уже в 2013 г. термин MOOC был официально включен в оксфордский словарь, а число слушателей виртуальных аудиторий Coursera превысило 5 млн человек [7]. Веб-образование неожиданно стало конкурентом традиционных образовательных программ, и, что еще более важно, онлайн-образование обострило конкуренцию между самими университетами – в новых реалиях, предполагающих существование открытых курсов, кто-то окажется в лидерах, зато другие, по всей видимости, будут обречены на вымирание. Доступ любого человека к образовательным программам ведущих исследовательских университетов мира совершенно меняет рынок образования в целом. В уже начавшемся процессе коммерциализации онлайн-образования и медиафикации университетов традиционным офлайн-университетам отводится роль региональных реселлеров, потребителями услуг которых становятся люди, не сумевшие встроиться в новое глобальное образование [6]. В ближайшей перспективе может возникнуть два изолированных вида высшего образования: онлайн-образование для всех и дорогое классическое образование для оверстрата.

С другой стороны, Ч. Вест, президент Массачусетского технологического института (MIT), в работе «"Американский исследовательский университет от Второй Мировой до Всемирной паутины": правительства, частный сектор и новый мета-университет» пишет о том, что локальные университеты не будут вытеснены или упразднены. Интернет, по мнению Веста, создает возможности для глобальной научно-исследовательской кооперации, совместного использования знаний и коллективного создания учебно-методических материалов. Достижения в науке и преподавании всегда были результатом коллективных усилий, осуществляемых в рамках конференций, семинаров и научной переписки. Однако в ближайшие годы степень вовлеченности ученых, скорость распространения и сложность доступа и представления информации будут беспрецедентными. Ч. Вест называет в числе университетов, совмещающих высокий уровень образования и исследовательской деятельности, независимые исследовательские институты Макса Планка и университеты Германии, взаимодействующие в рамках сетевого партнерства, а так же совместные инновационные проекты исследовательских центров Кембриджа и MIT. Научно-исследовательские центры мирового уровня создают Китай, Мексика, Сингапур. Речь идет о создании «метауниверситетов», в основу которых будут положена глобальная исследовательская кооперация и совместное использование знаний [8. С. 91–109].

Изучающий историю университетского образования Дж. Аньелли, выступая на торжествах по случаю 900-летия университета Болоньи, отметил, что в течение многих веков университеты «даже в обществах, которыми правили деспоты, были свободны; они были бескорыстны, их задача опреде-

лялась не извне, а ими самими, и этой задачей был поиск знания. С самого начала они были интернациональны по духу. Даже в самые нетерпимые и трудные времена они стояли на том, что знание свободно и универсально. С тех пор как университеты существуют, по ходу своей продолжительной и беспокойной истории они обогатили и разнообразили свое интеллектуальное наследие, оберегая старое и ведя поиск нового знания. Преданный своим принципам, университет выработал отношения с повседневной жизнью внешнего мира, в которую он вошел со своей житницей знания; отсюда ведут свое начало правила мирного сосуществования города и академической мантии; здесь истоки культурного и экономического прогресса. Современное общество – конечный продукт таких отношений и их постепенного развития» [3. С. 26].

В заключение попытаемся ответить на вопрос: будет ли сохранена и приумножена та роль, которую всегда играл университет в интеллектуальной эволюции общества? Каковы возможности и потери технологического трансфера? Авторы, исследующие проблемы, связанные с развитием университетского образования, говорят сегодня об опасностях, с которыми сталкивается современный исследовательский университет. Сможет ли он противостоять всему тому, что размывает его границы и специфику? Сможет ли современный университет, увеличивая масштаб связи с экономическим контекстом, уберечь всегда присущую ему автономию? Становление «знаниевой экономики», консьюмеризация науки и образования будут стимулировать ведущие исследовательские университеты разрабатывать программы развития, реализуя которые только и возможно «отработать» сверхзначительные вложения, вытекающие из контактов с высокотехнологическими корпорациями, в том числе и с транснациональными. Однако жизнь знания коротка, и инвестиционные затраты должны быть компенсированы к началу следующего цикла обновления. В контексте капитализации знаний существует опасность превращения университета в средство конкурентной борьбы за глобальное лидерство в сфере высоких

технологий. Об этой опасности пишет В.И. Красиков [9. С. 15]. В тоже время результатом трансфера университетских знаний являются новые рабочие места, оптимизация производства товаров и услуг, и новые высокотехнологичные приборы, ускорение научно-технического прогресса, улучшение уровня жизни людей, как с точки зрения технологий, так и с точки зрения, связанной со здоровьем, медициной и экологией, словом, все то, что называется «пользой общества» [10. С. 30].

Превращение университетов в предпринимательские структуры по производству знаний может явиться фактором, способствующим уничтожению классической либеральной традиции университетского образования, – этот процесс проявит свою очевидность по мере нарастания тенденций глобализации и сциентизации современной жизни. Ранее можно было говорить о стабильности университетов, предпосылкой этой стабильности было то, что университет всегда имел дело со знанием. Процесс капитализации знаний может превратить университетские структуры в агентства по выдаче лицензий и сертификатов, а академические институты обретут статус рыночных единиц. Университету, столкнувшемуся с трансформациями в собственной парадигме, предстоит действовать как предприятиям (не являясь ими на самом деле), автономия же, – исторически она приравнивается к корпоративной свободе, – будет включена в отношения конкуренции с неверной интерпретацией университета как разновидности дорогостоящего бизнеса.

И, наконец, еще одна проблема, Ж.-Ф. Лиотар, автор тезиса о «смерти профессоров», утверждает [11. С. 4–5]: «Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте». Возможно ли, в ситуации когда «храм» и «супермаркет» занимают одно пространство, а знание производится, чтобы быть проданным, совместить такую потребность человека как экзистенциальное стремление к истине, со стремлением приобрести знание, которому уготован статус товара?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М: Академия, 1999. – 696 с.
2. Ретрелла Р. Университет как место производства знаний // *Alma mater*. – 1994. – № 3. – С. 16–25.
3. Амэрал А. Университет и технологический трансфер // *Alma mater*. – 1994. – № 3. – С. 26–29.
4. Руберти А. Фундаментальная роль университетов в развитии европейского общества // *Alma mater*. – 1994. – № 3. – С. 6–8.
5. Вишленкова Е.А. Представительство или универсализм: университет в истории России // *Русский журнал*. 2011. URL: <http://www.russ.ru/pole/Predstavitelstvo-ili-universalizm-universitet-v-istorii-Rossii> (дата обращения: 10.09.2013).
6. Мартынов К. Дистанционная Coursera // *Отечественные записки*. – 2013. – № 4 (55). – С. 123–125.
7. Проект в сфере онлайн-образования Coursera // *Coursera*. URL: <https://www.coursera.org> (дата обращения: 01.09.2013).
8. Vest C.M. The American Research University from World War II to World Wide Web: Governments, the Private Sector, and the Emerging Meta-University. – Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 2007. – 128 p.
9. Красиков В.И. Университетское образование в контексте традиций и реалий современного информационного общества // *Классический университет в неклассическое время. Труды Томского государственного университета* – 2008. – Т. 269. – С. 13–15.
10. Марков К.А. Коммерциализация научных исследований в университетах США // *Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. – 2009. – № 5. – С. 22–30.
11. Lyotard J.-F. The postmodern condition: A report on knowledge. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. – 144 p.

Поступила 16.09.2013 г.

UDC 378.662.014.5

KNOWLEDGE INDUSTRIALIZATION IN RESEARCH UNIVERSITY. LOSSES AND POSSIBILITIES OF TECHNOLOGY TRANSFER

M.P. Chubik

Tomsk polytechnic university

E-mail: mchubik@tpu.ru

The problem of knowledge commercialization in modern research university is discussed in this article. The main focus is on possible transformations of university features in the process of knowledge augmentation.

The verified thesis on modern university takes an attempt to combine the distinguished intellectual potential with the ideas of competitiveness and entrepreneurship. The knowledge production is an autonomous sphere of social production. The research university itself turns into enterprise structure. The author analyzes the problem of forming the «innovative belt» as a set of structures which actualize final steps of innovative cycle. The turn to information society where knowledge plays the key role is the prerequisite of knowledge production. It is proved, that society chooses an innovative way. This process gives to knowledge the status of a decisive factor. The knowledge becomes a source of innovations. Formation of the knowledge-intensive branches of production is a component of the process mentioned.

Key words:

Research university, knowledge, technology transfer, commercialization, knowledge production, capitalization of knowledge.

REFERENCES

1. Bell D. *Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo* [Future post-industrial society]. Moscow, Akademiya, 1999. 696 p.
2. Retrella R. Universitet kak mesto proizvodstva znaniy [University as a place of knowledge generation]. *Alma mater*, 1994, no. 3, pp. 16–25.
3. Ameral A. Universitet i tekhnologicheskii transfer [University and technological transfer]. *Alma mater*, 1994, no. 3, pp. 26–29.
4. Ruberti A. Fundamentalnaya rol universitetov v razvitiy evropeyskogo obshchestva [fundamental part of universities in development of European society]. *Alma mater*, 1994, no. 3, pp. 6–8.
5. Vishlenkova E.A. Predstavitelstvo ili universalizm: universitet v istorii Rossii [Representation or universalism: university in Russian history]. *Russkiy zhurnal*, 2011. Available at: <http://www.russ.ru/pole/Predstavitelstvo-ili-universalizm-universitet-v-istorii-Rossii> (accessed 10 September 2013).
6. Martynov K. Distantionnaya Coursera [Remote Coursera]. *Otechestvennye zapiski*, 2013, no. 4 (55), pp. 123–125.
7. Proekt v sfere onlayn-obrazovaniya Coursera [Project in on-line education Coursera]. *Coursera*. Available at: <https://www.coursera.org> (accessed 01 September 2013).
8. Vest C.M. *The American Research University from World War II to World Wide Web: Governments, the Private Sector, and the Emerging Meta-University*. Berkeley; Los Angeles, California, University of California Press, 2007. 128 p.
9. Krasikov V.I. Universitetskoe obrazovanie v kontekste traditsiy i realiy sovremennogo informatsionnogo obshchestva [University education within the traditions and realities of modern society]. *Klassicheskiy universitet v neklassicheskoe vremya. Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proc. Tomsk State University. Classical university in nonclassical age]. Tomsk, 2008, vol. 269, pp. 13–15.
10. Markov K.A. Kommertsializatsiya nauchnykh issledovaniy v universitetakh SShA [Commercialization of researches in USA universities]. *Vestnik nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2009, no. 5, pp. 22–30.
11. Lyotard J.-F. *The postmodern condition: A report on knowledge*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1984. 144 p.

УДК 373.512.011-051

ФИЛОСОФИЯ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ОБРАЗОВАНИЯ: РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ МОДЕЛИ ОЦЕНКИ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ АТТЕСТАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

И.В. Брылина

Томский политехнический университет

E-mail: ibrylina@yandex.ru

Статья посвящена актуальной теме – исследованию модернизации сферы образования. Цель – разработка методологических основ модели оценки управления качеством аттестации в сфере образования с использованием методов философской рефлексии и концептуального моделирования. Выделяются две главные функции, связанные с аттестацией: инвариантная, являющаяся общей для всех субъектов РФ; вариативная, обеспечивающая приоритеты развития региональной системы аттестации. Рассматривается вопрос о соотношении объема и содержания инвариантной и вариативной частей. Делаются выводы, что разработка методологических основ региональной модели оценки управления качеством аттестации в сфере образования вызвана необходимостью формирования единой общероссийской системы оценки управления качеством аттестации педагогических работников с учетом потребностей и особенностей регионов.

Ключевые слова:

Управление образованием, философия управления развитием образования, аттестация педагогических работников, оценка управления качеством аттестации, региональная модель оценки управления качеством аттестации.

Статья посвящена проблеме разработки методологических основ модели оценки управления качеством аттестации в сфере образования.

В философии данные вопросы получили осмысление в рамках раздела философии управления развитием образования. На протяжении веков ученые и мыслители мечтали об управлении явлениями и процессами разной природы и порядка – природными процессами (Аристотель, Ф. Бэкон, Н.Ф. Федоров, В.И. Циолковский и др.), социальными процессами (К. Маркс, Э. Фромм и др.), когнитивными процессами (когнитивистика).

Общество – это сложная открытая самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система, трансформирующаяся на основе достижений науки, техники и образования в сетевое информационно-технологическое общество. Соответственно, неизмеримо возрастает роль института образования как важнейшего элемента социокультурной системы, играющего важную роль как в жизни отдельного человека, так и общества в целом.

Система образования как социально-значимый государственный институт, безусловно, нуждается в регуляции, управлении его развитием.

Управление развитием образования возможно на двух уровнях: государственном управлении и саморазвитии и самоуправлении в единстве с другими сферами общественного развития, в том числе и на мировом уровне.

Настораживающие тенденции современной эпохи, такие как тотальная коммерциализация образования, падение престижности педагогических профессий и др., указывают на необходимость разработки новых форм и механизмов модернизации системы образования России, которая проводилась бы не только прежними методами административно-директивного управления «сверху», но и инициировалась бы потребностями самой системы образования «изнутри» силами научного сообщества, заинтересованного в совершенствовании системы образования.

Тема модернизации системы образования в России, управления его развитием акцентируется не только министром образования и науки, но актуальна на всех уровнях: международном, государственном, региональном, отдельных образовательных учреждений.

На международном уровне идет глобализационный процесс формирования общемирового образовательного пространства и, соответственно, поиск конструктивных путей интеграции в него российской образовательной системы.

На государственном уровне ведется активный поиск новых технологий и методологии антикризисного управления системой образования России. Проблема порождена тем, что традиционная трансляционная парадигма образования, основанная на жестком государственном контроле и администрировании, гарантировавшими стабильность образования, устойчивость развития общества и сохранение воспроизводства кадров для экономики, переживает кризис в связи с трансформацией социальной реальности, противопоставившей предшествующей модели образования новую проектно-коммуникативную модель, основанную на принципах рыночной конкуренции, заимствованных из практики современной экономической, политической и социальной жизни. Основное противоречие современной ситуации состоит в том, что государство, с одной стороны, направленно инсталлирует новые проектно-коммуникативные технологии (например, ФЦП, ФЦПРО и др. программы), с другой стороны, не предлагает единой методологии управления развитием образования при помощи новых методик, придерживаясь жестких консервативных норм и принципов.

В этой ситуации на уровне регионов и отдельных образовательных учреждений идет процесс модернизации образовательных учреждений на основе использования информационно-коммуникативных технологий. Эмпирическая практика и теоре-

тические разработки свидетельствуют о приумножении концепций, когда каждый регион, муниципалитет, образовательное учреждение получили возможность базировать собственную работу с учётом региональной, национальной, социокультурной и предметной особенностей. Появляются новые формы образовательных учреждений, инновационных практик, учебных программ, методической литературы. Плюрализм и полионтологичность отразились на развитии образовательных учреждений, когда различные траектории образования намечают направления непрерывного образования, реализовать которые становится возможным через систему дополнительного образования, элитного образования, образования взрослых, образования по интересам и т. д. Всё это влечет отказ от моностратегической установки в управленческой образовательной политике и вызывает необходимость разработки новых методологических подходов к различным социокультурным практикам, в том числе инновационного менеджмента в сфере образования. Само образование приобрело новую – коммуникативную – онтологию, предполагающую неопределённость, неоднолинейность и непрогнозируемость самоорганизационного развития.

Актуальность темы также связана с переменами в самом человеке – агенте социокультурных коммуникаций. Цельность, устойчивость, высота и абсолютность классических идеалов, норм и образцов развития в информационно-коммуникативном обществе не являются репрезентативными. Современный человек – человек, находящийся в системе коммуникаций, – постоянно меняющийся, движущийся, вынужденный всегда находиться в состоянии успеха (успеха) за происходящими изменениями в социальных, культурных и профессиональных областях. Такой человек должен отказаться от готовых алгоритмов в принятии управленческих решений, рисковать в их выборе, быть гибким, способным к нешаблонному мышлению, уметь быстро адаптироваться к социокультурному пространству и т. п.

Кроме того, актуальность проблемы связана с входением образования в коммерческие отношения. Рынок, конкуренция меняют траектории развития в любой социокультурной сфере, в образовании в том числе, и вызывают острую необходимость в инновационном менеджменте в сфере образования.

Все эти факторы принципиально меняют характер управления – его содержание и структуру. Современным предметом управления оказывается движение. Объект управления теряет предметную основу, а сама управленческая деятельность оказывается бесосновно направленной. Классические теории управления прежде не сталкивались с подобной ситуацией и не имеют традиций управления неустойчивой динамической социальностью [1].

Все эти проблемы в настоящее время недостаточно отрефлексированы и требуют философского осмысления поискового характера.

В России в настоящее время реализуется приоритетный национальный проект «Образование», объявленный Президентом РФ В.В. Путиным 5 сентября 2005 г. Министерство образования и науки РФ активно включилось в законодательскую и проектную деятельность по модернизации сферы образования на всех его уровнях: начального, среднего и высшего профессионального образования, и разработку новых методологических подходов в сфере образования, в том числе инновационного менеджмента в средней школе.

«Управление открытым образовательным пространством, рынком образовательных услуг может существовать только лишь через представление на спрос (потребителей образовательных услуг) множества конкурирующих стратегий и практик, педагогических концепций и теорий. Трудность управления многим и разным усиливается тем, что новые общие реальности в современном образовании дополняются в своем конкретном проявлении региональной и местной спецификой рынка. Чтобы адаптироваться к ним, образовательные учреждения находятся сегодня в состоянии постоянных поисков, проб различных концепций и стратегических ориентаций. В плане управления открытым образовательным пространством становится необходимым разрабатывать новые экономические и правовые регуляторы» [1. С. 124], а также образовательные программы и инновационные концепции.

Стремясь удовлетворить потребности общества в подготовке высококвалифицированных специалистов в сфере образования, науки и техники, государство предоставляет право образовательным учреждениям регионов самостоятельно на конкурсной основе разрабатывать новые востребованные формы и механизмы модернизации образования, чем способствовать проведению эффективной единой государственной политики в сфере образования, на основе уже действующих Федеральных законов, приказов Министерства образования и науки РФ, таких как Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2], «Порядок аттестации педагогических работников государственных и муниципальных образовательных учреждений», вступивший в силу с 1 января 2011 г. [3] и др., с учетом аспектов саморазвития и самоуправления.

Сообразно социальным вызовам российской системе образования, а именно: необходимости независимой системы оценки качества образования на всех уровнях системы образования из-за отсутствия целостного видения всего спектра образовательных результатов; отсутствие механизмов оценки качества образования через фиксацию индивидуального прогресса; неполная связанность современных представлений о качестве образования с финансово-экономическими механизмами в сфере образования; необходимости технологического обеспечения всех процессов оценки качества

на всех уровнях образования; слабой связи показателей качества профессионального образования с современными требованиями работодателей к квалификации работников в отраслях экономики, Министерство образования и науки РФ в качестве основного инструмента обеспечения доступности качественного образования в соответствии с требованиями инновационного социально-ориентированного развития России в 2011 г. внедрило Федеральную целевую программу развития образования (ФЦПРО) [4].

К числу ее мероприятий относятся: создание и внедрение независимой системы оценки результатов образования на всех уровнях системы образования; развитие системы оценки качества профессионального образования; создание единой информационной системы сферы образования; повышение эффективности общественно-профессиональной аккредитации образовательных программ [4].

Как можно заметить, большое внимание уделяется проблеме оценки качества образования, в том числе оценки качества управления аттестацией, непосредственно на нее влияющей. В этой связи актуализируется формирование новых моделей, механизмов, инструментов оценки.

Создание эффективной единой системы, общей для всех субъектов РФ, – задача непростая, требующая проведения целого комплекса подготовительных работ и, прежде всего, разработки концептуальной модели оценки управления качеством аттестации в сфере образования, а на ее основе – формирования региональной модели оценки управления качеством аттестации педагогических работников и руководителей образовательных учреждений.

Формирование такой единой системы оценки управления качеством аттестации в сфере образования требует разработки ее методологических основ с использованием философской рефлексии.

Данная статья описывает механизм разработки одного из аспектов управления развитием образования, а именно модель оценки управления качеством аттестации, которая играет важную роль и имеет большую социальную значимость для системы образования в целом и системы оценки качества образования в частности.

Эта статья является первой в цикле статей, посвященных разработке, апробации и внедрению региональной модели оценки управления качеством аттестации в сфере образования, и анализирует ее методологические основы и разработку основных требований к формированию региональной модели оценки управления качеством аттестации.

Начнем с обоснования направления исследования.

Разработка региональной модели оценки управления качеством аттестации предполагает, прежде всего, раскрытие содержания понятия «Оценка управления качеством аттестации», которое возможно через постановку ряда конкретных проблем и вопросов, таких, например, как:

- каков объект управления?
- каким образом возможно измерить качество управления?
- что должно входить в систему управления?

Оценка управления качеством аттестации является, таким образом, интегральным понятием, включающим в себя оценку профессионального опыта, мотивации, личностных качеств педагогических работников и руководителей образовательных учреждений. Проводимая в соответствии с новым Порядком аттестации педагогических работников и руководителей образовательных учреждений [3] аттестация в регионах будет реализовываться с учетом этих особенностей через структуры, сформированные по различным региональным кластерам.

Аттестация является важнейшим средством оценки и стимулирования профессионализма педагогических работников и руководителей образовательных учреждений. Согласно Порядку аттестации педагогических работников государственных и муниципальных образовательных учреждений, она проводится в целях подтверждения соответствия педагогических работников занимаемым ими должностям на основе оценки их профессиональной деятельности или установления соответствия уровня квалификации педагогических работников требованиям, предъявляемым к квалификационным категориям (первой или высшей). Повышение эффективности управления качеством аттестации педагогических работников и руководителей образовательных учреждений невозможно без определения задач оценки управления качеством аттестации, которыми являются следующие:

- целенаправленное стимулирование непрерывного повышения уровня квалификации педагогических работников и руководителей образовательных учреждений, их методологической культуры, личностного профессионального роста, использования ими современных педагогических технологий [5];
- поиск путей повышения эффективности и качества педагогического труда;
- максимальное раскрытие профессиональных возможностей педагогических работников и руководителей образовательных учреждений.

Задачи по оптимизации и повышению качества аттестации педагогических работников и руководителей образовательных учреждений требуют разработки региональной модели управления качеством аттестации, а также методических рекомендаций по её реализации и создания системы консультационного сопровождения.

Разработка детального плана исследования предполагает подробное описание последовательности работ по теме исследования, которыми являются:

- разработка методологии, методики и инструментария;
- проектирование модели (ее структуры и функций), включающей в себя федеральный инвариант и вариативную часть, учитывающую региональные социально-экономические, экологиче-

- ские, демографические, этнокультурные и другие особенности субъектов РФ;
- разработка методологии электронного мониторинга аттестации педагогических работников, отражающей современное состояние и методики оценки управления качеством аттестации на всех уровнях системы образования: федеральном, региональном, муниципальном и уровне образовательного учреждения;
- проведение апробации и пилотного внедрения региональной модели;
- разработка рекомендаций по экспертному (консультационному) сопровождению региональных кураторов (координаторов);
- проведение мастер-классов по оценке управления качеством процесса аттестации педагогических работников и руководителей образовательных учреждений с лицами, ответственными за ее организацию;
- разработка методических рекомендаций по эффективному управлению качеством аттестации педагогических работников и руководителей образовательных учреждений с учетом региональной специфики;
- внедрение региональной модели оценки управления качеством аттестации в сфере образования на территории всей РФ;
- доработка региональной модели на основе экспертных оценок и результатов апробации и внедрения.

Сформулируем основные требования к формированию региональной модели оценки управления качеством аттестации.

Исследование материалов о деятельности различных уровней управления аттестацией в сфере образования в регионах приводит к выводу о необходимости рассматривать ее в качестве элемента общенациональной инфраструктуры системы оценки качества образования, включающего несколько уровней организации:

- федерального;
- регионального;
- муниципального;
- возможно, и образовательного учреждения.

Каждый из этих уровней решает задачи сквозного характера, обеспечивающие федеральные интересы по единообразию системы, возможности сравнительного анализа деятельности в регионах с задачами регионального уровня.

Формируемая инфраструктура должна строиться на основе единства [5]:

- функционала (перечня обязанностей, выполняемых работником);
- содержания;
- технологий.

Особенностью формируемой модели является то, что способов организации информационных потоков в данной системе только два:

- 1) вертикальный (основанный на иерархии существующей системы образования), которой, в свою очередь, включает две составляющие:

- сверху (на федеральном уровне) задаются стратегия организации и содержание информации;
- снизу (от образовательного учреждения на региональный и федеральный уровни), проходя на каждом уровне определенную агрегацию;

- 2) горизонтальный, когда обеспечивается обращение информации на каждом из уровней управления качеством аттестации.

Опыт практической деятельности органов управления образованием субъектов РФ показывает, что они решают вопросы, заданные на федеральном уровне (обеспечивая их необходимой информацией), однако наличие региональных приоритетов заставляет их формировать и другие направления деятельности, требующие специального информационного сопровождения (специальной дополнительной организации информационных потоков). Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что при реализации функций, связанных с аттестацией, государственные органы управления образованием субъектов РФ выделяют две главные.

1. В соответствии с действующей нормативно-правовой базой, обеспечивающей управление качеством аттестации, реализуется инвариантная функция, обеспечивающая интересы РФ в вопросах региональной модели оценки управлением качества аттестации. Функции региона в этом случае выстраиваются в соответствии с функциями РФ, иначе просто невозможно обеспечить вертикаль управления качеством аттестации, невозможно оперативно реагировать на изменение стратегии аттестации, задаваемой Федерацией.
2. Реализуются вариативные функции, обеспечивающие приоритеты развития региональной системы аттестации и системы образования.

Таким образом, информация, перемещающаяся по формируемой вертикали, должна иметь две составляющие:

- инвариантную, являющуюся общей для всех субъектов РФ (организационно, технологически и содержательно она закладывается на федеральном уровне);
- вариативную, организация и содержание которой определяются самостоятельно региональным уровнем. Однако и здесь может иметь место инвариантная составляющая (регион, муниципалитет, образовательное учреждение), определяемая на организационном, технологическом и содержательном уровне для уровней собственного и нижележащих. Вариативная дополняет имеющуюся инвариантную информацию, исходя из уровня развития системы управления качеством аттестации (регион, муниципалитет, возможно, образовательное учреждение) (рисунок).

На федеральном уровне задается инвариант (определяется нормативной базой), обеспечиваю-

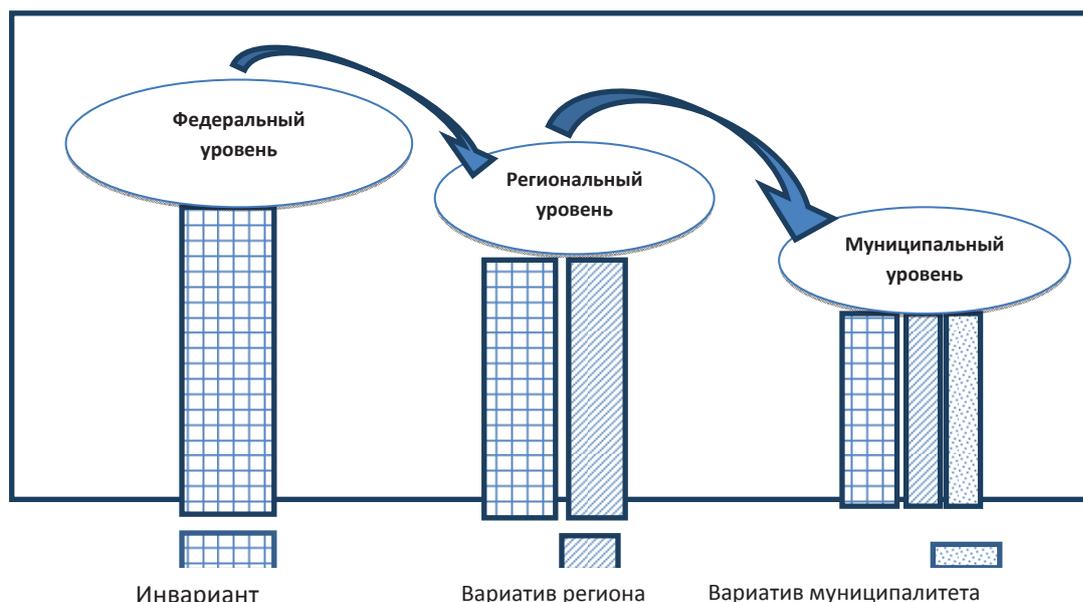

Рисунок. Уровни поступления информации об управлении качеством аттестации

щий управление качеством аттестации педагогических работников. Информация инварианта не должна превышать 70 % общего объема информации. Можно предположить, что в регионах, обладающих эффективной системой управления, эта составляющая может изменяться, например, за счет сокращения вариативной части (ведь чем эффективнее управление, тем меньше дополнительной информации требуется руководителям системы управления качеством). Содержание информации в ее вариативной составляющей определяется приоритетами развития аттестационных процедур на заданном уровне. Так, одним из приоритетов развития региональной системы образования является результативность образования. В этом случае необходимо получить представления о процессе в целом, для того чтобы понять, каков механизм изменения условий, обеспечивающих ускоренное развитие результативности системы образования в соответствии с результатами аттестации педагогических работников и руководителей образовательных учреждений.

Аналогично уровням и качеству поступления информационного обеспечения рассматривается вопрос о критериях и показателях, используемых в системе оценки качества управления аттестацией и используемого инструментария. По сути дела, речь идет об унификации подходов к использованию критериев и показателей, а также инструментария оценки управления качеством аттестации, без которых не представляется возможным обобщение и сопоставление получаемой информации.

Таким образом, представляется важным определить общие требования к организации региональной модели оценки управления качеством аттестации, которые, с одной стороны, обеспечивают организационное и содержательное единство процедур аттестации педагогических работников и ру-

ководителей образовательных учреждений на региональном уровне, с другой стороны – позволяют реализовать региональные интересы образовательных структур. К таким могут быть отнесены задаваемые на федеральном уровне:

- единство функций, позволяющее обеспечить единство организации деятельности в сфере образования по реализации модели оценки управления качеством аттестации в пределах страны;
- единство требований к содержанию процедур и инструментария аттестации, закрепленное в стандартизированных подходах к предмету оценивания;
- единство технологий, опирающееся на единство критериев и показателей, что позволяет получать сопоставимые на федеральном уровне результаты оценки управления качеством аттестации и сохранять свободу выбора средств на региональном уровне в части реализации региональных приоритетов;
- единство подходов в подготовке членов аттестационных комиссий и экспертных групп, способных обеспечить единство требований к содержанию и технологиям оценки управления качеством аттестации;
- наличие региональных вариативных функций, основанных на региональных приоритетах.

Выводы

В современных условиях система образования нуждается в инновационном менеджменте, что выразилось в том, что государство отошло от монополизации сферы управления развитием образования, и предоставило большую широту процессам его самоорганизации, когда новые законопроекты, программы, модели не «спускаются сверху», а предоставлена возможность отдельным регионам,

образовательным, научным организациям и учебным на конкурентной основе принимать активное творческое участие этом процессе (через систему государственных закупок, Федеральных целевых программ, в том числе ФЦПРО). Вместе с тем сформировавшаяся система государственных закупок в целях большей информационной прозрачности, государственного надзора и контроля за заключением государственных контрактов на поставку продукции и оказание услуг во всех сферах, в том числе в образовании, не решила проблему заключения государственного контракта с организацией, имеющей лучшее предложение по качеству обеспечиваемых работ и составу участников, а не с организацией, «демпингующей» (значительно занижающей) цену контракта. С целью разрешения данной проблемы существует система экспертных оценок, где специалисты оценивают соответствие соотношения в заявке цены и качества работ для того, чтобы было отобрано самое оптимальное предложение.

Федеральная целевая программа развития образования создает дополнительные механизмы, призванные гарантировать высокий результат исследовательской деятельности организаций, с которыми заключены государственные контракты по их проектам, а именно: создание единого ресурса – комплексной информационно-аналитической системы (КИАС), на базе которой объединятся тысячи экспертов в сфере образования из разных регионов и организаций для проведения экспертизы созданных проектов, оценке их эффективности. Данная разработка методологических основ региональной модели оценки управления качеством аттестации в сфере образования прошла на настоящий момент несколько этапов экспертной оценки: заключения и замечания экспертов, ответы на замечания, обсуждение результатов при проведении 10 мастер-классов с лицами, ответственными за организацию аттестации, включая членов аттеста-

ционных комиссий, руководителей экспертных групп в 8 федеральных округах РФ (на территории Центрального, Южного, Северо-Западного, Дальневосточного, Сибирского, Уральского, Приволжского и Северо-Кавказского федеральных округов Российской Федерации).

Таким образом, глобальная проблема модернизации системы образования в России и подготовки специалистов в условиях многоуровневой непрерывной образовательной системы решается через интеграцию творческого и образовательного пространств, на что указывают многие современные исследователи в сфере образования в неклассическое время [5–8]. Посредством использования методов творческого поиска образовательная система преобразуется из системы консервативной в систему инновационную.

На основании разработанных методологии и инструментария будет формироваться проект региональной модели оценки управления качеством аттестации в сфере образования, который сможет привести к завершению осуществления многочисленных проектов, реализуемых в настоящее время на уровне отдельных образовательных учреждений, муниципалитетов и субъектов РФ для обеспечения последовательных изменений в сфере аттестации педагогических кадров, а в перспективе – к формированию единой системы оценки управления качеством аттестации педагогических работников и руководителей образовательных учреждений, благодаря которой станет возможным проводить оперативный сравнительный анализ педагогической деятельности в регионах, оказание им своевременной необходимой помощи и поддержки.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Наука», тема № 6.2158.2011 «Исследование теории адаптации науки и высшего профессионального образования в условиях инновационных преобразований общества».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрова Г.И. Философия управления: методологические подходы к практике управленческой деятельности в образовании (Коммуникативное содержание открытого образовательного пространства как предмет философии управления). – Томск: Изд-во ТГУ, 2008. – 130 с.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Министерство образования и науки РФ. URL: <http://минобрнауки.рф/> (дата обращения: 13.05.2013).
3. Порядок аттестации педагогических работников государственных и муниципальных образовательных учреждений // Российское образование. Федеральный образовательный портал: учреждения, программы, стандарты, ВУЗы, тесты ЕГЭ, ГИА. URL: http://www.edu.ru/db-minobr/mo/Data/d_10/prm209-1.htm (дата обращения: 13.05.2013).
4. Гюжеля Д. ФЦПРО как основной инструмент обеспечения доступности качественного образования в соответствии с требо-

- ваниями инновационного социально-ориентированного развития РФ. URL: <http://youngscience.ru/files/12.04.17-Guzhelia.pdf> (дата обращения: 21.04.2013).
5. Хаткевич С.П. Философское осмысление подходов и принципов современного управления развитием образования // Известия Томского политехнического университета. – 2004. – Т. 307. – № 1. – С. 158–160.
6. Квеско Р.Б. Философия образования. – Томск: Изд-во ТГУ, 2008. – 83 с.
7. Петрова Г.И. Классический университет в неклассическое время. – Томск: Изд-во НТЛ, 2010. – 164 с.
8. Власов В.А., Дмитриенко В.П., Коваленко О.С. Научная деятельность в университете инновационного типа: монография. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2008. – 118 с.

Поступила 17.05.2013 г.

PHILOSOPHY OF EDUCATION DEVELOPMENT MANAGEMENT: RESEARCH OF METHODOLOGICAL BASES OF REGIONAL MODEL OF ASSESSING CERTIFICATION QUALITY MANAGEMENT AT THE EDUCATIONAL SPHERE

I.V. Brylina

Tomsk Polytechnic University

E-mail: ibrylina@yandex.ru

The article focuses on an important topic – the study of educational sphere modernization. The aim of the study is to research the methodological bases of regional model of assessing certification quality management of educational sphere, using the methods of philosophical reflection and conceptual modeling. The author allocated two main functions connected with certification: invariant function, which is common to all subjects of the Russian Federation; variation function providing the development priorities of the regional certification system. The paper considers the issue of volume and content ratio of invariant and variable parts. It is concluded that the research of the methodological bases of a regional model of assessing certification quality management in educational sphere is caused by the necessity of forming a unified national system for evaluating the quality management certification of teachers considering the needs and characteristics of the regions.

Key words:

Management of education, management philosophy of the development of education, certification of teachers, assessment of certification quality management, regional model of assessment of certification quality management.

REFERENCES

1. Petrova G.I. *Filosofiya upravleniya: metodologicheskie podkhody k praktike upravlencheskoy deyatel'nosti v obrazovanii (Kommunikativnoe sodержanie otkrytogo obrazovatel'nogo prostranstva kak predmet filosofii upravleniya)* [Management Philosophy: methodological approaches to the practice of management in education (Communicative content open educational space as a matter of management philosophy)]. Tomsk, TGU, 2008. 130 p.
2. Federalny zakon Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.2012. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of 29 December 2012 № 273-FZ «On Education in the Russian Federation»] *Ministerstvo obrazovaniya i nauki RF* [Ministry of Education and Science]. Available at: <http://minobrnauki.rf/> (accessed 13 May 2013).
3. Poryadok attestatsii pedagogicheskikh rabotnikov gosudarstvennykh i munitsipalnykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy [Procedure for certification of teachers and public municipal educational institutions]. *Rossiyskoe obrazovanie. Federalny obrazovatelny portal: uchrezhdeniya, programmy, standarty, VUZy, testy EGJe, GIA* [Russian education. Federal Educational Portal: agencies, programs, standards, universities, tests EGE, GIA]. Available at: http://www.edu.ru/db-minobr/mo/Data/d_10/prm209-1.htm (accessed 13 May 2013).
4. Gyuzhelya D. *FCPRO kak osnovnoy instrument obespecheniya dostupnosti kachestvennogo obrazovaniya v sootvetstvii s trebovaniyami innovatsionnogo sotsialno-orientirovannogo razvitiya RF* [FCPRO as the main tool to ensure access to quality education in accordance with the requirements of the innovation-oriented social development of the Russian Federation]. Available at: <http://youngscience.ru/files/12.04.17-Guzhelja.pdf> (accessed 21 April 2013).
5. Khatkevich S.P. *Filosofskoe osmyslenie podkhodov i printsipov sovremennogo upravleniya razvitiem obrazovaniya* [Philosophical understanding of approaches and principles of modern management education development]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2004, vol. 307, no. 1, pp. 158–160.
6. Kvesko R.B. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of Education]. Tomsk, TGU, 2008. 83 p.
7. Petrova G.I. *Klassicheskiy universitet v neklassicheskoe vremya* [Classic University in nonclassical time]. Tomsk, NTL, 2010. 164 p.
8. Vlasov V.A., Dmitrienko V.P., Kovalenko O.S. *Nauchnaya deyatel'nost v universitete innovatsionnogo tipa: monografiya* [Scientific activities at the University of innovative type: monograph]. Tomsk, TPU, 2008. 118 p.

УДК 378.147

УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ КАК ФОРМА СТУДЕНЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ И ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

И.Б. Ардашкин

Томский политехнический университет
E-mail: ibardashkin@mail.ru

Актуальность статьи обусловлена необходимостью осмысления и разработки новых форм организации образовательного процесса в контексте когнитивного поворота, происходящего сегодня в сфере информационных и познавательных процессов.

Цель работы: выявление первостепенных и наиболее значимых форм образовательной деятельности в системе высшего образования, позволяющих компетентно осуществлять управление знаниями как самим учащимся, так и преподавателям.

Методы исследования: метод экспликации, метод сравнительного анализа, метод этимологического анализа.

Результаты: В процессе рассмотрения трансформации цели и содержания высшего образования в контексте перехода к информационному обществу делается вывод о первостепенности инициативы и самостоятельности студентов как важнейших факторов подготовки в системе высшего образования. Предполагается, что преподаватель должен эмпатически поставить себя в ситуацию учащегося, чтобы сформировать необходимый опыт в качестве примера для студентов в организации образовательного процесса и повышения степени его эффективности.

Ключевые слова:

Образ, образование, инициатива, управление, знание, опыт.

Введение

Когнитивный поворот (когнитивная революция) стимулирует к пересмотру многих представлений о человеке, мире и их способах взаимодействия. Касается это и системы образования: его цели, характера, содержания и их влияния на участников (актеров, субъектов) такого процесса, поскольку здесь действительно присутствует сложная проблема. Она заключается в том, что современное образование предполагает иной способ своей организации, иной принцип участия в нем, как преподавателей, так и учащихся. И этот способ осуществления образовательной деятельности в обычном представлении не совпадает с тем, что сегодня собой представляет цель и содержание образования. Кроме того, трансформация образовательного процесса предполагает и глубокую перестройку самих преподавателей и учащихся. Поэтому и возникает затруднение, а как система образования может быть организована в условиях когнитивного поворота, если и контингент преподавателей разного звена и контингент учащихся разного звена «живет» на основе традиционной схемы осуществления образовательной деятельности. Как и те, и другие смогут перестроиться, выработать и применить новые подходы? Способны ли преподаватели, подавляющее большинство которых сформировалось, работало и продолжают работать в традиционной образовательной схеме, измениться, найти в себе ресурсы для овладения и использования новых подходов?

По-мнению автора, да. Но важно понимать, что первый шаг в этом направлении за преподавателями. Он должен свестись к тому, чтобы последние поставили себя на место учащихся, фактически стали ими. Именно преподаватели должны сделать шаг первыми, поскольку им сегодня лучше видны те изменения, которые претерпевает собственно преподавательская деятельность, образование в

целом. Собственно данному вопросу и посвящено содержание статьи.

Предмет и методы исследования

Но прежде следует обозначить главный тезис статьи: новые знания, информация, умения, навыки, владения, собственно образование будут намного лучше усвоены, если учащийся самостоятельно будет осуществлять их выбор и достижение. Инициатива учащегося (прежде всего, студентов) – это главное условие организации образовательного процесса в современном мире, позволяющее добиваться необходимого результата для общества. Самостоятельность учащегося, ее предоставление и умение ею воспользоваться, – это главный критерий оценки эффективности современного образования.

Для доказательства обозначенного тезиса автор планирует использовать метод экспликации, с чьей помощью уточнит ряд ключевых понятий и процессов, протекающих в системе познания и образования в условиях становления информационного общества; намерен прибегнуть к методу сравнительного анализа с целью демонстрации особенностей организации образовательного процесса в рамках его традиционной модели и в рамках когнитивного поворота. Кроме того, автор прибегнет к возможностям этимологического анализа для выявления дополнительных концептуальных значений уже известных нам понятий.

Результаты

Когнитивный поворот многое поменял в наших представлениях о знании и познании, а образование, как феномен и как практика, неразрывно связано с нашим пониманием познания. Продемонстрируем, как в традиционной модели образования осуществлялась организация образовательного процесса. Она базировалась на так называемой

теории отражения, где человек (субъект) выступал в качестве своеобразного пассивного «зеркала», которое оказывалось способным отобразить окружающий мир более-менее точно. Допускалась возможность «искажений», но лишь по причине проявления человеком небрежности, невнимательности либо при желании что-то подстроить под свои представления о познаваемом предмете. Но главная сущность здесь заключается в том, что познание и его результаты должны минимизировать участие человека (субъекта). Сходным образом строилась и система образования: объективные знания об окружающем мире, дифференцированные по соответствующим предметам, представлялись специалистами учащимся. Основная задача учащегося – усвоить эти знания, основная задача преподавателя – передать эти знания учащимся, основная задача образования – организовать процесс передачи знаний от преподавателя к учащемуся для овладения ими. Учащийся должен был любыми способами усвоить необходимый объем знаний, чем и измерялось качество образования, его уровень (начальное, среднее, высшее). Предполагалось, что это знание позволит в жизни обрести определенный статус, поможет найти себя в обществе.

Для традиционной модели образования свойственен такой порядок вещей по причине того, что существовало представление (пусть даже примерное) о том, для какой специальности, профессии какой объем знаний требовался. При этом вполне допускалось то, что наличие образования (по крайней мере, среднее и высшее) не есть необходимое требование. Без образования «жизнь не заканчивалась», поэтому оно являлось нужной, но не необходимой составляющей жизнедеятельности общества.

Когнитивный поворот, современниками которого мы являемся, показывает, что суть и содержание образования в традиционном виде не соответствует реалиям современного мира. Не соответствует, поскольку трансформировалось понимание знания и познания, поскольку меняются наши представления о когнитивных способностях человека, поскольку мир, в котором мы живем, интенсивно меняется.

Познавательный процесс сегодня больше трактуется как конструктивный (от слова конструкция), нежели как отражательный. Субъект не рассматривается как отдельное, обособленное от мира, начало, благодаря чему оно способно объективно отображать окружающую действительность. Познание – это процесс креативный, где главным становится устремление создать, сотворить определенный образ мира. Человек здесь пребывает в ситуации сотворчества, так как только взаимодействии с обществом, с миром создает почву для конструирования и позволяет в полном смысле что-то создавать.

Меняется и значение знания. Оно не только содержит в себе сведения о мире, о предметах и про-

цессах в нем происходящих. Знание становится конструктивной единицей, «паттерном» творческих усилий человека. «Знать» для человека – это не столько уметь в когнитивном виде отображать мир, сколько создавать новые образы, новые конструктивные измерения его демонстрации. Эту особенность наиболее четко подтверждает интенсивность появления новых знаний в современном мире. Если ранее для удвоения всего объема знания, которым обладало человечество, требовались столетия, в прошлом веке – десятилетия, то в наше время это может произойти за несколько лет. Соответственно меняются и технологии получения, обработки и хранения знания, которые также влияют на способы работы с последними.

Традиционно знания представляли собой информацию, доступную далеко не каждому специалисту, сегодня же информационные технологии, Интернет кардинально облегчили возможность ознакомления с любым знанием. Существующая сверхдоступность знания практически инициирует процесс его трансформации в информацию, где последнюю следует понимать как «бессубъектное знание» (само понятие «информация» очень четко демонстрирует суть обозначенной трансформации: «ин-»форма-»ция»; это фактически процесс и результат формализации знания, помещение его в форму).

Когнитивный поворот выявляет, что в познании содержательный аспект знания становится не столь важным, как это представлялось в традиционной эпистемологии. Мир меняется, мир плюралистичен и многообразен, нет такого знания, которое могло бы выразить всю его полноту. Не случайно и тема истины в современной эпистемологии не самая популярная. Знание в процессе познания – это лишь некий материал, позволяющий человеку конструировать, чье предметное содержание не столь уж и важно. Как пишет Е.Н. Князева, характеризуя конструктивистские особенности современной эпистемологии, «с позиции конструктивизма не существует предметов знания, которые были бы независимы от субъекта, знание есть порождение понятийных структур и схем восприятия и действия. Знания не должны находиться в соответствии с онтологической реальностью, но они должны встраиваться в общую структуру опыта, подходить к ней» [1. С. 247].

Субъект получает инициативу в познавательном процессе, пребывает во взаимодействии с обществом, миром, но сегодня эти факторы не столько ограничивают его когнитивные интенции, сколько «обогащают» их. Субъект свободен в своих креативных усилиях и одновременно ответственен (по крайней мере, таким он должен оставаться с позиции нетрадиционной современной эпистемологии). Имея дело с информацией, субъект, с одной стороны, осознает независимость ее существования и функционирования от себя, но, с другой стороны, обретает состояние «освобождения» (пробуждения), творческого предвку-

шения, позволяющее ему активизировать самостоятельные шаги познавательных интенций. Информационные технологии, в рамках которых и происходит процесс «трансформации знания в информацию», фактически снимают значимость предметного содержания знания (субъект не обязательно в познании через знание воспроизводит действительность). Они актуализируют аспект разработки знания, процессуальную составляющую его создания, функционирования и хранения. «Именно поэтому при освоении знания в форме информации акцент ставится не на его результативности, а на его процессуальности. Возникает вопрос о познаваемости знания в его порождаемости. Речь идет не столько о том, какая истина в результате познания открылась, сколько о том, как эта истина открывается, как уловить ее рождение и дальнейшую трансформацию в актах ее устаревания и бесконечного информационного порождения как новой. Акцент в современной эпистемологии ставится на когнитивных процессах, навыках, способностях, умениях улавливать движение истины. Условия информатизации не диктуют больше необходимости усвоения устойчивой суммы профессиональных и общекультурных знаний (их как устойчивых сегодня просто нет). Познание в век информации – это овладение способами и методами добывания знания, навыками легко ориентироваться в быстро меняющемся мире» [2. С. 95].

Состояние «освобожденности» субъекта, обусловленное процессами информатизации, позволяет ему сбросить «груз» имеющихся знаний, заключив их в «форму», «развязать себе руки» для свободы осуществления познавательных усилий. Именно это следствие когнитивного поворота лишает человека возможности остаться «пассивным наблюдателем». Поэтому образование как механизм социализации, окультуривания превращается из потребности желательной (желаю, получаю образование, не желаю, не получаю) в потребность необходимую. Образование сегодня становится фактически обязательной жизненной стратегией человека, в которой человек не столько получает знания, сколько их вырабатывает, учится это делать. Конечно, все сказанное влияет и на процесс образования, его цель и содержание.

Очевидно, что образование становится ключевым фактором развития современного общества, где человек не просто получает образование, но постоянно пребывает в этом процессе. Он должен обязательно уметь не только читать, писать и считать, но и пользоваться персональным компьютером как стержневым средством информационных технологий, применять достижения последних в своей деятельности. Ведь именно эти умения могут позволить ему, не обладая нужными знаниями в той или иной сфере, их оперативно получить.

Вообще информационные технологии заставляют задуматься, зачем человеку необходимо овладеть определенным объемом знаний, если любая информационная база данных (банк дан-

ных) всегда позволит иметь под рукой намного превышающий его способности объем (в плане выражения емкости их содержания). Кроме того, даже если человек все же стремится запомнить какую-то часть информации, то в современном мире, учитывая динамизм его развития, делать это становится бесполезно. Знание быстро меняется, обновляется и не в способностях одного человека успевать отслеживать подобные трансформации. Как пишут Г.И. Петрова, Ю.М. Стаховская, «информация в бесконечности своих потоков не может задать социальные пределы, рамки, границы. Они постоянно изменяются, и вместе с информационным движением и изменением меняется, потеряв стабильность, и общество. Теперь оно репрезентируется процессуальностью, движением и изменением» [3. С. 106].

Традиционная система образования строилась на основе принципа трансляции знания, главный смысл которой выражается действием передачи знания от более опытного его обладателя к менее опытному. Само понятие традиционное образование очень четко этимологически выражает указанный смысл: *traditio* в переводе с латыни означает передача. «Традиция – это социокультурная схема, определяющая механизм выработки, накопления, сохранения и трансляции, трансформации» [4. С. 88] опыта и знания. Главное в любом традиционном процессе (в том числе и в образовании): накопление, сохранение, передача.

Процесс развития общества, приводящий последнее к стадии информационной доминанты и представленный состоянием когнитивного поворота (трансформацией знания в информацию), свидетельствует о том, что традиционного механизма образования уже недостаточно для функционирования социума. Действительно, какой смысл копить, хранить и передавать информацию, если она все время устаревает. В таком случае образование как социальный институт остается невостребованным, либо предполагается, что оно изменится, найдет новые формы и механизмы своего осуществления.

Данная ситуация заставляет обратиться к вопросу о цели образования, о его необходимости для человека в современном мире. Как уже выше было сказано, передача накопленного опыта и знаний вряд ли может считаться такой целью. Ранее подобная цель связывалась также с получением человеком профессии, обретением им статуса специалиста в конкретной сфере, поскольку считалось, что профессия обретается за счет освоения определенных знаний и опыта.

Сегодня постоянная динамика жизни, изменчивость и текучесть знаний заставляет отказаться от подобного понимания цели образования. Но какова тогда эта цель для современного общества?

Для уточнения вопроса о цели образования в современном обществе обратимся к этимологии слова «образование». Это слово происходит от слова «образ», который в переводе с различных сла-

вянских языков означает «изображение, картина... икона» [5]. Слово «образ», в свою очередь, формируется из сочетания приставки «об» и корня «раз». В этимологическом словаре М. Фасмера уточняется, что «первоначально «газь» связано чередованием гласных с резать. Родственно литов. *guozas* «полоса, черта», *rezti* «резать, делать черту», лтш. *guoza* «возвышенность, бугор; полоса, луг, ряд», греч. *ρωζ* м. ж. «трещина», *ρηυμι* «рву, проламываю»» [6]. Получается, что образование связано с деятельностью по формированию образа (образов) чего-либо. А образ этимологически означает некоторый предел (полоса, черта, ряд), который необходимо преодолеть (резать, рвать, проламывать). Тем самым образ может пониматься как определенная картина, чьи рамки необходимо пересматривать.

Для образования образ следует рассматривать как картину мира, формируемую человеком посредством усвоения определенного опыта и знаний. В традиционном образовании создаваемая картина (образ) мира человеком не столько формировалась, сколько передавалась из поколения в поколение и усваивалась, дополнялась. Для нетрадиционной системы образования данная цель сохраняется в качестве одной из функций, а на первое место выходит задача формирования самостоятельного образа (картины) мира. Причем следует уточнить, что формирование самостоятельного образа (картины) мира становится возможным только при умении не просто находить или создавать новые знания, но и оперировать ими. Сегодня мало создать какую-то информацию, породить идею, картину (образ), необходимо использовать эти конструкции. Такое применение знаний получило название инновация. Последняя представляет собой новый способ оперирования знаниями и опытом, который является механизмом общественного развития. Суть его заключается в том, что каждый получает возможность выступить в качестве «инженера» социальных процессов, главное, чтобы эти процессы носили позитивный характер, но это не гарантировано. Или, выражаясь словами Г.И. Петровой, Ю.М. Стаховской, описываемые изменения можно обозначить как то, что «на место традиции как механизма социального развития пришла инновация, и управление социальными процессами ответило на данное изменение стратегией когнитивного менеджмента. Эта стратегия базируется на исследовании нового механизма развития – инновации» [3. С. 107].

При инновации как способе социального развития цель образования может автором быть определена как формирование самостоятельного образа (картины) мира и поддержание его адекватного состояния для человека в условиях меняющейся действительности. Важнейшим моментом образовательного процесса, связанного с аспектом поддержания сформированного образа мира в состоянии корреляции с динамикой знаний и информации, является управление этим образом.

Управление образом представляет собой и главную цель содержания образования в его нетрадиционном понимании. Именно ракурс управления соответствует той динамике развития, которую задает миру процесс трансформации знания в информацию (или, как принято сегодня говорить, процесс формирования информационного общества). В наше время мало просто сформулировать собственный когнитивный образ мира, намного важнее его постоянно корректировать, что невозможно без функции управления. Особенно четко демонстрирует эту необходимость морфологический анализ слова «управление», где корнем является «прав», происходящее от глагола «править». Управлять, таким образом, значит «руководить, направлять чье-нибудь движение, совершать, исполнять, исправлять ошибки в чем-нибудь, отделять, придавать нужный вид» [7]. Управление образом предполагает постоянное внесение правок (изменений) в его содержание, поддержание себя в ситуации готовности эти правки внести. Если для традиционной формы образования управление образом означало поддержание соответствия правильной (от корня «прав», но в значении истинной, соответствующей действительности) картине мира, воспроизводство ее в своем сознании, то для нетрадиционного образования управление образом предполагает готовность создания самостоятельного образа, что невозможно без коррекции, придания нужного вида и т. д. имеющемуся опыту и знаниям, без направления их в нужном русле. Иными словами, управление образом – это и есть управление знаниями и опытом, которое представляет собой не просто подготовительный период в жизни человека, а основную ее стратегическую линию.

Управление образом (управление знаниями и опытом) подчеркивает динамичность жизни, современного мира, стремительность процессов (в том числе и процесса трансформации знания в информацию), что заставляет человека концентрировать свое внимание не столько на настоящем, сколько на будущем. Будущее находится в состоянии постоянного приближения, при этом оно несет в себе максимальную неопределенность. И если человек к этому не готов (а управление образом мира и есть демонстрация готовности последнего), то вряд ли оно будет для него позитивным. Цель образования собственно и предполагает, что человек, обучаясь управлению своими знаниями (образом мира), будет готов к любым возможным поворотам судьбы. Эту идею отчасти подтверждают выводы, сделанные А.В. Боровских, Н.Х. Розовым при осмыслении цели и содержания образования в контексте деятельностного подхода. Они резюмируют, что «опора на понятие деятельности позволяет решить проблему цели образования. Целью образования является подготовка человека к будущей деятельности в обществе, а содержанием образования – освоение общих методов и форм человеческой деятельности. Предметное содержание является лишь средством, материалом» [8. С. 93].

Следует сразу же уточнить, что традиционные механизмы образовательной деятельности никуда бесследно не исчезают. Управление образом (знаниями и опытом) невозможно по сути, если в основе не будет использоваться прием и передача опыта. Просто данный механизм сегодня перестает рассматриваться как основной для образовательной деятельности. Точнее на базе традиционной формы образования будет строиться начальный уровень образования, отчасти средний. Но высшее образование ориентировано сегодня на нетрадиционные механизмы своего осуществления, где главная цель – умение управлять знаниями и опытом, поскольку именно данный уровень образования связан с подготовкой специалистов, которым предстоит работать в условиях когнитивного поворота и формирующегося информационного общества.

Здесь встает проблема, о которой было заявлено в самом начале статьи. Как следует организовать подготовку учащихся (прежде всего в звене высшего образования) в ситуации перехода от традиционного механизма образовательной подготовки к нетрадиционному, учитывая различия в целях и способах их осуществления? Очевидно, что нетрадиционная система образования предстает сегодня пока еще как моделируемая конструкция, в которой отражаются идеи организации образовательного процесса в соответствии с социокультурными веяниями развития общества. А на практике доминирует традиционная схема образования, которая, как показывает опыт ее рассмотрения, сегодня не позволяет в нужной мере давать то качество подготовки для учащихся, что необходимо обществу для его полноценного развития. В этой системе доминируют теоретические аспекты подготовки студентов, благодаря чему последние получают достаточно большой объем знаний («емкий когнитивный образ мира»), но фактически не представляют «что» делать, но главное – «как» следует их применять. По меткому замечанию одного из ведущих педагогов М.Т. Громковой, наше образование позволяет своим выпускникам быть «чемпионами мира по разгадыванию кроссвордов», но в практическом плане они испытывают большие проблемы относительно прикладного использования своего багажа знаний [9. С. 167]. Очевидно, что подобная оценка направлена на констатацию простого вывода: управление знаниями и опытом (образом мира) не является тем результатом, который может дать система отечественного высшего образования (исключения имеются).

В то же время сказать, что ничего не предпринимается, было бы неверно. В Российской Федерации приняты к практическому внедрению новые Федеральные государственные образовательные стандарты нового (третьего) поколения. В качестве основной цели образования представлено формирование профессиональных и общекультурных компетенций у бакалавров и магистров (будущих выпускников вузов). «Знаниевая» компонента (содержательный аспект) рассматривается не как

главная цель, а как одно из важнейших средств ее достижения. Это вполне соответствует «духу» тех трансформаций, которые образование испытывает как социальный и когнитивный институты в процессе перехода к стадии информационного общества. Другое дело, что переход к новым стандартам не снимает вопроса о необходимости осуществления его на практике, оставляет открытым эту проблему: как преподаватели и учащиеся, изначально привыкшие работать по традиционной схеме, смогут перестроиться на такой способ взаимодействия, где передача и усвоение знаний будет заменена формированием навыков и владений по управлению ими. Понятно, что такой переход предполагает настоящий переворот в сознании и поведении участников образовательного процесса.

По моему мнению, чтобы данный переворот состоялся, первый шаг должны сделать преподаватели. По нескольким причинам. *Во-первых*, преподаватель яснее представляет необходимость перестройки образовательного процесса. Он как специалист, изначально владеющий большим объемом знаний, нежели учащийся, а *prigori* понимает, насколько сложно научиться использовать это знание на практике. *Во-вторых*, лучше всего усваивается личный пример, он нагляднее, достовернее, чем многочисленные разговоры о том, как следует лучше организовывать образовательный процесс. *В-третьих*, при овладении способностью управления знаниями (образом) важнейшим условием выступает собственная инициатива, заставить проявлять которую саму по себе извне сложно, практически невозможно.

Управление как процесс – это фактически постоянное инициирование порождения собственных идей. Поэтому, демонстрируя пример конструирования собственного образа мира, управления своими знаниями, преподаватель ставит себя на место учащегося и лучше понимает, чем он еще может косвенно помочь ему, что следует посоветовать человеку в данной ситуации, поскольку есть личный опыт пребывания в похожем состоянии. Как пишет Е.Н. Князева по поводу характера современного образования, «обучение становится интерактивным. Не только учитель учит ученика, но и ученик учит учителя; они становятся кооперирующими друг с другом сотрудниками. Учитель должен научиться видеть, что скрывается за учеником, и научиться понимать его. В процессе обучения незнающий превращается в знающего, а при этом изменяется и сам учитель, подобно тому как в процессе психотерапии больной превращается здорового, или хотя бы в выздоравливающего, но вместе с тем и сам доктор претерпевает изменения, испытывая свое душевное равновесие и в большинстве случаев его укрепляя» [1. С. 236].

Управление знаниями (образом) возможно как образовательная стратегия исключительно посредством проявления активных инициатив учащихся. Наверное, никто не будет спорить, что активизируя инициативность студентов, а это предполагает наделение их свободой самоорганизации обра-

зовательного процесса, действительно улучшит качество подготовки. Сложность здесь заключается в том, что нет однозначного ответа на вопрос: как это сделать. Поэтому идея активизации позиции преподавателей в этом процессе представляется неочевидным, но вполне осуществимым шагом. Имея перед собой пример индивидуальной креативной активности, учащийся будет ориентироваться также и на проявление собственных эвристических качеств, что, несомненно, повысит качество получаемого им образования, поскольку будет поощрять самостоятельные, а следовательно, нетривиальные поступки.

Человек, умеющий выстраивать свою образовательную траекторию, обязательно окажется способным выстроить и свою жизненную траекторию, тем более что в информационном обществе эти траектории совпадают. Поэтому собственный образ мира, картина будущего, которую учащийся формирует в сознании, более понятны и достижимы, если человек понимает, что именно он их «хозяин».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Князева Е.А. Кибернетические истоки конструктивистской эпистемологии // Когнитивный подход. Научная монография / отв. редактор академик РАН В.А. Лекторский. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – С. 227–271.
2. Петрова Г.И. Методологические основания когнитивного менеджмента как инновационной стратегии управления знаниями // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2012. – № 1 (24). – С. 93–96.
3. Петрова Г.И., Стаховская Ю.М. Когнитивный менеджмент – инновационная стратегия теорий управления в информационном обществе // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 2 (10). Философия. Социология. Политология. – С. 101–115.
4. Баранец Н.Г., Федосеева Е.Ю. Идеология продвижения инновации в богословии // Власть. – 2012. – № 9. – С. 88–90.
5. Этимологический словарь Фасмера. – М.: Прогресс, 2012. URL: <http://vasmer.slovaronline.com/O/ОБ/8628> – OBRAZ (дата обращения: 12.02.2012).

Заключение

Тем самым, можно констатировать, что когнитивный поворот делает главной целью образования (в первую очередь высшего образования) формирование способности управления знаниями (образом мира), которые человек как заимствует из опыта, так и порождает, конструирует. Управление знаниями в качестве стратегии образования возможно исключительно как самостоятельный проект учащегося, как его инициатива по формированию собственного образа мира. В обратном случае говорить о выработке способности по управлению знаниями не приходится. Именно свобода определения степени самостоятельной инициативности учащегося в образовательном процессе, определяет коэффициент его эффективности.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Наука», тема № 6.2158.2011 «Исследование теории адаптации науки и высшего профессионального образования в условиях инновационных преобразований общества».

6. Этимологический словарь Фасмера. – М.: Прогресс, 2012. URL: <http://vasmer.slovaronline.com/P/ПА/10770> – RAZ (дата обращения: 12.02.2012).
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка (онлайн-версия). – М.: Изд-во «Азъ», 1992. URL: <http://classses.ru/all-russian-dictionary-Ozhegov-term-25803.htm> (дата обращения: 12.02.2012).
8. Боровских А.В., Розов Н.Х. Категория деятельности и деятельностные принципы в педагогике // Вопросы философии. – 2012. – № 5. – С. 90–102.
9. Громкова М.Т. Синергия духовного и материального в условиях глобализации // Глобализация: синергетический подход. – М.: РАГС, 2002. – С. 166–172.

Поступила 21.12.2012 г.

UDC 378.147

KNOWLEDGE MANAGEMENT AS A FORM OF STUDENT INITIATIVE AND INCREASE OF EDUCATION EFFICIENCY

I.B. Ardashkin

Tomsk Polytechnic University
E-mail: ibardashkin@mail.ru

The relevance of the study is caused by the need of reflection and development of new forms of organization in the educational process within the cognitive rotation occurring today in the field of information and cognitive processes.

The objective of the study is to identify the primary and the most important forms of educational activities in higher education which allow students and teachers to manage knowledge adequately.

Methods: explication method of comparative analysis, the method of etymological analysis.

Results: Considering the transformation of the purpose and content of higher education within the transition to a new information society the author made a conclusion on primacy of initiative and independence of students as the major factors of training in higher education system. It is assumed that the teacher must empathically put himself in student situation to develop necessary experience as an example for the students in organization of educational process and increase its efficiency.

Key words:

Image, education, initiative, management, knowledge, experience.

REFERENCES

1. Knyazeva E.A. Kiberneticheskie istoki konstruktivistskoy epistemologii [Cybernetic origins of constructivist epistemology]. *Cognitivnyy podkhod* [Cognitive approach]. Moscow, the Canon + RO-OI «Rehabilitation, 2008. pp. 227–271.
2. Petrova G.I. Metodicheskie osnovy cognitivnogo menedzhmenta kak inovatsionnaya strategiya upravleniya znaniyami [Methodological bases of cognitive management as an innovative knowledge management strategy]. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2012, vol. 24, no. 1, pp. 93–96.
3. Petrova G.I., Stakhovskaya Yu.M. Cognitivnyi menedzhment – inovatsionnaya strategiya teorii upravleniya v informatsionnom obshchestve [Cognitive management – an innovative strategy management theories in the information society]. *Bulletin of the Tomsk State University, Philosophy. Sociology. Political science*, 2010, vol. 10, no. 2, pp. 101–115.
4. Baranets N.G., Fedoseeva E.Yu. Ideologiya prodvizheniya innovatsiy v bogoslovii [Ideology promoting innovation in theology]. *Vlast*, 2012, no. 9, pp. 88–90.
5. *Etymologicheskii slovar Fasmera* [Fasmer etiological dictionary]. Moscow, Progress, 2012. Available at: <http://Fasmer.slovaronline.com/O/OB/8628 – OBRAZ/> (accessed 12 February 2012).
6. *Etymologicheskii slovar Fasmera* [Fasmer etiological dictionary]. Moscow, Progress, 2012. Available at: <http://Fasmer.slovaronline.com/P/PA/10770 – RAZ/> (accessed 12 February 2012).
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovy slovar russkogo yazyka* (online version) [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Az Publ., 2012. Available at: <http://classes.ru/all-russian-dictionary-Ozhegov-term-25803.htm/> (accessed 12 February 2012).
8. Borovskikh A.V., Rozov N.Kh. Kategorii deyatelnosti i deyatelnostnye printsipy v pedagogike [Category of activity and activity principles in pedagogy]. *Problems of Philosophy*, 2012, no. 5, pp. 90–102.
9. Gromkova M.T. Sinergiya dukhovnogo i materialnogo v usloviyakh globalizatsii [Synergy of spiritual and the material in the context of globalization]. *Globalizatsiya: sinergetichesky podkhod* [Globalization: a synergistic approach]. Moscow, RAGS, 2002. pp. 166–172.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРИРОДЫ МИФА В РАМКАХ ТЕОРИИ «ИМАГИНАТИВНОГО АБСОЛЮТА» Я.Э. ГОЛОСОВКЕРА

Сбойчикова М.В.

Томский политехнический университет

E-mail: mariyasheg2007@rambler.ru

Концептуальная интерпретация и философская рефлексия природы мифа в рамках теории «имагинативного абсолюта» Я.Э. Голосовкера актуальна в силу того, что позволяет выявить значение таких концептов, как «мораль», «культура», «бог», «религия», то есть по сути своей представляет собой этап дальнейшего развития теории культуры.

Цель работы: Концептуальная интерпретация мифа в рамках теории Я.Э. Голосовкера; интерпретация общей картины мира с точки зрения данной теории.

Результаты работы: Изложены и проанализированы основные положения теории «имагинативного абсолюта» Я.Э. Голосовкера. В рамках данной теории выявлено значение концептов «культура», «мораль», «бог», «миф», «религия», «высший инстинкт», «совесть», «имагинация». Сделан вывод о происхождении и назначении мифа в рамках теории «имагинативного абсолюта». Сделана попытка выявления общей картины мира и смысла существования с точки зрения данной теории. Сделано заключение, что мир с точки зрения данной теории представляет собой разумный Космос, место бога в котором занимает разум, и высшей ценностью в котором является разум; высшей формой разума, истоком культуры, а также смыслом и целью культуры является антиморальный высший инстинкт человека «имагинативный абсолют».

Ключевые слова:

Высший инстинкт, имагинация, побуд к культуре, имагинативный абсолют, бессмертие, миф, религия.

Многообразные концепции рассматривают феномен мифа с различных сторон. Я.Э. Голосовкер полностью отвлекается от исторических корней мифологии и сосредоточивает внимание на поэтической, эстетической логике мифа, на системных отношениях в мифологическом взгляде на мир. Как и Л. Леви-Брюль, Я.Э. Голосовкер показывает (на примере античных мифов), что логика мифа не совпадает с законами формальной логики. «Логика мифа использует ложное основание, когда посылка, необходимая для вывода заключения, заранее принимается в качестве молчаливого допущения... В результате господствующей в мифе творческой свободы желаний и эстетической игры появляется «чудесное»...» [1. С. 142]. Но, в отличие от Л. Леви-Брюля, Я.Э. Голосовкер утверждает, что мифологическое мышление (а это есть, в его теории, познавательная деятельность воображения) разумно и по-своему логично. Эстетика мифа объективна и онтологична, мифологический образ есть «не только и не столько представление, сколько смысл, поскольку конкретный предмет в мифе становится символом» [1. С. 142]. Можно сказать, что Я.Э. Голосовкер предвосхищает структурно-семиотический подход К. Леви-Стросса в понимании того, что одни жанры и сюжеты являются плодом трансформации других, их «метафорой».

Во второй части работы «Логика мифа» Я.Э. Голосовкер на примере античного мифа представляет подробный анализ движения образов по «кривой смысла» до превращения этой кривой в замкнутый круг. Однако задача нашей работы не анализ законов логики мифа в рамках теории «имагинативного абсолюта», но определение происхождения и назначения мифа, а также выявление общей картины мира с точки зрения этой теории.

Я.Э. Голосовкер представляет миф как образно выраженную идею, наиболее полно воплощающую

высший инстинкт культуры «имагинативный абсолют». Мы также уделим внимание происхождению религии в теории Я.Э. Голосовкера, так как «мифология – диалектически – невозможна без религии, ибо она есть не что иное, как отраженность чистого чувства и его объективного коррелята – художественного образа – в религиозной сфере» [2. С. 244]. Как указывает А.Ф. Лосев, субстанциальное и абсолютное всегда, так или иначе, имеется в виду в мифе [2. С. 245]. Мифология шире религии, но сходство заключается в том, что и мифология, и религия имеют в основе интуицию вечной жизни.

Имагинативный абсолют как высший инстинкт культуры

Термин «имагинация» обозначает у Я.Э. Голосовкера существо и двигатель творческого мышления, почему и само мышление этого порядка он называет «имагинативным». Под термином «имагинация» автор подразумевает воображение не только как творческую способность, но и как познавательную: «Что значит интуиция? Это значит, что воображение *познает*: оно представляет себе нечто, из прошлого опыта ему неизвестное, т. е. постигает, а не вспоминает» [3. С. 17]. Именно имагинативное мышление создает весь мир человеческих ценностей, не только искусство или науку, но всю культуру. Имагинативный абсолют – это инстинкт, который побуждает человека создавать культуру.

Культуру невозможно создать без убежденности в том, что мир целостен и имеет смысл. «Только с *бытием* в сознании, т. е. в воображении можно вложить смысл в существование» [3. С. 14].

Таким образом, имагинативный абсолют – это некий «дух» в человеке, который заставляет его, с

одной стороны, искать смысл и целостность мира, с другой стороны, одухотворять мир. Абсолют – это духовный стимул, действующий в человеке, и в то же время это *голос, смысл и цель* культуры.

В то же время Я.Э. Голосовкер подчеркивает, что он отнюдь не видит в этом «духе» нечто идеальное. Стремление к приданию миру целостности («побуд к культуре») обусловлено врожденным инстинктом, который автор называет «высшим» по отношению к вегетативному и сексуальному. По нашему мнению, его можно назвать *основным* инстинктом, поскольку человек отличается от животного именно тем, что создает культуру. Является признанным фактом, что религия порождает культуру, а культура – цивилизацию. М. Элиаде утверждает, что человек первобытных и традиционных обществ – это, конечно, *homo religious* [4. С. 19]. «Религия пракультурна. ...Все философии имеют религиозное основание, все религии имеют философский смысл. ...Не только философии, но все человеческие институты, ибо все они вышли из религии» [5. С. 716–717]. Я.Э. Голосовкер говорит о том, что появление религии обусловлено высшим инстинктом.

По своему смыслу высший инстинкт культуры есть побуд к бессмертию и к его ипостасям – постоянству и абсолюту, так как культурное творчество возможно только под углом зрения бессмертия. Поэтому, на наш взгляд, религия и является неперенным условием появления культуры. Устремление к бессмертию в культуре, по Я.Э. Голосовкеру, выражается как устремление к совершенству.

Бытие обладает скорее имагинативно-моральной, чем онтологической природой. Оно создано инстинктом культуры, т. к. в самой природе «бытия» нет, есть только существование. Человек в своем воображении создал мир постоянств и спроецировал его на действительный мир. Так выражается высший инстинкт, инстинкт культуры: «создать постоянство, совершенство, вечность» [3. С. 23].

Любые высшие идеалы и вечные идеи – это протест высшего инстинкта человека против изменчивости и преходящего характера природы и истории. Такие понятия, как *вечная любовь, логика мышления, наука, истина, святость, слава, самопожертвование, бытие, свобода, доблесть, добродетель, бессмертная душа* являются, по мнению Я.Э. Голосовкера, имагинативными оморализованными понятиями, порождениями имагинативного абсолюта. И они же есть абсолютные критерии культурных ценностей.

Необходимо заметить, что миру положительных символов в культуре противопоставлен мир абсолютных отрицательных символов, которые также являются порождением имагинативного абсолюта. Образы совершенства – положительные и отрицательные, есть создание имагинации. Это абсолют, воплощенный в предмет. Возникновение таких образов обусловлено инстинктивной потребностью человека в формах постоянства.

Я.Э. Голосовкер предполагает, что одним из основных рычагов имагинации, управляющих человеком, является совесть [3. С. 32]. Вероятно, это надо понимать так: если имагинация (воображение как творческая и познавательная способность) присуща человеку от природы, то и совесть (как ее «рычаг») является врожденным качеством. В этом пункте точку зрения Я.Э. Голосовкера можно соотносить с точкой зрения А. Бергсона, который говорит об инстинктивном характере морали: «Закрытая мораль основана на давлении, принуждении, привычке», она исходит из «безличных социальных норм и предписаний», это «мораль муравья в муравейнике», которая «носит характер инстинктивный» [6. С. 357].

Я.Э. Голосовкер признает, что не может существовать мораль, если в обществе отсутствуют понятия об абсолюте, постоянстве, устойчивости. Обычно эти понятия даются религией (по нашему мнению, систему табу в первобытном обществе можно назвать первой религией, ограничителем инстинктов и желаний, началом морали). Я.Э. Голосовкер говорит о том, что в области морали все должно быть «взято под углом вечности», например, любовь должна быть вечной, дружба – верной, клятва – нерушимой [3. С. 18]. Как и А. Бергсон, автор говорит о морали как средстве сохранения человека и общества: высшие моральные идеальные понятия «перенесены из мира культуры на мир природы в силу инстинктивной потребности самосохранения» [3. С. 32].

Я.Э. Голосовкер признает, что человечество не смогло бы выжить и развиваться без понятий постоянства, взятых под углом вечности. Но религию он называет заблуждением, которое с необходимостью породило воображение для спасения сознания от ужаса неведомого. То есть человек устремляется к нравственности инстинктивно, в целях самосохранения, а религия является вспомогательным средством, чтобы удерживать определенную моральную планку и давать человеку «вечные» ориентиры. По-видимому, если исходить из теории Я.Э. Голосовкера, человек, нуждающийся в поддержке, будет обращаться к религии, а сознательный и сильный человек будет черпать силы и вдохновение в самом себе как частичке разумного Космоса. Как мы поняли, мир с точки зрения теории Я.Э. Голосовкера – это все-таки Космос, а не Хаос, но Космос без бога. Точнее, высшая целесообразность и разумность мироустройства – это и есть «бог».

В любой период истории у большинства людей ведущими являются низшие инстинкты, но их безудержные проявления сдерживаются моралью, которая исходит из высшего инстинкта. Мораль – это система нравственных идеалов, кардинальных с точки зрения абсолютного критерия.

В решающие моменты высший инстинкт жертвует низшими, т. е. жертвует биологической жизнью особи во имя имагинативной *реальной* жизни [3. С. 37]. Интересно, что то же слово «ре-

альный» использует и М. Элиаде, говоря о священном. Реальным для человека является то, что относится к вечности и потому наполняет жизнь смыслом. М. Элиаде, например, указывает, что посредством священных церемоний человек мог «приблизиться к реальности, войти в сферу истинного бытия, освободившись таким образом от пустого и бессмысленного автоматизма «профанного» мира, мира становления и небытия» [7. С. 84].

Если мы попытаемся «соединить» теории М. Элиаде и Я.Э. Голосовкера, то получим следующую картину: основанием культуры является вера человека в священное. Сама же вера в священное является порождением высшего инстинкта (иминации). Хотя Я.Э. Голосовкер и считает религию сказкой, заблуждением, но понятие «душа», т. е. «бессмертная душа» он называет символом абсолюта.

В теории Я.Э. Голосовкера все учения о вечной жизни души есть ничто иное как «символы *постоянства* в культуре», «ипостаси абсолюта во времени» [3. С. 28]. Гераклит видел неизменность в Логосе, который представляет собой закон и смысл бытия. Лао-цзы видел неизменное в «Дао». Идея мирового космического года пифагорейцев, Эмпедокла, стоиков и Фр. Ницше понимаются Я.Э. Голосовкером как замещение идеи бессмертия. У Пифагора абсолют выражен в идее числа, у Платона – в концепции мира идей, у Аристотеля – в идее вечного Двигателя. Меняется только форма, содержание остается прежним.

Изложим основные положения теории иминативного абсолюта. Высший инстинкт как побуд к бессмертию не находит для себя проявления в физическом плане. В порядке сублимации он проявляет свою высшую познавательную и творческую способность иминативно. Поэтому высший инстинкт носит название «иминативный абсолют». Иминативный абсолют – это, с одной стороны, врожденный духовный инстинкт, заставляющий человека искать высшую целесообразность бытия и как следствие создавать культуру. С другой стороны, иминативный абсолют является смыслом и целью культуры. В повседневной жизни его называют словом «бог» или «дух».

Иминативный абсолют нужно понимать одновременно как стимул к творчеству, как творческую деятельность, и как само творение, т. е. воплощенный абсолют;

Иминативный абсолют как устремление к идеалу выражает себя в иминации и воплощается в творческие формы культуры: религию, науку, философию, мораль, искусство. (Например, художник воплощает свой порыв к совершенству в совершенство своего творения. Иминативные понятия могут в формально-логическом аспекте называться «законами природы»: закон сохранения энергии, массы, движения). Единство законов природы выражает потребность человека в постоянстве.

Высший инстинкт – это разум. Высшая форма разума – это иминативный абсолют. В отличие от

дискурсивного разума, воображение созерцает суть вещей, и в то же время «творит идеи, раскрывая спонтанным движением по смысловой кривой их смысл» [3. С. 50]. Я.Э. Голосовкер метафорически выражает такое созерцание-понимание словами: «Внутренним глазом видеть внутренний образ». Можно сказать, что воображение «создает» смысл, но на самом деле оно «понимает суть» [3. С. 47].

Миф как форма воплощения иминативного абсолюта

Все, постигаемое интуицией, все, с чем соединимо вдохновение, все, что относится к непосредственному пониманию смысла, все социально-идеальное относится к иминативному миру, которым ведает воображение [3. С. 47]. Автор подчеркивает: иминативный мир не есть выдуманный мир, это мир *истины*, который открывается через искусство (философию, мифы, художественные образы). В понимании автора, чувственный мир, макрокосмос не есть наше воображение, однако мир идей и внутренних образов, мир как осмысленное целое «есть мое и наше воображение» [3. С. 50]. Как мы это понимаем, человек «внутренним глазом видит внутренний смысл» и в своем воображении отражает мир изнутри, как он есть, со всеми его смысловыми связями. Чувственный мир – это форма, но он имеет содержание. Внутренним оком, воображением человек познает это содержание, и выражает познannую суть мира в науке, философии, мифах, художественных образах. Отметим: если мир, в понимании Я.Э. Голосовкера, имеет *суть*, это еще раз подтверждает, что мир автора – Космос. В хаотическом мире сути быть не может, так как все существует случайно.

Здесь мы подошли к пониманию Я.Э. Голосовкером природы мифа. В борьбе человека за существование стремление удовлетворять инстинкт самосохранения и инстинкт продолжения рода «развили потребность сохранить себя возможно длительнее и навсегда» и одновременно развили «*иллюзию* удовлетворить эту потребность в сублимированном виде» (например, в загробном мире), т. е. иминативно сохранить [3. С. 36]. Человеческий разум не мог примириться с мыслью о смерти. Не находя прямого ответа на вопрос о смысле жизни, воображение, подстрекаемое фантазией, создало этот ответ. Так появилась первая философия и религиозное объяснение мира. Инстинкт культуры развивался, удовлетворяя реальную потребность человека «иллюзиями» иного мира [3. С. 36]. Прокомментируем это положение теории с нашей точки зрения. *Во-первых*, исходя из этой теории, религия возникла как попытка абсолютизировать два основных инстинкта человека – вегетативный и сексуальный, придать им статус вечности. *Во-вторых*, стремление к вечности, к постоянству присуще человеку на уровне инстинктов. Однако лучшее, что мог предложить человеческий разум, – это удовлетворить данную реальную потребность в сублимированном виде иллюзиями иного

мира. Создается впечатление, что человек еще не вполне познал смысл бытия (ведь если, по Я.Э. Голосовкеру, мир – это Космос, то бытие должно иметь смысл), раз имеет место сублимация. Направляется вывод, что человеку присущ от природы такой инстинкт (побуд к бессмертию), который невозможно удовлетворить в реальности, но только в порядке сублимации. Этот-то инстинкт и выделяет человека из животного царства, делает человека человеком. Удовлетворяя свой высший инстинкт, человек обречен на иллюзии и самообман. Такой трагичной, хотя и не лишенной величия, нам представляется картина мира с точки зрения теории Я.Э. Голосовкера.

Я.Э. Голосовкер различает воображение и фантазию. По его мнению, фантазия не познает и не угадывает (а если угадывает, то слепо). Фантазия комбинирует, и ее деятельность может как помогать, так и мешать воображению в его творчески-познавательном процессе. Иллюзии, порождаемые фантазией, автор называет «мнимыми». Они создаются «для спасения сознания от ужаса неведомого и от ужаса истины». Ужас перед смертью и перед неведомым побудил фантазию создать богов, демонов, острова Блаженства, золотой век, рай и т. п. [3. С. 53].

Миф есть образно выраженная идея, созданная в процессе познания воображением сути и смысла вещей. «Факты мифологического сюжета и его образы суть факты имажинативной идеи, из которых складывается или, вернее, развивается смысл мифа, разворачивающийся вместе с логической спиралью одновременно, как сюжет» [3. С. 51].

Первобытного человека Я.Э. Голосовкер называет «воображающим материалистом». Воображение чувствовало нечто непостижимое, но сущее в природе. Однако это знание нельзя было выразить мыслью-словом. «Тогда *фантазия*, пользуясь комбинациями образов, создала ответ. Воображение изобрело *миф*: мир, в котором были сокрыты истины, невыразимые по-обычному мыслью-словом. Оно создало мир символов и символических существ, в которых выдумка сочетается со смутно чувствуемым и предчувствуемым знанием истины» [3. С. 56].

Таким образом, роль и природа воображения двойственна: воображение как познание и как источник необходимых человеку иллюзий. По мнению Я.Э. Голосовкера, от первого качества воображения берет свое начало философия, от второго – религия. Поскольку именно в мире эстетическом воображение может свободно создавать и познавать, человек создает мифы. На наш взгляд, в рамках теории Я.Э. Голосовкера миф можно назвать «языком» воображения. Именно в мифе в своем неразличимом сплаве раскрываются и познавательная, и творческая сферы мышления. Объект мифа – это не только вымысел, но одновременно и «познанная объективность мира», даже нечто «предугаданное в нем» [3. С. 456].

Мышление образами – это в то же время мышление смыслами. В мифологическом мышлении

миф и есть воплощенная теория, мифологический образ являет собой смысл и знание. «Древние космогонии и теогонии суть такие теории – описание и генеалогическое объяснение мира» [3. С. 102].

В мифах воображение предугадывало идеи грядущей науки, миф когда-то был даже бессознательной идеологией науки, бессознательным знанием. Мифологическое образное познание позволяет охватывать идею во всей ее бесконечной глубине. «Образ служит символом до тех пор, пока знание, выраженное символически, не становится знанием, выраженным в научных понятиях» [3. С. 59].

Мифологическое мышление – это мышление в условиях господства воображения. Воображение познает. Результаты познания находят выражение в образах мифа, хотя миф не ставит перед собой цель раскрыть тайны природы. Я.Э. Голосовкер полагает, что в эллинской мифологии предугаданы многие теоретические и философские идеи. Таким образом, миф являет собой «запечатленное в образах познание мира» [3. С. 106]. Автор считает, что путь к истине лежит не от разума к опыту, но от опыта воображения к научному эксперименту.

Заключение

В рамках теории Я.Э. Голосовкера об имажинативном абсолюте вырисовывается особая картина мира. Выразим кратко ее характер в нескольких положениях:

- Из мира животного царства человека выделяет присущий ему от природы инстинкт к созданию культуры (имажинативный абсолют). Инстинкт культуры невозможно было реализовать без сознания того, что мир един и имеет смысл. (Можно заключить, что сознание цельности и смысла бытия также является врожденным, предопределенным инстинктом культуры. В таком случае становится понятно, почему до сих пор не было обнаружено ни одного безрелигиозного общества).
- Религия и мифология формируются в процессе «обустройства» человеком своего мира, в процессе созидания культуры. Существование становится «бытием».
- Имажинативный абсолют воплощается в мифологию, религию, философию, мораль, искусство и науку. Системы морали и антиморали, образы нравственного совершенства и совершенного злодейства, социальные утопии, – все это ипостаси постоянства абсолюта. Мифологические образы (Христос, Антихрист и пр.) возникли в силу потребности в формах постоянства. «Образ здесь – внутренний образ, смысл» [3. С. 39–40].
- Понятие «бог» есть синтез абсолютных религиозных ценностей, символ имажинативного абсолюта.

По всей видимости, с точки зрения теории Я.Э. Голосовкера, мир представляет собой разумный Космос, поскольку автор говорит о смысле вещей.

Врожденную потребность в абсолютном бытии человек осуществляет имажинативно, т. е. с помощью воображения как познания. Но в то же время человек осуществляет потребность в абсолютном бытии с помощью фантазии, не в силах вынести вакуум природы и бессмысленность конечного существования. Так появляется мифология и религия, которые порождают культуру, перерастающую затем в цивилизацию.

При этом напрашивается вывод, что, если бы не присущая человеку совесть как «величайший рычаг имажинации», в культуре могли бы служить образцом качества, называемые с позиций привычной нам морали «отрицательными», поскольку сам имажинативный абсолют стоит вне положительных и отрицательных оценок, он антиморален. То, что человечество ориентируется на эталоны морали, а не аморали, представляется чистой случайностью. Однако если совесть считать врожденным качеством, «рычагом» имажинативного абсолюта, то «случайность» становится предопределенностью. С другой стороны, какую собственную ценность имеет нравственное поведение при условии конечности существования? Оставим этот вопрос открытым.

Наука, объявив о вакууме природы, поставила под угрозу и одухотворенность культуры, не оставив человеку иного смысла жизни, кроме удовлетворения инстинктов. Разрушение религиозной и мифологической картины мира превращает культуру в технику цивилизации.

Как философ и мыслитель Я.Э. Голосовкер попытался вложить смысл в существование современного человека, выдвигая понятие «имагинация». Причиной вакуума культуры и превращения ее в технику цивилизации Я.Э. Голосовкер видит торможение свободы познания и творчества воображения.

Согласно теории Я.Э. Голосовкера, высший инстинкт человека – это разум, и его самая высокая ступень, имажинативный абсолют, – это также разум. Наиболее полно имажинативный абсолют выражается через философию, а наиболее полно воплощается в мифе. Таким образом, философ видит в разуме человека уже достаточное основание для полного, осмысленного, гармоничного бытия. Если попытаться определить цель бытия в рамках теории Я.Э. Голосовкера, то это будет, видимо, беспрепятственное и бесконечное познание и творчество воображения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Вост. лит., 2006. – 407 с.
2. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Академический Проект, 2008. – 303 с.
3. Голосовкер Я.Э. Избранное. Логика мифа. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. – 496 с.
4. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

5. Гарин И.И. Что такое этика, культура, религия? – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. – 848 с.
6. Бергсон А. Два источника морали и религии. – М.: Канон, 1994. – 384 с.
7. Элиаде М. Трактат по истории религий. Т. 1. – СПб.: Алетейя, 2000. – 394 с.

Поступила 27.09.2012 г.

UDC 101.1:2–264

CONCEPTUAL INTERPRETATION OF MYTH NATURE WITHIN Ya.E. GOLOSOVKER «IMAGINATIVE ABSOLUTE» THEORY

M.V. Sboychikova

Tomsk Polytechnic University
E-mail: mariyasheg2007@rambler.ru

Conceptual interpretation and philosophical reflection of myth nature within the «imaginative absolute» theory by Ya.E. Golosovker is of current importance due to the fact that it allows identifying such concepts as «moral», «culture», «god», «religion», so it actually represents a next phase of culture development.

The aim of the study is the conceptual interpretation of myth within Ya.E. Golosovker theory and interpretation of overall worldview within this theory.

The results: The author has stated and analyzed the main theses of Ya.A. Golosovker theory. Within the theory the meanings of the «culture», «morals», «god», «myth», «religion», «higher instinct», «conscience», «imagination» concepts were displayed. The author makes a conclusion on the origin and function of myth within the «imaginative absolute» theory. The attempt to highlight the overall worldview and meaning of life within the theory was made. The conclusion was made that the world is reasonable Space where the mind plays the role of God and represents supreme value. The superior form of mind, source of culture, meaning and aim of culture is antimoral higher human instinct «imaginative absolute».

Key words:

Higher instinct, imagination, incentive for culture, imaginative absolute, immortality, myth, religion.

REFERENCES

1. Meletinskiy E.M. *Poetika Mifa* [Poetry of Myth]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2006. 407 p.
2. Losev A.F. *Dialektika Mifa* [Dialectics of Myth]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2008. 303 p.
3. Golosovker Ya.E. *Izbrannoe. Logika Mifa* [Favorites. Logic of Myth]. Moscow; St. Petersburg, Tsenter Gumanitarnykh Initsiativ Publ., 2010. 496 p.
4. Eliade M. *Svyashchennoe i Mirskoe* [Sacred and Profaned]. Moscow, MGU Publ., 1994. 144 p.
5. Garin I.I. *Chto Takoe Etika, Kultura, Religiya?* [What is Ethics, Culture, Religion?]. Moscow, TERRA – Knizhnyy Klub Publ., 2002. 848 p.
6. Bergson A. *Dva Istochnika Morali i Religii* [Two Sources of Moral and Religion]. Moscow, Kanon Publ., 1994. 384 p.
7. Eliade M. *Traktat po Istorii Religiy* [Treatise of History of Religions]. St. Petersburg, Alteya Publ., 2000. Vol. 1, 394 p.

УДК 16

ОНТОЛОГИЯ «Я» КАК ИСТОЧНИК ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ ЗНАНИЯ И ГОРИЗОНТ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

И.Б. Ардашкин

Томский политехнический университет
E-mail: ibardashkin@mail.ru

Актуальность статьи обусловлена необходимостью осмысления оснований познавательных возможностей человека в контексте уточнения происхождения последних. Подобный ракурс исследования обусловлен ориентацией на выработку холистической установки в эпистемологии, которая, по мнению большинства исследователей, позволит выработать холистическую методологию познания. Обращение к онтологии «Я» – один из способов формирования такой установки в эпистемологии.

Цель работы: выявление когнитивных оснований онтологии «Я» посредством сравнительного анализа их осмысления в истории эпистемологии; установление потенциальной зависимости определения горизонта познавательных возможностей человека от его представлений о мире в сформировавшихся эпистемологических «Я»-концепциях сквозь призму механизма проблематизации знания.

Методы исследования: метод компаративистского анализа, холистический подход.

Результаты: Рассмотрены онтологические концепции «Я» в истории эпистемологии. Продемонстрирована зависимость представлений о характере и границах познания относительно понимания онтологии «Я» как сущностного измерения человека. Отмечается, что игнорирование холистического понимания онтологии «Я» ведет к упрощению результатов познавательной деятельности. Констатируется, что представление человека о себе играют определяющую роль в понимании проблематизации знания и определении горизонта познания.

Ключевые слова:

Человек, онтология, эго, познание, проблематизация, диалог.

Введение

Цель статьи – определить человеческие основания проблематизации знания посредством исследования трансформаций философского дискурса XX в. Онтологические основания познания строятся на мысли о присутствии человека в мире, присутствии, характеризуемом как открытое и витальное. Человеку предстоит не только заниматься познанием мира, так как он выступает не просто как когнитивное начало. «Человеку следует проживать в мире, выявлять в нем свое пребывание. Именно поэтому в философии XX в. формируется это новое понимание человека, его места в бытии. Параллельно важно обратиться к философии Востока, где человек никогда не рассматривался в призме субъект-объектных отношений. Обращение к традиции восточной философии подчеркивает онтологическую природу проблемы как природу человека» [1. С. 130].

Предмет и методы исследования

Человек в философском исследовательском поле занимает центральное место. Ранее И. Кант, формулируя проблемное поле философии, обозна-

чил вопрос «что такое человек?» как самый главный, как тот вопрос, который касается любого философского исследования.

Человека всегда стремились свести к какой-то главной сущности, стержню [2]. Он понимался и как разумное существо, и как духовное существо, и как божественное существо и т. д. Важно не то, через что выявлялась суть человека, а как это делалось, поскольку средства, используемые для этого, выражали сущность человека. А средства эти характеризовались тем, что человек постоянно утрачивал свою целостность, определялся через какой-то свой аспект (часть). Например, в античности человек рассматривался как гармоничное создание, состоящее из двух начал: тела и души. Было необходимо, чтобы и тело, и душа получали соответствующее развитие и практическое воплощение этого развития. Еще Платон полагал, что в основе образования настоящего гражданина должны лежать две программы: музыка и гимнастика. Музыка – для души, для освоения тех сфер знания, которым покровительствуют Музы. Гимнастика – для тела, для формирования его красивого

и здорового вида. Отсюда и развитие философии – того, что способно упражнять разум (ядро души), и олимпийские игры – сферы, где выявляются успехи развития тела. Совмещение этих двух начал – вот основной смысл существования человека в античности.

В средние века человек уже рассматривался как духовное существо, главным ядром которого была душа. Отсюда доминирование религиозного начала, поскольку душа – это некое сверхразумное существо, чья сущность непознаваема, она может быть определена верой. Тело (плоть) уже рассматривается как преграда человеку на пути к себе и к Богу, поскольку его сущность греховна.

В эпоху Возрождения человек понимается как индивидуальность, представляющая собой единство духовного (разумного) и телесного начал. Правда, здесь игнорируется социальный контекст генезиса индивидуальности. В Новое время человек получает двойственное толкование: как разумное существо и как эмпирическое существо, причем одно понимание строится на неприятии другого понимания. Либо человек определяется деятельностью разума, где место опыта носит вспомогательный характер, либо человек – это существо, способное обобщать опыт восприятия, а разум побочен и является средством компенсации при отсутствии эмпирических данных.

Как видно, при различии интерпретаций человека в зависимости от исторических условий, сам механизм этой интерпретации в чем-то схож. Он построен по принципу антропологического атомизма, т. е. сведения сущности человека к какому-то его атому, аспекту, через который определяют истинную сущность человеческой природы. Целостное же понимание человека не соблюдается. Особенно четко эта особенность проявилась при проектировании темы человека на тему бытия.

Человек: то он «разум», то он «опыт», то он субъект, то он вера и т. д., но то, что он человек, целостное начало ускользало. Не случайно, что к началу XX в. доминировала познавательная (сознательная) концепция сущности человека. Ее суть в декартовском: *cogito ergo sum* (я мыслю, следовательно, я существую). Человек свою сущность определял через свою же мыслительную способность, которая сводилась к сомнению как основному мыслительному средству. Человек рассматривался как замкнутое «Я», в основании которого лежит признание того, что сомневаться относительно сомнения невозможно. Но сомнение в отношении всего остального служит доказательством того, что «Я» действительно существует. Поэтому сфера проявления «Я» – это сфера познания. В этом и проявляется метафизическое понимание человека, его «Я», которое характерно и для понимания человека в более ранних философских интерпретациях.

Замкнутость «Я» как по отношению к внешнему миру (природе), так и по отношению к другим «Я» можно объяснить как самозащиту человеком

себя и своего положения. Другое дело, что эта самозащита не помогает лучше понять человеку самого себя. А все потому, что «Я» в философии Декарта не способно проблематизировать себя. «Я» не ставит себя под вопрос, не вопрошает в себе самом. А, следовательно, его наличие, присутствие признаются без всяких доказательств, что опять же противоречит самому Декарту, который выводит специальные правила для организации процесса мышления как достоверного процесса. Эти правила строятся на основе дедукции. Однако «Я» выводится из факта мыслимости, который строится на исключении всего, что этой мыслимости препятствует, в том числе и человек. Как пишет Л.А. Микешина, «поиск средств осознания познавательных возможностей человека, способов преодоления ошибок и заблуждений вырождаются в утопическое представление о чистом разуме, обеспечивающем объективную истинность знания. С этого времени исключение самого познающего человека из философских учений о познании стало рассматриваться необходимым условием объективной истинности, научности и рациональности знания» [3. С. 143].

«Я» присутствует как условие познания природы (внешнего мира), в то же время как утрачивающее свое бытие начало. Не случайно исследователи отмечают, что «я» – это лишь методологический принцип познания, но никак не онтологическая сфера. Отсюда и познание носит бесцельный характер, и человек утрачивает свои «корни», перестает быть самим собой, трансформируясь в субъекта. Одна из причин такой интерпретации – беспроblemность «Я» у Декарта, его безжизненность. Поэтому и истина в познании объективная, независимая, неизменная. Что-либо присущее человеку в ней исключено.

И. Кант, задавшись вопросом: «Что такое человек?», продолжил традицию Декарта, поскольку свой исходный вопрос сформулировал относительно познания (что я могу знать?). Но при этом показал, что познание не может быть единственным основанием антропологии, обоснованием природы человека. Ограниченность познания как сферы, где проявляется человеческое «Я», показала со всей необходимостью неизбежность расширения области проявлений природы человека. Иначе говоря, встал вопрос об онтологическом статусе человеческого «Я», демонстрации того, что человек и мир – это два разных бытийных измерения, соотношение которых не есть проблема.

Такая необходимость пересмотра понимания природы человека («Я») стала следствием утраты познанием своего конечного основания в «*cogito*» («Я мыслю»). «Я» может функционировать не только как мышление, но и как существование. Познание и жизнь – это два модуса человеческого «Я». У Декарта жизнь поглощалась познанием, представлялась только как познание. Кант же показал, что познание не поглощает жизнь, иначе бы не осталось места ни для морали, ищущей ответ на

вопрос: «Что я должен делать?», ни для религии, ищущей ответ на вопрос: «На что я могу надеяться?». Тем не менее, Кант не преодолевает дуализм познания и жизни, породив дуализм чистого разума и практического разума. Но демонстрация неотжественности познания и жизни потребовала расширения сферы человеческого «Я», преодоления его трансцендентальности.

Возникла потребность выхода за пределы «Я». Эта потребность вызвала необходимость открытия новой сферы, не сводимой ни к трансцендентальному началу, ни к эмпирическому, а к третьей сфере – сфере проблемы. Для этого требовалось не только методологическое, но и онтологическое ее обоснование. Однако сначала осуществилась идея преодоления «замкнутости» картезианского «Я», что связана с именем Э. Гуссерля.

Э. Гуссерль показал, что замкнутость «Я» мешает пониманию взаимопереходности, взаимосвязанности познания и жизни, а точнее, мешает пониманию того, как возможно знание о вещи. Если у Декарта знание – результат способностей сознания выразить вещь, то у Гуссерля такая выразимость невозможна. Невозможна по той причине, что в этом случае сознание не может отождествить порождаемые им знания с вещью. У Декарта такая отождествимость присутствовала за счет того, что «Я» абсолютно исключалось из знания. Поэтому знание отображало лишь вещь. У Гуссерля же между представлением о вещи и самой вещью существует различие, заключающееся в том, что сознание трактуется как активное начало познания, чья очевидность требует своего обоснования. Он отклоняет обоснование Декарта, по которому истинность знаний о мире строится на чистоте работы сознания. У Гуссерля сознание активно, а не пассивно. Это переосмысление обуславливается открытием нового свойства сознания и открытия новой сферы, где познание осуществляется. Таким свойством сознания становится интенциональность, сферой – феноменальная сфера.

Конечность восприятия и заставляет сознание открыться, выйти за собственные границы. Этот выход предполагает уже не простое воспроизводство вещи в знании, а более активное участие сознания в восприятии вещи. Открытость сознания делает открытым истину, ее уже не надо открывать, она существует. Задача же сознания выявить иной смысл – смысл познания. Как пишут Е. Найман и В. Суровцев, «Гуссерлю мы обязаны новым философским вопросом. Философская ситуация изменилась в тот момент, когда знаменитый кантовский вопрос «Что я могу знать?» зазвучал у Гуссерля по-новому – «В чем смысл того, что я знаю, и как использовать последствия этого факта?»» [4. С. 6].

Смысл познания – это вопрос отношения сознания и вещи, вопрос способа их данности друг другу. Человек в этом плане не бесстрастный наблюдатель, а участник взаимодействия мира и себя. Мир – это не «сырье», это начало, претендующее

на собственную самодостаточность. Сознание, столкнувшись с таким миром, не просто мыслит его, оно живет в нем, сосуществует с ним, сохраняя и свою самодостаточность. Меняется и очевидность знаний, истинность их оснований, которая зависит уже не от чистоты и очевидности человеческого сознания («Я»), а от идущего взаимодействия сознания и мира.

Результаты

Обращенность к человеку (к «Я») актуализирует тему бытия как бытия человека. Это естественный ход мысли, поскольку «раздвоенность» познания и жизни требует соответствующего основания, в которое бы интегрировались познание и жизнь как способы человеческого бытия. Поэтому после Э. Гуссерля возникает сразу несколько философских систем, стремящихся обосновать единство человеческого бытия. Это и М. Мерло-Понти, и М. Шелер, и М. Бахтин, и Ж.-П. Сартр, и др. Но хотелось бы остановиться сначала на философии М. Хайдеггера, несмотря на то, что многие видят в нем продолжателя традиций трансцендентальной философии. И все-таки М. Хайдеггер один из первых, кто показал, что тема бытия вне человека лишена смысла.

М. Хайдеггер ломает традиционное представление о бытии, которое основано на трех предвзвесах: *во-первых*, бытие понималось как наиболее общее понятие, т. е. такое понятие, которое вбирает в себя все остальные понятия; *во-вторых*, бытие – это неопределенное понятие, что является следствием его всеобщности; *в-третьих*, бытие понималось как само собой разумеющееся понятие, что предполагает несомненную очевидность использования этого понятия, его понятность. По Хайдеггеру, бытие не обладает подобными характеристиками, оно – особая тема философии, требующая своего подхода. «Вопрос о смысле бытия должен быть поставлен. Если он фундаментальный вопрос, тем более главный, то нуждается в адекватной прозрачности. Потому надо кратко разобрать, что вообще принадлежит к любому вопросу, чтобы отсюда суметь увидеть бытийный вопрос как исключительный» [5. С. 5].

М. Хайдеггер показал, что предметное изучение мира есть не что иное, как обращение человека к самому себе. Мир предстает перед нами таким образом, что интерес, вызываемый им, заставляет вопрошать нас о нем. Но, вопрошая о нем, мы вопрошаем о себе.

Постоянная вопрошаемость о мире, постоянная неудовлетворенность свидетельствует о том, что человек есть существо несовершенное и незавершенное. Это не позволяет ему отвечать на вопрос: «что такое человек?», «каково его бытие?». Человек сам не знает о том, каков смысл его бытия, каков смысл тех знаний, которыми он обладает. Но он понимает, что его незнание – это не просто отсутствие информации, а понимание того, что незнание столь же важно, что и знание, ибо в незна-

нии также «коренится» отношение к иному (может быть даже более «первичное», чем знание).

Незавершенность, несовершенство человека есть следствие временности его бытия. Все, что временно, не имеет основательного выражения. Но Хайдеггер как раз-таки и хочет перевернуть наше представление о статусе временности. Раз временность – характеристика человеческого бытия, то следует в этом видеть ценность для человеческого существования, позволяющую обретать смысл. То, что человек временен, означает, что он должен ценить все, что дарует ему его бытие на это время. Отношение – это ведь не постоянство связи и общения, это их мимолетность. Поэтому бытие «между» – это бытие мгновения, бытие настоящего, смысл которого заключается в «оживлении» того, что было и что будет. Прошлое оживает в настоящем (в нашей памяти) только благодаря тому, что мы относимся к нему в воспоминании. Отношение воспоминания – это проблематизация его, заключающаяся в том, что то, чего уже нет, для нас живо как то, что есть. Аналогично проблематизируется отношение предстоящего, которое дарит надежду, позволяет верить в будущее.

Временность как свойство человеческого бытия в контексте бытия «между» демонстрирует нам и иное понимание познания. Ранее познание рассматривалось как «добыча» знания, объективного и истинного вечно знания. Этим познание и отличалось от жизни – «царства повседневности». Человек помещался в сферу познания, где, как полагалось, и заключалась его основная сущность. Но теперь, когда познание оказалось во временности его бытия, оно уподобилось жизни, утратило нетленный характер своих результатов – знаний. Истина перестала быть чем-то недоступным человеку. Истина оказалась изначальной, поскольку присутствие существует в ней. Как пишет М. Хайдеггер, «поскольку присутствие по сути есть своя разомкнутость, как разомкнутое замыкает и раскрывает, оно по сути «истинно». Присутствие существует в истине. У этого высказывания онтологический смысл. Оно значит не что присутствие онтически всегда или хотя иногда введено «во всю истину», но что к устройству его экзистенции принадлежит разомкнутость ею самого своего бытия» [5. С. 221].

Бытие человека не просто временность, оно – «брошенность» человека, брошенность как следствие разомкнутости присутствия. Это значит, что человек – уже изначальна истина, пребывает в истине и его обращенность к себе – это не открытие истины, это пребывание в ней. Можно искать себя, свое место в жизни где-то далеко, копировать свое поведение с кого-нибудь, но это обречение себя на бытийную неподлинность, поскольку так мы лишаем себя своего бытия, оказываемся «бездомными».

Метафизика, от которой Хайдеггер хочет отказаться, как раз и порождает феномен забвения, выпадения из своего бытия, утрату себя. Истина для метафизики важна как ее знание, как адекватность знания бытию. Для Хайдеггера же истина не

важна как знание, важно пребывание в истине. Как пишет Т.П. Григорьева, «Хайдеггер говорит не о знании истины, а о пребывании в Истине, в Пути, и свою последнюю работу так и называет «Пути не сочинения»» [6. С. 297–298].

Пребывание в истине есть отношения себя к своему бытию, есть отношение своего бытия к бытию другого, есть умение увидеть себя ясно. Истинность есть пребывание «в озарении», когда не нужны никакие посредники и никакие операции опосредования. Озарение делает возможным наш путь к сущему, к очевидности мира. Это не значит, что этим Хайдеггер пересматривает значение «между» как временности присутствия, как конечности человеческого существования. Нет – озарение это и есть само бытие «между», сама усредненность, само отношение. Озарение демонстрирует связанность нас с самими собой, бытия с другим. Озарение – это несокрытость проблемы. Озарение – сама истина в своем бытии.

Бытие истины – это возможность «предполагания», возможность допустить любое свое проявление, которое особенно становится очевидным в озарении. Именно истина позволяет предполагать нам, а не мы можем предполагать самостоятельно. «Не мы пред-полагаем «истину», но это она та, которая делает онтологически вообще возможным, что мы способны быть таким образом, что что-то «пред-полагаем». Истина впервые делает возможным нечто подобное пред-полаганию» [5. С. 227–228]. Наше существование и познание возможно не потому, что есть существование и познание вообще, а потому что есть истина, которая делает возможным наше существование и познание.

Исходность истины, ее изначальность – вот условие нашего бытия, чей смысл представлен в бытии «между». Исходность ее не только позволяет открывать, но и скрывать, истина сама способна на открытость или скрытость. Путь к истине лежит через высказывание. «Эта исходнейшая «истина» есть «место» высказывания и онтологическое условие возможности того, что высказывания могут быть истинными или ложными (раскрывающими или скрывающими)» [5. С. 226].

Последняя проявляет свою исходность через слово, через язык. Не случайно Хайдеггер констатирует, что «язык есть дом бытия». Человек должен освоить язык, чтобы приблизиться к своему бытию. Язык – это и есть тот посредник, стоящий «между» человеком и его бытием. Овладевая языком, человек должен прислушиваться к нему, к тому, что он говорит. Только таким образом он может обратиться к своему бытию. Очень часто в жизни человек сталкивается с ситуацией, когда ему не хватает слов для выражения чего-то важного. Это ситуация, когда его собственная истина скрыта от него же самого, и пока он не подберет нужных слов, истина будет сокрыта от человека. Озарение часто – это рождение нужного слова

Бытие «между» – бытие между молчанием и языком, где человек постоянно находится в поис-

ке. Он может ошибаться, поэтому иногда боится говорить. В любом случае бытие «между», бытие отношения, происходящее из присутствия как временности, – это демонстрация Хайдеггером того факта, что бытия, небытия, инобытия, единство человеческого и природного не мыслимы без специальной сферы, где сохраняется, с одной стороны, самодостаточность каждой из составляющих отношений, а с другой стороны, существует возможность их взаимодействия. Подобное акцентирование такой особенности единства протиположностей и говорит об их трактовке как проблемы, чье понимание получает онтологическое значение. Хайдеггер показывает необходимость причастности человека своему бытию и одновременно несубстанциональный характер такой причастности. «Жизненность» подобного совмещения делает открытым, временным, несовершенным, но реальным, что в итоге и говорит об онтологической особенности человеческого «Я».

Не менее актуальными, чем у М. Хайдеггера, являются исследования нашего отечественного автора касательно онтологии «Я» М. Бахтина. Актуальность вызвана большей близостью Бахтина к человеку, нежели Хайдеггера. Эта близость обусловлена тем, что М. Бахтин исходит из самого человека. В этом отношении для М. Хайдеггера более значимо бытие, конечно же, как бытие человека. Но здесь следует согласиться с А.Ф. Зотовым, считаящим, что «сам Хайдеггер решительно отказывается признать свою близость двум из них (областей философии – И.А.) – экзистенциализму и антропологии, поскольку его интересует не человеческое существование, чем заняты экзистенциалисты, и не сущность человека, которую пытаются понять философские антропологи, а Бытие» [7. С. 411].

М. Бахтин же ближе к философским антропологам, поскольку его интересует субъективность человека не как рационализированная реальность метафизики, а как живая сущность человеческого «Я», которая реализуется во всей бытийной целостности мира человека. Любопытно и то, что М. Бахтин, подобно М. Хайдеггеру, делает вывод, что человеческая субъективность, представленная во всей жизненной полноте, формирует среду опосредования, объединяющую собой мыслительную и практическую деятельность. Подобный ход, по мнению М. Бахтина, позволяет преодолеть «теоретизм» гносеологического субъекта. М. Бахтин отмечает, что «общим моментом дискурсивного теоретического мышления (естественно-научного и философского), исторического изображения – описания и эстетической интуиции, важным для нашей задачи, является следующее. Все названные деятельности устанавливают принципиальный раскол между содержанием-смыслом данного акта деятельности и исторической действительностью его бытия, его действительную, единственную переживаемостью, вследствие чего этот акт и теряет свою ценность и единство живого становления и самоопределения. Истинно реален, причастен

единственному бытию-событию только этот акт в целом» [8. С. 22].

Человеческая активность (в виде действия, акта или мысли) характеризуется в подобной ситуации как неизменная (фактически «мертвая») сущность, так как представлена обособленно, вне исторического контекста, а значит бессмысленна. Важно понимать единство, холистичность, чтобы придать человеческой деятельности полноту его бытия. Достижение этого возможно в случае изначального непротивопоставления человека в качестве субъективного и объективного начал. «Теоретизм» у М. Бахтина – следствие упрощенного взгляда на природу человека.

Но тогда важно обозначить механизм соблюдения полноты человеческого бытия, посреднической основы совмещения различных начал его проявлений. Для М. Бахтина обретение человеком своего бытия – встреча с самим собой. «Акт должен обрести единый план, чтобы рефлексировать себя в обе стороны: в своем смысле и в своем бытии, обрести единство двусторонней ответственности и за свое содержание (специальная ответственность) и за свое бытие (нравственная), причем специальная ответственность должна быть приобщенным моментом единой и единственной нравственной ответственности. Только таким путем могла бы быть преодолена дурная неслиянность и невзаимопрониновенность культуры и жизни» [9. С. 22–23].

Поскольку человек представляет собой единство бытийных измерений мира, характеризуется в единстве и множестве своих проявлений, то возникает естественный вопрос: почему именно человек? И этот вопрос достаточно актуален для философии в принципе.

В частности, М. Хайдеггер актуализирует индивидуальность человека, чьим условием проявления полагает причастность человека своему бытию. Без подобной причастности у человека нет возможности быть индивидуальным, сохранять себя как личность, ибо мир поглощает его, превращает в «Man». У М. Бахтина все по-другому. Бытие – это не нечто отдельное от человека, к чему человек должен обязательно каким-то образом присоединиться, «пристроиться». Бытие возможно только как человеческая активность, как человеческое существование, как умение человека быть самим собой.

Подобное различие для нас имеет интерес только в вопросе о структуре организации бытия (Хайдеггер) и человеческого бытия (Бахтин). Единство бытия и небытия – общая черта у этих авторов, где язык выступает формой проявления единства. А вот вопрос первичности бытия или человека – это момент различия. Для Хайдеггера бытие первичнее, оно уже всегда есть в человеке. Человек в этом отношении – способ проявления бытия. Но этот способ не совсем удачный в том плане, что бытие то раскрывает себя, то скрывает себя. Это как постоянное овладение языком, когда мы то понимаем и помним, что значат слова, то забываем и не пони-

маем. Так получается потому, что человек не является создателем языка, ибо язык – это само бытие, его дом. Человек, по Хайдеггеру, выступает как слепое существо, чья судьба определяется бытием. Как отмечает П.П. Гайденко, «человек не творец языка, а скорее медиум, через которого говорит язык, т. е. само бытие. Он отдается языку, а не подчиняет его себе, не овладевает им» [9. С. 375].

Человек как «заложник» бытия, от которого зависит его судьба. Отсюда и у М. Хайдеггера мы встречаем много рассуждений о «заброшенности» человека в его судьбу, об одиночестве, о страхе и т. д. Человеческое существование рассматривается в свете эсхатологической трактовки, где человек ищет свое бытие, чтобы спастись, но не может найти (или находит его в недостаточном проявлении). Подобное четко просматривается при оценке Хайдеггера как герменевтика.

Необходимость прислушивания человека к языку, дому бытия, проявляется в умении находить нужную тему. Или, если сказать иначе, умение слушать язык – это умение тематизировать горизонт окружающего нас сущего. Но человек никогда не может сделать это окончательно, в этой тематизации (прислушивании) всегда остается зазор. Это говорит, с одной стороны, о конечности человеческого существования, где человек предстает как ограниченное существо, а с другой стороны, о таком устройстве бытия, где в силу его единства с небытием последнее является в своей двойственности, а по сути, незавершенности и открытости. Как пишет П.П. Гайденко, «язык открывает сущее очень своеобразно: он, как говорит Хайдеггер, столько же открывает, сколько и скрывает. Нетрудно в этой хайдеггеровской характеристике языка и его (языкового) способа являть сущее заметить Гуссерлеву мысль о том, что сознание никогда не может до конца тематизировать предмет, что всегда останется некоторый нетематизированный «горизонт», «фон восприятия», принципиально до конца не устранимый. «Открытое» всегда окружено, оттенено «сокрытым»» [9. С. 376].

Обозначенное основание бытия, его первичность демонстрирует такие онтологические проблемные характеристики, как незавершенность, открытость и т. д., противоречивость истоков человеческой сущности. Человек выступает здесь как «заложник» бытия, зависит от него и от случая. Его самодостаточность без бытийной укорененности неполноценна, поскольку ему необходима опора.

Проблемность, обусловленная первичностью бытия перед человеком, обладает пессимистичностью, трагичностью. Не случайно тема трагедии стала актуальной для европейской философии еще с Ф. Ницше. Хайдеггер лишь продолжил линию трагедии в своих исследованиях, заключив человека в мир языка, заставив его прислушиваться к языку.

Для М. Бахтина приоритет у человека, а все остальное средства (в том числе, бытие, язык и т. д.). Без этого данные средства не имеют смысла.

«Я» человека – тот же центр, который определяет его природу. Однако приоритет человека относительно бытия и языка не устраняет онтологические основания проблемности существования человека. Но при этом понятно, что подобные основания необходимы для человека, представляют собой предмет его поисков, поскольку в этом и заключается сущность его натуры.

Не случайно, что для М. Бахтина человек не просто физическое существо, но просто совокупность определенных составляющих, человек – это поступок. Поступок воплощает всю полноту человеческого бытия, способ обретения своего целостного начала. В отличие от М. Хайдеггера М. Бахтин не предопределяет бытие человека. Только поступок выступает в качестве своеобразного рождения последнего как целого начала. «Жить из себя, исходить из себя в своих поступках вовсе не значит еще жить и поступать для себя. Центральность моей единственной причастности бытию в архитектонике переживаемого мира вовсе не есть центральность положительной ценности, для которой все остальное в мире лишь служебное начало. Я-для-себя – центр исхождения поступка и активности утверждения и признания всякой ценности, ибо это единственная точка, где я ответственно причастен единственному бытию» [8. С. 56–57].

Рассмотрение человека как центра бытия не означает его изоляционного рассмотрения. Человек живет в мире, в обществе. Эти измерения бытия также должны учитываться, пониматься как «равные» участники процесса жизнедеятельности. Существование в мире – это участие в его процессах, но не только личное, сконцентрированное исключительно на себе, а также по отношению к остальному миру. Поступок – это всегда участие, это посредническая среда, бытие «между». «Участное мышление и есть эмоционально-волевое понимание бытия как события в конкретной единственности на основе неалиби в бытии, т. е. поступательное, т. е. отнесенное к себе как к единственному ответственно-поступающему мышлению» [8. С. 47–48].

Для человека быть самим собой не просто, это действительно поступок, поскольку в любом поступке будущий результат не предопределен. Любой поступок всегда связан с некоторой степенью неопределенности. Любой поступок в эпистемологическом смысле представляет собой проблемную ситуацию.

Если бы в познании можно было бы гарантировать будущие результаты, то в чем заключалась бы его новизна, в чем была бы его привлекательность, эвристичность. Также и поступок: человек в нем может проявить себя исключительно индивидуально, но в чем это будет проявляться, наверное, ни один человек предугадать не сможет.

Из этого следует, что поступок, если это действительно поступок, – это акт ответственный. В первую очередь, поступок предполагает ответственность перед собой, умение остаться самим собой. Очевидно, при этом такая позиция порождает от-

ветственность перед другими, перед миром в целом. Это обратная сторона ответственности перед собой.

Уникальность, неповторимость человека возможна только тогда, когда мы ценим подобное абсолютно в каждом человеке. Поэтому условие моей индивидуальности есть принятие и соблюдение индивидуальности других. Мы вообще своей индивидуальностью обязаны другим, поскольку если бы их не было, то на какой основе можно было бы утверждать о своей индивидуальности. Не-алиби в бытии не только проблематизирует нам наше будущее, оно заставляет принимать данные проблемные основы, считаться с ними, а не элиминировать их. Ибо в таком случае теряется бытие поступка (бытие «между»), а человек оказывается в ситуации утраты своей индивидуальности. По М. Бахтину, «в основе поступка лежит приобщенность к единственному единству, ответственное не растворяется в специальном (политика), в противном случае мы имеем не поступок, а техническое действие» [8. С. 54].

В центре поступка – человеческое «Я», но это не одностороннее отношение, а целостное. «Я» при этом одновременно представляет собой направленность на «не-Я», на осознание связи подобного отношения в его единстве и множественности. В обращенности «Я» на «не-Я» четко прослеживается эпистемологическая проекция проблемной структуры человеческого мировосприятия (по аналогии: знание о незнании). Не случайно М. Бахтин пишет: «Если я отвлекусь от этого центра исхождения моей единственной причастности бытию, неизбежно разложится конкретная единственность и нудительная действительность мира, он распадется на абстрактно-общие, только возможные моменты и отношения, могущие быть сведенными к такому же только возможному абстрактно-общему единству ... Каждый момент этого единства внутри системы логически необходим, но сама она в целом только относительно возможна; только в соотношении со мной – активно мыслящим, как поступок моего ответственного мышления, она приобщается действительной архитектонике переживаемого мира, как момент его, укореняется в действительной ценностно-значимой единственности его» [8. С. 55].

Децентрация «Я» приводила бы к утрате целостного мироотношения человека, элиминировала проблемную основу познания, лишая последнюю эвристической (когнитивной) перспективы, следовательно, сокращая горизонт познавательных возможностей человека. Поэтому для М. Бахтина принципиально важно понимание человеческого «Я» в качестве онтологического основания проблемного знания. Человек – это своеобразный демиург своей проблемности, его творец и пользователь.

Но что любопытно. Отмеченное различие в понимании бытия и человека у Хайдеггера и у Бахтина имеет единую логику понимания ответственности. Человек у Хайдеггера также должен действовать ответственно (ответственность – это проявление бытийности человека как самого себя). Но от-

ветственность у Хайдеггера есть ответственность как способ устройства бытия. Человек ответственен перед бытием, поскольку он о нем вопрошает. Форма вопроса определяет форму ответа. Человек отвечает за те вопросы, которые он обращает к бытию. Проблематизация отношений человека и бытия – вот источник ответственности человека, ибо он отвечает перед бытием, перед необходимостью его обнаружения с целью выявления своей причастности к нему.

У Бахтина человек ответственен за себя и перед собой, поскольку он находится в ситуации не гарантированности себя. Но ответственность перед собой – это ответственность за другого.

Очевидно, что в моменте ответственности и Хайдеггер, и Бахтин, если не акцентировать внимание на разности ее направленности, отмечают ее необходимость при условии выхода за границу чего-либо или кого-либо. Ответственность – это всегда констатация пограничности человека и бытия, констатация человеческого «Я» как онтологической основы проблемы. Не выходя за свои пределы, а в этом и заключается суть вопросно-ответных действий, человек не может судить ни о себе, ни о другом, ни о мире как о живых, целостных началах. Поэтому возникновение необходимости онтологического обоснования проблемы демонстрирует важность изучения промежуточных, посреднических, усредненных отношений, которые лучше всего проявляются в предмете онтологии человеческого «Я».

Хайдеггер и Бахтин показали то, что осмысленные бытия и человека непременно ведет к особой, несводимой не к чему сфере «между». Хайдеггер больше акцентирует внимание на обращенности бытия к своему иному, Бахтин же демонстрирует, что человек в своем «Я» может себя выявить только через целостность обращения к миру – через поступок. Таким образом, оба философа свидетельствуют о наличии особой сферы – сферы «между», чья сущность и определяет исследовательский и жизненный интерес человека, характер проблематизации им мира.

Но исследования и Хайдеггера, и Бахтина не затрагивают подробно один аспект. Это аспект субъект-субъектных отношений. Поэтому вполне логично использовать исследования М. Бубера, чье творчество посвящено данной теме.

Следует уточнить причины обращения к М. Буберу. Именно он, как никто другой, демонстрирует, что гарантия обретения человеком своей индивидуальности – способность ценить «другого», его индивидуальность. Природа этой оценки формируется на основе аналогии: не относись к другому так, как бы ты не хотел, чтобы он относился к тебе (почти по И. Канту). Такое же отношение проявляется во взаимодействии с миром в целом. М. Бубер подчеркивает, что субъект-субъектные отношения вполне возможны и при обращении к внешнему миру, обозначая их важность для человека. Тем более, эти отношения не противопоставляют человека миру и наоборот.

М. Бубер полагает, что есть третий путь, где объективизм и солипсизм преодолеваются. Этот третий путь – путь субъект-субъектных отношений. Он пишет: «Мир двойственен для человека в силу двойственности его соотношения с ним... Основные слова суть не отдельные слова, но пары слов. Одно основное слово – это сочетание Я–Ты. Другое основное слово – это сочетание Я–Оно; причем, не меняя основного слова, на место Оно может встать одно из слов Он и Она. Таким образом, двойственно также и Я человека. Ибо Я основного слова Я–Ты отлично от Я основного слова Я–Оно» [10. С. 16]. По М. Буберу, основные бытийные измерения человеческой натуры – это отношения Я–Ты и Я–Оно.

«Оно» производно, появляется тогда, когда его содержание сформировалось. Можно сказать, что отношение Я–Оно не есть отношение в полной мере. М. Бубер демонстрирует, что оно чуждо человеческому миру, так как через это отношение последний лишь получает внешний опыт, но не превращает его во внутренне содержание своего Я. Совсем другому понимается отношение Я–Ты, выражающее подлинную сущность – сущность соотношения. Для М. Бубера данное отношение характеризуется взаимностью. Через взаимность человек обретает самого себя, преодолевает одиночество и покинутость. Не случайно у М. Бубера есть такая констатация: «В начале есть отношение» [10. С. 25].

Человек, существуя, утрачивает изначальность своего Я–Ты, нуждается в его поиске. Не случайно самым близким и необходимым человеком для него становится не мать и не отец, даже не его дети и внуки, а его «другой», т. е. тот, кого мы называем другом. Мы постоянно ищем своего друга («другого»), потому что мы ищем себя. У человека нет иной возможности самореализоваться, кроме как в отношении с «другим», в ощущении своего единства. И чем сложнее этого добиваться, тем радостней и ценностней для человека достигнутое единство. Поиск друга («другого») – это поиск встречи, это желание прожить жизнь как встречу с ним. Поэтому М. Бубер полагает, что «всякая действительная жизнь есть встреча» [10. С. 21]. Она случается тогда, когда устраняются препятствия для человека, но эта встреча не является главным результатом человеческой жизни. Она выступает в качестве условия актуализации (проблематизации) последней. Подобное дается не просто человеку, предполагает четкую позицию, умение сохранить себя, остаться самим собой.

Хорошую аналогию поля проблематизации знания М. Бубер демонстрирует, полагая «нет двух родов человека; но есть два полюса человечества. Ни один человек не есть чистая личность, ни один человек не есть всецело действительный, ни один – всецело недействительный. Каждый живет в двойственном Я. Но есть люди, которые так определены своим личностным началом, что их можно назвать личностью, и есть такие, которые так определены своим особенным, что их можно назвать самодовлеющим и обособленным в своей осо-

бенности существом. Между теми и другими разгрызается подлинная история» [10. С. 52–53].

Следовательно, Я как онтологическая сфера выражает единство, поскольку ее внутренняя противоречивость проистекает из специфики человеческой перцепции (например, рациональное и эмпирическое, душевное и телесное и т. д.). Всегда выбиралось что-то одно, другое опускалось, игнорировалось. Но осмысление онтологических оснований человеческого Я ярко демонстрирует двойственность, противоречивость, проблемность его истоков. С этой стороны, подобная основа – это источник познавательной активности, с другой стороны, – горизонт когнитивного потенциала.

Жизни без проблемы не бывает. Выявленное Хайдеггером «пребывание в истине» означает, что познание – это не открытие истины, это ее уточнение. А уточнение истины, в которой пребываешь, – это «жизнь в проблеме», где человек существует.

Для М. Бубера онтология Я («сфера между») обусловлена устройством мира в единстве его бытия и небытия. Источник проблематизации знания – это всеобщая взаимосвязь и взаимообусловленность человека и мира, невозможность его центрации на чем-то одном.

Схожее по принципу с М. Бубером понимание человека, онтологии Я, обладающее посреднической природой, можно найти в различных философских системах Востока. В основе концепции человека на Востоке лежит идея «нецентрированности» Я. Но при этом существует важное расхождение взглядов восточной философии с М. Бубером. Разность позиций проистекает из разности взглядов на генезис «сферы между». У М. Бубера «сфера между» (сфера опосредования) для Я – следствие его двойственности. Для Востока нецентрированность Я рассматривается как результат возможных двух сторон одного целого, как результат взаимного единства возможных двух фаз одного процесса и т. д. Но сам человек не рассматривается как двойственное начало. Как уточняет это К.Г. Юнг, «поскольку двойственности не существует в действительности, многообразие неистинно. Это, безусловно, одна из фундаментальных истин Востока. Нет противоположностей, а есть – вверху и внизу – все то же самое дерево. «Изумрудная скрижаль» говорит: «Что внизу, то и наверху; что наверху, то и внизу, чтобы могло совершаться чудо Единого»» [11. С. 130].

Обозначенная нецентрированность в интерпретации природы человека исключает понимание последнего как Я. Здесь не может сформироваться бинарное мышление и миропонимание, где «а» и «не а» – это не противоположности, а две стороны одного. Для Востока вполне возможно одновременное отрицание и утверждение. Центра нет, следовательно нет точки отсчета. Но идея центра все же присутствует, хоть ее трактовка и специфична. В частности Д.Т. Судзуки считал, что «для людей запада вещь либо существует, либо не существует. Утверждение, что она существует и одновременно

не существует, они считают невозможным. Они скажут, что раз мы рождены, то мы обречены на смерть. Восточный ум работает иначе: мы никогда не рождались и никогда не умрем. Нет рождения и смерти: нет начала и конца – вот что такое восточный образ мышления» [12. С. 53].

В восточной философии человек не выступает в качестве мыслящего существа, так как мышление не приближает человека к миру, а отдаляет их друг от друга. Для человека восточного мировоззрения оставаться самим собой – значит осуществлять познание, просто существовать, жить, где мышление – это препятствие на этом пути к самопознанию. Как констатирует Д.Т. Судзуки, «восточному уму не свойственно «мышление»» [12. С. 55].

Отсутствие трактовки человека в качестве Я показывает взаимопроникновение человека и мира, нерасчлененность этого единства. Никакая артикуляция, дифференциация не способны эту целостность выразить. Это в европейской культуре уточнение мысли, проявление идей с помощью правильно организованного мышления позволяет обрести истину. На Востоке подобный прием никак не позволит действительно добиться подобного результата. Не случайно, для М. Хайдеггера, язык – это «дом бытия», поскольку мышление осуществляется через языковую практику. На Востоке роль языка иная. Он выступает в качестве серьезного барьера на пути к очевидности и ясности. Очень четко данную специфику понимания роли языка выражает Д.Т. Судзуки. Он пишет: «Язык – это самый ненадежный инструмент, который когда-либо изобрел человеческий разум. Мы не можем жить, не прибегая к помощи этого средства общения, ведь мы существа общественные: но если мы только примем язык за реальность или сам опыт, мы совершим самую ужасную ошибку, и начнем принимать за луну палец, который всего лишь указывает на нее. Язык – обоюдоострый меч. Если пользоваться им неосторожно, то он поразит не только врага, но и самого нападающего. Мудрый избегает этого. Он всегда очень осторожен в обращении с языком» [12. С. 56].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ардашкин И.Б. Онтология Я как основание проблемы в познании // Известия Томского политехнического университета. – 2008. – Т. 312. – № 6. – С. 130–136.
2. Ардашкин И.Б. Эпистемологические аспекты исследования телесности человека // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 321. – № 6. – С. 119–125.
3. Микешина Л.А. Философия познания. Полемика главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 622 с.
4. Найман Е.А., Суровцев В.А. От осмысления к чтению и письму // Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века. – Томск: Водолей, 1998. – С. 6–10.
5. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: АСТ, 2003. – 509 с.
6. Григорьева Т.П. Дао и логос: встреча культур. – М.: Наука, 1992. – 424 с.
7. Зотов А.Ф. Современная западная философия. – М.: Высшая школа, 2001. – 783 с.
8. Бахтин М.М. К философии поступка // Человек в мире слова. – М.: Российский открытый университет, 1995. – С. 22–66.
9. Гайденок П.П. Научная рациональность и философский разум. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 528 с.
10. Бубер М. Два образа веры. – М.: Республика, 1995. – 464 с.
11. Юнг К.Г. О психологии восточных религий и философий. – М.: Медиум, 1994. – 256 с.
12. Дзен-Буддизм. Судзуки Д. Основы Дзен-Буддизма. Кацуки С. Практика Дзен. – Бишкек: МП «Одиссей», 1993. – 672 с.
13. Найман Е.А., Сыров В.Н. Некоторые соображения по поводу обоснования формального реализма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 2 (18). – С. 38–45.

Поступила 23.01.2013 г.

Но идея нецентрированности человека в мире вовсе не значит, что в восточном мировосприятии человек обладает определенным основанием, точкой отсчета. Отсутствие онтологии «Я» в восточном мировоззрении, скорее, не менее проблемное основание познания, чем идея двойственности человеческого «Я» у М. Бубера.

Заключение

Таким образом, обозначение основ онтологической природы человека, его онтологии «Я» реализовано через осмысление бытия человека (онтологии «Я»), его взаимоотношений с другими. Данное соотношение продемонстрировало, что условием функционирования является специфическая посредническая сфера – сфера бытия «между». Эта онтологическая конструкция становится источником проблематизации знания, ее генезисом, и одновременно эпистемологическим горизонтом человеческих возможностей. Эта основа в силу своей двойственной противоречивости выступает как фундаментальный источник познавательных интенций в нерасчленном единстве человека и общества. Не учитывать зависимость границ человеческого познания и его понимания собственной онтологии «Я» значит изначально ориентироваться на игнорирование целостности мировосприятия. Как пишут Е.А. Найман, В.Н. Сыров, «если есть реальность как решающее условие истинности, зачем нам знание? И наоборот. Если наше знание не просто совокупность высказываний, призванных лишь перевести в язык то, что известно и имеется в наличии уже до всякого перевода, а представляет собой единственный способ установить то или иное положение дел, то не является ли введение референции излишним добавлением к такому установлению?» [13. С. 45]. Иными словами, только диалог, установка на взаимодействие человека и мира, человека и общества, человека и его «Другого» позволяет целостно выстроить познавательный процесс.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Наука», тема № 6.2158.2011 «Исследование теории адаптации науки и высшего профессионального образования в условиях инновационных преобразований общества».

«I» ONTOLOGY AS A SOURCE OF KNOWLEDGE PROBLEMATIZATION AND HORIZON OF A PERSON INFORMATIVE POSSIBILITIES

I.B. Ardashkin

Tomsk Polytechnic University
E-mail: ibardashkin@mail.ru

The relevance of the study is caused by the need of understanding the cognitive capabilities of human reason within verification of origin of the latter. Such perspective is conditioned by orientation of research on the development of a holistic set in epistemology, which will develop a holistic methodology for knowledge according to most researchers. Appealing to «I» ontology is one of the ways of forming such facility in epistemology.

The objective of the study is to identify cognitive bases of «I» ontology through a comparative analysis of their interpretation in the history of epistemology, to establish potential dependence of determining the horizon of human cognitive abilities on his epistemological «I»-concepts through the lens of knowledge problematization mechanism.

Methods: the comparative analysis, holistic approach.

Results: The author has considered the ontological «I» concepts in the history of epistemology. The paper demonstrates the dependence of nature and limits of knowledge regarding on understanding of «I» ontology as an essential dimension of man. It is noted that ignoring the holistic understanding of «I» ontology leads to a simplification of cognitive activity results. It is stated that the human self-conception is relevant in understanding knowledge problematization and in determining knowledge horizon.

Key words:

Person, ontology, ego, knowledge, problematizatsiya, dialogue.

REFERENCES

1. Ardashkin I.B. Ontologiya Ya kak osnovanie problem v poznanii [«I» Ontology as a base of problems in cognition]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2008, vol. 312, no. 6, pp. 130–136.
2. Ardashkin I.B. Epistemologicheskie aspekty issledovaniya telesnosti cheloveka [Epistemological issues in the study of human corporeality]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 321, no. 6, pp. 119–125.
3. Mikeshina L.A. *Philosophiya poznaniya. Polemicheskie glavy* [The Philosophy of knowledge. Polemical chapter]. Moscow, Progress-Tradition, 2002. 622 p.
4. Nyman E.A., Surovtsev V.A. *Ot osmysleniya k chteniyu i pismu. Intentsionalnost i tekstualnost. Filosofskaya mysl Frantsii XX veka* [From understanding to reading and writing. Intentionality and textuality. Philosophical thought of the twentieth century France]. Tomsk, Aquarius, 1998. pp. 6–10.
5. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow, AST, 2003. 509 p.
6. Grigorieva T.P. *Dao i logos: vstrecha kultur* [Tao and logo: the meeting of cultures]. Moscow, Nauka, 1992. 424 p.
7. Zotov A.F. *Sovremennaya zapadnaya filosofiya* [Modern Western Philosophy]. Moscow, Vysshaya shkola, 2001. 783 p.
8. Bakhtin M.M. *K filosofii postupka* [The philosophy of the act]. *Chelovek v mire slova* [The man in the world of speech]. Moscow, Russian Open University, 1995. pp. 22–66.
9. Gaydenko P.P. *Nauchnaya ratsionalnost i filosofskiy razum* [Scientific rationality and philosophical reason]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2003. 528 p.
10. Buber M. *Dva obraza very* [Two Visions of Faith]. Moscow, Respublika, 1995. 464 p.
11. Jung K.G. *O psikhologii vostochnykh religiy i filosofiy* [On the Psychology of Eastern religions and philosophies]. Moscow, Medium, 1994. 256 p.
12. *Dzen buddizm* [Dzen Buddhism]. Suzuki D. *Osnovi Dzen Buddizma* [Fundamentals of Dzen Buddhism]. Katsuki C. *Praktika Dzen* [The practice of Dzen]. Bishkek, Odissey, 1993. 672 p.
13. Nyman E.A., Syrov V.N. *Nekotorye soobrazheniya po povodu obosnovaniya formalnogo realizma* [Some thoughts on the justification of formal realism]. *Bulletin of the Tomsk State University, Philosophy. Sociology. Political science*, 2012, vol. 18, no. 2, pp. 38–45.

УДК 314.72

О ПЕРСПЕКТИВАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

А.Ю. Чмыхало

Томский политехнический университет
E-mail: sanichtom@inbox.ru

Констатируется, что одной из актуальных проблем социально-экономического развития России в настоящее время является демографическая проблема, которая выражается в непрекращающейся на протяжении более чем двух десятилетий убыли населения, как в отдельных регионах, так и в стране в целом.

Цель работы состояла в выявлении причин убыли населения в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока России и оценке перспективы преодоления демографического кризиса в этих регионах в связи с мерами, обозначенными в «Концепции государственной миграционной политики России до 2025 г.».

Методы исследования: проведен сравнительный анализ результатов переписей населения в России 2002 и 2010 гг., анализируются направленность, объемы и причины миграционных потоков в пределах современной России, экстраполируются современные тенденции развития демографической и миграционной ситуации в современной России на период до 2025 г.

Результаты: Делается вывод о том, что необходима разработка комплексных проектов развития, имеющих своей целью повышение качества жизни российских граждан, проживающих на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. Реализация подобных проектов способна создать предпосылки для обеспечения миграционной привлекательности региона.

Ключевые слова:

Миграция, Концепция миграционной политики, мигранты, депопуляция, демографическая ситуация.

Одной из наиболее актуальных проблем, обозначивших свое воздействие на дальнейшее развитие России начиная с первых лет ее независимого существования вне рамок СССР, стал демографический кризис. Он имеет ряд специфических черт, определяющих необходимость формирования особых подходов для решения данной проблемы. Одной из этих черт является миграционное движение населения из районов Восточной Сибири и Дальнего Востока, которое происходит на фоне снижения численности населения в этих регионах вследствие низкой рождаемости и высокой смертности, характерного для большей части регионов России.

Негативное восприятие демографической ситуации на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири усугубляет то, что всего чуть более 25 млн человек, или около 18 %, населения всей России проживает на этой территории, составляющей порядка 66 % территории страны.

Тенденции в развитии демографической ситуации лучше всего характеризуют результаты всероссийских переписей, проводившихся в 2002 и 2010 гг. Если в 2002 г. на территории Сибири проживало 20062938 человек, то в 2010 г. – 19256426 человек (разница в 806512 человек). В 2002 г. на территории Дальнего Востока России проживало 6692865 человек, а в 2010 г. – 6293129 человек (разница в 399736 человек). Таким образом, ежегодно убыль населения в этих двух регионах страны в сумме составляла более 100 тыс. человек. Если исходить из учета имеющихся темпов снижения численности населения, то к 2026 г. здесь будет проживать уже около 23 млн человек [1, 2].

Процесс депопуляции в этих регионах России происходит на фоне усиления их геополитического значения, особенно в связи с перспективой откры-

тия круглогодичной навигации по Северному морскому пути, начала разработки недр на шельфе Северного Ледовитого океана, в Восточной Сибири и российском Дальнем Востоке. Привлечение местного населения к эксплуатации находящихся здесь природных ресурсов будет невозможно по причине отсутствия свободных трудовых ресурсов.

Ряд отечественных исследователей, политиков уже со второй половины 1990-х гг. высказывали мнение о том, что процессы депопуляции населения на Дальнем Востоке России и в Восточной Сибири создают реальную угрозу сохранения указанных территорий в составе страны. Это мнение формировалось под влиянием интенсификации миграционных процессов, наблюдавшегося с конца 1980-х – начала 1990-х гг. на территории близлежащих к России провинций Китая, где имел место приток населения из внутренних районов Китая, а также миграционной активности китайских граждан не только в приграничных, но и в других регионах России.

В связи с этим уже на протяжении почти двух десятилетий в России обсуждается вопрос о выработке особой демографической политики в отношении регионов Восточной Сибири и российского Дальнего Востока. В частности, в принятой в 2012 г. «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» особое внимание уделено демографической ситуации, сложившейся на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, и обозначен ряд мер, которые в итоге должны привести к исправлению сложившейся ситуации.

В настоящей статье осуществлен анализ некоторых причин, приведших к формированию неблагоприятной демографической ситуации в данных регионах России, и рассматривается перспектива

ее решения в связи с мерами, обозначенными в «Концепции государственной миграционной политики».

В рассматриваемой Концепции указано, что должны быть созданы фонды по реализации мер стимулирования переселения граждан в регионы Дальнего Востока, повышена инвестиционная привлекательность регионов Дальнего Востока, Сибири, приграничных и стратегически важных территорий с целью создания необходимой для переселения социальной и транспортной инфраструктуры, снижена транспортная оторванность этих регионов от регионов Центральной России. Итогом реализации Концепции должно стать приостановление миграционного оттока населения из районов Сибири и Дальнего Востока к 2021 г., а к 2026 г. должен быть обеспечен миграционный приток населения в эти районы страны.

Для того чтобы оценить перспективу реализации данной Концепции необходимо посмотреть на сложившуюся ситуацию с различных точек зрения.

Выявляя причины сегодняшней ситуации в области демографии в восточных регионах страны, следует заметить, что во многом она является следствием многовековой политики российского государства. Длительный период времени эти земли рассматривались как «край каторги и ссылки», причем это характерно как для досоветского, так и советского периода времени. Именно поэтому значительную долю населения Сибири и Дальнего Востока составляли принудительно переселенные сюда лица. Масштабное добровольное переселение в основном имело место в начале XX в. и было связано со столыпинской аграрной реформой. В результате реализации переселенческой политики в эти годы значительно увеличилась численность населения в восточной части страны. Однако в последующие годы добровольные переселения ушли на второй план на фоне потоков, осуществляемых в рамках масштабных принудительных и вынужденных переселений. Они были вызваны как репрессиями со стороны государства, так и обстоятельствами иного рода, например Великой Отечественной войной, перемещениями частей советской армии в связи с военной угрозой со стороны Китая в конце 1960 – начале 1970-х гг. и др.

Процессы либерализации в российском государстве в течение 1990-х – начале 2000-х гг. не могли не вызвать оттока населения из районов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Значительная часть населения, приехавшая в эти регионы, изначально была ориентирована на отъезд из этих мест по мере достижения пенсионного возраста или накопления средств, необходимых для приобретения жилья в других регионах России. Снижение уровня заработной платы на предприятиях этих регионов в связи с уменьшением государственного финансирования лишь ускорило принятие решения на отъезд. Кроме того, подверглись расформированию многие части и соединения российской армии

и флота, что также оказало свое воздействие на интенсификацию обратных миграционных потоков. Государство приостановило реализацию многих инфраструктурных проектов, а также проектов по разработке полезных ископаемых. Была приостановлена практика распределения молодых специалистов на предприятия народного хозяйства, в первую очередь находящихся в отдаленных регионах страны.

Таким образом, к началу 2000-х гг. в Восточной Сибири и на российском Дальнем Востоке фактически достигнут тот уровень численности населения, который может быть в достаточно полном объеме востребован стагнирующей региональной экономикой, а реализация тех или иных отдельных крупных проектов обеспечивается за счет привлечения временной рабочей силы, в том числе и из стран СНГ и Китая (как, например, строительство мостов на о. Русский и во Владивостоке).

Дальнейший отток населения носит стабильный характер и во многом обусловлен причинами экономического характера. В течение последних двух десятков лет государство сворачивало свое участие в финансировании данных регионов. Реализация некоторых проектов по добыче природных ресурсов на Сахалине, в Восточной Сибири практически не оказывала воздействия на улучшение социально-экономической ситуации в регионе, поскольку основная часть доходов от их реализации поступает не в региональные бюджеты, а в федеральный. Снижение участия федерального бюджета в реализации мероприятий в области социального обеспечения, отсутствие развитой транспортной инфраструктуры оказали свое влияние на автономное существование этих регионов в рамках России.

Достаточно суровые природно-климатические условия жизни, снижение уровня заработной платы в сравнении с заработной платой граждан (табл. 1), проживающих в других регионах России, где имеется более развитая социальная, транспортная инфраструктура и, вследствие этого, более высокое качество жизни, определяют миграционный отток населения из Сибирского и Дальневосточного федеральных округов в западном направлении.

Таблица 1. Среднемесячная заработная плата по федеральным округам Российской Федерации за 2012 г. [3]

Федеральный округ Российской Федерации	Среднемесячная заработная плата, р.
Центральный	32343
Северо-западный	29278
Уральский	31940
Сибирский	23948
Дальневосточный	33654

В последние годы не только уровень заработной платы стал определяющим при выборе места жительства российских граждан, но и иные обстоятельства, определяющие качество жизни – при-

родно-климатические условия жизни, доступность и качество жилья, физическая, социальная, экологическая безопасность, благоприятные условия ведения бизнеса и проч. Именно это определило формирование миграционных потоков жителей России как внутри страны, так и за ее пределы. Население России из окраинных районов страны переезжает на постоянное место жительства в крупные агломерации в центре России, в первую очередь в Москву и Московскую область, Санкт-Петербург и Ленинградскую область. Именно с этим связано то, что на фоне общего снижения численности населения страны, что зафиксировали всеобщие переписи населения в России, проведенные в 2002 и 2010 гг., численность населения в указанных регионах росла (табл. 2).

Таблица 2. Изменение численности населения по отдельным регионам России за период с 2002 по 2010 гг. [1, 2]

Регионы России	Данные переписи, чел.		Разница между данными переписи 2002 и 2010 гг.
	2002	2010	
Центральный федеральный округ	38000651	38427539	426888
Москва	10382754	11503501	1120747
Московская область	6618538	7095120	476582
Северо-западный федеральный округ	13974466	13616057	-358409
Санкт-Петербург	4661219	4879566	218347
Ленинградская область	1669205	1716868	47663
Сибирский федеральный округ	20062938	19256426	-806512
Дальневосточный федеральный округ	6692865	6293129	-399736

Стремление к улучшению качества жизни обусловило выезд российских граждан на постоянное место жительства в различные страны, создающие подобные условия для жизни. Среди них фигурируют не только развитые страны Европы, такие как Финляндия, Чехия, Франция, Италия, Испания, Великобритания, но и менее благополучные, с точки зрения экономики, страны, такие как Кипр, Болгария, Хорватия, Черногория, Португалия, Таиланд, Турция. Последние из названных стран очень заинтересованы в притоке капитала, а потому пытаются создать благоприятные условия реализации мигрантами их экономического, творческого, предпринимательского потенциала.

Для жителей российского Дальнего Востока и Восточной Сибири Китай стал одним из направлений миграционного перемещения. В течение 2000-х гг. российские мигранты обосновались в целом ряде районов Китая – это остров Хайнань (Санья), города Суйфэньхэ и Хуньчун (в 3-х часах езды на автобусе от Владивостока), Шанхай, Харбин, города вблизи Жёлтого моря.

Данный поток начал формироваться с 2001 г., когда китайские власти разрешили иностранным гражданам приобретать недвижимость на усло-

виях длительной аренды. Основную массу мигрантов составляют пенсионеры и бизнесмены с Дальнего Востока – жители Владивостока, Хабаровска, Амурской области, Приморского края. Формирование данного миграционного потока в основном обусловлено экономическими причинами, а именно: относительная дешевизна недвижимости (в городах, расположенных вблизи от китайско-российской границы, квартира в 50 кв. м стоит 20–30 тыс. американских долларов, т. е. около 1 млн р.), налоговые льготы при открытии своего дела, безопасность на улицах, дешевизна продовольственных и промышленных товаров [4].

Таким образом, давая оценку возможности реализации целей, указанных в Концепции государственной миграционной политики до 2025 г., можно указать следующее:

- привлечение мигрантов из других регионов России на Дальний Восток и в Восточную Сибирь возможно только при условии улучшения качества жизни для местного населения, что потребует значительных финансовых, материальных и дополнительных людских ресурсов (т. е. привлечения трудовых мигрантов);
- изменение потоков внутренней миграции вряд ли будет способно на длительный срок изменить демографическую ситуацию на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, т. к. людские ресурсы в центральных регионах России отсутствуют. Людские ресурсы южных регионов России также незначительны, а кроме того, они в значительной степени расселяются в центральных регионах страны, в регионах Уральского федерального округа. Кроме того, они обладают низким потенциалом своего применения в качестве квалифицированной рабочей силы;
- людские ресурсы республик СНГ ограничены. По оценке отечественного исследователя Ж. Зайончковской миграционный потенциал титульных и других народов стран СНГ не превышает 6–7 млн человек в период до 2025 г. [5]. Основная масса миграционных потоков в настоящее время направлена в центральные регионы России по тем же самым причинам, что и миграционные потоки, формирующиеся из граждан России. Поэтому изменение направленности этих потоков, привлечение граждан СНГ на постоянное место жительства в восточносибирский и дальневосточный регионы России опять же потребует значительных вложений в модернизацию имеющейся и создание новой социальной транспортной и проч. инфраструктуры;
- единственным масштабным источником людских ресурсов, который может быть использован достаточно длительный срок – это регионы Дальнего Востока, не входящие в состав России, т. е. прежде всего Китай и Вьетнам. В настоящий момент возможность использования последнего из указанных источников может быть оценена крайне низко по нескольким причинам:

- *во-первых*, российское государство в течение двух десятилетий было крайне непоследовательно в разработке и реализации миграционной политики, что является выражением недоверия, подозрительности к мигрантам. Государство вплоть до настоящего времени не смогло четко заявить о том, необходимы или нет России мигранты из стран как ближнего, так и, в особенности, дальнего зарубежья. В отношении китайских мигрантов сформировалась позиция подозрительности и недоверия, как со стороны органов государственной власти, так и населения. Причины этой подозрительности определяются не только наличием значительных культурных различий между Китаем и Россией, китайцами и русскими, длительным периодом вражды между странами, но и страхом перед растущей экономической, политической и военной мощью этой страны, переживанием утраты статуса сверхдержавы. Иными словами, этнические и социальные стереотипы оказывают серьезное воздействие на современную отечественную миграционную политику;
- *во-вторых*, привлечение мигрантов из-за рубежа требует разработки понятной, совершенно определенной переселенческой программы. Государство и общество должны четко определиться с целями привлечения мигрантов из других стран мира, поскольку отсутствие таких программ уже сыграло свою деструктивную роль в жизни страны и перевело значительную часть имеющихся миграционных потоков в нелегальную сферу. Необходимо четко понимать, что процесс депопуляции в регионах российского Дальнего Востока и Восточной Сибири на фоне растущего интереса мирового сообщества к природным богатствам, имеющимся в этих районах, рано или поздно приведет к невозможности обеспечивать российский суверенитет в отношении этих территорий;
- *в-третьих*, стихийное, нерегулируемое переселение иностранных мигрантов само по себе, «естественным образом», не приведет к обеспечению «дальнейшего поступательного развития» Российской Федерации. Подобные миграции создают благоприятные условия для роста криминальной обстановки в стране, подпитывают кадрами террористические организации, формируют условия для последующей дестабилизации политической и социально-экономической ситуации в стране.

Сегодняшнее состояние экономики Дальнего Востока России и Восточной Сибири вполне обеспечивается имеющимися людскими ресурсами, а наличие ракетно-ядерного потенциала в ближайшие десятилетия обеспечит их сохранение под суверенитетом России. Мигранты нужны для развития. Именно поэтому сначала российскому государству и обществу нужно сформировать образ будущего для населения российского Дальнего Востока и Восточной Сибири, а потом определить ко-

личество принимаемых мигрантов, сроки приема, регионы их выезда, условия приема и расселения.

Рассматривая опыт реализации аналогичных целей другими странами мира, которые по своим природно-климатическим условиям близки России, например, Канада [6], можно указать, что перспектива дальнейшего развития российского Дальнего Востока и Восточной Сибири состоит в следующем:

- а) формирование нескольких новых городских центров с современной инфраструктурой в наиболее благоприятных природных климатических зонах;
- б) преобразование некоторых старых городских центров, находящихся в рассматриваемых регионах, в несколько крупных агломераций, с параллельной модернизацией имеющейся в этих центрах инфраструктуры.

Население новых городских центров и агломераций может иметь весьма широкие перспективы занятости как на предприятиях, осуществляющих разработку и последующую переработку сырья из месторождений природных ископаемых, на предприятиях энергетики, так и в сфере туризма. Причем сфера туризма может иметь даже большие перспективы развития, чем сфера промышленности в силу природного разнообразия Восточной Сибири и Дальнего Востока, уникальности природных памятников в этих регионах страны.

Формирование крупных агломераций с современной инфраструктурой (с учетом новых подходов к планировке поселений и строительству зданий, разнообразие учреждений образования, особый налоговый режим для новых предприятий и производств, разнообразные средства транспорта и проч.) может стать весьма привлекательным объектом для мигрантов из других регионов России, а также стран СНГ и Индокитая. Помимо удобства для жизни их привлекательный имидж будет обеспечиваться перспективой развития, связанной с освоением и эксплуатацией природных богатств этих мест.

Перспективность данного направления развития Сибирского и Дальневосточного регионов в некоторой степени подтверждается опытом развития г. Томска в течение 1990–2000-х гг.

В условиях деградации промышленного комплекса именно учреждения высшего профессионального образования стали локомотивом экономического развития города Томска в указанный период времени. Формирование мощного современного образовательного комплекса, сопровождалось усиленным притоком студенческой молодежи, как из многих регионов Сибири, так и из стран ближнего и дальнего зарубежья. Кроме того, образование Томской внедренческой зоны и, как следствие, появление ряда инновационных проектов развития региона, улучшение транспортной инфраструктуры создали предпосылки не только для миграционного прироста населения в этом городе, но и возобновления естественного прироста населе-

ния, которое было зафиксировано начиная с 2010 г. [7]. Именно качество жизни как один из важнейших мотивов миграционного поведения людей, принимающих решение на переезд в г. Томск, отмечают одни из исследователей данного вопроса – Г.А. Барышева, И.В. Черданцева [8].

Российскому государству необходимо понять, что современная миграционная политика государств мира реализуется в условиях острейшей конкурентной борьбы за людские ресурсы, в которой победу одерживает тот, кто может предложить наиболее благоприятные условия для жизни людей. Даже говоря о массах потенциальных китайских мигрантов, мы не можем не указать на наличие альтернативы в их миграционном поведении. Российское государство может столкнуться здесь с конкуренцией со стороны китайских же мегаполисов, в которые уже устремилась значительная часть сельского населения этой страны. Современная инфраструктура китайских городов, растущие доходы китайских граждан могут быть более привлекательным стимулом для осуществления выбора места жительства, чем рассказы о природных богатствах России.

Угроза массовой миграции китайского населения из северных провинций Китая в Россию стала отмечаться отечественными исследователями еще в конце 1990-х – начале 200-х гг. В частности приводились данные о том, что только в северных провинциях Китая насчитывалось порядка 65 млн человек, потенциально готовых мигрировать и поселиться на российской территории Дальнего Востока. В то же время всего в Китае в конце 1990-х гг. насчитывалось около 250 млн безработных, среди которых были весьма сильные настроения на осуществление эмиграции из Китая [9–11].

Однако высказываемые в то время мрачные предсказания по поводу предстоящей колониза-

ции России китайскими мигрантами так и не сбылись. Российские Дальний Восток и Восточная Сибирь за истекшее с конца 1990-х гг. время так и не стали притягательным местом для постоянного места жительства не только для наших соотечественников, но и для граждан многонаселенного Китая.

В итоге необходимо отметить, что реализация Концепции миграционной политики России до 2025 г. невозможна без кардинального пересмотра региональной, налоговой, социальной, экономической политики государства в сторону обеспечения привлекательности условий жизни в отдаленных от федерального центра российских регионах.

Повышение качества жизни российских граждан, проживающих на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, способно создать предпосылки для обеспечения миграционной привлекательности региона. Необходимы программы комплексного развития конкретных районов Восточной Сибири и Дальнего Востока (расположенных в наиболее благоприятных природно-климатических зонах), включающие в себя меры по формированию в этих районах современной социальной, транспортной, информационной и проч. инфраструктуры. Реализация подобных программ могла бы значительно повысить привлекательность этих районов как для внутренних мигрантов, так и для наиболее адаптивной части мигрантов из соседних с Россией стран (одним из аналогов подобных программ является программа размещения китайских мигрантов из Гонконга в канадском Ванкувере в конце 1990-х гг.).

Сама по себе политика по привлечению мигрантов, в особенности из-за рубежа, не способна в длительной перспективе обеспечить радикальное изменение демографической и социально-экономической ситуации в этих регионах России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всероссийская перепись населения 2002 г. Численность населения городского и сельского населения по полу по субъектам Российской Федерации URL: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/1_TOM_01_04.xls (дата обращения: 04.09.2013).
2. Всероссийская перепись населения 2010 г. Численность населения городского и сельского населения по полу по субъектам Российской Федерации URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 04.09.2013).
3. Статистика мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации URL: <http://statistika.nethouse.ru/posts/325693> (дата обращения: 04.09.2013).
4. Господинич П. Почему россияне стремятся переехать на ПМЖ в Китай, а китайцы в Россию? URL: <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/entry1008066446.html> (дата обращения: 04.09.2013).
5. Зайончковская Ж. Перед лицом иммиграции // Pro et Contra. – 2005. – Т. 9. – № 3. URL: <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/russ-bazar/vicinity/> (дата обращения: 04.09.2013).
6. Кауфман С. Как китайские иммигранты интегрируются в Ванкувере? URL: <http://echo.msk.ru/blog/lingosteve/616301-echo/> (дата обращения: 04.09.2013).
7. О демографической ситуации в Томской области. URL: http://old.tomsk.gov.ru/ru/social_ground/standard_life/demography.html (дата обращения: 04.09.2013).
8. Барышева Г.А., Черданцева И.В. Миграционные процессы в период инновационных преобразований в экономике региона // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 321. – № 6. – С. 16–20.
9. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. – М.: Изд. корпорация «Логос», 1998. – С. 286–287.
10. Зайончковская Ж.А. Миграция населения России: Новейшие тенденции // Проблемы расселения: история и современность. Россия 90-х: проблемы регионального развития. Вып. 3. – М.: Ваш Выбор. ЦИРЗ, 1997. – С. 30–37.
11. Чмыхало А.Ю. Миграции и проблемы социального развития. – Томск: Изд-во ТПУ, 2011. – С. 5–6.

Поступила 13.09.2013 г.

ON PROSPECTS OF MIGRATORY POLICY CONCEPT IMPLEMENTATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN SIBERIA AND FAR EAST

Chmykhalo A.Yu.

Tomsk Polytechnic University
E-mail: sanichtom@inbox.ru

It is noted that one of actual problems of social and economic development of Russia now is the demographic problem which is expressed in continuous population decline for more than two decades, both in the country as a whole and in its certain regions.

The aim of the study is to identify the reasons of population decline in regions of Eastern Siberia and the Far East to Russia and to assess the prospect of overcoming the demographic crisis in these regions in connection with the measures designated in «Concepts of the state migratory policy of Russia till 2025».

Methods: The author has analyzed the "Concept of migratory policy of Russia till 2025", accepted in 2012, concerning the demographic situation change in regions of Eastern Siberia and the Far East Russia by means of changing migratory streams both within the country, and involvement of migrants out of borders of Russia; the comparative analysis of the results of population censuses in Russia, carried out in 2002 and in 2010 is carried out.

Results: The author makes a conclusion that it is necessary to plan complex projects of development aiming to improve the quality of life of the Russian citizens living in the Far East and in Eastern Siberia. Such projects implementation is capable of developing preconditions for ensuring migration attractiveness of the region.

Key words:

Migration, Concept of migratory policy, migrants, depopulation, demographic situation.

REFERENCES

1. *Vserossiyskaya perepis naseleniya 2002. Chislennost gorodskogo i selskogo naseleniya po polu po subektam Rossiyskoy Federatsii* [All-Russian population census of 2002. Urban and country population by sex in subjects of the Russian Federation]. Available at: http://www.perepis2002.ru/ct/doc/1_TOM_01_04.xls (accessed 4 September 2013).
2. *Vserossiyskaya perepis naseleniya 2010. Chislennost gorodskogo i selskogo naseleniya po polu po subektam Rossiyskoy Federatsii* [All-Russian population census of 2010. Urban and country population by sex in subjects of the Russian Federation]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 4 September 2013).
3. *Statistika monitoringa socialno-ekonomicheskogo polozheniya subektov Rossiyskoy Federatsii* [Statistics of monitoring of economic and social situation of subjects of the Russian Federation]. Available at: <http://statistika.nethouse.ru/posts/325693> (accessed 4 September 2013).
4. *Gospodynich P. Pochemu rossiyane stremyatsya preekhat na PMZh v Kitay, a kitaytsy v Rossiyu?* [Why Russians seek to move to a constant residence to China, and Chinese to Russia?]. Available at: <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/entry1008066446.html> (accessed 4 September 2013).
5. Zayonchkovskaya Zh. *Pered litsom immigratsii* [In the face of immigration]. *Pro et Contra*, 2005, vol. 9, no. 3. Available at: <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/russ-bazar/vicinity/> (accessed 4 September 2013).
6. Kaufman S. *Kak kitayskie immigranty integriruyutsya v Vankuver?* [How the Chinese immigrants are integrated in Vancouver?]. Available at: <http://echo.msk.ru/blog/lingosteve/616301-echo/> (accessed 4 September 2013).
7. *O demograficheskoy situatsii v Tomskoy oblasti* [About a demographic situation in Tomsk region]. Available at: http://old.tomsk.gov.ru/ru/social_ground/standard_life_demography.html (accessed 4 September 2013).
8. Barysheva G.A., Cherdantseva I.V. *Migratsionnye protsessy v period innovatsionnykh preobrazovaniy v ekonomike regiona* [Migratory processes during the innovative transformations in regional economy]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 321, no. 6, pp. 16–20.
9. Gadzhiev K.S. *Vvedenie v geopolitiku* [Introduction into geopolitics]. Moscow, Logos, 1998. p. 286–287.
10. Zayonchkovskaya Zh.A. *Migratsiya naseleniya Rossii: Noveyshie tendentsii* [Migration of Russian population: the latest tendencies]. *Problemy rasseleniya: istoriya i sovremennost. Rossiya 90-h: problemy regionalnogo razvitiya* [Moving Problems: history and present. Russia of the 90th: problems of regional development]. Moscow, Vash Vybor. CIRZ, 1997. p. 30–37.
11. Chmykhalo A.Yu. *Migratsii i problemy socialnogo razvitiya* [Migrations and problems of social development]. Tomsk, TPU Publ., 2011. p. 5–6.

УДК 167.1

ФЕНОМЕН ПРОБЛЕМЫ С ПОЗИЦИИ РАДИКАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

И.Б. Ардашкин

Томский политехнический университет
E-mail: ibardashkin@mail.ru

Актуальность статьи обусловлена конструктивистским вызовом для эпистемологии, который заключается в утверждении того, что все человеческие представления о мире являются его ментальной конструкцией. Проблема (научная проблема) в таком случае не может выступать начальным пунктом познавательных действий субъекта по причине того, что знания последнего формируются исключительно по причине его личной инициативы, а не противоречий, с которыми он сталкивался в самом начале познания. Отсюда проистекает и цель исследования.

Цель работы: эксплицировать эпистемологический статус проблемы (научной проблемы) в контексте конструктивистского подхода.

Методы исследования: метод экспликации, метод сравнительного анализа.

Результаты: Рассмотрены эпистемологические положения конструктивизма, в основе которых лежит представление о субъектно-ориентированной направленности познания. Проанализирована возможность выявления различных пересечений между традиционной эпистемологией и конструктивистской познавательной моделью на примере интерпретации роли субъекта в каждой из представленных концепций. Автор приходит к выводу о том, что при общей неприемлемости конструктивистской эпистемологии (особенно в версии радикального конструктивизма), она все-таки играет положительную роль для человека, которая заключается в том, что появляется основание для использования еще одного критерия оценки познавательного значения научной проблемы – экологического.

Ключевые слова:

Конструктивизм, радикальный конструктивизм, проблема, экологическая оценка проблемы, объективность, познание, субъект.

Введение

Конструктивизм (особенно радикальный конструктивизм) – относительно недавно возникшее направление в сфере эпистемологии, предлагающее достаточно оригинальные интерпретации познавательного процесса в его организации и функционировании. На практике речь идет о том, что данная эпистемологическая традиция существенно пересматривает характер познавательной деятельности, прежде всего ее трактовки, утвердившейся в классической эпистемологии. Обозначенный поворот в эпистемологии выступает в качестве основания актуализации феномена проблемы в условиях формирования конструктивистского формата познания.

Предмет и методы исследования

Чем обусловлено обращение к этому феномену? В первую очередь данная обусловленность вызвана тем, что идет пересмотр схемы познания классической эпистемологии. Известно, что проблема (научная проблема) в рамках указанной модели познания играла очень значимую роль. Основная функция научной проблемы – эпистемологическая, означающая зависимость результатов познания от качества его организации (т. е. от процесса постановки научной проблемы). Если проблема ставилась недостаточно грамотно, то это могло принести очень существенные материальные, финансовые, организационные и др. потери. Были и эпистемологические аспекты, когда на смену простым проблемам приходили достаточно сложные проблемы. Кроме того, такой ход развития познания определял прогресс (или регресс) в развитии знания.

В основании подобной существенной роли феномена проблемы лежали значимые философские предпосылки, имеющие свои онтологические корни. Для классической эпистемологии мир, в котором присутствует человек, осуществляя определенные познавательные действия, неоднороден, субстанционален. В сознании человек сталкивается с миром феноменов, представлениями субъекта о мире, сформировавшимися посредством перцепции мира ноуменов (внешнего мира), с которым ассоциируется настоящий универсум, подлинный мир. Такое измерение (мир ноуменов) подобной реальности не дано человеку в непосредственном виде, скрыто от него, что и приводит к тому, что познание строится на основе субъект-объектных отношений, где сущностно последние характеризуются по-разному.

Самая традиционная форма осмысления субъект-объектных отношений – это истина, которая направлена на своеобразное «уравнивание» субъекта и объекта. По мнению А.В. Кезина, «западноевропейская традиция понимала познание как попытку бегства из «пещерных» уз, как процесс, идущий от видимости к подлинному бытию. Произошло удвоение мира: есть мир феноменов – опосредованная органами чувств видимость, и есть подлинное бытие (ноумены). Поэтому истина – нечто сокрытое, нечто, находящееся за видимостью, позади феноменов. В соответствии с этой традицией двух сфер укоренилась сфера субъект-объектных отношений» [1. С. 4].

В познании человек стремится постигнуть независимую от него реальность, сформировать такого рода представления, которые в действительности отобразили настоящее содержание исследуемого

мира. Это приводило к тому, что субъект считал, что получаемое новое знание задается не им самим, а частью постигаемого универсума, которая стала предметом его исследуемого интереса. Отсюда полученный результат в виде нового знания должен стать объективным, независимым от человека, субъекта. Главный ориентир классической эпистемологии – знание должно быть соотносимым с объектом.

Субъект задает исследовательское поле во внешней реальности (мире), выносит определенные гипотезы по отношению к тому, как может выглядеть сфера, его интересующая, а далее с помощью экспериментальной, эмпирической апробации выясняет, оправдано ли была выдвинута гипотеза или нет. По сути, человек идет методом проб и ошибок, правда следует уточнить, что предположения, им сделанные, выдвигаются не бесосновательно, а в них учитывается весь его предыдущий опыт. Но до эмпирической верификации субъект не может однозначно утверждать о своей правоте. Иногда об этом он не может утверждать и после такой верификации.

Ситуация, в которой человек (субъект) конструирует внешний мир, его фрагмент, когда ему предстоит осуществить познавательный акт, выдвигая относительно этого мира какие-либо гипотезы, считается проблемной. Через феномен проблемы идет обозначение разорванности в познавательных практиках между субъективным и объективным мирами. Поэтому наиболее очевидно проблема представлена в тех дефинициях, которые выражают сущность последней. Например, проблемой считается: «1) то, что не познано человеком и необходимо познать; 2) знание о незнании; 3) сложный вопрос; 4) вопрос, требующий решения; 5) вопрос, не имеющий прямого ответа в наличном знании, преобразованным старыми методами; 6) затруднение, которое преодолевается теоретическим или эмпирическим исследованием» [2. С. 76]. Любые сложные ситуации для человека, чье выражение осуществляется через постановки проблем в рамках классической эпистемологии, обусловлены тем, что именно субъективная основа не представляется достоверным источником для нового знания. Отсюда и идея обращения к другой реальности, настоящей действительности, признание последней в качестве достоверного источника. Не случайно поэтому возникает двухэтапная форма организации познавательной деятельности.

Познание представляет собой последовательное прохождение двух этапов: этап постановки проблемы и этап решения проблемы. В рамках первого этапа субъект задает основную гипотезу исследования, выраженную через вопрос (группу вопросов), а на втором этапе происходит верификация предположений. В итоге задача познания заключается в том, чтобы проблема была снята, поскольку ее постановка выражает субъективный аспект познания, но для него в итоге все же необходим объективный результат. Отсюда в классической эписте-

мологии не случайно то, что этап постановки проблемы считается начальным (исходным) этапом познания. Правда, существуют и другие подходы, которые придерживаются той точки зрения, что истоком познавательной деятельности является наблюдение.

Все же большая часть эпистемологов считает проблему исходным этапом познавательной деятельности. Или, как интерпретирует эти точки зрения Л.А. Микешина, «отправным пунктом становятся не столько чистое наблюдение и факты сами по себе, сколько наблюдение и факты, порождающие проблему» [3. С. 258]. С постановкой проблемы были связаны определенные познавательные перспективы, которые на этом этапе проявлялись в состоянии открытости и готовности субъекта принять что-нибудь новое и неизвестное. В качестве начала познания проблема давала определенный эпистемологический оптимизм. Поэтому и считалось, что постановка проблемы, особенно в случае грамотного и профессионального осуществления этой процедуры, – это половина ее решения.

В этом плане подобное понимание проблемы означало фрагментарность представлений субъекта о познавательном процессе, так как ее решение приводило к некоторой ясности, а проблема снималась. В классической эпистемологии проблема функционально выражала связь между субъектом и объектом, обозначение выявившихся несоответствий между этими началами, их несовпадение.

Результаты

Сегодня формируются иные представления о познавательном процессе. Один из них, наиболее громко заявивший о себе в эпистемологии, конструктивизм (особенно радикальный конструктивизм). Познавательный процесс в рамках конструктивизма представляется совершенно по-другому. В то же время следует уточнить, что конструктивизм неоднороден и представляет собой множество разных направлений. Тем не менее, есть ряд позиций, которые позволяют считать различные направления в конструктивизме общей традицией. Поэтому для автора в рамках этой статьи не существует необходимости различать разные направления конструктивизма по отношению друг к другу.

Для конструктивизма в общем свойственна идея о природе знания как конструктивной и социальной структурах, а также неприемлемы положения о фундаментальной укорененности науки и об отражательном и репрезентативном образах познания. Для конструктивистов познавательный процесс представляется в качестве однородного. Они не делят мир на субъективный и объективный, а следовательно, не видят необходимости взаимодействия между ними. В основе представления лежит образ о сознании человека как об основном механизме формирования познавательного пространства для проявления когнитивной активности человека, за пределы которой последний

уже выйти не может. Точнее, он не имеет необходимости выйти за эти пределы, а если все же этот выход произошел, то скорее всего по воле случая. Конструктивистский подход «порывает с общепринятой традицией и предлагает теорию познания, в которой понятие знания больше не соотносится с «объективной», онтологической действительностью, а определяется существенным образом как устанавливаемый порядок и организация опытного мира, формируемого в процессе жизни (проживание)» [2].

Основные тезисы конструктивистского подхода наиболее точно представила Е.Н. Князева: 1) знание не отражает мир; 2) конструкции создаются людьми; 3) знания не истинны, а жизнеспособны; 4) мозг – операционно замкнутая система; 5) ни одно знание не является единственным в своем роде [4].

В первую очередь данный подход ориентируется на такие положения, согласно которым объективистская направленность познания отрицается, соответственно и поиск истины, поскольку для них неприемлема идея о возможном соответствии между субъективным и объективным мирами. Не задаваясь вопросом о последствиях, которые данные положения несут по отношению к методологии познания, имеет смысл понять, как подобные эпистемологические картины будут функционировать в познавательном процессе и какую роль в них будет играть проблема.

Для классической эпистемологии значимость проблемы задавалась неоднородностью познавательных процессов, которые осуществлялись в ее парадигмальных рамках. Как уже упоминалось выше, субъект осуществлял постановку проблемы, поскольку обладал недостаточным знанием, требовавшим своего улучшения, которое можно было восполнить благодаря обращению к познанию объективного мира (объекта). Поэтому существенную роль здесь играет эмпирическая верификация знания, позволяющая соотнести между собой субъективное начало (предположениями, гипотезами) и начало объективное. Эмпирическая основа позволяла снимать с субъекта ответственность, делая ссылку на то, что объективное выражение состояния предмета в знании приводит человека к истине. Отсюда и значимость того, что с проблемой связывался начальный этап познавательной деятельности, цель которого – продемонстрировать наличие соответствия между субъективным и объективным мирами, взаимосвязанными друг с другом в познании.

В конструктивистской парадигме знание ни с чем не соотносится, так как мир объекта в принципе невозможно воспринимать субъекту в самых возможных вариантах, чтобы иметь шанс привести их в хоть какое-нибудь адекватное соответствие друг с другом. Сам мир является субъективной конструкцией, следовательно, только лишь субъект определяет то, что этот мир представляет из себя. Исключительно от субъекта зависит кар-

тина мира, ее содержание и более ни от кого. Как тонко отмечает А.М. Улановский, «любая познавательная конструкция или утверждение предполагают ту или иную точку зрения. Никто не может претендовать на «взгляд из ниоткуда» или «видение мира глазами Бога», «истинно объективный» способ видения мира. Конструктивисты считают беспристрастность и объективность фикцией» [5. С. 133]. Кроме того, для конструктивизма в качестве критерия соответствия знания действительности не может выступать истина. Отсюда и тезис, если очевидна недостижимость истины как цели познания, то познание мира в качестве объективного начала лишено смысла.

В то же время следует уточнить, что конструктивистам не свойственно отрицание того, что объективный мир существует. Они допускают его существование, но оговариваются, что наши знания о таком мире фактически получить невозможно. Человек в процессе познания ориентирован не на мир, а на его познавательную конструкцию, автором и создателем которой он является. Единственное, о чем может судить человек – это о той конструкции мира, которую он сотворил. Однако в таком случае, чтобы познание началось, обязательно должна быть осуществлена постановка проблемы. Сам человек выступает в двойной роли, подменяя собой объективный мир и становясь творцом и его продуктом одновременно. В данной ситуации отсутствует необходимость постановки проблемы, так как устранена эпистемологическая основа для подобного действия. Как полагает по этому поводу Э. фон Глазерсфельд, «точно так же как истина для Бога заключается в том, что Бог познал путем творения, истина человеческая состоит в том, что человек познал, когда создавал и посредством собственного труда выковывал» [6].

Данную ситуацию можно рассмотреть и с иной стороны. Поскольку утрачивается возможность верификации наличного знания у субъекта относительно его истинности и объективности, постольку появляются основания свидетельствовать о проблемности подобного знания. На самом деле, если нет возможности это знание верифицировать, значит, оно не может считаться объективным, истинным. Следовательно, любая конструкция человеческого знания характеризуется как проблемная. С точки зрения эпистемологии классического образца познающий попадает в тупик, так как ни одно знание, которое не прошло более-менее полноценной верификации, считаться подлинным знанием не может. И в таком случае оно по-настоящему проблематично, если использовать критерии надежности знания для классической эпистемологии.

И все же для автора статьи существует резон понимать активность познавательного плана в рамках конструктивистской традиции в качестве непроблематичной. Если говорить более точно, то знание, субъективно конструируемое, не может характеризоваться как проблемное, поскольку в

случае иной интерпретации этого процесса все, что описывалось ранее, представляет собой бессмыслицу и абсурд. Для автора, несмотря на определенную специфику, конструктивизм имеет интерес в качестве такой точки зрения, которая обладает относительно неприемлемым, но важным следствием. Познание как конструирование важно в экзистенциально-адаптационном плане, где актуализируются аспекты жизни, проживания и выживания.

А значит, знание для субъекта имеет в первую очередь жизненный, а не гносеологический смысл. Качество знания определяет качество выживания и жизни. Как отмечает Е.Н. Князева, «понятие истины заменяется понятием «жизнеспособности», в содержание которого входит способность выполнять определенные функции. Жизнеспособные когнитивные структуры подходят в том смысле, что они обеспечивают приспособление организма к опытно осваиваемому жизненному миру и делают возможным его выживание» [4].

Однако возникает вопрос относительно того, как знание, субъективно конструируемое, может позволить человеку функционировать в достаточно устойчивом и стабильном мире при условии отсутствия таких его характеристик и ориентиров, как объективность и истинность. В этом случае мы сталкиваемся с противоречием парадоксального плана: стабильность мира для субъекта возникает потому, что последний сам этого хочет, желает, а учитывая, что он автор и творец собственного мира, задаваемые характеристики достигаются потому, что он этого хочет. Получается для субъекта проблема в рамках конструктивистского подхода – это показатель его возможностей и желаний: возникает потребность что-то уточнить, что-то подвергнуть сомнению, никто тебе не мешает это сделать (только сам субъект может этого не пожелать).

В то же время наличие внешнего мира может повлиять на конструктивистскую модель познания. Это случается тогда, когда знания, конструируемые субъектом, не поспособствовали укреплению его жизнеспособности. Как пишет Э. фон Глазерсфельд, «...это значит, что реальный мир обнаруживает себя исключительно в том месте, где наши конструкции терпят неудачу. Поскольку все неудачи описываются и объясняются нами исключительно в тех же понятиях, которые мы использовали при конструировании разрушившейся структуры, никакие препятствия на нашем пути никоим образом не могут передавать ту или иную картину мира, которую в противном случае мы могли бы сделать ответственным за неудачу» [6].

Комментируя слова Э. фон Глазерсфельда, следует констатировать, что возникновение проблемы возможно только тогда, когда конструкция субъекта оказывается неудачной, когда его знание не позволяет человеку поступить так, как он хотел бы сделать. Через проблему происходит обозначение определенного результата конструктивной

деятельности сознания субъекта. При этом данный результат носит негативный оттенок, так как через него проявляется нежизнеспособность знаний, созданных субъектом и аккумулирующих его предыдущий жизненный опыт. И здесь проблема выражает скорее финальное состояние эпистемологического процесса, чем его начало.

Понимание проблемы как конечного итога познавательной деятельности субъекта в рамках конструктивистского подхода представляет собой естественное следствие столь однородной трактовки познания. Столкновение субъекта с проблемой становится возможным только тогда, когда он выявляет предел своего познавательного потенциала. Для классической эпистемологии такая ситуация означает, что познание только начинается, ведь искомое пребывает в ином мире – мире объекта, а для эпистемологии конструктивизма факт существования иной реальности не имеет значения, так как существуют сложности в его отображении, к тому же для конструктивистов не существует такой интенции. Не случайно Е.Н. Князева высказывает мысль о мозге как замкнуто операционной системе, выражающей его автономность как когнитивной системы, а также как способном функционировать исключительно на самодостаточной основе. В итоге эпистемология строится на правиле «от принципа возможного в установленных пределах, а не от принципа отображения и подобия» [4].

Э. фон Глазерсфельд вырабатывает следующую метафору познавательной модели: субъект выступает в роли «взломщика», пытающегося подобрать ключи от замка. При этом основной акцент делается на подбор ключей, так как замок в основном виртуальный, поскольку является плодом субъективного познавательного воображения. Познавательный процесс строится как технология «разработки ключей», помогающих человеку узнать, смог он достичь той цели, которую сам же для себя определил. В эпистемологии классического типа реальность представлена в качестве замка, отпереть который должны помочь образно «конкретные ключи», для эпистемологического конструктивизма конкретных ключей не надо (они могут быть любыми), чтобы у субъекта была возможность осуществлять свою творческую (конструктивную) деятельность. Если же в этой деятельности он сталкивается с проблемой, значит, субъект не подобрал «ключей к замку», не справился со своей жизненной задачей, не достиг заявленной цели.

Конструктивизм констатирует, что избегание проблем при осуществлении познавательной деятельности – это жизненная необходимость для субъекта. В противном случае он может утратить свою жизнеспособность. Отсюда наличие своего автономного пространства, пребывания в нем – это гарантия для субъекта повышения его жизнеспособности, ответственное отношение к себе. Поэтому риск экспериментирования над собой, над своим пространством, вполне естественен. Следо-

вательно, можно резюмировать, что «достаточно первичного поверхностного знакомства с логикой конструктивизма, чтобы убедиться в том, что данная позиция ведет к неотвратимой ответственности думающего человека, причем его одного, за все им сказанное, познанное, а в равной степени и им совершенное» [6].

Обозначенный аспект конструктивистской эпистемологии в вопросе понимания феномена проблемы в качестве составляющей познавательной деятельности субъекта представляется интересным и полезным для эпистемологии в целом. Этот аспект объединяет два момента: субъективную самодостаточность человека и принцип ответственности последнего перед собой. Скептически относясь к конструктивистской эпистемологии в общем, автор статьи в указанном аспекте видит очень полезную познавательную практику, которую вполне можно сделать методологическим правилом для теории познания. По нему проблема, выступающая в эпистемологии конструктивизма как выражение предела человеческих познавательных способностей, получает важную интерпретацию «регулятора» познавательной деятельности субъекта. Ведь зачастую столкновение с противоречием (а в эпистемологии классического образца установка на активное создание проблем и проблемных ситуаций) должно было заставить человека задуматься о случившемся в том плане, а имеет ли он потенциал дальше развивать свои знания о мире, находясь в сложной ситуации на грани с незнанием.

Как правило, в жизни столкновение с проблемами не останавливает человека. Получается обратное (тем более в науке) субъект специально ориентируется на постановку все более и более сложных проблем. Для конструктивистской же эпистемологии свойственна большая осторожность, строящаяся на уважительном отношении к автономии субъекта и на риске столкнуться с проблемой. Можно сказать, что в конструктивизме складывается экологическое измерение познавательного процесса, основывающееся на понимании автономии человека не только как эпистемологического пространства, но и жизненного. Появление проблемы – это показатель кризиса не только эпистемологической программы человека, но и жизненной, констатация отсутствия гарантии добиться любого результата.

В то же время феномен проблемы в конструктивистской трактовке характеризует познавательный процесс не только в качестве субъективного, но и психологического аспектов. Психологический ракурс познания выражает то, что субъект познающий – это индивид, конкретный и единичный, а не абстрактный и трансцендентальный. И только он задает формат познаваемого: что надо познать, как познать, зачем познать и т. д. В таком случае нет никаких оснований устанавливать наиболее общие закономерности, позволяющие в дальнейшем делать всякого рода обобщения. Феномен

проблемы, следовательно, не может возникнуть исключительно по воле субъекта. Значит последний должен уметь оценивать свой потенциал, чтобы на этом основании не доводить познание до предела (проблемы), хотя в то же время ничто не должно ему помешать в случае собственного пожелания подобное осуществить. Природа феномена проблемы – желание и воля субъекта, и если он захочет что-либо подвергнуть проблематизации, то он может это легко сделать; если же не захочет, то он этого делать не будет. Получается, что наука в своем современном виде предстает как практика желания субъекта подвергать (или не подвергать) проблематизации окружающий мир, человека, себя. Без такой установки науки могло бы и не быть. На такие выводы о науке наталкивает конструктивистское понимание генезиса проблемы.

Заключение

Подведем определенные итоги. В конструктивистской традиции сформировалось представление об одномерной модели познания, в которой с субъектом связана вся полнота когнитивного пространства. Существование объективного мира в конструктивизме не отрицается, но познавательный процесс никак не направлен на его постижение. В центре эпистемологического пространства у конструктивистов – субъект, самостоятельно создающий мир вокруг себя и познающий его в силу своих возможностей. Параллельно данное конструирование рассматривается и как жизнедеятельность (познание не отделяется от жизни). Поэтому если конструирование выдает нежизнеспособные результаты, то субъект наталкивается на проблему. Таким образом, объективный мир, существуя где-то в ином относительно субъекта измерении, выражает свое наличие. Тем самым, феномен проблемы демонстрирует предел познавательного потенциала субъекта, кризисное состояние его знаний.

Здесь через проблему обозначается, с одной стороны, актуальный для конструктивизма аспект субъективной самодостаточности, его свободы самовыражения, а с другой стороны, – аспект ответственности субъекта перед собой. Эпистемология конструктивизма подобным способом демонстрирует особенность субъективной природы в познавательном процессе.

Это не все, что можно отметить в эпистемологии конструктивизма, но данный ракурс может послужить точкой опоры для использования в будущем. Главное то, что такая интерпретация феномена проблемы порождает экологическое измерение познавательного процесса (экологию проблемы). Несмотря на существование и справедливую критику конструктивизма, его эпистемологической составляющей, позиция эпистемологического реализма (позиция, на которой строится классическая эпистемология) не формирует подобного измерения в своей модели познавательного процесса. И сегодня как никогда нами ощущается опасность

отсутствия составляющей в познании (особенно в научном познании). В силу этого обращение к конструктивистской эпистемологии, к ее трактовке феномена проблемы представляется вполне полезным и необходимым шагом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кезин А.В. Радикальный конструктивизм: познание «в пещере» // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2004. – № 4. – С. 3–24.
2. Лифанов Р.В. Научная проблема // Фундаментальные и прикладные проблемы науковедения: сб. науч. трудов / под ред. В.П. Каширина. Вып. 2. – Красноярск: СибГАУ, 2003. – С. 69–72.
3. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 444 с.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Наука», тема № 6.2158.2011 «Исследование теории адаптации науки и высшего профессионального образования в условиях инновационных преобразований общества».

4. Князева Е.Н. Эпистемологический конструктивизм // Философия науки. Вып. 12. URL: <http://www.iph.ras.ru/page5034479.html> (дата обращения: 04.03.2013).
5. Улановский А.М. Конструктивистская парадигма в гуманитарных науках // Эпистемология и философия науки. – 2006. – Т. X. – № 4. – С. 129–141.
6. Э. фон Глазерсфельд. Введение в радикальный конструктивизм // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2001. – № 4. – С. 59–81. URL: <http://www.philos.msu.ru/vestnik/philos/art/2001/glazers-introd.html> (дата обращения: 20.03.2013).

Поступила 26.03.2013 г.

UDC 167.1

PROBLEM PHENOMENON FROM THE PERSPECTIVE OF RADICAL CONSTRUCTIVISM

I.B. Ardashkin

Tomsk Polytechnic University
E-mail: ibardashkin@mail.ru

The relevance of the study is caused by a constructivist epistemology challenge, which consists in assertion that all human conceptions of the world are his mental construction. The problem (scientific problem) in this case cannot be a starting point of cognitive actions of the subject due to the fact that the knowledge of the latter is formed solely by the reason of his personal initiative, but not contradictions he encounters at the beginning of knowledge. Hence both the purpose and the research derive.

The objective of the study is to explicate the epistemological status of the problem (scientific problem) within the constructivist approach.

Methods: method of explication, method of comparative analysis.

Results: The author has considered the epistemological positions of constructivism, which are based on the concept of subject-oriented focus of knowledge. The possibility of identifying various intersections of traditional epistemology and constructivist cognitive model was analyzed by the example of the interpretation of a subject role in each presented concept. The author comes to the conclusion that at total unacceptability of constructivist epistemology (especially in the version of radical constructivism) the latter plays a positive role, which consists in occurrence of bases for using another criterion to assess the cognitive implication of scientific problems – the environmental one.

Key words:

Constructivism, radical constructivism, problem, environmental assessment of a problem, objectivity, knowledge, subject.

REFERENCES

1. Kezin A.V. Radikalny konstruktivizm: poznanie «v peshchere» [Radical constructivism: knowledge «in a cave»]. *The Messenger of the Moscow University*. Series 7, Philosophy, 2004, no. 4, pp. 3–24.
2. Lifanov R.V. Nauchny problema [Scientific problem]. *Fundamentalnye i prikladnye problem naukovedeniya* [Fundamental and applied problems of science. Scientific works]. Iss. 2. Krasnoyarsk, SIBGAY, 2003, pp. 69–72.
3. Mikeshina L.A. *Filosofiya nauki: sovremennaya epistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kultury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya* [Science Philosophy: Modern epistemology. Scientific knowledge in dynamics of culture. Methodology of scientific research: studies]. Moscow, Progress-Traditsiya: MPSI: Flint, 2005. 464 p.
4. Knyazeva E.N. Epistemologicheskiy konstruktivizm [Epistemological constructivism]. *Philosophy of Science*. Iss. 12. Available at: <http://www.iph.ras.ru/page5034479.html> (accessed 04 March 2013).
5. Ulanovsky A.M. Konstruktivistskaya paradigma v gumanitarnykh naukakh [Constructivist paradigm in the humanities]. *Epistemologiya and science philosophy*, 2006, vol. X, no. 4, pp. 129–141.
6. E. fon Glazersfeld. Vvedenie v radikalny konstruktivizm [Introduction into radical constructivism]. *The Messenger of the Moscow University*, Series 7, Philosophy, 2001, no. 4, pp. 59–81. Available at: <http://www.philos.msu.ru/vestnik/philos/art/2001/glazers-introd.html> (accessed 20 March 2013).

УДК 304.2

АРХИВ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

О.М. Ардашкина

Томский политехнический университет
E-mail: olgaardashkina@mail.ru

Актуальность статьи вызвана важностью оценки трансформаций различных социальных феноменов в контексте становления информационного общества. Архив как раз и выступает в качестве такого феномена, чья сущность и функции претерпевают серьезную перестройку в процессе современных деформаций социокультурных систем. Поэтому и важен опыт философской концептуализации архива в рамках информационного общества.

Цель работы: осмысление роли и места архива в контексте информационного общества и экспликация основных функциональных процессов, обусловленных указанными изменениями.

Методы исследования: метод экспликации, структурно-функциональный метод.

Результаты: Рассмотрен архив, а также трансформации, которые с ним происходят в процессе становления информационного общества. Даны основные характеристики информационного общества, оцениваются вызовы, обусловленные процессом информатизации применительно к архивной деятельности. Автор приходит к выводу, что архив в информационном обществе получает «расширительную» (нетрадиционную) интерпретацию, которая представляет собой определенную угрозу его традиционным функциям: мировоззренческой, социальной, мемориальной. Сделан вывод, что информационное общество позволяет сохранить традиционную и нетрадиционную функции архива.

Ключевые слова:

Архив, информационное общество, память, коммуникация, глобализация, архиватор.

Введение

Становление информационного общества ведет к более широкому, фактически повсеместному, распространению информационных технологий. Внедрение последних порождает (либо усиливает) новые процессы, затрагивающие разные стороны жизнедеятельности общества. Не случайно, что у информационного общества есть много других названий, которые не отменяют необходимость ее подобной коннотации, но демонстрируют широкий спектр происходящих трансформаций: постиндустриальное общество, общество знаний, общество потребления, общество риска, сетевое общество, электронное общество и т. д. Указанные характеристики говорят об одном: информационные технологии, ставшие сегодня доминантным инструментом общественного развития, приводят к разным следствиям (позитивным и негативным).

Предмет и методы исследования

Учитывая сказанное, необходимо обратиться к изучению разных социокультурных феноменов в новых условиях – условиях информационного общества. В качестве одного из таких феноменов автор стремится обратиться к исследованию архива, к изучению тех вызовов, которые ставит перед ним формирование информационного общества. Выбор архива в качестве предмета статьи представляется важным, поскольку информационные технологии кардинально влияют на понимание того, что такое архив, как организуется его работа в информационном обществе. Обращение к архиву необходимо еще и потому, что информационные технологии ведут к постановке вопроса о том, сохранится ли архив в традиционном виде с его основными (традиционными) функциями (хранилище правовых документов, хранилище исторических документов, инструмент социальной памяти).

Проблема заключается в том, что информатизация как процесс ускорения создания и обмена информации является следствием изобретения, использования и внедрения соответствующих технологических инструментов, которые радикально меняют информационное пространство общества. Этот процесс не просто технически увеличивает количество информации, не просто ускоряет процесс ее обмена, но выливается в серьезные социокультурные трансформации. Сегодня общество под воздействием информационных технологий меняет способы своего функционирования, происходит виртуализация разного рода социальных феноменов (коммуникация, память, идентификация, культура и т. д.).

Для архивов обозначенные изменения очень существенны, поскольку последние и без того испытывают в процессе своей деятельности определенные проблемы (формирование фондов, доступ к фондам, законодательные проблемы и т. д.). Теперь к ним добавляются как минимум еще и технологические трудности (информатизация архивов, перевод фондов в электронное форму, создание архивных сайтов и доступа к ним, их обслуживание и т. д.), которые имеют непростые социальные, коммуникативные, управленческие следствия. Помимо сказанного происходит еще и децентрализация архивных фондов, рассеивание их по различным учреждениям без возможности организации последних в единую сеть (базу). Такого рода процессы характерны для архивов всего мира, поскольку информационное общество как стадия социального уровня развития предстает в качестве универсального феномена. Подтверждение тому, что кризис в деятельности архивов носит глобальный характер, служит статья французского историка В. Дюклера. В ней автор акцентирует внимание на то, что «все возрастающее беспорядочность вызывают происходящие сегодня децентрализация и

дробление французской архивной сети (главным учреждением которой является национальный архив), так же как и наблюдается тенденция к распылению национального архивного фонда по разным ведомствам» [1].

Подобная особенность происходящих процессов есть следствие того, что информационное общество меняет характер социальных отношений, меняет ряд важнейших составляющих общества (ценности, мораль, память и т. д.). Ситуация сегодня такова, что можно констатировать кризис управляемости в современном обществе. Этот кризис имеет много причин, но одна из главных заключается в том, что социальность в ее традиционном виде утрачивает свою «дееспособность». Само общество теряет способность объединять людей в единое образование; тех связей, которые интегрируют людей друг с другом в социум все меньше.

Такие процессы в социологии характеризуют как аномию (беззаконие, безнормность), когда социальные группы отвергают сложившиеся нормы и ценности, не принимают новые ценности и нормы, идет процесс отчуждения и разрушения социальных связей. Как очень тонко подметил З. Бауман, «эти позывы и давление принижают значение социальных причин и коллективных действий, приводят к тому, что состояние общества в целом не учитывается человеком при составлении его жизненных планов. Они подталкивают человека к мысли, что коллективные, согласованные действия не могут принести ему никакой пользы, что если собственную жизнь можно строить по своему усмотрению, то законы, по которым живет общество, определены раз и навсегда и не подлежат сознательному реформированию. Жизнь каждого человека – это совокупность альтернатив, но той форме общества, в которой она происходит, альтернативы нет. В результате «личное» и «общественное» позиционируются в двух разных мирах, не связанных друг с другом. В каждом из этих миров действует своя логика, фактически непонятная в другом мире» [2. С. 28].

Ситуация осложняется и тем, что пожелай люди восстановить традиционные формы социальности, у них вряд ли это бы получилось. Мир личный (индивидуальный) и мир группы (социальный) представляют собой два противоположных лагеря. Такая разделенность задается и экономическим укладом (индивидуальный успех как следствие конкуренции), и политической системой (победителю можно все; либо ты «на коне», либо ты «лузер»), и многими другими факторами, и, что не менее значимо, технологическим аспектом (мобильная связь, СМИ, Интернет и т. д.). Информационные технологии также стимулируют процессы отчуждения, снижают значимость (отчасти) интеграционных процессов, подменяют живое общение опосредованным.

Информационные технологии не отменяют социальность как форму взаимодействия людей, они ведут к формированию нового типа социальности. Эта форма социальности предстает сегодня как такое образование, о котором что-то четко и опреде-

ленно сказать трудно. В нем есть и позитив, поскольку люди обретают поддержку в различных информационных сообществах, осуществляют полезное взаимодействие, решая по-настоящему серьезные жизненные вопросы. И в то же время это взаимодействие не носит подлинный характер, оно виртуально, в нем представлен некий фрагмент отношений, причем не социальных в чистом виде, а виртуальных (своеобразное электронное общество). Есть угроза подмены всего спектра социального взаимодействия одним информационным (прецеденты уже есть и их не мало). З. Бауман так характеризует эту ситуацию: «Сцена, на которой разворачивается действие, постоянно трансформируется, причем столь стремительно, что уследить за всеми изменениями и удержать их в памяти порой очень трудно, а то и невозможно. Сюжеты, сценарии и действующие лица меняются внезапно, порой даже прежде, чем герои успевают до конца произнести свои реплики.

Неясно, по каким правилам идет сегодня игра. Порой игроки имеют основания сомневаться, существуют ли вообще какие-либо правила и все ли играют по одним и тем же правилам» [2. С. 30].

Кризис управляемости обществом и заключается в том, что сегодня отсутствуют единые универсальные механизмы воздействия на человека. Если раньше посредством единства норм, ценностей, идеалов процесс воздействия на поведение людей мог быть выстроен более-менее оптимально, то сегодня мы сталкиваемся с ситуацией ценностного релятивизма, когда каждый человек сам определяет и решает для себя, что считать значимым, а что не считать. В таких условиях управляемость общества невероятно осложняется.

Информационные технологии, которые активно внедряются сегодня в нашу жизнь, могут играть и позитивную роль для общества. Последние в условиях ценностного релятивизма, в условиях кризиса традиционной социальности выступают в качестве универсального средства, в качестве технологий, позволяющих запускать интеграционные процессы. Как полагает Сляднева Н.А., «формирующаяся на современном этапе единая глобальная информационно-коммуникационная система позволяет транслировать всему мировому сообществу значимые информационные сообщения, причем это может осуществляться в кратчайшие сроки и с минимальным искажением и потерями содержания благодаря дублирующим каналам. За последние годы неоднократно можно было наблюдать феномен глобальной пронитаемости информационной среды» [3]. Действительно, информация позволяет сформировать единую сеть, которая могла бы объединить максимально возможное количество людей, что в любом случае повысит управляемость обществом. Но говорить об этом однозначно сложно, потому что в информационных процессах (а значит и в информационном обществе) связь носит односторонний характер. Человек в рамках различных сетевых сообществ,

как интернет-пользователь, как объект воздействия СМИ имеет одностороннюю связь; контакты на основе информационных технологий не предполагают автоматически обратную связь, в сфере такого общения, к сожалению, нельзя гарантировать надежную обратную связь (это в живом общении отсутствие реакции у человека на ваш коммуникативный акт может о многом сказать). Однако несмотря на подобные сложности нельзя не согласиться с тем, что информатизация позволяет создать глобальную универсальную систему, в рамках которой вполне удобно было бы оперировать (управлять) общественными взаимоотношениями.

Становление информационного общества, таким образом, связано с противоречивыми тенденциями: одна из тенденций ведет к технологической интеграции социальных групп и отношений, другая способствует развитию процессов аномии, дезинтеграции. Как пишет А.И. Шендрик, «одним из парадоксов информационного общества, наиболее ярким проявлением его противоречивости, является возникновение нового вида социального неравенства – «цифрового»» [4]. Обозначенное новое цифровое социальное неравенство проявляется через новые противоречия в общественных отношениях, которые, как уже отмечалось, можно выразить через такие формы: «противоречие между стремлением общества к лидирующей роли и нивелированием роли и значения информационного общества в результате действия специфических информационных технологий; противоречие между существованием общества во всемирной паутине и дезинтеграцией общества; противоречие между ростом объема информации и уменьшением роста объема истинных знаний; противоречия между актуализацией момента времени и созданием ситуации вне времени и другие противоречия» [4]. В общем, суть всех указанных сложных моментов становления информационного общества в его неоднозначности для человека и общества.

Результаты

В этих условиях осмысление роли и места архива в контексте становящегося информационного общества выглядит поистине актуальным. Ведь все обозначенные противоречия формирования информационного общества непосредственно касаются разных сторон функционирования архива: информационно-технологической, коммуникативной, социальной, правовой, культурной, организационной.

Во-первых, информационно-технологической стороны. Формирование единой информационной сети предполагает и создание единой сети архивов, как в национальных масштабах, так и в глобальном. Это и их оснащение соответствующим оборудованием, подключение к интернету, организация информационных потоков и контроль за ними и т. д. К сожалению, опыта создания архивов на уровне глобально функционирующей системы сегодня нет (пока речь идет о единичных примерах подобного способа организации деятельности архивов в глобальном информационном простран-

стве). Кроме того, в этом пункте имеется ряд проблемных мест, где одной из главных сложностей является вопрос о договоренности между государствами относительно создания такого рода сети. На данный момент времени есть все основания полагать, что вряд ли эта договоренность может быть достигнута (в качестве подтверждения этого тезиса можно привести ситуацию с Wikileaks, которая показала, что далеко не каждое государство, не говоря уже о простых гражданах, готово допустить к своим архивам исследователей, журналистов, простых пользователей).

Информационно-технологическая сторона функционирования архива важна еще и потому, что внедрение информационных технологий радикальным образом меняет сущность последнего. Архив получает значение технологии обработки и хранения информации (не просто хранилище исторических, правовых и других документов). Архив рассматривается больше в расширительном плане: как хранилище информации. Так, в Википедии одно из определений архива дается следующим образом: «архив – файл, содержащий в себе информацию из одного или нескольких, иногда (сжатых без потерь) других файлов. Является результатом работы программы-архиватора» [5]. Подобная трансформация значения архива существенным образом заставляет пересмотреть его место и роль в системе общественной жизнедеятельности (данный пересмотр требует своего более глубокого осмысления, но подобный ракурс не входит в задачи этой статьи).

Во-вторых, коммуникативной стороны. Архив выступает в качестве места, где зарождается особое коммуникативное пространство. Специфика этого коммуникативного пространства заключается в том, что в рамках его поля удовлетворяются определенные потребности людей (клиентов), связанные с поиском необходимых документов, данных, информации в целом. Но учитывая, что архив, формируемый как специальное информационное пространство по особой технологии, будет испытывать все те же проблемы, которые решают все аналогичные информационные системы, подобная форма его функционирования вряд ли сделает его коммуникативное пространство удобным и приемлемым.

Изначально коммуникативная активность будет определяться большой зависимостью от создателей архивного сайта, от того, как интенсивно этот сайт будет работать. Такая коммуникация будет носить односторонний характер, ее организация будет обусловлена рядом факторов, осложняющих осуществление коммуникативной активности человека (децентрализация обращений, сложность контроля, неопределенный период ожидания, сложность оперативного получения информации и т. д.).

Коммуникативная сторона функционирования архива в информационном обществе очень четко демонстрирует уже вышеназванную противоречивость процессов информатизации. Информационные технологии должны и могут ускорить процессы доступа, обработки, контроля, предоставления

необходимых сведений для человека (клиента), но на практике ряд особенностей функционирования информационных технологий приводит к тому, что указанные их преимущества не работают, либо работают не так, как должны. Это проблема комплексная, поскольку здесь многое зависит не только от самой информационной системы, но и от людей, которые обеспечивают ее функционирование. Как отмечает исследовательница Е. Боброва, «практика показывает, что архивные сайты не только открываются, но и исчезают – иногда бесследно... Наблюдается и процесс миграции архивных сайтов с одного адреса на другой» [6]. Все это, как можно догадаться, вряд ли улучшает коммуникативную сторону функционирования архива в информационном обществе, заставляет иногда усомниться в плюсах использования информационных технологий для организации надежных, связывающих человека (клиента) и информационного носителя (данные, документы, информация) каналов.

В-третьих, социальной стороны. Архив в информационном обществе становится неотъемлемой частью сетевого общества. Сетевое общество выступает как продукт информационной инфраструктуры, как результат развития технических наук. Благодаря развитию компьютерных сетей социальность обретает многообразие форм. Помимо традиционной формы социальности, выражающейся в наличии определенных социальных групп (страт), четко работающих норм, традициях, идеалах, регулирующих их взаимодействие, а также в обозначении иерархии и каналов общения, сегодня на наших глазах формируется нетрадиционная форма социальности, задаваемая возможностями информационных технологий. Главная особенность нетрадиционной социальности – множественность, в которой представлены потенциально большое количество людей, имеющих доступ к информационному пространству, максимально возможное число горизонтальных, вертикальных и иных их связей, разнородность времени протекания процессов (порой и вневременность), максимальные скорости коммуникативных связей и т. д. Как пишет А.В. Назарчук, «для социолога очевидно, что взрывной рост сетевых связей в обществе во многом возникает благодаря распаду более прочных традиционных связей. Традиционное общество скреплялось жестким каркасом классического представления о пространстве и времени. Нынешнее многообразие форм и связей разорвало этот каркас, породив плюрализм восприятия времени и пространства» [7. С. 65].

Нетрадиционная социальность – это виртуализация социальных отношений. Эти отношения выстраиваются плюралистично, хаотично, неопределенно. Здесь сложно обозначить какие-то стержневые моменты. А.В. Назарчук, характеризуя такую социальность, проводит сравнение множественности и разнородности ее контекстов с деятельностью кукловода. Он полагает, что «наилучшим примером, иллюстрирующим истинное понятие множественности, является кукловод, управляющий своей марионеткой. Движениями куклы руководит

вовсе не воля кукловода, а множественность нервных волокон. Кукловод в конечном счете сам оказывается марионеткой этой множественности. Последняя должна пониматься сама по себе, вне связи как с субъектом, так и с объектом» [8. С. 66].

Подобная социальная организация ставит под сомнение роль архива для общества как хранилища исторических, правовых, финансовых и других документов, как инструмента социальной памяти. В ситуации множественности отношений между пользователями (новая социальная единица общества) сложно понять, уточнить какую-то более-менее ясную направленность развития. Без чего ни историческая память, ни способ организации хранения документов не могут быть четко выражены. Кроме того, происходит некоторое стирание границы между реальным и виртуальным, что в сфере памяти, в сфере архивной практики является показателем чрезвычайно опасным для общества.

Происходит процесс глобализации социальной памяти (нивелируется ее значение для группы, нации, государства), как следствие становления сетевого общества, где память принадлежит всем и никому одновременно. Это фактически процесс «множественности» (от слова «множить») памяти как продукта сетевого общества, в котором идет процесс «множественности» социальных отношений. Все это ведет к кризису архивов и архивной деятельности в их традиционном виде, является вызовом для них, поскольку требует поиска ответа, который мог бы позволить соотнести способы их функционирования: традиционный и нетрадиционный (то, что архив хранил документы сообразно той структуре и содержанию социальной памяти, которая сложилась на настоящий момент времени, являлось его традиционной формой функционирования; то, что со временем приходилось пересматривать эту структуру и содержание социальной памяти также следует считать нормальным следствием исторического процесса). Другое дело, что сегодня эти изменения настолько ускорились, что человек не успевает за ними. В результате мы приходим к тому, что традиционная и нетрадиционная формы функционирования архива утрачивают свою дифференцированность. Это соответствует процессу становления и существования сетевого общества, но фактически ведет к стиранию традиционных социальных связей. Нормального общества без социальной памяти быть не может. И даже сетевое общество, которое ранее было уже охарактеризовано, рассматриваемое как самодостаточный социальный конструкт, не имеет перспективы без сосуществования, без поиска способов взаимодействия с традиционным общественным укладом.

Наверное, с точки зрения перспективы развития общества социальная сторона функционирования архива стоит сегодня перед самым большим вызовом относительно других его сторон.

В-четвертых, правовой стороны. И в традиционном виде архивы (деятельность архивных учреждений) испытывали некоторый «правовой голод», недостаточность правового обеспечения

своей деятельности. Если же говорить о правовой стороне архивной деятельности в условиях информационного общества, то здесь действительно требуется существенная правовая проработка разных аспектов. Стоит отметить тот факт, что первый в истории России закон, посвященный архивному делу, был принят лишь в 2004 г. (но это общий закон). Что же касается деятельности архивов в информационной среде, то эта деятельность, в частности, не регламентирует конкретную реализацию цифровой подписи. Подобное, согласно мнению экспертов, мешает росту значения культурно-исторической ценности электронных документов. Правовое обеспечение архивной деятельности требует существенной проработки ряда аспектов, что представляется важным и в социальном плане.

В-пятых, культурной стороны. Архив попадает в систему информационной культуры (культуры информационного общества). Информационная культура, ее сущность хорошо обозначается через образ «экранной культуры» (поверхностной культуры). Это культура информационных потоков, культура искусственного интеллекта, компьютерная культура и т. д. В этой культуре нет глубины, нет подлинности. По меткому выражению французских постмодернистов – это культура симулякра, культура копий.

Для архивов такая специфика культуры представляет собой существенную сложность, поскольку архив в такой культуре утрачивает свою традиционную функцию, превращается лишь в технологический архиватор. Эта расширительная трактовка архива в контексте информационной культуры, с одной стороны, лишает его мировоззренческой, социальной, мемориальной и других функций. Человек в информационной культуре «стирается» как личность, превращается в аморфного индивида, все локальные культуры (народная, этническая, религиозная, гендерная и т. д.) подменяются единой массовой культурой. Но, с другой стороны, информационная культура дает определенные преимущества. Как пишет Л.В. Скворцов, «информационная культура позволяет находить технически тот средний путь, который в традиционной культуре был нереальным. Так, утверждение информационной культуры снимает поляриность социокультурных установок централизма и децентрализации, индивидуализма и коллективизма. Если, например, мы создаем базу данных, включающую огромный объем информации, то это – проявление централизма. Вместе с тем, если ею может пользоваться любой потенциальный потребитель, то это выражение реальной децентрализации» [9. С. 23–24]. Тем самым можно сказать, что информационная культура, представляя собой вызов для архивов, в то же время допускает возможность сочетания в архивной деятельности совмещения ее традиционных и нетрадиционных функций. Информационная культура, конечно, деперсонализирует человека, но не мешает ему проявлять себя как личность, как предста-

вителя других локальных культур. Архив при соответствующей организации вполне может способствовать совмещению этих двух начал: информационной и традиционной культур.

В-шестых, организационной стороны. Этот аспект предполагает констатацию того, что осуществление задач, стоящих перед архивом в информационно-технологическом, коммуникативном, социальном, правовом, культурном планах требует организационной перестройки деятельности последнего. Архив должен в полной мере соответствовать тем задачам, которые ставит перед ним информационное общество. Обозначим эти задачи. По мнению А.И. Шендрика, архив как компонент информационной культуры должен из себя представлять: «а) организацию, строящуюся вокруг процесса, а не задачи; б) плоскую иерархию; в) командный менеджмент; г) измерение результатов по удовлетворенности покупателя; д) вознаграждение, основанное на результатах работы команды; е) максимизацию контактов с поставщиками и покупателями; ж) информирование, обучение и переподготовку сотрудников на всех уровнях» [4]. Но при этом нужно понимать, что достижение указанных задач не снимает необходимости сохранения традиционных функций.

Заключение

Таким образом, опыт философской концептуализации архива в информационном обществе позволяет сделать следующие выводы. Становление информационного общества действительно приводит к появлению новой интерпретации архива (расширительной его трактовки), которая может быть обозначена через интерпретацию последнего в качестве хранилища (архиватора) любой информации и данных. Такая трактовка несет в себе определенные риски, поскольку при своей абсолютизации (использовании архива исключительно в качестве информационной технологии) приводит к утрате последним всех значимых для общества функций: мировоззренческой, социальной, мемориальной, функции хранения различных документов (исторических, правовых и т. д.).

В то же время формат информационного общества не препятствует сохранению традиционных функций архива, он вполне позволяет их соблюдать при соответствующем участии человека. Поэтому если человек будет идентифицировать себя не только лишь через функцию пользователя, но и как личность, как живое начало культуры, то архив будет ему необходим и в традиционном своем виде. В этом случае архив может выступать не только как объект человеческой деятельности по самоидентификации, но и как инструмент. Поэтому для человека в условиях информационного общества как никогда важно сформировать архив в единстве его традиционной и нетрадиционной функций.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Наука», тема № 6.2158.2011 «Исследование теории адаптации науки и высшего профессионального образования в условиях инновационных преобразований общества».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дюклер В. Кризис архивной политики в современной Франции // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 74. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/du21.html> (дата обращения: 04.03.2013).
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
3. Сляднева Н.А. Социально-информационные технологии как синергетический фактор эволюции сложных социальных систем // Факт. – 2001. – № 9. URL: <http://www.fact.ru/www/archiv9s3.htm> (дата обращения: 05.03.2013).
4. Шендрик А.И. Информационное общество и его культура: противоречия становления и развития // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2010. – № 4. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Shendrik> (дата обращения: 06.03.2013).
5. Архив (информатика) // Википедия. Свободная энциклопедия // URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Архив_\(информатика\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Архив_(информатика)) (дата обращения: 04.03.2013).
6. Боброва Е. Архивы via internet // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 74. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/bob31.html> (дата обращения: 01.03.2013).
7. Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. – 2012. – № 9. – С. 56–66.
8. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61–75.
9. Скворцов Л.В. Информационная культура и цельное знание. – М.: Изд-во МБЛ, 2011. – 440 с.

Поступила 23.03.2013 г.

UDC 304.2

ARCHIVE IN INFORMATION SOCIETY: EXPERIENCE OF PHILOSOPHICAL CONCEPTUALIZATION

O.M. Ardashkina

Tomsk Polytechnic University
E-mail: olgaardashkina@mail.ru

The relevance of the study is caused by the importance of evaluation of various social phenomena within the information society. Archive just acts as such phenomenon which nature and functions undergo major restructuring in recent deformations of socio-cultural systems. That is why the experience and philosophical conceptualization of the archive in the information society is important.

The objective of the study is to understand the role and the place of archive within the information society and to express the main functional processes caused by the specified changes.

Methods: method of explication, structural-functional method.

Results: The author has considered the archive, as well as its transformations within the information society establishment. The paper introduces the main characteristics of the Information Society; the challenges caused by the process of information relative to the archival work were estimated. The author comes to the conclusion that the file in the information society obtains «extensive» (non-traditional) interpretation, which is a certain threat to its traditional functions: ideological, social, memorial. The conclusion was made that the information society can preserve the traditional and non-traditional functions of the archive.

Key words:

Archive, information society, memory, communication, globalization, archiver.

REFERENCES

1. Duclair V. Crisis of archival policy in modern France. *New Literary Review*, 2005, no. 74. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/du21.html> (accessed 04 March 2013).
2. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Moscow, Logos, 2005. 390 p.
3. Slyadneva N.A. Sotsio-informatsionnye tekhnologii kak sinergeticheskiy faktor evolyutsii slozhnykh sotsialnykh sistem [Socio-information technology as a synergistic factor of the evolution of complex social systems]. *Act*, 2001, no. 9. Available at: <http://www.fact.ru/www/archiv9s3.htm> (accessed 05 March 2013).
4. Shendrik A.I. Informatsionnoe obshchestvo i ego kultura: protivorechiya stanovleniya i razvitiya [Information society and its culture: the contradictions in formation and development]. *Humanities Information Portal «Knowledge. Understanding. Ability»*, 2010, no. 4. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Shendrik> (accessed 06 March 2013).
5. *Archive (computer science)*. Wikipedia. The free encyclopedia. Available at: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Archive_\(computer_science\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Archive_(computer_science)) (accessed 04 March 2013).
6. Bobrova E. Arkhivy protiv Internet [Archives via internet]. *New Literary Review*, 2005, no. 74. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/bob31.html> (accessed 01 March 2013).
7. Nazarchuk A.V. Sotsialnoe vremya i sotsialnoe prostranstvo v kontseptsii setevogo obshchestva [Social time and social space in the concept of the network society]. *Problems of Philosophy*, 2012, no. 9, pp. 56–66.
8. Nazarchuk A.V. Setevoe obshchestvo i ego filosofskaya interpretatsiya [Network society and its philosophical interpretation]. *Problems of Philosophy*, 2008, no. 7, pp. 61–75.
9. Skvortsov L.V. *Informatsionnaya kultura i tselnoe znanie* [Information Culture and integral knowledge]. Moscow, Publishing House of the MBL, 2011. 440 p.

УДК 009

ИННОВАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ КАК СПОСОБ АДАПТАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ К НЕСТАБИЛЬНОЙ ВНЕШНЕЙ СРЕДЕ

Ю.А. Никитина

Томский политехнический университет

E-mail: Ynik@tpu.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью выработки эффективного механизма адаптации социальных систем к нестабильным условиям внешней среды.

Цель работы: Обоснование использования инновационной модели поведения как способа адаптации социальных систем к нестабильной внешней среде на основании системного подхода в контексте специфики глобализационных процессов и формирования единого информационного пространства с последующей выработкой методологии использования коэволюционно-инновационных процессов для создания эффективных механизмов адаптации в нестабильной внешней среде.

Методы исследования: общенаучные и философские принципы и методы познания: системный подход, структурно-функциональный подход, диалектический метод, метод компаративного анализа, принцип историзма и активности субъекта познания, принцип всеобщей связи явлений, принцип детерминизма, принцип развития, принцип единства мира, примененные в контексте и с учетом специфики глобализационных процессов, протекающих в современном обществе; а также отдельные положения теории социального управления, теории общества, теории глобального эволюционизма, необходимость привлечения которых обусловлена сложностью и многоплановостью исследования.

Результаты: Выявлено, что инновационные модели поведения представляют собой способ эффективной адаптации социальных систем к нестабильной внешней среде, основанный на принципе коэволюционной инноватики. Показано, что для современного периода характерно нарастание динамики и сложности взаимодействий социальных систем; в данных условиях разработка эффективных механизмов адаптации в нестабильной внешней среде возможна при условии использования коэволюционно-инновационных процессов. Разработаны рекомендации по созданию на основе данных процессов эффективных механизмов адаптации социальных систем к условиям нестабильности.

Выводы: Разработка инновационных моделей поведения социальных систем на основе принципа коэволюционной инноватики, представляющего собой единство процессов коэволюции, превентивной бифуркации и инновации, создает благоприятные условия для выбора оптимальных управляющих воздействий в условиях нестабильной внешней среды, в том числе в условиях системного кризиса.

Ключевые слова:

Социальная система, глобализация, нелинейность, адаптация, коэволюционно-инновационные процессы.

Существенное изменение способа существования и развития социальных систем является неотъемлемой характеристикой социальных процессов конца XX – начала XXI вв. Как закономерный итог, возникла новая методология исследования социума, базирующаяся на синергетической парадигме. Синергетический подход, для которого характерно в настоящее время особенно интенсивное развитие, является наиболее адекватным для анализа сложных адаптивных и развивающихся систем, каковыми являются современные социальные системы [1, 2]. На базе данного подхода неопределенность не трактуется как внешняя аномалия в поведении системы, которую необходимо преодолеть, а рассматривается как ее ключевая характеристика, что в значительной степени расширяет границы теоретического анализа специфики функционирования и развития систем.

Одним из эффективных способов уменьшения рисков функционирования и развития социальных систем должно стать возникновение так называемых интегрированных сетей, включающих множество подсистем, что дает возможность оптимальным образом использовать все имеющиеся в наличии возможности их участников в различных сферах деятельности. Таким образом, можно говорить о проявлениях глобального синергизма, возникающего как следствие взаимодействия нарастающих процессов глобализации и синергии.

В то же время возникновение интегрированных сетей находится сегодня лишь на начальном этапе. Это детерминировано, кроме прочего, тем, что большая часть социальных систем пока не обладает необходимой гибкостью для создания условий эффективной адаптации к взаимодействиям в рамках сети. Тем не менее, очевидно, что данные сети, даже на начальном этапе их становления, представляют существенный интерес в контексте разработки оптимальных моделей поведения современных социальных систем, участвующих в сложных взаимодействиях.

Формирование информационного общества внесло существенные коррективы во внешнюю среду социальных систем. Неопределенность и динамичность внешней среды стали не только ключевым фактором, оказывающим влияние на функционирование и развитие социальных систем, но и одним из наиболее значимых последствий возникновения глобального информационного пространства [3]. В то же время использование информационных и коммуникационных технологий сформировало условия для глобальных изменений в механизмах взаимодействия и способностях социальных систем к адаптации.

Одним из наиболее существенных проявлений влияния коммуникационных и информационных технологий на социальные процессы стала информационная революция, способствовавшая форми-

рованию макротенденций, основывающихся на расширении диапазона взаимного влияния и взаимодействия социальных систем. Эти тенденции, формирование которых в значительной степени было предопределено усиливающимися процессами интеграции, в дальнейшем стали своеобразным катализатором глобализационных процессов; при этом каждая из них в определенной степени является проявлением глобального синергизма. Глобализация сформировала новые благоприятные условия для развития социальных систем, в то же время создав дополнительные факторы динамики и неопределенности внешней среды. Неполнота существенно усложняет процедуру разработки оптимальных стратегий поведения; в этих условиях основной становится одна из важнейших характеристик социальной системы – способность к быстрой и эффективной адаптации к динамике внешней среды, что детерминируется восприимчивостью к инновациям.

Несмотря на то, что термин «инновация» используется уже на протяжении длительного времени, его содержание качественно изменилось [4]. Сегодня было бы необоснованно трактовать инновацию как отдельное изолированное событие – она скорее представляет собой циклический комплексный процесс, вовлекающий в себя по мере развертывания все новые и новые изменения, относящиеся к различным сторонам жизни общества. Как итог, для формирования адекватной модели инновационных изменений целесообразно трактовать инновацию как некоторую совокупность процессов с большим количеством взаимозависимостей различной сложности и природы [5].

В настоящее время взаимосвязанность и взаимозависимость отдельных процессов в сфере инноваций постоянно возрастает, что, в свою очередь, неуклонно повышает динамику внешней среды социальной системы. Инновации в подобной среде отличаются высокой степенью сложности и имеют вероятностный характер. Вышеупомянутые особенности среды и инновационных процессов позволяют создать условия для использования синергетического подхода при разработке оптимальных инновационных моделей поведения социальных систем. С позиций данного подхода увеличение адаптационных свойств системы основывается на переходе к решениям распределенного типа в неустойчивых, неоднозначных ситуациях, что обеспечивает необходимую гибкость инновационным процессам. Очевидно, что нелинейность и неоднозначность инновационных процессов и среды реализации инноваций определяет принципиально новый подход к созданию инновационных моделей поведения. Это подход, основанный на активном использовании явлений самоорганизации.

Подобное обстоятельство, в свою очередь, неизбежно влечет нарастание изменений в структуре, внешней среде и моделях поведения социальных систем, усиливая таким образом нелинейность процессов, в которых участвуют системы. В дан-

ном контексте задача улучшения способности социальных систем оперативно и гибко реагировать на изменения внешней среды приобретает особую важность. Но подход к разработке инновационных моделей поведения, основывающийся на явлениях самоорганизации и сформированный возникновением глобального информационного пространства, не сможет быть результативным без реализации с использованием информационно-коммуникационных технологий, так как основную роль в улучшении способностей социальной системы адаптироваться в нестабильной среде играет эффективное использование информационных ресурсов [6]. Глобализация, сопровождающаяся бурным развитием коммуникационных и информационных технологий, детерминировала необходимость возникновения социальных систем нового типа, что, с одной стороны, является результатом интенсивного взаимодействия составляющих инновационного процесса, а с другой, не может не влиять на внешнюю среду социальных систем.

Для настоящего периода типичным является усиление динамики и сложности внешней среды и механизмов взаимного воздействия социальных систем. В контексте этих условий задача определения возможных траекторий развития систем приобретает приоритетное значение [7, 8]. Однако итоги конца XX – начала XXI вв. позволяют сделать вывод о том, что функционирование и развитие социальных систем в современных условиях слабо зависит от построения точного и квалифицированного прогноза динамики внешней среды и разработанных на основе данного прогноза моделей поведения. Анализ определяющих факторов дает возможность заключить, что сегодня как системы, уделяющие значительное внимание разработке оптимальных моделей поведения, так и системы, не делающие этого, имеют практически одинаковые шансы адаптироваться и выживать в нестабильной внешней среде.

Высокий уровень неустойчивости социальной среды часто не позволяет системам использовать долгосрочные прогнозы, что детерминирует необходимость разработки качественно новых стратегий поведения. В последнее время социальные системы все чаще используют принцип рационального инкрементализма, состоящий в формировании и поддержании динамического равновесия со средой при помощи пошаговых изменений, наиболее полно отвечающих изменениям среды [9]. При отсутствии существенных перемен во внешней среде у подобных систем в большинстве случаев не возникает потребности в кардинальных инновациях, и они на протяжении длительного периода сохраняют способность к эффективной адаптации. В отдельных случаях, однако, для успешной адаптации системы к динамичной внешней среде оказывается недостаточно умеренных инноваций: необходимы кардинальные изменения функционирования, перестройка всех взаимодействий и процессов.

Как в случае действия механизма пошаговых изменений, так и при реализации кардинальных инноваций перед системой встает необходимость выработки механизмов и методик создания условий для успешности проводимых изменений. Максимально эффективно адаптируются системы, наиболее полно использующие информацию и знания в направлении трансформации их внешней среды. Но самый значительный рост в адаптационных возможностях социальных систем, как ожидается, может быть достигнут в ходе применения стратегии непрерывного обновления. Как результат, перманентная инновация превращается в ключевой фактор, инициирующий комплексную адаптацию социальной системы.

Сложность и динамика социальных процессов неизбежно формируют необходимость ускорения инновационных преобразований вообще и совершенствования процедур обработки информации в частности. В итоге создаваемые информационные продукты настолько комплексны и многогранны, что полный прогноз возможностей и результатов их использования становится весьма проблематичным и дорогостоящим. Поэтому сегодня пользуется все большим вниманием практика, в ходе которой достоинства и недостатки информационного продукта исследуются в процессе его применения, а результаты этих исследований используются в процессе создания новых информационных продуктов.

Инновационный климат, поддерживающий эффективность проведения инноваций, в условиях высокой динамики внешней среды также может быть очень нестабильным, а выработка долгосрочных стратегий становится не только бесполезной, но и губительной, поскольку в настоящее время ключевое значение имеет способность социальной системы оперативно реагировать на внезапные изменения внешних условий. При этом ключевое значение приобретает инновационная активность, благодаря которой система приобретает необходимую гибкость. Таким образом, в ряде случаев социальная система, частично игнорирующая информацию о внешней среде, может более эффективно и успешно реализовывать инновации.

Современный период социального развития в целом характеризуется существенным расширением диапазона инновационной активности, что во многом продиктовано попытками социальных систем усилить их адаптационные способности. Это привело, в частности, к возникновению совершенно новых структур, использующих гибкие формы взаимодействий. Данная проблема логично приводит к необходимости углубленного анализа концепции обучения, в которой за последнее время акцент был значительно смещен с «обучения в действии» на «обучение в использовании». Опыт последних лет показал, что успешная адаптация социальной системы оказывается невозможной без успешно функционирующего механизма обучения. Одновременно с возникновением сложных, непрерывно расширяющихся сетей социальных систем

появляются и развиваются соответствующие информационные сети знаний. При этом, несмотря на большую рассредоточенность источников используемой информации, стратегии систем-участников сети могут быть объединены для поддержания оптимального режима функционирования. Формирующаяся инфраструктура, основанная на нормах свободного использования информации, обеспечивает тем самым благоприятные условия для возникновения новых связей и структур.

Однако современные отношения по поводу информационного обмена еще не имеют окончательной оформленности, а взаимодействия между включенными в сеть социальными системами чаще всего носят бессистемный характер. Ситуация усложняется тем, что комплексность обработки непрерывно нарастающего объема информационных ресурсов обуславливает возникновение ряда специфических проблем, детерминированных информационной избыточностью. Необходимо отметить, что в настоящий период проблема избыточности информации приобрела особую масштабность, что диктует потребность в дальнейшем усилении интенсивности их взаимодействий. В целом процесс создания связей систем в информационном пространстве обусловлен большим количеством явлений самоорганизации, что вообще типично для сложных систем в состоянии с высоким уровнем неопределенности. Именно при оформлении структурных связей возникает максимально широкий диапазон возможных траекторий развития системы, что подтверждает значимость выбора системой способа организации связей в информационном пространстве.

Еще одной проблемой, обусловленной формированием глобального информационного пространства, является появление целого спектра неканонических, неформальных связей систем, усложняющих управление и координацию процессов взаимодействия в сети. Данные связи формируются вследствие сочетания массовых явлений самоорганизации и несовершенств возникающих сетевых структур. Таким образом, очевидно, что современная ситуация характеризуется оформлением сетевых структур на базе активных информационных взаимодействий, что влечет возникновение целого ряда специфических вопросов, требующих для своего решения новых нетрадиционных подходов.

В условиях усиливающейся нестабильности и динамики социальных процессов особенно актуальной становится проблема адекватности инновационной модели. Специфической особенностью современных инновационных процессов является то, что любая информация об особенностях их протекания чрезвычайно быстро становится устаревшей, что, в свою очередь, приводит к увеличению разрыва между реальностью и моделью. Динамическое моделирование, сменяющее статические модели, является в настоящее время одним из наиболее многообещающих инструментов, позволяющих сократить этот разрыв [10]. Оно по-

зволюет, отталкиваясь на начальном этапе от исходной модели, реализовывать перманентный процесс ее улучшения и адаптации с необходимой степенью адекватности. Чрезвычайно многообещающие результаты динамического моделирование социальных процессов обеспечивает при замещении обучения с простой обратной связью (при неизменной модели и/или правилах) на обучение более высокого порядка (с адаптируемой моделью и/или правилами).

Создание кардинально новых типов связей и структур является одним из самых существенных проявлений действия принципа коэволюционной

инноватики. В отношении социальных систем данный принцип обуславливает усиливающуюся тенденцию к объединению характеризующихся собственной спецификой систем разной сложности и природы. Как итог формируются сложные структуры, представляющие собой глобальные сети, характеризующиеся наличием максимальных адаптационных возможностей как у каждого участника, так и у всей структуры. Таким образом, коэволюционно-инновационные процессы формируют для социальных систем впечатляюще значимые возможности создания эффективных механизмов адаптации в нелинейной внешней среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. – М.: Наука, 1994. – 236 с.
2. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. – М.: УРСС, 2003. – 344 с.
3. Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. – М.: Инфра-М, 2011. – 496 с.
4. Гуияр Ф.Ж., Келли Дж.Н. Преобразование организации. – М.: Дело, 2000. – 375 с.
5. Богдан Н.Н., Масилова М.Г. Управление социальным развитием организации: теория и практика. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2012. – 284 с.
6. Jelassi T. European Casebook on Competing Through Information Technology, Strategy and Implementation. – New York: Plentice Hall, 1994. – 132 p.
7. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. – М.: Наука, 1997. – 285 с.
8. Бестужев-Лада И.В. Прогнозное обоснование социальных нововведений. – М.: Наука, 2011. – 240 с.
9. Quinn J.B. Strategic Change: Logical Incrementalism // Sloan Management Review. – 1978. – V. 1. – № 20. – P. 7–21.
10. Nonaka I., Takeuchi H. The Knowledge-creating company: How Japanese companies create the dynamics of innovation. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 231 p.

Поступила 02.06.2013 г.

UDC 009

INNOVATIVE BEHAVIOR MODELS AS AN ADAPTATION MECHANISM OF SOCIAL SYSTEMS IN NON-LINEAR ENVIRONMENT

Yu.A. Nikitina

Tomsk Polytechnic University
E-mail: Ynik@tpu.ru

The urgency of the discussed issue is caused by the need to create an effective mechanism for adaptation of social systems to unstable environmental conditions.

The main aim of the study is to substantiate the use of innovative behavior models as a way of social system adapting to unstable environment on the basis of the system analysis in specific context of globalization processes and formation of the unified information space; to develop a methodology for use of co-evolutionary-innovational processes for creating effective mechanisms for adaptation to the unstable environment.

The methods used in the study: General scientific and philosophical principles and methods of learning; the system analysis, the structural-functional approach, the dialectical method, the comparative analysis, the principle of historicism and activity of the subject of cognition, the principle of universal connection of phenomena, the principle of determinism, the principle of development, the principle of unity of the world, applied in context and specifics of globalization processes taking place in the modern society; some parts of the theory of social management, the theory of society, the theory of global evolutionism used due to complexity and diversity of the research.

The results: It is revealed that innovative behavior models are a way of effective adaptation of social systems to unstable environment, based on scientific principle of co-evolutionary innovation. It is shown that the modern period is characterized by increase of dynamics and complexity of social systems interactions. In such circumstances the creation of effective adaptation mechanisms in unstable environment can be accomplished through the use of co-evolutionary-innovative processes. The author developed the recommendations for creation of these processes on the basis of effective adaptation mechanisms of social systems to the conditions of instability.

The conclusions: Developing innovative behavior models of social systems based on the principle of co-evolutionary innovation creates favorable conditions to select optimal operating influences in unstable environment, including a systemic crisis. The principle of co-evolutionary innovation represents the unity of the processes of co-evolution, preventive bifurcation and innovation.

Key words:

Social system, globalization, non-linearity, adaptation, co-evolutionary-innovative processes.

REFERENCES

1. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. *Zakony evolyutsii i samoorganizatsii slozhnykh system* [The laws of evolution and self-organization of complex systems]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 236 p.
2. Nikolis G., Prigozhin I. *Poznanie slozhnogo* [Cognition of complexity]. Moscow, URSS Publ., 2003. 344 p.
3. Baburin S.N., Muntyan M.A., Ursul A.D. *Globalizatsiya v perspektive ustoychivogo razvitiya* [Globalization in the perspective of sustainable development]. Moscow, Infra-M Publ., 2011. 496 p.
4. Guiyar F.Zh., Kelli G.N. *Preobrazovanie organizatsii* [Transformation of the organization]. Moscow, Delo Publ., 2000. 375 p.
5. Bogdan N.N., Masilova M.G. *Upravlenie sotsialnym razvitiem organizatsii: teoriya i praktika* [Management of organization social development: theory and practice]. Vladivostok, VGUES Publ., 2012. 284 p.
6. Jelassi T. *European Casebook on Competing Through Information Technology, Strategy and Implementation*. New York, Plentice Hall Publ., 1994. 132 p.
7. Kapitza S.P., Kurdyumov S.P., Malinetskiy G.G. *Sinergetika i prognozy budushchego* [Synergetics and projections of the future]. Moscow, Nauka Publ., 1997. 285 p.
8. Bestuzhev-Lada I.V. *Prognoznoe obosnovanie sotsialnykh novovvedeniy* [Predictive study of social innovation]. Moscow, Nauka Publ., 2011. 240 p.
9. Quinn J.B. Strategic Change: Logical Incrementalism. *Sloan Management Review*, 1978, vol. 1, no. 20, pp. 7–21.
10. Nonaka I., Takeuchi H. *The Knowledge-creating company: How Japanese companies create the dynamics of innovation*. Oxford, Oxford University Press, 1995. 231 p.

УДК 168.52

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ НАУКИ В УСЛОВИЯХ «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЙ»

А.П. Моисеева, П.В. Андреева

Томский политехнический университет
E-mail: apv82@mail.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью определения новых способов организации научного знания для решения комплексных проблем природы человека и общества.

Цель работы: рассмотрение процесса формирования новой научной парадигмы, основанной на кардинальных изменениях современных форм производства знания.

Методы исследования: синергетика, плюрализм

Результаты: показан путь практического воплощения научных знаний в технологическом процессе. На примере социальной инженерии, как прикладного знания, проиллюстрировано, каким образом в проблемном поле междисциплинарности возникают новые системные знания и как осуществляется их дальнейшее практическое внедрение и реализацию. Детально описан процесс рождения технологий из научных исследований. Показано, что в контексте такого процесса наука проявляет себя как прикладная, направленная на преобразование, развитие, изменение и конструирование окружающего мира. Обоснована необходимость включения новых знаний в область развития инновационных промышленных технологий, на основе прикладных разработок, таких как социальная инженерия.

Ключевые слова:

Наука, технологии, информация, прикладное знание, коммуникация, междисциплинарность, социальная инженерия.

Сегодня технологическая роль науки стала особенно очевидной ввиду того, что активно проявляются своеобразные качества современной науки – формируется новая парадигма науки, мы видим флуктуации, эволюцию, сложности, рост разнообразия, междисциплинарность и трансдисциплинарность. И все эти качества, характеристики современной науки проявляются не только на макроэкономическом уровне, например в химии, но и на микроскопическом уровне – в физике элементарных частиц, и в космических масштабах – в современной космологии, и наконец, современная наука развивается в «обществе знаний».

«Общество знаний» характеризуется глубокими изменениями в самом обществе, для которого новые научные знания и технологии становятся доминантой существования, базисом общества, как общества информационного. И одним из своеобразных качеств современной науки является многообразие новых технологий, через реализа-

цию которых осуществляется процесс технологизации общества. Американский социальный философ и социолог Питер Дракер, выразитель словосочетания «общество знаний», в 1994 г. говорил о предстоящих социальных трансформациях – становлении «общества знаний», которое изменит природу труда, высшего образования и способ функционирования всего общества как сложной взаимосвязанной системы [1. С. 53]. П. Дракер исходил из того, что превращение научных знаний в главный источник новых технологий начало происходить, если судить по историческим меркам, сравнительно недавно. Еще в XVIII в. «никто даже не пытался рассуждать о применении науки для разработки орудий производства, технологий и изделий, т. е. об использовании научных знаний в области техники и технологии. Эта идея созрела лишь в 1830 году, когда немецкий химик Юстус фон Либих (1803–1873) изобрел сначала искусственные удобрения, а затем – способ сохранения

животного белка» [2. С. 15]. Современный исследователь Б.Г. Юдин, осмысливая процесс рождения технологий из научных исследований, пишет: «Путь практического воплощения научных знаний и основывающихся на них технологий представляется примерно таким. Сначала в голове теоретика и (или) в исследовательской лаборатории делается какое-либо открытие. Затем результат этого исследования в ходе того, что называют разработкой (или развитием), воплощается в новых технологиях [3]. Иначе говоря, знание как бы отчуждается от его носителя и создателя, превращаясь в информацию, и становится основой для действия, нередко являя собой стереотип определенной деятельности, конкретные технологии в действии, технологический процесс. Можно сказать и по-другому, получая новую информацию, человек размышляет, как ее применить, что и как делать, возникает технологический процесс. В процессе такого технологического применения научных результатов, наука выступает не только как познание мира, но и как его преобразование, то есть как создание нашего мира. В этом случае наука проявляет себя как прикладная наука, направленная на преобразование, развитие, изменение и конструирование окружающего. Мы склонны допустить, что на уровне развития технологических процессов, совершенствования прикладного знания могут зарождаться идеи, помыслы, которые впоследствии могут оплодотворить теоретические и экспериментальные процессы развития знания.

Новые технологии, технологии информационного общества как бы «манипулируют» нашим образом жизни, социальными институтами, «опираясь на технологию другого рода – технологию информации и коммуникации». Основатель Академии технологических наук Российской Федерации В.Н. Алфеев, обосновывающий необходимость новых знаний в области развития инновационных промышленных технологий, называл такой технологический процесс «технологическими науками», иные ученые называют просто технологиями. Истоки «технологических наук» таятся в сфере междисциплинарности и наиболее поздних процессов организации знания.

Наиболее явно технологический процесс можно проиллюстрировать на примере социальной инженерии, как прикладного знания, в рамках которого на базе междисциплинарности возникают новые системные знания, или на таких примерах, как биоинформатика, геномика и т. д. Рассмотрим пример, о котором пишет доктор биологических наук из Института проблем передачи информации М. Гельфанд: «...сложное и интересное занятие биоинформатиков – получать на основе данных о геноме конкретные утверждения: белок А обладает такой-то функцией, ген В включается в таких-то условиях, гены С, Д и Е экспрессируются в одно и то же время, а продукты их образуют комплекс. Именно этим занимаемся мы, и в этом состоит практическое применение нашей науки» [4. С. 11]. Ученый

описывает технологический процесс, отвечая на вопрос, что и как делать, как использовать новую информацию в ее практическом преломлении и получении новых знаний или результатов труда.

Уточняя вышеописанный пример, другой исследователь Н.Е. Осипов замечает, что необходимо различать знания научные и технологические. Первые ориентированы на постижение природных процессов, закладываемых в принципы функционирования техники. Науку интересуют, прежде всего, вопрос «что есть этот объект, явление?». Технология же ориентирована преимущественно на знание для достижения конкретного практического результата. Это практическое знание, интересующееся вопросом «как получить желаемый результат?» [5. С. 146], каков процесс получения желаемого результата. Технологические процессы могут происходить не только в сфере материального производства, но и в общественной жизни. Человечество, коммуницируя, создавало, подчас стихийно, различные социальные институты и организации, такие как экономические, правовые, политические, нравственные, религиозные и другие. Образование этих институтов создавало устойчивость и целостность объективного существования общества. Посредством взаимодействия таких институтов, взаимоотношений различных социальных групп и ряда других общественных факторов развивались социальные технологии, включая в себя рациональные компоненты, например целеполагания ее творцов, так заявлял о себе технологический процесс в социальной жизни.

Карл Поппер называл такой процесс практическим технологическим подходом, или технологической методологией. Развитие технологического подхода, его совершенствование и углубление на основе развития научного знания можно более подробно рассмотреть на примере становления социальной инженерии, о чем мы уже говорили выше. Социальная инженерия возникает в 20-е гг. XX в. как ответ на вызовы и потребности индустриализации в промышленности США, Великобритании, Германии, Франции, России. С развитием производства, его концентрацией возрастает роль и значение управления в сфере производства. Такие науки, как индустриальная и коллективная психология, структурная социология, физиология стали активно применяться в производственной деятельности, регулируя отношения между людьми и социальными институтами. Именно в рассматриваемый период достаточно отчетливо определяется междисциплинарная платформа, на которой формируются новые технологии, обуславливаемые внешними (социальными, политическими, экономическими) потребностями, которые требуют решения конкретных прикладных задач. Для решения этих прикладных задач ученые, вооруженные дисциплинарным знанием и работающие в области техники, экономики, политики, юриспруденции, взаимодействуют друг с другом. В это время американским социологом Ронксом Паундом был введен

термин инженерия (франц. – иметь способность конструировать, творчески сочетать, изобретать, взаимодействовать) применительно к социальным отношениям и к юриспруденции. По мнению Р. Паунда, социальный инженер должен иметь способность конструировать, координировать и применять те или иные технологии и механизмы, «работающие» в социуме, для оптимизации отношений в инфраструктуре общества [6. Р. 56].

Р. Паунд, в частности, интерпретировал право как способ, «инструмент социального контроля», который используется для согласования разнонаправленных интересов в области экономики, политики и социальных отношений, существующих в обществе. В связи с этим Р. Паунд и уделял большое внимание проблеме интереса в праве, подчеркивая, что интерес индивида, социальной группы, государства и т. д. может проявляться в различных областях жизнедеятельности и решение этой проблемы возможно в процессе взаимодействия и пересечения этих областей. Поскольку процесс контроля в обществе связан с анализом и систематизацией поведения социального взаимодействия граждан, то для самой юриспруденции наиболее подходящим, по мнению Р. Паунда, стало название «юридическая социальная инженерия». Лица, применяющие право и следящие за исполнением законов в таких сферах, как политика, экономика, социальные отношения, – это «социальные инженеры», обеспечивающие компромисс и гармонию в обществе [6. Р. 99]. В системе непосредственной организации труда и производства в это же время зарождается тейлоризм, как приложение ряда наук, научных принципов к производству. Великобритания, Франция и даже Германия повторяют и развивают идеи Ф.У. Тэйлора, который был первым инициатором науки об организации производства.

В этих условиях и происходило развитие и взаимодействие матриц экономической науки, технических наук, менеджмента, социологии, психофизиологии, что и обусловило прикладные разработки социальной инженерии, направленной на внедрение инновационных и практических рекомендаций в области управления производственными процессами. Социальная инженерия, по мысли ее разработчиков, призвана была интенсифицировать и оптимизировать производственный процесс, способствуя научной организации труда.

Понятие социальной инженерии в этот период вводит в научный оборот и русский ученый А.К. Гастев [7]. Ученый поставил вопрос о развитии совершенно новой комплексной прикладной науки «социальной инженерии», посредством применения и использования которой он думал координировать и совершенствовать процесс управления производством и его интенсификацию. Социальная инженерия, по мысли А.К. Гастева, была призвана решить проблему синтеза важнейших аспектов производственной и управленческой деятельности, таких, в частности, как технический, психофизиологический, экономический. А.К. Га-

стев рассматривал социальную инженерию как относительно самостоятельную и новую отрасль исследований, направленную на изменение производственных и управленческих процессов.

Социальная инженерия, по замыслу автора, находится на стыке социальной и естественной областей знания. У последней она заимствует точные экспериментальные методы и приверженность к достоверным фактам [7. С. 122]. Однако А.К. Гастев справедливо подчеркивал, что социальная инженерия, направленная на научную организацию трудовой деятельности, – это не простое метафизическое взаимодействие наук, это, прежде всего, тенденции исследования психических, физиологических, экономических моментов, сопряженных с определенной формой производства. Именно эти тенденции и обогащают новую науку; если в социологии, писал А.К. Гастев, главным методом изучения было наблюдение и суммарные исторические обзоры, то синтез наук о труде должен выдвинуть на первый план социальный эксперимент, проектирование. В социальной области должна наступить эпоха тех же точных измерений, формул, чертежей, контрольных калибров, «социальных нормалей». «Как бы нас не смущали сентементальные философы о неуловимости эмоций и человеческой души, мы должны поставить проблему полной математизации психофизиологии и экономики, чтобы можно было оперировать определенными коэффициентами возбуждения, настроения, усталости, с одной стороны, прямыми и кривыми экономических стимулов, с другой [7. С. 292]. Несмотря на то, что идея о «полной математизации психологии и экономики», высказанная А.К. Гастевым, была и остается чрезвычайно радикальной, тем не менее, основной лейтмотив возникновения новой науки управления на основании междисциплинарного взаимодействия отражал ситуацию развития знания, которая складывалась в первой четверти XX в. и отвечала на социальные и экономические вызовы времени.

Согласно научной позиции А.К. Гастева, социальная инженерия, на которой основана научная организация труда, должна была явиться результатом креативного междисциплинарного синтеза между развитием техники, как «методологией машинной работы с ее аналитизмом, учетом малых величин, нормировкой...», с психофизиологией. «Перед нами во весь рост встает задача синтезировать все достижения психофизиологических исследований... Мир машины, мир оборудования, мир трудового урбанизма создает особенные связанные коллективы, рождает особые типы людей, которые мы должны принять, принять также, как мы принимаем машину, а не бьем свою голову о ее шестерни... История действительно требует... смелого проектирования человеческой психологии в зависимости от такого исторического фактора как машинизм» [8. С. 110]. Ученый полагал, что процесс конструирования социальной инженерии в рамках междисциплинарного взаимодействия об-

уславливает и появление индустриальной педагогики. «...Педагогику мы должны ввести в рамку инструкции, беспощадного аналитизма сверху, чтобы создать в ученике автоматизм разложения сложного труда на элементы». Развитие социальной инженерии невозможно и без экономики, поскольку «до сих пор экономическая наука в своих научных выводах о труде давала в высшей степени общие положения. В этой науке слишком ограниченно применялся метод конкретного учета, слишком далека была ее рабочая методология от реторты мер и весов...» [9. С. 113]. Показав необходимость и конструкторский замысел новой дисциплины «социальной инженерии», А.К. Гастев отметил, что предметом изучения социальной инженерии являлись не вообще существующие управленческие процессы, а управление в различных сферах производства. Структурное исследование производства включало в себя два раздела: научная организация производственного процесса, теоретической основой которого служили физиология и психология, и научная организация управления, теоретико-методологической базой которой выступала социальная психология.

Таким образом, в центре внимания ученого оказывается основной элемент предприятия – рабочий, а схема научного поиска была направлена от микроанализа движений (приемов, операций, совершаемых основным субъектом производства) к макроанализу предприятия в целом.

В деле организационного строительства встает вопрос о подготовке способных руководителей, наделенных «организационной сноровкой», стратегическим талантом, особыми «социальными» качествами, руководителей, которых отличает умение охватить процесс целиком, предвидеть последствия своих действий (зоркость), проникать в суть явлений («следопытство»), быть молниеносно находчивым, обладать житейски необходимой фантазией и подкованной памятью (задатки конструктора и изобретателя) [9. С. 140].

Итак, в 20-е гг. XX в. и в России возникает, на наш взгляд, инновационная, оригинальная и вместе с тем в достаточной мере впитавшая все наиболее ценные находки западной организационно-управленческой инженерной мысли, в частности идеи Ф.У. Тэйлора и Дж. Форда, концепция «социальной инженерии». А.К. Гастев создал такую концептуальную платформу, принципами которой пользовались многие выразители теории научной организации труда, в частности Н.А. Витке, он раньше Элтона Мэйо сформулировал концепцию «человеческих отношений» [10], которая была апробирована Э. Мэйо в ходе знаменитого Хоторнского эксперимента.

Но уже во второй половине XX в. дальнейшее развитие социальной инженерии осуществляется в новой парадигмальной схеме. Поэтому следующим этапом в развитии социальной инженерии, после 20-х гг. XX в., исследователи обозначают период, начиная с 60-х гг. XX в., когда в Советском

Союзе начала бурно развиваться заводская или индустриальная социология управления, в США этот процесс возник намного раньше [9. С. 98].

В этот же период, начиная со второй половины XX в., на передний план в развитии философии науки выходят исследования динамики науки, в которых особая роль отводится социокультурным факторам, появляются различные концепции и направления, альтернативные позитивистской традиции, их часто обозначают термином постпозитивизм. В рамках концепций постпозитивизма важна упоминавшаяся выше позиция К. Поппера, его критический рационализм, основываясь на принципах которого, он развивал идеи социальной инженерии в методологическом плане.

Умозаключения и выводы К. Поппера по поводу социальной инженерии были аккумулированы в его рукописи «Нищета историцизма», которая была опубликована в журнале «Económica». В 1944–1945 гг. исследование Поппера было переведено на итальянский и французский языки. В своей работе Карл Поппер интерпретировал социальную инженерию как «практическую цель социальных наук». Стремясь показать несостоятельность историцизма как прогнозирования и пророчества, как развития общества по определенным, непреложным законам исторического развития К. Поппер пишет: «...историцисты выдвигают аргументы пророчества (касающегося социального, политического и институционального развития) и против социальной инженерии как практической цели социальных наук...идея социальной инженерии – это идея планирования и конструирования социальных институтов с целью торможения социального развития, контроля за ним или его ускорения...» [11. С. 54–55]. Он предлагает использовать методологию, «сориентированную на технологическую социальную науку. Она составляла бы основу изучения общих законов и фактов социальной жизни, необходимых для работы всех проводящих реформу социальных институтов. Такие факты несомненно существуют ... Задачей технологической методологии стала бы разработка средств, помогающих избежать нереальных конструкций. Исторический опыт служил бы для нее важнейшим источником информации... Технологическая методология нацелена на открытие законов, говорящих о границах, в которых мы могли бы конструировать социальные институты или какие то другие единообразия...» [11. С. 56].

Как видим, в противовес историцизму, Поппер предлагает социальную инженерию и технологический подход. Несомненно одно, Поппер включает в понятие социальной инженерии как теории и практики социальных, и не только социальных, наук технологический процесс. Он уточняет свою мысль, иллюстрируя проявление и развитие социальной инженерии в различных сферах общественного бытия: «К первой группе, например, – пишет ученый, – принадлежит техника управления в сфере бизнеса или влияние условий труда на

его производительность. Ко второй группе можно отнести последствия тюремной реформы или всеобщего медицинского страхования, или стабилизации цен в судебном порядке, или влияния новых таможенных правил и т. д. на выравнивание доходов...» [11. С. 70]. Круг использования и применения технологий обширен, он проявляется во всем диапазоне социально-практической деятельности.

Технологический подход не исключает, по мнению Поппера, теоретических вопросов, которые возникают при анализе практических проблем. «Моя позиция в отношении технологического подхода состоит в том, что...все социальные науки должны искать не столько своего Ньютона или Дарвина, сколько своего Галилея или Пастера» [11. С. 71]. Одновременно К. Поппер обращает внимание на аналогичность в методах социальных и естественных наук: «...значение нашего анализа состоит в том, что он привлекает внимание к фундаментальному подобию, существующему между естественными и социальными науками» [11. С. 73].

При разработке системы технологического подхода К. Поппер вводит понятие «поэлементной инженерии». Термин инженерия поэлементная полезен, ибо существует потребность в термине, который бы обозначал социальные деятельности, как частного, так и общественного характера, используемые для достижения той или иной цели все доступное технологическое знание [11. С. 75–76]. Задача социального инженера состоит в проектировании и реконструкции социальных институтов, а также в управлении ими.

Термин «социальный институт» употребляется исследователем в очень широком смысле, он включает организации как частного, так и публичного характера. Его можно использовать для описания сферы предпринимательства, от небольшого магазина до страховой компании, а также для описания школы, или «системы образования», полиции, церкви, суда. Поэлементный технолог или инженер знает, что спроектированным является лишь незначительное меньшинство социальных институтов, все остальные просто «выросли», это непреднамеренные результаты человеческих действий.

Идеи Поппера, ориентированные на методологический каркас для применения нового знания, развивал Имре Лакатос. В своей книге «Доказательства и опровержения» Лакатос предложил свою модель формирования и развития научного, в частности математического, знания в «содержательной» математике XVII–XVIII вв. Он полагал, что в этот период развитие математического знания определялось процессом «догадок и опровержений». Лакатос использовал диалогический метод и предлагал искусственно конструировать проблемную ситуацию, в которой происходит вычлечение нового идеального содержания. Это новое идеальное содержание, по мнению Лакатоса, представляет собой «рациональную реконструкцию», которая изначально отлична от реальной истории

и создается «специально в целях рационального объяснения развития научного знания» [12. С. 143]. Роль рациональных реконструкций в логике науки определяется, по мнению Лакатоса, критическими процедурами: сами реконструкции не могут быть подвергнуты критике за недостаток историзма и несоответствие реальной истории, но зато они дают возможность занять критическую точку зрения по отношению к самой истории – теперь и сама наука может критиковаться за недостаток рациональности и несоответствие собственным методологическим стандартам. Таким образом, для принятия обоснованного методологического решения необходимо сопоставление различных конкурирующих теорий, оценка их эвристического потенциала и перспектив развития. Ведущей становится идея, согласно которой движущим механизмом развития научного знания выступает конкуренция различных концептуальных точек зрения и их постоянный сдвиг под влиянием аномальных опытных фактов. Понятие «прогрессивного сдвига» фиксирует такую трансформацию теории – путем ее переориентации или добавления вспомогательных гипотез, – которая не только устраняет «аномалии», но и увеличивает эмпирическое содержание, часть которого находит опытное подкрепление [12. С. 97].

Лакатос вводит понятие научно-исследовательской программы. В рамках научно-исследовательской программы единицей анализа у Лакатоса становится не отдельная научная теория, а несколько связанных между собой теорий, причем, связь эта базируется на онтологических и методологических принципах. Научно-исследовательская программа Лакатоса, на наш взгляд, является целесообразным методологическим основанием для анализа и исследования социальной инженерии в современную эпоху. Иногда эта проблема, являясь узловым пунктом размышлений, не осознаётся в качестве таковой, и исследователь обращается к изучению более частных и прикладных вопросов, не отдавая себе отчёта в том, что они всего лишь начальные ступеньки на пути восхождения к центральной для всей философии науки и современной гносеологии проблеме роста знания [12. С. 147].

Сегодня развитие идей Поппера и Лакатоса продолжает итальянский ученый, работающий в настоящее время в Швейцарии, Эвандро Агацци. Агацци придерживается концепции нелинейности научного прогресса, считая равно односторонними как модель научного прогресса логического эмпиризма, так и исторический подход к методологии науки, который в частности использует И. Лакатос. Агацци исходит из идеи интерсубъективности научного знания, при этом он полагает, что каждый субъект может проверять высказывания, конструируемые другими субъектами. Основываясь на таком подходе, Агацци анализирует процедуры образования нового научного знания, используя операциональные предикаты (понятия, характеризующие предмет суждения, которые проверяют-

ся и измеряются с помощью эмпирических операций), философ полагает, что на формирование нового знания, несомненно, влияет возникновение глобальной экономики и стремительное развитие технологической революции (использование Интернета и новых информационно-коммуникационных технологий).

Принимая во внимание «модель» «общества, основанного на знаниях», Агацци не абсолютизирует роль экономики знаний, но и не исключает ее. Размышляя о сущности «экономики знаний», Агацци замечает, что в системе «экономики знания», последнее «рассматривается как товар, как продукт, который может быть произведен, обменен, продан в соответствии с моделями экономической деятельности. В другом смысле знание рассматривается скорее как орудие, как всепроникающая демонстрация нематериальных инструментов, использование которых существенно для обеспечения наилучшего действия всех секторов экономики. Эти два значения надо различать, но не разделять...» [13. С. 5]. Эта позиция ученого основана на исторических соображениях, Агацци замечает, что в период классической античности также существовало чистое знание, чуждое всяких экономических интересов. В частности Сократ и Платон считали морально скандальной практику софистов, требовавших платы за свое образование.

На наш взгляд, заслуга Агацци состоит в том, что он в очередной раз заостряет внимание научной общественности на характеристиках современного общества знаний, заключающихся в «дигитализации» и компьютеризации процессов. «Знание – это, с одной стороны, «дигитализируемое» знание, а с другой стороны, знание о наилучшем способе дигитализации. Уже на этой стадии у нас есть несколько идей: центральная проблема – представление знания посредством цифровых устройств, откуда вытекает проблема хранения, поиска, передачи, использования этого знания почти автоматическим образом, либо путем «консультации» с компьютерами, либо воплощая это знание путем соответствующего моделирования в определенном производственном процессе» [13. С. 11]. Так Агацци представляет систему организации знаний, но смеем заметить, что инженерный подход к организации знаний существовал и в 20-е гг. и позже, в 60-е гг., но сегодня, и в этом следует согласиться с Агацци, инженерный подход в организации знаний приобретает особое значение, сегодня это инженерия знаний. Инженерия знаний была определена Э. Фейгенбаумом и П. МакКордаком в 1983 г. как раздел инженерии, направленный на внедрение знаний в компьютерные системы для решения сложных задач, обычно требующих богатого человеческого опыта. В настоящее время это также предполагает создание и обслуживание подобных систем. Это также тесно

соприкасается с разработкой программного обеспечения и используется во многих информационных исследованиях, например таких, как исследование искусственного интеллекта, включая базы данных, сбор данных, экспертные системы, системы поддержки принятия решений и географические информационные системы. Инженерия знаний связана с математической логикой, также используемой в разных научных дисциплинах, например в социологии где «подопытными» являются люди, а цели исследований – понимание, как работает человеческая логика на примере взаимоотношений в обществе.

Так знания интегрируются в компьютерные системы, то есть возникают системы, построенные на знаниях. Эти системы, подчеркивает Э. Агацци, составляют часть обширной области искусственного интеллекта, и уже это показывает, что подход, взгляд, вдохновляющий их создание, есть подход, по существу, инженерный; в настоящее время, инженерия знаний есть комплексная дисциплина, цель которой интегрировать знания в компьютерные системы. Как и в любой другой ветви инженерного дела, цель эта не абстрактная, а ориентирована на конкретную цель, и цель эта не изготовление сложных артефактов и не улучшение конкретной практики, а предложение инструментов для решения сложных проблем, обычно требующих высокого уровня человеческой экспертизы... «интеллектуальная» поддержка решений – еще одна классическая область этой инженерии. Заметим, что для области инженерии знаний характерно взаимодействие между теоретическими идеями и практическими процессами, связанными с обеспечением документальной фиксации знаний и связей логической импликации (таких как фреймы, скрипты, правила типа «если-то» и т. п.) [13. С. 12].

Идеи К. Поппера, И. Лакатоса и Э. Агацци активно развиваются и используются, в частности, В.В. Щербина, осмысливая процесс развития технологизации науки, пишет, что «объектом технологизации науки могут стать самые разные сферы человеческой деятельности... Через призму технологизации можно рассмотреть всю совокупность используемых обществом средств эффективного функционирования – от высших органов власти до специфических социальных институтов... термин «технология» покрывает широкий круг вопросов, связанных с отношениями науки и управленческой практики» [14. С. 79]. Таким образом, мы имели возможность убедиться, что развитие инновационных технологий в современном обществе – это реальный процесс, возникающий и развивающийся на основе превращения научных знаний в информацию в проблемном поле междисциплинарности и трансдисциплинарности, и далее практическое внедрение этой информации, ее реализация, возникновение прикладного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Drucker P. The Age of Social Transformation // *The Atlantic Monthly*. – 1994. – № 5. – С. 53–80.
2. Дракер П. От капитализма к обществу знания // Новая постиндустриальная волна на Западе / под ред. В.Л. Инноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 15–28.
3. Юдин Б.Г. Некоторые особенности исследовательской деятельности в обществе знаний // *Знание. Понимание. Умение*. 2009. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/7/Ydin> (дата обращения: 21.04.2013).
4. Гельфанд М.С. Что может биоинформатика // *Химия и жизнь*. – 2009. – № 9. – С. 10–18.
5. Осипов Н.Е. Содержание и методологическая роль категории «социальная технология» в осмыслении целостности общества // *Вопросы философии*. – 2011. – № 6. – С. 140–156.
6. Pound R. *Introduction to the philosophy of Law*. – London: New Haven, 1959. – 299 p.
7. Гастев А.К. Как надо работать. Практическое введение в науку об организации труда. – М.: Экономика, 1966. – 472 с.
8. У истоков НОТ. Забытые дискуссии и нереализованные идеи / сост. Э.Б. Корицкий. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 340 с.
9. Гастев А.К. Трудовые установки. От «социальной инженерии» к кибернетике. – М.: Экономика, 1973. – 291 с.
10. Витке Н.А. Организация управления и индустриальное развитие. – М.: Наука, 1925. – 320 с.
11. Поппер К. Нищета историзма. – М.: Изд. группа «Прогресс» ВИА, 1993. – 245 с.
12. Лакатос И. Методология научных исследовательских программ // *Вопросы философии*. – 1995. – № 4. – С. 84–96.
13. Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // *Вопросы философии*. – 2012. – № 10. – С. 3–15.
14. Щербина В.В. Проблемы технологизации социоинженерной деятельности // *Социологические исследования*. – 1990. – № 8. – С. 78–85.

Поступила 16.05.2013 г.

UDC 168.52

TECHNOLOGIZATION OF SCIENCE IN «THE KNOWLEDGE SOCIETY»

A.P. Moiseeva, P.V. Andreeva

Tomsk Polytechnic University
E-mail: apv82@mail.ru

The urgency of work is caused by the necessity to determine new ways of organization of scientific knowledge to solve complex problems of human nature and society.

The main aim of the study is to review the process of formation of a new scientific paradigm based on the dramatic changes of contemporary forms of knowledge production.

The methods used in the study: synergetics, pluralism

Results: the path of practical implementation of scientific knowledge in the process is shown. By the example of social engineering as applied knowledge the paper demonstrates the way of occurrence of new system knowledge in interdisciplinary troubled field and implementation of its further practical realization. The paper describes in detail the technology birth from the research. It is shown that within such process science comes out as applied, directed to transformation, development, modification and construction of the surrounding world. The necessity of including new knowledge into the area of development of innovative industrial technologies, on the basis of applied research, such as social engineering.

Key words:

Science, technology, information, applied knowledge, communication, interdisciplinarity, social engineering.

REFERENCES

1. Drucker P. The Age of Social Transformation. *The Atlantic Monthly*, 1994, no. 5, pp. 53–80.
2. Drucker P. Ot kapitalizma k obshchestvu znaniya [From capitalism to a knowledge society]. *Novaya postindustrialnaya volna na zapade* [The New post-industrial wave in the West]. Ed. V.L. Inozemtsev. Moscow, Academia, 1999, pp. 15–28.
3. Yudin B.G. Nekotorye osobennosti issledovatel'skoy deyatel'nosti v obshchestve znaniy [Some peculiarities of research work in the knowledge society]. *Knowledge. Understanding. Ability*, 2009. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/7/Ydin> (accessed 21 April 2013).
4. Gelfand M.S. Chto mozhet bioinformatika [That can bioinformatics]. *Khimiya i zhizn*, 2009, no. 9, pp. 10–18.
5. Osipov N.E. Soderzhanie i metodologicheskaya rol kategorii «sotsial'naya tekhnologiya» v osmyslenii tselostnosti obshchestva [Content and methodological role of the category of «social technology» in understanding the integrity of society]. *Voprosy filosofii*, 2011, no. 6, pp. 140–156.
6. Pound R. *Introduction to the philosophy of Law*. London, New Haven, 1959. 299 p.
7. Gastev A.K. *Kak nado rabotat. Prakticheskoe vvedenie v nauku ob organizatsii truda* [How to work. A practical introduction to the science about the organization of work]. Moscow, Ekonomika, 1966. 472 p.
8. *U istokov NOT. Zabitye diskussii i nerealizovannye idei* [At the origins of NOT. Forgotten discussion and unrealized ideas]. Ed. E.B. Koritskiy. Leningrad, LGU Publ., 1990. 340 p.
9. Gastev A.K. *Trudovye ustanovki. Ot «sotsialnoy inzhenerii» k kibernetike* [Labor attitudes. From «social engineering» to Cybernetics]. Moscow, Ekonomika, 1973. 291 p.
10. Vitke N.A. *Organizatsiya upravleniya i industrialnoe razvitiye* [Organization of management and industrial development]. Moscow, Nauka, 1925. 320 p.
11. Popper K. *Nishcheta istoritsizma* [Poverty of historicism]. Moscow, Progress VIA, 1993. 245 p.
12. Lakatos I. *Metodologia nauchnykh issledovatel'skikh programm* [Methodology of scientific research programmes]. *Voprosy filosofii*, 1995, no. 4, pp. 84–96.
13. Agazzi E. *Ideya obshchestva, osnovannogo na znaniyakh* [The idea of a knowledge-based society]. *Voprosy filosofii*, 2012, no. 10, pp. 3–15.
14. Shcherbina V.V. *Problemy tekhnologizatsii sotsioinzhenernoy deyatel'nosti* [Problems of social-engineering activity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1990, no. 8, pp. 78–85.

СЛОВО КАК САМОРАСКРЫТИЕ И РЕФЕРЕНЦИЯ ОПЫТА ПОСТИЖЕНИЯ ОБЪЕКТА

М.А. Корниенко

Томский политехнический университет

E-mail: mkornienko1@yandex.ru

Анализируется процесс самораскрытия опыта постижения объекта через слово. Рассматривается связь слова как знака-логоса с опытом постижения объекта. Дается определение опыта в постижении разнообразных объектов. Определяется смысл постижения. Результатом исследования является анализ соотношения слова и опыта постижения, а также влияние первичного чувственного опыта на форму слова. Был проведен анализ значения опыта в соотношении между эго субъекта и бытием. Рассмотрена взаимосвязь онтологического контекста и эгологического горизонта. Рассмотрено явление неязыкового компонента опыта постижения объекта. Определяется роль суждения по отношению к эго субъекта и постигаемым объектам. Проанализировано влияние слова на онтологический контекст. Слово определяется как система координат постигаемого объекта с референтными связями по отношению к эго субъекта. Слово представляется как разница, которая явлена по отношению к ничто через суждение.

Ключевые слова:

Слово, логос, знак, опыт постижения, объект, смысл.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа опыта, который является основой непонятного знания. Опыт – это совокупность всего того, что происходит с человеком в его жизни. К опыту сводится вся наука, она должна быть достоверной; в то же время познанию нельзя останавливаться только на опыте. Опыт надлежит быть упорядоченным, сверненным, объединенным с помощью мышления. Всякое расширение нашего познания не может опираться ни на что другое, кроме как на расширение опыта. Однако сам опыт является результатом деятельности духа, предполагая известные «формы рассудка», которые только и делают возможным опыт. Лишь благодаря опыту или возможному опыту понятия получают свою реальность. Выводы, которые выходят за рамки возможного опыта, являются обманчивыми. Процесс познания неразрывно связан с построением знаково-символических систем, определяющих взаимодействие человека с миром и другими людьми [1. С. 128].

Целью работы является анализ механизма раскрытия опыта постижения объекта в слове. В процессе исследования необходимо решить следующие задачи: рассмотреть процесс взаимосвязи слова-знака с опытом постижения объекта; определить, чем является опыт в процессе постижения того или иного явления; исследовать основополагающий смысл постижения.

Основные термины, требующие раскрытия и уточнения в связи с целью исследования: логос и символ. В статье рассматриваются различия понятий слова и логоса. «Лόγος» (греч. λόγος – «слово», «мысль», «смысл», «понятие», «намерение») – термин древнегреческой философии, означающий одновременно «слово» (или «предложение», «высказывание», «речь») и «смысл» (или «понятие», «суждение», «основание»). Этот термин был введен в философию Гераклитом, который называл логосом вечную и всеобщую необходимость, устойчивую закономерность. В последующем развитии человеческой мысли значение

этого термина неоднократно изменялось, однако до сих пор, когда говорят о логосе, имеют в виду наиболее глубинную, устойчивую структуру бытия, наиболее существенные закономерности развития мира. Философы Нового и Новейшего времени (М. Хайдеггер и др.) считают термин «Логос» многозначным и содержательным. С одной стороны, Логос означает «мысль» и «слово» («слово, речь, если они искренни, суть та же «мысль», но выпущенная наружу, на свободу»), а с другой стороны, – «смысл» (понятие, принцип, причина, основание) вещи или события [2. С. 445].

В работе слово рассматривается как символический знак, а потому необходимо обратиться к тому, как развивалось понятие «символ» в истории философской мысли. В древнегреческой философии раннего периода понятие «символ» носило мировоззренческий характер. Демокрит говорил о слове как символе вещи, который глубоко и всесторонне выражает характерные свойства вещи, ее сущность. Согласно Эмпедоклу, символ, разделенный на части, должен обязательно соединиться в нечто третье, неравное механической сумме его составляющих. Пифагорейцы пользовались символической системой толкований при исследованиях таинственного.

Именно в античности философское понятие символ обретает гносеологический характер. Пифагору, Сократу и Платону принадлежат первые попытки осмысления сущности и значения символических феноменов. В античности складываются две традиции понимания «символа». В рамках первой традиции символ выступает как знак, содержательный смысл которого указывает на знак другого рода или другого языка. Вторая традиция придерживалась интерпретации символа как некоего знакового выражения сущности, которая выходит за пределы знака. В первой традиции символ выражает конвенциональные знаки, концептуальный смысл которых легко узнаваем и воспроизводим. Во второй традиции символы определяются как образы, для постижения которых тре-

буется особый род интуиции или прозрения. Платон положил начало пониманию символа как некоего знакового выражения высшей и совершенно незнаковой сущности и предложил целостную трактовку символа как интуитивно постигаемого указания на высшую идеальную форму объекта. В диалоге «Государство» он приводит прекрасную иллюстрацию символического познания как восхождения от «теней» идей к высшему свету блага. Символы трактуются здесь как сущностные образы, интерпретация которых связана с интуицией, прозрением, наитием. Они не могут быть раз и навсегда познанными, их смысл не имеет однозначно толкования [3].

Под объектом подразумевается то, что дано субъекту в опыте. Знак выступает в качестве своего рода ссылки на объект и является его интерпретацией. С другой стороны, это даже не ссылка на сам объект, а скорее ссылка на опыт постижения того, что является нам в качестве объекта, ссылка на некий момент самофиксации, саморефлексии опыта в конкретном образе слова. Слово предстает в качестве логоса – процесса самораскрытия опыта в слове.

Основополагающий смысл для самораскрытия опыта внутри слова – наличие объекта постижения. Что можно подразумевать под тем, что объект постижения существует? Объект постижения существует, когда мы обладаем суждением о нем или суждение сделано другими субъектами, т. е. присутствует нечто, что осознано и определено хотя бы intersубъективно.

Опыт постижения объекта заключается в выявлении неких характеристик постигаемого объекта, на основе знания которых и возникает слово как суждение и знак. Возможно, первичный синтез слова возник как результат слияния определенных чувственных актов сознания, благодаря которым объект обрел свою форму в сознании, некие рамки, являющиеся словом, позволяющие отделить объект от прочих объектов, и, следовательно, возможность анализировать разницу между возможным опытом и тем, который уже есть, а отсюда следует возможность оценки контекста ситуации, в которой пребывает субъект, и понимание им хронологической структуры происходящего. Возможно, это были некие особенности (характеристики) того первичного чувственного опыта, которые в человеке обрели возможность для такого синтеза. Слово-знак относит не к самой вещи (объекту), но к опыту постижения, лежащему в представлении об этой вещи (объекте). Это смысл, заложенный в отношении слова-знака к объекту.

Что есть опыт в соотношении моего «я» и моего бытия? «Я» и мое бытие неразрывно связаны между собой («Я» и мое бытие являются единством). Мое бытие как бы изначально является границами моего «я» и определяет их. Различие моего «я» от меня (моего бытия) и есть потенциально возможный для постижения опыт, определяющий границы экстраполяции моего эго в пределах моей жизни.

Раскрытие опыта постижения объекта возможно благодаря трансцендентальному соотношению эго и онтологического горизонта. С помощью слова устанавливается некое подобие равенства между реальностью и субъективным суждением о ней. Выстраивая суждения, субъект определяет свой эгологический горизонт, через который он обретает новую возможность постижения онтологического горизонта.

Опыт раскрывается как выход за пределы собственного и схватывание того, что может предложить опыт. Расширение границ собственного происходит в процессе вхождения в контекст ситуации. Таким образом, опыт – это изменение границ и горизонта эго, эгологического горизонта, который определяется как раскрытие потенциальных возможностей изменения субъективной составляющей при постижении различных объектов в пределе имеющегося онтологического горизонта. Опыт постижения объекта понимается как проекция эго человека внутри слова. Будучи произнесенным, слово превращается в суждение о чем-либо, и в этом суждении фиксируется опыт субъекта, который, так или иначе, послужил причиной изменения субъекта в той или иной степени. Постигание онтологического контекста происходит через изменение эгологического горизонта. Изменяясь, эгологический горизонт позволяет субъекту открывать для себя новые возможности постижения. Опыт создает такую возможность. Опыт является необходимым условием для изменения границ эгологического горизонта. Онтологический контекст представляет собой большое поле выбора, который может быть осуществлен субъектом, что, в свою очередь, влечет за собой новые изменения в эгологическом горизонте. Эгологический горизонт является своего рода экстраполяцией текущего онтологического контекста в контексте стремлений субъекта. Существование субъекта влияет на изменение самой системы координат, в которой он функционирует. Можно предположить, что основной движущей силой изменения границ эгологического горизонта и трансформации онтологического контекста является разница между тем, что есть бытие, и тем, что есть «Я» субъекта. Разница, которая бесконечно стремится к тому, чтобы быть заполненной. Иначе говоря, человек в своем существовании стремится к слиянию с миром, к преодолению трансцендентности сознания по отношению к бытию.

Апофатика опыта постижения (предельная невыразимость) выражается в том, что опыт постижения, не может быть явлен во всей своей полноте через слово. Слово не может отражать бытие во всей его полноте. В слове не может содержаться все то, что происходит в реальности, но в слове содержится своего рода референция к этой невыразимой части опыта, потому что когда человек выносит суждение о бытии, он все равно определяет субъективные рамки всего того, что происходит в бытии. Оно (невыразимое бытие) все равно остается там, в

этом слове-знаке, в виде некоего «бэкграунда» (так как, вынося суждение, человек лишь определяет свою историю в том, что происходит в бытии). Эта невыразимая часть и наделяет все значением и весом в присутствии субъекта. В своем молчании человек не перестает иметь отношение к бытию.

Субъект имеет возможность обладать суждением, и через это суждение, в тот момент, когда оно совершено, бытие являет то, что остается невыразимым, – нераскрытость через раскрытость. Так появляется неязыковой компонент опыта постижения объекта. Само всеприсутствие суждения определяет трансцендентность эго по отношению к постигаемому. Человек не может абсолютно стать тем, что он постигает и о чем выносит суждение. Он может лишь быть бесконечно направлен на постигаемый объект суждения. Слово-знак не способно передать всю полноту опыта постижения. Но через слово-знак субъект обретает смысл постижения, и образуются референтные связи и субъект обретает контекст конкретной ситуации. Сущность объекта максимально может быть реализована для человека через понятие. Понятие становится пределами для сущности постигаемого объекта. Заключена ли сущность объекта только внутри понятия? Через понятие сущность объекта получает отражение себя, которое этой сущностью не является, но определяет познание объекта, задает для эго человека форму, в которой есть сам объект и возможное суждение о нем.

Сознание выступает в качестве отношения эго к постигаемому объекту. Слово осуществляет различие между тем, кто мы есть по отношению к объекту, и тем, что есть сущность объекта. Слово определяет полноту объекта, его цель и завершенность. Объект не может существовать, не являя себя нам в слове. Смысл постижения определяет контекст реальности субъекта, взаимосвязь с эго и образует смысловое отношение реальности к субъекту. Это

отношение и создает единство слова и субъекта, единство бытия и человека через слово. Смысл – это не сам объект и не субъективная составляющая слова, это именно отношение и взаимосвязь. Смысл образует единство бытия и слова внутри эго субъекта. Содержание слова всегда связано с другим содержанием. Это определяет отличие от ничто. Возникает соотношение с чем-то еще, на основе которого возникает внутренняя разница. Как бы появляется внутреннее измерение сущности (мера сущности). Содержание определяет возможность бытия объекта, его контекст и окружение. Так формируется онтологический контекст. Слово выступает как некая разница, которая является по отношению к ничто через суждение. Разница как мера того, что мы через опыт отделили от ничто. Если мы имеем дело с воображением, то мы создаем контекст ситуации и возможные связи между объектами в качестве потенциала. Слово выступает в качестве системы координат для постигаемого объекта с референтными связями по отношению к эго субъекта.

Выводы: В работе проведен анализ раскрытия опыта постижения объекта в слове. Рассмотрены отношение слова-знака к опыту постижения и зависимость формы слова от первичного чувственного опыта постижения. Исследовано значение опыта в отношении между «Я» и бытием, а также раскрытие опыта постижения объекта. Раскрыто соотношение онтологического контекста и эгологического горизонта, которые вместе функционируют как система, процесс существования которой влияет на потенциальную возможность ее изменения. Рассмотрен процесс формирования онтологического контекста через содержание слова. Существование субъекта (его существование в контексте себя самого) определено наличием разницы между «Я» субъекта и миром, бытием. Слово представлено как мера того, что субъект отделяет через полученный опыт постижения от ничто.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. III. – М.: Изд-во «Мысль», 2010. – 692 с.
2. Там же. Т. II. – М.: Изд-во «Мысль», 2010. – 634 с.

3. Спирова Э.М. Символ как понятие философской антропологии // Вопросы философии. – 2012. – № 3. – С. 91–100.

Поступила 04.06.2013 г.

UDC 130.122:8

WORD AS A SELF-DISCLOSURE AND REFERENCE EXPERIENCE IN OBJECT COMPREHENSION

M.A. Kornienko

Tomsk Polytechnic University
E-mail: mkornienko1@yandex.ru

The author analyses the process of self-disclosure of experience in object comprehension through a word. The paper considers the connection of a word as sign-logos with object comprehension experience. The determination of experience is given in comprehension of various objects. The sense of comprehension is determined. The result of the study is the analysis of word relation with the experience in comprehension as well as the impact of primary sense experience on a word form. The author has analyzed the experience value in relation of subject ego and genesis. The paper considers the interaction of ontological context and egological horizon and the phenomenon of extralinguistic component in subject comprehension experience. The role of understanding in regard to subject ego and comprehended object was determined. The author analyzed the influence of a word on ontological context. A word is determined as a coordinate system of the object comprehended with referent relations relative to subject ego. A word is represented as a difference which has been presented to nothing through thinking.

Key words:

Word, logos, sign, experience of comprehension, object, sense.

REFERENCES

1. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Encyclopedia of Philosophy]. Moscow, Mysl, 2010. Vol. III, 692 p.
2. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New encyclopedia of philosophy]. Moscow, Mysl, 2010. Vol. II, 634 p.
3. Spirova E.M. Simvol kak ponyatie filosofskoy antropologii [Symbol as a Concept of Philosophical Anthropology]. *Voprosy filosofii*, 2012, no. 3, pp. 91–100.

УДК 681.3.07

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ, СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ПРОБЛЕМЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ан.А. Корниенко, А.А. Корниенко, А.В. Корниенко

Томский политехнический университет
E-mail: anna_kornienko@mail.ru

Прослеживается история идеи искусственного интеллекта и существующие способы ее реализации. В качестве перспективного направления развития искусственного интеллекта отмечаются исследования на основе автоэпистемической логики. Искусственный интеллект рассматривается как система, имитирующая решение человеком сложных задач в процессе его жизнедеятельности. Представлена интеллектуальная традиция исследования искусственного интеллекта, берущая начало в «Физике» Аристотеля, «Диалогах» Платона; раскрыты предпосылки и основания теории искусственного интеллекта. В числе главных вопросов анализа сферы искусственного интеллекта и сферы его приложений рассмотрены структура символов и операций, посредством которых осуществляется интеллектуальное решение задачи, поиск стратегических ориентиров для тех решений, которые обусловлены определенными структурами символов и операций. Экспертные системы интерпретированы как разновидность интеллектуальных систем; обозначены различные способы представления знаний (логическая модель, фреймовые и продукционные системы, семантические сети), реализуемые в границах когнитивного направления исследования искусственного интеллекта. Утверждается, что представление знаний является методологией моделирования и формализации концептуальных знаний в сфере инженерии знаний.

Ключевые слова:

Искусственный интеллект, знание, метазнание, представление знаний, обработка знаний.

В 1969 г. в Вашингтоне была проведена первая международная объединенная конференция по проблемам компьютерных наук («computer science»), после которой обрел права и статус гражданства термин, в русскоязычной версии обозначенный как «искусственный интеллект». Спустя 10 лет в «Словаре по кибернетике» отмечалось,

что искусственный интеллект – это «искусственная система, имитирующая решение человеком сложных задач в процессе его жизнедеятельности», т. е. подчеркивался «вторичный» смысл принципов функционирования устройств, в которых реализованы принципы работы «разумных машин».

Богатейшая интеллектуальная традиция исследования искусственного интеллекта берет начало в «Физике» Аристотеля, увидевшего различие материи и формы. По сути своей это различие является философским базисом идей символического исчисления или абстракции данных. Близка к идеям искусственного интеллекта «Логика» Аристотеля, в которой интерпретирован тезис о том, что изучение мысли есть основа знания.

В сравнении с Платоном, Аристотель говорит о существовании нескольких видов душ, описывая некоторые в традиции функционализма. Аристотель первым обратился к законам «правильного» мышления, т. е. к процессам формирования неопровержимых доказательств, разработав неформализованную систему силлогизмов и используя силлогизмы в оформлении процедуры доказательства.

В проблемном поле философского знания были сформулированы идеи о том, что мозг напоминает машину, мозг использует закодированные знания; сама же мысль используется при выборе эффективных действий. Огромную роль в развитии сферы искусственного интеллекта сыграла математика. Математики создали средства, позволяющие манипулировать логически достоверными высказываниями (кроме того, и недостоверными вероятностными высказываниями). Математиками была заложена основа и теории алгоритмов.

Природа разума своеобразно интерпретирована и в «Диалогах» Платона. Так, в «Федоне» Платон отвергает идею разума-настройщика частей тела (подобный тезис в современной философии разума встречается в функционализме). Разум воплощается в бессмертной душе, – она нематериальна, отделена от тела; ее основа – иная субстанция.

Что касается практических выходов, упомянем Раймонда Луллия, в XIII в. выдвинувшего идею о том, что полезные рассуждения проводимы посредством механических артефактов. Затем Леонардо да Винчи в 1500 г. проектирует механический калькулятор, а спустя столетие с небольшим мир узнал о первой вычислительной машине Вильгельма Шиккарда, арифметической машине Блеза Паскаля и механическом устройстве Готфрида Вильгельма Лейбница, позволившем оперировать не числами, но понятиями. Разум начал интерпретироваться как физическая система.

Предпосылкой исследований по формальной аксиоматизации логических рассуждений (Г. Фреге, Б. Рассел, К. Гёдель, А. Тьюринг, А. Тарский) являются также идеи «мастера тех, кто знает» – Аристотеля. С именем Н. Коперника связана модель, интерпретирующая движение небесных тел, – завершилось «господство очевидности», сам же взгляд на мир предстал как функционально разнящийся с видимым. «Этот разрыв между человеческим разумом и окружающей его реальностью, – полагает Дж.Ф. Люгер, – принципиален для современной теории интеллекта и его организации» [1. С. 31]. Эту брешь научных наблюдений и «очевидных» знаний о мире сделал более очевидной Га-

лилей, превративший математику в инструмент познания мира.

Современные концепции мышления и разума во многом опираются на «Рассуждение о методе» Рене Декарта, где предпринята попытка отыскать основу реальности, используя методы когнитивной интроспекции. Именно идея дуализма разума и физического мира лежит в основе наследия Р. Декарта, в том числе и включая открытие аналитической геометрии [2].

В завершение рассуждения о предпосылках и основаниях теории искусственного интеллекта отметим то обстоятельство, что исследования Р. Декарта явились связующим звеном в формирующейся в течение многих веков интеллектуальной традиции исследования искусственного интеллекта, т. к. именно в работах Р. Декарта сформирован тезис: взаимодействие *res cogitans* и *res extensa* – разума и физического мира – является необходимым условием бытия; следовательно, нужно отыскать способ их воссоединения.

С появлением теории искусственного интеллекта была осознана важность специфичного для конкретной предметной сферы («domain specific») знания, так называемого экспертного знания. Дж.Ф. Люгер в монографии «Искусственный интеллект. Стратегии и методы решения сложных проблем» интерпретирует экспертное знание как сочетание теоретического понимания проблемы и набора эвристических правил для ее решения – правил, эффективность которых очевидна в конкретной предметной области [1. С. 45]. При этом знание, которым располагает эксперт, кодифицируется и приобретает форму, применяемую компьютером в решении подобных проблем. Методики многих современных экспертных систем, применяемых сегодня в сфере дизайна, научных исследований, образования, бизнеса, медицины были разработаны в рамках проектов DENDRAL, MYCIN, PROSPECTOR, INTERNIST, XCON и доказали свою жизнеспособность, обозначив создание экспертных систем в качестве доминирующей сферы практического применения искусственного интеллекта. Вместе с тем аналитики обращают внимание на недопустимость чрезмерного оптимизма в оценке потенциала технологий экспертных систем, что связано с ограниченностью знаний, которыми располагает экспертная система, с трудностями в передаче «глубинных» знаний той или иной предметной области, с недостатком гибкости, наконец, с неспособностью представлять осмысленные объяснения, с трудностями тестирования экспертных систем, с ограничениями обучения на опыте [3].

Дж.Ф. Люгер в монографии «Искусственный интеллект. Стратегии и методы решения сложных проблем» говорит о такой особенности интеллектуальной системы, как не просто знание предмета, но и знание о том, что она знает предмет. При этом знание описывается в конкретных и обобщенных терминах; интеллектуальная система, описывая знания, учится, взаимодействуя с миром. Анали-

тики эту «осведомленность о своих знаниях» причисляют к метазнанию, справедливо относя метазнание к более высокому уровню знания (впервые проблема специфики и формализации метазнаний была исследована Б. Расселом в теории логических типов).

Начиная с 1980 г. сфера искусственного интеллекта превращена в индустрию; в компании DEC (Digital Equipment Corporation) была применена коммерческая экспертная система R1. Уже в 80-е гг. крупные корпорации США имели в своем составе группы, ориентированные на применение и исследование искусственного интеллекта. В 1981 г. Япония обратилась к проекту создания компьютера пятого поколения. Проект был рассчитан на 10-летие – речь идет о разработках с использованием языка Prolog. В это же время в США возникает научно-исследовательский консорциум, ориентированный на идею обеспечения конкурентоспособности промышленности США. Идеи искусственного интеллекта были превращены в элемент данной стратегии, направленной на применение для проектирования микросхем и на исследование в сфере человеко-машинного интерфейса. И хотя амбициозные задачи не были в полной мере решены, именно в 80-е гг. ушедшего столетия сфера искусственного интеллекта была превращена в индустрию.

Сегодня тех, кто занят разработкой искусственного интеллекта, интересуют две наиболее фундаментальные проблемы – представление знаний (knowledge representation) и поиск (search). В случае представления знаний речь идет о получении знаний, новых по своей сути, посредством обращения к возможностям формального языка, используемого в процессе компьютерных манипуляций. В случае поиска речь идет о таком методе решения проблемы, в котором просматривается пространство состояний задачи («problem states» – понятие, отражающее стадии решения задачи, согласно Дж.Ф. Люгеру [1. С. 42]). В числе главных вопросов анализа сферы искусственного интеллекта и сферы его приложений – структура символов и операций, посредством которых осуществляется интеллектуальное решение задачи; поиск стратегических ориентиров для тех решений, которые обусловлены определенными структурами символов и операций. Именно вопросы представления знания и поиска составляют базисный блок исследований в проблемном поле искусственного интеллекта.

Обработка массивов знаний представляет собой сегодня доминирующую парадигму интеллектуальных технологий. Интеллектуальными же системами принято называть те системы, доминирующим основанием которых является база знаний или модель предметной области, описанная на языке сверхвысокого уровня, приближенном к естественному [1. С. 37]. Сталкиваясь с проблемами высокого уровня сложности (интерпретация естественного языка, поддержка принятия слож-

ных решений, интерпретация визуального сообщения), человек прибегает к помощи интеллектуальных систем. Последние нужны и в ситуации использования слабоформализованных знаний специалистов, практический опыт которых достаточно велик, а порой и бесценен. Видом интеллектуальных систем являются экспертные системы. Экспертные системы эффективны в сферах, где накоплен огромный опыт высококвалифицированных специалистов множества предметных областей: в этих сферах принятие сложного решения зависит от экспертизы; сами же сферы приобрели статус «экспертных сфер».

Интеллектуальные системы, разновидностью которых и выступают экспертные системы, основанные на знании, условно делятся на экспертные системы, решающие различные классы задач. Среди класса задач анализа (в них множество решений можно перечислить и включить в систему) – интерпретация данных, диагностика, поддержка принятия решений. Среди класса задач синтеза (в них множество решений невозможно перечислить, множество решений исходит из решений подпроблем) – проектирование, планирование, управление. В диапазоне задач, решаемых посредством экспертных систем, следует назвать и задачи комбинированного класса, такие как задачи обучения, прогнозирования и мониторинга, на базе которого только и возможна полнота прогноза, в котором используется параметрическая динамическая модель [3].

Хотелось бы подчеркнуть, что процесс разработки экспертных систем сопряжен с двоякого рода сложностями – это сложности извлечения и сложности структурирования знаний, извлечения и формализации знаний, что изучается в проблемном поле инженерии знаний (knowledge engineering) как направление искусственного интеллекта. Целью этого направления является разработка моделей, методов и систем получения, структурирования и формализации знаний специалистов для проектирования баз знаний. Мы принимаем точку зрения тех аналитиков, которые считают, что инженерия знаний дважды гносеологична (такова позиция А.П. Частикова, Т.А. Гавриловой, Д.Л. Белова) благодаря тройной интерпретации: *во-первых*, сначала действительность отражается в сознании эксперта; *во-вторых*, опыт эксперта интерпретируется инженером по знаниям; и, *в-третьих*, можно говорить о такой интерпретации, как интерпретация в поле знаний самой экспертной системы (поле знаний – это условное неформальное описание понятий предметной области, выявленных из системы знаний эксперта [4]).

Становление знания в статусе доминирующего ресурса общества, новые формы знаний, процесс становления которых происходит в обществе знания, – все это с необходимостью естественного процесса требует новых форм представления знаний, а также создания разнообразных моделей представления знаний. Во многом это обусловлено тем,

что в 70-е гг. XX в. из предметной сферы искусственного интеллекта выделилось направление, связанное с созданием экспертных систем. Последнее вызвано необходимостью создания экспертных систем, которые можно было бы применить при решении задач экспертной оценки. Важность и сложность проблемы во многом определена структурой знания, которая, в свою очередь, определяется сферой применения этого знания. Эта структура состоит из фактов обозначенной предметной сферы, из связи этих фактов, правил действий; кроме того, в этой структуре должны быть учтены и те знания, на которых строится и способ включения знания в саму экспертную систему.

Сегодня специалисты говорят о различных способах представления знаний. К числу последних относятся логическая модель, фреймовые и продукционные системы, а также семантические сети. Это наиболее типичные модели представления знаний, реализуемые в пределах когнитивного направления исследования искусственного интеллекта. В пределах логического направления осуществляется анализ теоретических методов представления знаний. Например, была создана модель представления знаний, основанная на логике предикатов первого порядка. Что касается других методов представления знаний, они базируются на математической формализации. Обозначенные способы представления знаний соотносятся с определенной структурой знаний. Примечательно, что сегодня уже существуют и модели представления знаний, в которых вышеуказанные способы представлены интегративно.

Системы представления знаний имеют особенность: именно эти системы моделируют деятельность человека, которая осуществляется в неформальном виде. Сами модели представления знаний ориентированы на ту информацию, которая идет от экспертов; эта информация подчас носит противоречивый характер, но в итоге специфика ее применения требует, чтобы подобного рода информация была представлена в однозначном, формализованном виде. Последнего можно добиться посредством обращения к идеям многозначной логики, идеям теории нечетких множеств; наконец, благодаря использованию аналитических математических моделей.

Сегодня можно утверждать, что представление знаний по своему статусу является методологией моделирования и формализации концептуальных знаний в сфере инженерии знаний. Многие аналитики, – такова, к примеру, позиция японских исследователей Уэно Харуки и Изидзуки Мицуру, – историю исследований в сфере искусственного интеллекта (исключая ранние этапы) рассматривают как историю исследований и интерпретации методов представления знаний. Использование знаний представлено при этом как технология вывода, как получение (вывод) решения в соответствии с формой представления знаний. База знаний как неотъемлемая часть базирующихся на знании систем

включает не только описание знаний, но и механизмы вывода, в котором эти знания применены [5].

Одной из типичных моделей представления знаний (в рамках когнитивного направления исследования искусственного интеллекта) является модель, основанная на использовании фреймов (от англ. frame – «каркас», «рамка»). Фрейм – это абстрактный образ для представления стереотипа объекта, понятия или ситуации; обобщенная и упрощенная модель или структура. В чем состоит специфика представления знаний фреймами? О теории фреймов и ее гносеологическом потенциале исследующие искусственный интеллект заговорили в 1975 г.: именно в 1975 г. М. Минский изложил теорию фреймов – дал понятие базовой структуры представления знаний фреймами и управления выводом, рассмотрел специфику универсального фреймового языка. Фреймы были интерпретированы как сравнительно большие единицы представления знаний, была раскрыта их иерархическая структура, учитывающая степень абстракции; были проанализированы и возможности представления комбинации декларативных и процедурных знаний. Сам же М. Минский в работе «Фреймы для представления знаний» суть теории фреймов интерпретировал следующим образом: попадая в новую ситуацию, радикально меняя свое отношение к текущим обстоятельствам, человек вызывает из памяти структуру-фрейм. Фрейм являет собой единицу представления знания, заполненную в прошлом. Однако ее детали можно изменить, ориентируясь на происходящую ситуацию. Фрейм представляет собой сеть, состоящую из нескольких вершин и отношений: фиксированная информация об истинном состоянии объекта, а также терминальные слоты (терминалы), которые следует заполнить конкретными знаниями и данными [6].

Как отмечал сам Марвин Минский, теория фреймов должна быть отнесена к теории постановки задач. В ее основу положено восприятие фактов посредством сопоставления получаемой информации с конкретными элементами и значениями, а также с рамками, определенными для каждого концептуального объекта в нашей памяти. Представляющая эти рамки структура и есть фрейм. И так как между концептуальными объектами есть аналогии, то возникает иерархическая структура, обладающая классификационными и обобщающими свойствами. Она являет собой иерархическую структуру отношений формы «абстрактное – конкретное». Сложные объекты – комбинация нескольких фреймов, это фреймовая сеть. Сам же фрейм – это один из способов организации знаний при создании экспертных систем [6].

Сегодня можно утверждать, что важнейшими проблемами, связанными с эпистемологическими принципами организации интеллекта в качестве физической системы, остаются такие проблемы, как проблема представления, проблема природы интерпретации (значение символа можно понять только в контексте интерпретации), проблема нео-

пределенности представлений, наконец, проблемы, связанные с ограничениями метода, проблемы символического обоснования в нейронных сетях. Перечисленные и им подобные проблемы требуют пристального внимания для дальнейшего развития искусственного интеллекта; они важны и все еще открыты. Изобретение цифрового компьютера ознаменовало рождение науки когнитологии (cognitive science), иначе называемой теорией интеллектуальных систем (science of intelligent systems). Предпосылки для ее возникновения создали Аристотель, Р. Декарт, Дж. Буль, создатели нейросетевых моделей А. Тьюринг, У. МакКаллок, У. Питтс, а кроме того, Дж. Фон Нейман, предложивший концепцию искусственной жизни. Их исследования создали науку тогда, когда появилась экспериментальная база – компьютеры. И основной вопрос сегодня – может ли теория интеллектуальных систем помочь в создании искусственного разума?

В заключение приведем слова А. Ньюэлла и Х.А. Саймона из лекции, прочитанной в 1976 г. по случаю вручения премии Тьюринга: исследователи определяют теорию вычислительных систем как эмпирическую дисциплину и утверждают, что ее можно было бы назвать «экспериментальной наукой, но, подобно астрономии, экономике и геологии, некоторые из ее оригинальных форм испытаний и наблюдений невозможно втиснуть в узкий стереотип экспериментального метода. Тем не менее, это эксперименты. Конструирование каждого нового компьютера – это эксперимент. Сам факт создания машины ставит вопрос перед природой; и мы получаем ответ на него, наблюдая за машиной в действии, анализируя ее всеми доступными способами. Каждая новая программа – это эксперимент. Она ставит вопрос природе, и ее поведение дает нам ключи к разгадке. Ни машины, ни программы не являются «черными ящиками», это творения на-

ших рук, спроектированные как аппаратно, так и программно; мы можем снять крышку и заглянуть внутрь. Мы можем соотнести их структуру с поведением и извлечь множество уроков из одного-единственного эксперимента» [1. С. 779].

Дж.Ф. Люгер полагает, что если попробовать довести исследования искусственного интеллекта до уровня науки, превратив их в составную часть теории интеллектуальных систем (science of intelligent systems), то процесс конструирования, использования и анализа артефактов потребует использования эмпирических и аналитических методов. И здесь к любой программе искусственного интеллекта предстоит отнестись как к эксперименту. «Отклик природы, – пишет Дж.Ф. Люгер, – на заложенные конструкторские и программные принципы формирует наше понимание формализма, закономерностей и самой сути мышления» [1. С. 780]. Ответ на последний вопрос находится в проблемном горизонте философии, как находящаяся в нем и другие, сопряженные с идеей искусственного интеллекта философские вопросы: Что такое интеллект? Возможно ли его формализовать и как вписать его в контекст теории интеллектуальных систем? Какова роль искусственного интеллекта в изучении природы и феномена разумного? В чем заключены этические последствия разработки интеллектуальных машин? Какова, наконец, когнитивная архитектура мозга человека?

Одним из перспективных направлений поисков ответов на поставленные вопросы являются исследования, основанные на использовании автоэпистемической логики (autoepistemic logic [1. С. 330]). Такие системы обладают способностью автоматически формировать понятия для экспертных систем [7], что открывает возможность этим системам осуществлять такую важнейшую познавательную операцию, как обобщение – центральную операцию всего процесса познания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Люгер Дж.Ф. Искусственный интеллект. Стратегии и методы решения сложных проблем. – М.; СПб.; Киев: Изд. дом «Вильямс», 2005. – 863 с.
2. Декарт Р. Рассуждение о методе. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 656 с.
3. Стюарт Р., Питер Н. Искусственный интеллект. Современный подход. – М.; СПб.; Киев: Изд. дом «Вильямс», 2006. – 1408 с.
4. Частиков А.П., Гаврилова Т.А., Белов Д.Л. Разработка экспертных систем. – СПб.: Изд-во «БХВ-Петербург», 2003. – 608 с.
5. Уэно Х., Кояма Т., Окамото Т., Мацуби Б., Исидзука М. Представление и использование знаний / пер. с япон.; под ред. Х.Уэно, М.Исидзука. – М.: Изд-во «Мир», 1989. – 220 с.
6. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О.Н. Гринбаума; под ред. Ф.М. Кулакова. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.
7. Ларионов Д.С. Использование модальной логики для проектирования оболочек экспертных систем // Известия Томского политехнического университета. – 2005. – Т. 308. – № 4. – С. 173–177.

Поступила 01.09.2013 г.

ON PHILOSOPHICAL PREMISES, STATE AND PERSPECTIVES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE PROBLEM RESEARCH

Anna A. Kornienko, Alla A. Kornienko, Anatoly V. Kornienko

Tomsk polytechnic university
E-mail: anna_kornienko@mail.ru

The history of idea of artificial intelligence and the ways of its implementation are observed in the paper. The authors select researches based on autoepistemic logic as a perspective line of development of artificial intelligence. Artificial intelligence (AI) is considered as a system that imitates the process of decision making by a man, when a man solves complex tasks. The paper introduces the intellectual tradition of artificial intelligence: this tradition goes back to the Aristotle's «Physics» and Plato's «Dialogs». The premises and grounds for the artificial intelligence theory are disclosed as well. The structure of symbols and operations are considered as basic questions of analysis of artificial intelligence and AI applications. Expert systems are interpreted as a variety of intelligence system. Different methods of knowledge representation (logical model, frame systems and production systems, semantic networks) are designated in the article. These methods are realized within the scope of a cognitive trend of AI investigation. The authors assert that knowledge representation is a methodology of modeling and formalization of conceptual knowledge in the sphere of knowledge engineering.

Key words:

Artificial intelligence, knowledge, meta-knowledge, knowledge representation, knowledge processing.

REFERENCES

1. Lyuger. D.F. *Iskusstvenny intellekt. Strategii i metody resheniya slozhnykh problem* [Artificial Intelligence: Structures and Strategies for Complex Problem Solving]. Moscow; St. Petersburg; Kiev, Williams Publ. House, 2005. 863 p.
2. Dekart R. *Rassuzhdenie o metode* [Discourse about the Method]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1953. 656 p.
3. Styuart R., Piter N. *Iskusstvenny intellekt. Sovremenny podkhod* [Artificial Intelligence: Modern Approach]. Moscow; St. Petersburg; Kiev, Williams Publ. House, 2006. 1408 p.
4. Chastikov A.P., Gavrilova T.A., Belov D.L. *Razrabotka ekspertnykh sistem* [Development of Expert Systems]. St. Petersburg, BHV-Petersburg Publ. House, 2003. 608 p.
5. Ueno Kh., Koyama T., Okamoto T., Macubi B., Isidzuka M. *Predstavlenie i ispolzovanie znaniy* [Knowledge Representation and Using]. Moscow, World Publ. House, 1989. 220 p.
6. Minskiy M. *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [A Framework for Representing Knowledge]. Moscow, Energy, 1979. 151 p.
7. Larionov D.S. *Ispolzovanie modalnoy logiki dlya proektirovaniya obolochek ekspertnykh system* [Modal Logic Implementation Aimed at Projection of Expert Systems Shells]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2005, vol. 308, no. 4, pp. 173–177.

УДК 338.48

ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЕРВИСА КАК СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Л.И. Донскова, М.В. Удальцова*

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, Барнаул

*Новосибирский государственный университет экономики и управления

E-mail: donsokoval@yandex.ru

Статья раскрывает авторский подход к оценке эффективности социальной системы «сервис», которая характеризуется многообразными отношениями с окружающей средой и внутренними процессами, обусловленными взаимодействием акторов.

Цель работы: сформировать комплексный подход к оценке эффективности системы «сервис» с учетом социальных отношений и внутренних процессов, характеризующихся общественными изменениями в нашей стране.

Методы исследования: в основе исследования использовался системный подход, в котором отражаются положения теории систем и социологических теорий среднего уровня, а также количественные и качественные методы, статистические методы оценки.

Результаты: система «сервис» представлена как многоуровневый и многоаспектный социальный объект; обоснована оценка эффективности именно на микроуровне (сервисной организации). Сформирован комплексный подход к оценке эффективности сервиса как социальной системы, в котором учитываются особенности взаимодействия акторов, а также процессы функционирования и развития системы. Эффективность системы предлагается оценить интегрированным показателем, количественными и качественными показателями, при доминировании показателя «уровень удовлетворенности человека».

Ключевые слова:

Сервис, социальная система, социальная эффективность, интегрированный показатель, комплексный подход.

Рассматривая сервис как многогранное и многоаспектное явление в жизнедеятельности человека и общества в целом, можно представить его как систему, обеспечивающую удовлетворение разнообразных потребностей человека (групп, общностей) и создание необходимых условий для жизнедеятельности населения. Центральным звеном сервиса является услуга.

Сервис, с одной стороны, развивается под влиянием природных, социальных, научно-технических, политических и культурных факторов, с другой, детерминирован развитием человека, его потребностями, ценностными ориентациями и установками. Как системное явление сервис характеризуется определенной целостностью, одинаковой сущностью и общими чертами.

С точки зрения системного подхода сервис как социальная система взаимодействует со своим окружением, характеризуется внутренней средой и многообразными связями и процессами, которые включают коммуникации, насыщенные межличностными отношениями. В системе «сервис» выделим два основных типа связей: между общественной системой в целом и системой «сервис» и внутренние взаимосвязи: социальная структура, социальное взаимодействие, культура, коммуникации, характер, тип личности и т. д. [1]. Главным звеном сервиса как системы выделена так называемая подсистема «взаимодействие акторов». Так как в процессе обслуживания обмен информацией между акторами характеризует активный двусторонний обмен и согласование мнений, то устанавливаются этические принципы поведения, что приводит к взаимодействию с системой «сервис» и способствует коммуникациям в широком смысле.

В России под влиянием социально-культурных трансформаций в обществе возникают противоречия ценностей и несовпадение интересов, что при-

водит к многообразию жизненных стилей, представлений, а также культурных форм с преобладанием ориентации на индивидуальную-личностные нормы поведения и деятельности. Противоречия в обществе обуславливают тенденцию дифференциации как внутри общества в целом, так и в отдельных социальных и общественных группах. Данные изменения отражаются в сфере труда и системе социально-трудовых отношений, в семейно-бытовой сфере, а также в соотношении уровня жизни россиян, доступности и структуре потребления услуг.

Специфика сервиса в России характеризуется изменением общего объема потребления услуг одновременно с его глубокой дифференциацией по регионам и территории проживания. Можно сказать, что условия оказания услуг дифференцированы по времени, месту, сроку и методам организации. Основными факторами, воздействующими на объемы и структуру потребления услуг населением, являются место проживания, материальные возможности, состав семьи, здоровье, возраст, профессия и жизненный стиль. В сервисе формируется тенденция индивидуального потребления, а также повышаются требования относительно качества, уровня сервиса, культуры обслуживания.

Поэтому актуально исследование не только сервиса как общественной системы, но и обоснованной организации и управления сервисом. Особое внимание для науки и практики управления в сервисе должно быть уделено оценке показателей эффективности, не только экономической, но и социальной, отражающей многоаспектные и многоуровневые отношения в обслуживающей деятельности. Разработка новой системы показателей социальной эффективности в сервисе обусловлена общественными изменениями, противоречием и многообразием ценностных ориентаций человека в российском обществе.

Актуальность темы подчеркивается отсутствием достаточно серьезных научно-практических разработок вопросов эффективности социальных систем и управления системами в современной науке.

Эффективность – многоплановое и сложное явление. Анализ работ научного и методического плана, посвященных данной теме, показывает, что в самом общем виде эффективность является характеристикой протекания любого процесса. Эффективность выражает социальную, экономическую, экологическую и иную результативность, или степень достижения поставленной цели [2–4]. В связи с этим ее следует понимать как соотношение результата и целей либо результата и затрат на его получение.

Рассмотрим, прежде всего, целевой подход, который позволяет выделить экономическую и социальную эффективность. Суть экономической эффективности отражает выражение производственных отношений между участниками производства по поводу создания его результата с минимальными затратами живого и прошлого труда [5]. В данном случае, если ресурсы, затраченные на содержание системы, можно измерить, то положительный экономический эффект возможен только условно. К тому же он может быть не только прямым, но и косвенным.

Эффективность как социальная категория характеризует степень удовлетворения установленных (выявленных) потребностей общества за счет производства и реализации разнообразных товаров и услуг.

В широком смысле обобщающим показателем социальной эффективности может быть удовлетворение потребностей людей. Частными показателями являются: своевременное выполнение заказа; полнота его выполнения и др. К примеру, применительно к социальной работе П.Д. Павленок определяет эффективность как максимально возможное в данных условиях достижение целей по удовлетворению социальных потребностей населения (клиента) при оптимальных затратах [4].

К количественным показателям относится статистика, т. е. число обслуженных людей (клиентов, посетителей, студентов-выпускников, вылеченных пациентов и др.). Такие показатели в основном оценивают «выход» системы. Относительными показателями (отношение «выхода» к «входу») можно считать показатели эффективности использования ресурсов (производительность). Эти показатели взаимосвязаны, к примеру, увеличение объемов обслуживания в дальнейшем повлияет на статус организации, ее рост, положение сотрудников, что отразится на повышении сотрудников в должности и их роли в организации.

В итоге эффективность системы «сервис» можно охарактеризовать как способность надежно обеспечивать удовлетворение общественных потребностей при оптимальных экономических затратах и социальных издержках.

Представим систему «сервис», структурированную по различным признакам, и выявим в ней связи и отношения. Рассмотрим виды сервиса по разным признакам: функциональному назначению (сферам общественной жизни) и степени общности.

Рассмотрим классификацию системы «сервис» по функциональному назначению, а также показатель эффективности. Исходя из деления сфер общественной жизни на экономическую, политическую, социальную, духовную, семейно-бытовую, можно выявить соответствующие подсистемы сервиса. Система «сервис» по функциональному назначению включает услуги в следующих сферах: экономической (деловые, риэлтерские, по подбору персонала, аудиторские, бухгалтерские, финансовые, транспортные, торговые, научные и др.); политической (услуги безопасности, правоохранительные, правовые, юридические, управленческие и др.); социальной (лечебные, образовательные, воспитательные, оздоровительные); духовной (культурные, познавательные, воспитательные, образовательные, информационные, развлекательные, туристические); семейно-бытовой (жилищно-коммунальные, бытовые, парикмахерские, услуги бань, прачечных, химчистки и др.).

Основные цели подсистем сервиса – это повышение уровня образования, улучшение здоровья, создание нормальных условий жизнедеятельности и т. д.

В каждой сфере общественной жизни выделяется специфическая эффективность, а именно: медицинская, образовательная, воспитательная и др. Эффективность в медицине – это приближение состояния здоровья пациента после проведенного лечения к норме; в педагогике – достаточно высокий уровень усвоения личностью требований и норм общества, следования им. Рассматривая сервис как многоаспектную систему, включающую функциональные подсистемы, проблематично подойти к единым критериям и показателям его эффективности.

Рассмотрим классификацию системы «сервис» по степени общности, т. е. представим двухуровневую модель социальной системы (макро- и микроуровень).

Первый уровень – макросистема «сервис» высшего порядка является подсистемой общества, включает в себя функциональные подсистемы по сферам общественной жизни, имеющие в каком-то смысле подчиненный характер. При анализе сервиса как системы по функциональному назначению подсистемы также являются неделимыми модулями данной системы.

Второй уровень – микросистема «сервис». Сервис на втором уровне – это социальные организации. Сервисная организация представляет собой систему взаимодействующих частей, функционирующих для достижения целей всей организации, т. е. предоставление услуг населению. Система сервисных организаций на этом уровне также неодно-

родна. По функциональному назначению сервисные организации охватывает десятки видов производств различной специализации: лечебные учреждения, образовательные, транспортные, связи, финансовые организации и банки, юридические компании, гостиницы, туристские фирмы, санаторно-оздоровительные организации и т. д. Многообразие целей и задач данных организаций подразделяется на классы (или виды), каждый из которых объединяет организации, однородные по тому или иному критерию.

Смысл социальной эффективности сервиса заключается в удовлетворении потребностей общества и личности, обеспечении устойчивости ее развития (обеспечение их жильем, услугами здравоохранения, образования), с учетом ценностных ориентаций и стереотипов поведения.

В самом общем виде цель системы «сервис» на макроуровне – это преодоление социальных девиаций, или стабилизация негативных тенденций социального здоровья общества и его постепенное улучшение. Чтобы выделить индикаторы, необходимо определить конкретный вклад работников сервиса в преодоление девиаций и проблем общества. Однако их решение во многом будет зависеть от характера проведения социально-экономических реформ в стране и осуществления социальной политики. На основании каких показателей можно судить об эффективности деятельности специалистов по социальной работе, учителей, работников МВД, служащих государственного и местного самоуправления. Эта проблема, как известно, является общенациональной, межведомственной.

Анализ литературы показывает, что критерии и показатели оценки эффективности на макроуровне могут применяться в социальной работе только теоретически (на уровне государства) [3]. Социальное обслуживание – только составная часть системы обслуживания населения в стране.

Итак, сервис – это сложноструктурированный объект. Его основные черты: разнообразие по функциям, открытость внешней среде, большое количество внешних связей и разнообразных внутренних процессов, высокая зависимость результатов от территориального расположения, уровня жизни населения и многообразия жизненных стилей. В оценке эффективности системы «сервис» проблематично подойти к единым критериям и показателям. Если здесь и можно в будущем выявить единые параметры оценки эффективности разных видов сервиса, то оценить деятельность системы «сервис» в целом достаточно проблематично в условиях разнородности его задач.

Более точные способы оценки эффективности работы в сервисе должны учитывать факторы и обстоятельства деятельности людей и их поведения в обслуживающей деятельности, отражая многоаспектные отношения. Причинно-следственные связи возникают не только между итогами работы и затратами ресурсов, но и между поведением людей и их настроением.

Проблемы оценки эффективности сервиса аналогичны проблемам оценки эффективности общества в целом. В этом случае логику наших рассуждений подтверждает то, что эффективность – сложный феномен, который складывается из цели, результата, затрат, общепринятых норм (или идеалов) [4].

Необходим анализ эффективности системы «сервис» с точки зрения соответствия ее целей нормативным идеалам и ценностным нормам, принятым обществом на определенном этапе своего развития. Замеру в данном случае подлежат иерархия ценностных ориентаций, мотивации конкретных социальных действий, предпочтения определенной личности или конкретных социальных групп/общностей.

Ключевым способом повышения потенциала сервиса и, соответственно, социальной эффективности как результата использования этого потенциала является создание эффективной системы норм и правил, проясняющих социальные взаимодействия акторов и их отношения. В сервисе вопросы эффективности затрагивают многоаспектные и многообразные отношения между акторами и их поведением в совместной деятельности. Более того, измеряя уровень расхождения удовлетворенности всех акторов, возможно предсказать динамику их поведения, имеющую социальную и экономическую значимость для системы и общества в целом.

В оценке эффективности сервиса большое значение имеет микроуровень, так как касается непосредственно обслуживания на уровне клиента. К примеру, рассчитанные критерии и показатели эффективности характеризуют отдельных специалистов в обслуживающей деятельности, прежде всего контактных работников. С их помощью можно повышать уровень профессионализма специалистов путем формирования позитивной мотивации профессиональной деятельности. Также они нужны для защиты клиентов, исключения или смягчения различного рода отклонений в обслуживании населения.

Критерии эффективности сервиса носят комплексный характер, поэтому представляется целесообразным перейти к совмещению взаимодополняющих подходов к разработке критериев и показателей эффективности сервиса. Сочетание теории систем, особенностей процесса взаимодействия акторов, процессов функционирования и развития позволяет комплексно оценить систему «сервис», независимо от уровня и функционального назначения.

Раскрывая обслуживающую деятельность как целеинструментальную и социокультурную, эффективность сервиса мы можем оценить по двум направлениям:

- как результат – сопоставление результата с затраченными ресурсами (количественные показатели, социальные показатели, статистика);
- как процесс – степень достижения целей (показатели отражают сравнение результата и полезного эффекта), т. е. удовлетворенность услугами, ее соответствие потребностям, ценностным

Рис. 1. Формирование показателей эффективности процесса взаимодействия акторов в сервисе

ориентациям и ожиданиям клиентов (качественные показатели) [1].

Общим результатом целеинструментальной и социально-культурной деятельности будет удовлетворение/неудовлетворение человека, которое оценивается по объективным и субъективным признакам, т. е. количественными и качественными показателям (рис. 1).

Конечными признаками процесса взаимодействия можно считать ориентацию на содержание или результат, а показателем той или иной ориентации – состояние удовлетворенности/неудовлетворенности какими-то сторонами подсистемы взаимодействия. Степень удовлетворенности потребителей является критерием оценки качества деятельности сервиса.

Человеку во время взаимодействия важно не только то, что он получает в результате, но и то, как этот процесс происходит. Исследования свидетельствуют о том, что некоторые индивиды отдают предпочтение результатам, относящимся к средствам (элементам процессов в системах), в то время как другие предпочитают результаты, относящиеся к конечным факторам (элементы выпуска продукции в системе). Каждый из этих показателей несет и количественную, и качественную информацию, которая является основой оценки эффективности сервиса и формирования решений ее повышения.

Эти показатели можно конкретизировать следующим образом:

- количественные: время ожидания услуги; время предоставления услуги; характеристики оборудования, инструментов, материалов; полнота услуги;
- качественные: репутация организации, знания (осведомленность о нуждах клиентов); компетентность и мастерство исполнителя услуги;

доступность персонала; эффективность коммуникации исполнителя и потребителя, реакция сотрудников (желание и способность быстро предоставлять услугу), обходительность, вежливость, чуткость персонала; доверие к персоналу; надежность, безопасность; эстетика интерьера, комфортность условий обслуживания.

В современных условиях вопросы эффективности в сервисе затрагивают многоаспектные и многообразные отношения. В литературе по бизнесу, здравоохранению, управлению, государственному управлению, образованию наряду с показателями результативности и эффективности качество обсуждается чаще других критериев эффективности. Развитие и функционирование современных организаций неразрывно связаны с проблемой обеспечения качества их работы, независимо от того, к какому сектору относится сервис (бизнес-сектор, бюджетный или некоммерческий).

При определении эффективности функционирования системы «сервис» качество приобретает особое значение, а степень удовлетворения индивида признается важнейшим критерием контроля качества обслуживания. Причем показатели оценки и суждения о качестве исходят от самих индивидов. Когда человек оценивает качество услуги, он сравнивает некоторые фактические параметры качества с ожидаемыми величинами. Если эти ожидания совпадают, то качество услуги признается хорошим или удовлетворительным. При этом ожидания индивида строятся на таких ключевых факторах, как личные потребности и интересы, прошлый опыт, внешние коммуникации, межличностные коммуникации, включая оценки близких людей и даже слухи. Величина расхождения между ожидаемым и фактическим исполнением услуги свидетельствует о степени эффективности работы конкретной сервисной организации.

Итак, степень удовлетворенности считается критерием оценки качества деятельности конкретной сервисной организации. Качество – это интегральный показатель, характеризующий материально-техническое оснащение, окружающую обстановку, поведение сотрудников и многое другое.

С введением параметра «время» в структуре эффективности выделим статические и динамические аспекты, которые позволяют охарактеризовать процессы функционирования и развития.

Способность сервиса перераспределять ресурсы с одного вида деятельности на другой с учетом изменения факторов и конкретного индивида выражается в показателе «гибкость». Выделим два аспекта гибкости, влияющие на эффективность сервиса: *во-первых*, это способность сервиса реагировать на изменения запросов, потребностей, пожеланий каждого индивида, т. е. учитывать структуру потребностей человека (группы, общества); *во-вторых*, способность реагировать на изменения внешней среды (социальной, технической). Достижение данного показателя предполагает наличие гибкой технологии, гибкой системы управления, гибкой системы вознаграждения, гибкой структуры управления.

Развитие отражает стремление меняться как под влиянием внешних обстоятельств, так и под давлением внутренних факторов.

Суть развития может быть представлена, прежде всего, внедрением инноваций, новой технологии и ее совершенствованием, проведением исследовательских программ. К этому можно отнести: программы обучения и развития управленческого и обслуживающего персонала, новые технологии на базе компьютеризации и роботизации, а также подготовку работников, способных применять эти технологии.

Развитие системы «сервис» осуществляется как количественно, так и качественно. При количественном развитии происходит простое воспроизводство существующих элементов и объектов системы. После определенного накопления количественных изменений в системе возникает потребность в качественном развитии, в переходе на новый уровень. Например, когда определенные услуги перестают соответствовать потребностям человека, то либо возникает остановка в развитии данного сервиса, либо с помощью внедрения нововведений, ноу-хау, инноваций начинается новый этап в развитии системы.

Систему показателей эффективности можно дополнить другими характеристиками в зависимости от целей, степени детализации и глубины анализа. Критерии дополняются количественными характеристиками, которые должны удовлетворять не только акторов как участников обслуживающего процесса, но и субъекта управления уровня структуры системы «сервис». В этом случае можно предложить следующие показатели: наличие надежных партнеров; существование группы постоянных клиентов; принадлежность к корпора-

тивно-общественным организациям; участие в общественных и государственных программах, социальных проектах; репутация; текучесть кадров; число жалоб и судебных разбирательств и др.

Таким образом, рассмотрение показателей эффективности системы в рамках данного подхода включает комплексную оценку эффективности системы «сервис». На основе количественной и качественной информации определяют социальное отклонение. В зависимости от социальных отклонений и уровня удовлетворенности акторов можно выделить три уровня эффективности системы «сервис»: низкая, средняя, высокая.

Для реализации на практике оценки эффективности системы «сервис» составлена программа исследования. Сбор первичной информации осуществлялся на примере сервисной организации гостиничного типа (анкетирование потребителей услуг) [6]. Основной задачей программы является оценка уровня эффективности сервиса и разработка технологии управленческой деятельности.

Уровень эффективности функционирования сервисной организации на основе уровня удовлетворенности (индекс удовлетворенности) включает сравнение ожидаемых и фактических характеристик обслуживания. На основе критерия «удовлетворенности потребителей» выделены три уровня эффективности организации: высокий, средний, низкий.

По результатам оценки эффективности сервисной организации разработана технология управленческой деятельности. Разные формы социального контроля: прямое и косвенное воздействие, а также через систему ценностей и совокупное применение методов управления: социальных, административных, экономических, социально-психологических, на процесс взаимодействия акторов обеспечит комплексный подход к управлению. Совокупное воздействие на отношения между акторами (участниками обслуживающего процесса) через формирование системы ценностей, образцов поведения, норм и правил составляет сущность социологии управления в сервисе. Для достижения максимальной эффективности, помимо принципов социального управления, важно применять принципы комплексности и специфичности.

Для более глубокого анализа показателей удовлетворенности индивида и качества обслуживания используется матрица «соотношение качество/удовлетворенность». Рассчитаны относительные коэффициенты для элементов (четырнадцати) дерева качества гостиничной услуги и построена матрица (рис. 2).

Относительные коэффициенты распределяют по двум осям, одна из которых соответствует коэффициенту качества (K_{ki}), другая – коэффициенту удовлетворенности ($K_{удi}$) (рис. 2). Большое отклонение оценок означает, что респонденты по-разному оценивают качество и удовлетворенность. В качестве точки пересечения выбираем оптимальный результат, когда относительные коэффициенты

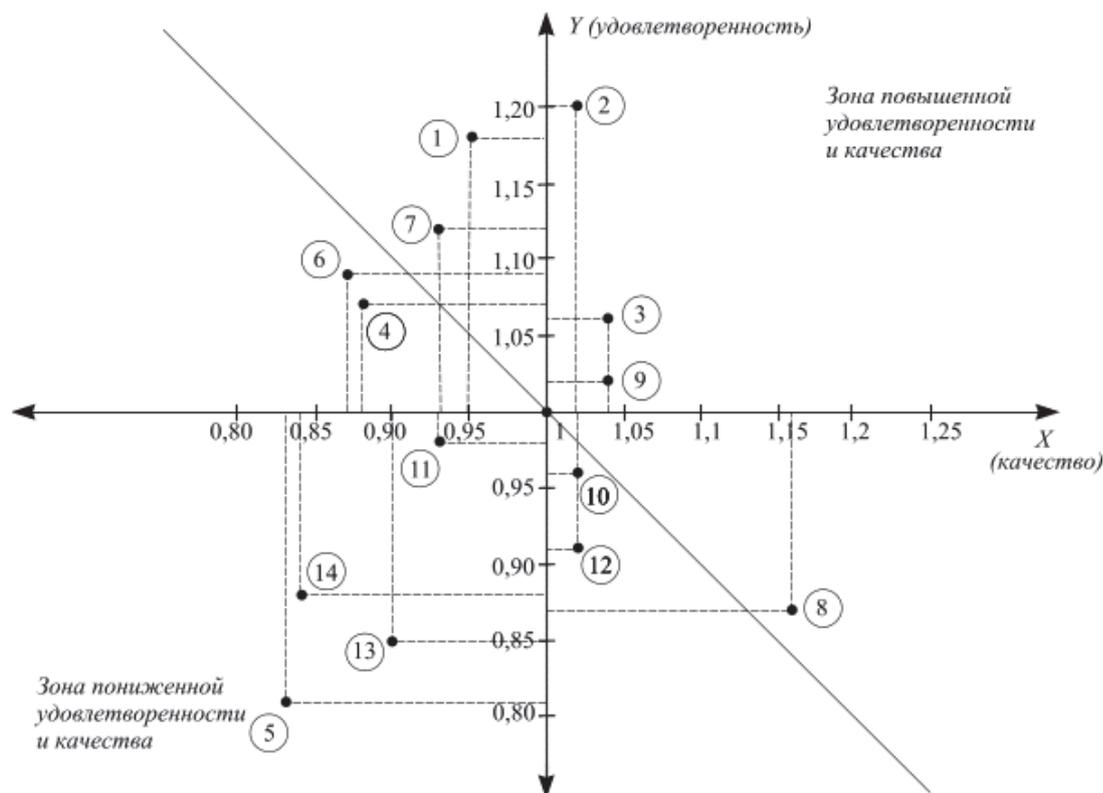

Рис. 2. Матрица сопоставления показателей качества и удовлетворенности услуги

равны единице, что означает сопоставимость (или соответствие) ожидаемым параметрам и удовлетворенности данных элементов гостиничной услуги.

В результате анализа проявились те элементы услуги, которые характеризуются «распределенной удовлетворенностью» (элементы 1, 4, 6, 7) или «распределенным качеством» (элементы 8, 10, 12). «Распределенная удовлетворенность» может быть обусловлена обслуживанием, недостаточно адаптированным к индивидуальным потребностям, а «распределенное качество» – непостоянством деятельности или высокой субъективностью в оценке. По результатам оценки уровня эффективности системы (удовлетворенности) можно обозначить следующие проблемы: недостаток информации, низкое качество подготовки персонала, отсутствие четких критериев и показателей эффективной деятельности сервиса.

Выводы

Обоснована и раскрыта комплексная оценка эффективности сервиса как социальной системы с учетом теории систем, особенностей взаимодействия акторов и процессов функционирования и развития. Эффективность включает количественные и качественные показатели, при доминировании показателя уровня удовлетворенности. Используя современные методы социального анализа, можно устанавливать причины удовлетворенности/неудовлетворенности клиентов и своевременно применять формы социального контроля, которые включают соответствующие методы и способы воздействия для стабилизации системы «сервис». Это является начальным этапом формирования всей деятельности сервиса, следствием чего будет повышение уровня удовлетворенности человека, а следовательно, жизнеспособности системы и ее развития в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
2. Атаманчук Г.В. Управление: сущность, ценность, эффективность. – М.: Академический Проект: Культура, 2006. – 544 с.
3. Пузыня К.Ф. Сущность и экономические проблемы развития социальной сферы России // Проблемы и опыт совершенствования управления и повышения эффективности функционирования учреждений и предприятий социальной сферы: Матер. I Всеросс. науч.-практ. конф. / отв. ред. К.Ф. Пузыня. – Санкт-Петербург, 20–22 ноября 2002. – СПб.: СПбГИЭУ, 2002. – 241 с.

4. Павленок П.Д. Теория, история и методика социальной работы. 2-е изд. – М.: Дашков и К°, 2004. – 428 с.
5. Оценка эффективности деятельности учреждений социальной поддержки населения / под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой. – М.: Московский общественный научный фонд; Центр социальной политики и гендерных исследований, 2007. – 234 с.
6. Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование. Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики. 2-е изд., переб. и доп. – М.: Флинта: МПСИ, 2005. – 384 с.

Поступила 14.02.2013 г.

UDC 338.48

AN APPROACH TO ESTIMATION OF THE EFFECTIVENESS OF SERVICE AS A SOCIAL SYSTEM

L.I. Donskova, M.V. Udaltsova*

Altai State Technical University I.I. Polzunova, Barnaul

*Novosibirsk State University of the economy and management

E-mail: donsokoval@yandex.ru

The paper reveals author's approach to the estimation of the effectiveness of social system «service», which is characterized by various relations with the environment and internal processes caused by interaction of actors.

The main aim of the study is to form integral approach to the estimation of the effectiveness of system «service» taking into account social relations and internal processes, which are characterized by public changes in our country.

The methods used in the study: the investigation is based on the system approach which reflects the positions of the system theory and sociological theories of average level, as well as quantitative and qualitative methods of determination and the statistical methods of estimation.

Results: the system «service» is represented as multilevel and multifarious social object. The authors substantiate the estimation of effectiveness on microlevel (service organization). The authors have formed the integral approach to the estimation of the effectiveness of service as a social system which takes into consideration special features of actors interaction as well as the system functioning and development. The effectiveness of the system is proposed to be estimate by the integrated index, quantitative and quality indicators with «the level of the man satisfaction» domination.

Key words:

Service, social system, social effectiveness, integrated index, integral approach.

REFERENCES

1. Rittser G. *Sovremennyye sotsiologicheskie teorii* [Contemporary sociological theories]. 5th edition. Saint Petersburg, Peter Publ., 2002. 688 p.
2. Atamanchuk G.V. *Upravlenie, sushchnost, tsennost, effektivnost* [Management: essence, value, effectiveness]. Moscow, Academic project: Culture Publ., 2006. 544 p.
3. Puzynya K.F. *Sushchnost i ekonomicheskie problemy razvitiya sotsialnoy sfery v Rossii* [Essence and the economic problems of the development of the social sphere of Russia]. *Problemy i opyt sovershenstvovaniya upravleniya i povysheniya effektivnosti funktsionirovaniya uchrezhdeniya i predpriyatij sotsialnoy sfery. Materialy I Vserossiyskoy naucho-prakticheskoy konferentsii* [Problems and the experience of the improvement of control and increase in the effectiveness of the functioning of establishments and enterprises of the social sphere]. Ed. by K.F. Puzynya. Saint Petersburg, November 20–22, 2002, SPbGIEU, 2002. 241 p.
4. Pavlenok P.D. *Teoriya, istoriya: metodika sotsialnoy raboty* [Theory, history and the procedure of social work]. 2nd edition. Moscow, Dashkov and C^o, 2004. 428 pp.
5. *Otsenka effektivnosti deyatelnosti uchrezhdeniy sotsialnoy podderzhki naseleniya* [Estimation of the effectiveness of the activity of the establishments of the social support of population]. Ed. by P.V. Romanov, E.R. Yarskoy-Smirnovoy. Moscow, Moscow public scientific fund; Center of social policy and gendernykh studies, 2007. 234 p.
6. Gottlieb A.S. *Vvedenie v sotsiologicheskoe issledovanie. Kachestvennyy i kolichestvennyy podkhody. Metodologiya. Issledovatel'skie praktiki* [Introduction into sociological study. Qualitative and quantitative approaches. Methodology. Research practice]. 2nd edition. Moscow, Flint: MPSI Publ., 2005. 384 p.

ИНВАРИАНТНОСТЬ СЕМАНТИКИ В МОДЕЛИ СОЗДАНИЯ ВИЗУАЛЬНОГО ОБРАЗА ДИЗАЙНА

М.С. Кухта

Томский политехнический университет
E-mail: eukuh@mail.tomsknet.ru

Актуальность работы обусловлена теоретической и практической необходимостью исследования особенностей создания визуальных образов, феномен которых состоит в их непосредственной данности и пространственной определенности. Особенность организации визуальных текстов, связанная с континуальностью, требует разработки новых подходов к их изучению.

Целью исследования является разработка модели создания визуального образа в дизайне, которая позволяет исследовать специфику визуального образа, выявляет каналы трансляции визуального сигнала, позволяет исследовать роль семантики в режиме выбора визуальной структуры.

Методы исследования. В работе используются методы анализа и моделирования семиотических систем.

Результатом исследования является концептуальная модель создания визуального образа, в которой раскрыта специфика работы логического, эстетического и семантического каналов. Логический канал формирует банк образов реальности; эстетический канал компоует образы в структуры по законам композиции; семантический канал управляет работой логического и эстетического каналов, определяя выбор объектов и выбор структуры их компоновки, соответствующей семантике и наиболее полно передающей смысл формируемого (создаваемого) визуального образа-текста. На основе представленной модели выявлена инвариантность семантики в процессах формообразования.

Ключевые слова:

Смысл, модель, семантика, визуальный образ, фигуративный образ, абстрактный образ.

В XXI в. наблюдается развитие визуальных коммуникаций – компьютерной графики, гипертекстов, визуальных моделей. Визуальная культура в современном мире чрезвычайно быстро завоевывает новые пространства через структуры дизайна и оказывает влияние на различные сферы жизни, тотально проникая в предметный мир.

В современном обществе вербальный текст замещается изобразительным («картинкой») – визуальной конструкцией, в которой образ выступает как самостоятельное сообщение, либо совмещается с текстом (цифровым или буквенным). Это приводит к созданию новых коммуникативных каналов, стоящих вне национальных границ: «...книга иероглифов интернациональна (по крайней мере в своей потенции); книга, напечатанная буквами, национальна, а книга будущего будет анациональной; для того чтобы ее понять, потребуется минимальное обучение» [1. С. 55].

Актуальность работы обусловлена теоретической и практической необходимостью исследования особенностей создания визуальных образов, феномен которых состоит в их непосредственной данности и пространственной определенности.

Целью исследования является разработка модели создания визуального образа в дизайне и выявление организующей роли семантики в структуре визуального текста. В работе решаются следующие задачи:

- исследовать специфику визуального образа;
- выявить каналы трансляции в модели создания визуального сигнала;
- рассмотреть роль семантики в режиме выбора визуальной структуры.

Семантика визуального образа включает не только значение и содержание, соответствующие образному (узнаваемому) элементу, но также смысловые компоненты, принадлежащие к более вы-

сокому уровню семиотических единиц семантической сферы. В аналитической философии проблема исследования смысла связана с логическим анализом языка (Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн) и основана на четком различии смысла и значения. В феноменологии в центр исследования проблемы смысла ставится личность, понимающая и осмысленно делающая выбор. Смысл у Г. Гуссерля рассматривается в аксиологическом аспекте, в тесной связи с функциональностью – слово, предмет, действие обретают смысл в рамках конкретной ситуации. Логико-гносеологическое понимание проблемы смысла (Р.И. Павленко) предполагает исследование концептуальных систем, аккумулирующих знания людей о мире и формирующиеся в сознании носителей языка. Человек в этой модели рассматривается как активный субъект познания, создающий мировоззренческий локус на базе индивидуального и социального опыта, являющихся основой коммуникации. Смысл как экстралингвистическое явление (Н.А. Слюсарева) связан с мышлением и может проявляться как вербально, так и визуально [2. С. 40]. Таким образом, философские подходы к проблеме смысла связывают его со сферой сознания, с определенными концептами, системами понятий, эмоциональными составляющими.

Механизмы трансляции смыслов осуществляются в двух важнейших культурных резервуарах информации – слове и образе, которые отличаются не только спецификой организации текста, но и способом создания сообщения. Можно говорить о двух разных символических системах (вербальной и визуальной), каждая из которых имеет собственную структуру и функцию. Обе системы связаны с внешним миром. Эти связи в вербальных символах действуют опосредованно, а визуальных активизируются непосредственно – обращаются напрямую

к человеку, приглашают к визуально-активному пониманию и визуально-направленному познанию. [3]

Вербальный текст и визуальный образ представляют собой не вещи материального мира, а замены вещей. Вербальный текст имеет небольшую информационную емкость, требует знаний языка для расшифровки принятой информации и делится на дискретные единицы – знаки, которые соединяются при помощи лингвистических механизмов.

Визуальный текст *континуален* (термин В.В. Налимова) поскольку связан не со словами, а с образами и характеризуется большим поступлением информации в мозг в единицу времени. По данным нейрофизиологии эмоционально-образное восприятие древнее, чем понятийно-логическое, т. е. образ, как способ фиксации информации, родился на заре человеческой цивилизации и предшествовал письменности, что доказывают данные археологических раскопок. Визуальный текст не делится на дискретные единицы и представляет собой образ объекта на двумерной плоскости, либо в трехмерном пространстве, организованный по законам композиции. Визуальный образ является системой, не имеющей означающих единиц, базируется на семантическом принципе передачи информации (Ю.М. Лотман). Отсутствие дискретных единиц приводит к тому, что значение порождается всей формой, которая является неделимой целостностью. Можно выделить следующие особенности визуального образа: включение зрительного канала; интеграция чувственно-наглядных и воображаемых структур; пространственность и недискретность [4].

Поскольку в основе создания визуального образа лежит зрительное восприятие мира, можно предположить, что в зрении (вернее, в знаково-

культурном освоении мира, которое основывается на зрении) заложена специфика моделирования «смыслов» средствами визуальных образов действительности. На этом допущении основана модель создания визуального образа, представленная на рис. 1, в которой задействованы следующие информационные каналы:

- логический канал формирует банк образов реальности;
- эстетический канал komponует образы в структуры по законам композиции;
- семантический канал управляет работой логического и эстетического каналов, определяя выбор объектов и выбор структуры их компоновки, соответствующей семантике и наиболее полно передающей смыслы формируемого (создаваемого) визуального образа-текста.

Рассмотрим подробнее особенности работы этих каналов в модели рис. 1.

Логический канал подчиняется законам универсальной логики в том смысле, что его образы являются общепринятыми и допускают точный перевод на любой язык. Логический канал перерабатывает визуальную информацию, поступающую из окружающего мира, и формирует из визуальных образов специфический визуальный алфавит, основанный на физических, зрительно-наблюдаемых качествах физических объектов (цвет, форма, объем и др.).

Из логического канала осуществляется выбор объектов, которые могут быть как фигуративные, так и абстрактные. Фигуративные объекты – схематические изображения конкретных явлений или предметов, основанные на внешнем подобии изображаемому. Выбор конкретных объектов определяется смысловым наполнением визуального сообщения, которым управляет семантический

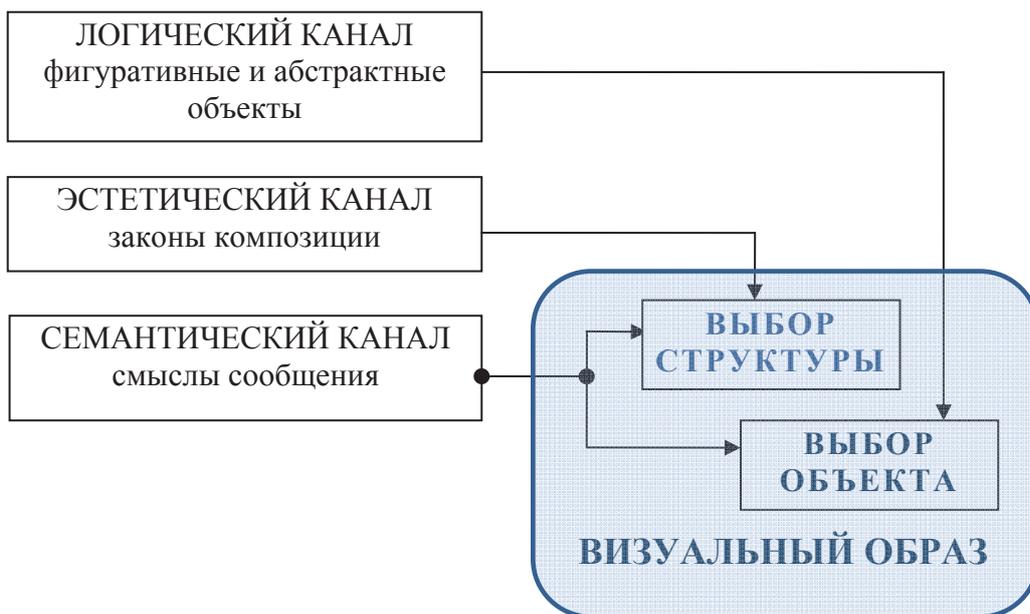

Рис. 1. Модель создания визуального образа

канал. Предмет, имеющий реальные признаки величины, цвета, качества, назначения, в визуальном образе наделяется чертами, идущими помимо этих объективных признаков. То есть не признаки предмета, а его насыщенность особыми смыслами – семантика – играет основную роль в создании визуального образа. В образе вскрывается нечто, объективно в нем не существующее, но связанное со смыслом. Следовательно, образ всегда несет в себе особый надпредметный мир смысла. По определению Ф. де Соссюра именно семантика влияет на выбор объектов, так весы могут быть символом справедливости, поскольку визуально содержат идею справедливости, а телега – нет [5]. Абстрактные объекты представляют формы, не существующие как вещи, предметы. Смыслорождающая способность абстрактных (геометрических) форм и фигур феноменологически наглядно представлена в экспериментальных исследованиях Е.Ю. Артемьевой. Установлена корреляция различных геометрических фигур с эмоциональными характеристиками (агрессивность, нежность, спокойствие, тревожность и др.). На этом основании строится концепция перцептивных универсалий, выступающих в роли внемодальных родоначальников множества допустимых образов различной модальности [6]. Перцептивные универсалии размещены в пространстве психики и находятся в соотношении с интроспективно наблюдаемыми и внешне фиксируемыми психическими феноменами. В работах Е.Ю. Артемьевой вводится понятие глубинной семантики отражения для характеристики места, где располагаются перцептивные универсалии, и постулируется наличие двух уровней отражения – уровня символической репрезентации, данного нам в понятийной форме, и иконического уровня, зафиксированного в визуальном объекте. Таким образом, абстрактные (геометрические) формы вызывают определенные эмоциональные отклики и имеют выраженную семантику.

Эстетический канал позволяет создавать структуры, которые организуются по законам ком-

позиции – симметрии и асимметрии, динамики и статики, ритма, доминанты, пропорций, масштабов и др.

В семантическом канале происходит процесс выбора объектов из логического канала и вариантов структур их организации из эстетического канала. Инвариантность семантики связана со смыслом сообщения, что и определяет форму визуального образа.

Создание визуального образа является важнейшим этапом процесса формообразования в дизайн-проектировании, основная цель которого – выработка нового визуального языка, выражающего философский, социальный, композиционный и др. смыслы. Визуальный образ становится резервуаром смыслового и эмоционально чувственного воплощения замысла формы будущего объекта. Иногда между образом изделия и его воплощением проходят столетия (проект Леонардо да Винчи *La Riuma*), что связано с отсутствием необходимых для его осуществления (овеществления) технологий и материалов.

На рис. 2, а представлен графический дизайн номера, прототипом которого явился орнитоморфный вариант Древа Жизни. Симметричная статическая композиция обращается к образу птиц, отражающих в различных культурах идею начала Жизни, связи Миров, сотворения и творческого преобразования Вселенной. Визуальный фигуративный материал (птицы) и средства композиции (симметрия) способствовали созданию гармоничного образа дизайна, семантика которого направленно участвовала в выборе объектов и способах их организации. Логика организации образа строится на семантике Древа Жизни, поскольку одной из задач, стоящей перед дизайнером было создание графического образа номера дома (квартиры, коттеджа). Смысловую идею Дома, Рода, Семьи наиболее полно отражает архаический мотив Древа Жизни, который на архетипическом и визуальном-графическом уровне прочитывается в представленном образе.

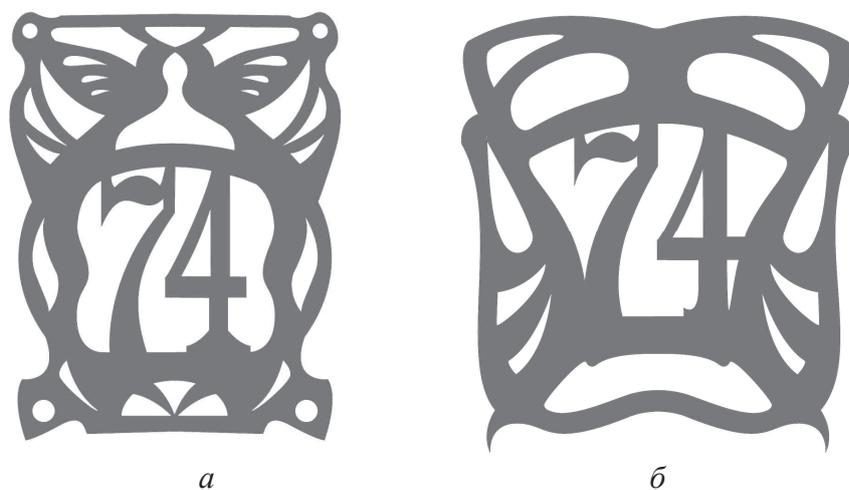

Рис. 2. Графический дизайн номера (О. Акентьева): а) фигуративный; б) абстрактный

В абстрактной композиции (рис. 2, б) семантическое наполнение достигается средствами симметрии, построенной на метро-ритмических чередованиях волнообразных линий. Смысл визуального текста-образа – устойчивость и единство – достигается уравновешенностью формы, статикой, выбором ритмов и пропорций.

Если на этапе создания визуального образа проявляется инвариантность семантики, то при восприятии образа семантика вариативна, поскольку связана с культурным тезаурусом реципиента, его способностью увидеть и понять смыслы визуального текста, что предполагает различные варианты прочтения образа [5].

Выводы: Предложена модель создания визуального символа, в работе которой участвуют три канала: логический, формирующий банк объектов, эстетический, отвечающий за структурирование образной информации и семантический, управляющий выбором форм и их конструкций, наиболее полно отвечающих семантике. Доказана инвариантность семантики на этапе формирования структуры визуального образа. Верификация теоретических положений представлена на примерах графического дизайна в создании фигуративной и абстрактной композиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лаврентьев А. Лаборатория конструктивизма. Опыты графического моделирования. – М.: Грантъ, 2000. – 256 с.
2. Кухта М.С. Специфика репрезентации смысла в иконических символах: постнеклассическая интерпретация теории Ч.С. Пирса // Вестник ТГПУ. – 2004. – Вып. 2 (39). – С. 39–45.
3. Paivio A. *Mental Representations: A Dual Coding Approach*. – New York: Oxford University Press, 1986. – 45 p.
4. Лотман Ю.М. *Внутри мыслящих миров. Человек–текст–семиосфера–история*. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 445 с.
5. Кухта М.С. Смысловая емкость вещи в дизайне // Труды Академии технической эстетики и дизайна. – 2013. – № 1. – С. 31–33
6. Артемьева Е.Ю. Об описании структуры перцептивного опыта // Вестник МГУ. Сер. 14 «Психология». – 1977. – № 2. – С. 12–18.

Поступила 21.05.2013 г.

UDC 130.121.4:130.2:658.512.23

INVARIANCE OF SEMANTICS IN MODEL OF VISUAL IMAGE DESIGN

M.S. Kukhta

Tomsk Polytechnic University
E-mail: eukuh@mail.tomsknet.ru

The urgency of the work is caused by theoretical and practical necessity to study the features of developing visual images, which phenomenon consists in their immediate reality and spatial certainty. The feature of visual texts related to continuity, requires the development of new approaches to learning.

The aim of the research is to develop a model for creating a visual image in the design, which allows you to explore the specificity of the visual image, the role of semantics in visual structure selection mode and identifies broadcast channels of a visual signal.

Research methods. The author uses the methods of analysis and simulation of semiotic systems.

The result of research is a conceptual model for creation of a visual image which reveals the specific character of logical, aesthetic and semantic channels work. The logical channel forms a Bank of images of reality; the aesthetic channel composes images into structure according to the composition laws; the semantic channel controls the operation of the logical and aesthetic channels, determining the choice of facilities and the choice of the structure of their configuration corresponding to semantics and fully transmitting the meanings of the generated (created) visual image-text. On the basis of the model introduced the invariance of semantics in morphogenesis was revealed.

Key words:

Meaning, model, semantics, the visual image, figurative image, abstract image.

REFERENCES

1. Lavrentyev A. *Laboratoriya constructivisma. Opyt graficheskogo modelirovaniya* [Laboratory of constructivism. Graphic simulation experience]. Moscow, Grant, 2000. 256 p.
2. Kukhta M.S. Spetsifika reprezentatsii smysla v ikonicheskikh simbolakh: postnonklassicheskaiya interpretatsiya teorii C.S. Pirsya [Specific Character of Sense Representation in Icon Symbols: the Postnonclassic Interpretation of the C.S. Peirce Theory]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2004, no. 2 (39), pp. 39–45.
3. Paivio A. *Mental Representations: A Dual Coding Approach*. New York, Oxford University Press, 1986. 45 p.
4. Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek–text–semiosfera–istoriya* [Inside minded worlds. Man–text–semiosphere–history]. Moscow, Yazyki russkoy kultury, 1996. 445 p.
5. Kukhta M.S. Smyslovaya emkost veshchi v disayne [Semantic capacity of an object in design]. *Proceedings of the Academy of Technical aesthetics and Design*, 2013, no. 1, pp. 31–33.
6. Artemyeva E.Yu. Ob opisani structure perseptivnogo opyta [On the description of the structure of perceptual experience]. *The Moscow University Herald*, 1977, vol. 14. Psychology, no. 2, pp. 12–18.

УДК 130.2:745

ВЛИЯНИЕ ВРОЖДЕННЫХ МОДЕЛЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОПЫТА НА ФОРМИРОВАНИЕ ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ

М.С. Кухта

Томский политехнический университет

E-mail: eukuh@mail.tomsknet.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью исследования механизмов создания гармоничных и информационно-ёмких визуальных объектов, востребованных в самых различных сферах современной жизни (реклама, интернет, дизайн и др.)

Цель работы – исследование особенностей трансляции архетипов (врожденных моделей организации опыта) в визуальных образах и их связи со спецификой организации композиции, выбором образной структуры и колористического решения.

Методы исследования. В работе используются архетипическая модель восприятия и методы анализа и моделирования семиотических систем.

Результатом исследования является вариант модели трансляции визуального образа. Выявлены каналы трансляции, формирующие визуально-смысловые множества. Показано, что эффективность восприятия визуальных объектов определяется глубиной семантической информации, скрытых значений, влияющих на наше подсознание и направляющих процесс создания визуальных образов.

Ключевые слова:

Врожденные модели, восприятие образа, архетип, визуальный образ, трансляция.

Теоретико-методологические предпосылки исследования

Актуальность работы обусловлена необходимостью исследования информационно-смыслового наполнения визуальных образов и необходимостью изучения особенностей трансляции врожденных моделей организации опыта (архетипов). В работах К.-Г. Юнга доказано, что если качество и свойство образа соответствуют архетипическим формам, то при его восприятии возникает чувство гармонии, что является актуальным и важным для создания визуально-комфортных сред, композиций и объектов.

В качестве базовой априорной формы сознания была выбрана архетипическая модель К.Г. Юнга, поскольку в ней сочетаются философские, культурные и психологические аспекты. Упорядочивание хаотических сигналов внешнего мира в перцептивной системе связано как с социокультурным опытом индивида, так и обусловлено существованием в сознании априорных паттернов, задающих параметры нашего восприятия, сформировавшиеся в процессе эволюции или, как считали философы XVII–XVIII вв., вложенные в наше сознание Богом. Генезис и природу этих структур каждая философская концепция объясняет по-разному: от веры в Творца, вложившего в сознание «идеи», до процессов самоорганизации, «направляющих развитие системы» согласно цели, включающей в себя «знание среды» или «врожденные формы опыта». В геометриях Анаксагора, которые он называл «корнями всех вещей», поскольку они подобны как другим частицам целого так и самому целому, можно увидеть связь с монадой Лейбница, имплицитно содержащей всю информацию о мире. Априорные формы опирались на понятия и категории, на опыт или естественные инстинкты, на формы созерцания или образцы переживания реальности, на когнитивные карты или схемы.

Исследования Юнга [1] связаны с философскими идеями Канта, Платона, Леви-Брюля. Юнг предположил, что эталонами, на основании которых происходит обработка сигналов, поступающих в перцептивную систему, являются архетипы, ссылаясь на применение этой категориальной единицы Филоном Александрийским и Дионисием Ареопагитом, на сходные представления у Платона и Августина, указав на аналогию «архетипов» с «коллективными представлениями» Дюркгейма и Леви-Брюля, «априорными идеями» Канта и «образами поведения» бихевиористов. В поздних трудах Юнг [2] развивает концепцию *unus mundus*, воплощающую идею единства Человека и Мира, причем доказывает это единство на уровне сущностных, глубинных структур психики [3]. Таким образом, теория архетипов имеет большое значение для понимания механизмов создания и восприятия визуальных образов. Архетипом является структура, модель, первообраз, протоидея, матрица, в соответствии с которой осуществляется развертка последующих форм [1. С. 211–217]. Эта универсальная вне-личностная, над-историческая и над-временная структура, выражающая обобщенные качества, проявляется через символы. Число архетипов потенциально бесконечно, но набор этих «праформ» задан наследственно-генетически. Трактую архетип как содержащуюся в сфере бессознательного возможность проявления того или иного смысла, Юнг указывает, что, проецируясь в сознательную, личностную сферу, «пустая форма» архетипа уже там заполняется конкретно-смысловым содержанием. Юнг образно уподобляет архетип осевой структуре кристалла, которая сама по себе материально не существует, а лишь задает возможность формирования кристалла в соответствующей среде. Система архетипов является врожденной единой моделью организации опыта, которая наследуется. Архетипы проявляются в творчески

оформленном материале в качестве регулирующих принципов его формирования. Содержание архетипических образов изменчиво и подвергается влияниям окружающей среды и историческим переменам.

Целью работы является исследование особенностей трансляции врожденных моделей организации опыта в визуальных образах, что связано со спецификой организации композиции, выбором образной структуры и колористического решения.

Моделирование трансляции визуальных образов

Методологической базой построения модели трансляции врожденных структур, представленной на рис. 1, являются исследования психофизиологов [4], связанные со спецификой зрительной перцепции [5], представления гештальтпсихологии о целостности восприятия, а также семиотические исследования, выделяющие следующие аспекты знака:

- синтактику, изучающую синтаксис знаковых структур, способы сочетаний знаков, правила образования этих сочетаний и их преобразований относительно к их значениям;
- семантику, изучающую знаковые системы как средства выражения смысла, определенного содержания, правила интерпретации знаков и их сочетаний, смысловую сторону;
- прагматику, рассматривающую соотношение между знаковыми системами и их пользователями, или приемниками-интерпретаторами сообщений.

Этап 1 (рис. 1) связан с особенностями зрительного восприятия: разрешающей способностью сетчатки глаза. На этапе 2 формируются уровни гештальта: пятна, их расположение на поверхности, время, необходимое для восприятия и оформления целостного внутреннего образа, трансляция которого осуществляется в границах каналов, выделенных на основе семиотических исследований. Канал 1 фиксирует нижнюю границу восприятия визуального объекта – однозначно понятые и узнаваемые образы, первичные знаки визуального

языка. Этот канал подчиняется законам универсальной логики в том смысле, что образы являются понятными и узнаваемыми для адресата и адресанта, что допускает вполне точный перевод с одного языка на другой. Информацию этого канала можно транслировать практически без потери смысла.

Канал 2 позволяет выделить структурную специфику организации образов, способы и правила образования визуальных форм. Законы подобия, симметрии, бинарной инверсии, связанные с понятием структурности, с законами и формами существования материи, способны порождать чувственное переживание визуальной формы. В совершенстве проявления визуального образа, в его эстетической организации заключается интуитивное постижение его сути.

Канал 3 представляет уровень врожденных моделей опыта, данных непосредственно сознанию. Это трансцендентальное содержание имплицитно присутствует в структуре визуального образа и отвечает за передачу (трансляцию) смысловых констант. Обращение к базовым формам (архетипам) определяет смысловую наполненность образов.

Верификация модели трансляции на примере анализа объекта дизайна

На примере анализа дизайна декоративного панно Arbor Mundi (рис. 2) представлено, как врожденные модели организации опыта направляют процессы формообразования и способствуют созданию гармоничных образов с глубоким смысловым наполнением. Процесс трансляции архетипа осуществляется через коллективное бессознательное. В дизайне декоративного панно «Мировое Древо» архетип проявляется через специфику выбора образов, организацию композиции и колористическое решение. Мировое Древо – архетип центра и структуры Мироздания, Порядка и Гармонии Миров, который служит моделью не только для построения картины мира или человека, но и для понимания созидания и творчества, являясь, по определению Юнга, архетипическим образом

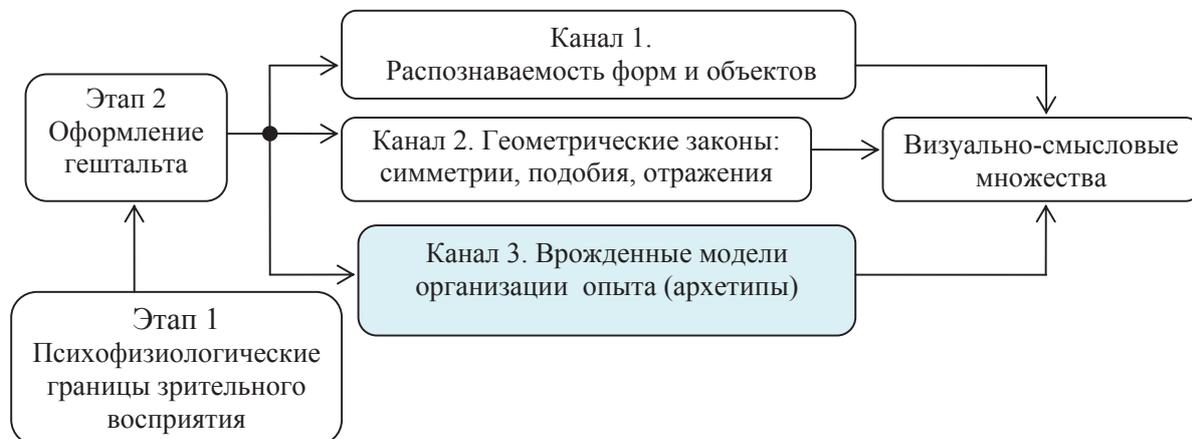

Рис. 1. Модель трансляции врожденных моделей организации опыта

Самости: «У деревьев есть индивидуальность. Вот почему дерево часто выступает синонимом личности... Это прототип самости, символ истока и цели индивидуального процесса... знаменует собой еще бессознательное ядро личности; растительная символика передает глубоко бессознательное состояние последней» [2. С. 5].

Архетип Мирового Древа выполняет особую организующую роль, определяя внутреннюю структуру и основные параметры во всех культурах, считается одним из самых древних и представляет собой упорядоченную модель пространства (по вертикали) и времени (по горизонтали). По вертикали Древо делится на три части, каждая из которых традиционно соотносится с одним из миров. Верхняя часть (крона) связывается с птицами, симметрично расположенными на вершине, средняя (ствол) представлена животными (оленьями, лосями, коровами и т. п.), либо людьми; в нижней части (корни) изображаются змеи, лягушки, мыши, бобы, рыбы, иногда медведь или фантастические чудовища – хтоны. По горизонтали структура Мирового Древа моделирует времена года (весна, лето, осень, зима), части суток (утро, день, вечер, ночь) и стороны света.

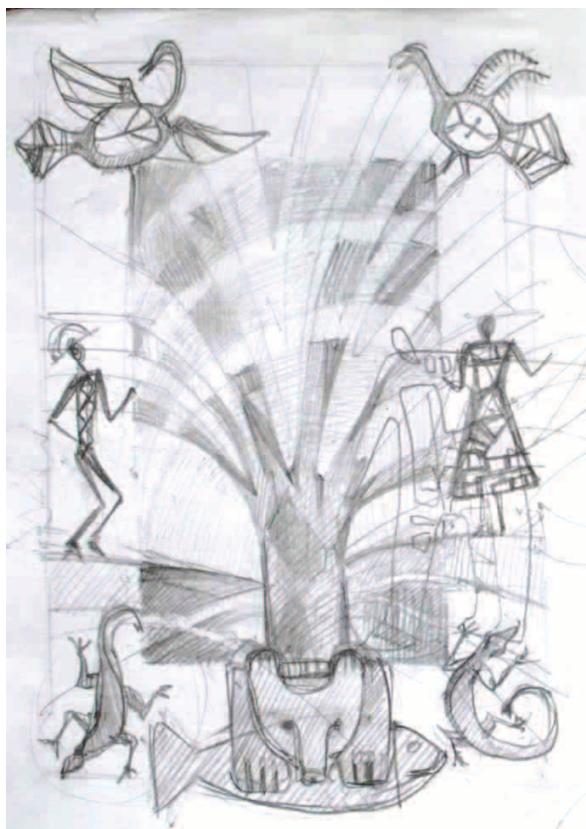
Графический эскиз (рис. 2, а), созданный на основе историко-культурного материала, фиксирует мифологические образы Мирового Древа разных

народов. В нижнем мире представлены медведь, рыба, ящерицы, в среднем мире изображены фигурки мужчины и женщины, в верхнем мире – птицы. Симметричные структуры отражают идею дуальности и связаны с плодородием.

Образ Мирового Древа позволяет сконструировать самые различные модели вселенной, пространства, времени и человека. В композиции (рис. 2, б) тема Древа объединяется с идеей женщины начала, охраной и защитой. Образ Женщины композиционно вплетается в образ Древа: тело – ствол, руки – ветви, голова – крона, что имеет глубокий психологический и мистический смысл [6].

Согласно гомотипической теории П.А. Флоренского человеческое тело подразделяется на три уровня: низ (живот), верх (голова) и середина (грудь). Причем, гомотипическими (полярно-симметричными) оказываются в такой картине человека верх и низ, голова и живот. Это касается и их органов, и костно-мышечных тканей, и нервной системы, и сосудистой, и болезней, и их терапии.

Гомотипическими голова и живот оказываются и в функциональном отношении, особенно органы дыхания и речи, с одной стороны, и мочеполовые органы, с другой. И те, и другие производят аналогичный продукт – семя: в первом случае – слово, во втором – яйцеклетку. В соответствии с трехуровневой структурой человеческого тела Флоренский

а

б

Рис. 2. Мировое Древо. Дизайн декоративного панно. А. Шишова: а) графический эскиз; б) колористическая композиция

выделяет три вида мистики – мистику живота (телесное), мистику груди (чувственное) и мистику головы (сознательное) [7]. Таким образом, в работах Флоренского, структурно-функциональная организация человеческого тела совпадает с таковой у Мирового Древа: низ (корни, живот) питает соками земли весь организм, середина (ствол, грудь) преобразует эти соки в жизненную (душевную) силу и транспортирует ее наверх – в крону (голову), где она превращается в плод-семя (мысль-слово). Падая в землю (западая в душу), семя обращается там в прах (разлагается, растворяется) и произрастает новым деревом (личностью).

Архетип *Arbor Mundi* направляет процесс формирования в дизайне декоративных панно, закрепляя в образе фундаментальные идеи. В отличие от спонтанной реализации (на основе интуитивных озарений), целенаправленное использование архетипов предполагает их осознанное, логически ясное и определенное выражение смыслов, выраженных в системе пластических, композиционных и колористических решениях.

Заключение

При создании визуального образа композиция, колористическое решение, технология изготовления и выбор материала направлены на то, чтобы вызвать определенную эмоционально-психологическую реакцию (отклик), которая возникает при восприятии образа, и передать глубинные значения, скрытые за внешней формой, доступной сознанию. Это достигается путем включения архетипических базовых констант, влияющих на наше восприятие и направляющих сознание к более глубокому, многомерному осмыслению образа, прочтение которого не ограничивается только актом узнавания и сравнения, но обращает сознание к базовым смыслам, фундамирующим наши представления о мире и закрепленным системой архетипов. Понимание специфики трансляции врожденных моделей организации опыта позволяет не только создавать гармоничные визуальные структуры, но и управлять эмоционально-психологическими уровнями их восприятия, направлять внимание (через композицию, цвет, материал) к смысловым (глубинным) аспектам образов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. – М.; К.: ЗАО «Совершенство»-«Port-Royal», 1997. – 312 с.
2. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии. – 1988. – № 1. – С. 130–142.
3. Юнг К.Г. Дух Меркурия. – М.: Изд-во «Канон», 1996. – 129 с.
4. Jacobi J. Die Psychologie von C.G. Jung. – Zürich, Stuttgart: Rascher 1959. – 213 p.
5. Neumann E. The Great Mother. An Analysis of the Archetype. Princeton: Princeton University Press, 1963. – 120 p.

6. Кухта М.С. Трансляция архетипа *arbor mundi* в дизайне декоративного панно // Труды Академии технической эстетики и дизайна. – 2013. – № 2. – С. 30–33
7. Флоренский П. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. – М.: Академический Проект, 2012. – 912 с.

Поступила 27.09.2013 г.

UDC 130.2:745

THE EFFECT OF INHERENT MODELS OF EXPERIENCE ORGANIZATION ON VISUAL IMAGE FORMATION

M.S. Kukhta

Tomsk Polytechnic University
E-mail: eukuh@mail.tomsknet.ru

The paper is devoted to the research of mechanisms for creating harmonious and data-intensive visual objects. The purpose of the work is to study features of archetypes (inherent models of experience organization) transmission in visual images and to research their relations with the specifics of composition organization, choice of image structure and color palette. The author uses the methods of analysis and modeling of semiotic systems. The result of the study is the version of transmission model of the visual image, which shows that the efficiency of perception of visual objects is determined by the depth of semantic information and hidden meanings that influence our subconsciousness and guides the process of creation and perception.

Key words:

Inherent model, perception of image, archetype, visual image, transmission.

REFERENCES

1. Jung C.G. *Dusha i mif: shest arkhетipov* [The soul and the myth. Six archetypes]. Moscow; Kiev, Sovershenstvo–Port-Royal, 1997. 312 p.
2. Jung C.G. Ob arkhетipakh kollektivnogo bessoznatelnogo [On archetypes of the collective unconscious]. *Voprosy filosofii*, 1988, no. 1, pp. 130–142.
3. Jung C.G. *The Spirit Mercurius*. Moscow, Kanon, 1996. 129 p.
4. Jacobi J. *Psychology in the works of C.G. Jung* [Die Psychologie von C.G. Jung]. Zürich; Stuttgart, Rascher, 1959. 213 p.

5. Neumann E. The Great Mother. An Analysis of the Archetype, Princeton, Princeton University Press, 1963. 120 p.
6. Kukhta M.S. *Translyatsiya arkhетipa arbor mundi v dizayne dekorativnogo panno* [Broadcast of archetype arbor mundi in the design of the decorative panel]. *Proceedings of the Academy of Technical aesthetics and Design*, 2013, no. 2, pp. 30–33
7. Florensky P. *Stolp i utverzhdenie Istiny. Opyt pravoslavnoy teoditsej v dvenadtsati pismakh* [The pillar and ground of the Truth. Experience in Orthodox theodicy in twelve letters]. Moscow, Akademicheskij Proekt, 2012. 912 p.

РЕФЕРЕНТНАЯ СТРУКТУРА ИНТЕРПРЕТАЦИИ И МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛА

М.А. Корниенко

Томский Политехнический Университет

E-mail: mkornienko1@yandex.ru

Актуальность работы обусловлена потребностью исследования интерпретаций реальности в границах субъективных координат, что дает новые горизонты осмысления проблем современности.

Метод исследования предполагает применение феноменологических методов, позволяющих исследовать принципы и процедуры сущностного первичного опыта в единой взаимосвязи, а также анализировать смысловые структуры реальности в границах интерпретаций.

Результатом исследования является анализ референтной структуры интерпретации, механизм формирования смысла, выявление специфики трансцендентности сущности слова. В работе представлено соотношение «Я» и актов интерпретации, дан анализ экзистенциального опыта и его интерпретация, проанализирован процесс взаимодействия субъекта, референтных структур интерпретации и постигаемых объектов. Была рассмотрена ретроспективная сущность интерпретации и ее взаимосвязь с прошлыми изменениями «Я». Также было проанализировано явление интерпретации как разницы между постигаемым и постигающим.

Ключевые слова:

Интерпретация, слово, референция, референтная структура, смысл, опыт.

Особенности феноменологического метода исследования

Определяя особенности феноменологического метода, Э. Гуссерль доказывает, что необходимо «вывести из игры», лишит привычной значимости все то, что находится в «естественной установке сознания», которая характеризуется принятием на веру тех или иных положений и определяет наши суждения и действия. «Естественной установке» Гуссерль противопоставляет феноменологическую установку, которая открывает путь к феноменологическому познанию предметов, данных в опыте, как «внешнего», так и «внутреннего» восприятия, как чистые феномены. Акт представления предмета в сознании во всем многообразии переживаний определяется Гуссерлем в категориях «интенция» и «интенциональность». Интенциональность понимается как направленность сознания на предмет [1].

Интерсубъективность (объективно-проверяемое знание) основана на непосредственном созерцании познаваемых объектов «как они есть сами по себе». Интерсубъективная познавательная ценность непосредственно созерцаемых предметов обусловлена эйдетическим характером созерцания «сущностей».

Феноменологический метод, таким образом, предоставляет возможность исследовать и демонстрировать «объяснительные возможности» знания в горизонте интенциональности, интерсубъективности, языка и значения, что является актуальным для решения проблем современности. Основной фокус феноменологических исследований обращен на осмысление практики субъективного опыта – направленного действия, определяемого в феноменологии через понятие интенциональность, которая проявляется в том, что сознание субъекта всегда направлено на значимый (для субъекта) объект. Таким образом, интенциональность становится конституирующим фактором сознания поз-

нающего, наделяя содержанием трансцендентные сознанию объекты, которые превращаются в интенциональные объекты сознания.

Анализ смысловых структур реальности в феноменологии означает исследование интерсубъективных значений, конституируемых субъектами в процессе опыта [2. С. 403].

Основатель феноменологии Э. Гуссерль рассматривал свою философию как разновидность практики, которая выступает в форме «универсальной критики всей жизни и ее целей, форм и систем культуры, уже развившихся в жизни человечества, и вместе с тем – критики самого человечества и ценностей, которые, явно или скрыто, руководят им. В конечном итоге это есть практика, имеющая целью развитие человечества силами универсального научного разума в соответствии с видами истинностных норм и, таким образом, преобразование его в совершенно новое человечество, способное нести ответственность перед самим собой, исходя из абсолютных теоретических интуиций» [3. С. 311].

Развитие его взглядов нашло свое отражение в работах А. Шюца, Ю. Хабермаса, П. Бергера, Т. Лукмана, Н. Лумана.

Особенностью феноменологического метода является его ориентированность на изучение «структур жизненного мира», выявление его смыслового строения, гуманизации и выявление смылосозидающей функции человека.

Обладая речью и языком, человек вынужден интерпретировать реальность, придавая ей смысл, находящийся в рамках субъективных координат. Жизнь субъекта пронизана интерпретацией. Интерпретация несет в себе идеализированную в языке структуру бытия. Через язык бытие для субъекта обретает делимость. Жизнеспособность интерпретации и ее функциональность, сама возможность интерпретации зависит от работы структур референтных связей, которые определяются со-

гласно тому, насколько явление возможно разложить на компоненты. Референтная структура отражает все компонентные взаимосвязи интерпретации, их уровни и глубину, а также взаимодействие с субъектом данной интерпретации.

Целью работы является теоретическое представление механизма взаимодействия субъекта, референтных структур интерпретации и объектов (явлений), постигаемых субъектом. В соответствии с заявленной целью можно выделить следующие задачи:

- гипотетически описать возможную референтную структуру интерпретации;
- исследовать соотношение референтной структуры и изменение субъекта во времени;
- рассмотреть изменение референтной структуры интерпретации как обозначение возможного дальнейшего развития судьбы субъекта.

Референтная структура интерпретации

Для дальнейших рассуждений необходимо уточнить понятие «референтной структуры интерпретации». Под референтной структурой (референция, англ. *reference*, от лат. *refero* – отношу, сопоставляю) в данной работе понимается отношение между субъектом, словом (интерпретацией) и объектом постижения (вещью, объектом неязыковой действительности). Возникновение референтной структуры является следствием действия со стороны говорящего (пишущего, мыслящего), которым субъект связывает то или иное слово (выражение) языка с определенным объектом постижения, создавая тем самым то, что и является интерпретацией. В референтную структуру также можно включить адресата сообщения [4]. Более углубленно схему референтной структуры интерпретации (или ее составляющей – слова) как выражения опыта постижения объекта и как выражение соотношения субъекта с бытием можно представить в следующем виде:

- Процесс восприятия объекта, данного непосредственно сознанию субъекта (раскрытие опыта постижения объекта через деление этого опыта на компоненты и представление этой делимости и ее взаимосвязи с конкретным субъектом в виде языковой структуры (слова)).
- Возможный онтологический смысл (а также эгологический) горизонта субъекта относительно данного объекта (опыт субъективной интерпретации). Причем смысл может выступить только как единство языковой структуры (или ее составляющей слова) и эгологического горизонта, под которым понимается раскрытие потенциальных возможностей изменения субъективной составляющей при постижении различных объектов в пределе имеющегося онтологического горизонта.
- Физическая реальность субъект-объектных отношений.

Для возникновения глубины необходимо отношение между составляющими единства. В интер-

претации присутствуют различные смысловые уровни, что и создает глубину смысла (его емкость). Соотношение уровней значения выражает постоянное движение, всегда пребывающее в постигаемом объекте, как в объекте интерпретации, и выражающее взаимоизменение субъекта и объекта. Иначе говоря, в любом объекте, заключенном в рамки интерпретации, всегда присутствует два модуса «что» и «как», выражающие собой «возможность», раскрывающуюся перед субъектом при постижении данного объекта.

Специфика изменения референтных связей

Интерпретация (слово), будучи осуществленной, изменяется во времени по отношению к сознанию. Наше отношение к объекту пребывает в непрерывном становлении независимо от утверждения. Меняемся мы сами и постигаемое. Видоизменяется смысл, вкладываемый в интерпретацию, или подвергается изменению сама интерпретация в соответствии с взаимоизменением субъекта и объекта, а также с изменением амбиций, эгологического и онтологического горизонта. Теоретически можно предположить, что соотношение уровней и создает значение.

Слово-знак выступает как выражение этой разницы. Внутри знака присутствует своего рода иерархия. Знак соответствует вещи, но существует также за ее пределами [5]. Он являет вещь. Вещь, становясь вещью, как бы выходит за пределы своей сущности (что есть вещь для моего «Я»). Сущность становится трансцендентной, потому что явилось слово. Создание понятий делает сущность недостижимой, потому что мы оперируем с понятиями, но не с сущностью. Мы не можем «потрогать» бытие, потому что можем только его «выражать».

Значение и интерпретация неразрывно связаны в пространстве, которое постоянно формируется и ощущается в своей целостности, онтологическое основание которой определяется вопросами, которые мы сами себе ставим, обнаруживая в них свое присутствие.

Сознание субъекта творит себя в актах и знаках, с помощью которых оно представляет себе смысл своей деятельности. Акт выступает как единство воли, желания и деятельности. Что есть воля в контексте проблематики интерпретации. Воля в этом контексте есть возможность субъективности. Мой выбор осуществить суждение при этом являющийся невозможностью отказаться от себя и неспособностью перехода к чистой истинностной форме выражения, некой форме, которая бы могла отразить мировое «до Я». Даже при отказе от суждения форма чистого молчания остается невозможной. Субъект участвует в мире как «Я» через язык (языковые референции к опыту) [6]. «Я» выступает в качестве нулевой точки для референтных связей.

В интерпретации присутствует специфический доязыковой слой смысла. Иначе говоря, тот смысл, который впоследствии и облекается в форму слова,

сказанного субъектом. Доязыковой слой смысла есть нечто, что может вызвать реакцию языкового синтеза. То, что создает саму возможность выражения суждения, но не может быть выражено, и вместе с тем оно все равно незримо и недостижимо присутствует в рамках интерпретации. Если мы возьмем, например, некий экзистенциальный опыт, то что мы можем сказать о таком опыте? Экзистенциальный опыт и как он соотносится с интерпретацией – это сверхреальный смысл по отношению к логической реальности языка. Смысл невыразимый в логических значениях [7].

Ничтожение всех форм (здесь используется неологизм, созданный Жан Поль Сартром от слова «neant» (франц. ничто, небытие) – «neantisation» (неантизация, или ничтожение) – есть необходимое условие явления основной формы, что может означать наличие интерпретации, есть не только отделение от ничто, но возможно и условие существования ничто – то, каким образом субъект несет ничто в мир [8].

Слово для субъекта выступает как выражение трансцендентности сущности. В то же время субъект выражает себя внутри интерпретации. Это проекция себя в мире вещей. Осуществление проникновения субъекта в мир. Мир вещей, существуя для субъекта, является проекцией субъекта. Слово выступает как граница, форма суждения для конкретного субъекта, и эта граница, по сути, означает, что меня нет за пределами данного суждения. Слово полагает объект интерпретации как существующий в другом месте или несуществующий. Объект в своей абсолютной явленности невыразим в слове. Это создает своего рода отрицание через субъективное утверждение. Слово выступает как граница, устанавливающая недостижимость сущности объекта после того, как его интерпретировали. Уже присутствует выражение субъективности. Устанавливается референтная связь субъекта и объекта. Происходит возникновение референтной структуры. Можно сказать, что в суждении (в моменте) есть только объект интерпретации. Все остальное как бы перестает существовать. Если за критерий существования принять делимость и выражение.

Принятие чужой речи участвует в формировании субъективного онтологического контекста от-

носительно этой точки отсчета (восприятия), связывающей субъективные амбиции, потребности и обстоятельства, которым субъект вынужден отвечать относительно данной интерсубъективности.

Интерпретация в сущности своей всегда ретроспективна, потому что является результатом внимания к прошлым изменениям нашего «Я» под действием чего-либо. И это всегда фиксация произошедших изменений. Интерпретация не свободна от «Я». Фиксация изменений – это фиксация опыта через смысл интерпретации. Форма отражает основные референтные связи. Форма смысла выражает то, что происходит с субъектом.

Мысль в ее выражении суть та же объектность. Пространство выбора интерпретации являет бесконечную возможность рождения смыслов из глубин эго. Мысль – это отражение нашего суждения по отношению к чему-либо, которое сформировано как результат прошлого изменения контекста и эгологического горизонта. Таким образом, это всегда отсылка к прошлому. Однако отметим, что это не имманентное время, а некое время «Я», имеющее отношение только к языковой структуре реальности – «временность», где время трактуется через ссылки и их изменчивость.

Соотношение субъекта с объектами постижения в каком-то смысле являет некую форму ничтожения. Субъект, непрерывно интерпретируя постигаемые объекты, становится другим, меняется все, более отдаляясь от первоосновы человеческого «Я». Интерпретация этого процесса, по сути, представляет собой фиксацию этапов субъективного опыта.

Выводы

В работе, с применением феноменологического метода, показано, что интерпретация (слово-знак) являет разницу между постигаемым и постигающим. Через опыт возникает потребность в этом смысловом контуре. Этот контур – эссенция амбиций относительно полученного опыта. То, что трактует изменения, произошедшие с субъектом в мире. Субъект не может быть иным, получив опыт. Теперь он навсегда связан с опытом и трактует реальность через призму суждения об этом опыте. В определенном смысле этот контур – предварительное обозначение судьбы. Не сама судьба, но ее признак.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Husserl E. Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. V. 1. General Introduction to Pure Phenomenology / translated by W.R. Boyce Gibson. – N.Y.: Collier books, 1975. Ch. 3. – 401 p.
2. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОС-СПЭН, 2004. – 1056 с.
3. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век. – М.: Юрист, 1995. – С. 297–331.
4. Логика и лингвистика (Проблемы референции) // Новое в зарубежной лингвистике (НЗЛ). Вып. 13. – М.: Радуга, 1982. – 256 с.
5. Рикер П. Конфликт интерпретаций. – М.: Изд-во «Академический проект», 2008. – 704 с.
6. Giorgi A. The Descriptive Phenomenological Psychological Method // Qualitative research in psychology: Expanding perspectives in methodology and design / ed. by P.M. Camic, et al. – Pittsburgh, PA: Duquesne University Press, 2003. – 233 p.
7. R. Von Eckartsberg. On Experiential Methodology // Duquesne Studies in Phenomenological Psychology. V. I. – Pittsburgh: Duquesne University Press, 1971. – P. 66–79.
8. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. – М.: Изд-во «АСТ», 2009. – 928 с.

Поступила 10.10.2013 г.

UDC 130.122:8

REFERENTIAL STRUCTURE OF INTERPRETATION AND MECHANISM OF MEANING FORMATION

M.A. Kornienko

Tomsk Polytechnic University
E-mail: mkornienko1@yandex.ru

The relevance of work is caused by the need to research the interpretations of reality within the boundaries of subjective coordinates. It gives the new horizons of the comprehension of modern problems.

Method of research involves the use of the phenomenological methods to investigate the principles and procedures of the essential primary experience in relation to one another, and to analyze the semantic structure of reality within the boundaries of interpretations.

The result of the study is the analysis of the reference patterns of interpretation, the mechanism for meaning formation, revealing of specific transcendence of the essence of the word. The paper introduces the ratio of «I» and acts of interpretation. The author has analyzed the existential experience and its interpretation as well as agent interaction, referential structures of interpretation and grasped objects. The paper considers the retrospective essence of interpretation and its interaction with the previous changes of «I». The author has analyzed the phenomenon interpretation as a difference of grasped and grasping things.

Key words:

Interpretation, word, reference, referential structure, sense, experience.

REFERENCES

1. Husserl E. *Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. First book: General Introduction to Pure Phenomenology*. Trans. by W. R. Boyce Gibson. N.Y., Collier books. 1975, ch. 3, 401 p.
2. Shyuts A. *Izbrannoe: Mir, svetiashchiysya smyslom* [Favorites. The world shining with sense]. Moscow, ROSSPAIN, 2004. 1056 p.
3. Husserl E. *Krizis evropeiskogo chelovechestva i fylosofiya* [Crisis of European Humanity and Philosophy]. *Kulturologiya. XX vek* [Culturology. XX century]. Moscow, Urist, 1995. pp. 297–331.
4. *Logika i lingvistika (Problemy referentsii)* [Logic and Linguistics (Problems of reference)]. *NZL*, Iss. 13. Moscow, Raduga Publ., 1982. 256 p.
5. Ricoeur P. *Konflikt interpretatsiy* [The conflict of interpretations]. Moscow, Akademicheskiy proekt, 2008. 704 p.
6. Giorgi A. The Descriptive Phenomenological Psychological Method. *Qualitative research in psychology: Expanding perspectives in methodology and design*. Ed. by Camie P.M. Pittsburgh, PA, Duquesne University Press, 2003. 233 p.
7. Von Eckartsberg R. *On Experiential Methodology. Duquesne Studies in Phenomenological Psychology*. Vol. I. Pittsburgh, Duquesne University Press, 1971. pp. 66–79.
8. Sartre J.-P. *Bytie i nichto* [Being and nothingness]. Moscow, AST Publ., 2009. 928 p.

УДК 101.1:316.776

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ

Л.И. Иванкина, Е.В. Лотова

Томский политехнический университет
E-mail: ivankina@tpu.ru

В условиях проявляющейся в научно-практических исследованиях тенденции размывания границ гражданского общества до постгражданского общества и широкого применения наряду с традиционной категорией «гражданское общество» понятий «социальная сеть», «сетевое общество», интерес к которым поддерживается активным развитием современных компьютерных технологий и средств массовых коммуникаций, актуальность темы работы заключается в прояснении взаимосвязи данных понятий и процессов, фиксируемых категориями «гражданское общество» и «социальная сеть». Цель исследования состоит в определении границ данных понятий и выявлении их взаимосвязи. В этой связи рассмотрены генезис и развитие гражданского общества и социальных сетей как социальных процессов; выделены методологические основания для выявления общих и отличительных признаков рассматриваемых социальных явлений; показана их связь с моделями жизненного и системного миров. В основе исследования – аналитический метод, позволивший сделать ряд обобщений, дать общие оценки, вычленив особенности данных социальных явлений. В результате исследования выявлены границы и взаимосвязь рассматриваемых категорий; сделан вывод об одномоментной представленности гражданского общества на уровне микро- и макромира, что соответствует принадлежности его одновременно к моделям жизненного и системного миров.

Ключевые слова:*Социальная связь, социальная сеть, гражданское общество, социальный порядок.*

Какова природа гражданского общества и социальной сети, для чего и как они возникают? В понимании природы гражданского общества и социальных сетей обратимся к схеме мировой истории К. Ясперса, в которой нас интересует период осевого времени, имеющий главным содержанием выделение личностного начала развития. С начала осевого времени на границе социального и природного становится мыслящий субъект, и индивид одновременно является субъектом социального развития и личностью, определяющей себя через отношение к этому процессу. Данный подход реализуется на современном этапе в понимании двойственной природы человеческого бытия, обоснованной Ю. Хабермасом в моделях жизненного и системного миров. Жизненный мир отличается реальностью отношений, связей, в которые включен человек, в то время как системный мир образуется совокупностью безличных отношений людей – институционализированной деятельностью. Гражданское общество и социальная сеть могут быть исследованы в соответствии с данными моделями.

Социальную сеть и гражданское общество можно охарактеризовать через атрибуты (свойства акторов) и параметры связей (отношения между акторами). Формируясь во взаимосвязях социального пространства, индивид в процессе социализации переводит внешние требования к организации его действий во внутренний контроль и убеждения, не позволяющие ему преступать усвоенные им правила. Этот процесс лежит в основе становящегося гражданского состояния индивида, поскольку в социальном мире люди существуют как моральное единство с выраженным чувством сопричастности к общим требованиям.

Социальные сети образуются социальными связями между людьми и являются структурами отношений, в которых социальные субъекты взаимодействуют [1. С. 377]. Социальная связь высту-

пает единицей социального взаимодействия, ее своеобразным социальным атомом (Э. Дюркгейм). Под социальной связью нами понимаются действия людей с взаимной ориентировкой друг в друге, реализующиеся в мыслях, переживаниях, предпринимаемых действиях относительно друг друга. И как отмечает Ю. Хабермас, «...через функциональное увязывание последствий действий происходит стабилизация непреднамеренных связей действия» [2. С. 162].

Межиндивидуальная, межличностная реальность, существующая как сеть связей между людьми и формами, в которых проявляется их зависимость друг от друга, фиксируется в процессе структурирования и институционализации взаимодействий, т. е. общества. Межличностное социальное пространство соткано из пронизывающих взаимосвязей, которые находятся в постоянном движении и могут расширяться–сжиматься; усиливаться–ослабляться; сгущаться–распыляться; смешиваться, приближаться–дистанцироваться, обособляться; и пр. Образ таких связей был показан Ч. Кули (1902 г.), который отмечал, что человека можно представить как точку пересечения любого количества линий, соответствующих диапазону вовлеченности индивида во взаимодействия с другими. Межличностные взаимодействия имеют плотность контактов, конфигурацию, уровень социального доверия, что позволяет определять мощность объединения – «многие со многими». Процессы тяготеют к определенности, фиксируемой в социальных узлах (П. Штомпка), образуя четыре вида социальных сетей, находящихся в многомерных взаимосвязях, – сплетение идей, правил, интересов и действий [3].

Социальная сеть, будучи одной из форм самоорганизации социальных субъектов, проявляющаяся в «роевом эффекте» социально-ориентированного объединения (как, например, в колониях му-

равнев или пчел) с рядом характерных признаков, таких как отсутствие централизованного управления; самостоятельность и высокая вовлеченность участников, представляет собой, по определению Ю.М. Резника, «пространство взаимопроникновения и взаимопересечения личностей как автономных субъектов» [4. С. 111].

Как поле видимого, наблюдаемого и понимаемого социальные сети возникают в практиках повседневности, и в отличие от социальных связей, прекращающихся вследствие завершения отношений между акторами, фокусируясь вокруг таких социальных узлов, как идеи и правила, социальные сети сохраняются в актах культуры, воспроизводятся и передаются от поколения к поколению, что обеспечивает непрерывность социальности.

Ткань социального пространства в практиках повседневности, согласно Э. Тоффлеру, формируют «пять компонентов всех социальных ситуаций», к которым Э. Тоффлер отнес людей (связи с другими людьми); вещи (отношения индивида с вещами); места (отношения с местами); организации (связи с институциональным или организационным окружением); идеи (отношение к определенным идеям или потоку информации в обществе), отмечая, что с данными видами связей идентифицируется весь опыт общения человека с окружающим миром [5. С. 58].

Вследствие приобретаемой социальности действий, т. е. их ориентированности на других, становится возможным гражданское общество. З. Бауман в работе «Мы и они» приводит мнение А. Смита, полагавшего, что «в цивилизованном обществе человек во все времена нуждается в сотрудничестве и помощи огромного количества людей, тогда как всей его жизни едва хватает на то, чтобы приобрести дружбу лишь нескольких из них» [6. С. 43]. Поддержку стабильности как некоторого порядка обеспечивают повторяющиеся скоординированные практики акторов, и воспроизводимость практик является показателем того, что действия соответствуют интересам и целям индивидов и групп [7. С. 554].

Гражданское общество представляет собой нравственно-политический способ организации людей в общность, при котором проявляется феномен автофаговости – использования людьми самих себя как средства, ресурса собственного выживания, регулирования свободы выбора и свободы деятельности на основе общих ценностей, среди которых, прежде всего, само понятие «человечность». Факт внутренней нестабильности человеческого существования, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, «вынуждает к тому, чтобы человек сам обеспечивал стабильное окружение для своего поведения» [8. С. 212].

Социальная сеть, обладая множеством способов вовлеченности во взаимодействия и как следствие – многомерностью, распознается в признаках и контексте социокультурного поля (П. Штомпка, 1996), имеющего собственную специфику, пред-

ставляя собой отраженную реальность условий действия акторов. Э. Тоффлер обосновал факт того, что большинство отношений, в которые люди вступают, являются фрагментарными и функциональными, не принимающими в расчет личную историю каждого, не проникаясь его индивидуальностью, а воспринимая и оценивая его с точки зрения того, как он осуществил обмен. Такой контекст отношений определен им как модульный: «Мы не воспринимаем человека в целом, а включаемся, – пишет Э. Тоффлер, – как вилка в розетку, в один из модулей его личности» [5. С. 113]. На более раннем этапе исследования природы социальности практически о том же самом писал Э. Дюркгейм, определяя специфику социального автомата как особого механизма взаимообусловленности человеческих судеб. И как пишет Э. Тоффлер, «чем более интимными становятся отношения между людьми, тем большее давление оказывают друг на друга партнеры, чтобы исполнялись их ожидания» [5. С. 114]. Модульный тип отношений, строго ограничивая требования, предъявляемые к человеку, позволяет ему сохранять пространство самобытия.

Социальные сети и гражданское общество принадлежат жизненному миру человека. Потребностью жизненного мира упорядочить и привести в соответствие с собственной логикой развития отношения с системным миром обусловлено, согласно мнению Ю.М. Резника, появление гражданского общества [9. С. 485]. Но если социальные связи выступают основаниями бытия человека, то гражданскому обществу принадлежит конструктивная роль в балансировании взаимодействия системного и жизненного миров. Гражданское общество является, следовательно, институциональным выражением жизненного мира естественно складывающихся социальных отношений между индивидами. По сути, гражданское состояние – это осознание неотъемлемости своих естественных прав человеком и признание равного права за другими. Гражданское общество представляет собой форму социальной кооперации, человеческой солидарности, что позволяет характеризовать его как совокупность отношений морально-ценностного свойства, социально-экономического, политического и социокультурного порядка. Ж.-Ж. Руссо доминирующим признаком гражданского общества в отличие от естественного состояния человека определил организованное сотрудничество, призванное следовать и контролировать соблюдение в организованном управлении принципа наименьшего зла.

Гражданскими субъектами делает людей, как отмечает Ю.М. Резник, их представления о всеобщем бытии в социуме [4. С. 106]. Поэтому можно определить понимание природы гражданского общества как воображаемого сообщества, существующего в представлениях и идентификациях себя с ними людей, объединенных разделяемой идеей общности и необходимости взаимодействовать. В социально-ориентированных действиях

проявляется механизм сотрудничества и солидарности, а не управления, поскольку управлять гражданским обществом можно исходя из внешнего воздействия, посредством ценностей, правил, предписаний, акцентирования внимания на целях жизнедеятельности, успешности и средствах достижения идеального.

Истинная и неизбежная компенсация естественных слабостей человека, в чем был глубоко убежден А. Адлер, связана с реализацией социального интереса, со способностью институционализировать интересы в структурах (объединениях, организациях, группах и пр.), помогающих удовлетворять потребности, достигать цели, решать задачи и т. п., в которых человеческая жизнь, превосходя себя «в высоту» и «в ширину» путем реализации ценностей и воздействий на других, приобретает смысл. Спонтанно возникающие во взаимодействиях и потому, как обосновал В. Франкл, обладающие принудительной силой, стремления человека к истине и сохранению свободы закрепляются в идеалах нравственного и справедливого, без которых общество представляло бы собой «лишь механический агрегат, лишенный смысла» [10. С. 60].

Социальные действия человека определяются набором социальных ролей и представляют собой отдельные трансакции как акты неких функциональных сделок (или обменов). По определению З. Баумана, процесс обмена означает «взаимодействие, в котором каждая сторона должна предложить нечто такое, в чем нуждается другая сторона. Зависимость от услуг другой стороны останавливает обоих партнеров обмена от требования завышенного вознаграждения за свои услуги» [6. С. 59]. Отношения обмена нуждаются в определенных связующих правилах и способности оказывать влияние на последствия от действий, предпринимаемых в процессе обмена, с целью соблюдения справедливости, т. е. проявлять власть. Отношения, складывающиеся в процессе взаимодействия, асимметричны, что связано со степенью обладания властью как разрешающей способности – чем больше у человека власти, тем большим количеством вариантов выбора и необходимыми ресурсами он обладает. Природа людей такова, – констатирует Дж. Ролз, – что «они предпочитают получать больше сами и уменьшить долю, которую нужно разделить с другими» [11. С. 20]. По этой причине, как полагает Дж. Ролз, при распределении благ человек ожидает справедливости от общества. Чтобы справедливый обмен стал возможным, необходимо формировать определенные ценности, требования, образцы поведения и систему контроля за их соблюдением.

Поскольку поведением человека управляет в первую очередь образ воспринимаемой им реальности, постольку человек зависит от смыслов, ценностей, переживаний, отношения к происходящему. И именно поэтому человек решает для себя, как он будет поступать. Гражданское общество

становится коллективным субъектом, защищающим право личности на свои интересы, на возможность следовать своим путем и, добившись успеха, не быть от него отделенным, т. е. не быть ограбленным, лишенным прав и т. п.

Идея присутствия другого в жизни человека создает фоновые ожидания, названные Г. Гарфинкелем социально-культурной квинтэссенцией социального взаимодействия, которые служат социально одобряемыми установками на действия, и люди придают им личностный смысл. Фоновые ожидания направляют людей во взаимодействии, задавая его вектор. Приходящее извне обеспечивается институциональными структурами и прежде всего социальными нормами и ценностями. Также люди действуют на основе здравого смысла, являющегося механизмом социального порядка и ставшего возможным вследствие собственной спонтанной активности индивида, совершающего привычные действия, часто неосознаваемые и нерелексируемые.

Соотношение себя с человеческим сообществом для индивида становится смысложизненной задачей, поскольку процесс самопознания социален и возможным становится через других. Как отмечает Ю. Хабермас, «...поскольку другие вменяют ответственность мне, я постепенно делаю себя той личностью, какой я становлюсь через взаимодействие с другими» [12. С. 202], признавая в то же время в другой ее автономию [12. С. 204].

Многообразие подходов и обосновывающих критериев понимания природы гражданского общества выявляет проблему диалектики индивидуального и социального как поиска баланса взаимной симметрии людей и отношений, формирующихся, прежде всего, вокруг понимания возможного и справедливого. Стремление к правде и справедливости, по мнению Ю. Хабермаса, является нормативной предпосылкой человеческого общения. Большое значение при этом начинает приобретать не просто справедливость начального стартового состояния взаимодействия людей, а чувствительность к справедливости. Стремясь в жизненных моментах бытия обеспечить сбалансированность когнитивной и мотивационной систем, человек зависим от смыслов, ценностей, переживаний, отношения к происходящему. В этой связи интересно наблюдение, сделанное Б.В. Марковым, подметившим, что на Руси издавна неразвитость восприимчивости к справедливости фиксируется «в равнодушии ее граждан относительно индивидуальных прав и свобод» [13. С. 326].

Многомерность социальной действительности актуализирует проблему социокультурной соразмерности разного социального опыта, неопределенность последствий предпринимаемых действий усиливается, поскольку способ поведения выбирается на основе отношения к реальности. Данная тенденция, обозначенная И. Пригожиным понятием «упорядоченного хаоса», обуславливает появление нарастающей потребности в упорядочива-

нии жизни и действий, предпринимаемых людьми относительно друг друга. С целью оптимизации результата для акторов возрастает потребность в целерациональных действиях, совершаемых в контексте определенной системы ценностей и норм. Возрастает потребность в переговорных сообществах, позволяющих согласовывать разные намерения и представляющих позиции определенных интересов. С данной задачей на современном этапе развития средств массовых коммуникаций легко справляются интернет-технологии, создавая новое веб-пространство как сферу надындивидуального существования, позволяя оперативно общаться, обмениваться информацией, поддерживать гражданские инициативы и т. п. С появлением компьютерных социальных сетей (Интернет), позволяющих вовлекать все больше людей в совместные социально-значимые действия, формируется новый вид оперативной обратной связи, упрощающий процесс контроля над деятельностью государственных структур власти, делая его доступным для большинства граждан, существенно поднимаемая значимость гражданственности как акта свободного волеизъявления.

Концентрирование интересов вокруг социальных сетей как технологии быстрого переговорного процесса, когда каждый может говорить со многими другими, не имея даже представлений о том, какие это конкретные акторы, поддерживает иллюзию со-бытийности происходящего в условиях бессубъектности взаимодействий и симулякривной реальности, исключаяющей физическое взаимодействие «лицом-к-лицу».

Как условие осуществления естественности и защиты права «каждому – свое», гражданское об-

щество включает в себе латентное противоречие. Реальная угроза действовать против интересов другого порождает механизм противодействия в разделении гражданским обществом функции защиты естественных прав с государственными структурами, акцентирующими влияние на легитимности своего функционирования как воплоителя публичного интереса. С реализацией другого принципа распределения, как было замечено К. Марксом, политика в перспективе растворится в реорганизованном гражданском обществе.

Заключение. Анализ природы и развития гражданского общества с позиций социально-сетевых оснований позволяет сделать вывод относительно того, что гражданское общество эволюционирует, но не трансформируется в социальную сеть, сохраняя свое предназначение и культурную универсальность – защищать индивида, с одной стороны, от абсолютизации власти, стремящейся в форме государственного правления подчинить все сферы жизненного мира человека контролю, а с другой – увеличив степень доверия между акторами, уменьшить риск неопределенности вознаграждения и неоднозначность последствий социального обмена. Применение категории «социальная сеть» к анализу природы гражданского общества позволяет рассматривать его как явление, созданное и воссоздаваемое в процессах взаимодействия индивидов, на уровне микромира повседневности. Одновременно гражданское общество представляет собой явление интерсубъективности как макромир с выраженной вертикальной динамикой – от гражданского состояния индивида к высокогенерированным объединениям и технологиям взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. – М.: ООО «Изд-во Астрель», 2004. – 511с.
2. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М.: Изд. центр «АКАДЕМИА», 1995. – 245 с.
3. Штомпка П. Социология: анализ современного общества. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
4. Резник Ю.М. В поисках новой гражданской общественности // Известия ТПУ. – 2012. – Т. 320. – № 6. – С. 106–112.
5. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: Изд-во АСТ, 2001. – 560 с.
6. Бауман З. Мыслить социологически. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 255 с.
7. Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. – М.: Изд-во «Экзамен», 2007. – 750 с.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Московский философский фонд, 1995. – 323 с.
9. Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Социальная онтология. – М.: Институт востоковедения РАН, 1999. – 514 с.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 366 с.
11. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – 536 с.
12. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // О человеческом в человеке. – М.: Политиздат, 1991. – С. 195–206.
13. Марков Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории. – СПб.: Изд-во «Лань», 1997. – 384 с.

Поступила 24.10.2013 г.

CIVIL SOCIETY AND SOCIAL NETWORK: ON THE ISSUE OF RELATIONSHIP

L.I. Ivankina, E.V. Lotova

Tomsk Polytechnic University

E-mail: ivankina@tpu.ru

Taking into account the tendency emerging in research concerning blurring of boundaries between a civil and a post-civil society, the paper clarifies the relationship between such concepts as «social network» and «network society» which are widely used along with the traditional concept of civil society. The interest to the concept is supported by the intensive development of computer technologies and communication media. The paper is focused on delineation of these concepts and reveals the relationship between them. In this connection, genesis and development of a civil society and social networks is presented as social processes; methodological grounds for general and distinguishing features of said phenomena are considered; their connection with life and systems worlds is shown. The paper is based on the analytical method which allowed making a range of generalizations and single out the features of these social phenomena. As a result, the authors stated the boundaries and relationship between the said categories, drawn a conclusion on one-time representation of a civil society at the level of micro- and macro-world, that corresponds to its simultaneous belonging to the models of both life and system worlds.

Key words:

Social relation, social net, civil society, social order.

REFERENCES

1. Kravchenko S.A. *Sotsiologicheskii entsiklopedicheskiy rusko-angliyskiy slovar* [Sociologic encyclopedic English-Russian dictionary]. Moscow, Astrel Publ., 2004. 511 p.
2. Khabermas Yu. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost. Moskovskie lektzii i intervyyu* [Democracy. Mind. Moral. Moscow lectures and interviews]. Moscow, AKADEMIA Publ., 1995. 245 p.
3. Shtompka P. *Sotsiologiya: analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology: analysis of modern society]. Moscow, Logos, 2005. 664 p.
4. Reznik Yu.M. V poiskakh novoy grazhdanskoy obshchestvennosti [Search for new civil community]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 320, no. 6, pp. 106–112.
5. Toffler E. *Shok budushchego* [Shock of the future]. Moscow, AST, 2001. 560 p.
6. Bauman Z. *Myslit sotsiologicheski* [Sociological thinking]. Moscow, Aspekt Press, 1996, 255 p.
7. Kravchenko S.A. *Sotsiologiya: paradigmy cherez prizmu sotsiologicheskogo voobrazheniya* [Sociology: paradigms through the prism of sociological imagination]. Moscow, Ekzamen, 2007. 750 p.
8. Berger P., Lukman T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti* [The social construction of reality]. Moscow, Moskovskiy filiosofskiy fond, 1995. 323 p.
9. Reznik Yu.M. *Vvedenie v sotsialnuyu teoriyu. Sotsialnaya ontologiya* [Introduction to social theory. Social ontology]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, 1999. 514 p.
10. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [A man searching for sense]. Moscow, Progress, 1990. 366 p.
11. Rolz Dzh. *Teoriya spravedlivosti* [Equity theory]. Novosibirsk, NGU Publ., 1995. 536 p.
12. Khabermas Yu. *Ponyatie individualnosti* [A concept of individuality]. *O chelovecheskom v cheloveke* [On humanistic constituent in a man]. Moscow, Politizdat, 1991. pp. 195–206.
13. Markov B.V. *Filosovskaya antropologiya: ocherki istorii i teorii* [Philosophic anthropology: historical essays and theories]. Saint Petersburg, Lan Publ., 1997. 384 p.

УДК 113/119

ФИЛОСОФИЯ РЕГУЛЯЦИИ ПРИРОДЫ Н.Ф. ФЕДОРОВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

И.В. Брылина

Томский политехнический университет
E-mail: ibrylina@yandex.ru

Актуальность: привлечь внимание к русскому философу, гуманисту, космисту Н.Ф. Федорову, который более века назад предлагал человечеству переход к энергоэффективным и ресурсосберегающим технологиям. Он настаивал на использовании армии в мирных целях и предсказывал возникновение «экологических глобальных проблем», с которыми человечество столкнулось в XX веке.

Цель работы – проанализировать труды Н.Ф. Федорова и их влияние на развитие философской и научной мысли современности. Описать его оригинальный проект регуляции природы, который стал источником эволюционной концепции ноосферы, трансгуманизма и многих других отраслей современного научного знания.

Заключение: утверждается, что основной закон природы (Смерть) является общим врагом человечества (Злом). Описывается механизм регулирования природы и ее движущая сила – отцелюбие (воскрешение предков), которая становится основой им-мортологии как науки о преодолении смерти в XX веке.

Ключевые слова:

Русский космизм, управление природой, Федоров Н.Ф., воскрешение предков, им-мортология.

Овладение законами природы, использование их на благо человечества, способность преобразовать мир, преодолеть главный закон природы – смертность, и достичь бессмертия – кто из философов и ученых разных времен и народов не мечтал об этом? Многие открытия современных ученых были предвосхищены Н.Ф. Федоровым – гениальным русским мыслителем, ученым, гуманистом, 185-летие со дня рождения которого будет отмечаться в 2014 г. Под влияние его идей попали широкие ряды литераторов, философов, художников и ученых его времени – от Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева до В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, К.Э. Циолковского, многие из которых признавали, что гордятся тем, что живут в одно время с подобным человеком (Л.Н. Толстой), что он стал «дорогим учителем» и «отцом духовным», «утешителем» (В.С. Соловьев) [1]. В чем заключается секрет его воздействия на современников, и почему сегодня, спустя более века после смерти, творчество Н.Ф. Федорова актуально и востребовано современными мыслителями и учеными? О каких его идеях говорят, пишут, разрабатывают, внедряют [2–5], а какие оказались незаслуженно забытыми и почему?

На наш взгляд, секретом обаяния Н.Ф. Федорова для русской культуры «серебряного века» стало нравственное основание его философского учения, столь любимое и почитаемое русской интеллигенцией, – стремление к достижению всеобщего бессмертия, победы Добра над Злом. Современники и последователи Н.Ф. Федорова за гуманизм и «супраморализм» называли его «московским» или «русским Сократом».

На основе научно-нравственной идеи о единении человечества ради «общего дела» – овладения природой, трансформации ее по законам Добра, победы над смертью, достижения власти над преобразованной человеческими разумом и действием природой, мыслитель пришел к созданию научно-

го проекта «управления природой» или «регуляции природы».

Более века назад Н.Ф. Фёдоров в своем антропо-космическом проекте предлагал человечеству переход к энергоэффективным и ресурсосберегающим технологиям: поставить природу на службу человечеству, эффективно использовать энергии Солнца, ветра, воды и отказаться от неэффективных трудозатратных форм деятельности (например, добычи каменного угля, руды и пр.), что позволило бы высвободить силы и время человечества на «общее дело». Он предлагал использовать армию не для войн и разрушения, а для мирных созидательных целей, направить ее деятельность на противостояние стихийным катастрофам – ураганам, смерчам, наводнениям и засухам, приносящим человечеству огромные горе и гигантский ущерб. Уже в XIX в. Н.Ф. Федоров предвидел возникновение «экологических глобальных проблем», с которыми человечество столкнулось в XX в.

Многие мыслители XX–XXI вв., вслед за Н.Ф. Федоровым, пришли к рассмотрению человека как «переходного», «незавершенного», продолжающего развитие существа, призванного выйти за свои пределы, преодолеть свое несовершенство, достичь иного уровня бытия в мире. Согласно В.И. Вернадскому [6, 7], на современном уровне организации природы человек не является «венцом творения», согласно автору ноосферной теории на Западе П. Тейяру де Шардену [8], следующей ступенью развития человека станут «сверхсознание» и «сверхжизнь», на смену человеку придет Сверхчеловек. Эта идея получила развитие в концептах «Трансчеловека» (Б.Г. Юдина), «Постчеловека» или «Мегаполисного человека» (С.С. Хоружия), «Постличности» (М.В. Думинской), «Модульного человека» (Э. Тоффлера), «человека цвишенс» и др.

Гениальные идеи Н.Ф. Федорова стали предвестником прорыва России в космических иссле-

дованиях в XX в., предвосхитили теории ноосферной жизни, автотрофности человечества, расширения сознания, ресурсов мозга человека и др. современных научных исследований и открытий.

Анализируя законы природы, Н.Ф. Федоров приходит к выводу о двойственности, альтернативности бытия: «Есть два материализма, материализм подчинения слепой силе материи и материализм управления, ... в самой природе, делаясь её умом, регуляцией» [9. С. 627]. Им создается философия управления природой, главной задачей которой становится преобразование человека, познающего ту действительность, которую сотворил сам. Высшей же целью человека, его «общим делом» становится борьба с силами природы, преодоление Зла, преобразование реальности по законам Добра. Что такое Добро?

Задаваясь этим вопросом в статье «Что такое добро?», Н.Ф. Федоров анализирует две работы своих современников и соотечественников: «Оправдание добра» В.С. Соловьева и «Что такое искусство?» Л.Н. Толстого. Автор обращает наше внимание на то, что ни один из выдающихся писателей не дает положительного определения добра. Они оба идут отрицательным (апофатическим) путем, описывая, что не является Добром. Следуя их логике, он доходит до положительного определения Добра: «Добро отрицательно будет не отнятие лишь жизни, а положительно – сохранение и возвращение жизни. Добро есть сохранение жизни живущим и возвращение её теряющим и потерявшим жизнь» [9. С. 608]. Таким образом, Добро – это сама жизнь, это и есть главное моральное основание философской концепции Н.Ф. Федорова.

Н.Ф. Федоров, полемизируя со своим современником В.С. Соловьевым, не соглашается с его утверждением, что «человек» и «смертный» – синонимы. «В строгом смысле человек не смертный, а сын умерших отцов...» [9. С. 612]. Он уточняет, что «заменяв определение сын человеческий неопределенным человек, мы лишили себя возможности сказать, кто наш общий враг, в чем наше общее дело» [9. С. 613], а пока «у человеческого рода нет общего дела, силы его будут поглощаться делом общественным, которое требует разделения, партий, борьбы» [9. С. 156], а человечество должно осознать свою общую цель – борьбу со Злом, смертностью, и консолидировать все свои силы ради борьбы с хаосом и случайностью природы, направив их на регуляцию природы, ее преобразование по законам контролируемой регуляции. «Только через регуляцию материи дух одержит полную победу над плотью, победу общую, а не частичную, неполную, бесплодную, какая возможна в настоящее время» [9. С. 186].

После выявления главного врага человечества – главного закона природы – смерти и осмысления общего дела человечества – преодоления смерти, достижения бессмертия, возникает вопрос о путях возвышения человека над природой, законом смертности, механизмах регуляции природы.

Н.Ф. Федоров вскрывает механизм управления природой. По его мнению, есть два последовательных шага, две ступени, которые должен преодолеть человек на пути к бессмертию. Первая ступень – это осознание смерти, осознание утрат. Перефразируя Р. Декарта («Мыслю, следовательно, существую»), Н.Ф. Федоров приходит к формуле: «Сознаю, следовательно, чувствую утраты». Но осознание – это лишь первая ступень, за осознанием должно последовать нравственное действие: «Сознаю, следовательно, воскрешаю», – таков механизм управления природой по Н.Ф. Федорову. Человек как нравственное существо не должен остановиться на первой ступени, что означало бы победу эгоизма, но перейти ко второму шагу – деятельному воскрешению. «Не вперед и вперед до бесконечности, как в природе, а назад и назад до самого первоначала – к отцам, праотцам и их восстановлению, – таким должен быть лозунг совершенного человечества» [10. С. 123–126].

Наряду с описанными выше концепциями Н.Ф. Федорова «регуляции природы» и теорией «воскрешения предков», он создал оригинальную «философию отцелюбия» [10], внося этим не только значительный вклад в разработку «философии русского Эроса» и дополнив «философию Вечной Женственности Божией» В.С. Соловьева, «Детородильную религию» В.В. Розанова, «Этику преобразованного Эроса» Л.П. Карсавина, философию Эроса Н.А. Бердяева и др. [11], но и выявив главную причину разобщения людей: «...люди не были бы так конечны и ограничены, если бы была между ними любовь, т. е. если бы они все составляли одну объединенную силу; но они потому и смертны, потому и ограничены, что нет между ними единства, любви...» [9. С. 144].

Полемизируя с «детородильной религией» В.В. Розанова, о том, что путь к бессмертию в рождаемости предками потомков, он считает, что «извращенная природа под видом брака и рождения скрывает смерть» [9. С. 342], что рождение детей не есть продолжение родителей, а напротив, влечет их смерть. По его мнению, «сыновья и дочерняя любовь ...должна...замениться воскрешением, когда восстановление старого заменит рождение нового, только тогда... весь мир будет чист» [9. С. 119]. Человек должен выйти за пределы своего эгоизма, чтобы достичь бессмертия. «Знать только себя есть Зло, знать только других (альтруизм) есть добродетель... Нужно жить не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех» [9. С. 400].

Во фрагменте «Сверхчеловечество как порок и добродетель» Н.Ф. Федоров утверждает, что «идея сверхчеловечества порочна, если речь идет об избранных, привилегированных (сверхчеловек Ф. Ницше). Она благодетельна только тогда, когда «состоит в исполнении естественного долга разумных существ в их совокупности, в обращении слепой, неразумной силы природы, стихийно рождающей и умертвляющей, в управляемую разу-

мом... Жизнь есть добро; смерть есть зло. Возвращение живущими жизни всем умершим для жизни бессмертной есть добро без зла. Воссоздание из земли всех умерших, освобождение их от власти земли... – вот высшая задача человечества, его высший долг и вместе с тем высшее благо... Высший императив (приказ) может быть создан только высшей любовью» [9. С. 557–558].

Таким образом, Н.Ф. Федоров выявляет и основной источник преобразования человека и мироздания по законам Вечности – отцелюбие как нравственный труд человека по преобразованию природы.

Н.Ф. Федоров стал основоположником философии космизма как управления природой, ее регуляции по законам разума и деятельности человека, что во многом предвосхитило концепции ноосферы, пневмосферы, техносферы, автотрофности и др. Теория «воскрешения предков» породила бурный рост и развитие современных открытий в области разработки новых форм и способов увеличения продолжительности жизни, достижения бессмертия человечества: криогенное замораживание, клонирование, выращивание органов из стволовых клеток и т. д. Несмотря на очевидность и весомость для развития науки новаторских идей Н.Ф. Федорова, в его теории можно усмотреть и некоторую уязвимость в упрощенности, сведении многообразия явлений, причин и следствий к единообразию.... Это выражается в том, что мощнейшая сила природы (Эроса) должна трансформироваться в созидательную творческую энергию, направленную на познание и преобразование (регуляцию) природы, возвращение жизни умирающим и умершим. Задача гуманная, но достаточно утопичная для современного прагматичного мира. В литературе иногда встречаются оценки философских идей мыслителя как танатологических и даже некрофильских... [12. С. 7]. Оспаривая подобное мнение, следует обратить внимание на то, что идеи умирания и смерти являются не самоцелью философии русского мыслителя, а лишь средством, предпосылкой формирования философии воскрешения как достижения бессмертия человека, утверждения торжества жизни над смертью.

Заключение

Выше сказано, что при жизни Н.Ф. Федорова сравнивали с Сократом. Причина аналогии в том, что, как Сократ осуществил антропологический переворот в философии Античности (от натурфилософии (философии природы) к антропологии (философии человека)), так Н.Ф. Федоров в свое время разработал концепцию антропокосмизма – нового синтеза человека и Вселенной.

Одни из идей основоположника русского космизма намного пережили автора и оказались востребованными в XX–XXI вв., другие были утрачены.

Прямым следствием философии регуляции природы стали концепции био- и ноосферы В.И. Вернадского, основы теоретической космо-

навтики К.Э. Циолковского, космической биологии и гелиобиологии А.Л. Чижевского и др.

Им был создан задел для развития современных космотехнологий, связанных с эффективным использованием космических сил на благо человечества, и биотехнологий, основанных на геронтологических и иммортологических идеях в области продления жизни, преодоления смерти, которые казались футурологическими и утопическими в XIX в., и привели к возникновению и развитию танатологии как науки о смерти и умирании и иммортологии как науки о преодолении смерти в XX в.

Гениальные прозрения русского мыслителя заложили краеугольный камень в основании эволюционно-синергетической парадигмы постнеклассического этапа развития науки как идеи активной коэволюции человека, общества, Земли и Вселенной.

Многие философские замыслы Н.Ф. Федорова воплотились в современных научных теориях и изобретениях. Однако в ходе неуклонного движения человечества по пути прогресса был утрачен гуманистический смысл философии регуляции природы, его главная интенция – антропологическая направленность.

Н.Ф. Федоров предупреждал об опасности и пагубности для «общего дела» человечества предания забвению дела отеческого (воскрешения поколений умирающих и умерших предков), желания использовать власть и богатство для продления жизни и достижения бессмертия (Сверхчеловечества) только для ныне живущих. Именно эта нравственная интенция энергии человека – превращение любви сыновней и дочерней (отцелюбия) в воскрешающую силу оказалась утраченной современным обществом.

Утрата идеи биофильности (жизнелюбия) в русской культуре явилась следствием тех социальных потрясений и трансформаций, которые произошли с Россией в XX в., круто изменив траекторию ее развития от монархического (1913 г.), к коммунистическому, затем капиталистическому обществу, когда вместе с утратой религиозных устоев были утрачены принципы христианской соборности и коллективизма, с распадом СССР, а потом – СНГ были разрушены основы интернационализма, единства, идентичности народа (2013 г.). Россия пошла по проторенному Западом пути конкуренции и индивидуализма. Основная идея Н.Ф. Федорова – осознание своего единства для реализации «общего дела» – регуляции природы на нравственных началах – останется утопией для человечества, отдавшего предпочтение созиданию – потреблению, единению – индивидуализм и эгоизм, любви – разрозненность и отчуждение.

Работа выполнена в рамках государственного задания «Наука», тема № 6.2158.2011 «Исследование теории адаптации науки и высшего профессионального образования в условиях инновационных преобразований общества».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев В.С. Смысл любви // Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – 687 с.
2. Московченко А.Д. Введение в космическую философию. – Томск: Знамя мира, 1997. – 44 с.
3. Московченко А.Д. Философские проблемы интеграции естественных, гуманитарных и технических наук. – Томск: Изд-во ТУСУР, 2007. – 254 с.
4. Юдин Б.Г. Сотворение Трансчеловека // Вестник Российской академии наук. – 2007. – Т. 77. – № 6. – С. 520–527.
5. Хоружий С.С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // Философские науки. – 2008. – № 2. – С. 10–32.
6. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
7. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – 520 с.
8. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – 235 с.
9. Федоров Н.Ф. Сочинения. – М.: Мысль, 1982. – 711 с.
10. Брылина И.В. «Философия отцелюбия» Н.Ф. Федорова // Известия Томского политехнического университета. – 2008. – Т. 313. – № 6. – С. 123–126.
11. Брылина И.В. Философия Русского Эроса. – Томск: Изд-во ТПУ, 2007. – 119 с.
12. Иваницкая Е. Несвоевременные страхи. Почему я боюсь «бессмертного блаженства» // Независимая газета. – 31 марта 1993. – № 59 (483). – С. 4.

Поступила 18.10.2013 г.

UDC 113/119

N.F. FEDOROV PHILOSOPHY OF NATURE REGULATION AND MODERNITY

I.V. Brylina

Tomsk Polytechnic University

E-mail: ibrylina@yandex.ru

The urgency of the discussed issue is caused by the need to remember the Russian philosopher, humanist, cosmist N.F. Fedorov who offered mankind a transition to energy-efficient and resource-saving technologies more than a century ago. He insisted on using the army for peaceful purposes. He also predicted the emergence of «global environmental problems» which humanity faced in the twentieth century.

The main aim of the study is to analyze the works of N.F. Fedorov and their influence on the development of philosophical and scientific thought of today, to describe his original project of the nature regulation, which became a source of evolutionary concept of the noosphere, transhumanism and many other branches of modern scientific knowledge.

Conclusion: The author states that the main law of nature (Death) is the common enemy of mankind (Evil). The paper describes a mechanism of nature regulation and its driving force. It is love to fathers (the resurrection of the ancestors), which is the basis of the immortality as the science of overcoming Death in the twentieth century.

Key words:

Russian Cosmism, Regulation of Nature, Fedorov N.F., resurrection of the ancestors, immortality.

REFERENCES

1. Solovyev V.S. Smysl lyubvi [The meaning of love]. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, Mysl, 1990. Vol. 1, 687 p.
2. Moskovchenko A.D. *Vvedenie v kosmicheskuyu filosofiyu* [Introduction into cosmic philosophy]. Tomsk, Znamya mira Publ., 1997. 44 p.
3. Moskovchenko A.D. *Filosofskie problemy integratsii estestvennykh, gumanitarnykh i tekhnicheskikh nauk* [Philosophical problems of integration of natural and human sciences and engineering]. Tomsk, TUSUR, 2007. 254 p.
4. Yudin B.G. *Sotvorenie Transcheloveka* [Creation of transhuman]. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2007, vol. 77, no. 6, pp. 520–527.
5. Horuzhiy S.S. Problema postcheloveka, ili transformativnaya antropologiya glazami sinergichnoy antropologii [Postchelovek problem, or transformative anthropology in terms of synergetic anthropology]. *Philosophical sciences*, 2008, no. 2, pp. 10–32.
6. Vernadskiy V.I. *Nauchnaya mysl kak planetnoe yavlenie* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow, Nauka, 1991. 271 p.
7. Vernadskiy V.I. *Filosofskie mysli naturalista* [Philosophical thoughts of naturalist]. Moscow, Nauka, 1988. 520 p.
8. Teilhard de Chardin P. *Fenomen cheloveka* [The Phenomenon of a man]. Moscow, Nauka, 1987. 235 p.
9. Fedorov N.F. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, Mysl, 1982. 711 p.
10. Brylina I.V. «Filosofiya otselyubiya» N.F. Fedorova [«Philosophy of love to fathers» by N.F. Fedorov]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2008, vol. 313, no. 6, pp. 123–126.
11. Brylina I.V. *Filosofiya Russkogo Erosa* [Philosophy of Russian Eros]. Tomsk, TPU Publ., 2007. 119 p.
12. Ivanitskaya E. *Nesvoevremennye strakhi. Pochemu ya boyus «bessmertnogo blazhenstva»* [Untimely fears. Why I'm afraid of «immortal bliss»]. *Independent Newspaper*. 31 March 1993, no. 59 (483), pp. 4.

УДК 165.63

О ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

И.В. Черникова, Д.В. Черникова*

Томский государственный университет, Томский политехнический университет

*Томский политехнический университет

E-mail: chdv@tpu.ru

Рассматриваются исторические формы научной рациональности, ее трансформация на современном этапе цивилизационного развития, в котором огромную роль играют NBIC-технологии. Основанные на указанных технологиях программы, нацеленные на улучшение качества жизни, выходят за рамки поставленных задач технологического совершенствования природных объектов и человеческих возможностей. Трансформации подвергается сама природа человека, которая и в философии, и в науке до недавнего времени рассматривалась как инвариант, константа, а теперь обсуждается постчеловеческое будущее. Актуализируется вопрос о безопасности высоких технологий для человечества, способах контроля рисков технонауки, усилении ответственности, рациональной обоснованности знаний. Специфика научной рациональности на современном этапе развития общества представлена как открытая рациональность, которая предполагает включение ценностных измерений.

Ключевые слова:

Рациональность, когнитивная наука, природа человека, NBIC-конвергенции, эволюция, общественная безопасность, гуманизм, социальный прогресс, ответственность.

Важнейшим в рамках такого приоритетного направления развития науки и технологий в РФ, как проблема безопасности, является вопрос о научной рациональности как способе жизнедеятельности в рамках проективно-конструктивного отношения к миру и способах контроля в обществе риска. Современный этап социального развития называют обществом риска, наиболее разработанную модель которого представил У. Бек. Риски технонауки и социально-экологические последствия технологических катастроф обусловили необходимость введения социально-гуманитарной экспертизы как особого типа деятельности. Близкими по смысловому содержанию являются проекты «социальная оценка техники» (Technology assessment), «исследование рисков», «анализ технических инноваций», «устойчивое развитие» и др., нацеленные на формирование знаний как основы действия и принятия решений, касающихся техники и ее социального применения. Особую роль при этом играет научное знание. Знание, тем более научное, предполагает рациональную обоснованность.

В цивилизации знания особую роль играет технонаука, отличающаяся, как подчеркивает В.А. Лекторский, тесной взаимосвязью фундаментального знания о природе, человеке и обществе и технологических рекомендаций по использованию этого знания для трансформации реальных процессов. При этом такие продукты современной технонауки, как нано-, био-, информационные и когнитивные технологии начинают использоваться для радикального изменения окружающего человека мира и самого человека [1. С. 31–32].

Фактором социального развития, оказывающим влияние на развитие цивилизации в целом и каждого человека в отдельности, являются современные высокие технологии, обозначаемые как NBIC-конвергенции. Их прорывное значение касается как изучения и преобразования природных объектов, окру-

жающей среды, так и преобразования самого человека. Основанные на указанных технологиях программы, нацеленные на улучшение качества жизни, выходят за рамки поставленных задач технологического совершенствования природных объектов и человеческих возможностей. Трансформации подвергается сама природа человека, которая и в философии, и в науке рассматривалась как инвариант, константа, а теперь обсуждается постчеловеческое будущее. Здесь как никогда уместно поставить вопрос о безопасности высоких технологий для человечества. Каков тот порог, за которым вмешательство в природу человека приведет к изменению природных механизмов эволюции и потребует радикальное изменение контроля разума над конструируемой им реальностью? В этой связи рассмотрим вопрос об исторических формах рациональности, о трансформации научной рациональности на современном этапе цивилизационного развития, в котором огромную роль играют NBIC-конвергенции.

Как отмечалось в наших исследованиях, посвященных обсуждению исторических типов рациональности и форм научной рациональности, рациональность всегда являлась тем стандартом, которым руководствовались в выборе ориентиров. Современный этап цивилизационного развития характеризуется кардинальными изменениями, которые выражаются в таких явлениях как глобализация, общество риска, «постчеловеческое будущее» и т. д.; прежние стандарты деятельности ставятся под сомнение, и вновь актуален поиск новых форм рациональности.

Анализ современных форм научной рациональности будет более глубоким, если его основывать на исследовании рационализма в его историко-культурных формах. Рациональность как философско-мировоззренческая проблема осознана еще в античности. Слово «рациональность» происходит от латинского «ratio», которое Цицерон использовал

как перевод греческого «Логос». Что же такое «Логос»? У Гераклита «Логос» – это мировой закон, мера, пропорция, это способ, каким осуществляется космос. У Платона «Логос» относится, прежде всего, к объемлющему человека миропорядку и зачастую отождествляется с размышлением. Аристотель в духе компромисса толкует «Логос» как отношение, пропорцию в самих вещах. Человек, обнаруживая природный «Логос», проявляет разумность, если подчиняется Мировому разуму. В целом же, при всех нюансах трактовки рациональности, в античности прослеживается общая тенденция онтологизации «ratio» [2. С. 300].

Прослеживая этапы европейского рационализма, выделяют следующие периоды: классический, просветительский, гегелевский, неокантианско-позитивистский. В Новое время зарождаются опытные науки, математика обретает статус универсального языка экспериментального естествознания, и новой формой рационализма становится научная рациональность, которая понимается как метод. На первом этапе, классическом, рациональность рассматривается как измерение. Как отмечал Галилей, понятие – значит знать, как измерить. Несмотря на наличие наряду с рационализмом такого направления как эмпиризм, в противоборстве которых формировалось проблемное поле философии в этот культурно-исторический период, в целом эпистемология Нового времени носила сугубо рационалистический характер. Исходной предпосылкой рационализма этой эпохи является признание существования в разуме изначальных априорных форм, которые не требуют обоснования, а напротив, позволяют обосновывать иные знания. Признание человеческого разума законополагающим отличало рационализм Нового времени.

Эпоха Просвещения – эпоха доверия разуму, доверия, не требующего обоснований и доказательств. Просветительский разум обнаружил свою несостоятельность перед лицом буржуазной французской революции. Вершиной немецкой классической философии и европейского рационализма принято считать Гегеля. В философии Гегеля разум это Абсолют, стоящий над людьми. Проблема разума переносится в область объективной логики – логики развития культуры. Это логический рационализм, но не в формально-логическом смысле. Если для Просвещения характерна вера в разум как универсальную способность человека, то Гегель показывает, что не каждый обладает разумом, не на всех этапах истории он вообще возможен. Четвертым этапом в развитии европейского рационализма стал позитивизм. Здесь рациональность отождествляется с научной рациональностью, логические схемы науки рассматриваются как фундаментальные структуры разума.

Общая тенденция динамики европейского рационализма – движение от Разума всеобъемлющего к разуму научному. Разум общеполитический постепенно вырождается в разум научный, но уже в XIX в. возникли сомнения в позитивной роли научного разума, они высказывались А. Бергсоном, Э. Гуссерлем, М. Вебером, М. Хайдеггером, К. Ясперсом и другими.

В современных дискуссиях на тему научной рациональности следует, прежде всего, выделить ставшую уже классической позицию представителей школы историков науки, согласно которой рациональность есть набор нормативных правил и схем научного исследования. Представители школы философии науки этот «набор» конкретизировали в весьма широком спектре: акцент на внутринаучных, когнитивных факторах у К. Поппера, и на социально-психологических у Т. Куна. К. Поппер трактует рациональность как критичность научной рефлексии. Т. Кун считает, что рациональность социально конструируется в коммуникативных практиках и самой «формой жизни». С. Тулмин отстаивал представление о научной рациональности как об объяснительной способности научной дисциплины, как форме человеческой деятельности по получению знания: рациональность не в теоретических системах, но в процедурах научного поиска. Крайнюю позицию занял П. Фейерабенд, считающий, что рациональность не следует рассматривать как универсальную норму. Согласно П. Фейерабенду, разум ни хорош, ни плох, он просто есть.

Вопрос о рациональности в той или иной мере рассматривают философы, работающие в разных парадигмах философии. Так, Д. Деннет, которого относят к сторонникам нового натурализма, считает, что быть рациональным значит быть интенциональным и быть объектом определенной установки. Под интенциональной системой Д. Деннет понимает систему, чье поведение может иногда быть объяснено, предсказано, опираясь на приписываемые системе верований, желаний (надежд, страхов, интенций). Это поведенческая система. То, что он называет интенциональной сферой, напоминает сферу практического разума И. Канта. Интенциональная установка включает в себя интерпретацию поведения объекта в соответствии с допущением действия принципа рациональности [3. С. 382].

При всем разнообразии трактовок научной рациональности общая стратегия поиска – в сопоставлении научной рациональности с общечеловеческими ценностями. Так, К. Хьюбер проанализировал влияние мифов, бытующих в системе ментальности, показал роль социальной среды, в которой развивается наука. Л. Лаудан выдвинул сетчатую модель научной рациональности, в которой научные исследования направляются аксиологией. А один из ведущих философов современности Ю. Хабермас заметил, что существует лишь одна вечная рациональность, заключающаяся в том, чтобы под разнообразием страстей и предрассудков обнаруживать всеобщее. В этой связи в философии намечились тенденции: либо поиск новой концепции разума, либо констатация смерти метафизики, конца науки (постмодернизм), иррационализм.

В контексте постмодернистского спора, опровергающего какие-либо нормативы, обострились дискуссии по научной рациональности. Особенности современной постановки проблемы рационализма заключаются, видимо, не в том, что рациональность обретает иную форму. Историчность ра-

ционализма, динамика его форм в западной культуре коротко описана выше. Сегодняшняя ситуация есть следствие не только этой динамики, но и глубочайшего кризиса европейского рационализма. И хотя рациональные установки и рациональные действия меняются в зависимости от времени и культуры, вряд ли даже в постмодернистской культуре может быть оправдано полное отсутствие таковых, чтобы вместо дилеммы «рациональное–иррациональное», «рациональное–эмоциональное» возникла дилемма «рационализм–плюрализм».

Не только за пределами постмодернизма, но и в тех его аспектах, которые называли конструктивным постмодернизмом, происходит переосмысление рациональности. В этом поиске исходными являются тезисы: *во-первых*, научная рациональность не является ни единственным, ни высшим видом рациональности (религия, миф, политика, право участвуют в формировании рационалистических конструкций); *во-вторых*, сама наука как вид рациональности также гетерогенна и исторична. Формирование новой рациональности, новой концепции разума – это путь, по которому развивается современная культура. Коммуникативная рациональность и коммуникативный разум в концепции Ю. Хабермаса, системный разум в теории автопознания у Н. Лумана, умудренный разум в этических построениях Т. Розака, открытая рациональность у Э. Морена – таковы далеко не все стратегии поиска новой рациональности.

Несмотря на историческую условность научной рациональности, в каждый конкретный момент она достаточно определена. Попробуем охарактеризовать особенности современной научной рациональности, которую обозначают термином «постнеклассическая научная рациональность» [4]. Сегодня существенно трансформировались границы научности, возникла такая новая форма знания, как технонаука, в которой особо значима социально-практическая ориентация знания. В структуре науки увеличилась доля междисциплинарного знания, к которому относятся системные исследования, кибернетика, синергетика, NBIC-технологии. Современная наука характеризуется взаимодействием с другими познавательными традициями. Сегодня наука, определяя новый открывшийся ей порядок, акцентирует внимание на внутренней связи вещей (экологическая парадигма), на несилевой, нелокальной связи (квантовая механика), на явлениях системных, на коэволюции, синергетических эффектах. В науке XX в. был перестроен антропный принцип, согласно которому человек как наблюдатель, задающий вопрос об устройстве Вселенной, подготовлен эволюцией и является участником глобального процесса. Автор голографической парадигмы космолог Д. Бом отмечает: «Ошибочно думать, что мир обладает собственным существованием, отделенным от нашего, и находится в чисто внешнем к нам отношении. Ни наше существование не является совершенным и полным без свернутого в нас мира, ни существование мира – без свернутого в нем на-

шего образа. Нет никакой четкой границы между материей и сознанием, а смысл и ценности являются неотъемлемой принадлежностью не только нас самих, но и мира, в котором мы соучаствуем в силу неявного порядка» [5. С. 132].

Эти и другие нетривиальные концепции современной науки указывают на складывающееся новое понимание природы, включающее понятие неявного порядка, реальности с участием сознания, синхроничности как типа взаимосвязи, идеи глобального эволюционизма и самоорганизации. В контексте эволюционно-синергетической парадигмы стирается дуализм духа и природы, сознания и материи. Реально существует эволюционная среда, в которой соучаствуют дух, сознание, материя, человек. Современная наука, которая ориентируется на целостное, холистическое мировидение, сопрягает познавательный опыт с эпистемологией соучастия. Эпистемологическое соучастие предполагает и новую онтологию. Здесь реальность природы не разделена с реальностью сознания. Как отмечает Р. Тарнас, скорее, разворачивающаяся природная истина проявляется лишь при деятельном участии человеческого разума. Глубинная реальность мира проявляется лишь тогда, когда человеческий разум полностью активизирует дремлющие в нем способности к упорядоченному воображению и позволяет архетипическому свету озарить его эмпирические наблюдения [6].

В западно-европейской культуре было не так много мыслителей, у которых можно найти ростки постнеклассической рациональности. В российской ментальности существовал свой взгляд на природу знания вообще и научного, в частности – русский космизм. Этот взгляд гораздо ближе во многих аспектах к современным идеалам научности. Русскому космизму, как умонастроению, присущи идеи системности, историзма, коэволюции человека и космоса. В современном научном мировоззрении формируется новая научная картина мира, в которой одной из фундаментальных составляющих является идея глобального эволюционизма. Она является ключевой в современном научном мировоззрении. «На основе идеи глобального эволюционизма мир предстает как процесс, участником которого является Человек; как процесс, в котором события отражают взаимодействие природного и социального...идея глобального эволюционизма предполагает включение Человека в природный процесс не только как ячейку, но и как его самосознание» [7. С. 18]. Человек понимается не только как участник и фактор эволюции, но как ее самосознание, он ответственен за эволюцию.

Следует выделить систему категориальных смыслов, которая задает новую целостную модель мира. В категориальной сетке постнеклассической парадигмы выделяются такие понятия, как нелинейность, необратимость, неустойчивость, самоорганизация, сложность, разнообразие, коэволюция. Приобрели новый смысл такие фундаментальные понятия, как пространство, время, материя, сознание. Материя и сознание не противопоставляются

друг другу, а скорее выступают как взаимодополнительные. Характеризуя динамику научной рациональности, В.С. Степин выделяет три основных критерия различения классической, неклассической и постнеклассической научной рациональности [4].

Основываясь на данной классификации этапов динамики науки, нами рассмотрено, как складывались и продолжают формироваться черты постнеклассической науки в новой эволюционной парадигме. Показано, что современный постнеклассический этап развития науки сопряжен с поисками пересечения субъективного и объективного. В классической науке природа выступала как «обратимый объект», в неклассической – как сеть взаимосвязей, в постнеклассической – как целостность организмического толка, в которую включен сам человек так, что вмешательства в природу могут оказаться причиной необратимых изменений для самого человека [8. С. 240–243].

Внедрение высоких технологий еще более активизировало вопрос о научной рациональности. Так, использование информационных и когнитивных технологий в системе коммуникаций поставило перед обществом новые проблемы философского плана. Интернет стал важнейшим источником получения информации, а значит важнейшим образовательным ресурсом, что приводит к концептуальным изменениям не только в методиках образования, но и актуализирует проблему сохранения самосознания и идентичности человека. В рамках сетевого общества возникают новые формы управления сознанием, этому способствуют медиа и интернет как технологии работы с сознанием. Размываются мировоззренческие ценности, происходит уничтожение культурной памяти, происходит разрушение традиционных механизмов самоидентификации. Осмысление проблем такого рода имеет важное философское значение.

Другим важнейшим аспектом проблемы безопасности высоких технологий являются риски программы совершенствования человеческой природы (human enhancement), которые следует обсуждать с позиций критического анализа трансгуманизма, избегающего вопроса о границе сохранения устойчивости системы обозначаемой термином «человек». Специальные программы социального развития на основе NBIC-технологий были приняты в Америке и в Европе. Авторами американской программы «Конвергирующие технологии для улучшения человеческих способностей (Converging Technologies for Improving Human Performances, 2002) были М. Рокко и В. Бейнбридж. Основными разработчиками программы Евросоюза «Конвергирующие технологии для европейского общества знаний» (Converging Technologies for European Knowledge Society) были А. Нордман и Дж. Хюшф. В нашей стране представлен манифест стратегического общественного движения «Россия 2045», в котором формулируются гуманитарные проблемы человечества и ставится цель «создания способа переноса индивидуального сознания на искусственный носитель и достижения, таким образом, кибернетического бессмертия» [9].

Однако NBIC-технологии не просто очередное научно-техническое совершенствование, они «взрывают» жизненный мир человека, вплоть до трансформации самой природы человека, его идентичности. Поэтому их следует рассматривать как факторы риска, повышающие неопределенность социальной динамики. Некоторые представители трансгуманизма делают ставку на достижения современной науки и конвергентные технологии для перехода к стадии «постчеловеческого» существования, поэтому NBIC-технологии называют евгеникой XXI в. Как известно, не наука и техника сами по себе, а их применение могут иметь антигуманистический характер. Важным участником конвергенций становятся социальные технологии. В этой связи сегодня аббревиатура NBIC заменена на NBICS.

Обсудим вопрос применения социогуманитарных технологий, ориентированных на установки превентивной предосторожности, «ответственности перед будущим» (Г. Йонас) и внедрения практики гуманитарной экспертизы. Различные подходы к проблематике риска анализируются в концепции Д. Барбена. Им предложена концепция «коммуникации риска» как особого этапа перформативного взаимодействия науки, общества и государственных структур, в рамках которого сформировались инновационные механизмы преодоления дивергенции экспертного и профанного знания [10]. Начиная с шестидесятых годов XX в. разрабатывается проект Technology assessment (ТА) – «социальная оценка техники», который ориентирован на формирование знаний, касающихся техники и ее социального применения.

Актуальна критика инструментального разума, который стремится к эффективности средств, имея изначально неразумные цели. Франкфуртская школа в своей критике «инструментального рационализма» попыталась включить техническую рациональность в социально-экономический контекст. М. Хайдеггер, стремясь отойти от схемы современной логики, предложил подход к изучению технического знания не только в антропологическом контексте, но и в онтологическом, как к определенному типу истины, понимаемой как «установление» в результате поиска, или как открытие. Э. Морен отмечает необходимость преодолеть инструментализированный разум, ибо «основанное на калькулировании и ограниченное экономическим фактором мышление не способно содержать в себе все то, что игнорирует калькуляция, а именно: искусство жизни, чувства, душу, наши человеческие проблемы» [11. С. 17]. Он призывает преодолеть даже идею чистого разума, поскольку рациональность невозможна без эмоциональности. Рациональность такого типа, где разум и чувства не противостоят друг другу, а являются взаимодополняющими элементами целого, Э. Морен называет открытой рациональностью.

Таким образом, обозначив основные тенденции изменения форм научной рациональности, специфику научной рациональности на современном этапе развития общества как открытую рацио-

нальность, которая предполагает включение ценностных измерений, поставим вопрос, каковы механизмы включения этической составляющей во внутринаучный контекст?

Рациональность, как она обнаруживает себя в познании, и рациональность, как она обнаруживает себя в деятельности, различаются между собой качественно, отмечает А.А. Гусейнов. Они едины именно в этих различиях, взаимно отрицающих переходах. «Основой и фокусом познания является истина. Основой и фокусом деятельности является цель. Истина говорит о том, что существует. Цель говорит о том, что ещё будет. Истина объективна. Цель субъективна. Истина общезначима. Цель произвольна... Пределом разума, в его практическом применении, является разумность самой практики, воплощенная, прежде всего, в её целях. При рассмотрении целей человеческой деятельности, определении меры их разумности, решающим является вопрос о высшей, последней цели, которая является точкой отсчета, фокусом и критерием для всех остальных целей. Это уже предметная область этики, для которой вопрос о высшем благе или добре был и остаётся самым главным. Тем самым, можно сказать, что одним из пределов рациональности является этика» [12. С. 4].

Какая этика способна взаимодействовать с технологической рациональностью? Такого рода проблемы обсуждает Г. Йонас в книге «Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации», выдержавшей ряд переизданий и вызвавшей резонанс далеко за пределами круга профессиональных философов. В изложении его идей будем использовать не только указанную работу Г. Йонаса, но и статью П.А. Гаджикурбановой, посвященную этой книге [13].

В традиционной этике исходным положением служило убеждение о неизменности природы как космического порядка. Этика античности строилась на уверенности, что человек не в силах нарушить природное равновесие. От человека зависит способ его бытия в обществе, поэтому сфера морали распространялась только на социальную реальность. Однако цивилизационное развитие и развитие науки изменили коренным образом научную рациональность, поэтому коренным образом должна быть изменена и парадигма ответственности. Научно-технический прогресс сделал реальными технологии, которые ранее считались утопичными. Современная технонаука открывает перспективы становления постчеловеческого будущего. Если прежде технологии были направлены на улучшение качества жизни, то теперь NBIC-технологии приоткрывают завесу тайны на пути к изменению человеческой природы. Словно предвидя ситуацию с трансформацией человеческой природы, которая тогда еще себя не проявила, Г. Йонас предрекал, что только угроза деформации человека поможет нам прийти к подлинному пониманию человека. В новой этике предметом заботы и ответственности человека должна стать природа, а не

только социальное бытие. Важнейшей составляющей этики ответственности Г. Йонаса является принцип «эвристики страха».

Страх за будущее человечества, страх перед возможным изменением сущности и облика человека становится главным ценностно-образующим принципом. Как образно высказался Г. Йонас, сама предполагаемая опасность должна служить компасом новой этике. Человечество не может позволить себе рисковать, когда на карту поставлено его существование. Поэтому страх становится необходимым элементом ответственности, и даже источником долженствования. В его свете должна произойти переоценка всех ценностей предшествующей этики. Принцип этики будущего, отмечает Г. Йонас, «находится не в самой этике как учении о действии, но в метафизике как учении о бытии, частью которого является идея человека» [14. С. 105].

Ответственность имеет известное рефлексивное измерение, роднящее ее с рациональностью. Как первый принцип разума сводится к императиву «Будь разумным!», так и исходное положение ответственности гласит: «Будь ответственным!». Первой заповедью человека, пишет Г. Йонас, должно быть требование: не разрушай данных тебе от природы возможностей самим способом их использования. Человечество должно существовать, и только этот императив может претендовать на статус категорического в кантовском смысле. Если поставлено под вопрос существование человека именно в качестве «человека», то в этом случае безусловным долгом становится сохранение «онтологической идеи человека». Г. Йонас дает следующую формулировку императива ответственности: «Поступай так, чтобы последствия твоего действия были совместимы с непрерывностью подлинной человеческой жизни на Земле... Включай в свой нынешний выбор будущую совокупность людей в качестве предмета твоего воления... Поступай так, чтобы последствия твоих действий не были разрушительны для будущей жизни как таковой... Не подвергай опасности условия дальнейшего неограниченного существования человечества на Земле» [14. С. 38]. Между тем, современные технологии ставят под угрозу существование будущих поколений.

Исходя из этики ответственности, провозглашающей безусловную обязанность человечества существовать, современное общество, его социальные институты, наука, каждый ученый в отдельности, каждый гражданин должны действовать, основываясь на знании закономерностей развития и соразмерно с глобальными перспективами. Было бы ошибочным требовать от науки строгих прогнозов и гарантий безопасности. Однако коллективное суждение, социальная экспертиза техники, взаимодействие науки и власти, формирование экологического сознания и коллективного взаимопонимания – это приоритеты, на которых может основываться стратегия безопасности и устойчивого развития.

Работа выполнена по гранту РФФИ 11-06-00049-а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лекторский В.А. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. – 2012. – № 5. – С. 26–35.
2. Черникова И.В. Философия и история науки. – Томск: НТЛ, 2001. – 350 с.
3. Юлина Н.С. Головоломки проблемы сознания. – М.: Канон+, 2004. – 544 с.
4. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб.: Изд. дом «Мир», 2009. – С. 250–251.
5. Bohm D. Fragmentation and wholeness in religion and in science // Zygon. Chicago. – 1985. – V. 20. – P. 125–133.
6. Тарнас Р. История западного мышления. – М.: Крон-Пресс, 1995. – 444 с.
7. Черникова И.В. Всеохватывающий феномен эволюции и человечество. – Томск: ТГУ, 1993. – 103 с.
8. Черникова И.В. На пути к мыслящей науке. – Саарбрюкен: LAP LAMBERT Pub., 2010. – 245 с.
9. Манифест стратегического общественного движения «Россия 2045». URL: <http://2045.ru/manifest/> (дата обращения: 28.07.2013).
10. Barben D. Analyzing acceptance politics: Towards an epistemological shift in the public understanding of science and technology // Public Understanding of Science. – 2010. – V. 19. – № 3. – P. 51–64.
11. Морен Э. К пропасти? – СПб.: Алетея, 2011. – 136 с.
12. Гусейнов А.А. Мораль как предел рациональности // Вопросы философии. – 2012. – № 5. – С. 4–18.
13. Гаджикурбанова П.А. Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Ганса Йонаса // Этическая мысль. – М.: ИФ РАН, 2003. – Вып. 4. – С. 161–177.
14. Jonas H. Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation. – Zürich: Suhrkamp Verlag, 1987. – 423 p.

Поступила 26.09.2013 г.

UDC 165.63

TRENDS OF SCIENTIFIC RATIONALITY EVOLUTION IN TERMS OF PUBLIC SAFETY PROBLEM

I.V. Chernikova, D.V. Chernikova*

Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University

*Tomsk Polytechnic University

E-mail: chdv@tpu.ru

The paper considers the historical forms of the scientific rationality and its transformation on the current stage of civilization development considering the significant role of the NBIC-technologies. The programs of the life quality improvement based on these technologies go further than the technological enhancement of the natural objects and human capabilities. The human nature itself is transformed. It was always constant, invariant and today it is discussed as posthuman future. The issues of high technologies reliability for the humanity, the technoscience risks control, responsibility and knowledge rationality are in focus of the paper. The specific feature of the contemporary rationality is its openness, which assumes involvement of the value-consciousness.

Key words:

Rationality, cognitive science, human nature, NBIC-convergence, evolution, public safety, humanism, social progress, responsibility.

REFERENCES

1. Lektorskiy V.A. Ratsionalnost kak tsennost kulture [Rationality as a cultural value]. *Voprosy filosofii*, 2012, no. 5, pp. 26–35.
2. Chernikova I.V. *Filosofiya i istoriya nauki* [Philosophy and history of science]. Tomsk, NTL Publ., 2001. 350 p.
3. Yulina N.S. *Golovolomki problemy soznaniya* [Puzzles of conscience]. Moscow, Kanon+, 2004. 544 p.
4. Stepin V.S. Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya [Classics, nonclassics, postnonclassics: distinction criteria]. *Postneklassika: filosofiya, nauka, kultura* [Postnonclassics: philosophy, science, culture]. Saint Petersburg, Mir, 2009. pp. 250–251.
5. Bohm D. Fragmentation and wholeness in religion and in science. *Zygon*, 1985, vol. 20, pp. 125–133.
6. Tarnas R. *Istoriya zapadnogo myshleniya* [History of western thinking]. Moscow, Kron-Press, 1995. 444 p.
7. Chernikova I.V. *Vseohvatyvayushhiy fenomen evolyutsii i chelovechestvo*. [Overwhelming phenomenon of evolution and humanity]. Tomsk, TGU Publ., 1993. 103 p.
8. Chernikova I.V. *Na puti k mysl'yashchey nauke* [On the way to thinking science]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Pub., 2010. 245 p.
9. *Manifest strategicheskogo obshchestvennogo dvizheniya «Rossiya 2045»* [Manifestation of strategic public movement «Russia 2045»]. Available at: <http://2045.ru/manifest/> (accessed 28 July 2013).
10. Barben D. Analyzing acceptance politics: Towards an epistemological shift in the public understanding of science and technology. *Public Understanding of Science*, 2010, vol. 19, no. 3, pp. 51–64.
11. Moren E. *K propasti?* [To the chaos?]. Saint Petersburg, Aleteya, 2011. 136 p.
12. Guseynov A.A. Moral kak predel ratsionalnosti [Morality as a limit for rationality]. *Voprosy filosofii*, 2012, no. 5, pp. 4–18.
13. Gadzhikurbanova P.A. Strakh i otvetstvennost: etika tekhnologicheskoy tsivilizatsii Gansa Jonasa [Fear and responsibility: Gans Jonas' ethics of technological civilization]. *Eticheskaya mysl* [Ethical Idea]. Moscow, IF RAN, 2003, iss. 4, pp. 161–177.
14. Jonas H. *Responsibility Principle: Ethics experience for technological civilization* [Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation]. Zürich, Suhrkamp Verlag, 1987. 423 p.

УДК 39(517.3)

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Ян Фан

Шэньянский политехнический университет

E-mail: yangfang2010@yandex.ru

Исследуется концепт «семья» как важная часть культуры России и Китая. Специфика семантического наполнения концепта изучается с использованием лексикографических источников, основу которых составляют русские и китайские толковые словари. Словарные дефиниции демонстрируют, что в китайской языковой картине мира концепт «семья» включает больше компонентов. Центральное место в статье занимает исследование концепта, основанное на анализе семантических полей: последовательно описываются поле бытовой жизни, поле семейных отношений, поле абстрактных концепций. Наблюдения, полученные относительно сходства и различия в организации изучаемого концепта, подтвердил материал русских и китайских пословиц и поговорок. Специфика функционирования концепта «семья» в двух языках и культурах связывается с общехристианскими традициями и конфуцианством. Определение основных культурных составляющих содержания концепта «семья» обладает практической значимостью при обучении китайцев русскому языку и русских – китайскому.

Ключевые слова:

Концепт «семья», русская/китайская языковая картина мира, культура, словарь, значение, семантическое поле.

Языковая картина мира каждого народа является отражением национального менталитета народа. Концепт как ментальная сущность имеет национально-специфические черты, соотносимые с мировидением, культурой, обычаями, верованиями, фантазией и историей народа. Концепт «семья» является одним из ключевых в русской и китайской культуре.

Семья как феномен включает в себя определённое количество близких людей, связанных родственными связями. На протяжении тысячелетий семья у разных народов была самым прочным общественным звеном. Именно в ней сохранялась и передавалась культура народа. В семье рождаются и воспитываются дети, а значит, продолжается человеческий род.

Во многих мифах и религиях говорится, что человечество началось с создания семейной пары, в христианстве начало человечеству положил союз Адама и Евы.

Семантическое значение слова «семья» в словарях

Для анализа экспликационной специфики концепта «семья» следует обратиться к словарной трактовке слова.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля (1955 г.) **семья/семе́йство** объясняется как «совокупность близких родственников, живущих вместе; в тесном значен. родители с детьми; женатый сын или замужняя дочь, отдельно живущие, составляют уже иную семью. *Хороша семейка! Семья воюет, а один горюет. Семей и горюх молотить.* // В естественной истории: разряд подобных и сродных, схожих; *семе́йство кошек, кошачье, семья грибов, папоротников.* **Семейный**, к семье относящийся. *Семейный человек*, у кого своя семья. *Семейное согласие всего дороже. Семейный горшок всегда кипит. Семейно*, всей семьей, в кругу своей семьи; людно, многолюдно. *Семейно ли было на вечеринке?* **Семейственные** связи, семейные, родственные. **Семьянин**, семейный чело-

век; член семьи; у кого своя семья, человек с женою и с детьми; противополо. холостой, одинокий. Без друга, сирота; с другом, семьянин. **Семейник**, односемьянин, член своей семьи. **Семейщина**, совокупность всего семейного быта. **Семьянистый**, семейный, у кого большая семья. **Семьиться**, обзаводиться семьёю или жениться и водить детей. // стар. скопляться, сходиться для заговоров, крамол» [1. Т. 4. С. 465].

«Словарь современного русского литературного языка» под ред. Г.А. Галавановой (1962 г.) даёт следующие толкования слова «семья»: «1. Группа близких родственников (муж, жена, родители, дети и т. п.), живущих вместе. *С утра дом Лариных гостями Весь полон; целыми семьями Соседи съехались в возках.* [А.С. Пушкин, «Евгений Онегин»]. *Семья у него была большая: два сына и внук женатый, и все жили вместе.* [Л.Н. Толстой, «Два старика»]. Перен. О группе, организации людей, спаянных дружбой и объединённых общими интересами. – *Ты не понял, что коллектив – это большая семья.* [В.Ф. Попов, «Сталь и шлак»]. Школьная, гимназическая, офицерская и т. п. семья. *Сидят у печурки друзья – Солдатская наша семья. Семья кого-либо. Живой, общительный, он быстро вошел в семью подпольщиков.* [И.А. Козлов, «В крымском подполье»]. Семья народов, стран, республик и т. п. *Смущает их, и до испугу, Что вся славянская семья в лицо и недругу и другу впервые скажет: – это я!* [Ф.И. Тютчев, «Славянам»]. 2. Группа животных, птиц, состоящая из самца, одной или нескольких самок и детенышей. *Семья медведей.* Об обществе пчел, состоящем из рабочих пчел, матки и трутней. *В этот первый день устали, измученные и голодные пчелы в среднем собрали на семью по два килограмма меду.* [М.М. Пришвин, «Заполярный мед»]. Группа растений одного вида, растущих рядом, часто имеющих общий корень, грибницу. *Семья кактусов богаче всех: она занимает целую лужайку.* [И.А. Гончаров, Фрегат «Паллада»]. Переносное

значение Совокупность однородных, подобных один другому предметов, явлений. *Как женщин, он оставил книги, и полку, с пыльной их семьей, задернул траурной тафтой.* [А.С. Пушкин, «Евгений Онегин»]. Семьей, в значении наречия. Располагаясь, находясь в непосредственной близости один от другого. *Кругом озера семьей стеснились горы, они волнистой линией тонули в синеватой дымке горизонта* [Д.Н. Мамин-Сибиряк, «От Урала до Москвы»]. 3. Группа родственных языков, объединенных общностью происхождения. *Семья романских языков.* 4. Род, поколение. *Выбирая на престол Михаила Федоровича, выбрали, в сущности, семью Романовых»* [2. С. 638].

В «Советском энциклопедическом словаре» под ред. А.М. Прохорова (1980 г.) мы читаем следующее определение: «Семья – это основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и моральной ответственностью. В первобытном обществе круг лиц, между которыми разрешались половые отношения (групповой брак, парный брак). Как устойчивое объединение возникает с разложением родового строя. Первая историческая форма моногамии – патриархальная семья (управлялась отцом, включала его потомков с их женами и детьми, а также домашних рабов). Капиталистическая индустриализация разрушила связь семьи с домашним производством, оставив у нее из экономических функций лишь организацию быта; большинство семей стало состоять из супругов и их детей (нуклеарная семья). В капиталистическом обществе, где частнособственнические отношения способствуют распространению браков по расчёту, действуют две противоречивые тенденции: обновление семьи на основе промышленного и культурного прогресса (превращение семьи в морально-правовой союз мужчины и женщины) и ее дезорганизация (рост семейных коллизий и значительное число разводов). При социализме семейные отношения освобождаются от установлений старого общества (собственнического права, влияния церкви, сословных, классовых и национальных предрассудков). Подавляющее большинство браков заключается по личному выбору будущих супругов, а семейные отношения характеризуются их равноправием» [3. С. 1205].

В «Толковом словаре русского языка» под ред. С.И. Ожегова (1999 г.) понятие «семья» определяется так: «Семья – это 1. Группа живущих вместе родственников (муж и жена, родители с детьми). *Дружная семья. Глава семьи.* 2. перен. Единство, объединение людей, сплоченных общими интересами (высок.). *В семье трудящихся.* 3. Группа животных, птиц, состоящая из самца, самки и детенышей, а также обособленная группа некоторых животных или растений одного вида. *Семья медведей.* Семья языков – в языкознании: группа родственных языков» [4. С. 711].

В китайском языке слово «семья» обозначается иероглифом “家” – *цзя*, который графически пред-

ставляет собой сочетание знаков «крыша дома» и «свинья». В «Словаре современного китайского языка» (1996 г.) «Семья – это 1. Основанная на браке или кровном родстве единица общества, включающая родителей, детей и других живущих вместе родственников (*У него в семье пять человек*). 2. Жилище, дом, место, где живет семья (*Это мой дом*). 3. В армии или учреждении это место, где работает человек (*Командира роты сейчас нет в армии, он уехал на собрание*). 4. Семья или человек, занимающий какими-то видами работ (*рыбаки*). 5. Человек, обладающий каким-то знанием или занимающий какими-то науками (*художник, ученый*). 6. Различные направления в науке и искусстве (*конфуцианство*). 7. Сторона или группа (*трехстороннее соглашение*). 8. Проявление скромности при назывании старшего родственника в присутствии других людей (*Это мой отец*). 9. Вскормленные (противопол. *дикие*) домашние животные. 10. Фамилия» [5. С. 653].

В «Словаре китайского литературного языка» (2000 г.) «Семья – это 1. Основанная на браке или кровном родстве единица общества, включающая родителей, детей и других живущих вместе родственников. 2. Жилище, дом, место, где живет семья. 3. Семья или человек, занимающий каким-то определенным видом деятельности. 4. Человек, обладающий каким-то знанием, или занимающий какими-то науками. 5. Различные направления в науке и искусстве. 6. Скромное обращение к старшему родственнику в присутствии других людей. 7. Вскормленный (против. «дикий»). 8. Счетные слова. 9. Фамилия» [6. С. 240].

В «Словаре китайского языка» (2002 г.) «Семья – это 1. Основанная на браке, кровном или усыновленном родстве единица общества. 2. Обращение к супругам в древнем Китае. 3. Скромное обращение к старшему родственнику в присутствии других людей. 4. В армии или учреждении – место, где работает человек. 5. Вскормленные (противоположно «дикий») в домашних условиях животные. 5. Человек, обладающий каким-то знанием или занимающий какими-то науками. 6. Различные направления в науке и искусстве. 7. Жилище, дом, место, где живет семья. 8. Клан чиновника в древнем Китае. 9. Человек. 10. Счетные слова. 11. В назывании себя. 12. Фамилия» [7. С. 1677].

Таким образом, рассмотрев трактовку понятия «семья» в русских и китайских словарях, приходим к выводу: в обоих языках «семья» обозначает группу близких родственников (муж, жена, родители, дети и т. п.), живущих вместе. Кроме того, в русском языке «семья» означает группу животных и родственных языков, а в китайском языке такого значения не отмечено. «Семья» в китайском языке имеет значение «жилище», «дом»; а также может обозначать и человека, специалиста, занимающегося какими-то науками в школе или университете. Слово «семья» может выполнять роль обращения к старшему родственнику; также этим словом называют выращенных в домашних усло-

виях животных; «семьёй» называются и имена числительные; это понятие может обозначать фамилию и др. У слова «семья» в китайском языке гораздо больше значений, чем в русском.

Отражение концепта «семья» во фразеологизмах и произведениях русской и китайской литературы

В книге В.И. Даля «Пословицы русского народа» собраны выражения народной мудрости о семье: *«В своей семье всяк сам большой; Вся семья вместе, так и душа на месте; Ссора в своей семье до первого взгляда; В семье не без урода, а на урода все не в угоду»* [8. С. 266].

В книге А.Н. Мартыновой «Пословицы. Поговорки. Загадки» читаем: *«В семье и каша гуще; В семье и смерть красна; Гляди семью, отколь берешь жену. Дружно не грузно; Семьей и горох молотят; Мир в семье женой держится; На что и клад, когда в семье лад; Семья воюет, один горюет; Птицы в гнезде до осени, дети в семье до возраста; Не велика семья, а все едоки; Семейное согласие всего дороже»* [9. С. 211].

Кроме того, всем хорошо известно выражение Л. Толстого о том, что *«...все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»* [10. С. 3].

В китайском языке много пословиц, поговорок о семье: *«В дружной семье всё получится (家和万事兴). В каждой семье есть трудно читающие молитву (т. е. есть своя проблема) (家家有本难念的经). В своей семье всё хорошо, а если выйдешь хотя бы на один день, будет трудно (在家千般好, 出门一日难). Выходишь из дома, тогда узнаешь, что в своей семье лучше (出门方知在家好)»* [11. С. 259–266].

Таким образом, в представленных выше примерах наблюдаются общие черты концепта «семья» в русском и китайском языках: семья близка сердцу каждого человека, без семьи жить невозможно, самое дорогое – семейное согласие, к которому все стремятся.

Семантическое поле слова «семья»

Анализ лексико-семантического поля концепта «семья» представляет собой один из главных методов исследования концепта. И.А. Стернин в своей работе «Методика лингвоконцептологического анализа» отмечает: «Концепты внутренне организованы по полювому принципу – ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия, структура концепта включает чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле. Интерпретационное поле концепта включает когнитивные признаки, которые интерпретируют информационное содержание концепта. Они включают оценки денотата концепта, вызываемые им эмоции, прескрипции, запреты, прагматические признаки, информацию о видах, типах и разновидностях явления, о типичном представителе явления, а также многочисленные периферийные признаки энциклопедического и индивидуального

характера, которые выводятся из информационного содержания концепта. В интерпретационное поле входит паремиологическая зона концепта – интерпретация концепта, содержащаяся в национальных паремиях. Под паремиологической зоной концепта понимается совокупность утверждений и представлений о явлении, отражаемом концептом, в национальных паремиях – пословицах и поговорках» [12. С. 10].

В семантическое поле семьи включаются:

- 1) поле материалов бытовой жизни (дом, печь, хлеб-соль, каша);
- 2) поле семейных отношений (родня, отец, мать, муж и жена);
- 3) поле абстрактных концепций (родина, отечество и т. п.) [12].

Поле материалов бытовой жизни

«Дом» в словаре В. Даля объясняется как «строение для жилья; в городе, жилое строение; хоромы; в деревне, изба со всеми ухажаями и хозяйством. Крестьянский дом, изба; южная хата, княжеский и вообще большой, вельможеский, палаты, дворец; помещичий, в деревне, усадьба; маленький и плохонький, хижина, лачуга; врытый в землю, землянка. Умал. домец, домик, домочек; домишка, домишечка; увел. домина, домища. Держать дом, вести дом, хозяйство, распорядок. Открытый дом, хлебосольный» [13. С. 154].

В русском языке достаточно много фразеологизмов, характеризующих семью, дом, домашний очаг. «Дом»: *в своем доме и стены помогают; жить одним домом; как у себя дома; Без троюцки дом не строится, без четырех углов изба не ставится; Без хозяина дом сирота; Гость на порог – счастье в дом; Дом невелик, да лежать не велит; В гостях хорошо, а дома лучше* [13. С. 154].

У разных писателей мы читаем строки о доме: *Дом – это машина для жилья* (Ле Корбюзье Шарль); *Дом, в котором я живу* (И.Г. Ольшанский); *Наш дом – Россия. Но где мой дом и где рассудок мой?* (А.А. Ахматова, «Подвал памяти»); *Твой дом – тюрьма* (Э.В. Брагинский, Э.А. Рязанов, «Берегись автомобиля!»); *Я пью за разоренный дом, За злую жизнь* (А.А. Ахматова, «Последний тост»).

Кроме того, в русском языке достаточно много заклинаний (заговоров) о доме: *Когда спать ложиться, дверь на крючок запрешь, надо сказать: Вокруг дома моего – крестовая ограда: в окнах – ангелы хранители, в дверях – Пресвятая Богородица, в углах – спасители. Спать ложусь – крестом помолюсь. Ангелы – в окошках, Христос – во дверях. Аминь. Молитва Домовому: Поедем с нами домой, дом домить, скотинушку разводить, в доме хозяйство все править, в доме добра наживать. Батюшка домовый,пусти меня в доме пожить да позволь мне хозяйской быть* [14. С. 167–169].

Нам представляется, что в русском языке понятие «Дом» имеет следующие особенности: 1) Дом – это символ идеальной семьи, место, где сохраняют

ся семейные традиции, где воплощаются желания и стремления людей к счастливой и благополучной жизни. Русские пословицы утверждают: *Мило тому, у кого много всего в дому. В гостях хорошо, а дома лучше. В своем доме и стены помогают. В гостях хороша девка, а дома лучше того. Дома и солома съедома.* Для русских дом – символ самостоятельности, порядка, что является важным аспектом благополучной семейной жизни. Например, *Дом невелик, да лежать не велит. Твой дом, твои и гости (твоя и воля).* Всякий дом хозяином держится. *Чужим умом не скопит дом. Без хозяина дом сирота. Лучше пребывать в дому плача праведных, нежели в дому радости беззаконных.*

2) Правила поведения внутри и вне дома. Например: *Дома как хочу, а в людях, как велят. В людях ангел, а дома черт. Дом дому (хозяин хозяину) не указ. Не выносить сор из дому.* 3) Дом – это символ гостеприимства и щедрости русского человека. Например: *Гость на порог – счастье в дом. Открой дом. Спасибо вашему дому, пойду к другому.* 4) Общая судьба и жизнь. Например: *Жить одним домом. Дом вести, не лапти плести. Свой дом не чужой: из него не уйдешь. Домом жить – обо всем тужить. Полон дом – полон и рот* [13].

Сравним китайские пословицы: *Под одной крышей. Плыть в бурю в одной лодке* (образное выражение в значении «помогать друг другу в несчастье, сообща преодолевать трудности») (风雨同舟).

Поле семейных отношений

«Муж и жена» – это ядро семейной жизни, в пословицах они всегда вместе: *«Муж без жены – что гусь без воды; Муж без жены – что конь без узды; Муж – голова, жена – душа; Муж да жена больше, чем брат и сестра; Муж да жена – одна душа; Муж жене – отец, жена мужу – венец; Муж крепок по жене, а жена крепка по мужу; Муж не сапог: не снимешь с ног»* [15. С. 186–188].

Сравним китайские пословицы: *Муж отвечает за внешние дела, а жена – за внутренние* (男主外, 女主内). *Муж – небо жены* (夫者, 妻之天也).

Итак, из русских и китайских пословиц мы получаем представление о роли мужа и жены в семье:

- 1) Муж – это глава семьи, а жена – его верный спутник жизни. Таков семейный уклад: *Муж – дому строитель, нищете отгонитель. Муж в дому, что глава на церкви. Муж – голова, жена – шея, куда захочет, туда и повернет. Женою доброю и муж честен. Муж жене – отец, жена мужу – венец* [15. С. 186–188].
- 2) Между мужем и женой в семье необходимо четкое разделение семейных обязанностей: муж кормит всю семью, а жена ему помогает: *Мужик в семье, что матица в избе.* (сравним, в китайском языке: Муж – опора семьи 家里的顶梁柱). *Мужик да собака на дворе, а баба да кошка в избе (дома). Муж возом не навозит, что жена горшком наносит. Муж как ворона, а все жене оборона. Муж вези гуж, а жена шей рубашки* [15. С. 186–188]. Главная задача жены в ки-

тайской семье – *Заботиться о муже и воспитывать детей* (相夫教子).

- 3) У мужа и жены общая судьба и общая жизнь, основанная на любви и доверии, на соблюдении требований морали и нравственности, супруги всегда должны быть едиными и вместе преодолеть трудности: *Муж да жена – одна душа. Муж да жена – одна сатана. Муж крепок по жене, а жена крепка по мужу. Муж без жены – что гусь без воды. Муж без жены – что конь без узды. Где муж, там и жена. Жена мужа любила, в тюрьме место купила!* [15. С. 186–188]. В китайском языке: *Муж поет, а жена подпевает* (夫唱妇随). *Муж богатый, жена почетная* (夫贵妻荣).
- 4) Основное условие счастливой семейной жизни – это совместные старания: *Женаты – богаты; холосты – бедны. Лучше с мужем, нежели с чужим. Мужем жена хороша* [15. С. 186–188]. Одинокая жизнь семьи считается трагедией: *Без жены, без кошки, без мужа, без собаки.*

Чтобы достичь счастливой жизни, приговаривают: *В прежнее время были цари: Демьян, Константин и Соломон. Были они кротки, смирны и тихи перед Иисусом Христом, так же и муж мой (имя) был бы тихий, кроткий и смиренный перед женой своей (или перед матерью), не буянил над женой (имя) (молитва)* [14. С. 158]. В китайских пословицах можно услышать: *В дружной семье всё получится* (家和万事兴). *Муж и жена, берегите*

друг друга до ста лет (夫妻百年好合) – пожелание на свадьбе в Китае.

Итак, в пословицах и поговорках о семье в России и Китае наблюдается много общего, что обусловлено общечеловеческим значением семейной жизни.

В русской семье отношения между мужем и женой регламентируются общехристианскими традициями. Религиозность является важным элементом в семейной жизни русского народа, даже во всей духовной жизни: Бог создал человека подобным себе. Мужчина и женщина, муж и жена, должны быть едиными всю жизнь. Божественная связь между мужем и женой – это символ связи между Богом с людьми.

Конфуцианство руководит китайской культурой тысячи лет, его влияние на семейную жизнь очень велико. Так, семейные отношения между мужем и женой закреплены в соответствии с феодальной нравственной нормой: *Муж – руководитель жены* (夫为妻纲). Женщины должны соблюдать нормы поведения в семье. Это *Троякая покорность и четыре достоинства* (三从四德): «*послушание отцу до свадьбы, послушание мужу после свадьбы, послушание сыну после смерти мужа*», «*добродетель, скромность в речах, женственность, трудолюбие*» – таковы традиционные требования к женщине в старом Китае. Семейное устройство напоминает государственное, в котором строгие нормы приводят к власти импера-

тора: *Император – основа чиновника* (君为纲). В китайской пословице говорится: *И самому справедливому чиновнику трудно понять, кто в семейном споре прав, а кто – нет* (дела семейные трудно понять посторонним), в русской пословице читаем: *Жену с мужем некому судить, кроме Бога*. Русская семья связана с христианством, с Богом, а китайская семья – с властью.

Поле абстрактных концепций

Слово «Родина» происходит от древнерусских глаголов: «рождать (рожать)», «родить» и от слова «род». В словаре В. Даля читаем: «Родина – 1. Родимая земля, чье-либо место рождения; в обширном значении государство, где кто-либо родился; в тесном город, деревня. 2. Родная земля, отчизна, где кто-либо родился, вырос; корень, земля народа, к коему кто, по рождению, языку и вере, принадлежит; государство, в отношении к подданным своим; родина в обширном смысле. Например, *родина-мать, мать-родина. Родина-мать, умей за нее постоять*. 3. Место происхождения» [1. Т. 4. С. 11].

Слово «Отечество» происходит от «отец». «Отечество – это 1. Состояние отца, бытность отцом, родительство – прямое значение; 2. Перен. значение – родная земля, отчизна, где кто-либо родился, вырос; корень, земля народа, к коему кто-либо по рождению, языку и вере принадлежит; государство, в отношении к подданным своим; родина в обширном смысле. Напр. *Отец мой выходец, а мое отечество Русь, русское государство. Второе отечество, земля, где выходец поселился, приняв подданство, или прочно, навсегда водворившись. За отечество живот кладут*» [16. Т. 3. С. 724].

Итак, абстрактные концепции «семья» и «родина» в китайском и русском языках тождественны и означают единство. В этом аспекте наблюда-

ется сходство значений этих слов в русском и китайском языках. В китайском языке слово «отечество/родина» (国家、家乡) составляется из общего иероглифа *цзя* (家) – семья. Китайцы говорят: *Будет родина (отечество) – будет и семья* (有国才有家). Развитие отечества связано с каждым человеком (国家兴亡匹夫有责). Любовь к своей семье, родной земле и своему отечеству также выражается и в русском языке: *Отец мой выходец, а мое отечество Русь; Родина-мать. Умей за нее постоять; Человек без Родины – что соловей без песни; Где ни жить – Родине служить; Нет земли краше, чем Родина наша; Для Родины своей ни сил, ни жизни не жалеи* [17].

Концепт «семья» является важной составляющей частью менталитета человека и в России, и в Китае, как культурно-языковая единица, он выражается в различных языках, отражает особенности культуры народа. Таким образом, проанализировав материалы словарей русского и китайского языков различных типов и фразеологизмы из художественной литературы, можно отметить, что, наряду с универсальным категориальным признаком, концепт «семья» в русской и китайской культурах имеет национально-культурную специфику, что может формировать определенную зону интерференции для языкового сознания китайских студентов-филологов и должно быть учтено при обучении РКИ в контексте диалога культур.

Следовательно, данное концептуальное исследование представляется нам перспективным, полезным для преподавания любого иностранного языка, а также эффективно при обучении РКИ и способствует формированию достаточного уровня лингвокультурологической компетенции у китайских студентов-филологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. Даля В.И. – М.: ГИС, 1955. – Т. 4. – 683 с.
2. Словарь современного русского литературного языка. Т. XIII / под ред. Г.А. Галавановой, Ф.П. Сороколетова. – М.; Л.: Академия Наук СССР, 1962. – 1515 с.
3. Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – 1600 с.
4. Словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
5. Словарь современного китайского языка / под ред. Люй Шусянь. – Пекин: Шану, 1996. – 1869 с.
6. Словарь китайского литературного языка / под ред. Чжан Шуянь. – Шанхай: Большой китайский словарь, 2000. – 886 с.
7. Словарь китайского языка. – Пекин: Шану, 2002. – 1999 с.
8. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Эксмо, 2005. – 616 с.
9. Мартынова А.Н., Митрофанова В.В. Пословицы. Поговорки. Загадки. – М.: Современник, 1986. – 512 с.
10. Толстой Л.Н. Анна Каренина: роман в VIII ч. Ч. 1–4. – Л.: Худож. лит., 1987. – 448 с.
11. Словарь китайских пословиц / под ред. Чжоу Цзинци. – Пекин: Шану, 2006. – 593 с.
12. Стернин И.А. Методика лингвоконцептологического анализа // Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Выпуск VIII. СПб.: Сударьяна, 2006. – 406 с.
13. Толковый словарь живого великорусского языка: в XII т. Т. 3 / под ред. В.И. Даля. – М.: Мир книги, 2003. – 368 с.
14. Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под ред. В.П. Аникина. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 480 с.
15. Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина. – М.: Художественная литература, 1988. – 431 с.
16. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. Даля В.И. – М.: ГИС, 1955. – Т. 3. – 779 с.
17. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. – М.: Русский язык, 1979. – 238 с.

Поступила 19.04.2013 г.

CONCEPT «FAMILY» IN RUSSIAN AND CHINESE PICTURE OF THE WORLD

Yang Fang

Shenyang Ligong University
E-mail: yangfang2010@yandex.ru

The paper considers the concept «family» as a significant part of the culture in Russia and China. The particularity of semantic content was studied with using Russian and Chinese explanatory dictionaries, which contain the basis of lexicographic sources. The word definitions demonstrates that more components of the linguistic view of the world are included in Chinese language. The central component of the paper is the research of the concept based on the semantic fields: the fields of everyday life, marital relationships and abstract concepts. Observations on similarities and differences in the concept study were supported by a number of Russian and Chinese proverbs and sayings. The particularity of the concept «family» performance in both languages is connected by Christianity religion and Confucianism. The definition of the main cultural components for the concept «family» possesses practical significance for teaching Chinese students Russian language and Russians Chinese language.

Key words:

Concept «family», Russian/Chinese linguistic picture of the world, culture, dictionary, meaning, semantic field.

REFERENCES

1. *Tolkovyi slovar zhivogo velikorussikogo yazyka* [The explanatory dictionary of the living great language]. Ed. by Dahl V.I. Moscow, GIS Publ., 1995, vol. 4, 683 p.
2. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The dictionary of the modern literary Russian language]. Ed. by G.A. Galanov, F.P. Sorokoletova. Moscow; Leningrad, Academy of Science USSR, 1962, vol. XIII, 1515 p.
3. *Sovietский энциклопедический словарь* [Soviet encyclopedia]. Ed. by A.M. Prokhorov. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1980. 1600 p.
4. *Slovar russkogo yazyka* [Russian language dictionary]. Ed. by S.I. Ozhegov. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p.
5. *Slovar sovremennogo kitayskogo yazyka* [Dictionary of modern Chinese language]. Ed. by Liu Shuxiang. Beijing, Shangwu Publ., 1996. 1869 p.
6. *Slovar kitayskogo literaturnogo yazyka* [Big Chinese dictionary]. Ed. by Zhang Shuyan Shanghai, 2000. 866 p.
7. *Slovar kitayskogo yazyka* [Chinese language dictionary]. Beijing, Shanu Publ., 2002. 1999 p.
8. Dahl V.I. *Poslovitsy russkogo naroda* [Russian proverbs]. Moscow, Eskimo Publ., 2005. 616 p.
9. Martynova A.N., Mitrofanova V.V. *Poslovitsy. Pogovorki. Zagadki* [Proverbs. Sayings. Riddles]. Moscow, Sovremennik Publ., 1986. 512 p.
10. Tolstoy L.N. *Anna Karenina: roman v VIII chastyakh* [Anna Karenina: novel in VIII parts]. Leningrad, Literature, 1987, P. 1–4, 448 p.
11. *Slovar kitayskikh poslovits* [Chinese proverbs dictionary]. Ed. by Zhou Jingqi. Beijing, Shangwu Publ., 2006. 593 p.
12. Sternin I.A. *Metodika lingvokontseptologicheskogo analiza* [Linguoconceptual analysis technique]. *Russkiy yazyk kak inostrannyi: Teoria. Issledovaniya. Praktika* [Russian as a foreign language: Theory. Research. Practice]. St. Peterburg, Sudarynya Publ., 2006, Iss. VIII, 406 p.
13. *Tolkovyi slovar zhivogo velikorussikogo yazyka: v XII tomakh* [The explanatory dictionary of the living great language by Vladimir Dahl: in XII volumes]. Ed. by V.I. Dahl. Moscow, Mir knigi Publ., 2003. Vol. 3, 368 p.
14. *Russkiye zagovory i zaklinania: Materialy folklornykh ekspeditsiy 1953–1993 gg.* [Russian charms and spells: Materials of folklore expeditions in 1953–1993]. Ed. by B.P. Anikina. Moscow, MSU Publ., 1998. 480 p.
15. *Russkie poslovitsy i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Ed. by B.P. Anikina. Moscow, Literature, 1988. 431 p.
16. *Tolkovyi slovar zhivogo velikorussikogo yazyka* [The explanatory dictionary of the living great language]. Ed. by V.I. Dahl. Moscow, GIS Publ., 1995. Vol. 3, 779 p.
17. *Russkie poslovitsy, pogovorki i krylatye virazheniya. Lingvostranovedcheskiy slovar* [Russian proverbs, sayings and colorful expressions. Linguistic and cultural studies dictionary]. Ed. by E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov. Moscow, Russian language, 1979. 238 p.

УДК 101.1.11

ФЕНОМЕНАЛЬНОСТЬ ЭСТЕТИЧЕСКОГО НА РЕФЛЕКСИВНОМ УРОВНЕ БЫТИЙСТВОВАНИЯ

М.В. Думинская

Сургутский государственный педагогический университет
E-mail: marina-duminskaya@yandex.ru

Актуализирована проблема выявления специфики проявления эстетического начала на уровне рефлексивного мышления в контексте онтологической проблемы подлинного и неподлинного существования. Работа направлена на выявление особенности эстетической природы мыслящего субъекта и специфики эстетически качественных диалогических отношений, проявляемых на уровне рефлексивных актов мышления как особого рода событий, раскрывающих онтологический смысл субъективных начал. Показано, что реализация онтологического проекта самоосуществления личности на рефлексивном уровне существования разворачивается как процесс овладения искусством эстетического построения и обработки мысли, обеспечивая тем самым беспредельность восхождения к метафизическому горизонту Прекрасного и Возвышенного. В результате сделан вывод о продуктивности положений, утверждающих онтологическую значимость эстетического начала, рассматриваемого в качестве источника и особой формы развития мышления, необходимого для осмысления глубинных процессов экзистенциального самоосуществления личности.

Ключевые слова:

Онтология, онтологическая эстетика, рефлексивное мышление, эстетическое созерцание, экзистенция.

Обращаясь к проблемам раскрытия фундаментальных характеристик бытия личности, мы приходим к необходимости постановки и осмысления вопросов, связанных с определением исходных (внеприродных) оснований, обладающих особым онтологическим статусом, задающих траекторию экзистенциального самоосуществления человека в Бытии. Эта ниша всеобщих механизмов экзистенциального характера может быть наполнена феноменами рефлексивного, религиозного, мистического, эстетического опыта, которые способны производить некие особые событийные «прорывы» в ткани онтологического присутствия человека, возводя по ступеням открытия метафизического измерения.

Природа человеческого бытия как целостного сложно организованного онтологического образования рассматривается сквозь призму постижения своеобособия его существенных проявлений – особых модусов, «ипостасей», способов бытийствования, взятых в единстве. Все структурные онтологические уровни взаимосвязаны и соотнесены друг с другом, и только взятые в их единстве, они являются выражением целостности онтологической природы человека.

В центре внимания современных онтологически ориентированных исследований все чаще оказывается эстетический модус бытийствования, рассматриваемый как уникальное в своей онтологической целостности антропологическое явление. Идея неразрывной связи эстетического и онтологического начал сквозной нитью проводится в неклассической онтологической эстетике, получая свое выражение в основном постулате: природа бытия является эстетической. Эстетическое начало имманентно заложено в глубине экзистенциальной природы человека, проявляется на всех уровнях, сферах бытия личности, выступая источником собственного созидания и эстетического преображения сущего. Человек предстает как существо, способное созидать,

творить самого себя и мир вокруг себя. Это значит, что личностная форма бытия проявляет себя эстетически, т. е. разворачивается в модусе эстетического на всех уровнях экзистенциально-личностного самоосуществления.

Индивидуализированная проявленность бытия, жизненная событийность конкретного человека рассматривается как феноменальность эстетического свершения личности. Эстетическое как онтологическое основание человеческого бытия пронизывает собою многомерность его целостного единства и в каждом событии своего проявления становится источником преобразования внутреннего содержания в целом, по-своему отражаясь на всех уровнях самоосуществления (повседневном, рефлексивном, метафизическом, социально-культурном и т. д.).

В данном случае в центре нашего внимания оказываются вопросы, связанные с рассмотрением специфики проявления эстетического начала на рефлексивном уровне бытийствования человека, вовлеченного в процесс обретения подлинности своего существования. С этой позиции разворачивание Я в эстетическом модусе бытийствования становится способом экзистенциального свершения личности.

В эстетической природе бытия усматривается источник порождения рефлексивного мышления как такового. Эстетическое начало наделяет субъекта особым видом чувствования, способностью воспроизводить особого рода силовые импульсы, исходящие из сердцевины Я, порождающие саму возможность рефлексивного мышления. И этот уникальный источник обретения подлинного онтологического смысла имеет особую внутреннюю динамику, форму проявления и саморазвития.

Сближение, взаимопроникновение эстетического и онтологического концептуальных пространств начинает осуществляться в трудах И. Канта, Г.-В.-Ф. Гегеля, М. Хайдеггера, Х.Г. Га-

дамера, Ж. Лиотара, Ф. Лаку-Лабарта, Ж. Деррида, П. де Мана и др. Эстетические категории обретают новые горизонты своего понимания (неэстетической интерпретации) в системе осмысления онтологических философских проблем.

Актуальность вопросов, связанных с осмыслением феноменальности эстетического начала в модусе онтологического присутствия, получает отклик в философских трудах таких современных исследователей, как Н.А. Кормин, В.Н. Волков, С.А. Лишаев, В.Е. Барановский, М.А. Маньковская, Т.В. Шаповалова и т.д. Особое значение в переосмыслении соотношения эстетики и онтологии приобретает работа Е.А. Наймана «Эстетические основания философской онтологии», в которой осуществляется всесторонний анализ исторических связей эстетики и метафизики, приводящий к обоснованию идеи генетической структурной двояности эстетического и онтологического познания, открывающей, на наш взгляд, перспективы в разработке проективных стратегий экзистенциального свершения личности.

Эстетическое в контексте рассмотрения онтологической проблемы подлинного и неподлинного существования становится средством прорыва к аутентичному способу присутствия в Бытии, рассматривается в качестве потенциального источника экзистенциально-прогрессивного самоосуществления субъекта. Не обнаруживая ответов на фундаментальные вопросы в изначальном эстетическом опыте на уровне повседневного существования, человек возвращается в глубины самого себя, отыскивая новые импульсы, способные приостановить деструктивные онтологические тенденции своего существования. Согласованность и нерасколотовость эстетической и рефлексивной сферы существования субъекта как «гомологичных структурно эквивалентных ментальных пространств», укорененных в едином онтологическом поле, обуславливает экзистенциальный прогресс личности по восходящей траектории развития [1. С. 70]. Данное утверждение порождает целый ряд вопросов, требующих наиболее глубокого осмысления. Например, каким образом происходит «проникновение», «перетекание» эстетического в другие со-бытийные измерения. И в частности, источником каких экзистенциально значимых событий становится проявление онтологически качественного своеобразия эстетического начала внутри рефлексивного поля, каков результат их со-бытийного взаимопроникновения?

Феноменальность эстетического начала на рефлексивном уровне, прежде всего, связывается с высвобождением подлинно эстетического чувства от чувственного как такового, лежащего в его основании, с «очищением» подлинного эстетического желания от чувственного заинтересованного желания субъекта, т. е. от обыденного, онтического, эмпирического опыта повседневного существования и естественного чувственного интереса. Для субъекта это событие знаменует собой «переход»

от обыденного чувственного удовольствия в сферу обретения «высшего» эстетического опыта, который открывается нам в своих характеристиках как опыт незаинтересованного «созерцательного удовольствия», «непосредственного созерцания», «чистого вкуса», «интеллектуальной интуиции», «целесообразности без цели» и т. д. Так, например, специфику подлинного эстетического опыта в философской системе И. Канта отражают такие понятия, как «внутренняя целесообразность», «эстетическая незаинтересованность», «незаинтересованное удовольствие чистого вкуса». Речь идет о ситуации, когда чувственность принимает трансцендентальную «чистую» эстетически рефлексивную форму, когда прекрасный объект воспринимается в качестве такового вне зависимости от какой-либо внешней по отношению к нему целеустремленности (есть «в себе бытие») [2].

Установка преобладания понимания эстетического как специфической способности субъекта к незаинтересованному способу созерцания, определившая характер осмысления эстетических явлений в опыте классической эстетики, в свое время привела к ситуации отождествления области эстетического с художественными феноменами и сведению многообразия проявлений эстетического опыта к построению упорядоченной системы художественно-эстетических понятий и категорий [3. С. 122].

Конституирование эстетического в неклассической философии, которое по своим исходным интенциям носит, прежде всего, онтологический характер, возводит к открытию наиболее глубинного понимания феномена эстетического созерцания как модуса «подлинной» проявленности эстетического в целом [3. С. 123–124]. «Чистое» эстетическое чувство обнаруживается как источник уникальности онтологического самопроявления личности, дающий импульс самопревосхождению субъективного начала в процессе трансцендирования на уровень метафизического существования. Утверждение и распространение онтологических принципов постижения эстетического создает предпосылки для более глубокого понимания и интерпретации феноменологического разворачивания специфики эстетического на различных онтологических уровнях.

Так принцип «эстетической незаинтересованности» продолжает действовать и неклассической философии Хайдеггера, для которого условием обнаружения Прекрасного должно стать событие встречи с ним в его онтологической чистоте и для этого нужно открыть Бытие как оно есть само по себе [4].

«Эстетическое наслаждение», описываемое И. Кантом как внезапно возникшее метафизическое чувство удивления, взволнованности, порожденное спонтанным ощущением совпадения мира и наших познавательных возможностей, возвещает мышлению о своем состоянии, тем самым утверждая статус своей априорности, онтологической изначальности эстетического по отношению к про-

цессам рефлексивного мышления [2]. В этом, как утверждает Н.А. Найман, «заключается важнейшая характеристика рефлексии: ослепляющая непосредственность и полное совпадение субъекта и предмета чувства. Только чувство способно информировать мышление о его состоянии, а значит, гарантировать рефлексии» [1. С. 117].

М. Хайдеггер, интерпретируя «Трансцендентальную эстетику» И. Канта, также приходит к убеждению, что существование человека в своих фундаментальных структурах глубоко эстетично, поскольку созерцание является подлинно априорным основанием онтологического познания, т. е. изначальное отношение с предметным миром носит созерцательный характер. Эстетическое созерцание позволяет существу «быть для нас» (принадлежать миру *Dasein*) прежде включенности в этот процесс познавательных способностей мышления, конституирующих *Dasein* [5]. Источником открытия бытия становится эстетическое созерцание, в природе которого Т.А. Шаповаловой усматривается подчеркнутое М. Хайдеггером существенное различие между двойственностью понимания созерцания: с одной стороны, в его исходном перцептивном значении – некий акт *видения*, имеющий психофизиологическую, объективную природу развития, и, с другой стороны, как акта мышления, отражающего дискурсивный, логический характер восприятия (*speculari*), склонного к этимологическим изысканиям. «Неметафизический взгляд», отождествляемый с «чистым» незаинтересованным созерцанием, «непосредственно схватывающим в перцептивном акте сущность вещи», детерминирован «правилами взгляда – собирающим усмотрением философского дискурса» [6. С. 98]. На наш взгляд, со-положение перцептивного, рефлексивного и метафизического начал в природе созерцания носит взаимообусловленный прелиминарный характер. И будучи онтологически равнозначными структурными компонентами единого разворачиваемого процесса, безусловно, имеющими свое собственное имманентно смысловое значение, они обуславливают возможность взаимопереходов из одного состояния развития антропологической системы бытийствования в другое. И в этом процессе эстетически чувственное созерцание выступает в качестве неотъемлемого предрефлексивного основания философского мышления, определяющего его форму; является способом (стилем) развертывания философского самоутверждения личности в процессе конституирования своей экзистенциальной структуры.

Существенным для нас в данном случае является то, что речь, по сути, идет о механизмах онтологической сублимации, очищении, воспроизводимых в рефлексивных актах мышления, связанных с получением «чистого» эстетического наслаждения, которое является следствием отрицания своей причастности к какой-либо эмпирической обусловленности. Это связано исключительно с «чистым» стремлением получить удовольствие от соб-

ственного процесса мышления, а именно от особого способа (формы) его выражения. Например, достижение «интеллектуального созерцания» или «интеллектуальной интуиции», согласно Гегелю, приходит гению как непосредственное осознание и созерцание активности свободного творения, спонтанности своего творческого самовыражения. Созидание начальной точки отсчета видения мира, порождения нового способа его репрезентации сопровождается получением чистого эстетического наслаждения от самого процесса спонтанной активизации мышления [7]. Речь идет о получении удовольствия от эстетического способа выражения мысли (стиля философствования), когда сокрытое «во мне» духовное содержание прорывается «во вне» посредством использования методических приемов собственной философской техники, позволяя открыться глубинному онтологическому содержанию «моего» внутреннего мира. «Сама форма, сам стиль философствования уже представляют собой «прорыв» определенных моментов присутствия в мышлении ради раскрытия их онтологического смысла» [1. С. 80]. «Разница между тем, «что» говорит философствующий, и «как» он это делает, должна быть аннулирована» [1. С. 79].

Подлинное эстетическое наслаждение на рефлексивном уровне своего проявления, понимаемое как получение «чистого» незаинтересованного удовольствия от процесса мышления, обращенного к постижению глубинных онтологических смыслов, становится источником порождения метафизического начала. Поскольку сам прорыв к самодавшему наслаждению красотой постижения Бытия есть способ трансцендирования на уровень метафизического бытийствования.

Следует обратить внимание, что субъект глубоко пребывает внутри метафизического поля еще на стадии дорефлексивного существования. Субъект затянута в систему внешнего воздействия, создающую ситуацию привязанности к различным точкам зрения, позициям, идеям, интересам, в результате создается так называемый «эффект поля» (П. Бурдьё). На рефлексивном уровне важно прийти к осознанию того, что все предметное содержание повседневной культуры – это уровень дорефлексивного содержания, который вовлекается внутрь онтологической мысли субъекта и требует по отношению к себе постоянной заинтересованности, совершения глубоких мыслительных процедур, оценивания степени и характера данного воздействия. Постоянство мыслительного обращения к этому «полю» совершает преобразования не только своих этических, политических, социальных, а также эстетических диспозиций субъекта. В онтологическом смысле субъект стремится эстетически позиционировать себя в форме рефлексивного самовыражения (философского высказывания), происходит эстетическое определение себя как онтологически мыслящего субъекта.

Жизненный стиль онтологической заданности, свободный или «чистый» вкус получают свою ма-

териализацию в рефлексивном акте, отсылая к эстетической природе, определению ее специфики, стилю мышления субъекта, особенностям воздействия различных предметностей «рефлексивного (философского) поля» на образ мысли, его силу, красоту, новизну и глубину экзистенциального преобразования. Иными словами, внутри рефлексивного поля субъекта задается эстетическая стратегия, вырабатывается эстетический вкус, который требует «очищения» от примитивности «видения» в мире повседневного, отказа от целерациональных способов самоутверждения, что побуждает к красоте и новизне мыслительных процедур, имеющих особую важность для созидания онтологического проекта экзистирующего субъекта. Для этого в рефлексивном акте задается особая эстетическая позиция формообразования, которая «предполагает превосходство формы над функцией и способом представления над вещью», что является средством «разрыва онтологического от онтического, истинного от вульгарного, подлинного от неподлинного и т. д.» [1. С. 73].

На рефлексивном уровне вскрывается целая сеть эстетически качественных отношений Я и Другого, которые в своем сплетении подкрепляют и усиливают друг друга, со-участвуя в воссоздании онтологического проекта. Природа эстетического проявляется в конституировании процесса «живого» эстетического созерцания, продуцирующего активизацию философски мыслящего субъекта, в котором Другой эстетизированно открывается, снимая объективность своей наличной формы. Этот механизм раскрытия онтологического смысла Другого связан с постоянным переживанием Другого, высвобождением его бытийственных возможностей, приводящих к его движению, пересозданию, трансформации. А это значит, что «в его горизонт вовлекается не только то, что присуще этому предмету на коммуникативном и символическом уровне в плане его предыдущего осмысления другими, но и включает в горизонт его возможностей те смысловые резонансы, которых там ранее не было, а которые присущи только нашим возможностям созерцания» [1. С. 56].

Получается, что онтологический проект на рефлексивном уровне представляет собой особую эстетическую форму развития мышления, отвергающую примитивность нерелексивных дискурсов. Релексивное выражение, прошедшее эстетическую обработку, становится свободным и автономным и в своем дальнейшем разворачивании представляет собой процесс овладения особой техникой онтологического самовыявления – «искусством философствования», понимаемого как «эстетический способ обработки мысли (мысленных связей), эстетический модус существования мышления как главного предмета философской онтологии» [1. С. 78].

Эстетическое обеспечивает мышление релексивным потенциалом. Так, согласно Лиотару, эстетическое суждение, представляет собой релексивную манеру мышления, не осознаваемую ни теоретическим, ни практическим разумом, в соответствии с которой свершается мыслительный акт. «Любой акт мышления сопровождается чувством, которое возвещает мышлению о его «состоянии»... Для мышления быть информированным о своем положении – значит чувствовать это состояние, быть аффицированным... Такова первая характеристика рефлексии: ослепляющая непосредственность и полное совпадение субъекта и предмета чувств... Чистая рефлексия является первой и самой главной способностью мышления быть немедленно информированным о своем состоянии за счет самого этого состояния при отсутствии каких-либо других средств измерения, кроме как самого чувства» [8. С. 11].

Эстетизация человеческого существования на релексивном уровне есть стремление к обретению красоты мышления и далее осуществление эстетического перехода к метафизическому горизонту Прекрасного и Возвышенного. Так, например, Рорти указывает на феномен «последнего философа», говорящего от лица истины», что проявляется в стремлении на уровне мышления выйти за пределы всего возможного. В таком случае можно говорить о философском мышлении как об особом искусстве построения мысли: «...великие системы философии дают повод рассматривать философию как искусство построения целого из понятий, как некое искусство архитекторики, а в самом философе видеть архитектора-систематика, воздвигающего здание идей», – пишет Я. Голосовкер [9. С. 148]. Устремленность к воплощению беспредельности эстетического совершенства, характерна, например, для философского мышления Гегеля, Ницше и Хайдеггера. Не удовлетворяясь красотой мысли, они устремляются к ее «стилистической возвышенности», которая, как считает П. Бурдьё, не является для философского дискурса неким второстепенным свойством и выражается в высоком, величественном стиле речи, где онтологический дискурс достигает своей самоабсолютизации [10. С. 155]. Эстетическое схватывание, «самообнаружение онтоса» (Гегель), связано с самовыявлением экзистирующим Я своей онтологической цели, которое происходит в двойной релексивной процедуре, связанной с принципом экзистенциального прогресса.

Таким образом, разворачивание феноменальности эстетического на релексивном уровне существования дает качественно новый импульс для прогрессивного экзистенциально-метафизического самоосуществления личности, обуславливая актуализацию онтологически заданных перспектив ее саморазвития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Найман Е.А. Эстетические основания философской онтологии: дис. ... д-ра филос. наук. – Томск, 2004. – 311 с.
2. Кант И. Критика способности суждения: сочинения в шести томах. Т. 5. – М.: Мысль, 1966. – С. 99–160.
3. Думинская М.В. Концептуализация эстетического в классической и постклассической культурной ситуации // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 320. – № 6. – С. 122–125.
4. Хайдеггер М. Исток художественного творения // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 143–168.
5. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – 165 с.
6. Шаповалова Т.А. Мистерия взгляда: проблема созерцания в философии М. Хайдеггера // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – Т. 319. – № 6. – С. 93–99.
7. Гегель Г.-В.-Ф. Первая программа системы немецкого идеализма // Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1971. – 668 с.
8. Lyotard J.-F. *Lessons on the Analytic of the Sublime*. – Stanford: Stanford University Press, 1994. – 164 p.
9. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1987. – 218 с.
10. Бурдые П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. – М.: Праксис, 2003. – 269 с.

Поступила 26.01.2013 г.

UDC 101.1.11

AESTHETICS PHENOMENON ON REFLEXIVE LEVEL OF BEING

M.V. Duminskaya

Surgut State Pedagogical University
E-mail: marina-duminskaya@yandex.ru

The paper considers the problem of determining the specific feature of aesthetic principle on the level of reflexive thinking in terms of ontological problem of authentic and inauthentic existence. The study is aimed at detection of singularity of thinking subject aesthetic nature and peculiarity of aesthetic interlocutory relations on the level of reflexive cogitations as a certain sort of events revealing ontological sense of personal principles. It was shown that implementation of the ontological project of personality self-fulfillment on the reflexive level of existence starts as a process of mastering the art of aesthetic forming and processing of the thought; incomprehensibility of climb to metaphysical horizon of the Beauty and the Sublime is supported. The author made a conclusion on the efficiency of viewpoints confirming ontological significance of aesthetic principle considered as a source and a special form of developing thought required for understanding deep processes of personality existential self-fulfillment.

Key words:

Ontology, ontological aesthetics, reflective intellection, aesthetic contemplation, existence.

REFERENCES

1. Nayman E.A. *Esteticheskie osnovaniya filosofskoy ontologii*. Dokt. Diss. [Aesthetic bases of philosophical ontology. Dr. Diss]. Tomsk, 2004. 311 p.
2. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya: sochineniya v shesti tomakh* [Critique of judgment: writings in 6 volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1966. Vol. 5, pp. 99–160.
3. Duminskaya M.V. Kontseptualizatsiya estetiteskogo v klasicheskoy i postklassicheskoy kulturnoy situatsii [Conceptualization of aesthetic in classical and post-classical cultural situation]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 320, no. 6, pp. 122–125.
4. Khaydegger M. *Istok khudozhetstvennogo tvoreniya: zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vekov* [Source of artistic creation: Foreign aesthetics and theory of literature in XIX–XX centuries]. Moscow, MSU Publ., 1987. pp. 143–168.
5. Khaydegger M. *Kant i problema metafiziki* [Kant and the problem of metaphysics]. Moscow, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1997. 165 p.
6. Shapovalova T.A. *Misteriya vzglyada: problema cozertsaniya v filosofii M. Khaydeggera* [Mystery of a view: problem of consciousness in the philosophy of Heidegger]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2011, vol. 319, no. 6, pp. 93–99.
7. Gegel G.-V.-F. *Pervaya programma sistemy nemetskogo idealizma: raboty raznykh let v dvukh tomakh* [The first program of German idealism: works of different years in two volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1971, vol. 1, 668 p.
8. Lyotard J.-F. *Lessons on the Analytic of the Sublime*. Stanford, Stanford University Press, 1994. 164 p.
9. Golosovker Y.E. *Logika mifa* [The logic of the myth]. Moscow, Nauka. 1987. 218 p.
10. Burdye P. *Politicheskaya ontologiya Martina Khaydeggera* [Political Ontology of Martin Heidegger]. Moscow, Praksis. 2003. 269 p.

КИТАИЗАЦИЯ МАРКСИЗМА И МОДЕРНИЗАЦИЯ КИТАЯ

Д.Ш. Цырендоржиева, О.Б. Бальчиндоржиева

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

E-mail: baoyu2008@yandex.ru

Раскрывается взаимосвязь между китаизацией марксизма и модернизацией Китая. Дан анализ основных положений и принципов модернизации, предложенной руководством Китайской Народной Республики, показана ведущая роль «китаизированного марксизма» в идеологии модернизации страны, проведено исследование процесса развития базовой теории «китаизированного марксизма». Авторы выделили основные противоречия в развитии современного китайского общества. Также проведен анализ смены ценностных приоритетов в стратегии модернизации Китая – если на начальном этапе периода «реформ и открытости» на первом месте стояла задача экономического развития, то в настоящее время на первый план вышла проблема духовно-нравственного развития общества. Делается вывод о том, что проблема модернизации осмысливается в Китае комплексно, с учетом национальной специфики.

Ключевые слова:*Модернизация, реформы, развитие, марксизм, Китай.*

Быстрое развитие экономики, повышение уровня жизни населения, рост влияния Китая в сфере международного взаимодействия, – все это вызывает необходимость всестороннего изучения теоретических положений модернизации в Китае.

Концептуальной основой модернизации является теория строительства социализма с китайской спецификой. При осуществлении модернизации в Китае обязательно учитывается руководящая роль марксизма в идеологии страны. В исследованиях модернизации китайскими учеными большое внимание уделяется проблеме китаизации марксизма, утверждается, что «в процессе практического сочетания модернизации Китая и марксизма происходит китаизация последнего» [1. С. 16]. Также китайские исследователи много пишут о том, что марксизм может в разных странах принимать различные формы, отражать специфику этих стран. Так, например, в России марксизм приобрел свою специфическую форму, в Китае свою. «Марксизм это не мертвая теория, и не теория, оторванная от жизни, это теория, имеющая источник в практике, развивающаяся в процессе практики, методология и мировоззрение рассматривающее мир в непрерывном развитии. Жизненная сила марксизма не в самих сочинениях Маркса и Энгельса, а в его отношении к практике» [2. С. 3].

Впервые о китаизации марксизма заговорил еще Мао Цзэдун, зимой 1925 г. он попытался создать собственное китайское преломление марксизма. Осенью 1936 г. он прочитал ряд лекций, которые озаглавил «Проблемы стратегии революционной войны в Китае». В них он делал ударение на различиях между Советской Россией и Китаем, утверждая главенство китайской специфики. Позже он обосновал собственный тезис о «взаимосвязи и неразделимом единстве общего и частного» и положил данный тезис в основание концепции, согласно которой общие принципы марксизма всегда существуют в конкретных национальных формах. Данное положение согласовывается с утверждениями самих основоположников марксизма.

Ф. Энгельс отмечал, что для социалистической партии недостаточно принять марксистскую программу. Это само по себе еще не принесет успеха, если она не умеет в своей практической деятельности опираться на основные положения марксизма. Пример этого он видел в английской Социал-демократической федерации и Социалистической рабочей партии США. Он отмечал, что обе эти организации превратили теорию развития К. Маркса в окаменелую ортодоксию, к пониманию которой рабочие должны прийти, не руководствуясь своим собственным классовым чутьем, а проглотив ее залпом и без рассуждений в качестве символа веры. Ф. Энгельс неоднократно подчеркивал опасность шаблонного, догматического подхода при определении конкретных задач той или иной социалистической партии. Много раз акцентировал внимание на том, что разнообразие условий, в которых приходится действовать социалистам различных стран, требует столь же разнообразных путей и средств достижения единой цели [3. С. 12]. В своем письме В. Зомбарту от 11 марта 1895 г. Ф. Энгельс писал, что марксизм не учение, а метод исследования.

В мае 1941 г. Мао Цзэдун в статье «Перестроить нашу учебу» обратился к древнему изречению – «стремиться к реальности – стремиться к делу». В статье данное изречение было интерпретировано следующим образом: «Тот добьется истины, кто занимается реальными делами» [4. С. 93]. Он связывает данное требование с теорией познания марксизма, а именно с пониманием, что практика является критерием истины. Им были выделены следующие аспекты в содержании данного понятия: 1) убеждение в том, что теория связана с практикой, и этот основной принцип марксизма должен использоваться в качестве подхода, метода исследования китайского общества и китайской революции; 2) убеждение в том, что, используя в качестве предпосылки основные принципы марксизма, необходимо смело связать их с новой действительностью, преодолеть догматичное понимание марк-

сизма. «Мы должны осуществлять руководство исходя из обстановки внутри страны, внутри провинций, внутри уездов и волостей; из присущих им, а не выдуманных закономерностей; искать внутренние связи в окружающих нас вещах» [4. С. 278]. Будущую идеологическую линию партии Мао видел в реалистическом подходе к делу, который он как раз и понимал как *китаизацию марксизма*.

В советский период многие воззрения Мао Цзэдуна подвергались жесткой критике. Отмечался антимарксистский характер его идей. «Философские взгляды Мао Цзэдуна не представляют собой какой-либо цельной, законченной теоретической концепции. Это набор самых различных, подчас противоречивых построений и формул, эклектически соединенных вместе в сугубо прагматических, утилитарных целях. Выдвижение Мао Цзэдуном тех или иных теоретических, философских положений всегда преследовало определенную политическую цель. Уже в одном этом утилитарном подходе к философским проблемам заключена принципиальная враждебность маоцзэдуновской «философии» марксизму-ленинизму, всегда рассматривавшему философию как важнейшую, причем самостоятельную часть пролетарской идеологии, необходимый теоретический фундамент революционно-преобразовательной деятельности пролетариата» [5. С. 114]. Китайская пропаганда, напротив, утверждает, что он развил марксистско-ленинскую философию. Касаясь вопроса об отношении Мао к марксизму, отметим, что сам Мао относился к марксизму утилитарно, порой смешивая его с конфуцианскими и даосскими постулатами.

В 1945 г. в качестве программы Компартии Китая (КПК) была выдвинута платформа «новой демократии», что означало признание многоукладности экономики, мобилизация всех классов и социальных групп китайского общества (а также китайцев, проживающих за рубежом) на осуществление модернизации народного хозяйства страны. Сущность платформы «новой демократии» была сформулирована как диктуемая специфическими условиями Китая необходимость длительного существования различных классов китайского общества для мобилизации всех активных факторов на достижение экономического прогресса в стране. Указывая на утопичность построения социализма на развалинах полуфеодального и полукOLONиального общества без использования многоукладных хозяйственных структур, без развития национальной, научной, массовой культуры, без раскрепощения и развития личности у сотен миллионов людей, Мао Цзэдун подчеркивал в политическом отчете ЦК КПК 7-му съезду КПК продолжительный характер периода борьбы за демократизацию и развития капитализма, указывая недопустимость стремления одним махом перескочить в социалистическое общество. Но уже в июне 1953 г. на заседании Политбюро ЦК КПК Мао Цзэдун резко возражал против формулировок «от новой демократии – к социализму», «прочно охранять частную

собственность», заявляя, что победа демократической революции уже состоялась, что характер революции изменился, но есть такие, которые «топчутся на одном месте» и «вместо социалистических преобразований продолжают заниматься своей новой демократией» [4. С. 15–16]. Впоследствии планы социалистических преобразований были существенно изменены, постепенный путь изменения несоциалистических укладов общества стал резко форсироваться и был завершён за короткое время. «Не подготовленное экономически такого рода обобществление носило формальный характер и потенциально несло в себе угрозу будущих хозяйственных срывов. Одновременно оно усугубило те структурные прекося в народном хозяйстве, которые обозначились уже в первой пятилетке... Форсированное преобразование частного и кустарного секторов по существу ликвидировало тот резерв, который мог бы обеспечить большую сбалансировать в экономике и за счет взятых под контроль государства капиталистических предприятий легкой промышленности, и за счет мелкого производителя, традиционно игравшего большую роль в удовлетворении потребностей сельского хозяйства и населения», – пишет в своем труде «Социализм с китайской спецификой» Э.П. Пивоварова [6. С. 19].

После 1978 г. модернизация становится целенаправленным, долговременным курсом развития Китая. На начальном этапе модернизации Китая основная задача определялась необходимостью адаптации к изменившимся условиям в мире и преодолению отсталости страны. Предполагалось, что на первом этапе главной целью было «накормить и обогреть народ», на втором этапе – достижение малого благополучия. С этими задачами руководство КНР справилось, осуществление экономических реформ приводит к повышению основных показателей и улучшению социально-экономической ситуации.

В своей теории Дэн Сяопин отвечает на вопрос «что есть социализм?» и на вопрос «как построить социализм?», ответом на которые становится выдвинутая им теория строительства социализма с китайской спецификой. «Необходимо начать объединять всеобщие принципы марксизма с конкретной ситуацией в стране. Идти собственным путем, строить социализм с китайской спецификой. Это основной вывод, следующий из обобщенного исторического опыта» [7. С. 389]. Именно официальное признание китайской специфики, а также понимание того, что китайское общество находится пока на начальном этапе строительства социализма и будет находиться на данном этапе еще долгое время, позволило проводить в стране успешную модернизацию.

Во главу угла был поставлен прагматизм и соединение истин марксизма с китайской спецификой. Национальная специфика Китая – это проблема гигантского населения страны, равно как и то, что на момент начала реформ 80 % населения проживали

в деревнях. Традиционно известно, что огромное население Китая порождает и огромные проблемы. Но, с другой стороны, население – это и самое большое стратегическое богатство страны, ее активные трудовые ресурсы. Сельское хозяйство было поставлено на первое место в экономике, аграрная реформа осуществила переход от народных коммун с колхозной формой собственности на землю к *семейному подряду с правом пожизненного владения землей*. В результате очень быстро выросли урожаи, появился реальный рынок продуктов питания в городах. Успехи аграрной реформы позволили Дэн Сяопину начать преобразование в базовых и смежных отраслях промышленности, за счет внедрения новых форм и методов, связанных с широким использованием товарно-денежных отношений, привлечением иностранных инвестиций, развитием индивидуального предпринимательства, многоукладной экономики. Много усилий Дэн потратил на то, чтобы опровергнуть мнение об опасности богатства и неравенства в доходах. Преодоление отсталости, ликвидацию бедности Дэн Сяопин провозгласил основной целью политики партии, и для достижения этой цели он призвал использовать все возможные пути и средства, даже те, которые по устоявшимся представлениям считались противопоказанными принципам социализма.

На начальном этапе перехода к рыночной экономике споры по вопросу о том, насколько новые формы развития экономики совместимы с принципами социализма, с основными положениями марксизма-ленинизма, шли непрерывно. Особенностью этих дискуссий было то, что каждая из спорящих сторон претендовала на правильность представлений о характере социализма и о методах его построения. Сторонники реформ доказывали, что их содержание не противоречит принципам марксистско-ленинской теории и что опасность капиталистического перерождения Китая не грозит.

А.В. Виноградов в своей работе о модернизации Китая пишет: «С середины 1985 г. стали появляться публикации, в которых указывалось, что со времени смерти К. Маркса в обществе произошли глубокие изменения и «некоторые выводы Маркса были отброшены новой практикой», в их числе вывод о зрелости внутренних противоречий капитализма и победе социализма. Для преодоления этих недостатков предлагались новые тенденции развития человечества сделать основой новых теоретических обобщений» [8].

Во всех своих выступлениях Дэн Сяопин подчеркивал, что начатые в Китае преобразования ведут к одной цели – торжеству идей социализма, практическому доказательству его преимуществ, которые до сих пор не были выявлены. Ведущая роль в экономике сохраняется за государственной собственностью, а в политике руководящей остается Коммунистическая партия [7. С. 101–106]. «Рынок и план – это только экономические категории. При капитализме может быть планирование, а при социализме может быть рынок» [7. С. 105].

На рубеже веков Дэн Сяопин выдвигает концепцию общества Сяокан (малое благополучие, малый достаток). Ставились следующие основные задачи: в экономике – усилить конкурентоспособность на международной арене, к 2020 г. удвоить ВВП по сравнению с 2000 г.; в политической сфере – строительство социалистической демократии, совершенствование социалистического правопорядка, концепция «управления на основе закона»; в культурной сфере – повышать моральные качества народа, научную культуру. В аспекте устойчивого развития ставится цель – повысить эффективность использования ресурсов, стимулировать гармоничное развитие человека и природы.

Теория новой демократии и теория строительства социализма с китайской спецификой – это две знаковые теории, сложившиеся в результате китаизации марксизма, сочетания его с историческим фоном, с реальной практикой, с целями и объективными условиями развития Китая.

В современный период модернизации усилились различные противоречия в китайском обществе, постепенно появляется место для плюрализма мнений. Все это вызывает необходимость дальнейшей китаизации марксизма, наряду с китаизацией марксизма, должны происходить его осовременивание и популяризация [1. С. 17].

После прихода к власти четвертого поколения руководства начинается новый виток модернизации. Основной целью развития становится построение гармоничного общества, соответствующего и принципам конфуцианства. В начале XX в. все более явными становятся дисбаланс и разрозненность процессов модернизации в различных сферах общества. Экономическая модернизация продвигается более быстрыми темпами, а политические реформы явно отстают. Все более явной становится главная проблема модернизации – проблема разумного сочетания и приведения к единому знаменателю процессов модернизации во всех сферах общества с тем, чтобы данные процессы взаимно стимулировали, взаимно регулировали и протекали более согласованно.

Основным фактором, влияющим на дальнейшее развитие страны, становится загрязнение окружающей среды. Не стоит игнорировать и другие глобальные проблемы, такие как мировой финансовый кризис. З.Г. Антонова в своей статье «Модернизация экономики как главный фактор экономического роста» пишет: «Мировой финансовый кризис четко отразил новую технико-экономическую концепцию (или новый технологический уклад), связанную с переходом на новые нанотехнологии, биотехнологии, биоэкономику, которые развиваются на основе новой биоэнергетики и экологически чистых производств, в противовес старой, где доминировали «грязные» технологии, которые создавали угрозу жизни человека, натиная токсинами землю и воду» [9. С. 11–12]. В Китае также произошло осознание того, что необходимо, с одной стороны, упорядочить меры

по охране окружающей среды: создать систему эффективного контроля над количеством выбрасываемых загрязняющих веществ, систему научного мониторинга экологической ситуации, принять меры по рациональному использованию, экономии, комплексному использованию и охране природных ресурсов. С другой стороны, необходимо изменить способ развития экономики, т. е. стимулировать рост технологических инноваций, провести промышленную реструктуризацию, привести интересы экономического развития в соответствие с требованиями охраны окружающей среды. Для обеспечения вышеперечисленных мер необходимо создать эффективный социальный механизм, использовать все средства: экономические, правовые, политические.

Незамедлительного решения требует проблема раскола общества на богатых горожан и бедных сельчан, более развитые восточные районы и менее развитые западные. Усиливается расслоение общества по доходам, усугубляется конфликт и столкновение интересов. На современном этапе китайскому руководству необходимо больше внимания уделять согласованию интересов различных социальных групп, а также проблеме социального обеспечения бедных и незащищенных слоев. Незамедлительного решения требуют следующие задачи: рационализация системы распределения доходов; усиление борьбы с взяточничеством и другими неправомерными деяниями. Дальнейшее осуществление модернизации также требует и кардинальных перемен в отношениях между властью и народом.

Одним из результатов обращения к традиционной духовной культуре, и одновременно новым этапом китаизации марксизма является концепция «Человек – основа». Освобождение человека является коренной задачей и конечной целью философии Маркса. Как пишут китайские ученые, «в конце концов, целью социалистической реформы является освобождение человека. Прямая цель – это освобождение и развитие творческих сил, а конечная состоит в стимулировании свободного и всестороннего развития человека. Развитие человека означает осуществление модернизации человека, то есть превращение простого человека в «нового», отвечающего требованиям времени и способного использовать достижения современной цивилизации человечества. Без передовой социальной системы, без всеобщего прогресса общества не могло быть и речи о всестороннем развитии человеческой свободы» [10]. В настоящее время экономические проблемы отошли на задний план, уступив место нравственным и духовным. Развитие общества создает условия для развития личности, и наоборот совершенствование человека является необходимым условием социального прогресса, на

основе этой взаимосвязи создается специфическая система ценностей, в которой развитие человека – цель, а развитие общества – средство. Поэтому проблему модернизации необходимо рассматривать во взаимосвязи с проблемой человека.

От социального строительства непосредственно зависит счастье и благополучие народа. Поэтому важно, чтобы на основе экономического развития ему уделялось повышенное внимание, что обеспечит социальные гарантии и улучшит народную жизнь, продвинет вперед реформу социальной системы, расширит общественное обслуживание, будет совершенствовать социальное управление и стимулировать социальное равноправие и справедливость. Словом, нужно делать так, чтобы китайский народ имел возможность получать образование, зарабатывать себе на жизнь, лечиться и жить, чтобы в старости он был обеспечен, а значит, мог эффективно строить гармоничное общество [11. С. 23–24].

Китайская модель модернизации не является чем-то неизменным. Постепенно в процессе реальной практики приобрели очертания ее основные принципы, такие как: отказ от слепой веры в плановую экономику, развитие социалистической рыночной экономики; разумное сочетание управления на основе закона и управления на основе морали, укрепление социалистического правопорядка; развитие социалистической демократии; опора на научную программу развития, достижение гармонии между человеком и обществом, человеком и природой. Она диалектически отрицает западный путь развития, а также позицию тех западных теорий модернизации, которые ставят во главу угла экономику.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что «китаизированный марксизм» – это теория, отвечающая за стратегическое планирование и идеологическое обоснование китайских реформ. Те теории, которые сложились под знаменем строительства социализма и китаизации марксизма имеют не так много общего с оригинальной теорией К. Маркса. Государственная политика модернизации Китая опиралась и на идеи марксизма-ленинизма, и западной философии, и науки в целом, а также на учения традиционной китайской философии, но более всего она основывалась на реалиях китайской действительности. На современном этапе предлагается больше внимания уделять социальной справедливости и равенству в духе марксизма, согласованию интересов различных слоев общества, созданию более справедливой системы распределения, социальному обеспечению незащищенных слоев общества, а также разрешению противоречий между городом и деревней, менее развитыми западными и богатыми восточными регионами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Лань, Чжао Инин. Связь между китаизацией марксизма и модернизацией Китая // Реформа и открытость. – 2010. – № 3. – С. 16–17.
2. Ван Хао. Логика практического обновления марксизма // Вестник университета науки и технологии г. Сучжоу. – 2010. – № 2. – С. 3–5.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 39. – М.: Изд-во политической литературы, 1966. – 747 с.
4. Мао Цзэдун. Собрание сочинений. – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1991. – Т. 3. – 389 с.
5. Идеино-политическая сущность маоизма. – М.: Наука, 1977. – 442 с.
6. Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. – М.: ИД «Форум», 2011. – 352 с.
7. Дэн Сяопин. Избранные сочинения. – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1994. – Т. 2. – 351 с.
8. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации: социально-политические и социокультурные аспекты: автореф. дис.... д-ра полит. наук. – М., 2006. – 39 с.
9. Антонова З.Г. Модернизация экономики как главный фактор экономического роста // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – Т. 319. – № 6. – С. 10–15.
10. Ван Шаосинь, Цзян Сяоюнь. Социализм с китайским лицом // Ежемесячный информационно-аналитический журнал «Обсерватор». – 2003. – № 11. URL: http://www.rau.su/observer/N11_2003/11_12.htm (дата обращения: 23.11.2012).
11. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). – М.: Весь мир, 2011. – 252 с.

Поступила 26.12.2012 г.

UDC 1:329 (510)

SINIFICATION OF MARXISM AND CHINA'S MODERNIZATION

D.Sh. Tsyrendorzhevia, O.B. Balchindorzhevia

Buryat state university, Ulan-Ude

E-mail: baoyu2008@yandex.ru

The paper explains the relationship between sinification of Marxism and modernization of China. The authors have analyzed the basic principles of modernization proposed by the leadership of the People's Republic of China and have studied the process of development of «Chinese Marxism» basic theory; the leading role of «signification of Marxism» in the ideology of modernization of China is shown. The authors identified the main contradictions in the development of modern Chinese society and analyzed the change in the value priorities of China's modernization strategy. Initially at the time of «reform and opening» the task of economic development was in the first place but now the problem of spiritual and moral development of society came to the fore. The authors make a conclusion that the problem of modernization in China is interpreted comprehensively considering national specificity.

Key words:

Modernization, reformation, development, marxism, China.

REFERENCES

1. Van Lan, Zhao Inin. Svyaz mezhdou kitaizatsiey marksisma i modernizatsiey Kitaya [Correlation between the Sinification of Marxism and China modernization]. *Reform and opening*, 2010, no. 3, pp. 16–17.
2. Van Khao. Logika prakricheskogo obnovleniya marksisma [The logic of practical renovation of Marxism]. *Bulletin of the University of Science and Technology of Suzhou*, 2010, no. 2, pp. 3–5.
3. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Collected Works]. Vol. 39. Moscow, Publishing house of Political Literature, 1966. 747 p.
4. Mao Zedong. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Beijing, Renmin chubanshe, 1991. 389 p.
5. *Ideino-politicheskaya sushnost maoisma* [Ideological and political essence of Maoism]. Moscow, Nauka, 1977. 442 p.
6. Pivovarova E.P. *Sotsializm s kitaiskoy spetsifikoy* [Socialism with Chinese characteristics]. Moscow, Publ. House Forum, 2011. 352 p.
7. Deng Xiaoping. *Izbrannyye sochineniya* [Selected Works]. Vol. 2. Beijing, Renmin chubanshe, 1994. 351 p.
8. Vinogradov A.V. *Kitaiskaya model modernizatsii: sotsialno-politicheskie i sotsio-kulturnye aspekty*. Avtoreferat diss. dokt. politicheskikh nauk [The Chinese model of modernization: the socio-political and socio-cultural aspects. Dr. polit. sci. abstract]. Moscow, 2006. 39 p.
9. Antonova Z.G. *Modernizatsia ekonomiki kak glavniy faktor ekonomicheskoro rosta* [Modernization of the economy as the main factor of economic growth]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2011, vol. 319, no. 6, pp. 10–15.
10. Wang Shaoxing, Jiang Xiaoyun. *Sotsializm s kitaiskim litsom* [Socialism with Chinese characteristics]. *Monthly information-analytical journal «Observer»*, 2003, no. 11. Available at: http://www.rau.su/observer/N11_2003/11_12.htm (accessed 23 November 2012).
11. *Obzorniy doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001–2010)* [A review paper on the modernization of the world and China (2001–2010)]. Moscow, Mir, 2011. 252 p.

УДК 130.2

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОСТИ И ИННОВАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАФЕДР ТНЦ СО РАН)

Т.П. Минченко, Т.Д. Литвинова, Т.П. Бланк

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
E-mail: mtp70@mail.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью развития творческого потенциала ученых и будущих специалистов, а также навыков оформления и предъявления инновационных достижений в различных формах.

Цель работы: исследование социокультурных оснований академической корпоративной культуры и тех моделей корпоративной культуры, которые содействуют развитию креативных способностей ученого и эффективной презентации его достижений.

Методы исследования: методы компаративного анализа, лингвистического анализа, анализа документов, моделирования и психосинтеза.

Результаты: Выявлены социокультурные основания корпоративной культуры, на которой базируется деятельность образовательных кафедр в ТНЦ СО РАН. Показано, как сложившаяся модель академической культуры, гуманитарный подход реализуется в различных видах аудиторной и внеаудиторной работы кафедры иностранных языков и методологических принципах деятельности кафедры философии, в рамках подготовки научных кадров высшей квалификации и дальнейшего развития их творческого потенциала. Обосновывается значение форм педагогической работы и иных форм творческой коммуникации академического сообщества Томского научного центра, развиваемых кафедрами ТНЦ СО РАН и содействующих созданию инновационной социальности. Обращается внимание на остроту и дискуссионность проблемы выбора оснований корпоративной культуры в сфере образования и науки в современной России.

Ключевые слова:

Корпоративная культура, Томский научный центр, образование, традиция, инновация.

Важнейшими направлениями государственной политики РФ в области развития науки и технологий являются развитие фундаментальной и прикладной науки, формирование национальной инновационной системы, сохранение и развитие кадрового потенциала научно-технического комплекса, интеграция науки и образования [1; 2. С. 1].

Одним из актуальных требований, предъявляемых к ученым, является их способность созидания и творчества, а также навыки оформления и предъявления инновационных достижений в письменной и устной форме. Помимо этого образовательный процесс должен гибко реагировать на интенсификацию международного и, соответственно, межкультурного взаимодействия ученых.

Целью статьи является исследование того, какая модель корпоративной культуры, какие ее социокультурные основания содействуют развитию творческого потенциала ученого и эффективной презентации его достижений, и, в частности, какие формы образовательной и корпоративной деятельности в Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук (ТНЦ СО РАН) реализуют задачи, актуализируемые современностью.

Данная работа является продолжением совместной деятельности кафедр в исследовании методов, содействующих повышению гуманитарной компетентности обучающихся в аспирантуре [3], а также дальнейшего развития творческого потенциала ученых в контексте академической корпоративности.

В литературе выделяется множество моделей корпоративной культуры определяемых по экономическим, политическим, религиозным и другим

основаниям [4–7]. Существуют национальные модели корпоративной культуры, выделяемые на основании общих характеристик деловой культуры у сотрудников предприятий в рамках наций и государств [8].

Максимально широкое обобщение позволяет выделить западную модель корпоративной культуры (включающую североамериканскую и западноевропейскую деловые культуры) и восточную модель, характерную для стран Азии и Востока. Рассматриваются типичные дихотомии, характерные для деловых культур Запада и Востока: индивидуализм и коллективизм, прямолинейность – ритуальность, хитрость, эгалитаризм – иерархичность, пунктуальность (deadline) – относительность времени, краткосрочные интересы – длительные деловые отношения, ориентация на личные достижения – ориентация на родственные связи или протекцию, инициативность – фатализм и т. п. [9].

Особенности российской корпоративности обусловлены сочетанием западных и восточных начал в русском национальном характере [10. С. 7–16], противоречивыми событиями истории, огромными, часто неоформленными пространствами, авторитарной властью, сложной этноконфессиональной картиной и иными обстоятельствами. Традиционная корпоративная культура в России тяготеет к восточной модели, но в связи с процессами глобализации (и американизации) в последние десятилетия активно внедряются черты западной модели [11].

Одним из распространенных стереотипов, ведущих к неточности в определении корпоративных моделей, является понимание корпорации только как формальной организации, совокупности безликих индивидов. Под влиянием активной перестройки

российских учреждений (в том числе образовательных) по западным образцам появилось характерное определение сотрудников как «офисного планктона» [12]. В то же время Запад пытается инкорпорировать восточную идею создания команды-семьи, объединенной общей целью [13. Р. 503–530], и это тоже находит свой отклик в российской действительности.

С одной стороны, процессы институализации, в том числе и в сфере науки и образования, связанные с развитием и закреплением соответствующих социальных отношений, предполагают юридический статус, формализацию и регламентацию этих отношений. Так, становление науки как социального института в России началось в XVIII в. под руководством Петра I. Петровская программа создания предпосылок для развития отечественной науки предполагала создание организационных структур не только для проведения научных исследований, но и для подготовки российских научных кадров. В целях реализации этого плана в 1724 г. была учреждена Петербургская Академия наук, правопреемницей которой является современная Российская академия наук как центральная составляющая организационной системы российской науки.

С другой стороны, юридическое лицо как таковое еще не обязательно является жизнеспособным сообществом.

Как отмечает известный исследователь китайской культуры В.В. Малявин: «Корпоративность в корпорации – это не состояние, тем более не статус, а процесс, удостоверяющий присутствие бесконечного в конечном и поэтому налагающий нравственные обязательства. Очевидно, что корпорация не может быть формализована, что она держится необъективируемым, всецело внутренним опытом «единотелесности» ее членов. Мудрый правитель у Лао-цзы «не имеет определенных устремлений», он живет «душой народа». Напротив, попытки учредить «народ» сверху, начиная с «народности» Николая I и кончая гитлеровским Volk, были в лучшем случае бесплодны, в худшем заканчивались катастрофой. ... А все потому, что корпорация в формально-юридическом смысле человека в свободе и творческом сотрудничестве с себе подобными» [14. С. 2].

Для деятельности образовательных кафедр ТНЦ СО РАН с момента их основания было характерно формирование особой корпоративной атмосферы, впитавшей специфику академического сообщества и благоприятной для раскрытия творческого потенциала аспирантов и молодых ученых в коммуникации со зрелыми учеными и педагогами.

Вместе с тем для России остается опасность навязывания чужеродных форм, не развившихся естественным образом на своей почве, о чем говорил еще О. Шпенглер, вводя понятие «исторических псевдоморфоз» [15. С. 192].

Поскольку западная (формальная) корпоративная модель в настоящее время переживает кризис,

представляется продуктивным обратиться к социокультурным основаниям иных корпоративных моделей культуры на примере популярного понятия инновации.

В настоящее время цель образования, способствующего развитию творческих и инновационных потенциалов человека, связана не с усвоением социальных ролей (как это институализировано в традиционном обществе) и не с воспитанием автономной личности (что предлагает общество модерна), а в раскрытии внутренне присущей человеку жизненности во всей ее духовной, интеллектуальной и эмоциональной полноте.

Творческая атмосфера возникает там, где укоренено уважение к личности и восхищение талантливыми проявлениями человека, где в коллективе люди питают любовь и сочувствие друг к другу. Инновационное начало деятельности коренится в виртуальной первооснове бытия, проявляющейся в самосокрытии. Соприкосновение с этой первоосновой дает свободу от внешних стереотипов и открытость бесконечному разнообразию жизни, представляющие важнейшие условия творческой деятельности.

Современные концепции, формируемые вследствие интенсивного развития информационных технологий (упразднившим былую оппозицию субъективного и объективного измерений мира), оказываются близки представлениям о реальности в древних философских традициях, причем в большей степени в восточных духовных практиках.

Новое откровение имманентной правды жизни, как условие и среда коммуникации, требует смирения и глубоко морально по своей природе. Его корни – в изначально присущей жизни силе эмпатии. Творчество есть только там, где дело никто не делает по отдельности, а оно само делается. Правда, это предполагает иерархию ступеней духовности и наличие элиты, владеющей методами духовного восхождения. Однако такая иерархия имеет только учительную функцию и не предполагает отношений неравенства или эксплуатации в обществе.

Понятое таким образом инновационное начало практики имеет основанием самые глубинные слои человеческого сознания, коренится в опыте предшествующих поколений и потому, помимо прочего, способно поддерживать преемственность народного самосознания как полноты народной памяти и вариативности будущего. Соответствие бессознательным ожиданиям общества – не последний фактор успеха конкретных социальных инноваций.

Если в советское время технологические инновации были вызваны потребностями военно-промышленного комплекса, то в настоящее время существует большая заинтересованность населения в инновациях. Кроме того, инновация выполняет важную психотерапевтическую роль в социуме: она утверждает возвратное движение сознания к его внутреннему истоку, тем самым освобождая отдельных людей и общество от бремени актуальной

истории, открывая простор для проектной деятельности. С этой точки зрения инновация есть подлинное средоточие народной жизни.

Используемое в данном смысле понятие инновации позволяет связать воедино разные ипостаси науки. «Наука как культура и наука как познание есть принципиально разные вещи, различные элементы в составе некоего единого образования» [16. С. 348]. Соответственно, в программах подготовки кадров для науки должны присутствовать как собственно гносеологические разделы, так и исторические, общекультурные, показывающие место науки в системе культуры.

Обратимся к рассмотрению социокультурных оснований корпоративных особенностей Томского научного центра и того, как в работе образовательных кафедр ТНЦ СО РАН реализуются современные цели образования, формирующего способность человека к инновациям через раскрытие внутренне присущего ученому жизненного потенциала.

Специфика социальной базы академической корпорации в ТНЦ определяется в первую очередь ее структурой, которая в настоящее время включает в себя пять академических институтов и два филиала институтов Сибирского отделения РАН разных естественнонаучных направлений. Доминирующими для ученых ТНЦ являются физические, химические и технические специальности. В меньшей степени представлены биологи, экологи, геологи, географы. Особенностью научного центра является отсутствие гуманитарных специальностей в научных институтах. Таким образом, гуманитарная составляющая подготовки кадров высшей квалификации в ТНЦ СО РАН связана с деятельностью кафедры философии и кафедры иностранных языков.

Эта специфика напрямую сказывается на наборе аспирантов, так, например, в одном из первых институтов – Институте оптики атмосферы (ИОА) – сильная научная школа по оптике атмосферы, которая распространила свое влияние и на другие институты (ИМКЭС), поэтому около половины аспирантов ТНЦ обучаются по специальностям «оптика», «физика атмосферы и гидросферы». За время существования ТНЦ сложился определенный внутренний дисциплинарный образ научного знания: физика является лидером, существенную долю занимают прикладные исследования и разработки, фундаментальные знания напрямую связаны с последними, существует определенный скепсис в отношении научности социогуманитарных исследований.

Еще одна особенность заключается в наличии междисциплинарного общения ученых и аспирантов ТНЦ как на образовательных кафедрах, так и в рамках самой научной деятельности, которая все чаще является междисциплинарной.

Установка на раскрытие творческого потенциала личности легла в основу многих подразделений ТНЦ СО РАН, среди которых кафедра философии (1986 г.) и кафедра иностранных языков ТНЦ АН СССР (1988 г.), созданные по инициативе и при поддержке академика В.Е. Зуева [17]. Первыми руково-

дителями кафедры философии (проф. В.В. Чешев) и кафедры иностранных языков (Л.С. Полковникова) были заложены лучшие традиции творческих форм повышения квалификации ученых ТНЦ.

Кроме того, с момента своего основания корпоративной особенностью кафедр является тесное сотрудничество с отделами аспирантуры, активное взаимодействие с сотрудниками лабораторий и кафедр академических институтов, научными руководителями аспирантов. Характерна особая творческая атмосфера, высокий уровень профессиональной этики, тщательный подбор новых кадров, осваивавших особенности работы с аспирантами и соискателями, продолжение творческой коммуникации и профессионального роста за пределами учебного процесса.

С 2006 г. программа содержательно изменившегося кандидатского экзамена по «Истории и философии науки» предоставила кафедре философии дополнительные возможности интенсивного освоения и выбора различных методологических подходов. Сочетание проблемного и культурно-исторического принципов при ведении нового курса позволяет значительно расширить кругозор слушателей и обучает навыкам поиска адекватной предмету методологии при проведении диссертационного исследования.

Что касается мировоззренческой стороны, в деятельности кафедр всегда присутствовал интерес к «eternal questions» – «вечным» философским проблемам, и происходило их обсуждение как в рамках учебной, так и внеучебной деятельности, например, в деятельности разговорных групп при кафедре иностранных языков, объединяющей ученых, давно окончивших аспирантуру и не только поддерживающих необходимый уровень иностранного языка для международного научного общения, но и создающих необходимую творческую среду для рождения инноваций.

Сотрудникам кафедры иностранных языков в содружестве со слушателями удалось выработать как уникальные, так и технологичные формы работы, которые, с одной стороны, помогают выявлению и формированию креативных способностей слушателей, а, с другой, обучают навыкам вербальных и невербальных форм презентации творческих идей [18].

Помимо этого кафедра ежегодно организует конференцию для аспирантов и соискателей в формате кандидатского экзамена, посвященную последним достижениям в разных областях науки и техники, где рабочими языками являются английский и немецкий. Это позволяет обучить слушателей основам риторики и искусству презентации, соответствующим современному уровню представления научной работы [19, 20]. Постоянными участниками этих конференций являются участники разговорных групп корпоративного академического сообщества.

Помимо этих форм уникальной площадкой, создающей кумулятивный эффект в генерировании творческой энергии, является деятельность клуба общения на английском языке «Fans & Fri-

ends of English» с периодическим участием и выступлениями носителей языка из разных стран. В течение года проводятся тематические вечера клуба, например, «Freshmen's day», «Christmas», «Happy Fool's Day», «Shakespeare's Birthday» и др.

Работа клубного театра (его представления идут на английском языке), в котором актёры, танцоры, певцы, художники, костюмеры, сценаристы и режиссёры – это сотрудники ТНЦ, неизменно получает высокую оценку аудитории и самих участников, так как творчество – это важнейший инструмент ученого, а поддержание его на нужном уровне требует огромных систематических усилий.

Поскольку одна из важных образовательных задач кафедры – формирование умений и навыков практического владения языком, то подход основывается на функциональной деятельности с полным акцентом на обучаемом, а не обучении, так называемый «learner-centered approach», а именно, формирование основных навыков и коммуникационных стратегий, когда язык не изучается, а усваивается, например, в процессе моделирования «реалистичных» ситуативных диалогов, основанных на аутентичных материалах и специальных упражнениях с поиском недостающей информации, так называемых «information-gap exercises» [21].

Фундаментом коммуникативной компетенции является метод эмоционального вовлечения всех участников процесса: наличие или создание мотивации плюс поддержание личного интереса обучаемого к результату [22–24]. Этот метод позволяет реализовать гуманистический подход, учитывающий психологию взрослого обучаемого.

На кафедре философии это реализуется через акцент на теории познания, методологии науки, отвечающий потребностям и возможностям аспирантов ТНЦ СО РАН, с целью максимального приближения содержания курса «Истории и философии науки» к анализу научной деятельности. Основная аудитория кафедры – это молодые сотрудники институтов ТНЦ, которые уже непосредственно включены в научную деятельность и рефлексия в отношении науки в разных ее аспектах – то, что наиболее интересно из всей философии.

В деятельности кафедры иностранных языков это осуществляется через достижение беглости общения, приближенной к языковой компетентности на родном языке, достигаемой через различные коммуникативные виды деятельности и знакомство с культурой страны изучаемого языка: литературой, искусством, поэзией на языке оригинала.

Не умаляя равноправия участников процесса при таком подходе, нужно подчеркнуть роль педагога, задача которого создать коллектив и обстановку, способствующую общению, тонко чувствующего и понимающего развитие отношений в группе, обладающего неограниченным тактом и умением подбодрить, поощрить и помочь психологически и, по умолчанию, обладающего высочайшей языковой компетенцией, общекультурной эрудицией и желанием и умением учиться.

По-видимому, наиболее ценным в работе кафедр ТНЦ СО РАН является создание особой коммуникативной атмосферы, ориентации всех видов деятельности на эмоциональную вовлеченность обучающихся в творческий процесс, в котором они становятся соавторами и сотворцами, что и позволяет значительно повысить эффективность формирования стабильных навыков.

Учитывая интенсификацию научного общения в глобализирующемся мире и направления зарубежных контактов ТНЦ СО РАН, как со странами западной, так и восточной культур, выбор описанной выше стратегии и методики образовательной деятельности является весьма продуктивным. Таким образом, работа по подготовке кадров высшей квалификации в ТНЦ СО РАН, в которой традиционные ценности связаны с инновационными практиками, отвечает духу современных требований, заявленных на государственном и на региональном уровне, и превращается в школу творчества, генерации идей и подходов, что так необходимо для людей умственного труда.

Вместе с тем, проблемы выбора оснований корпоративной культуры в российских научных и образовательных учреждениях остается острой и открытой. Представляется, что в условиях интеграции государств и народов в единое социокультурное пространство наиболее продуктивной и эффективной стратегией будет свободное взаимодействие западного и восточного культурно-географических миров, учитывающее диалектическое взаимодействие традиции и инновации.

Выводы

Исходя из насущной актуальности умения социализации и творчества, навыков оформления и предъявления инновационных достижений в письменной и устной форме, предъявляемых к ученым, показаны социокультурные основания корпоративной культуры, содействующей формированию этих умений и навыков. Выделены различные основания моделей корпоративной культуры и акцентировано внимание на особенностях российской корпоративности. Понятие инновации рассмотрено в диалектической связи с традицией, преемственностью народного самосознания и раскрытием внутренне присущей человеку жизнелюбности во всей ее духовной, интеллектуальной и эмоциональной полноте.

Показано как формирование гуманитарного подхода осуществляется в методологических, мировоззренческих и методических установках преподавателей кафедр, в различных видах аудиторной и внеаудиторной работы в процессе подготовки научных кадров высшей квалификации в ТНЦ СО РАН, а также в различных формах творческой коммуникации академического сообщества ТНЦ. Обращается внимание на остроту и дискуссионность проблемы выбора оснований корпоративной культуры в сфере образования и науки в современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Инновационная Россия-2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года). – М.: Минэкономразвития России, 2011. – 146 с.
2. Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2020 года и дальнейшую перспективу // Поиск. – 12 августа 2011 г. – № 31–32 (1157–1158). – С. 1–2.
3. Improving personal humanitarian competence using the practices at the Department of foreign languages of TSC SB RAS as an example / T.P. Minchenko, T.D. Litvinova, T.P. Blank, L.E. Trifonova // Construction of a Man: Reports of All-Russian scientific conference with international participation. V. 2. – Tomsk: TSPU Press, 2008. – С. 99–103.
4. Abbasi A.S., Rehman K.U., Bibi A. Islamic management model // African Journal of Business Management. – 2010. – V. 4 (9). – P. 1873–1882.
5. O’Rielly C.A., Chatman J.A., Caldwell D.F. People and organizational culture: A profile comparison approach to assessing person-organization fit? // Academy of Management Journal. – 1991. – № 34. – P. 487–516.
6. Shein E. Organizational Culture and Leadership: A Dynamic View. – San Francisco, CA: Jossey-Bass., 1992. – 464 p.
7. Deal T.E., Kennedy A.A. Corporate Cultures: The Rites and Rituals of Corporate Life. – Harmondsworth, 2000. – 240 p.
8. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. – London: McGraw-Hill, 1991. – 273 p.
9. Алешина И.В. Западная и восточная деловые культуры // Институт проблем предпринимательства. 2012. URL: www.iprnpou.ru/article.php?idarticle=001898 (дата обращения: 14.12.2012).
10. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
11. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты / А.В. Иванов, Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев, М.Ю. Шшин. – Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. – 247 с.
12. Портнягина В. Офисный планктон: способы употребления // Новые хроники. The New Chronicles. 25 февраля 2010. URL: <http://novchronic.ru/4320.htm> (дата обращения: 30.01.2013).
13. Stevens M.J., Campion M.A. The Knowledge, Skill, and Ability Requirements for Teamwork: Implications for Human Resource Management // Journal of Management. – 1994. – V. 20. – № 2. – P. 503–530.
14. Малявин В.В. Корпоральность и корпорации // Лекции в рамках образовательной программы Открытого университета Сколково в Томске 1–4 июня 2012 г. Лекция 1. – Томск, 2012. – С. 1–7.
15. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы. – М.: Мысль, 1998. – Т. 2. – 606 с.
16. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
17. Зуев В.Е. История создания и развития академической науки в Томске. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. – 120 с.
18. Сопер П.Л. Основы искусства речи. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 448 с.
19. Bostock L., Bowry Ph. Speaking in Public. – N.Y.: Harper Collins Publishers, 1994. – 282 с.
20. Matthews C., Marino J. Professional Interactions. – N.J.: Prentice Hall, 1993. – 263 с.
21. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. – Lancaster: Pearson ESL, 2003. – 304 с.
22. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. – М.: Наука, 1971. – 369 с.
23. Maley A., Duft A. Drama Techniques in Language Learning. – М.: Prosveshcheniye, 1981. – 96 с.
24. Китайгородская Г.А. Психолого-педагогические принципы метода активизации резервных возможностей обучаемого // Активизация учебной деятельности / сб. статей под ред. Г.А. Китайгородской. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 127 с.

Поступила 18.03.2013 г.

UDC 130.2

**SOCIOCULTURAL RATIONALE OF CORPORATIVITY AND INNOVATION
(USING THE PRACTICES OF THE TSC SB RAS DEPARTMENTS AS AN EXAMPLE)**

T.P. Minchenko, T.D. Litvinova, T.P. Blank

The Federal State-Budget Scientific Institution
Tomsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
E-mail: mtp70@mail.ru

The topicality of the study is caused by the need to further develop the creative potential of scientists and young researchers and their skills of putting together and presenting the innovative achievements in a number of various forms.

The main aim of the study is the investigation of sociocultural rationale of academic corporate culture and its models promoting the creative abilities of scientists in doing research and presenting their achievements.

The methods used in the study: comparative analysis, linguistic analysis, document analysis, modeling and psychosynthesis.

The results: the authors have revealed sociocultural rationale of corporate culture which is the base for the work of educational departments of TSC SB RAS. The paper demonstrates the implementation of the prevailing model of academic culture and the humanitarian approach in different types of classroom and extracurricular activities of the Department of Foreign Languages and in basic methodological principles of activity of the Department of Philosophy in post-university training of highly qualified scientific workers and development of their creativity. The importance of the forms of pedagogical work and creative communication within the academic community of Tomsk Scientific Center practiced at the TSC SB RAS Departments, which promote the innovative societal framework, is validated. The urgent and debatable aspects of the problem of selecting the rationale of corporate culture in an educational and scientific setting in today’s Russia are noted.

Key words:

Corporate culture, Tomsk Scientific Center, education, tradition, innovation.

REFERENCES

1. *Innovatsionnaya Rossiya-2020 (Strategiya innovatsionnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda)* [The innovative Russia-2020 (The strategy of innovative development of the Russian Federation until 2020)]. Moscow, 2011, 146 p.
2. Osnovy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti razvitiya nauki i tekhnologii na period do 2020 goda i na dalneyshuyu perspektivu [The policy framework of the Russian Federation in the field of science and technology for the period up to 2020 and the further prospect]. *Poisk*, 2011, no. 31–32 (1157–1158), pp. 1–2.
3. Minchenko T.P., Litvinova T.D., Blank T.P., Trifonova L.E. Improving personal humanitarian competence using the practices at the Department of foreign languages of TSC SB RAS as an example. *Construction of a Man: Reports of All-Russian scientific conference with international participation*. Tomsk, 2008, vol. 2, pp. 99–103.
4. Abbasi A.S., Rehman K.U., Bibi A. Islamic management model. *African Journal of Business Management*, 2010, vol. 4 (9), pp. 1873–1882.
5. O’Rielly C.A., Chatman J.A., Caldwell D.F. People and organizational culture: A profile comparison approach to assessing person-organization fit? *Academy of Management Journal*, 1991, no. 34, pp. 487–516.
6. Shein E. *Organizational Culture and Leadership: A Dynamic View*. San Francisco, CA: Jossey-Bass., 1992. 464 p.
7. Deal T.E., Kennedy A.A. *Corporate Cultures: The Rites and Rituals of Corporate Life*. Harmondsworth, 2000, 240 p.
8. Hofstede G. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. London, McGraw-Hill, 1991, 273 p.
9. Aleshina I.V. Zapadnaya i vostochnaya delovye kultury [Western and Eastern business cultures]. *Institut problem predprinimatelstva* [Institute of entrepreneurship problems]. 2012. Available at: www.ipnou.ru/article.php?idarticle=001898 (accessed 14 December 2012).
10. Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Origin and sense of Russian Communism]. Moscow, Nauka, 1990. 224 p.
11. *Evraziystvo: klyucheveye idei, tsennosti, politicheskie prioritety* [The Eurasianism: key ideas, values, political priorities]. Ed. by A.V. Ivanov, Yu.V. Popkov, E.A. Tyugashev, M.Yu. Shishin. Barnaul, AGAYU Publ., 2007. 247 p.
12. Portnyagina V. Ofisnyy plankton: sposoby upotrebleniya [The office plankton: how to use]. *Novye khroniki. The New Chronicles*, 25 February 2010. Available at: <http://novchronic.ru/4320.htm> (accessed 30 January 2013).
13. Stevens M.J., Campion M.A. The Knowledge, Skill, and Ability Requirements for Teamwork: Implications for Human Resource Management. *Journal of Management*, 1994, vol. 20, no. 2, pp. 503–530.
14. Malyavin V.V. Korporalnost i korporatsii [Corporality and corporations]. *Letsii v ramkakh obrazovatelnoi programmy Otkrytogo universiteta Skolkovo* [Lectures within the educational program of the Open University Skolkovo]. Tomsk, 1–4 June 2012, lecture 1, pp. 1–7.
15. Shpengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [The Decline of the West. Essays on the morphology of world history. World-historical perspectives]. Moscow, Mysl, 1998. Vol. 2, 606 p.
16. Mamardashvili M.K. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [My understanding of philosophy]. Moscow, Progress, 1990. 368 p.
17. Zuev V.E. *Istoriya sozdaniya i razvitiya akademicheskoy nauki v Tomske* [History of establishment and development of academic science in Tomsk]. Novosibirsk, SO RAN Publ., 1999. 120 p.
18. Soper P.L. *Osnovy iskusstva rechi* [Basics of the art of speech]. Rostov n/D, Feniks, 2002. 448 p.
19. Bostock L., Bowry Ph. *Speaking in Public*. N.Y., Harper Collins Publishers, 1994. 282 p.
20. Matthews C., Marino J. *Professional Interactions*. N.J., Prentice Hall, 1993. 263 p.
21. Leech G., Svartvik J. *A Communicative Grammar of English*. Lancaster, Pearson ESL, 2003. 304 p.
22. Leontyev A.N. *Potrebnosti, motivy i emotsii* [Needs, motivations and emotions]. Moscow, Nauka, 1971. 369 p.
23. Maley A., Duft A. *Drama Techniques in Language Learning*. Moscow, Prosveshcheniye, 1981. 96 p.
24. Kitaygorodskaya G.A. Psikhologo-pedagogicheskie printsipy metoda aktivatsii rezervnykh vozmozhnostey obuchaemogo [Psychological and pedagogical principles of the method for activating backup capabilities of student]. *Aktivizatsiya uchebnoy deyatelnosti. Sbornik statey* [Activation of learning activities. Proceedings]. Ed. by G.A. Kitaygorodskaya. Moscow, MGU Press, 1981. 127 p.

УДК 7.01:74

ДИЗАЙН В КУЛЬТУРЕ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

М.Н. Долгих

Томский государственный университет
E-mail: m.dolgich@gmail.com

Обозначены переломные моменты в эволюции человечества, когда нововведения из области технических достижений, получая массовое распространение, смещали приоритетные направления развития социума. Выявлены условия возникновения промышленного и графического дизайна в культуре индустриального общества. На основе системного подхода рассмотрены особенности актуального дизайна на современном этапе развития цивилизации: в культуре сетевого общества. Отмечено, что в современном мире социокультурное пространство представляет собой сложно организованную, быстро развивающуюся систему, тесно связанную с активным распространением новейших цифровых информационных и коммуникационных технологий. Показано, что внешний вид и функциональные возможности устройств, позволяющих совершать коммуникации и получать доступ к работе с информацией в цифровой среде, получают постоянное развитие в немалой степени благодаря специалистам, задействованным в сферах проектирования взаимодействия и интерактивного дизайна. Сделан вывод о том, что в настоящее время передовым направлением в области промышленного дизайна является проектирование взаимодействия, а графический дизайн сегодня нашел свое продолжение в интерактивной среде.

Ключевые слова:

Индустриальное общество, промышленный дизайн, графический дизайн, сетевое общество, проектирование взаимодействия, интерактивный дизайн.

Несмотря на изобилие работ, посвященных дизайну, сложно встретить публикации, в которых бы приводилось целостное культурфилософское осмысление динамики развития проектной практики дизайна, включая анализ современной ситуации, когда значительная часть информационных взаимодействий в обществе осуществляется посредством информационных сетей. Подобное исследование представляет интерес не только в плане оценки положения дел в области актуального дизайна, но и для расширения предметного поля философии культуры.

Три основные волны развития человечества, обусловленные прорывом в науке и технике, выявляет Элвин Тоффлер [1]. Первая волна аграрная; прорывом для этого этапа развития человечества стало внедрение сельского хозяйства. Культура охотников-собирателей была смещена оседлым земледельческим обществом с традиционным укладом, где аксиологическим основанием было сохранение традиций. Прикладное искусство в объемно-пространственных формах представляло собой предметы быта, изготовленные ремесленниками. Работа с плоскостью проявлялась в таких видах искусства, как живопись, графика и осуществлялась мастерами.

Вторая волна индустриальная; охватила человечество в связи с промышленной революцией. Здесь в условиях переполненности рынка разнообразными товарами возникла потребность в разнообразии внешнего вида выпускаемых изделий с сохранением удобства эксплуатации. На волне промышленного переворота в конце XIX в., как ответ из области проектно-художественной культуры массовому производству с низкой эстетической составляющей, появился феномен дизайна, промышленного, или индустриального. Конкуренспособная продукция требовала объединения принципов художественного проектирования с инженер-

но-техническими аспектами при производстве товаров. Промышленный дизайн – это кооперация прикладного искусства и прикладной науки, направленная на улучшение эстетики, эргономики, функциональности и удобства использования изделий. Также промышленный дизайн направлен на повышение конкурентоспособности продукции. В начале 1930-х гг. компания Браун, выпускавшая радиоприемники, обзавелась знаменитым логотипом с характерной вытянутой в высоту и округлой буквой «А» в середине слова. Этот логотип компании использует по сей день, не изменяя своим ценностям, заложенным еще в начале двадцатого века: создание продуктов, основанных на уважении к людям – сотрудникам и клиентам, и использование дизайна как необходимого средства для достижения этой цели. Логотип – основа фирменного стиля, а фирменный стиль – часть брендинга, области, которая формирует имидж компании среди потребителей и партнеров. Обращаясь к бренду компании Браун, можно сказать о возникновении нового направления в дизайне: направления визуальных коммуникаций, или графического дизайна, как части философии компании. Графический дизайн является посредником, передающим определенное сообщение от компании целевой аудитории. Графический дизайн – дисциплина дизайна, сосредоточенная на визуальных коммуникациях и презентациях. Носителями графического дизайна, как правило, являются фирменный стиль (логотип и брендинг), публикации (журналы, газеты и книги), печатная реклама, плакаты, рекламные щиты, упаковка для продуктов.

Третья волна постиндустриальная, или информационная, связана с переходом к обществу, где важнейшим фактором развития цивилизации становится информация и воображение. Описывая современную стадию развития информационного общества, некоторые ученые вводят в научный обо-

рот термин «сетевое общество». Ван Дейк определяет сетевое общество как общество, в котором сочетание социальных и медийных сетей формирует основной способ его организации [2]. Мануэль Кастельс определяет сети как новую социальную морфологию, а сетевое общество – как общество, где ключевые социальные структуры и деятельность организованы вокруг информационных сетей, основанных на микроэлектронных технологиях [3].

Термин «сетевое общество» описывает различные явления, связанные с социальными, политическими, экономическими и культурными изменениями, вызванными распространением сетевых, цифровых информационных и коммуникационных технологий. Цифровая революция, случившаяся в конце 1980-х гг., связана с тотальным распространением компьютерных и коммуникационных технологий, переходом от аналоговых, механических носителей информации к цифровым. Колоссально большие информационные потоки циркулируют в сети Интернет, доступ к которой сегодня можно получить не только с персональных компьютеров, но и с разных портативных устройств: ноутбуков, планшетных компьютеров, сотовых телефонов. В современном мире социокультурное пространство представляет собой сложно организованную, быстро развивающуюся систему. В окружении непрерывных информационных потоков человек перестает замечать, как оказывается внутри огромного информационного водоворота, выбраться из которого можно, лишь научившись понимать, как он устроен [4]. Развитие культуры современного общества тесно связано с активным распространением новейших цифровых информационных и коммуникационных технологий. Внешний вид и функциональные возможности устройств, позволяющих совершать коммуникации и получать доступ к работе с информацией в цифровой среде, получают постоянное развитие в немалой степени благодаря специалистам, задействованным в сферах проектирования взаимодействия и интерактивного дизайна.

Проектирование взаимодействия – дисциплина дизайна, которая занимается проектированием внешнего вида и поведения сложных цифровых систем, изделий, услуг или сред, обладающих интерфейсом, то есть интерактивных [5]. Проектирование взаимодействия осуществляется на основе междисциплинарного подхода с привлечением специалистов из разных областей знания, при этом обладает своим уникальным набором задач и методов. Фундамент для проектирования взаимодействия человека с компьютеризированными системами складывается на стыке смежных дисциплин, таких как промышленный дизайн, эргономика, когнитивная психология, взаимодействие человека с компьютером, исследования в дизайне, архитектура, разработка пользовательских интерфейсов [6, 7].

Основные принципы промышленного дизайна пересекаются с принципами, которые используют

ся в проектировании взаимодействия. Промышленные дизайнеры применяют свои знания о форме, цвете, об эстетике, о человеческом восприятии и желаниях, об эргономике для того, чтобы продумывать и создавать объекты, которыми человек будет пользоваться.

Некоторые базовые принципы эргономики служат фундаментом для проектирования взаимодействия. К ним относятся антропометрия, биомеханика, кинезиология, физиология и психология поведения человека в искусственной среде.

Проектирование взаимодействия заимствует методы когнитивной психологии как креативные техники: составление карт, ментальных моделей, поиск метафоры интерфейса и продумывание зоны допустимости.

Научные исследования в области взаимодействия человека с компьютером включают в себя методы для описания и тестирования удобства взаимодействия с интерфейсом. Исследования среди пользователей проводятся для определения потребностей, мотивов и поведения конечных пользователей. Дизайн должен учитывать цели и опыт пользователя, а также оценивать конструкцию изделия с точки зрения удобства использования и эмоционального воздействия.

Дизайнеры, работающие в области проектирования взаимодействия, сталкиваются с повсеместной компьютеризацией, в том числе, с распространением компьютерных технологий в городской среде. В этой связи навыки архитекторов создавать проект, размещать его в пространстве города и преобразовывать контекст становятся еще одной контактной точкой между дисциплинами.

Проектирование взаимодействия часто ассоциируется с дизайном системных интерфейсов в различных медиа, но концентрируется эта дисциплина дизайна на таких аспектах интерфейса, которые определяют и представляют поведение продукта с течением времени, фокусируясь на разработке систем, отвечающих потребностям пользователей.

Маршалл Маклюэн считает, что при создании нового технического изобретения необходимо задать себе ряд вопросов. Первый вопрос: что новое устройство будет расширять? Изобретения дополняют человеческие возможности. Приспособления изменяют способ взаимодействия с вещами. Все, что человек придумал в языке, законах, идеях, гипотезах, инструментах, одежде, компьютерах, – все это расширение наших физических тел. Второй вопрос: что устареет с появлением этого изобретения? Человек отдаляется от древних ритмов дня и ночи каждый раз, как включает электрический свет. Это приводит к перестройке пространства, появлению новых предметов, новых связей; новый мир вырастает из старого мира. Возможности электроэнергии позволяют моделировать окружающую нас обстановку; даже ночью мы можем вести активный образ жизни, что меняет дела людей и их отношения во всем мире. Третий вопрос: что

этот инструмент может отыскать из того, что было потеряно? Содержимое чего-либо – это всегда посредник с прошлым. Речь помогает воплотить былые приключения в историю в куда более значительном виде, чем происходило на самом деле. Технические инновации способствуют восстановлению старой культуры, но уже в виде произведений искусства [4].

Итак, проектирование взаимодействия – практическая область дизайна, направленная на придание формы цифровым устройствам для того, чтобы люди могли ими пользоваться. Кроме разработки формы для цифровых продуктов в область задач проектирования взаимодействия входит продумывание поведения цифровых устройств. Проектирование взаимодействия сосредоточено на удовлетворении потребностей и желаний большинства людей, которые будут использовать продукт, в отличие от разработки программного обеспечения, создание которого ориентировано на потребности технически заинтересованных сторон.

Другая значимая дисциплина дизайна, нацеленная на то, чтобы сделать взаимодействие пользователя с цифровой средой простым и эффективным, – интерактивный дизайн. Интерактивный дизайн заключается в создании мультимедийных продуктов или пользовательских интерфейсов и вовлечен в широкий спектр проектов: от компьютерных систем до интерфейсов, которые есть в автомобилях или даже самолетах; и все эти проекты в основном касаются одних и тех же базовых принципов взаимодействия человека с цифровыми системами. Однако каждое направление интерактивного дизайна требует некоторых уникальных навыков и знаний. В результате, как правило, дизайнеры специализируются на определенных типах проектов, будь то интерфейсы для программного обеспечения, приложений, веб-сайтов или мультимедийные продукты: презентации, компьютерные игры, учебные курсы, технические/математические/медицинские модели и симуляторы.

Интерактивный дизайн как огромная система, содержащая в себе идею, процесс и результат творческого проектирования, является областью эксперимента, освоения техники как союзника человека в современном мире. Интерактивный дизайн связывает возможности технологий и чувственную сферу человеческого восприятия, включающую его зрительный, слуховой и кинестетический аппарат [8. С. 54].

Лиза Грэм рассматривает интерактивные проекты как инструменты коммуникации. Здесь идет речь об эффективном общении в интерактивной среде. Основы эффективной коммуникации используются в качестве базовых принципов создания интерактивных проектов [9].

Интерактивный дизайн – это выразительное взаимодействие графики, текста, видео, фотографии, иллюстрации, звука, анимации и трехмерных сцен. Процесс создания интерактивного дизайна начинается с обозначения проблемы и после-

дующих шагов, таких как сбор информации, выявление идеи и визуализация проекта. Интерактивный дизайн условно можно разбить на важные этапы: определение содержания, планирование, технологические схемы, раскадровки, создание пробных макетов, определение навигации, прототипирование, тестирование удобства использования и освоения. Понимание целей интерактивного проекта имеет решающее значение для создания хорошего интерактивного продукта [9].

Рэй Кристоф и Эми Сатран описывают интерактивность с точки зрения сосредоточенности на дизайне пользовательских интерфейсов и новых медиа. Компьютеры и программное обеспечение являются инструментами, и их цель заключается в том, чтобы помочь людям взаимодействовать с информацией. Пользователи выбирают последовательность и темп взаимодействия, а самое главное – решают, на что смотреть, а что игнорировать [10. С. 1].

Дизайнер, создавая интерактивный проект, сознательно расширяет границы творческого акта, намеренно включая в него активные действия реципиента. Пользователь, исходя из первоначальной идеи, буквально «осмысливает» проект, «работая» над его содержанием [11. С. 42].

Итак, интерактивный дизайн – практическая область дизайна, направленная на создание интерфейсов различного назначения или интерактивных мультимедийных продуктов, которые предлагают пользователю просто и эффективно совершать коммуникации или взаимодействовать с информацией в цифровом пространстве [12. С. 29].

Новая среда, создаваемая при помощи компьютерной техники, является виртуальной и одновременно активной. Поэтому проектировщики этой среды нуждаются в разработке соответствующих принципов и практик, отражающих специфические свойства этой среды: подвижность и интерактивность.

Подготовка практиков, работающих в области интерактивного дизайна, подразумевает развитие творческого мышления, изучение ключевых принципов создания интерактивного дизайна, анализ концепций построения интерактивной среды, выявление основных проблем и способов их решения на техническом, художественном и коммерческом уровне. Важно развитие арт-директорских компетенций: критический анализ, логика и независимость творческого дизайнерского мышления, способность к эффективной коммуникации и четкому выражению идей в создаваемых проектах [13].

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно увидеть, что современные социальные и культурные изменения обусловлены технологическим переворотом, расширением информационного поля, разрастанием Интернет-влияния. Производство новой информации становится фактором развития цивилизации, и дизайн в культуре сетевого общества отличается от того дизайна, который был актуальным в культуре индустриального об-

щества. Изменения в социокультурной среде неразрывно взаимосвязаны с развитием дизайна. Следует заметить, что востребованность компьютерных и коммуникационных технологий открывает широкие возможности для реализации творческого потенциала дизайнеров в новых условиях. Новыми условиями для промышленного дизайна становит-

ся проектирование взаимодействия, то есть создание цифровых продуктов, обладающих интерфейсом, а продолжением развития линии графического дизайна становится интерактивный дизайн, осваивающий пространство за экранами, пространство виртуально-медийной реальности с ее неповторимыми специфическими особенностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тoffлер Э. Третья волна. – М.: Аст, 2004. – 784 с.
2. Van Dijk J. *The network society: social aspects of new media*. – London: Sage Publications, 2006. – 304 p.
3. Castells M. *The rise of the network society: the information age: economy, society and culture*. – Cambridge, MA; Oxford, UK: Wiley-Blackwell, 2000. – 656 p.
4. McLuhan's wake (Video recording). DVD / McMahon K. – USA, 2002. – 93 min.
5. Cooper A., Reimann R., Cronin D. *About face 3: the essentials of interaction design*. – Indianapolis, Indiana: Wiley Publishing, 2007. – 610 p.
6. Winograd T. *From Computing Machinery to Interaction Design*. URL: <http://hci.stanford.edu/~winograd/acm97.html> (дата обращения: 14.01.2013).
7. Silver K. *What Puts the Design in Interaction Design*. URL: <http://www.uxmatters.com/mt/archives/2007/07/what-puts-the-design-in-interaction-design.php> (access date: 14.01.2013).
8. Шустрова О.И. Проектирование мультимедийного арт-пространства средствами современного дизайна: дис.... канд. искусств. – СПб., 2009. – 261 с.
9. Graham L. *The Principles of Interactive Design*. – NY: Delmar Publishing, 1999. – 225 p.
10. Kristof R., Satran A. *Interactivity by Design: Creating & Communicating with New Media*. – Mountain View, CA: Adobe Press, 1995. – 144 p.
11. Филиппов М.В. Компьютерные средства визуальной информации в современной графической культуре (скрин-дизайн: эволюция, основные характеристики, структура): дис. ... канд. искусств. – СПб., 2003. – 216 с.
12. Кухта М.С., Серяков В.А., Соколов А.П. *Теория и практика дизайна экспозиции и витрин*. Монография. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2012. – 168 с.
13. *Дизайн в интерактивной среде*. Российское дополнительное образование // Британская высшая школа дизайна. 2003–2013. URL: <http://www.britishdesign.ru/programs/p/?id=149> (дата обращения: 14.01.2013).

Поступила 24.09.2013 г.

UDC 7.01:74

DESIGN IN CULTURE OF THE NETWORK SOCIETY

M.N. Dolgikh

Tomsk State University
E-mail: m.dolgich@gmail.com

The author has marked the turning points in the evolution of humanity, when the innovations of technical achievements changed priority directions of social development getting mass dissemination. The conditions of industrial and graphic design appearance in culture of industrial society are revealed. Based on system approach the author considers the features of contemporary design at the current stage of civilization development, in culture of the network society. It is noted that in the modern world a sociocultural space is a complexly organized, rapidly evolving system closely related to active dissemination of new digital information and communication technologies. It is shown that the appearance and functionality of the device for carrying out communication and access to work with the information in the digital environment, receive continuous development largely thanks to the experts involved in the fields of interaction design and interactive design. The author made a conclusion that nowadays the advanced direction in the field of industrial design is the interaction design and graphic design finds today its continuation in interactive environment.

Key words:

Industrial society, industrial design, graphic design, network society, interaction design, interactive design.

REFERENCES

1. Toffler A. *Tretya volna [The Third Wave]*. Moscow, Ast, 2004. 784 p.
2. Van Dijk J. *The network society: social aspects of new media*. London, Sage Publications, 2006. 304 p.
3. Castells M. *The rise of the network society: the information age: economy, society and culture*. Cambridge, MA; Oxford, UK: Wiley-Blackwell, 2000. 656 p.
4. *McLuhan's wake* (Video recording). DVD / K. McMahon. USA, 2002. 93 min.
5. Cooper A., Reimann R., Cronin D. *About face 3: the essentials of interaction design*. Indianapolis, Indiana, Wiley Publishing, 2007. 610 p.
6. Winograd T. *From Computing Machinery to Interaction Design*. Available at: <http://hci.stanford.edu/~winograd/acm97.html> (accessed 14 January 2013).

7. Silver K. *What Puts the Design in Interaction Design*. Available at: <http://www.uxmatters.com/mt/archives/2007/07/what-puts-the-design-in-interaction-design.php> (accessed 14 January 2013).
8. Shustrova O.I. Proektirovanie multimediynogo art-prostranstva sredstvami sovremennoy dizayna. Dis. kand. iskusstv [Designing of multimedia art space by means of modern design. Cand. diss.]. Saint Petersburg, 2009. 261 p.
9. Graham L. *The Principles of Interactive Design*. New York, NY,, Delmar Publishing, 1999. 225 p.
10. Kristof R., Satran A. *Interactivity by Design: Creating & Communicating with New Media*. Mountain View, CA, Adobe Press, 1995. 144 p.
11. Filippov M.V. Kompyuternye sredstva vizualnoy informatsii v sovremennoy graficheskoy kulture (skrin-dizayn: evolutsiya, osnovnye kharakteristiki, struktura). Dis. kand. iskusstv [Computer instruments of visual information in today graphic culture (screen design: evolution, main characteristics, structure) Cand. diss.]. Saint Petersburg, 2003. 216 p.
12. Kukhta M.S., Seryakov V.A., Sokolov A.P. Teoriya i praktika dizayna ekspozitsii i vitrin. Monografiya [Theory and practice of exposition and showcase design]. Tomsk, TPU Publ. house, 2012. 168 p.
13. Dizayn v interaktivnoy srede. Rossiyskoe dopolnitelnoe obrazovanie [Design in interactive environment. Russian additional education]. *Britanskaya vysshaya shkola dizayna* [British Higher School of Art and Design]. 2003–2013. Available at: <http://www.britishdesign.ru/programs/p/?id=149> (accessed 14 January 2013).

УДК 101.1:316.485:342.7

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ПРАВОВОГО ОТЧУЖДЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ПРАВА

Е.Е. Черняева

Томский политехнический университет
E-mail: elenachern08@yandex.ru

Рассматриваются понятия права и правовой алиенации. Формулируются предпосылки возникновения правового отчуждения в обществе, в том числе на примере Российского социума в переходный период и в современных реалиях. Актуальность работы связана с прогрессивным ростом в обществе различного рода проявлений правового отчуждения. Проявление данного феномена, в частности правового нигилизма у граждан, пагубно влияет на все сферы развития государства: социальные, экономические, политические, духовные и прочие. Залогом успешного развития любого государства является наличие общества, тяготеющего к исполнению и уважению правовых норм, разработанных и принятых в данном социуме. Только в подобных условиях общество может развиваться и надеяться на процветание и успешное функционирование. Целью работы является выявление условий снятия правового отчуждения через процесс гуманизации общества. Основные используемые методы: аксиоматический и гипотетико-дедуктивный. Результатом является формулирование критериев для условий преодоления правового отчуждения в социуме. Проблема рассматривается на примере современного российского государства.

Ключевые слова:

Право/закон, правовое отчуждение, правовой нигилизм, власть, государство, права и свободы человека.

Работа посвящена анализу сущности феномена правового отчуждения, возникающего в процессе становления социальных институтов права в обществе, причин его возникновения и необходимых шагов для его снятия. Целью работы является выявление условий снятия правового отчуждения через процесс гуманизации общества.

Демократия и права человека могут развиваться только в рамках правового государства. Однако следует отметить, что путь к становлению правового государства отнюдь не прост. Сознание российского общества долгое время находилось в рамках официального единомыслия, далеко не все взгляды и позиции являлись привлекательными и привычными. Теории и взгляды, которые были порождены тоталитарным режимом, уничтожали гуманный общедемократический смысл правовых ценностей, защищающий сохранность личности от произвола и беззакония. В обществе активно распространился правовой нигилизм, сформировавшийся в условиях беззаконий в последние годы. Также мы

можем видеть резкий спад уважения к праву и правоохранительным органам. Тяжело преодолевается пренебрежительное отношение к правам и интересам отдельного человека. Государство и гражданин, по-прежнему, не являются равноправными участниками социальной жизни. К сожалению, гражданин зачастую предстает в роли просителя, даже в той ситуации, когда дело касается непосредственно защиты его прав и свобод. Рост правового отчуждения, связанный с отсутствием понимания и согласия с направлением политической деятельности властных органов, ущемлением прав простого гражданина, обманом и безнаказанностью тех, на кого принято опираться и надеяться – все это всегда было поводом для протестных движений, митингов, забастовок [1, 2]. Крайней мерой, когда точка кипения достигает своего предела, являлись революции и свержение власти. Примеров даже в нашей истории тому бесчисленное множество. Однако власть не спешит учиться на ошибках прошлого и всегда надеяться на долготерпимость и

привычку быть угнетенным у российского народа. Именно в связи с текущим положением вещей мы и можем говорить о формировании в социуме феномена правового отчуждения.

Бытие права в обществе предполагает определенность и упорядоченность данного социума с точки зрения правовых норм [3]. Право является исходной точкой при рассмотрении вопросов, касающихся формирования отношения к основным формам, институтам и установкам в любом социуме.

Право есть норма, регулирующая поведение в социуме. Несомненно, данная норма должна быть единой и обязательной для всех членов данного общества. В отличие от традиций и нравственных норм правовые установки более четки и определены по своей природе, порой даже имеют единственно верное значение. Они, как правило, достаточно устойчивы и закреплены документально [4].

Право является единой мерой свободы, равенства и справедливости. Эта мера выражена с помощью системы определенных формально и оберегаемых публичной властью общих и обязательных норм и правил поведения, а также деятельности индивидов.

Следование правовому закону есть основа современной концепции правового общества и государства [5]. Правовое государство – это форма организации и деятельности государственной власти и ее взаимодействие с субъектами права. В данном контексте власть есть форма и способ социальных отношений, которая может влиять на характер и направление деятельности индивидов с помощью различных организационно-правовых механизмов, а также при использовании авторитета, традиций и насилия.

Правовое отчуждение – это наличие отчуждения как внутри самого права, так и отчуждение от права тех, кто должен строить свою жизнь с опорой на него. Правовая алиенация может возникнуть только в случае, если в государстве распространено репрессированное, подавляющее право, которое обладает чрезмерным влиянием и касается, например, частной жизни человека. В такой ситуации статусу индивида наделяется лишь вторичным положением и создает почву для возникновения феномена правового отчуждения.

Термин «отчуждение» в философии по своей сути – это категория, которая обозначает общественный процесс. В его рамках можно наблюдать трансформацию результатов деятельности людей в независимую силу, которая начинает стремиться превосходить своих творцов и подавлять их [6]. У отдельных индивидов отчуждение может проявляться в чувстве апатии, отрешенности, одиночества, равнодушия, отмирания высоких социальных и гуманных ценностей.

Для Фихте в его философии алиенация представляет собой отчуждение самосознания. В правовой концепции Гегеля субъект отчуждения есть абсолютная идея, которая и отчуждает от себя природу и общество. В теории, например, общественного договора Ж.Ж. Руссо и Т. Гобса под отчужде-

нием имеется в виду процесс потери ценности личности и индивидуальности в социальных отношениях, возникающий в связи с передачей государству прав личности [3].

Отчуждение также можно связать с овеществлением и фетишизацией общественных отношений. В работах К. Маркса есть мысли о времени, которое имеет возможность пересилить первоисточники и варианты фетишизации мира. В таком случае наблюдение становления нового общества станет и процессом зарождения «прозрачно-умных» отношений в обществе людей.

Если затрагивать обыденное сознание индивида, очевидно, что авторитет законодателя и закон, которым регламентируется общественная жизнь со всех ее сторон, все права и обязанности индивида, а также соответствие нормам разума, справедливости и морали данного закона – это совершенно различные материи [7].

В соответствии со своим разумом каждый индивид живет, думает, совершает определенные действия, пусть даже и с ошибками, в осознаваемом лишь ему доступным образом, так сказать, в осмысленном через его сознание мире. Подобное поведение можно причислить к числу фундаментальных качеств человеческого бытия. Обозначенное понятие содержит в себе осознание и понимание данного бытия, человека и окружающего мира, человека в мире и мира в человеке. Аналогичным образом устроены взаимоотношения человека с миром права. Все правовые данности подвергаются сомнениям, проверяются разумом, происходит постоянное противопоставление и сравнение своих норм и ценностей с данными качествами у права. Это становится обязательным процессом в связи с пониманием необходимости познать природу и смысл права, а также его назначения и функций в общественной совместной жизни.

В литературе (и примечательна здесь мысль А.В. Колесникова) есть точка зрения, смысл которой сводится к тому, что функциональное алиенационное противоречие в области политики и права можно в известной мере и степени преодолеть нормами и инструментами права, однако до конца преодолеть и снять это отчуждение невозможно. Зачастую право и государство по мнению индивида могут создать алиенационное состояние. Однако это проявляется в меньшей мере при условии активного правового сознания индивида.

Правовая активность создает отличительное состояние личности и права, проявляющее себя в отношении к правовым установкам и законам. Также там, где применение права в высокой степени допустимо для индивида. В литературе присутствует точка зрения, в соответствии с которой массовая правовая активность достаточна низка [8]. В данном контексте на массовом уровне правовое сознание находится в так сказать «ожидающем состоянии» – от государства как будто ожидается закон, способный снять алиенационное состояние индивида, все разрешить и разъяснить.

Ситуация наличия тоталитарного права порождает у индивида невозможность критически оценивать существующие правовые нормы – индивид убежден в совершенстве действующего законодательства и считает его отражением полной гармонии между политикой и социумом, а также воплощением всеобщего порядка. Это ситуация правового идолопоклонства или правового фетишизма [9]. В реальной ситуации человек практически возводит символы власти и политическими институтами на пьедестал. Соответственно внедрение лозунгов и идеологических представлений видятся ему словно обладающими магической силой. А духовные результаты труда (в том числе и законы) в свою очередь словно имеют статус самостоятельных, довлеющих над индивидом, наделенным могуществом различных сил. По факту можно сказать, что личность как субъект в подобной ситуации является объектом манипулирования. Окружающая действительность в таком случае начинает казаться неким чуждым и противостоящим миром. В литературе также отмечается тот факт, что «индивид уже в рамках ранних социальных сообществ вынужден, скорее бессознательно, адаптироваться к тем условиям, в которых протекало зарождение и становление института социальной власти» [10. С. 231].

Одной из предпосылок отчуждения в праве является правовое несовершенство. Оно может продемонстрировать различные формы своего существования: от несовершенной юридической техники до противоречивости законодательства. В общем несовершенство в праве приводит к невозможности реализовать свои законные права индивидом. В дополнение к этому набор существующих правовых норм не может обеспечить полного и конкретного решения поставленной задачи и носит статус полумера.

Развитое правовое регулирование в современном обществе зачастую приводит к так называемым «вторичным юридическим интересам», имеющим также социальный характер, но функция у них скорее инструментальная, например, выиграть дело в гражданском суде [11]. Юридические интересы должны ставить во главу угла социальные цели, именно в этом заключается их позитивное значение. Однако зачастую по тем или иным причинам юридический интерес становится самоцелью. Тогда он трансформируется в отрицательные явления правовой сферы: с одной стороны, ведомственность, волокиту и бюрократизм, с другой – в сутяжничество и доносы. Разночтения между юридическими средствами и социальными интересами неизменно ведет к разрушению структуры социального института права, деформации общественных отношений и утрате авторитета права в обществе.

Разнообразие предпосылок правового отчуждения дополняется, как правило, неразвитой правовой культурой индивида. Данная ситуация порождает бессилие и беспомощность в человеке перед

теми, кто призван реализовывать подобное «неправовое право». В этой связи и появляется возможность наблюдать за возникновением явления правового нигилизма, правовой апатии – факторов, дополняющих список проявлений алиенации в праве.

В современном правоведении России действуют два подхода по раскрытию причин правового нигилизма в нашем обществе. *Во-первых*, это недостатки национального правосознания народа России. *Во-вторых*, это конфликт норм права и неправовых социальных установок [12].

Правовой нигилизм нередко объединяется с появлением желания у человека попытаться начать жить в согласии с несовершенным правом, обойти его, не иметь отношения к праву, которое не опирается на идеи справедливости, не возникает из них. В подобной ситуации нормы справедливости, равенства и правосудия не считаются связанными и друг друга дополняющими. Правовой нигилизм есть верный признак неправового общества в неправовом государстве.

Ситуация становится более острой в переходный период. В данных условиях, когда идет снос старых и закладка новых основ экономикой модели, политических отношений, формируется и обновленное правосознание, иная правовая картина мира. В данных обстоятельствах правовое отчуждение только усиливается.

Существуют и иные обстоятельства, закономерно усиливающие уровень отчуждения в праве. Это, например, невозможность иметь доступ к проектам законов и к самим законам у членов общества, отсутствие возможности участвовать в обсуждении и одобрении данных актов. Массы не принимали участия в процессе разработки и принятия даже проектов Конституции РФ.

Несомненно, увеличивает рост отчуждения в праве и постоянное противостояние исполнительной и законодательной власти. Данные институты не должны заменять, копировать или повторять функции друг друга. Их деятельность должна быть четко разграничена и с максимальной пользой скоординирована. Принцип разделения властей, как, например, верно полагает А.М. Яковлев, относится к тем фундаментальным категориям конституционализма, нарушение которых лишает правовой силы закон любого уровня [12]. Также данные нормы заложены и в тексте Конституции РФ – в той части, которая не подлежит изменениям в виде поправок.

Наличие множества несовершенств в рыночном законодательстве, а также недостаточная юридическая информированность и уровень защищенности масс – все это является причинами появления правового отчуждения. Человек не ощущает себя субъектом права в отношениях с государством, свое положение и свой статус он может связать лишь с волей правительства. В этой связи можно наблюдать проявление недостаточного политико-правового обеспечения участия в политической

жизни субъекта – право является в данной ситуации носителем гуманистических ценностей, что вновь вызывает явление правового отчуждения.

Для изменения сложившейся ситуации необходимо предпринять ряд шагов (законодательных, институционных, культурно-идеологических), которые помогли бы гражданину достичь статуса равного партнера государства и его органов, утвердили ценность чести и достоинства индивида. Достижение подобных целей реально лишь в условиях, когда правовое государство формируется в качестве инструмента охраны неотчуждаемых и неотъемлемых прав личности.

Построить политическую жизнь на основе гуманистических ценностей и миновать при этом право невозможно. Однако право должно создавать условия для преодоления отчуждения и гуманизации политической сферы, поскольку право с данной точки зрения есть индикатор свободы. Еще Гете писал: «Право имеет ввиду отдельное лицо, политическая власть – общество» [6. С. 341].

Совершенство права есть условие преодоления отчуждения в праве. Как пишет Гегель в «Философии права»: «Право должно исходить из идеи справедливости, а последняя в античной традиции – гармония равенства, правосудия и божественной справедливости» [3. С. 422]. Процесс правового отчуждения может быть остановлен только путем исключения из права неоправданных и репрессивных мер.

В демократическом обществе алиенационное противоречие разрешимо. При этом возможно понимание логики нравственных, деалиенационных моментов в праве, что тонко отметил В.С. Соловьев в «Оправдании добра»: «Всякий свободный человек становится гражданином, т. е. членом самого государства, принимающего на себя задачу сохранить его безопасность. Всякое же ее окружение рассматривается государственной властью как покушение на ее собственное право. Все насилия против личности и имущества кого бы то ни было рассматриваются уже не как частные обиды, а как нарушения государственного закона и потому наравне с политическими преступлениями подлежат отмиранию самого государства» [13. С. 231].

Основной признак легитимности социальных институтов права – это их соответствие разделяемому основной массой общества представлений о высшем, принципиально важном (правильном, справедливом, оправданном) [14]. Снижение или исчезновение легитимности ведут к нарушениям в социальной организации, отчуждению права и краху государственных институтов. Проблема легитимности как требования к институтам права в обществе постоянно возникает по причине существования вопросов о соотношении права со многими гуманистическими ценностями, такими как: справедливость, разум, совесть, свобода личности, мораль, правда и, главное, – предназначение права. Но все же главное место здесь отдано вопросу о гражданских правах и свободах.

Примечателен тот факт, что в Конституции РФ начальные параметры конституционно-регулируемого пространства и правовой государственности представлены через вопрос бытия прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, мы можем видеть новый правовой подход и миропонимание, основы новой правовой идеологии. К примеру, В.С. Нерсесянц предлагает название этому «человеко-центристское правопонимание» [6]. Конституция РФ строится на том, что истоки права представлены в правах и свободах личности. Человек, его права и свободы есть наивысшая ценность. В части 2 ст. 17 Конституции РФ отмечено: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» [15]. Отсюда следует, что природа человеческих прав не является октроированной (дарованной властью). Данные права принадлежат личности на основе безусловного естественно-правового основания, даны от рождения.

Личность является, безусловно, свободной, правомочной и правосубъектной. В свою очередь бытие права как проявление этой свободы возможно при наличии условий свободы и независимости субъектов права [16]. И только в ситуации, когда законы соответствуют данным условиям, возможен процесс деалиенации права.

Любой закон, посягающий на прирожденные права и свободы человека, является неправовым [17]. Соответственно, основанный на таких законах социальный институт нелегитимен. Конституция РФ – это обязательный для всех, императивный стандарт права [18]. Здесь положения о правах и свободах являются критериями правового характера законодательства, правового типа деятельности государственных властей, правового характера всего государства, и, таким образом, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека становятся обязанностью государства.

В законах, которые обсуждаются и принимаются, следует с большей четкостью и конкретикой определить меру ответственности (наказания), в том числе и лиц, наделенных властью, нарушающих права граждан. Главную роль в конституционном механизме реализации прав любого члена общества должен занимать принцип прямого действия Конституции, а также закрепленных в ней норм, охраняющих права и свободы человека. Данный процесс необходимо проводить в сочетании с деятельностью органов судебной власти. Непосредственная реализация прав и свобод должна быть реально обеспечена только судом. Однако прямое действие Конституции не говорит об автоматическом освобождении от необходимости подчиняться закону. Важно дифференцировать различные варианты проявления и охраны конституционных прав. Если провозглашенное в Конституции право человека не отражено в действующем законодательстве и его осуществление не опосредуется законом, в таком случае судебная власть должна гарантировать непосредственное применение

ние норм Конституции к каждому случаю в отдельности. Это входит в функции судов общей юрисдикции.

Правовые документы должны быть оформлены на основании признания государством неотъемлемых, неотчуждаемых прав человека и одновременно освобождены от «патерналистского» тона, который зачастую свойственен нашим конституциям, где права и свободы носили статус «дара» от государства человеку. Только юридическое закрепление и реальное обеспечение всей совокупности прав человека может обеспечить его нормальную жизнедеятельность, свободное развитие, экономическую и моральную независимость, личную неприкосновенность.

Дифференциация политики и экономики, которая происходила на протяжении исторического развития, инициировала эволюцию права. При этом успех от распространения и принятия обществом правовых систем сильно зависел от степени образования юристов. Уровень развития системы образования в целом и, а также подготовка обладающей профессиональной компетентностью юристов – вот непереносимые условия развития права в любом государстве. Точно также и сами законодотворцы обязаны быть ознакомленными хотя бы с фундаментальными основами права для того, чтобы обеспечивать его дальнейшее развитие и совершенствование.

Также одним из условий эффективности правовой регламентации и показателем правильного юридического регулирования какого-либо поведения является соразмерность и логичность правовых и общественных интересов, а именно включение в юридическую форму нужного и полезного социального содержания. Все перечисленные факторы способствуют снятию правового отчуждения в обществе.

В правовых государствах еще с античных времен выбирался защитник прав граждан. В наши дни для этих целей учреждается правовой институт, называемый «омбудсмен», играющий значительную роль в системе органов, которые надзирают за процессом функционирования аппарата исполнительной власти [19]. Также предназначением данного института является защита прав граждан от беззакония и превышения полномочий государственных органов и чиновников. Организация и формы деятельности ведомства омбудсмана различны в зависимости от государства, в котором он учрежден. Конституция РФ предусматривает деятельность Уполномоченного по правам человека в нашей стране. Данный институт призван осуществлять систему контроля и надзора, тем самым образуя механизм по защите прав граждан. Его активная и правовая деятельность в соответствии с его предназначением также повышает уровень доверия общества к власти, снимая тем самым правовое отчуждение.

Значительную роль в защите прав граждан играют различные общественные формирования.

Это, несомненно, повышает уровень правосознания и правопонимания отдельных субъектов общества, что влечет за собой повышение ценности права и встраивание его в систему ценностей каждой отдельной личности [20]. Следует признать, что общественные политические формирования на сегодняшний день действуют довольно разрозненно. Их выступления можно наблюдать только тогда, когда кончается терпение. А для эффективного и результативного действия необходим системный подход, сплоченность и регулярность. Ярким примером, когда именно эта разрозненность привела к нулевым результатам, может служить марш протеста, который организовали ученые академических институтов против бедственного положения науки. В то время как представители научного сообщества выходили на демонстрации, их коллеги – преподаватели вузов – в эти дни вели занятия. Когда академики вернулись домой – начались митинги вузовских преподавателей. Для государственной власти, этого огромного механизма такие проявления возмущения не больше комариного укуса. А их общее выступление возможно уже дало бы какой-то положительный эффект. В российских законах необходимо отразить не только права различных организаций, функцией которых является защита прав и законных интересов граждан, но и должен быть определен процесс их реализации, и созданы подходящие и комфортные условия для осуществления данных целей.

В нашем обществе на протяжении длительного времени ограничивалась подлинная свобода личности. Сегодня же общество испытывает сильные перегрузки, мы можем видеть не только позитивные, но и уродливые проявления демократии. Следствием подобного игнорирования социальных проблем со стороны властей являются многочисленные народные выступления, порой перерастающие в революции и гражданские войны. Не стоит говорить, что подобные явления становятся разрушительными не просто для межличностных связей внутри общества, они раскалывают его на множество противоборствующих лагерей. Основная разрушительная сила направлена на все сферы государственной жизни. Экономика, образование, здравоохранение, социальная политика, межгосударственные связи и прочие сферы – все то, что когда-то с трудом строилось и укреплялось ценой немалых усилий и средств, рушится в период междоусобной вражды внутри государства. Вероятно, главная опасность внутренних войн, в отличие от внешних, состоит в том, что они раскалывают общество, лишают его целостности. Хотя, конечно нельзя учитывать и материальных потерь, не говоря уже о человеческих.

И сегодня следует форматировать в обществе терпимость, дать ему «переболеть», используя политические методы, позитивные действия; искоренять чуждые идеалам взгляды силой убеждения, примера. Призывы к применению силовых методов и «сильной руке» могут стать рецидивом, и по-

следствия их непредсказуемы и устрашающи. Борьба между гуманистическими идеалами разума и свободой анархии, а также противостояние насыщенному корыстью своеволию, которое освободило себя от оков совести и нравственности, является неотъемлемым элементом в процессе обеспечения прав личности.

Отчужденный человек не имеет духовной связи с властью и государством, которое игнорирует его личные интересы. Если свою жизнь и жизнь той страны, гражданином которой он является, человек не ассоциирует как единые жизни, то как мы можем говорить о его стремлении сохранить что-то, кроме тех ценностей, которые касаются его лично [21]. Ни о каком патриотизме и защите родины здесь не может быть речи. Тем и страшно отчуждение, и в том числе правовое, что данное явление, так сказать, «выбрасывает» гражданина за пределы общественной жизни и, соответственно, за пределы государственных интересов. Именно поэтому одним из видов протестных движений, так сказать, – противостояния против своего государства – мы можем назвать эмиграцию человека за рубеж. Но, конечно, далеко не каждый сможет найти у себя силы и средства, чтобы решиться на такой отчаянный шаг. Поэтому многие недовольные остаются в государстве, которое не удовлетворяет их ожидания, но, тем не менее, остается их домом, и копят в себе недовольство, которое выливается в агрессивное поведение в отношении всего, что окружает человека: его близкие, его коллеги, его государство. Бесспорно, истоки человеческой агрессивности во многом заложены на подсознательном уровне – в инстинктах, унаследованных нами от предшественников по линии эволюционного развития. Большинство этологов указывает на сходство в проявлении агрессии у человека и представителей животного мира.

Провозглашение прав и свобод человека также имеет особое значение в связи с трагическим опытом нашего государства, имеющего отношение к тяжким, массовым нарушениям прав и свобод человека. Данная ситуация утверждает незыбле-

мость этих норм, недопустимость формального отношения к ним, подчеркивает роль государства в охране правового статуса личности.

Права человека становятся доступными только в условиях независимости и самостоятельности личности, ее осознанного самоопределения. Свобода, автономия личности – эти неотъемлемые атрибуты демократического общества испокон веков выдвигались великими мыслителями как важнейшее условие жизнедеятельности человека. По словам Гегеля, принцип, который является высочайшей вершиной, которой ни на что не приходится смотреть снизу вверх, диктует утверждение, что свобода – это последний стержень, вокруг которого вращается человек. Это высочайшая вершина, позволяющая индивиду отрицать всякие авторитеты. В такой ситуации никакие законы и нормы, в которых не уважается его свобода, не могут его к чему-либо обязать. Утверждение данного принципа в деятельности государственных служб, в законодательстве, в судебных решениях и в прочих шагах на пути выстраивания правового государства будет способствовать социальной защищенности личности, и, как следствие, ее активному участию в общественной и государственной жизни, что, несомненно, является одним из факторов снятия правового отчуждения в обществе.

В заключение можно сказать: обновление общества на основе важнейших ценностей и идеалов, таких как справедливость и человечность, а также демократизация жизни социума и наделение всей системы социальных отношений гуманным обликом выступают в качестве метода преодоления правовой алиенации. Только тогда мы получим ту ситуацию, когда индивиду становится интересна и необходима его личная деятельность, условия и инструменты для этой деятельности, а также ее результаты. Лишь в обозначенных выше условиях взаимодействие человека с миром права может быть построено на прозрачных и осмысленных отношениях. При этом понятие «правовое отчуждение» исчезнет как постоянный атрибут общественной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яковлев А.М. Социальная структура общества и право. – М.: Норма, 2009. – 368 с.
2. Антонова З.Г. Стратегическое развитие России на современном этапе // Известия ТПУ. – 2012. – Т. 321. – № 6. – С. 37–43.
3. Гегель Г.Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Коримов, В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
4. Badenhorst P.J., Juanita M. Pienaar and Hanri Mostert. The Law of Property. 5th Edition. – Durban: Silberberg and Schoeman's, 2006. – 349 p.
5. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно – правовое регулирование). – М.: Юристъ, 2003. – 304 с.
6. Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: Изд-во НОРМА, 2003. – 652 с.
7. Fruehwald Ed. A Biological Basis of Rights. – California: 19 Southern California Interdisciplinary Law Journal, 2010. – 195 p.
8. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права / вступ. ст., сост. и примеч. И.И. Евлампиева. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. – 543 с.
9. Berle A.A. Property, Production and Revolution. – Columbia: Law Review, 1965. – 65 p.
10. Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. 3-е изд. – СПб.: ЧеРо-на-Неве, Паритет, 2003. – 328 с.
11. Cohen F. Dialogue on Private Property. – New Jersey: Rutgers LR, 1954. – 357 p.
12. Яковлев А.И. Политическая социология. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2009. – 384 с.
13. Соловьев В.С. Оправдание добра / отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – 656 с.
14. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб и доп. – М.: Юристъ, 2003. – 250 с.

15. Конституционное право России / под ред. Б.С. Эбзеева, А.С. Прудникова. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 671 с.
16. Фридмен Л. Введение в американское право. – М.: Прогресс, Универс, 1992. – 286 с.
17. Асмус В.Ф. Этика Канта. – М.: Мысль, 1965. – 544 с.
18. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права. Краткий словарь. – СПб.: Изд-во «Лань», 2000. – 400 с.
19. Antonovsky A. Health, stress, and coping. – San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1979. – 255 p.
20. Маленко С.А. Специфика формирования механизмов бессознательной социализации индивида // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 317. – № 6. – С. 130–134.
21. Maddi S.R., Koshaba D.M. Resilience at work: how to succeed no matter what life throws at you. – NY: AMACOM, 2005. – 213 p.

Поступила 13.12.2012 г.

UDC 101.1:316.485:342.7

THE PROBLEM OF FORMING LEGAL ALIENATION PHENOMENON AT ESTABLISHMENT OF SOCIAL INSTITUTES OF LAW

E.E. Chernyaeva

Tomsk Polytechnic University
E-mail: elenachern08@yandex.ru

The paper considers the concepts of the right and legal alienation. The author has stated the preconditions of legal alienation occurrence in society by the example of Russian society in transition period and in modern realities. The relevance of the study is connected with the progressive growth of different manifestations of legal alienation in the society. Manifestation of this phenomenon, in particular legal nihilism of citizens, has a disastrous influence on all spheres of the state development: social, economic, political, spiritual and others. The society gravitating towards the execution and respect of legal rules, developed and accepted in the society, is the guarantee of progress of any state. Only in such conditions the society can develop and hope for prosperity and successful development. The purpose of the study is to identify the conditions of legal alienation removal through the society humanization. The main methods used in the study are the axiomatic and hypothetico-deductive ones. The result of the study is the formulated criteria for overcoming legal alienation in the society. The problem is considered by the example of the modern Russian state.

Key words:

Law, legal alienation, legal nihilism, power, state, rights and freedoms of a person.

REFERENCES

1. Yakovlev A.M. *Sotsialnaya struktura obshchestva i pravo* [The social structure of society and right]. Moscow, Norma, 2009. 368 p.
2. Antonova Z.G. *Strategicheskoe razvitiye Rossii na sovremennom etape* [Strategic development of Russia at the present stage]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 321, no. 6, pp. 37–43.
3. Gegel G.F. *Filosofiya prava* [The philosophy of law]. Ed. by D.A. Korimov, V.S. Nersesyants. Moscow, Mysl, 1990. 524 p.
4. Badenhorst P.J., Juanita M. Pienaar and Hanri Mostert. *The Law of Property*. 5th Edition. Durban, Silberberg and Schoeman's, 2006. 349 p.
5. Glukhareva L.I. *Prava cheloveka v sovremennom mire (sotsialno-filosofskie osnovy i gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie)* [The human rights in the modern world (social and philosophical bases and state-legal regulation)]. Moscow, Yurist, 2003. 304 p.
6. Nersesyants V.S. *Filosofiya prava* [The philosophy of law]. Moscow, NORMA Publ., 2003. 652 p.
7. Fruehwald Ed. *A Biological Basis of Rights*. California, 19 Southern California Interdisciplinary Law Journal, 2010. 195 p.
8. Trubetskoy E.N. *Trudy po filosofii prava* [The works on philosophy of law]. Saint Petersburg, RHGI Publ., 2001. 543 p.
9. Berle A.A. *Property, Production and Revolution*. Columbia, Law Review, 1965. 65 p.
10. Dolnik V.R. *Neposlushnoe ditya biosfery* [Disobedient child of the biosphere]. Saint Petersburg, ChRo-na-Neve, Paritet, 2003. 328 p.
11. Cohen F. *Dialogue on Private Property*. New Jersey, Rutgers LR, 1954. 357 p.
12. Yakovlev A.I. *Politicheskaya sotsiologiya* [The Political sociology]. Moscow, Publishing and trade corporation «Dashkov and K», 2009. 384 p.
13. Solovyev V.S. *Opravdanie dobra* [Good justification]. Ed. by O.A. Platonov. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii, Algoritm, 2012. 656 p.
14. Malko A.V. *Stimuly i ogranicheniya v prave* [Incentives and restrictions in the right]. 2nd edition. Moscow, Yurist, 2003. 250 p.
15. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia]. Ed. by B.S. Ebzееva, A.S. Prudnikova. 5th edition. Moscow, YUNITI-DANA, 2012. 671 p.
16. Fridmen L. *Vvedenie v amerikanskoe pravo* [Introduction in the American right]. Moscow, Progress, Univers, 1992. 286 p.
17. Asmus V.F. *Etika Kanta* [Ethics of the Kant]. Moscow, Mysl, 1965. 544 p.
18. Bachinin V.A., Salsnikov V.P. *Filosofiya prava. Kratkiy slovar* [The philosophy of law. A short dictionary]. Saint Petersburg, Lan, 2000. 400 p.
19. Antonovsky A. *Health, stress, and coping*. San Francisco, Jossey-Bass Publishers, 1979. 255 p.
20. Malenko S.A. *Spetsifika formirovaniya mekhanizmov bessoznatelnoy sotsializatsii individa* [The specifics of formation of mechanisms of unconscious socialization of the individual]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2010, vol. 317, no. 6, pp. 130–134.
21. Maddi S.R., Koshaba D.M. *Resilience at work: how to succeed no matter what life throws at you*. NY, AMACOM, 2005. 213 p.

УДК 008:001.8

ТИПОЛОГИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М.Н. Кокаревич

Томский политехнический университет
Томский государственный архитектурно-строительный университет
E-mail: kokarevich@mail.ru

Актуальность работы обусловлена необходимостью систематизации многообразных видов методологических оснований творческой деятельности.

Цель работы: Выделить основные типы методологических оснований творческой деятельности и представить выделенные типы в виде многоуровневой системы.

Методы исследования: междисциплинарный подход, метод историко-философского анализа, герменевтический метод, методология типологизации, системный подход, компаративистская методология, методология реконструкции культурно-исторической реальности, основанной на представлении культуры как сосуществовании целостных культурно-исторических типов, в которых каждый элемент детерминирован системой ментальных доминант.

Результаты: методологические основания творческой деятельности представляют собой иерархическую систему. Самый общий уровень представлен системой ментальных доминант той или иной культуры, культурной эпохи. Последние определяют идеалы и нормы научного познания, образы прекрасного, философско-методологические основания, картину мира, частно-методологические принципы.

Выводы: построение типологии методологических оснований творческой деятельности предполагает не только выявление уровней общности методологических систем, их последовательной детерминации культурологическими методологическими основаниями, но и экспликацию многообразных видов взаимосвязи между данными типами методологических оснований, построение системы методологических оснований творческой деятельности во всех сферах культуры.

Ключевые слова:

Культурно-исторический тип, ментальные доминанты культуры, философско-методологические основания творчества, частно-методологические основания творческой деятельности.

Каждый вид творческой научной и художественной деятельности методологически обусловлен, т. е. опирается на систему общих принципов, направляющих творческий процесс. Методологические основания творческой деятельности представляют тем самым программу, генный код, матрицу, задающие ориентиры всякой деятельности. Наличие данной системы очевидно. В частности, В.В. Ильин, рассматривая архитектуру науки, выделяет в ней рефлексивную систему как совокупность идеалов, норм, эталонов, регулятивов, канонов, императивов, выполняющих нормативную, методологическую функцию [1. С. 52]. Несомненно, что данная совокупность норм представляет собой методологический арсенал науки, задающий в данном случае гносеологические стандарты, критерии, установки и принципы научного освоения универсума, которые должны быть систематизированы, представлены не как совокупность, а в виде некоторой упорядоченности. Аналогичная система может быть выстроена для любой сферы культуры в качестве методологического базиса всякой творческой деятельности.

Разнообразные методологические принципы представляют собой некоторую иерархическую систему типов методологических оснований творческой деятельности, которые могут быть распределены по шкале от общего к частному. Фундаментальными, определяющими все другие методологические основания являются ментальные ценности, образующие парадигмальное ядро той или иной культуры, культурной эпохи [2]. Данные ценности формируют культурологическую методо-

логию или культурологический тип методологических оснований творческой деятельности.

Действительно, культура существует в виде сосуществования разнесенных или соседствующих во времени и пространстве культурно-исторических типов. Каждый феномен культурно-исторической действительности, каждый вид деятельности оказывается тем самым вписанным в определенный культурно-исторический тип и, по определению, предопределен, в той или иной степени ментальным ядром данного культурно-исторического типа.

Ментальные доминанты культуры, воплощаясь во всех её структурных элементах, определяют специфику форм культуры, приоритетные виды деятельности и поведения, специфику функционирования форм культуры в качестве социальных институтов. Такая детерминация обнаруживается при анализе любого структурного элемента культуры и означает наличие устойчивой связи между ментальностью культурно-исторического типа и любого элемента разного уровня общности данной культуры, всякой творческой деятельности.

Так, постмодернистская ментальность с её принципом максимальной приближенности к каждому человеку, к жизни становится методологическим основанием формирования принципа партиципационного проектирования как основного в постмодернистском архитектурном творчестве, разрушения принципов европоцентризма, центрации, логоцентризма в социально-гуманитарном познании, включения аксиологических факторов в систему ориентиров научного познания и т. п.

Культурные ценности эпохи определяют следующий тип методологических оснований, а именно задают образ научной рациональности, образ науки, научного познания определенной культурной эпохи, культуры, определяют идеалы и нормы описания, объяснения, доказательства, представления результатов познания для научной деятельности, образы прекрасного, эстетические ценности, направляющие художественно-творческую деятельность.

Так, ценности индивидуальности и гуманизма как оправдания земных естественных потребностей человека, возвышения человека, его земной жизни определяют образ науки, идеалы и нормы научного познания, содержание эстетического культуры Возрождения как возрождения родственной античной культуры, поскольку именно в ней столь высоко ценились человеческая красота, разум. Возвышение и человека, и, соответственно, природы до уровня Бога делает природу самостоятельным объектом изучения. Если в средние века познание природы должно было служить еще одним доводом божественной мудрости, то признание ценности природы сделало целью науки выявление законов природы. Культ индивидуальности предопределил утверждение эксперимента, наблюдения, рационального рассуждения в качестве основных методов познания и доказательства истинности научных положений. Возрождение античного представления о том, что книга природы написана языком математики обусловило особый статус математического доказательства в качестве идеала обоснованности и математизацию науки. Идеи гуманизма и индивидуальности определили понимание прекрасного как единства души и тела, как неповторимости и ценности каждого «Я», что методологически обусловило становление автобиографии, сонета, портрета, пейзажа, поиск правил перспективы, законов пропорциональности, строительство комфортабельных вилл и т. п.

Фундаментальные ценности культуры, преломляясь во всех ее сферах, определяют приоритетные направления развития науки и искусства, приоритетные научные дисциплины задают векторы обобщения и осмысления современных достижений и формируют картину мира, научную картину мира путем выделения из множества видов деятельности онтологических представлений об образе мира.

Картина мира задается через систему категорий, универсалий культуры (пространство, время, Бог и т. д.) [3]. Вместе с тем универсалии культуры, задающие представление об устройстве мира, его онтологический образ, детерминированы ментальными доминантами своей культуры, культурной эпохи. Онтологическая модель мира как ограниченного пространства формируется в античной культуре с ее культом прекрасной человеческой телесности. Последний формирует телесное мышление, т. е. мышление всего по аналогии с человеческим телом, всего как обозримого, представи-

мого. Соответственно, пространство мыслится как Космос. Космос – обобщение прекрасного человеческого тела (как обобщение прекрасной человеческой телесности он занимает определенный объем, он симметричен, пропорционален, гармоничен; как человек он живое существо, если энергия человека воплощается в беге, то энергия Космоса – в вечном вращении и т. п.).

Научная картина мира представляет собой горизонт схематизации действительности за счет выделения из множества авангардных наук сущностных, фундаментальных представлений, обобщения научных достижений путем перевода в сущностные образы действительности [4. С. 231–256]. Естественно, становление математической, числовой картины мира в школе Пифагора, которая строилась по законам телесного мышления, исходила из представления числа как отрезка на прямой и, соответственно, выстраивала образ мира, космоса, в котором все устроено в соответствии с числовыми пропорциями (арифметической, геометрической и т. д.), числовой гармонией. В частности, звезды, планеты расположены на гармонических расстояниях, движутся с определенной скоростью по своим орбитам. Скорость зависит от расстояний между ними, которые пропорциональны интервалам между звуками в октаве.

Пифагорейский математический образ мира коррелирует с общей картиной мира, в которой культурные универсалии детерминированы системой ментальных доминант античной культуры: культом прекрасной человеческой телесности, вневременностью, интеллектуализмом, ослабленным индивидуальным началом, объективизмом [5]. Красота как глубинная категория античной культуры, тем самым, понимается вначале как нечто тождественное красоте человеческого тела, затем как нечто выделяемое во всех прекрасных вещах и несущее в себе обобщенные черты прекрасного человеческого тела, т. е. как нечто пропорциональное, симметричное и т. п. Впоследствии в соответствии с утверждением культа интеллектуальных занятий в классическую эпоху красота существует как калокагатия. Тем самым, ментальные доминанты культуры, культурной эпохи задают приоритетные научные дисциплины, которые становятся методологическим основанием для формирования научной картины мира, задают культурные универсалии, которые формируют картину мира. Данные картины мира коррелятивны и становятся методологическим основанием творческой деятельности. В частности, определяют интенцию на поиски канонических числовых пропорций, задающих образ прекрасного человеческого тела, что составляет содержание творческой деятельности Поликлета, Иктина, Калликрата и других творцов античной культуры.

Столь же высокая степень общности присуща и философии как методологии научного познания и эстетического освоения действительности. Вместе с тем именно ментальные доминанты культуры яв-

ляются методологическим базисом философствования, определяют качественное своеобразие философии как феномена определенной культуры, культурной эпохи. Последнее находит свое подтверждение в понимании философии Гегелем как эпохи, схваченной в мысли, О. Шпенглером, который видел в философии душу своего времени. «Каждая философия есть выражение своего и только своего времени. И нет двух таких эпох, которые бы имели одинаковые философские интенции» [6. С. 176]. Аналогичную связь между парадигмальным ядром культурной эпохи и феноменом философствования, отмечает Р. Рорти. Точнее он предупреждает, что нельзя не видеть качественной окрашенности философствования. Иллюстрацией этого служит его заявление против попыток эксплицировать «рациональность», «объективность» в терминах условий точности репрезентирования, что является «вводящей в заблуждение попыткой сделать нормальный дискурс конкретной эпохи вневременным и, что со времен греков сам-оимидж философии находился под влиянием этой идеи» [7. С. 9].

Методологическая значимость философии заключается в том, что философия осмысляет, обосновывает, заставляет тем самым принять категориальную матрицу, языковую сеть, сквозь которую субъект своей культуры смотрит на мир. Философия формирует дискурс своей культуры как систему понятий, включенных в определенное смысловое поле. Тем самым язык становится тем домом, внутри которого раскрывается бытие, происходит постижение бытия культуры, человека, мира. Утверждение определенной языковой матрицы обеспечивает сортировку многообразного опыта, в частности, задает критерий определения моральности поступка, становится методологическим основанием творческой деятельности, мышления, не просто формирования, а осмысленного включения в свой духовный мир определенной системы ценностей.

Например, «Я» древнегреческой культуры с доминированием в ней ослабленного индивидуально начала означает единицу сообщества, которая испытывает позор, стыд от поступка, несоответствующего общепринятым нормам в случае, если этот поступок станет известен сообществу. Такое понимание «Я» коррелирует с пониманием добродетели как силы, мужества, хитрости, служения государству. «Я» начала христианской эры акцентирует наличие индивидуального, прежде всего, морального, начала в человеке, который испытывает муки совести от замышляемого или совершенного недостойного с позиции принятых им моральных норм. Неудивительно, что понятие совести как осознанной и пережитой нравственной нормы вводит в современный ему дискурс Сенека. Данное понимание «Я» означает отождествление добродетели с добром и милосердием, со служением разуму. Главное не долг перед государством, а долг, ответственность перед собой, которая заключается,

по мнению Сенеки, в занятиях философией, в рамках которых можно прийти к пониманию, что разумное милосердие лучше неразумного сострадания. Эти концепты «Я» становятся методологическим основанием создания обобщенного древнегреческого художественного образа, римского портрета с его психологизмом, индивидуалистической выразительностью.

Несомненна методологическая значимость философии Ж. Деррида с присущим ей формированием, утверждением концепта деконструкции для современного архитектурного творчества, для становления деконструктивизма как одного из влиятельных направлений в современном зодчестве и дизайне. Рем Кулхаас, в частности, однозначно относит себя к поколению, воспитанному на философии Деррида. При этом философская деконструкция Ж. Деррида, Р. Рорти является воплощением скепсиса, присущего человеческой природе и актуализируемого в культуре постмодерна с ее максимальной приближенностью к субъекту, агрессивной отрицающей идеалы модерна, превращающей в ценности все «отрицательные» качества человека, в том числе скепсис, иронию. Тот же иронизирующий скепсис воплощен в дадаизме и т. п.

Последовательная конкретизация ментальных доминант определенной культуры, культурной эпохи в соответствии с тематическим содержанием предмета деятельности предопределяет становление такого типа методологических оснований творческой деятельности, как парадигма, как стиль. Парадигма представляет собой признанную теорию, которая задает модель постановки проблем и их решений научному сообществу. Методологический аспект парадигмы представляет собой ценностные установки, конкретизации идеалов и норм научного познания для определенной предметной реальности. В методологическом аспекте определенная парадигма становится стержнем формирования научной школы. Она определяет идентичность убеждений, норм и правил, принятых данной научной школой, обуславливает постановку и решение исследовательских задач, формирует рамки выдвижения гипотез, допущений разного рода.

Стиль – устойчивая общность художественно-образной системы и средств художественной деятельности, обусловленная какой-либо системой культурных ценностей и определяющая качественное своеобразие эстетической деятельности какой-либо эпохи или отдельного автора. Стиль, таким образом, понимается как эстетическая парадигма, как методологическое основание художественно-творческой деятельности. Стиль представляет собой многослойное образование. При этом в качестве самого глубинного порождающего слоя можно рассматривать фундаментальные, ментальные ценности культуры. Последующие слои включают национальные, темпоральные особенности, влияющие на спецификацию стилистических элементов, стилевых образов.

Стиль в искусстве как определенная устойчивая система средств художественной выразительности, как способ, который определяет выбор и сочетание внешних, формальных элементов в каждом конкретном произведении, может быть адаптирован, обобщен и трансформирован в стиль культуры. Тогда положение об универсальности ментальных доминант культуры как методологического основания творческой деятельности получает дополнительную аргументацию. С другой стороны, отношение культуры и искусства, культуры и науки и т. д., то есть культуры и её составляющих можно рассматривать как отношение части к целому.

Представляется, и при таком подходе невозможно не увидеть универсальный характер культурологической методологии, детерминирующую роль ментальных доминант культуры, культурной эпохи по отношению к таким типам методологических оснований творческой деятельности как философия, картина мира, парадигма, стиль. Специфика частей и целого в случае сфер культуры и культуры в целом заключается в том, что культура подобна множеству всех множеств, которые являются элементом самого себя как список списков, являющийся тоже списком. Часть является элементом, несущим свойства целого и наоборот. Поэтому не может быть явлений, которым не присущи доминантные особенности. Могут быть явления, несущие на себе характеристики другого стиля, другой ментальности. Данные явления (например, христианской культуры) исторически возникают в ареале другой культуры (например, античной). Их временное и пространственное совпадение могут поставить их в ряд явлений, не несущих стилевые особенности. Аналогично в искусстве какой-либо эпохи не все произведения охватываются преобладающим стилем, но все они воплощение определенного стиля или манеры.

Если рассматривать в тематизируемом аспекте, например, классицизм, то следует отметить его имманентность эпохе Нового времени, эпохе господства новой науки. Идеи эпохи Возрождения, возвышающие индивидуальность, земные потребности человека, «сгорели» на кострах контрреформации, разбиты о догматизм утверждающегося протестантизма. Однако в новой культурно-исторической реальности человеческий разум и опыт сохраняют свою ценность в большей степени только в области познания природы, благодаря такому союзнику как теория двух истин, признанная церковью. Теория двух истин сыграла роль «стены», оградившей науку. Поэтому начавшаяся научная революция, утверждающая новые идеалы и нормы научного познания, продолжается, и новая наука, теоретическая механика как актуализация ценности человеческого разума и опыта превращается в авангардную сферу культуры данного столетия, определяя механистический стиль мышления, задавая механистическую картину мира, неизменный как закон природы образ прекрасного.

Культ человеческого разума как ментальная доминанта эпохи находит «родственную душу» в пара-

дигмальном ядре классической эпохи в развитии античной культуры с её культом интеллектуальных занятий, не связанных с практической выгодой. Это приводит к термину «классицизм» и содержанию неизменного образа красоты, связанному с возрождением культурных форм эпохи классики. Последнее становится методологическим основанием архитектурного творчества, объясняет генезис оперного искусства как возрождение синтеза музыки и драматического действия, присущего античности, систему художественного образования, устроенную в соответствии со статичной моделью прекрасного, с обязательным копированием античных образцов и т. п.

Частно-методологические принципы вырабатываются субъектом творческой деятельности. Как правило, они формируются в результате философского осмысления собственных субъективных творческих интенций, целей, направленности, аксиологической системы индивидуальной деятельности. Всякий творческий индивид вписан в определенную культурную эпоху, поэтому формируемые им частно-методологические принципы являются последовательной конкретизацией ментальных ценностей культурной эпохи, в которую вписан субъект деятельности, и в качестве методологического фундамента деятельности конкретного субъекта представляют собой индивидуализацию синтеза всех типов методологических оснований творческой деятельности. Так, К. Курокава, утверждая метаболизм как новое направление, новую парадигму в архитектурном творчестве, мыслит и действует как субъект, вписанный в постмодернистскую культуру с её принципом максимальной приближенности к жизни, к каждому человеку, к каждой культуре. Последнее определяет его архитектурный язык с его недосказанностью, незавершенностью, открытостью структуры зданий, растущей структурой города как воплощениями японской ментальности с её культом природы, идеей единства человека и природы. Влияние современной философии и картины мира, представления мира как процесса эволюции множества открытых самоорганизующихся саморазвивающихся систем видно в утверждении ни гармонии, ни компромисса, а симбиоза естественного и искусственного, архитектуры и природы, человека и техники, локального и глобального, прошлого и будущего, в реализации в собственной творческой деятельности принципа коэволюции, задающего образ города как живой развивающейся системы.

Отметим, что построение типологии методологических оснований творческой деятельности предполагает не только выявление уровней общности методологических систем, их последовательной детерминации культурологическими методологическими основаниями, что стало предметом исследования в настоящей статье, но и экспликацию многообразных видов взаимосвязи между данными типами методологических оснований, выявление других типов методологических принципов творческой деятельности во всех сферах культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин В.В. Теория познания. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 136 с.
2. Кокаревич М.Н. Ментальность и формы культуры: типы детерминации // Вестник ТГПУ. – 2011. – Вып. 11 (113). – С. 203–208.
3. Хейзинга Й. Осень средневековья. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 544 с.
4. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
5. Кокаревич М.Н. Культурология. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. Ун-та, 2010. – 224 с.
6. Шпенглер О. Закат Европы. – М.: Мысль, 1993. – Т. 1. – 663 с.
7. Рорти Р. Философия и Зеркало Природы. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1997. – 297 с.

UDC 008:001.8

THE TYPOLOGY OF METHODOLOGICAL BASES OF CREATIVITY

M.N. Kokarevich

Tomsk Polytechnic University
Tomsk State University of Architecture and Building
E-mail: kokarevich@mail.ru

The relevance of the work is caused by the necessity to range the various kinds of methodological bases of creativity.

The aim of the research is to set apart the main types of methodological bases of creativity and to present these types as multi-level system.

The methods of the research: multidisciplinary approach, method of historical and philosophical analysis, hermeneutical method, methodology of typology, system approach, comparative methodology, methodology of reconstruction of cultural and historical reality, based on the picture of culture as coexistence of unified cultural and historical types, where every element is determined by the system of mental dominants.

Results: The methodological bases of creativity present hierarchical system. A general level is presented by the system of mental dominants of one or another culture, cultural epoch. These mental dominants determine the ideals and norms of scientific cognition, images of beauty, philosophical and methodological bases, picture of the world, personal and methodological principles.

Conclusion: typology of methodological bases of creativity supposes not only revelation of commonality levels of methodological systems, their consecutive determination by cultural and methodological bases, but explication of various types of interconnection among these types of methodological bases and construction of the system of methodological bases of creativity in all spheres of culture.

Key words:

Cultural and historical type, mental dominants of culture, philosophical and methodological bases of creation, personal and methodological bases of creative activity.

REFERENCES

1. Ilyin V.V. *Theoriya poznaniya* [Epistemology]. Moscow, LIBROKOM, 2011. 136 p.
2. Kokarevich M.N. Mentalnost i formy kulury: tipy determinatsii [The mentality and the cultural forms: the types of determination]. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, 2011, vol. 113, no. 11, pp. 203–208.
3. Huizinga J. *Osen srednevekovya* [Autumn of the Middle Ages]. Moscow, Airis Press, 2004. 544 p.
4. Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2000. 744 p.
5. Kokarevich M.N. *Kulturologiya* [Cultural studies]. Tomsk, State Architectural and Building University Publ. House, 2010. 224 p.
6. Spengler O. *Zakat Evropy* [The Decline of Europe]. Moscow, Mysl, 1993. Vol.1, 663 p.
7. Rorti R. *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature]. Novosibirsk, Novosibirsk University Publ. House, 1997. 297 p.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭТИКА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

О.М. Манжуева

Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств,
Республика Бурятия, г. Улан-Удэ
E-mail: ocydenova@yandex.ru

Поднимается вопрос о роли информационной этики в процессе использования информационных технологий современного общества. Отражены взгляды Н. Винера на принципы решения этических проблем в области применения информационной техники, а также его вклад в становление информационной этики в целом. Статья раскрывает основные моральные принципы будущего общества, названные «великими принципами справедливости» Винера, их влияние на анализ возникающих информационно-этических вопросов и трансформацию главных человеческих ценностей. Рассмотрены взгляды К. Горниак-Корсиковской относительно перспектив развития информационной этики: перерождение компьютерной этики в глобальную этику информационного века. Отражены положения информационно-этической теории Л. Флориди, определяющие характерные особенности новой этики современного общества. Сформулирована основная цель информационной этики, описаны последствия энтропии и «четыре принципа» ее искоренения из информационной среды. Сделан вывод о важном предназначении формирующейся этики, основной функции и задачах.

Ключевые слова:

Информационные технологии, информационная этика, моральные принципы, компьютерная этика, человеческие ценности.

Насущные вопросы реализации стратегии развития информационного общества, выработка соответствующей политики в данной сфере для всего мирового сообщества требуют глубокого осмысления этических последствий применения информационных технологий. Поэтому формирование информационной этики как прикладной науки – сложное динамическое поле исследований, охватывающее ценности, политику, различные концепции в контексте бурного роста технологий современного общества.

Рассмотренные ранее задачи информационно-этического характера [1], возникающие в процессе использования современных технологий, подняли вопрос об этическом регулировании путей научного поиска. Анализ информационно-этической проблем, возникающих при использовании технологий из области искусственного интеллекта, геномной инженерии, клонирования и нанотехнологий, еще раз определил важность степени ответственности в процессе внедрения результатов научно-технического прогресса. В этой связи роль информационной этики, направленной на предупреждение отрицательных последствий применения информационных технологий, неоспоримо возрастает. Оттого весьма интересным и актуальным является вопрос, раскрывающий истоки возникновения новой этики информационного общества, а анализ основных идей авторов данной теории позволит определить основные характеристики и принципы применения формирующейся этики современного общества, способствующие элиминации негативных эффектов применения информационно-компьютерных технологий.

В конце 1940-х гг. прошлого столетия Норберт Винер (1894–1964) ясно заговорил о том, что интеграция в общество изобретенной вычислительно-информационной технологии приведет к кардинальным изменениям – ко «второй индустриальной

революции» – «автоматизированному веку», что повлияет на все сферы жизни человека, понадобятся десятки лет постоянных усилий для формирования и утверждения осмысленной системы ценностей нового общества. Сегодня, предсказанные Винером этические и социальные проблемы современного общества, связанные с созданием и использованием информационно-компьютерных технологий, являются объектом актуальных научных исследований в области философии, социологии, техники и т. д. Уже очевидно, что Винер заложил начало новой науки, но в то же время, он не видел себя творцом новой ветви этики. Широко применяемые в наши дни термины: «компьютерная этика», «информационная этика», пришли спустя несколько десятилетий. В то же время труды Винера заложили фундамент и основали эффективную методологию в области изучения применения компьютеров и информационной этики в целом.

Винер в своих трудах исследовал возможные влияния информационной технологии на главные ценности человека, такие как жизнь, здоровье, счастье, его способности, знания, свободу, безопасность и перспективы будущего. Используемые им метафизические идеи и аналитические методы настолько глубоки и масштабны, что вполне могли бы эффективно применяться для характеристики, анализа и разрешения социальных и этических проблем, связанных со всеми видами применения информационной технологии, включая компьютерную технику, компьютерные сети; радио, телевидение, телефонию; средства массовой информации, журналистику; даже книги и библиотеки. Его информационные этические интересы, идеи и методы охватывали не только темы в определенной области «компьютерной этики», но еще вопросы «агент-этики», «интернет-этики» и «нанотехнологической этики», а также этики журналистики и биоинженерии.

В основании формирующегося общества Винер определил «великие принципы справедливости», согласно которым должен регулировать свои действия каждый член общества [2. С. 105]. Эти фундаментальные этические концепции позволили Винеру анализировать многие информационно-этические вопросы. Он верил, что соблюдение обществом таких принципов максимально увеличит способность человека процветать, реализовывая свои возможности через разнообразие человеческой деятельности. К сожалению, Винер, заявив о своих «великих принципах», не назвал их. Т. Бинэм самостоятельно определяет их: «Принцип Свободы», «Принцип Равенства» и «Принцип Благожелательности» [3].

Принцип Свободы основывается на справедливости, обеспечивающей «свободу каждому человеку для развития в полной мере человеческих возможностей, заключенных в нем» [3].

Принцип Равенства предполагает «равенство, согласно которому: то справедливое для А и В остается справедливым, даже когда позиции А и В меняются» [3].

Принцип Благожелательности пропагандирует «доброжелательность между человеком и человеком» [3].

Из кибернетического доклада Винера о природе человека и общества следует: люди – существа социальные, полностью реализовать свой потенциал они могут только тогда, когда являются частью общества им подобных. Общество, следовательно, необходимо для нормальной человеческой жизни. Деспотичные общества в действительности подавляют свободу человека: они нарушают все три «великих принципа». Исходя из вышесказанного, Винер принял четвертый принцип справедливости для уверенности, чтобы предыдущие три не были нарушены. Данный принцип гласит: «...любое принуждение, исходящее от самого общества и государства должно осуществляться таким образом, чтобы не нарушать свободу» [2. С. 106]. Бинэм прописывает этот принцип как «Принцип минимального нарушения свободы».

Основываясь на практике, что в любом обществе функционируют принятые правила, принципы и законы, регулирующие поведение человека, которые составляют «общепризнанный свод правил» [4], методология Винера состоит в том, чтобы синтезировать этот общепризнанный свод правил общества с великими принципами справедливости. В справедливом обществе данные «стратегии» [5] могут служить в качестве хорошего начала для решения любого информационного этического вопроса. Винер был убежден в том, что предложенный метод анализа и разрешения информационных этических вопросов приведет к этически верным решениям, которые могут быть ассимилированы в общество:

1. Выделяя этические вопросы, возникающие в процессе интеграции информационной технологии в общество, необходимо фокусировать

внимание на последствиях, которые оказывают влияние в первую очередь на жизнь, здоровье, безопасность, счастье, свободу, знание, возможности или на другие значимые ценности человека.

2. Грамотно и всесторонне взвешивать применяемые идеи и принципы процесса внедрения информационных технологий, значение и результаты которых могут оказать неоднозначное влияние на развитие человеческого общества.
3. Всякий раз использовать возможность в решении возникающих этических вопросов, применить уже существующие моральные принципы, законы, правила или этические практики, регулирующие поведение человека в обществе.
4. В том случае, если этически принятые прецеденты, традиции и политические курсы недостаточны для урегулирования вопроса или разрешения ситуации, Винер призывал, руководствуясь целью жизни человека, использовать великие принципы справедливости, чтобы найти решение, которое бы насколько возможно подходило этическим традициям данного общества.

В 1995 г. Кристина Горниак-Косиковска в презентации «Компьютерная революция и проблема глобальной этики» [6] поддержала теорию Винера о необходимости принятия постулатов информационной этики как этики будущего общества и более того, аргументировано доказала, что компьютерная этика со временем развернется в глобальную этику, применимую в каждой культуре на земле. Согласно данной «гипотезе» региональные этические теории, такие как европейские утилитаристы и кантианские системы, так же как различные этические системы, вложенные в другие культуры мира, происходящие из «местных» историй и традиций, недостаточно применимы к этическим ситуациям формирующегося сегодня информационного общества. С другой стороны, компьютерная, или точнее информационная, этика, убеждена Горниак, обладает необходимым потенциалом для формирования глобальной этики, пригодной для Информационного Века:

- «Новая этическая теория возникает из компьютерной этики в ответ на компьютерную революцию» [6. С. 177].
- «Сама природа Компьютерной Революции показывает, что этика будущего будет иметь глобальный характер. Глобальный характер в пространственном смысле, так как информационная этика охватит весь земной шар, а также в том смысле, что она будет адресована всей совокупности человеческих действий и отношений» [6. С. 179].
- «Поскольку компьютерные сети... имеют глобальный характер, соответственно, когда мы говорим о компьютерной этике, мы говорим о появляющейся глобальной этике» [6. С. 186].
- «Правила компьютерной этики будут неэффективными пока не будут признаны подавляю-

щим большинством или даже всеми компьютерными пользователями.... Другими словами компьютерная этика будет универсальной, глобальной этикой» [6. С. 187].

Теория глобальной информационной этики К. Горниак была подкреплена заключением Манера: информационная технология «принуждает нас открывать новые моральные ценности, формулировать новые моральные принципы, развивать новые стратегии и находить новые пути решения поставленных вопросов» [7. С. 152]. При этом важно отметить, что К. Горниак не формулировала существенных концепций и принципов, на которых должна базироваться информационная этика, она просто прогнозировала, что данная теория неизбежно появится ввиду глобальной природы Интернета и этических диалогов культуры мира.

События, произошедшие после 1995 г. прошлого столетия в сфере развития информационных технологий, стали подтверждением выводов Кристины Горниак-Косиковской и послужили почвой для развития других фундаментальных теорий в данной области, в частности информационно-этической теории Лучано Флориди [8].

Разрабатывая свою информационно-этическую теорию (ИЭТ), Флориди аргументировал, что существующая этика в целом должна быть расширена, чтобы включать намного больше, чем просто людей, их действия, намерения и характеры. В рамках ИЭТ принципы новой этики приобретают сходство с принципами утилитаризма и добродетели, они нацелены на применение во всех этических ситуациях. С другой стороны, ИЭТ отличается от других, более традиционных западных теорий, так как она не направлена заменить их, но скорее дополнить их этическими концепциями и взглядами, способными более широко рассмотреть информационно-этические ситуации, возникающие в современном обществе, нежели традиционные теории [9].

Термин «информационная этика», согласно теории Флориди, касается всего, что существует в качестве «информационных» объектов или процессов. В свою очередь, любой существующий объект системы описан как информационный, дискретный, замкнутый, инкапсулированный пакет, содержащий: соответствующие структурированные данные, которые составляют природу рассматриваемого объекта, т. е. состояние объекта, его уникальность и атрибуты; операции, функции или процедуры, активизированные различными взаимодействиями или стимулами (т. е. сообщениями, полученными от разных объектов или изменениями внутри). На этом уровне абстракции информационные системы поднимаются до роли агентов и пациентов различных действий с окружающими процессами, изменениями и взаимодействиями, равно описанными информационно [9. С. 21].

Так, согласно ИЭТ, все существующее является информационными объектами или процессами, своей совокупностью формирующими вселенную в целостный организм – «инфосферу». В свою оче-

редь, объекты и процессы в инфосфере могут быть повреждены и даже уничтожены при каких-либо изменениях структуры данных или характеристик. Такое повреждение или разрушение Флориди называет «энтропией». Энтропия в этом смысле является злом, которое должно быть удалено или минимизировано, и Флориди предлагает четыре «основных принципа»:

1. Энтропия не должна создаваться в инфосфере.
2. Энтропия должна быть предотвращена в инфосфере.
3. Энтропия должна быть удалена из инфосферы.
4. Развитие информационных объектов, так же как и всей инфосферы, должно осуществляться путем сохранения, возделывания и обогащения их свойств.

ИЭТ основывается на идее, что все в инфосфере имеет, по крайней мере, минимальную ценность, с которой должны считаться с этической точки зрения. ИЭТ говорит, что существует что-то более элементарное, чем жизнь, а именно бытие, понимаемое как информация, и что-то более существенное, чем страдание, а именно энтропия.... ИЭТ учит, что бытие, то есть информация, имеет внутреннюю ценность: любой информационный объект имеет право оставаться в своем статусе и право процветания, то есть усовершенствоваться и обогащать свое существование и сущность [9. С. 29].

Истолковывая каждый существующий объект в мироздании как «информационный» с минимальной моральной ценностью, ИЭТ может дополнить традиционные этические теории и идти дальше этого, перемещая фокус этического внимания одних с действий, характеров и ценностей человеческих агентов на «зло» (вред, вымирание, уничтожение) – «энтропию» – вызванную объектами и процессами в инфосфере. С таким подходом каждый существующий объект – люди, животные, растения, организации, даже не живые артефакты, электронные объекты в кибернетике, части интеллектуальной собственности – могут быть интерпретированы как потенциальные агенты, влияющие на других, и как потенциальные пациенты, подвергаемые влиянию других объектов.

Главная цель информационной этики, по Флориди, заключается в оценке долга рационального индивида в терминах расширяющейся информационной сферы. В его представлении, она ориентирована на объект, отчего и является не стандартной онтоцентричной теорией, которая организована вокруг понятий рачительности и заботливости (for the sake and care). Вопросы всех видов нормативной этики «Что я должен делать?» или «Кем я должен быть?» заменяются здесь вопросом «Что следует уважать и улучшать?». Здесь самые простые, самоочевидные, признаваемые всеми людьми истины морали поднимаются до уровня исторической перспективы, тех высших и конечных целей, вне отнесенности к которым человеческие поступки и институты лишаются смысла [10. С. 130].

Сегодня информационная этика представлена

как область междисциплинарного исследования, включающая рассмотрение технических, моральных, юридических, социальных, политических и философских вопросов [11]. Информационная этика занимается анализом социальных и личных воздействий информационных технологий. Ее главная задача, по-прежнему со времен Н. Винера, заключается в конкретизации моральных норм с целью регулирования человеческого поведения в сфере создания и использования информационно-компьютерных технологий. Концепция теории Л. Флориди значительно расширяет границы актуальных вопросов информационной этики, позволяя применить ее приемы и методы в области решения проблем искусственного интеллекта, геной инженерии и клонирования, поддерживая убеждения Горниак-Косиковской о законах, правилах и принципах новой этики в качестве универ-

сального инструмента в процессе решения информационно-этических проблем всех видов, придавая ей глобальный характер и значение.

Таким образом, заложенное метафизическое и научное основание информационной этики дает глубокое и эффективное руководство для понимания и решения этических проблем, вызванных информационной технологией всех видов. Залог успешного взаимодействия в современном обществе, строящемся на применении информационной технологии, задан нормами общественного бытия, исходящими из системы ценностей, которая, прежде всего, сохраняет нравственные, общечеловеческие ценности и общественные идеалы. В этом отношении информационную этику необходимо рассматривать как руководство безопасного использования информационно-компьютерной технологии и правильного поведения в информационной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Манжуева О.М. К вопросу об информационной этике // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316. – № 6. – С. 176–179.
2. Wiener N. The Human Use of Human Beings: Cybernetics and Society. – Boston: Houghton Mifflin; 2^d Ed. Revised; NY: Doubleday Anchor, 1954. – 344 p.
3. Bynum T. Ethical Challenges to Citizens of the Automatic Age: Norbert Wiener on the Information Society // Journal of Information, Communication and Ethics in Society. – 2004. – 2 (2). – P. 65–74.
4. Bynum T., Schubert P. How to do Computer Ethics – A Case Study: The Electronic Mall Bodensee, in J. van den Hoven (ed.) // Computer Ethics–Philosophical Enquiry. – Rotterdam: Erasmus University Press, 1997. – P. 85–95.
5. Moor J. What Is Computer Ethics? // Metaphilosophy. – 1985. – 16 (4). – P. 266–275.
6. Kocikowski A. Geography and Computer Ethics: An Eastern European Perspective // Science and Engineering Ethics. – 1996. – 2 (2). – P. 201–310.

7. Maner W. Unique Ethical Problems in Information Technology // Science and Engineering Ethics. – 1996. – 2 (2). – P. 137–154.
8. Floridi L. Information Ethics: On the Theoretical Foundations of Computer Ethics // Ethics and Information Technology. – 1999. – 1 (1). – P. 37–56.
9. Floridi L. Information Ethics: Its Nature and Scope // Computers and Society. – 2006. – 36 (3). – P. 21–36.
10. Галинская И.Л. Компьютерная этика, информационная этика, киберэтика // Новые инфокоммуникационные технологии в социально-гуманитарных науках и образовании: современное состояние, проблемы, перспективы развития. – М.: Логос, 2003. – С. 112–132
11. Информационная этика. 2012. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 10.12.1012).

Поступила 14.03.2013 г.

UDC 004.056.5

INFORMATION ETHICS OF MODERN SOCIETY

O.M. Manzhueva

East Siberian State Academy of Arts and Culture, the Republic of Buryatia, Ulan-Ude
E-mail: ocydenova@yandex.ru

The paper brings up an issue of information ethics role in using information technologies of modern society and reflects the views of N. Wiener on principles of solving ethic problems in the field of application of information techniques as well as his contribution to the development of the information ethics. The paper reveals the main moral principles of the future society called the Wiener «great principle of justice», their influence on analysis of occurring information and ethic issues and transformation of the main human values. The author has considered the views of K. Gorniak-Korsikovskaya on prospects for development of information ethics: computer ethics degeneration into global ethics of information age. The paper reflects the positions of information ethic theory of L. Floridi which determine special features of a new ethics of the modern society. The author stated the main objective of the information ethics and described the consequences of entropy and «four principles» of its extermination from information environment. The author made the conclusion on the important purpose, the main aim and the objectives of the ethics.

Key words:

Information technology, information ethics, moral principles, computer ethics, human values.

REFERENCES

1. Manzhueva O.M. K voprosu ob informatsionnoy etike [To the issue of the information ethics]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2010, vol. 316, no. 6, pp. 176–179.
2. Wiener N. *The Human Use of Human Beings: Cybernetics and Society*. Boston, Houghton Mifflin; 2nd Ed. Revised; NY, Doubleday Anchor, 1954. 344 p.
3. Bynum T. Ethical Challenges to Citizens of the Automatic Age: Norbert Wiener on the Information Society. *Journal of Information, Communication and Ethics in Society*, 2004, 2 (2), pp. 65–74.
4. Bynum T., Schubert P. How to do Computer Ethics – A Case Study: The Electronic Mall Bodensee. J. van den Hoven (ed.), *Computer Ethics/Philosophical Enquiry*. Rotterdam, Erasmus University Press, 1997, pp. 85–95.
5. Moor J. What Is Computer Ethics? *Metaphilosophy*, 1985, 16 (4), pp. 266–275.
6. Kocikowski A. Geography and Computer Ethics: An Eastern European Perspective. *Science and Engineering Ethics*, 1996, 2 (2), pp. 201–310.
7. Maner W. Unique Ethical Problems in Information Technology. *Science and Engineering Ethics*, 1996, 2 (2), pp. 137–154.
8. Floridi L. Information Ethics: On the Theoretical Foundations of Computer Ethics. *Ethics and Information Technology*, 1999, 1 (1), pp. 37–56.
9. Floridi L. Information Ethics: Its Nature and Scope. *Computers and Society*, 2006, 36 (3), pp. 21–36.
10. Galinskaya I.L. Komputernaya etika, informatsionnaya etika, kiberetika [Computer ethics, information ethics, cyberethics]. *Novye infokommunikatsionnye tekhnologii v sotsialno-gumanitarnykh naukakh i obrazovanii: sovremennoe sostoyanie, problemy, perspektivy razvitiya* [New communication technology in socially humanity sciences and education: current state, problems, development prospects]. Moscow, Logos, 2003, pp. 112–132.
11. *Informatsionnaya etika* [The information ethics]. 2012. Available at: <http://ru.wikipedia.org> (accessed 10 December 2012).

УДК 37.014.5

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е.В. Гиниятова, Н.М. Панькова

Томский политехнический университет
E-mail: evg@tpu.ru

Актуальность работы предопределена ситуацией трансформации образовательного пространства, что усугубляется тотальной информатизацией современной культуры. В связи с этим целью становится рассмотрение концепции непрерывного образования как наиболее полной модели образовательного процесса, соответствующего тенденциям современного культурного пространства. В процессе реализации поставленной цели было выявлено, что трактовка образовательного процесса как инструмента формирования гармоничной личности (позиция либерального подхода) не соответствует запросам общества постмодернистического проекта так же, как и ориентация образовательного процесса, только на профессиональную подготовку (позиция утилитарного подхода). Авторы приходят к выводу, что сформировавшиеся ранее подходы следует дополнить представлениями об образовании на протяжении всей жизни человека (как одного из направлений концепции непрерывного образования), обеспечивающего формирование целостной личности и дающее возможность человеку выстраивать собственную идентичность, находясь в постмодернистическом обществе.

Ключевые слова:

Непрерывное образование, воспитание, обучение, либеральный подход, утилитарный подход.

Современная культура предопределена ситуацией парадигмальных сдвигов. Постмодернизм как последний из интеллектуальных проектов, претендующих на универсальность, окончательно трансформировал социокультурное пространство в ризоматичную среду, находясь в которой человек вынужденно оказывается в ситуации выбора ценностных оснований, когнитивных конструкторов, собственной идентичности. Поэтому для человека сложившееся пространство уместно и правильно охарактеризовывать не просто как «антропологическую катастрофу», а как сферу предельной реализации третьего «К», когда «ситуации инородны собственному языку и не обладают человеческой соизмеримостью» [1].

При этом экзистенциальное напряжение, усугубляющее кризисность постмодернистического проекта, усугубляется принципиально новыми явлениями, связанными с тотальной информатизацией общества и невозможностью дать этим явлениям однозначную оценку. Помимо отрицательных последствий – виртуализации коммуникативного пространства, возрастания разрыва в уровне технической грамотности общества, формирования «магической эпохи» [2] – можно, тем не менее, констатировать, что «качественные социальные трансформации в современном мире неразрывно связаны с новой ролью информации и знания» [3. С. 57]. Предвосхищая эту тенденцию, Д. Белл уже в 80-х гг. XX в. сформулировал концепцию по-

стиндустриального общества, фиксирующую изменение статуса научного знания. В частности, им было выделено несколько тенденций, таких как укрепление роли науки и знания как основной институциональной ценности общества и создание технической интеллигенции, что по-новому актуализировало вопрос о соотношении технического и гуманитарного знания [4. С. 57].

Изменяется и подход к образованию как к социальному инструменту формирования и передачи научного знания в обществе. Многие российские и зарубежные исследователи отмечают, что традиционная модель реализации образовательного процесса уже не соответствует требованиям, предъявляемым современным обществом. Причина несоответствия заключается в трансформации самого общества – логоцентричное общество, где разум являлся гарантом прогресса и воплощения нравственных ценностей, было ориентировано на формирование гармоничного человека с гуманистическими идеалами. Именно это и было отражено в гуманистическом подходе к образованию, которое стало формироваться с момента возникновения первых университетов. Сейчас, в ризоматичном культурном пространстве, акцент сместился с формирования разносторонней личности на подготовку узкого специалиста-профессионала, что привело к тому, что уже к концу XX в. было разработано достаточно большое количество разнообразных, часто существенно отличающихся друг от друга, образовательных концепций (например, практико-ориентированное обучение, компетентностный подход [5], традиционное, религиозное, непрерывное, опережающее модели образования).

С одной стороны, такое многообразие образовательных концептов свидетельствует, по мнению Б.С. Гершунского, о том, что современное образование неэффективно перед лицом глобальных проблем цивилизационного масштаба [6]. С другой стороны, нельзя не признавать их принципиального соответствия потребностям современного общества. Постараемся обосновать тезис о соответствии образовательных концептов новым запросам общества на примере модели непрерывного образования.

В современном понимании концепция непрерывного образования сформировалась в XX в., но основополагающие ее идеи присутствовали в трудах многих философов (так, идея самосовершенствования человека является одной из основных и в концепции «идеального государства» Платона, и в концепции «общественного договора» Гоббса). Впервые термин «непрерывное образование» был использован в материалах конференции ЮНЕСКО 1968 г. [7]. После публикации материалов конференции было принято решение, в котором феномен непрерывного образования был признан основным принципом для нововведений или реформ образования во всех странах мира. Примерно с середины 1970-х гг. эта идея становится основным направлением реформирования образовательной системы [8].

Наиболее широко понятие «непрерывное образование» сформулировал С.П. Бреев, который определял его «как один из видов социального общения, связанный с удовлетворения ряда потребностей» [9]. Однако в процессе становления в понятии «непрерывного образования» было выделено несколько направлений:

- образование на протяжении всей жизни (life-long learning, LLL);
- образование взрослых (adult education);
- непрерывное профессиональное образование (continuing vocational education and training).

В зависимости от направления непрерывное образование будет иметь свою специфику. Наиболее актуальным и соответствующим современному социокультурному пространству является первое из обозначенных выше направлений (образование на протяжении всей жизни). Прежде всего, потому, что его концепция базируется на таких важных положениях, как самомотивация и положение о том, что «...людям необходимо продолжать учиться, возобновлять свое обучение в течение всей жизни, и не только посредством неформальных (informal) методов, что делает каждый гражданин в любом случае (ежедневное обучение), но и путем неоднократного получения формального (formal) образования, обновления знаний, умений и навыков, присущих уже имеющемуся у человека уровню образования» [10].

Стоит отметить, что концепция непрерывного образования/образование на протяжении всей жизни актуализирует антропологический срез, связанный с двумя важными моментами: 1) формирование идентичности человека; 2) мобильность как способ соответствовать современному культурному пространству.

Понятие идентичности в современной культуре более чем проблемное – сейчас она не может быть сформирована в соответствии с ключевыми ценностными положениями, маркируемыми обществом, – хотя бы потому, что они носят взаимоисключающий характер. Во многом формирование самоидентичности зависит от самого человека, и именно самообразование предзадает векторную направленность этому процессу. Второй из обозначенных моментов напрямую связан с тотальной информатизацией, о которой мы упоминали выше. Человек вынужден усваивать огромные потоки информации, получать необходимые навыки на протяжении всей жизни, чтобы успешно функционировать в современном обществе. Иначе говоря, он должен быть мобилен (и это понятие уже не связано со скоростью перемещения), ориентирован на постоянное изменение, что в итоге становится внутренней потребностью человека, находящегося в непрерывном потоке информации.

В таком ключе феномен «непрерывного образования» представляется нам не только как перманентное обучение, но и как процесс воспитания и самосовершенствования человека. Воспитание должно сформировать в человеке такую черту, как

требовательность, в первую очередь, к самому себе. В своей работе Л.П. Гримак, вспоминая о И. Канте, пишет, что именно воспитание обозначилось в качестве основного метода совершенствования человека, человеческой природы для реализации «идеи человечества». Пройти по этому пути совершенствования человек может только самостоятельно, подчиняясь дисциплине и «моральному закону, открыв который однажды, человек уже не сможет жить иначе» [11, 12]. В трудах других немецких философов также можно встретить подобные размышления. Так, например, в трудах И.-Г. Фихте и Г. Гегеля [13, 14] мы можем увидеть идею о необходимости формирования нравственной воли, которая необходима для создания нравственного идеала при помощи образования и веры. Образование на протяжении всей жизни способствует возвышению человека над своим природным естественным состоянием, а воспитание позволяет выработать необходимые на этом пути нравственные ориентиры.

Человек как субъект культуры в процессе образования и воспитания опирается на общечеловеческие нравственные ценности, а культура задает необходимые образцы нравственного поведения и методы, способствующие формированию целостного представления о мире, которое носит исключительно субъективный характер, опираясь при этом на объективно существующее знание. Развиваясь внутри культуры, человек усваивает эти образцы, преобразовывая их через переживание в свой собственный опыт, свое собственное знание, трансформируясь в целостную личность. Следует отметить, что такого рода преобразование, связанное с усвоением социальных норм и культурных ценностей, не происходит спонтанно, «по определению». Любое новое знание должно быть преобразовано человеком для себя. Поскольку понимание всегда отмечено знаком индивидуального состояния, то «понять», получить новый опыт, новое знание человек может только самостоятельно.

Таким образом, воспитание ставит своей целью формирование мировоззренческой позиции, характера, индивидуальных черт личности, развитие, в то время как обучение, ориентированное на интеллектуальное и познавательное развитие человека, реализуется через разные виды как теоретической, так и практической предметной деятельности. В философской литературе вопросы воспитания рассматриваются под углом зрения становления в человеке человеческого и тем самым определяется важное место системы воспитания и обучения в обществе.

В.Н. Турченко рассматривает непрерывное образование в широком социально-экономическом плане. По его мнению, «непрерывное образование – система пожизненного обучения и воспитания населения, изменяющаяся в соответствии с требованиями научно-технического и социального прогресса, основанная на соединении производственной, учебной, научно-поисковой и общественной

деятельности, имеющая основной целью всестороннее и гармоническое развитие всех членов общества» [15. С. 18].

Ориентируясь на такое определение можно отметить некоторое сходство феномена «непрерывного образования» и «дополнительного профессионального образования». Однако дополнительное образование предполагает совершенствование профессиональных навыков человека в уже выбранном направлении, в то время как непрерывное образование понимается скорее как получение новых знаний и нового опыта на протяжении жизни в разных, возможно не связанных друг с другом, областях.

В России отражение вопроса о непрерывном образовании на уровне законодательства недостаточно четко, поскольку понимание непрерывного образования во всех официальных документах различно, а нормативное определение появилось лишь в сентябре 2005 г. в концепции «Федеральная целевая программа развития образования на 2006–2010 годы», утвержденной распоряжением Правительства РФ. Согласно этой программе, «внедрение моделей непрерывного профессионального образования» должно обеспечивать «каждому человеку возможность формирования индивидуальной образовательной траектории для дальнейшего профессионального, карьерного и личностного роста» [16].

Следует обратить внимание еще на такой немаловажный фактор, влияющий на корректное понимание феномена «непрерывного образования», как понятие «результат обучения» (*learning outcomes*). Это понятие является базовым в рамках Национальной системы квалификаций, которая представляет собой «совокупность механизмов правового и институционального регулирования спроса на квалификации работников со стороны рынка труда и предложения квалификаций со стороны системы образования и обучения».

Результат обучения – это то, что человек освоил в процессе обучения, то, чему он смог научиться, то, какими знаниями, умениями и навыками он овладел. «Если раньше (в рамках индустриальной экономики) необходимым условием для выхода на рынок труда было получение профессионального образования в учебных заведениях, реализующих утвержденные образовательные программы, после чего человек мог трудоустроиться и двигаться по карьерной лестнице, в установленные сроки повышая свою квалификацию, в современном постиндустриальном обществе, основанном на знаниях, практически невозможно приобрести образование, что называется «раз и навсегда» и точно его совершенствовать» [17].

В образовательной модели, ориентированной на 2008–2020 гг. одной из значимых образовательных стратегий также обозначается стратегия «непрерывного образования». Современный мир находится в состоянии постоянного изменения, трансформации, именно поэтому остановка на пути со-

вершенствования обозначает не перерыв в процессе развития, а скорее шаг назад. Обучение в течение жизни понимается необходимым элементом существования современного информационного общества. Все большую роль начинает играть неформальное образование, короткие образовательные программы, позволяющие оперативно восполнить информационные пробелы или восстановить утраченные навыки [18, 19].

Подводя итоги, можно констатировать следующую ситуацию: тематизация непрерывного образования становится все более актуальной как в мировом, так и в российском пространстве. Прежде все-

го, оно необходимо как один из аспектов образовательной модели. Концепция непрерывного образования, которая базируется на фундаментальной идее самосовершенствования человека на протяжении всей жизни, предполагает не только преодоление дискретности самого процесса формирования человека, но и создание необходимых условий для реализации потребности личности в самосовершенствовании в процессе изменения жизненных интересов, выбора жизненных ориентиров, которые обеспечивают это движение. Именно это делает рассматриваемую образовательную модель особенно важной в современной культурной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. URL: <http://philosophy.ru/library/mmk/civiliz.html> (дата обращения: 07.11.2013).
2. Ионин Л. Новая магическая эпоха // Логос. – 2005. – № 5 (50). – С. 23–40
3. Ефременко Д.В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // Вопросы философии. – 2010. – № 1. – С. 49–62.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – 788 с.
5. Степанова С.Н. Компетентностный подход как инструмент модернизации российского образования // Известия Томского политехнического университета. – 2009. – Т. 314. – № 6. – С. 133–136.
6. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). – М.: Изд-во «Совершенство», 1998. – 608 с.
7. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы. Доклад Всемирного банка. – М.: Весь мир, 2003. – 198 с.
8. Гуданис В.И., Лобанов Н.А. Некоторые подходы к периодизации концепции непрерывного образования // Концепция развития Санкт-Петербурга на ближайший и отдаленный периоды с расстановкой приоритетов, основанных на общественном согласии: Матер. III съезда Санкт-Петербургского союза научных и инженерных обществ, посвященного 230-летию научных обществ в России / науч. ред. И.И. Боголепов. – СПб., 1–16 ноября 1995 г. – СПб.: Изд-во СПб Союза НИО, 1996. – С. 259–261.
9. Бреев С.П. Об уровнях и формах непрерывного образования // Проблемы непрерывного образования в современных условиях социального прогресса и научно-технической революции. – М.: Педагогика, 1981. – Ч. 2. – С. 82–84.
10. Зайцева О.В. Непрерывное образование: основные понятия и определения // Вестник ТГПУ. – 2009. – Вып. 7 (85). – С. 106–110.
11. Гримак Л.П. Резервы человеческой психики (Введение в психологию активности). – М.: Изд-во политической литературы, 1989. – 319 с.
12. Kant I. Kritik der praktischen Vernunft. – Hamburg: Meiner, 1990. – 202 p.
13. Fichte J. Gottlieb Reden an die deutsche Nation. – Berlin: L. Heinemann, 1869. – 153 S.
14. Hegel G. Wilhelm Friedrich Berliner Schriften: 1818–1831. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986. – 582 p.
15. Турченко В.Н. Методологические проблемы развития системы непрерывного образования // Актуальные проблемы непрерывного образования. – М.: Педагогика, 1983. – С. 1–28.
16. Постановление Правительства Российской Федерации о «Федеральной целевой программе развития образования на 2006–2010 годы» от 23.12.2005 года. URL: <http://elementy.ru/Library9/p803.htm> (дата обращения: 07.11.2013).
17. Коваленко И.В. Теоретические основы исследования непрерывного образования как инновационной системы // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1–2. – С. 281–287. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-issledovaniya-nepreryvnogo-obrazovaniya-kak-innovatsionnoy-sistemy> (дата обращения: 07.11.2013).
18. Иванова Л.А. История возникновения идеи непрерывного образования и современное состояние проблемы // Образование: исследовано в мире. URL: <http://oim.ru/reader@nomer=490> (дата обращения: 21.09.2013).
19. Герман М.В. Непрерывное образование: эволюция развития, объективная реальность // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. – 2012. – № 2. – С. 148–154.

Поступила 28.11.2013 г.

UPDATING THE CONCEPT OF LIFELONG LEARNING IN MODERN SOCIOCULTURAL SPACE

E.V. Giniyatova, N.M. Pankova

Tomsk Polytechnic University

E-mail: evg@tpu.ru

The relevance of the study is predetermined by a situation of educational space transformation that is aggravated with total informational support of modern culture. In this regard the goal of the study is to consider the concept of lifelong learning as the most fulfilled model of the educational process corresponding to tendencies of modern cultural space. While implementing the goal it was revealed that the rendering of the educational process as an formation instrument of the harmonious personality (position of liberal approach) does not correspond to public needs of the postmodern project, as well as the educational process orientation only on professional training (a position of utilitarian approach). The authors come to conclusion that both earlier- formed approaches should be added with ideas of education throughout all human life (as one line of the lifelong learning concept), providing formation of the holistic personality and giving the opportunity to a person to build own identity, being in postmodern society.

Key words:

Continuous education, character education, training, liberal approach, pragmatic approach.

REFERENCES

- Mamardashvili M.K. *Soznanie i tsivilizatsiya* [Consciousness and civilization]. Available at: <http://philosophy.ru/library/mmk/civiliz.html> (accessed 07 November 2013).
- Ionin L. *Novaya magicheskaya epokha* [New magical era]. *Logos*, 2005, no. 5 (50), pp. 23–40.
- Efremenko D.V. *Kontseptsiya obshchestva znaniya kak teoriya sotsialnykh transformatsiy: dostizheniya i problemy* [Concept of knowledge society as a theory of social transformations: achievements and problems]. *Voprosy filosofii*, 2010, no. 1, pp. 49–62.
- Bell D. *Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya* [Future post-industrial society. Experience social forecasting]. Moscow, Academia, 2004. 788 p.
- Stepanova S.N. *Kompetentnostny podkhod kak instrument modernizatsii rossiyskogo obrazovaniya* [Competence-based approach as an instrument of Russian education modernization]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2009, vol. 314, no. 6, pp. 133–136.
- Gershunskiy B.S. *Filosofiya obrazovaniya dlya XXI veka (V poiskakh praktiko-orientirovannykh obrazovatelnykh kontseptsiy)* [Education philosophy for the XXI century (In search of the practice-oriented educational concepts)]. Moscow, Sovershenstvo, 1998. 608 p.
- Formirovaniye obshchestva, osnovannogo na znaniyakh. Noveye zadachi vysshey shkoly. Doklad Vsemirnogo banka* [Formation of the society based on knowledge. New tasks of the higher school. The report of the World Bank]. Moscow, Ves mir, 2003. 198 p.
- Gudanis V.I., Lobanov N.A. *Nekotorye podkhody k periodizatsii kontseptsii nepreryvnogo obrazovaniya* [Some approaches to periodization of the lifelong education concept]. *Kontseptsiya razvitiya Sankt-Peterburga na blizhayshiy i otdalennyy periody s rastanovkoy prioriteto, osnovannykh na obshchestvennom soglasii: Materialy tret'ego sezda Sankt-Peterburgskogo soyuza nauchnykh i inzhenernykh obshchestv, posvyashchennogo 230-letiyu nauchnykh obshchestv v Rossii* [Proc. of the III St. Petersburg scientific and engineering organizations union congress devoted to the 230 anniversary of scientific organizations in Russia]. Saint-Petersburg, 1–16 November, 1995. Saint-Petersburg, 1996. pp. 259–261.
- Breev S.P. *Ob urovnyakh i formakh nepreryvnogo obrazovaniya* [About levels and forms of lifelong education]. *Problemy nepreryvnogo obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh sotsialnogo progressa i nauchno-tehnicheskoy revolyutsii* [Problems of lifelong education in the current context of social progress and scientific and technological revolution]. Moscow, 1981. P. 2, pp. 82–84.
- Zaytseva O.V. *Nepreryvnoe obrazovanie: osnovnye ponyatiya i opredeleniya* [Lifelong education: main concepts and definitions]. *Vestnik TGPU*, 2009, no. 7 (85), pp. 106–110.
- Grimak L.P. *Rezervy chelovecheskoy psikhiki (Vvedenie v psikhologiyu aktivnosti)* [Reserves of human psyche (Introduction in activity psychology)]. Moscow, Izdatel'svo politicheskoy literatury, 1989. 319 p.
- Kant I. *Gritigie practical reason* [Kritik der praktischen Vernunft]. Hamburg, 1990. 202 p.
- Fichte J.G. *Letters to the German Nation* [Reden an die deutsche Nation]. Berlin, 1869. 153 p.
- Hegel G.W.F. *Berlin letters* [Berliner Schriften]. Frankfurt am Main, 1986. 582 p.
- Turchenko V.N. *Metodologicheskie problemy razvitiya sistemy nepreryvnogo obrazovaniya* [Methodological problems of lifelong education system development]. *Aktualnye problemy nepreryvnogo obrazovaniya* [Actual problems of lifelong education]. Moscow, Pedagogika, 1983. pp. 1–28.
- Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii o «Federalnoy tselevooy programme razvitiya obrazovaniya na 2006–2010 gody» ot 23.12.2005 goda* [The resolution of the Russian Federation government about «The federal Targeted Program of education development for 2006–2010» of 23.12.2005]. Available at: <http://elementy.ru/Library9/p803.htm> (accessed 07 November 2013).
- Kovalenko I.V. *Teoreticheskie osnovy issledovaniya nepreryvnogo obrazovaniya kak innovatsionnoy sistemy* [Theoretical bases of lifelong education research as an innovative system]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki*, 2012, no. 1–2, pp. 281–287. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-issledovaniya-nepreryvnogo-obrazovaniya-kak-innovatsionnoy-sistemy> (accessed 07 November 2013).
- Ivanova L.A. *Istoriya vozniknoveniya idei nepreryvnogo obrazovaniya i sovremennoe sostoyaniye problemy* [Genesis history of the idea of lifelong education and current state of a problem]. *Obrazovanie: issledovano v mire*. Available at: <http://oim.ru/reader?nomer=490> (accessed 21 September 2013).
- German M.V. *Nepreryvnoe obrazovanie: evolyutsiya razvitiya, obektivnaya realnost* [Lifelong education: evolution development, objective reality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universitetata. Ekonomika*, 2012, no. 2. pp. 148–154.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МУЗЕЙНОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВИЗУАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

Е.В. Гиниятова, Е.Е. Ройз

Томский политехнический университет

E-mail: evg@tpu.ru

Актуальность работы предопределена тотальной визуализацией современного культурного пространства, что приводит к ситуации эмоционального отчуждения от большинства визуальных объектов – в том числе и от арт-объектов. Находясь в этом контексте, музеи вынуждены адаптировать новые визуальные стратегии, для того чтобы заинтересовать зрителя и выстроить с ним новое пространство взаимодействия. Было выявлено (на примере Яд Вашем), что реализации этой цели способствует использование интерактивного инструментария, предоставляемого интернет-технологиями. Кроме того, можно наблюдать, как архитектура музея влияет и во многом обуславливает концепцию музейного пространства, что также является дополнительным способом актуализации внимания зрителя. С очевидностью трансформируется и сам характер экспонирования объектов – монологовая структура заменяется диалогом, а линейная концепция представления объектов заменяется нелинейной.

Ключевые слова:

Музей, музейное пространство, визуальность, интерактивность, Яд Вашем, визуальные стратегии.

В современном культурном пространстве постулирование визуального, оптического восприятия уже давно стало общим местом. Окончательная легитимация этого социокультурного тренда произошла с появлением понятия «иконический поворот» [1], благодаря которому визуальное трансформировалось в новый феномен с мощнейшим философско-культурологическим обоснованием. Визуальное всегда присутствовало в культуре – по сути большинство традиционных и нетрадиционных эстетических объектов воспринимаются оптически. Но сейчас, имея приоритетные позиции, о визуальности можно говорить как о генеральной стратегии восприятия и при этом человек оказывается в ситуации «вынужденной визуальной всеядности» [2]. В связи с этим возникает универсальная для культуры проблема активного восприятия визуальных объектов – еще Р. Барт в одном из первых фундаментальных исследованиях «Camera lucida» [3], посвященных фотографии, писал о ее возможности «приключаться» в человеке. Большинство же современных визуальных объектов, и особенно это имеет отношение к арт-объектам, не приключаются. И музеи, как традиционная площадка для экспонирования произведений искусства, вынуждены адаптироваться к этим новым условиям, не отказываясь при этом от одной из своих важнейших функций, связанной с консолидацией огромного количества исторических документов и памятников. Музей призван распространять собранные сведения, и сегодня он продолжает играть огромную роль в сохранении культурно-исторического наследия. Поддержание интереса к деятельности музея может способствовать формированию в обществе интереса к истории и культуре и в конечном счете стать одним из способов преодоления кризиса самоидентификации [4], столь актуального в современное время как для отдельного человека, так и для целых национальностей.

Важная тенденция современного социокультурного пространства, обладающая огромным

трансформационным потенциалом, связана со стремительным развитием технологических гаджетов и повсеместной доступностью интернета. Разумеется, такое культурное явление, как музей, не может не интегрироваться в это виртуальное пространство. Тем более что один из основных упреков традиционному музейному пространству как раз связан с его способностью максимально отчуждать зрителя от экспонируемого объекта, делая его, тем самым, пассивным участником процесса эстетического восприятия. Но справедливо будет отметить, что начиная с авангардных направлений мы можем наблюдать, как менялся характер искусства и как вслед за этим появлялась альтернатива классическому музею как площадки для экспонирования.

Всю деятельность музея обобщенно можно представить как непрерывный процесс, состоящий из следующих этапов: 1) сбор информации из внешней среды (значительная часть этой информации представляется именно визуальными данными – фотографиями, картинками, иконами и др.); 2) внедрение отобранной, отсортированной информации во внешнюю среду (представление экспонатов музея). Конечно, музей должен визуализировать конечный материал таким способом, который соответствует современной ситуации, и развитие информационных и компьютерных технологий в данном случае открывает широкие возможности для реализации этой задачи. Признавая важную роль музеев в сохранении культурного наследия, формирования само- и национальной идентичностей, необходимо отметить потребность изменения схемы коммуникации музея со своими посетителями. Старая схема этой коммуникации, когда посетитель музея читает описания «немых» экспонатов, находящихся под стеклом витрин, преобладающая во внедиалоговом состоянии с объектом, во многом устарела. Современный музей должен стать образовательным, коммуникационным, интерактивным и культурным центром, способным помочь об-

шеству преодолеть исторический и культурный зазоры, как и кризис самоидентификации.

Такого мнения придерживаются многие западные специалисты, работающие в сфере брендинга культурных организаций. Джо Марш, руководитель отдела New business английской компании Jane Wentworth Associates, утверждает, что музеям «нужно отказаться от модели «большой церкви», когда посетитель приходит в большое здание и разглядывает объекты. Все очень изменилось... сейчас все успешные проекты больше направлены на диалог» [5]. По ее мнению, новый уровень диалога между музеем и его посетителями может быть достигнут с помощью использования электронных медиа, а также эффективных решений в области визуализации музейных экспонатов.

На сегодняшний день появилось достаточное количество разнообразных, в том числе и виртуальных, музеев, а существующие музеи активно работают в области расширения видов своей деятельности. Однако в современных условиях недостаточно ориентироваться только на культурную и историческую значимость тех объектов, которые попадают в музей, становятся экспонатами [4, 6]. Одной из важнейших задач музея является поддержание баланса между сохранением достоверности культурно-исторического опыта, с одной стороны, и эффективной визуализацией этого опыта, с другой. Другими словами, эта визуализация культурно-исторического опыта, реализованная с помощью современных технологий, не должна исказить смысловое содержание исторического контекста или вообще его разрушить. К проблемам визуализации можно отнести не только вопросы эффективного представления информации, но и поиск новых способов организации музейного пространства. Сесилия Мартин (представитель компании «Jane Wentworth Associates»), отмечает, что для того, чтобы стать релевантным и актуальным, музей должен превратить свое здание в один из способов коммуникации со своими посетителями, что успешно реализовал, к примеру, музей Гуггенхайма в Бильбао. Кроме этого, само общество требует от музея подвижности и гибкости, поиска способов рассказать о себе людям всего мира. Музей должен стремиться к диалогу с людьми, а не быть лишь стенами и коллекцией старых вещей [5].

Итак, попробуем, опираясь на успешный мировой опыт в области брендинга музеев, назвать основные направления музейной деятельности, которые можно трансформировать, чтобы он успешно функционировал в современных условиях, в том числе и выстраивал новое коммуникативное пространство со зрителем:

- модернизация внешнего вида здания, позволяющая превратить его в одно из средств коммуникации с посетителями;
- широкое внедрение интерактивных представлений, инсталляций, применение мультимедийных средств и творческих новаций в визуализации (представлении) экспонатов;

- замена старой схемы-монолога (посетитель самостоятельно читает подписи к экспонатам) на новую – диалог (активное включение посетителя в диалог, дискуссию);
- проведение разнообразных мероприятий в музее, создание в его стенах научно-образовательных центров и клубов.

Данный перечень может изменяться в зависимости от специфики музея и не является исчерпывающим, однако он показывает общее направление в области усовершенствования работы музея.

Рассмотрим воплощение вышеперечисленных направлений деятельности на примере музейного комплекса «Яд Вашем» [7, 8], находящегося в Иерусалиме. Музей основан в 1953 г. с целью увековечивания памяти евреев-жертв нацистов в период с 1933 по 1945 гг., а также для того, чтобы отдать дань уважения праведникам мира, которые в годы войны спасали евреев. Название музея в переводе с иврита означает «память и имя», что отражает важнейшую идею музея: в еврейской традиции умерший человек не исчезает бесследно до тех пор, пока его имя помнят. 15 марта 2005 г. в Иерусалиме состоялось открытие нового здания музея «Яд Вашем». Причинами послужили, *во-первых*, разрастание архива музея, а *во-вторых*, осознание руководством музея необходимости смены коммуникативных стратегий со зрителем посредством применения более современных выразительных средств визуализации экспонатов. Рассмотрим, как в музейном комплексе были реализованы вышеуказанные направления деятельности.

Музейный комплекс «Яд Вашем» включает 29 зданий и мемориалов. Посетители музея сначала попадают в Информационный центр, сотрудники которого информируют посетителей о музее и помогают выбрать подходящий маршрут. Из Информационного центра в здание Музея истории Катастрофы, где находятся основные экспозиции, можно попасть единственным способом – по узкому каменному мосту, перекинутому над пропастью от одного здания к другому. Создатели музея считали, что нельзя иным способом перенестись в страшное прошлое. Это первое очень сильное впечатление, которое получает посетитель музея. Это хороший пример той организации пространства музея, о котором упоминала Сесилия Мартин. Музей истории Катастрофы – один из ключевых объектов всего комплекса.

Здание этой части музея представляет собой длинную высокую бетонную призму, на вершине которой находится стеклянное окно. Посетитель «Яд Вашема» оказывается в плохо освещенном помещении-лабиринте. От центра к боковым стенам помещение делится на множество отсеков, каждый из которых освещает какую-либо сторону истории. В целом охвачен промежуток истории от прихода Адольфа Гитлера к власти в Германии и до образования государства Израиль. В экспозиции музея представлено множество фотографий, документов, предметов быта, произведений искус-

ства, личных вещей. Посетители знакомятся с множеством личных историй участников событий – это делает историю живой, а восприятие – острым. По мере продвижения по призме-зданию музея, этому лабиринту, посетитель все больше погружается в атмосферу места, начинает чувствовать себя участником исторических событий: «И с каждым шагом всё труднее дышать и всё тяжелее идти, хотя безумно хочется, чтобы всё это поскорее закончилось. Сначала я методично включала свой аудио-гид у каждого экспоната, слушала. Потом почувствовала, что мне достаточно визуальной информации, слушать больше нет сил», – пишет посетительница музея Ирина Левина [9]. В «Яд Вашеме» не используются унифицированные стеклянные витрины. Для того чтобы подчеркнуть ценность каждого экспоната музея, для каждой представленной вещи или фотографии сделаны специальные конструкции и стойки. Используется огромное число экранов и проекторов, на которых транслируются военная хроника и записи интервью участников исторических событий. К концу тоннеля пол начинает подниматься, стены раздвигаются, и истории о пострадавших и погибших сменяются повествованием о спасшихся, о создании государства. Призма здания Музея истории Катастрофы заканчивается большой смотровой площадкой, с которой открывается потрясающая панорама Иерусалима. После того эмоционального потрясения, которое испытывает посетитель музея, едва ли есть лучший вариант вернуться в реальность.

Недалеко от Музея истории Катастрофы находится Зала имен, часть музейного комплекса, где увековечены имена и биографии погибших евреев. Это круглое шатерообразное здание, вдоль стен которого располагается множество полок с личными делами погибших. На полках оставлено свободное место для новых дел – архивы музея постоянно пополняются. В центре зала находится выкопанный котлован, наполненный водой, над ним – шатер с фотографиями. Эти фотографии отражаются в воде, но мутно. Зал имен является выражением миссии мемориального комплекса: сделать четкими все лицо, уходящие вглубь нашей памяти. Визуальное воплощение Зала имен оставляет очень сильное впечатление.

На территории «Яд Вашема» располагается Детский Мемориал – это пещера, вырубленная в скале. Посетители, заходя в нее, оказываются в абсолютно темном зале с множеством зеркал и видят в этих зеркалах тысячи отражений свечей. Душа человека часто сравнивается со свечей в еврейской традиции, и Детский Мемориал призван увековечить память 1,5 миллионов детей, ставших жертвами Холокоста. В помещении звучит зациклен-

ная запись с именами погибших детей, место рождения и возраст. Гид просит посетителей постараться запомнить хотя бы одно имя.

Знаменитая Аллея Праведников мира, где посадил дерево Оскар Шиндлер, также находится на территории мемориального комплекса. С 1962 г. более 22000 человек были удостоены звания Праведников народов мира за то, что во время войны спасали евреев, часто рискуя собственной жизнью. Эта аллея – памятник мужеству, стойкости и умению сохранить человеческое достоинство в самых чудовищных условиях.

В «Яд Вашеме» ведется серьезная работа в области международного сотрудничества. Посетители сайта мемориального комплекса могут задать вопросы сотрудникам музея, узнать много информации об истории Холокоста, судьбах людей; работает система поисковых запросов, позволяющая найти данные о родственниках, пострадавших во время войны. На базе мемориального комплекса «Яд Вашем» функционирует Центр изучения катастрофы, в стенах которого людям всего мира предоставляется возможность изучать тематические, морально-этические, исторические и другие аспекты Холокоста. В этом реализуется возрастающая социокультурная роль музея вообще как образовательно-воспитательного центра. Эта цель достигается за счет создания внутримузеевских и околomuзейных структур.

Ежегодно музейный комплекс «Яд Вашем» посещает более миллиона человек (порядка 3000 человек ежедневно), приезжающих со всего мира. Посетители могут по собственному желанию жертвовать средства на содержание музея, но вход в него бесплатный. Музейный комплекс успешно реализует на практике направления деятельности в области организации работы, широкого использования современных технологий визуализации информации, готовности к сотрудничеству. Многие музеи мира, опираясь на опыт «Яд Вашем», смогут привлечь в свои стены посетителей и успешно выполнять задачу поддержания интереса к истории, сохранения культурного наследия и формирования национальной самоидентичности.

Таким образом, проанализированный пример новой организации музейного пространства с очевидностью демонстрирует, что современные визуальные стратегии, связанные, прежде всего, с интерактивным интернет-пространством, влияют на коммуникативное и экспозиционное пространство музея. В частности, для экспозиций характерна нелинейная организация, архитектурное пространство музея способствует как актуализации социокультурных функций последнего, так и активизации внимания – восприятия самого зрителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bohm G. Die Wiederkehr der Bild // Was ist ein Bild? – Munchen: Wilhelm Fink Verlag, 1994. – 305 p.
2. Хомякова Е.И. Спектакулярность как доминирующая черта современного жизненного стиля российской молодежи: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук // Авторефераты и темы диссертаций DisCollection.ru URL: http://discollection.ru/article/21112013_149386_homjakova (дата обращения: 15.11.2013).
3. Барт Р. Camera lucida. – М.: Ad Marginem, 1997. – 223 с.
4. Мастеница Е.Н. Музей в современной социокультурной ситуации // Современный музей как важный ресурс развития города и региона: тезисы Междунар. научно-практ. конф. – Казань, 12–17 сентября 2005 // Музеология. Культурология. URL: http://www.bvahan.com/museologypro/muzeevedenie.asp?li2=1&c_text=18 (дата обращения: 15.11.2013).
5. Каким должен быть музей: воркшоп Джо Марш и Сесилии Мартин из Jane Wentworth Associates // Теории и практики. 2009–2013. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/6587-ka>

6. Хитарова И.Ю. Методика включения музея в систему информационной безопасности социально-культурной сферы // Этносоциум. URL: <http://etnosocium.ru/khitarova-i-yu-metodika-vklyucheniya-muzeya-v-sistemu-informatsionnoi-bezopasnosti> (дата обращения: 15.11.2013).
7. Официальный сайт «Яд Вашем». 2013. URL: <http://www.yadvashem.org/> (дата обращения: 15.11.2013).
8. Яд Вашем // Википедия – свободная энциклопедия. 2013. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D0%B4_%D0%B2%D0%B0-%D0%A8%D0%B5%D0%BC (дата обращения: 15.11.2013).
9. Левина И. Музей «Яд Вашем» // Израиль. 2000. URL: <http://www.aboutisrael.ru/str/49/> (дата обращения: 15.11.2013).

Поступила 28.11.2013 г.

UDC 304.2

TRANSFORMATION OF MUSEUM SPACE IN NEW VISUAL STRATEGIES

E.V. Giniyatova, E.E. Royz

Tomsk Polytechnic University
E-mail: evg@tpu.ru

Relevance of the study is predetermined by total visualization of modern cultural space that leads to emotional alienation from the majority of visual objects, including art facilities. Being in this context, museums have to adapt new visual strategies to interest a viewer and to build a new interaction space. It was ascertained (through the example of Yad Vashem) that the use of interactive tools provided by Internet technology promotes this goal implementation. In addition, you can see how museum architecture affects and determines to a great extent the concept of museum space, which is also an additional means to update a viewer's attention. It is evident that the very nature of exposing objects is transformed – a monologue structure is replaced by a dialogue and linear object representation is replaced by non-linear concept.

Key words:

Museum, museum space, visuality, interactivity, Yad Vashem, visual strategy.

REFERENCES

1. Bohm G. Die Wiederkehr der Bild [Return image]. *What is an image?* [Was ist ein Bild?]. Munchen, Wilhelm Fink Verlag, 1994. 305 p.
2. Khomyakova E.I. *Spektakulyarnost kak dominiruyushchaya cherta sovremennogo zhiznennogo stilya rossiyskoy molodezhi: sotsialno-filosofskiy analiz*. Avtoreferat diss. kand. filosof. nauk [Spectacle as the dominant feature of the modern lifestyle of the Russian youth: social and philosophical analysis. Cand. phyl. sci. diss. abstract]. DisCollection.ru Available at: http://discollection.ru/article/21112013_149386_homjakova (accessed 15 November 2013).
3. Bart R. *Camera lucida*. Moscow, Ad Marginem, 1997. 223 p.
4. Mastenitsa E.N. *Muзей v sovremennoy sotsiokulturnoy situatsii* [Museum in modern sociocultural situation]. *Sovremennyy muзей kak vazhnyy resurs razvitiya goroda i regiona. Tezisy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsi* [Contemporary museum as an important resource for the development of the city and region. Proc. the International Scientific and Practical Conference]. Kazan, 12–17 September 2005. Available at: http://www.bvahan.com/museologypro/muzeevedenie.asp?li2=1&c_text=18 (accessed 15 November 2013).
5. *Kakim dolzhen byt muzey: vorkshop Dzho Marsh i Sesiili Martin iz Jane Wentworth Associates* [What should be the Museum: Workshop of Joe Marsh and Cecilia Martin of Jane Wentworth Associates]. *Teorii i praktiki* [Theories and practices]. Available at: <http://theoryandpractice.ru/posts/6587-kakim-dolzhen-byt-muzey-vorkshop-dzho-marsh-i-sesili-martin-iz-jane-wentworth-associates> (accessed 15 November 2013).
6. Khitarova I.Yu. *Metodika vklyucheniya muzeya v sistemu informatsionnoy bezopastnosti sotsialno-kulturnoy sfery* [Technique of incorporating museum in information security system of socio-cultural sphere]. *Etnosotsium*. Available at: <http://etnosocium.ru/khitarova-i-yu-metodika-vklyucheniya-muzeya-v-sistemu-informatsionnoi-bezopasnosti> (accessed 15 November 2013).
7. *Yad Vashem*. Available at: <http://www.yadvashem.org/> (accessed 15 November 2013).
8. *Yad Vashem*. Wikipedia. Available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D0%B4_%D0%B2%D0%B0_%D0%A8%D0%B5%D0%BC (accessed 15 December 2013).
9. Levina I. *Muзей «Yad Vashem»* [Yad Vashem]. *Izrail* [Israel]. Available at: <http://www.aboutisrael.ru/str/49/> (accessed 15 November 2013).

История

УДК 929.2.; 94.(47)

САМОДЕРЖАВИЕ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ

Б.Н. Земцов

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
E-mail: zemtsovbn@mail.ru

Предпринята попытка проследить генезис национального политического режима, выявить степень закономерности авторитаризма в России. С одной стороны, эта попытка вызвана наличием в существующей историографии уязвимых положений. С другой стороны, за последние годы в науке накопились новые методологические подходы, на которые автор предлагает обратить внимание. Автор считает, во-первых, что к началу XX в. политический режим России оставался самодержавным, но его нельзя сводить к личной политике главы государства. Во-вторых, этот режим трансформировался быстрее, чем политические представления основных социальных слоев, для которых новые демократические политические институты были еще непривычны. В-третьих, стоит очень осторожно относиться к оценке последующих политических процессов. Их нельзя сводить к личной политике большевистских, советских, лидеров. Так, политический режим 30–40-х гг. XX в. в очень большой мере был вызван геополитическими интересами страны и политической культурой дореволюционной России, где отсутствовал механизм влияния на власть.

Ключевые слова:

Самодержавие, политический режим, авторитаризм, национальная ментальность, история российской политики.

Конечным результатом работы любого ученого является выявление закономерностей изучаемого объекта. В истории это достигается только на уровне анализа развития социально-политических институтов. В России наиболее крупным социально-политическим институтом является государство. Его самодержавная форма возникла в XVI в.

Предпосылки самодержавия сформировались еще в княжение Ивана III. Тогда оно трактовалось как первенство московского князя среди остальных князей северо-восточной Руси. В начале XVI в. ситуация изменилась, а вместе с ней и трактовка – данная политическая система стала восприниматься как независимость Московской Руси от внешних врагов. Между тем страна находилась в условиях тяжелейшего внешнеполитического положения. Отсутствие (помимо государства) политических институтов, способных возглавить оборону, привело к тому, что эту задачу взяло на себя государство, выполнило ее путем концентрации всех возможностей общества, но социально-политические свободы были сведены к минимуму. В этих условиях произошло третье изменение содержания понятия «самодержавие» – независимость от общества.

Первую юридически закреплённую формулу самодержавия дал Петр I. В толковании к

арт. 20 Воинских уставов он повелел записать: «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах отчет дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомыслию управлять» [1. С. 327]. Скорее всего, эта довольно резкая формула возникла в силу характера Петра I. Остальные самодержцы были не столь категоричны, но свое место в политической системе и государстве осознавали совершенно ясно.

Наследников престола с детства готовили к выполнению их предназначения психологически, а с момента совершеннолетия – вводили в члены высших государственных органов. Так, великий князь Александр Николаевич в 1834 г. был назначен присутствующим в Сенате, в 1835 г. – членом Синода, в 1839 г. – присутствующим в Государственном Совете, в следующем году – в Комитете министров. В 1841–1842 гг. стал полноправным членом всех этих государственных органов. Таким образом, к моменту восшествия на престол большинство монархов обладали опытом крупных государственных чиновников. Но добросовестно относились к своим обязанностям даже те, кого не готовили в юности к престолу. Так, рабочий день Николая I обычный начинался в 7 утра и длился порой до глубокой ночи. Он не просто присутство-

вал на заседаниях высших правительственных органов, а старался вникнуть в суть рассматриваемых проблемы. Осмотр больниц, тюрем, учебных заведений был для него обычным делом.

Основу политики российских самодержцев составлял прагматизм, базирующийся на знании реальных социально-экономических процессов и средств, имеющихся для решения возникших задач. Прагматизм определял и их отношение к другим политическим системам.

Первым и достаточно ярким подтверждением этого являются ремарки Екатерины II на полях книги А.Н. Радищева. Хотя государыня в начале своего правления сама и спровоцировала дискуссию о желательности вестернизации России, по мере накопления политического опыта ее взгляды менялись. Возможность и необходимость реформ для нее становилась все менее очевидной. Она знала, сколь сложен социально-политический организм огромной страны, поэтому и написала на полях книги А.Н. Радищева: «Если мы будем менять все то, что создано и устроено в мире вследствие долгого опыта и согласно требованиям всего прошлого, а не слепому произволу, – это поведёт только к ухудшению, потому что «лучшее» – враг существующего «хорошего»» [2. С. 617].

Разумеется, политика российской власти определялась не только прагматизмом. На протяжении XVIII–XIX вв., в зависимости от ряда обстоятельств, власть балансировала между двумя политическими доктринами: самодержавным абсолютизмом и соборным абсолютизмом [3. С. 97–100].

В течение XVIII–XIX вв. условия, которые способствовали возникновению самодержавного политического режима, прекратили свое существование. Однако основная причина сохранения самодержавия не была устранена: за эти 400 лет гражданское общество так и не возникло. В результате политическая система менялась крайне медленно.

В центре этой системы находился государь. Нет ни одного царя, в отношении которого историки достигли бы единства взглядов, тем более его нет в оценках царствования Николая II. Большинство современных историков считает, что личные качества Николая II не соответствовали выпавшим на его царствование задачам, что он плохо понимал время, в котором ему довелось царствовать, и свою роль, что у него не хватало ни таланта, ни знаний, чтобы править. Между тем, еще в начале XX в. большинство историков пришло к мнению, что самодержавие не является синонимом понятия «неограниченная монархия». При всем том, что каждое правление несло черты личности государя, не они определяли основные направления внешней и внутренней политики.

Еще советские историки в 60–80-е гг. отмечали, что между государем и правительством в XIX в. сложился определенный механизм взаимоотношений. В частности, поскольку государи не всегда профессионально разбирались в том или ином вопросе, установилась практика, когда подпись царя

(например, на министерском документе) подтверждалась подписью министра, в ведении которого находилось решение этой проблемы. Данная практика была призвана предотвратить появление некомпетентных решений царей. Разумеется, эта традиция, в определенной мере, ущемляла их самолюбие, поэтому, если изначально царь знал, что министр придерживается иного мнения, он заставлял под своей подписью расписываться того министра, который не станет возражать и спорить [4].

К этому же выводу пришел современный историк К. Соловьев. Он достаточно аргументировано доказывает, что вмешательство монархов «в систему управления очень и очень ограничено... Вся система управления в России была устроена так, что все основные решения в области внутреннего управления принадлежали высшим государственным чиновникам. И император, по большому счету, чаще всего в эти решения просто не вмешивался» [5].

Определенная доля политической ответственности за происходившее в стране ложится на окружение царей, в частности на членов императорской фамилии.

К началу XX в. императорская фамилия состояла приблизительно из 300 человек – великих князей и великих княгинь, князей и княгинь императорской крови. В масштабах страны это была мизерная по численности, но влиятельная группа лиц. Помимо государственной, она играла большую роль в общественной сфере, возглавляла большое число научных, благотворительных и культурных общественных организаций [6]. Подавляющее большинство членов императорской фамилии относилось к своим обязанностям добросовестно. Д.М. Софьин выделяет такие компоненты сознания членов императорской фамилии, как идея служения Отчизне, необходимость самоограничения, публичность, патернализм [7]. В советской историографии считалось, что это была абсолютно консервативная среда. Но, например, И.И. Несмеянова, Д.М. Софьин эту точку зрения не разделяют. Так, И.И. Несмеянова пишет, что, будучи составной частью общества, императорская фамилия как политический институт эволюционировала вместе с ним [8]. Д.М. Софьин полагает, что с царствования Александра II, под влиянием общественного недовольства, революционного террора, в этой среде началась переоценка ценностей и взглядов [7]. Например, для мужской половины императорской фамилии обязательным было образование военное. Но на рубеже веков некоторые представители фамилии пытались выйти за эти рамки и заниматься интересующим их делом. Так, отдельные князья после окончания военного учебного заведения добивались права поступить в гражданское. Преодоление изолированности от других слоев общества происходило и путем заключения морганатических браков.

Конечно, темпы подвижек в мировосприятии представителей императорской фамилии не соответствовали политической ситуации. Это был по-

литический институт вчерашнего дня, и в этом качестве императорская фамилия вносила в политическую жизнь страны много негативного. Например, государственная служба членов императорской фамилии существенно отличалась от службы простых чиновников:

- для великих князей не существовало общепринятых правил чинопроизводства;
- на возглавлявшиеся ими ведомства не распространялся контроль вышестоящего начальника;
- получаемый членом императорской фамилии высокий пост первоначально никак не соответствовал их возрасту и опыту;
- получив свой пост, царский родственник мог занимать его практически пожизненно;
- «очень частым для царских родственников было совмещение нескольких должностей, нередко никак не связанных между собой. Нахождение на двух должностях было нормой, а великие князья нередко занимали до 4 реальных постов, не считая почетных, не связанных с конкретными обязанностями» [9. С. 38–41].

Царь и его окружение, конечно, несли ответственность за все, что происходило в стране. Но радикально улучшить политический климат в стране, устранить основные причины массового недовольства они не могли.

Массовый психологический дискомфорт был логическим результатом реформ Александра II, после которых страна вступила в период ускоренной модернизации, а общество – в полосу маргинализации: старые духовные ценности разрушались, а для формирования новых нужно было время. В начале XX в. о безысходности политической ситуации заговорили даже монархисты. «Дело не в гибели флота... но ведь и вообще все гибнет... – писал после цусимской катастрофы крупнейший теоретик монархизма Л.А. Тихомиров. – Ах, как мне жаль этого несчастного царя! Какая-то искупительная жертва за грехи поколений. Но Россия не может не желать жить, а ей грозит гибель, она прямо находится в гибели, и царь бессилен ее спасти, бессилен делать то, что могло бы спасти его и Россию! Что ни делает, губит и ее, и его самого» [10. С. 71]. Если к началу первой мировой войны существующим строем оказались недовольны интеллигенция, рабочие, крестьяне и буржуазия, то в годы войны к ним прибавились генералитет, церковь и даже члены императорской фамилии. Но недовольство строем совершенно не означало готовность жить в иной политической системе. Уровень же зрелости гражданского общества России в начале XX в. большинством современных историков оценивается как низкий.

К началу XX в. существовали важные элементы гражданского общества в виде либеральной интеллигенции, земств и городских дум, буржуазных организаций, нелегальных революционных партий. Однако дальнейшее расширение демократии (на чем настаивали либералы (и что воплотили в жизнь социалистические партии в 1917 г.) означало во-

влечение в политическую жизнь не только образованных слоев обеих столиц, губернской и сельской интеллигенции, но и многомиллионных масс, политическая культура которых вызывала у власти большую тревогу. Власть опасалась развития демократии в маргинальном обществе: в случае демократизации политического режима не было никакой гарантии в том, что страна выберет путь капиталистической Европы (то есть сделает шаг вперед). Поэтому на политические уступки она пошла лишь в условиях революции 1905–1907 гг.

В апреле 1907 г. в истории России произошло одно из самых важных событий – монархия из абсолютной превратилась в конституционную. Но либералы считали, что этого недостаточно, а социалисты, – что это обман.

Содержание парламентаризма в значительной мере определяется не столько нормативно закрепленным местом парламента в системе органов государственной власти и его ролью в решении социально значимых вопросов, сколько уровнем самосознания народа в целом и ее политической элиты в частности. Либерализм, конституционализм, парламентаризм – все эти политические институты и ценности были результатом очень дорогого по своей социальной цене исторического опыта Западной Европы. Российская же оппозиция получила знания об этих институтах в виде готовых идей, не имея возможности обсудить – каким социальным группам и слоям это нужно?

Парламентаризм на Западе наряду со своей основной законодательной функцией являлся социально-политическим стабилизатором, успокоителем общества. Наша же Дума эту функцию выполнить не смогла. Став в 1906 г. одной из ветвей власти, депутаты начали борьбу с другой. Разумеется, между законодательной и исполнительной властью может существовать несовпадение взглядов по конкретным вопросам государственной политики. Однако готовность к компромиссам должна была превалировать. Ни первая, ни вторая Государственная дума к сотрудничеству с правительством оказались не готовы. В пылу революционной борьбы депутаты не заметили, что власть к сотрудничеству как раз стремится. Основным требованием депутатов первой и второй Государственной Думы к правительству стали максимальная демократизация страны и решение аграрного вопроса в соответствии с представлениями крестьян. Но то, чего депутаты добивались в сфере политики, существовало лишь в некоторых небольших государствах Европы.

Одна из основ демократии – прямые, тайные, равные избирательные права – появятся в основном после первой мировой войны. Международных стандартов демократических выборов вплоть до второй половины XX в. не существовало. В Европе даже на уровне ученых-конституционалистов до первой мировой войны всеобщее избирательное право отнюдь не рассматривалось как базовая политическая ценность. Например, в Германии развитие избирательного права сдерживалось опасениями вла-

сти, что его расширение в неподготовленном обществе может принести вред. Доминировало мнение, что лица, не имеющие собственности, не должны иметь избирательные права. Поэтому вполне логично, что в России власть не могла придавать конституции и связанным с нею институтам значение базовой ценности. Для государя, правительственных и придворных кругов всегда было Государство, Отечество. И ориентация оппозиционных и революционных сил на политические институты Запада правительство раздражало и пугало. Кроме того, в XIX – начале XX вв. европейские формы государственного устройства и политические режимы отнюдь не воспринимались властью как более совершенные. Да и не было у власти необходимости на кого-либо ориентироваться: Россия в глазах правительственных и придворных кругов представляла ценность сама по себе.

Российские депутаты-оппозиционеры на волне революции 1905–1907 гг. вступили в борьбу с правительством, плохо понимая, что может последовать за их действиями. Высшей степенью непонимания сложности исторических процессов стал отказ большинства депутатов осудить революционный террор: депутаты отстаивали право на политические убийства.

Посмотрев действие избирательного закона на практике, П.А. Столыпин пришел к выводу, что закон должен быть таким, чтобы в результате его действия в Думе образовалось большинство, способное к законодательной работе, а не к политической борьбе. При этом премьер министр отнюдь не стремился к устранению из Думы оппозиционных политических сил. Государь с предложением П.А. Столыпина согласился [11. С. 33–37].

От всех этих политических дискуссий и борьбы подавляющая масса народа была крайне далека. Но государство в глазах народных масс ассоциировалось с Помазанником Божьим – Царем, который в марте 1917 г. был свергнут. В этих условиях развал государства и страны становился неизбежным. Основной политической оппонент Николая II – депутаты Государственной думы – сохраняли власть до конца лета, да и то в столице. На региональном же уровне их власть продержалась буквально один месяц. В марте 1917 г. место губернаторов заняли присланные Временным правительством комиссары. Однако в апреле поднялась первая волна перевыборов, в мае – вторая. Основную причину своих бед народные массы видели в плохих комиссарах, поэтому и выбранные вскоре оказались неприемлемыми. Перевыборы практически везде превратились чуть ли не в перманентный процесс, увеличивая с каждым разом степень плебейзации местных органов власти. Летом 1917 г. комиссарская чехарда прекратилась. Это произошло не потому, что массы наконец-то добились желаемого, а потому, что разочаровались в демократическом политическом механизме. Они потеряли к нему интерес и стали добиваться решения своих проблем, не обращая внимания на власть. Осенью 1917 г. власть в столицах и многих губернских

центрах перешла к социалистическим партиям: эсерам, большевикам и меньшевикам.

В октябре 1917 г. в истории России начался новый период. В отечественной историографии 90-х гг. XX в. оценка действий большевиков была резко отрицательной. Хотя сегодня политика большевиков оценивается более взвешено, единой точки зрения на революцию и гражданскую войну не существует. Ряд исследований последних лет позволяет предположить, что основная причина ликвидации демократических завоеваний 1917 г. в течение первой половины 1918 г. была связана не с доктринальными установками большевиков, а с отсутствием гражданского общества на местном, региональном уровне [12].

К началу XX в. национальная политическая культура представляла собой единство двух составляющих: самодержавия и общности. Вторая составляющая на теоретическом уровне была обоснована народниками в 70-е гг. XIX в. Как политический идеал народнический коллективизм совпал с марксистской теорией безгосударственного социалистического строя, именно его и создали большевики в октябре–декабре 1917 г.

- на основании решения II Всероссийского съезда Советов вся власть в губернских и уездных городах была передана местным Советам;
- в соответствии с декретом того же съезда и «Ответа В.И. Ленина на запросы крестьян о переходе власти к Советам и задачах Советов крестьянских депутатов и волостных земельных комитетов» (от 5 ноября 1917 г.) вся власть в деревнях передавалась непосредственно крестьянам;
- в соответствии с «Положением о рабочем контроле» от 14 ноября 1917 г. власть на всех промышленных и транспортных предприятиях переходила в руки фабрично-заводских комитетов.

Однако к осени 1918 г. от этой системы самоуправления народа ничего не осталось. На той территории, которую контролировали большевики, власть оказалась в руках местных комитетов РКП (б) и работавших под их руководством ревкомов.

Большевики считали, что созданный ими политический режим явился результатом «гражданской войны и разорения», и определяли его как «военный коммунизм» (то есть вынужденный). В действительности же его внутренняя природа и причины были более сложными, чем их воспринимали его создатели. В глазах населения целых регионов большевики не являлись легитимной политической силой, поэтому восстановление государственности, страны и экономики во многом можно было сделать лишь с применением силы. Ради этого восстановления РКП (б) летом 1918 г. ликвидировала систему Советов как основу местного сепаратизма, узурпировала их полномочия.

Большевики были едины в борьбе с политическими противниками. Осенью 1917 – весной 1918 гг. ими оказались кадеты, потом эсеры и меньшевики, со второй половины 1918 г. – белое движение, церковь, интеллигенция. Однако к концу

Гражданской войны демократия исчезла уже в самой партии. На теоретическом уровне в 1921 г. (на X съезде партии) это попытался объяснить Н.И. Бухарин: «Формы демократии идут в убывающем порядке в зависимости от двух обстоятельств: во-первых, от социально-классового состава данной организации..., во-вторых, этот демократизм еще определяется в зависимости от функций тех аппаратов, которые имеются в виду, чем больше функций воспитательных и функций лабораторно-мыслительных (подготовка ее и т. д.), тем больше демократизм необходим, и наоборот, чем больше административных функций, тем меньше демократизма» [13. С. 272]. К 1923 г. недовольство внутрипартийными отношениями разрослось до реальной внутрипартийной борьбы. К этому времени за работу партийного аппарата и кадровую политику отвечал И.В. Сталин. В 1923 г. в ответ на выступления Л.Д. Троцкого и «Заявление 46» он язвительно заметил: «Я далек от того: чтобы отрицать значение перевыборов под углом зрения демократизма в деле улучшения нашей внутрипартийной жизни. Но видеть в этом основную гарантию – значит не понимать ни внутрипартийной жизни, ни ее недочетов. В рядах оппозиции имеются такие, как Белобородов, «демократизм» которого до сих пор остается в памяти у ростовских рабочих; Розенгольц, от «демократизма» которого не поздоровилось нашим водникам и железнодорожникам; Пятаков, от «демократизма» которого не кричал, а выли весь Донбасс; Альский, «демократизм» которого всем известен; Бык, от «демократизма» которого воет Хорезм. Думает ли Сапронов, что если нынешних «партийных педагогов» сменят поименованные выше «уважаемые товарищи», демократия внутри партии восторжествует? Да будет мне позволено несколько усомниться в этом» [14. С. 380–382].

В начале 30-х гг. XX в. сложился политический режим, который в публицистике стал определяться как «сталинизм». При всем различии самодержавия и сталинизма, они были едины в своем недемократизме. Некоторые современные исследователи усматривают корни этого еще в политике В.И. Ленина. Но, как и в случае с Николаем II, вряд ли политические тенденции огромной страны стоит сводить к личной политике главы государства. Сталинизм не являлся регенерацией самодержавия. В определенной степени на политическую культуру советского народа оказывали влия-

ние дореволюционные политические традиции – соборность и самодержавие. Но основные причины сталинизма лишь отчасти связаны с дореволюционной политической культурой. Можно предположить, что это был итог вытеснения в сознании И.В. Сталина и его окружения социалистических задач задачами геополитики. Не случайно в выступлениях И.В. Сталина на XVI–XVIII съездах ВКП (б) и всех его статьях 30-х гг. так много внимания уделялось международной обстановке. Задачу превращения СССР в великую державу И.В. Сталин решил. Вопрос – можно ли было этого достичь другими политическими средствами – остается дискуссионным.

В дореволюционной и советской историографии к российской монархии как форме организации власти и политическому режиму сложилось стереотипно негативное отношение. Однако оценка самодержавия зависит не только от анализа ее самой, но и степени эффективности других систем. Речь не только о необходимости сравнительного анализа самодержавной и советской систем, степени их объективности, но и готовности России к принятию западных социально-политических ценностей, которыми наше общество увлеклось на рубеже 80–90-х гг. XX в. Подтекстом многих работ звучит мысль об обрыве большевиками прогрессивного развития самодержавной России в 1917 г., о большевистском перевороте, об искусственности их политического режима. Но, например, Н.Б. Комова отмечает, что «идея правового государства и либеральной демократии не является вершиной политико-правового творчества». К «призывам» не только зарубежных, но и отечественных правоведов (философов, политологов) через унификацию и «стандартизацию» ключевых правовых и политических институтов прийти к созданию так называемого «современного государства», которое должно быть однотипным для всех «цивилизованных стран», следует относиться очень осторожно [15]. Поэтому можно говорить о политическом несовершенстве и экономической неэффективности в сравнении с политической и экономической системами Запада вообще, но конкретно в тех исторических условиях Россия могла иметь ту политическую систему, которая формировалась в течение столетий. По крайней мере, историки продолжают заниматься выявлением степени его закономерности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма – М.: Юрид. лит., 1986. – 512 с.
2. Екатерина. Собрание сочинений. – СПб., 1907. – Т. 12. – 852 с.
3. Асонов Н.В. Политические доктрины российского самодержавия как фактор целостности национального государства // Власть. – 2009. – № 3. – С. 97–100.
4. Шумилов М.М. Царские отметки на всеподданнейших отчетах российских губернаторов в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. // Вестник новгородского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 1995. – № 2. – С. 56.
5. Николай II – достойный правитель или лидер, приведший страну к краху? URL: <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=3&id=72> (дата обращения: 12.06. 2013).
6. Василенко С.А. Императорская фамилия в России конца XIX – начала XX века: имущественное положение и общественная деятельность: дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 2007. – 214 с.
7. Софьин Д.М. Политико-династические представления российских консерваторов и членов императорского дома, конец XIX – начало XX века: автореф. дисс. ...канд. ист. наук. – Пермь, 2010. – 30 с.
8. Несмеянова И.И. Российский императорский двор первой половины XIX века: дисс. ...канд. ист. наук. – Челябинск, 2002. – 314 с.

9. Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия на военной службе // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 2. – С. 38–41.
10. 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. – 1930. – № 2. – С. 47–75.
11. Земцов Б.Н. Третьеиюньский переворот // История государства и права. – 2011. – № 14. – С. 33–37.
12. Кашликов А.С., Лагутин В.В. К вопросу о конфликте представителей центральных органов и местных органов власти после февральской революции 1917 г. на территории Орловской губернии // История государства и права. – 2009. – № 14. – С. 34–36.
13. Десятый съезд РКП (б). Март 1921 г. Стенографический отчет. – М., 1963. – 727 с.
14. Сталин И.В. О дискуссии, о Рафаиле. О статьях Преображенского и Сапронова и о письме Троцкого // Сочинения: в 18 т. Т. 5. – М., ОГИЗ, 1952. – 448 с.
15. Комова Н.Б. Монархическая власть в консервативных государственно-правовых учениях России XVIII–XX вв.: дисс. ... д-ра юр. наук. – Нижний Новгород, 2012. – 345 с.

Поступила 17.06.2013 г.

UDC 929.2.; 94.(47)

AUTOCRACY AS A NATIONAL POLITICAL REGIME

B.N. Zemtsov

Bauman Moscow State Technical University
E-mail: zemtsovbn@mail.ru

The author has attempted to trace the genesis of national political regime and to determine the level of regularities of autocracy in Russia. On the one hand this attempt is caused by the presence of fragile positions in current historiography. On the other hand science has accumulated new methodological approaches for the recent years and the author proposes to pay attention to them. First of all the author considers that by the beginning of the XX century there was autocracy in Russia but it cannot be reduced to personal politics of the head of the state. Secondly, this regime was transformed faster than political ideas of the main social strata which had not got used to democratic political institutes. Thirdly, further political processes should be carefully assessed. They cannot be reduced to personal politics of Bolshevik soviet leaders. The political regime of 30–40-s of the XX c. was caused to a great extent by geopolitical interests of the country and political culture of pre-revolutionary Russia where there was no mechanism of impact on power.

Key words:

Autocracy, political regime, authoritarianism, national mentality, history of Russian policy.

REFERENCES

1. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov [Russian legislation of the X–XX centuries]. *Zakonodatelstvo perioda stanovleniya absolyutizma* [The legislation of the period of formation of absolutism]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1986. Vol. 4, 512 p.
2. *Ekaterina* [Ekaterina. Collected works]. Saint Petersburg, 1907. Vol. 12, 852 p.
3. Asonov N.V. Politicheskie doktriny rossiyskogo samodержавiya kak faktor tselostnosti natsionalnogo gosudarstva [Political doctrines of the Russian autocracy as factor of integrity of the national state]. *Vlast*, 2009, no. 3, pp. 97–100.
4. Shumilov M.M. Tsarskie otmetki na vsepoddanneyshikh otchetakh rossiyskikh gubernatorov v 50 – nachale 80 XIX veka [Imperial marks on the vsepoddanneyshikh reports of the Russian governors in the 50th – the beginning of the 80th of the XIX century]. *Vestnik Novgorodskogo universiteta. Humanities*, 1995, no. 2, pp. 56.
5. *Nikolay II dostoinnyy pravitel ili lider privedshiy stranu k krakhu?* [Nikolay II is the worthy governor or the leader who has given the country to crash?] URL: <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=add&cat=3&id=72> (accessed 12 June 2013).
6. Vasilenko S.A. *Imperatorskaya familiya v Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: imushchestvennoe polozhenie i obshchestvennaya deyatel'nost'* Dis. kand. ist. nauk [Imperial surname in Russia of the end XIX – the beginning of the XX century: property status and public work. Cand. ist. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2007. 214 p.
7. Sofyin D.M. *Politiko-dinasticheskie predstavleniya rossiyskikh konservatorov i chlenov imperatorskogo doma, konets XIX – nachalo XX veka* Avtoref. dis. kand. ist. nauk [Political and dynastic representations of the Russian conservatives and members of the imperial house, the end of XIX – the beginning of the XX century. Cand. ist. sci. diss. abstract]. Perm, 2010. 30 p.
8. Nesmeyanova I.I. Rossiyskiy imperatorskiy dvor pervoy poloviny XIX veka *Avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Russian imperial yard of the first half of the XIX century Cand. ist. sci. diss. abstract]. Chelyabinsk, 2002. 314 p.
9. Kuzmin Yu.A. Rossiyskaya imperatorskaya familiya na voennoy sluzhbe [Russian imperial surname on military service]. *Voennostoricheskii zhurnal*, 2007, no. 2, pp. 38–41.
10. *25 let nazad (Iz dnevnikov L. Tikhomirova)* [25 years ago (From L. Tikhomirov's diaries)]. Krasnyy arkhiv, 1930, no. 2, pp. 47–75.
11. Zemtsov B.N. Tret'eyun'skiy perevorot [The third June revolution]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2011, no. 14, pp. 33–37.
12. Kashlikov A.S., Lagutin V.V. *K voprosu o konfliktе predstaviteley tsentralnykh organov I mestnykh organov vlasti posle fevral'skoy revolyutsii 1917 goda na territorii Orlovskoy gubernii* [On the issue of the conflict of representatives of central and local authorities after February revolution of 1917 in the territory of the Orlov province]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2009, no. 14, pp. 34–36.
13. *Desyatyy sezd RKP (b). Mart 1921 g. Stenograficheskiy otchet* [Tenth congress of RCP (b). March, 1921. Verbatim record]. Moscow, 1963. 727 p.
14. Stalin I.V. *O diskussii, o Rafaele. O statyakh Preobrazhenskogo i Sapronova i o pisme Trotskogo* [On discussion, on Rafaele. On articles of Preobrazhenskiy and Sapronov and on Trotsky letter]. Collected works. Moscow, OGI Z Publ., 1952. Vol. 5, 448 p.
15. Komova N.B. *Monarkhicheskaya vlast v konservativnykh gosudarstvenno-pravovykh ucheniyakh Rossii XVIII–XX vv. Dis. Dokt. yur. nauk* [Monarchy in conservative state and legal doctrines of Russia of the XVIII–XX centuries. Dr. jur. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2012. 345 p.

ВОПРОС О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИЕЙ КИТАЯ В ПОЛИТИКЕ США В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ (1943–1944 гг.)

Д. В. Рагозин

Томский политехнический университет
E-Mail: rddragozi28@gmail.com

Актуальность вопроса об установлении регулярных контактов между правительством США и руководством китайской компартии во время второй мировой войны определяется местом возглавляемого коммунистами Китая в современном мире, его возрастающей ролью в международной политике, фактическим превращением этой страны после распада СССР во вторую глобальную сверхдержаву. Цель работы заключается в том, чтобы с опорой на принцип историзма путём углублённого анализа доступных в настоящее время источников по данной теме проследить эволюцию подходов американских правящих кругов к проблеме сотрудничества с КПК, возможной организации взаимодействия, в т. ч. военного, между Соединёнными Штатами и китайскими коммунистами для отпора японской агрессии и создания коалиционного правительства в Китае ради предотвращения гражданской войны и возможного вмешательства СССР во внутрикитайский конфликт. Выявлено наличие комплекса противоречий между политикой правительства Чан Кайши, объективно направленной на укрепление Китая и усиление его роли в международной политике, и линией администрации Ф. Рузвельта, нацеленной на превращение гоминдановского Китая в инструмент американской политики в Азии, недостаточность имеющихся в распоряжении руководства США инструментов воздействия на китайские верхи. Результатом явилось противодействие правительства Чан Кайши усилиям правящих кругов США, связанное с нежеланием верхов гоминдана идти на уступки политическим противникам и допускать в какой-либо форме иностранное вмешательство во внутренние дела Китая, в качестве чего рассматривались усилия американцев по установлению связей с КПК.

Ключевые слова:

Антияпонская война, вооружённые силы КПК, гоминдан, китайско-бирманско-индийский фронт, Коммунистическая партия Китая, миссия наблюдателей, освобождённые районы, политика США в отношении Китая, правительство Чан Кайши, Американская военная помощь.

В 1944 г. японские войска предприняли широкомасштабное наступление на китайском фронте, в ходе которого враг захватил территорию примерно в 2 млн км² с населением около 60 млн чел., где располагалось 146 городов, в том числе такие важные, как Гуйлин, Хэнъян и Чанша. Было захвачено 10 авиабаз и 36 аэродромов. Данное наступление явилось крупнейшей наземной операцией за весь период тихоокеанской войны. В результате японцам удалось создать непрерывную сеть коммуникаций от севера до юга Китая, связанных через Корею непосредственно с Японией, которая установила контроль почти над всеми железными дорогами Китая, что позволяло маневрировать силами и беспрепятственно вывозить сырьё из Юго-Восточной Азии. За счёт этого японское командование рассчитывало разгрузить свой морской транспорт, находившийся под ударом ВВС союзников со стороны Тихого океана и испытывавший огромное напряжение [1. С. 324. 2. С. 73–74].

Резкое ухудшение ситуации на фронте ввиду поражения китайских войск оправдало опасения руководства США. В результате интерес Вашингтона к военному потенциалу КПК ещё более вырос.

В июне 1944 г. в Чунцине побывал с визитом вице-президент США Г. Уоллес. В цели поездки входило изучение сложившегося в Китае положения, зондаж возможностей активизации военных усилий и мирного урегулирования между гоминданом и компартией, сбор информации для доклада президенту. Г. Уоллес провёл в Китае восемь дней и имел несколько встреч с Чан Кайши, в ходе которых призывал китайское руководство мобилизовать все силы для войны с Японией. Он много го-

ворил о необходимости укрепления единства Китая, особо подчёркивая важность улучшения отношений между гоминданом и КПК. Обсуждение коммунистической проблемы заняло в ходе переговоров особое место. Гость рекомендовал китайскому руководству проявить в данном вопросе «дальновидность и гибкость». Вице-президент сообщил, что если две партии не сумеют договориться самостоятельно, то они могут обратиться к «другу», что подразумевало возможность американского посредничества [3. С. 1030–1031, 1362–1363, 2288].

Вопрос об отправке миссии наблюдателей в контролируемые КПК районы также был включён в повестку дня. Данная проблема обсуждалась в ходе четырёх встреч Г. Уоллеса с Чан Кайши, который поначалу упорно не соглашался с предложениями американцев. Он предостерег последних от «излишней поспешности», утверждая, что китайские коммунисты даже более «коммунистичны» (выражение Чан Кайши. – Д.Р.), чем их советские единомышленники. Однако вице-президент дал понять, что США заинтересованы, прежде всего, в продолжении Китаяем войны и что КПК сама по себе не является предметом интереса Вашингтона. Г. Уоллес говорил, что американцы стремятся исправить положение на китайском фронте, снизить людские потери и приблизить победу союзников. Подразумевалось, что Соединённые Штаты заинтересованы во взаимодействии с компартией лишь в той мере, в какой это соответствовало потребностям войны. Так, разведанные, которые можно было получить в освобождённых районах, имели большое значение для базировавшихся в Чэнду по-

дразделений ВВС США. В итоге, Чан Кайши был вынужден разрешить посещение контролируемых КПК районов американской миссией [3. С. 1337; 4. С. 1966, 2048; 5. С. 549, 553–557].

Первая группа из девяти американцев прибыла в Яньань 2 июля 1944 г. и состояла почти исключительно из журналистов. Мао Цзэдун лично приехал на яньаньский аэродром, чтобы встретить членов миссии. Тон первых же их сообщений оказался весьма благоприятен для компартии. «У всех нас было ощущение, что мы прибыли в другую страну и встретили другой народ, – сообщал Дж. Сервис, – не вызывает сомнений, что здесь господствует иное состояние духа...» [6. С. 518].

Сильное впечатление на членов миссии произвели достижения коммунистов в сельском хозяйстве, ремёслах и промышленности, которые позволили отрезанным от внешнего мира освобождённым районам перейти к практически полному само-обеспечению. Корреспондент газеты «Геральд Трибьюн» Г. Форман писал о Яньане как «великолепном символе упорства и решимости людей этого приграничного района Китая» [6. С. 479–481]. Тот же Г. Форман следующим образом охарактеризовал «свободную от формализма, освежающую атмосферу» Яньаня: «Никто не стремится к роскоши, изысканности в одежде или чём-либо другом. Всё открыто, выставлено на показ, нет никакого контроля или ограничений на передвижение, дискуссии, интервью, визиты, фотографирование» [6. С. 479–481].

Члены миссии обращали внимание на широчайшую поддержку власти КПК практически всем населением освобождённых районов. В разговоре с Д. Барретом Мао Цзэдун отметил, что без народной поддержки компартия никогда не выжила бы на территориях, окружённых со всех сторон японцами [2. С. 44].

Большое внимание в сообщениях членов миссии уделялось военному потенциалу коммунистов. Ярким свидетельством активной партизанской борьбы против японцев служило присутствие сотен японских военнопленных в одном только Яньане. Было очевидно, что войска КПК могли стать ценным союзником в войне с Японией. Достижения компартии в военном строительстве и высокий боевой дух солдат явились предметом восхищения американцев. Они сообщали о наличии среди коммунистов «ненависти к японцам и решимости защитить свои достижения против любого вмешательства». Корреспондент американской газеты «Кристиан Сайенс Монитор» Г. Штейн писал, что любой военачальник мог бы гордиться «такими крепкими, закалёнными войсками, которые проявляют высокое боевое мастерство и присутствие духа» [6. С. 479–481; 7. С. 1263].

Допустив поездку в освобождённые районы группы американских журналистов, правительство Чан Кайши продолжало сопротивляться отправке туда военных наблюдателей. На запрос Дж. Стилуэлла о том, почему руководство Китая, со-

гласившись на поездку в коммунистические анклав журналистов, не разрешает посетить те же районы военным, министр обороны Китая Хо Инцин ответил, что подобные визиты имеют совершенно разное значение, поскольку журналисты не являются официальными лицами, их мнение не отражает политического курса государства, в силу чего их поездки носят неформальный характер, тогда как визит военной делегации может создать впечатление о готовности Вашингтона к сотрудничеству с КПК. В результате, потребовались новые усилия, чтобы группа военных наблюдателей смогла прибыть в Яньань 7 августа 1944 г. [8. С. 477; 9. С. 270].

Перед военной миссией были поставлены задачи оценки потенциала войск компартии для возможной организации взаимодействия с ними, изучение наиболее адекватных способов содействия повышению эффективности военных усилий освобождённых районов. В составе группы находились радисты, электрики, метеорологи, врач, шофёр. Миссия располагала радиооборудованием для прямой связи с Вашингтоном. В Яньань стали регулярно прибывать американские самолёты, доставлявшие различное оборудование для членов миссии и организованных там метеостанций, некоторые виды оборудования для нефтепромыслов, медикаменты. Прибыли американские инженеры, выезжавшие в районы месторождений нефти, каменного угля, железной руды. Но наиболее важной задачей, стоявшей перед миссией, являлось установление контактов с руководством КПК и командованием верных ей вооружённых формирований [2. С. 8].

Мао Цзэдун и другие руководители компартии демонстрировали готовность к сотрудничеству с США, подчёркивая полное соответствие целей КПК Атлантической Хартии, решениям Московской и Тегеранской конференций. Лидеры коммунистов говорили о своей преданности делу борьбы с Японией, приверженности идеям политического плюрализма и многопартийности, об отказе от национализации средств производства. По словам Мао Цзэдуна, Китай нуждался в изгнании японцев, утверждении демократии, решении аграрного вопроса и развитии прогрессивных форм капитализма [6. С. 540–541].

Лидеры КПК отрицали получение советской помощи. Они признавали наличие связей с Коминтерном в прошлом, но заверяли американских собеседников в полном отсутствии связей с ВКП (б). Мао Цзэдун скептически отзывался о способности СССР играть значительную роль в восстановлении Китая после войны из-за тяжёлого положения, в котором сам Советский Союз оказался. В то же время вождь КПК ратовал за широкое сотрудничество с США. Он неоднократно заявлял о целесообразности высадки американских войск в Китае, так как это, по его мнению, способствовало бы утверждению демократии. В том же духе высказывался командующий китайской Красной армией Чжу Дэ,

обещавший, что войска компартии окажут поддержку американцам, если те высадятся в Китае. Что касалось сбора разведанных о японцах, то коммунисты, по словам Д. Баррета, оказались даже более ценными партнёрами, чем предполагалось [6. С. 540–541, 612].

В вопросе о подчинении войск КПК Национальному военному совету при правительстве Чан Кайши позиция руководства коммунистов была негативной. В частности, в интервью Г. Штейну Чжу Дэ говорил о нежелании подчиняться «обанкротившемуся гоминдановскому командованию». Он предупреждал, что вооружённые силы компартии не желают выполнять приказы из Чунцина, которые могут привести к их дроблению, выводу с занимаемых территорий и назначению новых командиров. По словам Чжу Дэ, наилучшим решением являлось подчинение войск КПК объединённому союзному командованию; только назначение верховного союзного командующего всеми вооружёнными силами Китая могло обеспечить мобилизацию всей страны для отпора врагу. По его мнению, верховный союзный командующий, в случае его назначения, будет нуждаться в мощной поддержке США. Что касается китайского народа, то «он станет поддерживать союзного командующего и помогать ему» [6. С. 522, 539].

Обсуждалось и внутриполитическое положение в Китае, в частности проблема урегулирования с гоминданом. Лидеры КПК старались произвести впечатление сторонников мирного урегулирования конфликта с Чунцином на демократической основе. Мао Цзэдун говорил, что коммунисты считают необходимым поддерживать Чан Кайши, о стремлении к сотрудничеству с правящей партией и всем китайским народом ради изгнания японцев и строительства свободного Китая. Г. Штейн сообщал о существовавших в Яньане надеждах на взаимопонимание с гоминданом, так как «руководящая роль Чан Кайши никогда не ставилась под сомнение». Г. Форман писал о готовности КПК принять в освобождённых районах представителей Чунцина для «более подробного ознакомления с ситуацией и содержательных дискуссий». Характеризуя отношение компартии к контролируемой гоминданом части Китая, Дж. Сервис отмечал «наличие интереса и симпатий, наряду с осознанием того, что условия жизни там намного тяжелее» [6. С. 479–481, 519–520].

Говоря об угрозе начала гражданской войны в Китае, лидеры коммунистов заявляли, что КПК «никогда не начнёт такой войны». Однако они предупреждали о решимости защитить то, чего сумели добиться в результате многих лет борьбы, от любых «реакционных элементов», которые пожелают их уничтожить. Руководство освобождённых районов расценивало гражданскую войну как войну против всего китайского народа, так как «народ с нами, и если гоминдан захочет бороться против нас, то ему придётся иметь дело со всем китайским народом» [10. С. 171].

С точки зрения Мао Цзэдуна, предотвращению гражданской войны могло послужить открытие в Яньане постоянного американского представительства, что предполагало установление регулярных контактов между США и освобождёнными районами и признание их Вашингтоном де-факто. Глава КПК сообщил Дж. Сервису, что прибытие американской миссии уже сыграло благотворную роль в предотвращении открытого военного нападения армий центрального правительства на войска коммунистов. По мнению Мао Цзэдуна, Соединённые Штаты должны были усилить нажим на Чан Кайши с целью заставить его активнее действовать в интересах союзников, что также могло отвлечь внимание верхов гоминдана от развязывания внутрикитайского вооружённого конфликта. Раскрывая своё видение политического смысла присутствия американской миссии в Яньане, Мао Цзэдун сказал: «Хороши любые контакты, которые вы, американцы, поддерживаете с нами, коммунистами; мы рады принять у себя миссию наблюдателей, так как это поможет бить японцев. Но нет смысла скрывать, что главный результат вашего приезда – политическое воздействие на гоминдан; США убедятся, что мы стремимся к сотрудничеству гораздо больше, чем гоминдан» [6. С. 610–612; 11. С. 319].

Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай указывали, что предотвратить гражданскую войну могло также оказание Соединёнными Штатами военной помощи КПК в объёмах, пропорциональных тем, в каких она оказывалась правительству Чан Кайши. Чжу Дэ сообщил, что войска компартии нуждались в стрелковом оружии, пулемётах, противотанковых ружьях, взрывчатке. Он указал, что своевременное оказание помощи позволит вооружённым силам коммунистов значительно активизировать борьбу с японцами. Чжу Дэ обратил внимание на то, что без современного оружия была возможна лишь война на истощение, а окончательная победа будет зависеть от других факторов [6. С. 540–541].

Исходя из увиденного в освобождённых районах, Дж. Сервис пришёл к выводу, что курс КПК основывается на следующих принципах: верность политике единого фронта, мобилизация всех сил для войны с Японией, отказ от любой чисто коммунистической программы, признание власти правительства Чан Кайши. В ходе встреч с лидерами компартии Дж. Сервис выяснил, что они не верят в возможность построения социализма в Китае из-за отсталости страны и аграрного характера её экономики. Не верили в Яньане и в целесообразность диктатуры пролетариата ввиду его малочисленности и слабой организованности. Коллективизация представлялась неосуществимой из-за неразвитости огромного большинства китайского крестьянства [6. С. 562–563; 10. С. 87].

В силу этого путь Китая к социализму виделся как длительный эволюционный процесс, основанный на демократии и поощрении частного сектора экономики наряду с общественным. Руководство

освобождённых районов не ограничивалось поддержкой государственных предприятий: через предоставление заказов, оборотного капитала и гарантии справедливой прибыли поощрялись частная инициатива и кооперативное движение. Предпринимателям гарантировалось поддержание трудовой дисциплины, но взамен требовалось улучшение условий жизни рабочих. В освобождённых районах гарантировалось право собственности помещиков на землю, но арендная плата была снижена до 25 % [6. С. 562–563; 10. С. 87].

На основе сведений о КПК, собранных в освобождённых районах, у многих служивших в Китае американских дипломатов и военных сложилось мнение, что в лице китайских коммунистов они имеют дело не с ортодоксальными приверженцами марксистско-ленинской идеологии, а с партией аграрных реформаторов. Так, П. Хэрли, в качестве личного эмиссара президента Ф. Рузвельта посетивший Чунцин осенью 1943 г. проездом через Москву, приводил в подтверждение данной точки зрения высказывания И.В. Сталина, который называл лидеров КПК «маргариновыми» и «эрзац-коммунистами». Упомянул он и заявление В.М. Молотова, в соответствии с которым СССР не оказывал поддержки китайской компартии, поскольку на самом деле она не являлась коммунистической. Согласно П. Хэрли, В.М. Молотов говорил о стремлении Москвы установить более дружественные отношения с Китаем, но этому препятствовала политика Чан Кайши [4. С. 462–463, 2897; 6. С. 154; 7. С. 1334, 1364–1367, 1436;].

Дж. Сервис отмечал наличие в КПК «сильного националистического уклона». Попытка яньаньских лидеров предстать перед мировой общественностью в качестве националистов нашла отражение в том, что осенью 1944 г. из названия компартии было убрано слово «коммунистическая». В одном из отчётов Дж. Дэвиса сообщалось, что «группа Мао уклонилась вправо так далеко, что сможет вернуться на путь революции только в результате давления левых сил внутри страны и извне [4. С. 462–463, 2897; 6. С. 154; 7. С. 1334, 1364–1367, 1436; 11. С. 362].

Для членов миссии «Дикси» были очевидны экономические и военные успехи КПК, как и симпатии простого народа к ней. Дж. Сервис указывал, что компартия неизбежно станет важным фактором политической жизни Китая, а в случае падения правительства Чан Кайши может сделаться ведущей силой в стране. Многие из находившихся в Китае американских дипломатов приходили к выводу, что сотрудничество США с КПК необходимо и неизбежно, включая взаимодействие в военной области. «Мы правильно поступим, – отмечал Дж. Сервис в меморандуме на имя Дж. Стилуэлла от 3 сентября 1944 г., – если предоставим активную поддержку войскам коммунистов, исходя из их возможностей и реального вклада в войну с Японией» [6. С. 616–620; 7. С. 1360–1364, 1978].

Дж. Сервис признавал, что любая помощь компартии повлияет на внутривнутриполитическую обстановку в Китае, так как это неизбежно приведёт к росту авторитета и влияния коммунистов. По его мнению, американская помощь КПК оказала бы конструктивное воздействие на положение в стране, лишив гоминдан возможности развязать гражданскую войну, подтолкнула бы его к проведению реформ и сотрудничеству с компартией, повысила бы эффективность антияпонского сопротивления. В то же время сами коммунисты не смогут начать братоубийственную войну, поскольку не располагают возможностями для этого и запрашивают у США только стрелковое оружие. Поэтому Дж. Сервис рекомендовал организовать сотрудничество с КПК, начало которому было фактически уже положено, не отступая перед возможными трудностями, так как «все затраты с лихвой окупятся» [6. С. 616–620].

Предупреждал Дж. Сервис и о возможном провале китайской политики администрации Рузвельта в случае ориентации на правительство Чан Кайши как единственную структуру, способную обеспечить единство Китая. «Мы не можем надеяться на то, что возглавляемый гоминданом Китай действительно станет противовесом Советской России, Японии или Британской империи на Дальнем Востоке» – говорилось в докладе Дж. Сервиса от 3 августа 1944 г. [7. С. 1988].

Дж. Дэвис также подчёркивал необходимость сотрудничества с компартией с целью заручиться её поддержкой американской политики на Дальнем Востоке в послевоенный период. Он не рекомендовал делать ставку только на «политически обанкротившееся» правительство Чан Кайши, предложив ограничить помощь Чунцину лишь тем, что было необходимо непосредственно для войны с Японией. По мнению Дж. Дэвиса, «феодальный Китай Чан Кайши» не мог сосуществовать с «современным динамичным правительством на севере Китая» [11. С. 363].

Авторы докладов отмечали, что опасаться изменения внутривнутриполитической обстановки и роста авторитета коммунистов в результате оказания им помощи Соединёнными Штатами не стоит, поскольку эта помощь могла привести к окончательной победе националистических и проамериканских элементов руководстве компартии. За несколько месяцев пребывания в Яньане Д. Баррет, Дж. Дэвис, Дж. Сервис и другие члены миссии «Дикси» проделали огромный объём работы по изучению КПК и освобождённых районов, которую Дж. Кеннан позднее охарактеризовал как «безусловно выдающуюся» [11. 319, 339; 12. С. 617–620; 13. С. 1360–1364, 1978].

Большой интерес к сообщениям миссии «Дикси» проявил Дж. Стилуэлл, у которого сложилось высокое мнение о боевых возможностях ведомых КПК 8-й и Новой 4-й армий, а также о политической и экономической организации освобождённых районов. Критически оценивая положение в

подконтрольной гоминдану части Китая, генерал относился к коммунистам с определённой симпатией: «Я сужу о гоминдане и компартии исходя из того, что вижу. Гоминдан: коррупция, неудачи, хаос, накопительство, высокие налоги, расхождение слов с делами. Коммунистическая программа: снижение налогов, ренты, ссудного процента. Подъём производства и уровня жизни. Участие в правительстве», – писал он в своём дневнике [12. С. 316].

Дж. Стилуэлл разработал план использования войск КПК к северу от реки Хуанхэ, предусматривавший наступление из провинции Шаньси в направлении Лояна, Чжэньчжоу и Ханькоу. Предполагалась передача американского вооружения для 300 тыс. бойцов вооружённых сил компартии. Генерал объявил о своей готовности лично посетить Яньань для переговоров об организации взаимодействия с силами КПК. Его инициативы по поводу организации военного сотрудничества с компартией получили одобрение Вашингтона. «Я надеюсь и молюсь Богу, что нам удастся установить настоящие рабочие отношения с этими так называемыми коммунистами» – говорилось в письме Ф. Рузвельта находившемуся в освобождённых районах полковнику американской армии Дж. Карлсону. 4 сентября 1944 г. министерство обороны США уведомило Дж. Стилуэлла, что при рассмотрении вопроса об увеличении поставок по ленд-лизу в Китай будут учтены и потребности войск КПК [4. С. 460–461, 554, 1910; 7. С. 1986; 12. С. 321–322; 13. С. 125].

Следует отметить, что данная позиция американского руководства не ставила под сомнение готовность Вашингтона продолжать и в дальнейшем делать ставку на поддержку правительства Чан Кайши, как и доминирующую роль гоминдана в коалиционном правительстве, если бы оно было создано. Вопрос о выделении части поступающих в Китай американских военных поставок вооружённым силам КПК министерство обороны США рассматривало лишь как часть вопроса о снабжении всех китайских войск. Предложения Дж. Стилуэлла об организации взаимодействия между силами КПК и армиями союзников являлись не более чем детализацией официальной позиции американского руководства, а их реализация по существу ставилась в зависимость от политического урегулирования конфликта между гоминданом и компартией. Возможность перехода власти в Китае к КПК администрация Ф. Рузвельта вообще не рассматривала.

Поскольку политическое урегулирование между гоминданом и компартией и объединение их сил для войны с Японией входило в цели американского руководства, посол К. Гаусс во время встречи с Чан Кайши 30 августа от имени правительства США предложил допустить к участию в управлении Китаем «компетентных представителей других партий и групп» путём создания коалиционного правительства или другого органа с участием всех антияпонских сил Китая. Чан Кайши пообещал тщательно изучить американское предложение,

которое, по его словам, не будет рассматриваться как вмешательство во внутренние дела Китая [11. С. 323].

Вместе с тем из ответа китайского лидера было ясно, что он не желает делиться властью с оппозицией, а тем более – с КПК. Чан Кайши ссылаясь на трудности, связанные с отсутствием демократических традиций в Китае, на то, что война была не лучшим временем для реформ, которые в реально существовавшей обстановке могли привести только к хаосу. Он предупреждал, что в тех условиях диктатура была единственно возможной формой правления в стране, и что это могла быть только диктатура гоминдана или компартии, а Мао Цзэдун, требуя немедленной демократизации, стремился на самом деле к замене диктатуры гоминдана диктатурой КПК. По мнению К. Гаусса, Чан Кайши не осознавал, что время работало на китайских коммунистов, которые, занимая прочные позиции в Северном Китае, после войны будут контролировать очень значительную часть страны и вероятно получат советскую помощь [11. С. 323].

Идя навстречу пожеланиям Вашингтона, правительство Чан Кайши возобновило переговоры с КПК летом 1944 г. Стараясь воспользоваться сложным положением правительства, компартия ужесточила свою позицию, выдвинув требования демократизации, освобождения всех политзаключённых, легализации КПК и других антияпонских партий, прекращения блокады освобождённых районов, признания существовавших в них органов власти и права компартии на сохранение вооружённых сил в количестве 470 тыс. бойцов. Представители гоминдана отвергли все предложения коммунистов и потребовали расформировать вооружённые силы КПК, сохранив только десять дивизий общей численностью 100 тыс. солдат и офицеров, расформировать органы власти компартии и передать освобождённые районы под управление Чунцина. Коммунисты не согласились с этими требованиями, так как расформирование их армий неизбежно привело бы к уничтожению КПК гоминдановскими войсками. В итоге в середине августа 1944 г. переговоры были прекращены [3. С. 2391; 14. С. 146].

Сложившееся в 1944 г. положение на китайском фронте оценивалось в Вашингтоне как критическое и вызывало глубокое опасение. После захвата японцами Гуйлина осенью 1944 г. Дж. Стилуэлл стал считать нанесение ударов по японским позициям в Северном Китае совместными усилиями войск гоминдана и КПК наиболее эффективным средством улучшения ситуации на фронте. С этой целью вновь было предложено передать коммунистам некоторое количество американского вооружения. Дж. Стилуэлл выразил готовность лично посетить Яньань для переговоров с руководством КПК о переходе войск компартии под его командование и признании коммунистами власти Чунцина [6. С. 148–149; 15. С. 308].

21 августа 1944 г. Ф. Рузвельт направил Чан Кайши письмо, в котором о совместных операциях

с войсками КПК говорилось следующее: «Я думаю, что силы, находящиеся под командованием Дж. Стилуэлла, должны быть ограничены только их способностью защищать Китай и убивать японцев. Если враг создал угрозу катастрофы, то целесообразно принять помощь любого, кто станет бить японцев» [6. С. 148–149]. Прибывший в Чунцин в начале сентября 1944 г. личный представитель президента США П. Хэрли сообщил Чан Кайши, что Вашингтон скорее согласится увеличить военную помощь Китаю, если соглашение между гоминданом и КПК положит конец угрозе гражданской войны [9. С. 287–288; 12. С. 328].

Однако Чунцин не спешил отступать от своих условий урегулирования отношений с компартией. Чан Кайши не без оснований опасался, что переход армий коммунистов в распоряжение американцев мог повлечь за собой необходимость политических уступок в отношении КПК. В письме Ф. Рузвельту от 23 июля 1943 г. он проинформировал президента США, что подразделения вооружённых сил компартии не перейдут в подчинение Дж. Стилуэлла до тех пор, пока освобождённые районы не подчинятся гоминдану. 7 сентября Чан Кайши уведомил генерала, что совместные операции с войсками коммунистов станут возможными только после передачи последними своих вооружённых сил в подчинение Национальному военному совету [6. С. 120–121, 125–126; 12. С. 325–326].

В этих условиях американские представители в Китае вошли в контакт с лидером влиятельной милитаристской группировки на юге страны генералом Ли Цзишэнем, от которого они ожидали открытого разрыва с Чунцином, выступления против Чан Кайши и создания нового правительства. К участию в заговоре планировалось привлечь КПК. Предполагалось, что данная мера могла способствовать созданию в Китае коалиционного правительства и преодолению его внутреннего раскола в целях активизации борьбы с японцами. Однако в дальнейшем Вашингтону пришлось отказаться от этого замысла ввиду недостаточности сил возглавляемой Ли Цзишэнем группировки для установления прочного контроля над всей страной, из-за угрозы начала гражданской войны после падения правительства Чан Кайши, в результате чего власть могла полностью перейти к КПК [8. С. 607–608].

Китайскому руководству стало известно о тайных манёврах американцев, связанных с контактами представителей США с Ли Цзишэнем. Чан Кайши был склонен усматривать в этом происки Дж. Стилуэлла, в результате чего Чунцин в сентябре 1944 г. потребовал смещения генерала со всех занимаемых им постов в Китае. В итоге Вашингтон был вынужден временно отказаться от обсуждения вопроса об объединении сил гоминдана и компар-

тии и создания в стране коалиционного правительства, о чём руководство Китая было поставлено в известность 28 сентября 1944 г. [12. С. 336–337].

Немалую роль сыграло и то, что из-за пассивности китайских войск, их неспособности к проведению крупных наступательных операций расчёты американского командования на использование выгодного географического положения и людских ресурсов Китая в качестве одного из основных слагаемых победы на Дальнем Востоке потеряли актуальность. Уже к осени 1943 г. руководство США осознало, что китайская армия не может служить реальной силой в противоборстве с Японией. К тому же на состоявшемся в октябре 1943 г. в Москве совещании министров иностранных дел союзных держав И.В. Сталин проинформировал госсекретаря США К. Хэлла о намерении СССР вступить в войну на Дальнем Востоке после разгрома Германии, что было подтверждено в ходе Тегеранской конференции, сводя значение китайского фронта к нулю.

В результате Китай перестал рассматриваться и как плацдарм для нанесения авиаударов по Японии. Наряду с тем, чтобы просто выстоять до конца войны, перед ним ставилась единственная задача – сковать как можно больше вражеских сил, предотвращая их переброску в другие районы. Ввиду нежелания руководства США брать на себя ответственность за положение на китайском фронте Рузвельт отозвал Дж. Стилуэлла из Китая. Сложившиеся условия заставили Вашингтон временно снять вопрос об объединении вооружённых сил гоминдана и КПК и создании в Китае коалиционного правительства [6. С. 165, 167–170; 12. С. 336–337].

Заключение

Ввиду очевидной необходимости объединения всех имевшихся в Китае вооружённых формирований для отпора японской агрессии и предотвращения гражданской войны США добились согласия правительства Чан Кайши на установление прямых контактов между КПК и американскими представителями. В значительной мере это проистекало из стремления американского руководства распространить своё влияние на самые удалённые районы Китая. Данная политика могла рассматриваться как вмешательство во внутренние дела Китая и вызвала большую озабоченность Чан Кайши. В результате китайское руководство ужесточило свою позицию в отношении Соединённых Штатов, потребовав отозвать командующего американскими войсками в регионе генерала Дж. Стилуэлла под угрозой полного разрыва отношений. США были вынуждены уступить требованиям Китая, сняв вопрос об объединении усилий гоминдана и КПК и создания коалиционного правительства в интересах обороны страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История второй мировой войны 1939–1945. Т. 9. – М.: Воениздат, 1978. – 572 с.
2. Barret D. Dixie Mission: The United States Army Observer Group in Yenan, 1944. – Berkley: University of California Press, 1970. – 95 p.
3. U.S. Congress. Senate. Committee on Judiciary. Institute of Pacific relations. Hearings before the Subcommittee to Investigate the Internal Security Act and Other Internal Security Laws. Eighty-Second Congress. First Session. P. 1–15. – Wash.: GPO, 1951. – iii. – 5964 p.
4. U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. Military Situation in the Far East. Hearings before the Committee on Armed Services and Foreign Relations. Eighty-Second Congress. First Session. P. 1–5. – Wash.: GPO, 1951. – 3691 p.
5. U.S. Relations with China. With Special Reference to the Period 1944–1949. – Wash.: GPO, 1949. – 1054 p.
6. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944. China. – Wash.: GPO, 1967. – 1206 p.
7. U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. State Department Employee Loyalty Investigation. Hearings before the Committee on Foreign Relations. P. 1–3. – Wash.: GPO, 1950. – IX. – 2525 p.
8. Tuchman B. Stilwell and the American Experience in China, 1911–1945. – N.Y.: Macmillan, 1971. – XV. – 621 p.
9. Lohbec D. Patrick J. Hurley. – Chi.: Henry Regnery, 1956. – 530 p.
10. Форман Г. В новом Китае. Репортаж. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1948. – 232 с.
11. Davies J. Dragon by the Tail. American, British, Japanese, and Russian Encounter with China and One Another. – N.Y.: Norton, 1972. – 448 p.
12. Stilwell G. The Stilwell Papers. Arranged and Edited by Theodore H. White. – N.Y.: William Sloane, 1948. – XVI. – 357 p.
13. Service J. The Amerasia Papers: Some Problems in the History of U.S.–China Relations. – Berkley: University of California Press, 1971. – 220 p.
14. Buhite R. Patrick J. Hurley and the American Foreign Policy. – Ithaca: Cornell University Press, 1973. – XIV. – 342 p.
15. Wedemeyer A. Wedemeyer Reports! – N.Y.: Henry Holt, 1958. – 497 p.

Поступила 10.10.2013 г.

UDC 327(73):(510)»1943–1944»

PROBLEM OF COOPERATION WITH THE COMMUNIST PARTY OF CHINA IN THE AMERICAN POLICY TOWARDS CHINA (1943–1944)

D.V. Ragozin

Tomsk Polytechnic University
E-Mail: rddragozi28@gmail.com

Relevance of the question of establishing regular contacts between the U.S. government and the leadership of the Chinese Communist Party (CPC) during the Second World War is determined by the role of Communist-led China in the modern world, its growing importance in international politics, by actual transformation of this nation into a second global superpower. The purpose of the study is to trace, relying on the principle of historicism and the in-depth analysis of currently available sources, the subject of the evolution of the American approach to the issue of cooperation with the CPC including military interaction between the United States and the Chinese Communists in order to resist the Japanese invasion, prevent civil war and the possible Soviet intervention into Chinese internal political conflict. The result reveals the presence of the complex contradictions between the policies of the Chiang Kai-shek government, aimed at China strengthening and enhancement of its role in international politics, and the line of the Roosevelt administration aimed at making Kuomintang-controlled China the precision instrument of the American policy in Asia, as well as the lack of available instrument of pressure of the U.S. government on Chinese political establishment. The consequence was the opposition of the Chiang Kai-shek government to the American efforts caused by reluctance of the upper circles of the Kuomintang to make any concessions to their political opponents and the determination to prevent any form of foreign interference into Chinese home affairs; American efforts to establish ties with the CPC were considered as such interference.

Key words:

Anti-Japanese war, armed forces of the Communist Party of China, Kuomintang, China–Burma–India front, Chinese Communist Party, observer mission, liberated areas, U.S. policy toward China, Chiang Kai-shek government, U.S. military aid.

REFERENCE

1. *Istoria Vtoroy mirovoy voyni 1939–1945* [The history of the second World war 1939–1945]. Moscow, Voenizdat, 1978. Vol. 9, 572 p.
2. Barret D. *Dixie Mission: The United States Army Observer Group in Yenan, 1944*. Berkley, University of California Press, 1970. 95 p.
3. *U.S. Congress. Senate. Committee on Judiciary. Institute of Pacific relations. Hearings before the Subcommittee to Investigate the Internal Security Act and Other Internal Security Laws. Eighty-Second Congress. First Session. P. 1–15*. Washington, GPO, 1951. iii, 5964 p.
4. *U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. Military Situation in the Far East. Hearings before the Committee on Armed Services and Foreign Relations. Eighty-Second Congress. First Session. P. 1–5*. Washington, GPO, 1951. 3691 p.
5. *U.S. Relations with China. With Special Reference to the Period 1944–1949*. Washington, GPO, 1949. 1054 p.
6. *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944. China*. Washington, GPO, 1967. 1206 p.
7. *U.S. Congress. Senate. Committee on Foreign Relations. State Department Employee Loyalty Investigation. Hearings before the Committee on Foreign Relations. P. 1–3*. Washington, GPO, 1950. IX, 2525 p.

8. Tuchman B. *Stilwell and the American Experience in China, 1911–1945*. N.Y., Macmillan, 1971. XV, 621 p.
9. Lohbec D. *Patrick J. Hurley*. Chi., Henry Regnery, 1956. 530 p.
10. Forman G. *V novom Kitae. Reportazh* [In the New China. Report]. Moscow, Izdatelstvo inostrannoy literaturi, 1948. 232 p.
11. Davies J. *Dragon by the Tail. American, British, Japanese, and Russian Encounter with China and One Another*. N.Y., Norton, 1972. 448 p.
12. Stilwell G. *The Stilwell Papers*. Arranged and Edited by Theodore H. White. N.Y., William Sloane, 1948. XVI, 357 p.
13. Service J. *The Amerasia Papers: Some Problems in the History of U.S.–China Relations*. Berkley, University of California Press, 1971. 220 p.
14. Buhite R. *Patrick J. Hurley and the American Foreign Policy*. Ithaca, Cornell University Press, 1973. XIV, 342.
15. Wedemeyer A. *Wedemeyer Reports!* N.Y., Henry Holt, 1958. 497 p.

УДК 94(430)01

АЛАРИХ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: В ПОИСКАХ МЕСТА В ИМПЕРИИ (399–402 гг.)

Д.С. Коньков

Томский государственный университет

E-mail: dkonkov@mail.ru

Рассмотрены события 400–402 гг. в Римской империи, связанные с именем предводителя готских воинских формирований Алариха. Данные источников и основные позиции исследователей, касающиеся данного периода, проанализированы с точки зрения взаимодействия римского и варварского социумов, поиска своего места варварами в империи. Столкновение интересов различных политических фракций римской элиты затрудняло адаптацию варваров в имперскую структуру на социальном и ментальном уровне, поскольку делало для них официальный идеологический и логистический дискурс непредсказуемо изменчивым и непоследовательным. Аларих попытался действовать параллельно в римском и варварском дискурсивном пространстве, манипулируя ими в собственных интересах. Однако в полной мере реализовать эту стратегию ему не удалось. Это объясняет противоречивость тренда интеграции варваров в имперскую структуру.

Ключевые слова:

Интегративные общественные процессы, готы, варвары, федераты, Восточная Римская империя, Западная Римская империя, Стилихон, Аларих.

Рубеж IV–V вв. в истории отношений Римской империи и варваров был исключительно интересным периодом. После Адрианопольской битвы прошло более двадцати лет. Сменились поколения – и среди константинопольской элиты, и среди предводителей, расселенных в балканских провинциях варварских группировок. Соответственно, и римляне, и варвары достигли определенного уровня взаимной адаптации; римская аристократия была вынуждена признать факт присутствия варваров в рядах военного командования, варвары, в свою очередь, были вынуждены смириться с реалиями жизни внутри имперской системы и иерархии. Из двух принципиально различных общественных и культурных структур начинала формироваться одна.

В этом смысле рассмотрение проблемы отношений варваров и римлян в рамках поздней Римской империи дает возможность ответить на более общий и концептуальный вопрос особенностей интегративных процессов в условиях мультикультурного общества, остро стоящий в современной России, ЕС, США. Действительно, политика глобализации и поощрения социальной мобильности, помимо очевидных экономических и социальных плюсов, поставила перед современной наукой множество вопросов относительно возможности культурного и исторического взаимодействия различных по мировоззрению народов. Проблемы инте-

грации мигрантов в эндогенный социум являются по сути вневременными, поэтому развертывание подобной ситуации в Римской империи представляет актуальный интерес.

В создании оптимального алгоритма взаимодействия варваров и римлян в IV–V вв. были заинтересованы обе стороны. Однако понимание приоритетов в этом взаимодействии, видение статусных позиций, функций и целей сторон зачастую оказывалось различным. Соответственно, достигавшийся время от времени консенсуальный баланс редко был долговечным. Последнее происходило, как это ни парадоксально звучит, не по вине варваров. Устойчивый образ варварских группировок как немотивированных агрессоров, бунтарей по природе, вполне сознательно создан римской историографией и представляет собой стереотипный идеологический конструкт. Несмотря на действительно резкие и воинственные выпады представителей варваров-федератов, реальные причины случившихся кризисов были связаны с неспровоцированными изменениями в политике имперского двора. В свою очередь, эти изменения были следствием борьбы имперских элит, отношения с варварами использовались в ней как отдельный и далеко не ведущий элемент. В статье, опубликованной ранее [1], рассматривался характерный случай для ситуации конца IV в. в Восточной Римской империи: конфликт между константино-

польской элитой и варварским полководцем, не сумевшим сориентироваться и адаптироваться к идеологическим и политическим реалиям империи – Гайной. Исход этого конфликта, известного под названием «восстание Гайны», представляется показательным: победа Гайны и удовлетворение его требований обернулась для него поражением, в равной степени и политическим, и личностным. Однако пример Гайны является реализацией лишь одной из возможных стратегий взаимодействия варваров и римлян; другие варварские полководцы в той же ситуации предпочли иное поведение. Проблема видится в том, получили ли они в итоге иные результаты.

На рубеже IV–V вв. источники упоминают трех крупных полководцев-*magistri militum* восточной империи готского происхождения – Алариха, Гайну и Фравитту. Учитывая, что это было первое поколение готов, выросших на территории империи, такой карьерный рост и вес представляются исключительно быстрыми. Этого не могло бы произойти в случае доминирования антиварварских настроений при константинопольском дворе. Для противостояния одному генералу-варвару был использован другой; войска Гайны захватили Константинополь, армия Фравитты выступила на защиту. По сути, в 399–401 гг. непосредственные столкновения происходили между двумя готскими командующими, каждый из которых пытался осуществить свое понимание стратегии успешности.

Однако заметно, что из треугольника Аларих–Гайна–Фравитта был исключен первый и самый беспокойный его член. Вопросом о том, почему Аларих никак не проявил себя в восстании Гайны, задается Т.С. Бернс. Действительно, представляется маловероятным, чтобы Аларих, всегда живо реагировавший на события в Константинополе и, если буквально понимать Синезия, даже периодически посещавший сенат [2; 3. Р. 118], остался индифферентным к восстаниям Трибигильда и Гайны и к отставке министра Евтропия, с которым ранее заключал договор. Кроме того, в распоряжении Алариха были войска, готовые и боеспособные именно тогда, когда в них нуждались и император, и Гайна. Однако ни тот, ни другой не обратились к Алариху за помощью. Иллирийский *magister militum* оказался изолирован от всей системы отношений вокруг власти в Константинополе. Император Аркадий предпочел вызвать восточную армию Фравитты, что было связано с большими трудностями, чем помощь со стороны Алариха. Значимость Алариха и его войск для империи нельзя недооценивать. Отказ императора от его помощи был осознанным. Возможно, император опасался, что призвание Алариха обернется заменой одного узурпатора другим, еще худшим. Учитывая прошлый опыт, для таких опасений были основания.

В свою очередь, и Аларих мог проявить инициативу, вмешаться в пертурбации в столице, рассчитывая укрепить свои позиции и получить новые выгоды, как уже поступал ранее. В свете сме-

щения Евтропия такая возможность становилась очень вероятной, поскольку договор Алариха заключал именно с ним, и казнь Евтропия означала его фактическую денонсацию. Тем не менее, Аларих предпочел нейтральную позицию. Как считает Т.С. Бернс, это было обусловлено не его собственными мотивами, а сложным комплексом отношений константинопольских элит с лидером Западной империи Стилихоном, стремившимся к контролю над обеими половинами империи [4. Р. 176]. Стилихон планировал завоевание Иллирии, для чего, по словам Зосима, вступил в соглашение с Аларихом, и только ряд других неотложных дел отвлекли его от реализации этого плана [5. С. 232]. Следует отметить, что Зосим предвзято относится и к Стилихону, и к Алариху; кроме того, возможна контаминация с более поздними событиями, когда действительно было достигнуто соглашение между этими двумя полководцами. В период же восстания Гайны Аларих сохранял лояльность Константинополю и условиям договора с Евтропием, служа буфером между Западом и Востоком. Однако после смены власти в Восточной империи изменились и приоритеты. Т.С. Бернс полагает, что, в отличие от резко антизападной политики Евтропия, и Гайна, и Аврелиан, предводитель заговора против Евтропия в Константинополе, стремились к компромиссному соглашению с Западом ради признания своей легитимности Стилихоном. Таким образом, с точки зрения Аврелиана, войска Алариха оказались не нужны для обороны, а в политическом смысле были опасны и ненадежны.

В свете изменения отношения к Западу и опасений в отношении Алариха последовавшие действия Аврелиана выглядят изящной интригой. Около 400 г. он передал провинцию Иллирия вместе с войсками Алариха Западной империи – в знак примирения и союза. Формально это был исключительно широкий и дружественный жест, но в результате Стилихон получил лишь часть того, на что претендовал. Кроме того, территориальные приобретения были отягощены необходимостью налаживать отношения с Аларихом. Неудивительно, что Стилихон был скорее раздражен такими действиями Аврелиана и так и не признал его консулом. На положение Алариха решение Константинополя также повлияло не лучшим образом, поскольку Восточная империя в результате отказалась от любых обязательств по отношению к нему, а Западная не стремилась подобные обязательства принимать. Для империи Аларих и его войско из уважаемых и ценных воинов превратились в обременительных изгоев.

Т.С. Бернс представляет Алариха и его войско как неожиданно оказавшихся в маргинальной ситуации воинов, лишенных любого официального статуса в империи и, следовательно, средств к существованию; римское правительство отказалось от них и на Востоке, и на Западе. Неспособные обеспечить себя необходимым, готы обратились к варианту похода на Запад, который из Иллирии

было осуществить значительно проще, чем на Востоке. Т.С. Бернс считает, что Аларих стремился лишь к восстановлению своего статуса в римской иерархии, ориентируясь в имперской ситуации и выбрав наиболее подходящее время, чтобы торговаться об условиях с самой выгодной позиции. Действительно, модель поведения Алариха была идентична его образу действий шестилетней давности по отношению к Константинополю, когда он добивался возжеленного поста *magister militum*. Получив его, Аларих спокойно исполнял свои обязанности вплоть до отказа Константинополя от своих обязательств. Маловероятно, чтобы цели Алариха по отношению к Западу принципиально отличались от целей по отношению к Востоку [4. Р. 179]. Однако существуют и иные предположения о побудительных мотивах Алариха.

Если признать свидетельство Зосима о договоре со Стилихоном соответствующим действительности, то он, видимо, был предварительным и Алариха не устраивал. Аларих ждал до 401 г. прежде, чем использовал уже испытанную тактику – отправился в поход с целью добиться наилучших условий. Возможно, он выжидал возможность сыграть роль в противостоянии Гайны и Фравитты и получить от этого какие-либо выгоды от Константинополя [4. Р. 178], но такого случая не представилось. Часть исследователей полагает, что Аларих двинулся в поход на Италию в 401 г. в результате радикального изменения отношения к варварам после подавления восстания Гайны. В это время в правительстве возобладали антиварварская партия и Константинополь стал избавляться от готов на военной службе [6. С. 217; 7. Р. 146; 8. Р. 170]. Однако ряд историков, напротив, считает, что восточное правительство целенаправленно подталкивало Алариха к войне со Стилихоном в собственных интересах [9. Р. 120; 10. Р. 85].

А. Камерон отвергает и первое, и второе предположение, показывая, что в этот период отношения между Востоком и Западом потеплели, восточные консулы признавались в Медиолане, что было редким явлением [3. Р. 333]. В то же время резня готов в столице имела отношение к узурпации Гайны, но не к готам вообще; рекрутирование новобранцев среди них продолжалось, значительная часть готских семей пережило бурные времена, и их далее никто не тревожил, Фравитта оставался верховным военачальником Востока вплоть до 404–405 гг., когда неосторожно сделал своим личным врагом Иоанна Златоуста [3. Р. 252, 333]. Исследователь склонен подчеркивать в решении Алариха идти на Запад роль гуннов, постепенно занимавших все большее место в жизни восточной империи и являвшихся давним кошмаром для готов. Подобное же предположение высказывает и Х. Вольфрам [6. С. 217; 3. Р. 330–332].

Необходимо отметить, что при всем разнообразии мнений о мотивах Алариха, единственный источник, повествующий о походе 401 г. – Клавдиан, придворный поэт императора Гонория. Ни в од-

ной из исторических хроник об этом походе не упоминается, что говорит о том, что резонанс этих событий был не столь большим или, скорее, их затмили более поздние происшествия, связанные с именем Алариха. Клавдиан, тем не менее, риторически превозносит поход Алариха как угрозу самому существованию Рима; он говорит об огромном количестве знамений надвигающейся опасности. Люди взывали к гарусникам и пророческим книгам о судьбе Рима; постоянные лунные затмения объяснялись тем, что фессалийские ведуны, сопровождающие варварское войско, оскверняли лунный свет (*nec credunt vetito fraudatam Sole sororem telluris subeunte globo, sed castra secutas barbara Thessalidas patriis lunare venenis incestare iubar*) [11. Р. 144]. Наконец, на эскорт императора напали два волка, в животах которых нашли еще живые правую и левую руки, что было истолковано как предвестие гибели империи, пусть и сохраняющей свою силу (*sed malus interpretis rerum metus omne trahebat augurium peiore via, truncataque membra nutricemque lupam Romae regnoque minari*) [11. Р. 146]. Являлись ли подобные настроения действительно распространенными в тот период, или же Клавдиан привел этот эпизод как риторическую гиперболу, сказать сложно. Принимая во внимание отсутствие параллельных свидетельств и чрезвычайно панегирический стиль Клавдиана, вероятнее второе.

Впрочем, нет дыма без огня. Аларих и его войско явно мифологизировались и демонизировались в сознании римлян. Следы этого отношения встречаются и у других авторов, в том числе и у христиан – Сократ Схоластик вкладывает в уста Алариха слова о том, что на Рим его каждодневно направлял некий внутренний голос, приказывающий разорить этот город [12]. Клавдиан сознательно способствовал формированию подобного отношения к Алариху, выстраивая свой панегирик на основе драматизации событий и героизации действующих лиц, используя образцы греческих литературных мифов и канон римского ораторского искусства. Ирония судьбы в том, что Клавдиан, усиливая образ Алариха в своих произведениях как антигероя и немезиды Рима, придавая ему отчасти сакральный характер, не предполагал, что окажется в этом пророком, и Аларих действительно разорит Рим – все речи Клавдиана написаны до этого события. Однако если они отражают действительные настроения в римском обществе, и к Алариху существовало особое отношение, следовательно, он еще до своего похода воспринимался как угроза, выделяющаяся на фоне прочих варваров.

Судя по тому, что другие источники не упоминают поход 401 г., он не имел характер крупномасштабного вторжения, действительно способного сокрушить Рим. Т.С. Бернс предполагает, что в распоряжении Алариха был сравнительно небольшой отряд [4. Р. 180]. Орозий говорит о том, что Аларих со своими людьми не только не планиро-

вал нашествия, но и, напротив, смиренно просил мирный договор у Стилихона, и тот обещал ему поддержку, однако в своих собственных интересах договор так и не заключил, сохраняя готов Алариха как средство давления на правительство [13. С. 498]. Но как Клавдиан склонен безмерно превозносить Стилихона, так и Орозий целенаправленно его очерняет. Еще дальше в этом направлении идет Флосторгий, утверждая, что Стилихон сознательно пригласил Алариха в Италию, открыв для него проход в Альпах, чтобы опираться на готов в своей борьбе за трон [14. С. 249].

Клавдиан говорит о предательстве, вероломности этого вторжения готов (*si perfida nacti penetrabile tempus inrupere Getae* [11. Р. 146]), из чего следует, что какое-то соглашение между Аларихом и Западной империей действительно существовало. В таком случае, это соглашение перестало устраивать Алариха. Можно предположить, что он действительно обращался к Стилихону с предложением заключить новый *foedus*, и для того, чтобы выторговать наиболее выгодные условия, в 402 г. осадил Медиолан, как в свое время Константинополь. Момент был выбран осознанно. Стилихон с армией отсутствовал, в Италии не было войск, чтобы противостоять требованиям Алариха.

Император Гонорий, испуганный появлением агрессивной настроенной армии, перенес постоянную резиденцию в Равенну. Стилихон поспешно возвратился с минимальным количеством войск и провизии [11. Р. 150]. Клавдиан говорит о том, что Стилихон не решился с таким небольшим числом людей на прямую атаку (*pergrumperet agmen? sed paucis comitatus erat*) [11. Р. 108]. Однако уже это заставило Алариха уйти от Медиолана. Несмотря на страх, который римляне испытывали перед ним, если верить речам Клавдиана, сам Аларих, вероятно, опасался римлян не меньше. Х. Вольфрам отмечает нерешительность его действий в этот период: дорога на Рим была открыта, однако Аларих не был в настроении или в состоянии начинать подобный поход [6. С. 219]. Это подтверждает, что целью Алариха было обратить на себя внимание имперской элиты, договориться, занять достойное место в Западной империи, такое же, как в свое время в Восточной.

Однако Стилихон не собирался идти на поводу у Алариха. Ему удалось собрать войска и сразиться с готами при Полленции. Исход битвы не был решающим ни для одной стороны, несмотря на восторженное описание Клавдиана. Вереницы пленных, разнообразные сокровища, даже жена Алариха – все это досталось римлянам [11. Р. 172]. Однако сам Аларих сохранил жизнь благодаря давлению обстоятельств, как смутно выразился Клавдиан (*concessaque sibi (rerum sic admonet usus) luce*) [11. Р. 84]. Х. Вольфрам предполагает, что в этих словах Клавдиана отражена попытка защитить Стилихона от обвинений в бездарности и предательстве [6. С. 219]. Существование подобных обвинений можно заметить у Орозия, который раздраженно говорит об Аларихе как о постоянно

терпящем поражения, но из раза в раз отпускаемом на свободу [13. С. 498], явно обращая этот намек в адрес Стилихона. На самом деле, очевидно, Аларих сохранил не только жизнь, но и значительную часть армии.

В результате битвы было заключено соглашение (*rursus dum pacta movet*) [11. Р. 88], хотя стоит отметить, что Клавдиан использовал не традиционный термин *foedus*, а *pactum*, – то есть не федератский договор, а именно соглашение, имеющее скорее сиюминутный характер. М. Куликовски полагает, что это было перемирие, по которому Аларих лишь должен был уйти из Италии – на большее Стилихон не рассчитывал, поскольку либо хотел сохранить силы Алариха для своих собственных нужд, либо не имел достаточно возможностей разгромить его окончательно [8. Р. 170].

Однако вскоре у Вероны состоялась еще одна битва, мотивы которой не совсем ясны. Клавдиан утверждает, что в ней Аларих безуспешно пытался переломить свою судьбу, взять реванш (*extremo mutare parat praesentia casu, nil sibi periurum sensit prodesse furorem converti nec fata loco*) [11. Р. 90]. Х. Вольфрам выдвигает ряд более рациональных предположений о мотивах варварского полководца: Аларих пытался уйти в Галлию, или в очередной раз давил на имперское правительство, или был спровоцирован Стилихоном. Действительно, большее внимание исследователей в этой ситуации привлекает противоречивая фигура Стилихона. Р. Блокли подчеркивает, что тот лишь последовательно загонял готов обратно в Паннонию [9. Р. 120], где они и были ему нужны. П. Хизер, напротив, склоняется к мысли, что Стилихон не имел никаких далеко идущих планов, а лишь сдерживал наступление готов, пока оно само не выдохлось из-за проблем с запасами [7. Р. 146].

Действительно, исход битвы и в этот раз остался неясен – Аларих лишь был вновь блокирован проныцательным Стилихоном [11. Р. 92]. Это укрепило подозрения в скрытых мотивах Стилихона, в его сговоре с Аларихом, направленном на узурпацию власти, что отражено у Флосторгия. Однако Р. Блокли отрицает подобные домыслы как античных, так и современных авторов (к которым, в частности, относится О. Мэнхен-Хелфен, убежденный, что все дальнейшие действия Алариха совершались в соответствии с этим сговором [15. Р. 67]) как необоснованные, и полагает, что Стилихон после кровопролитного сражения при Полленции избрал тактику победы малой кровью, непопулярную среди римлян, чем и вызвал нападки на себя [9. Р. 120]. Х. Вольфрам и П. Хизер также придерживаются мнения, что никакого договора в этот момент заключено не было, а Аларих все еще был отвержен как Востоком, так и Западом [6. С. 220; 7. Р. 146].

Судя по словам Клавдиана, Аларих после битвы при Вероне оказался в плачевной ситуации – от него к римлянам уходили целые отряды (*iamque frequens rarum decerpere transfuga robur cooperat inque dies numerus decrescere castris, nec iam dedit-*

io paucis occulta parari, sed cunei totaeque palam discedere turmae) [11. P. 92, 94]. По всей видимости, это было вызвано чередой поражений Алариха, благодаря которой среди готов распространилось мнение об утрате вождем удачи. Тем не менее, тот же Клавдиан утверждает, что Аларих сохранил достаточно войск, в том числе конницу (non funditus armis concideram; stipatus adhuc equitumque catervis integer ad montes reliquo cum robore cessi, quos Appenninum perhibent) [11. P. 96]. Это подтверждает точку зрения о том, что Стилихон не хотел или был не в состоянии полностью разгромить Алариха. Можно предположить, что он действительно к этому не стремился – но не из-за тайного умысла, а из-за понимания, что отсутствие успехов ослабляет позиции Алариха среди собственного войска. С этой точки зрения стратегия Стилихона была очень эффективна.

Как пишет Клавдиан, Аларих после своих неудач заслужил ненависть и недоверие друзей и соратников (melius mucrone perirent, auferretque mihi luctu leviore sodales victa manus quam laesa fides) [11. P. 98], что, в свою очередь, повлекло за собой опаривание его права быть предводителем. Очевидно, авторитет Алариха как короля базировался на его традиционном облике как удачливого предводителя набегов; провал похода на Италию означал падение этого авторитета и рост конкуренции и соперничества со стороны других представителей готской знати. П. Хизер уверен, что складывание готской общности в этот период сопровождалось серьезнейшей борьбой за власть между выходцами из различных кланов, в частности, такими соперниками Алариха, как Сар и Сегерих [16. P. 58]. Впрочем, Х. Вольфрам в данном случае отстаивает радикально противоположную точку зрения о непрерываемом авторитете Балтов среди готов, основываясь на Иордане [6. С. 220]. Но поскольку никакие иные источники, в том числе аутентичные времени Алариха, не дают оснований для подобной уверенности, а безоглядно доверять Иордану неразумно, более адекватной следует считать позицию П. Хизера.

Аларих, провозглашая себя готским королем, опирался на традиционные родовые институты и мировоззрение. Следовательно, авторитет и власть Алариха закономерно оказались в зависимости от его военных успехов. Уход от него в стан противника многих отрядов, столь впечатливший Клавдиана, что тот представляет Алариха в параноидальном страхе, окруженного предателями (видимо, в этом Клавдиан следует римской историографической традиции образа проигравшего узурпатора), по всей видимости, был закономерным явлением как для Алариха, так и для Стилихона, полуварвара по происхождению, знакомого с этой особенностью варварского мышления. В свете этого понятно, почему Стилихон предпочитал лишь обозначать свое превосходство над Аларихом в осторожных столкновениях и выжидать, зная, что каждый день ослаблял влияние Алариха и прибавлял авторитет ему самому. Сам Аларих после Вероны так-

же убедился в своей неспособности вынудить Стилихона на уступки и, очевидно, заключил договор на условиях последнего.

Как свидетельствует Клавдиан, влияние Алариха среди его войска было еще достаточно велико, чтобы сохранить часть отрядов, с которыми вождь отступил обратно в Иллирию. Возможно, это было одним из пунктов соглашения со Стилихоном. Т.С. Бернс считает, что Стилихон назначил Алариха комитом – comes rei militaris – но не magister militum, чего тот добивался [4. P. 181]. Это серьезное падение статуса для Алариха и, соответственно, его влияния в провинции. Иллирия осталась спорной территорией, буфером между частями империи, Западом и Востоком. В этом контексте возможно, что Стилихон использовал силы Алариха как заслон против Константинополя, так же, как в свое время сделал Евтропий по отношению к нему самому. Однако при этом Стилихон понизил ранг Алариха в римской иерархии, чтобы лишить его возможности свободно использовать ресурсы Иллирии для укрепления своих войск.

Выводы

Аларих – одна из наиболее заметных фигур варварских полководцев на службе Рима, и при этом фигура разменная и проходная для внутренней имперской политики. Стремясь к автономности и одновременно пытаясь сохранить место в структуре имперского командования, Аларих оказался в очень противоречивой и очень сложной для себя ситуации. Римляне видели в нем и варвара, и имперского командующего. Главную роль в этом играла варварская идентичность его самого и его людей, сохраняя которую, они были вынуждены действовать в рамках системы определенных принципов и норм. Соревнуясь во взаимных попытках превзойти друг друга, правительства и Востока, и Запада решали свои сиюминутные проблемы за счет использования про- и антиварварских настроений и жонглирования варварскими войсковыми группировками. Агрессивность последних являлась реакцией на подобное отношение, в условиях которого интеграция варваров в имперскую систему могла быть только поверхностной и показушной. По сути, она была невыгодна для имперской политики. Неопределенность статуса войска Алариха в 399–402 гг. является показательным примером этого. И хотя Аларих, после нескольких взаимных проб сил, нашел общий язык со Стилихоном, который также являлся варваром по происхождению, это не изменило общий тренд. Своими действиями Аларих способствовал демонизации образа варвара в общественном сознании империи, что послужило одной из причин еще больших проблем в отношениях римлян и варваров в скором будущем.

Статья подготовлена в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коньков Д.С. Готы и империя: восстание Гайны как кризис идентичности // Известия Томского политехнического университета – 2012. – Т. 321. – № 6. – С. 245–249.
2. Synesius. On Imperial Rule, 15. URL: http://www.livius.org/su-sz/synesius/synesius_monarchy_15.html (дата обращения: 19.01.2013).
3. Cameron A., Long J., Sherry L. Barbarians and politics at the Court of Arcadius. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1993. – 441 p.
4. Burns T.S. Barbarians within the Gates of Rome. – Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1994. – 419 p.
5. Зосим. Новая история. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 353 с.
6. Вольфрам Х. Готы. – СПб.: Ювента, 2003. – 654 с.
7. Heather P. The Goths. – Oxford; Cambridge: Wiley-Blackwell, 1998. – 358 p.
8. Kulikowski M. Rome's Gothic Wars: from the third century to Alaric. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 238 p.
9. Blockley R.C. The Dynasty of Theodosius // The Cambridge Ancient History. V. 13. The Late Empire, A.D. 337–425. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 905 p.
10. Treadgold W.T. A History of the Byzantine State and Society. – Stanford: Stanford University Press, 1997. – 1019 p.
11. Claudian. V. II. – Harvard: Harvard University Press, 1998. – 420 p.
12. The Ecclesiastical History of Socrates Scholasticus // Socrates and Sozomenus Ecclesiastical Histories. – New York: Christian Literature Publishing Co., 1886. – 1045 p.
13. Орозий П. История против язычников. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. – 544 с.
14. Филосторгий. Сокращение «Церковной истории» // Церковные историки IV–V веков. – М.: Росспэн, 2007. – 621 с.
15. Maenchen-Helfen O. The world of the Huns: studies in their history and culture. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1973. – 602 p.
16. Heather P. The Creation of the Visigoths // The Visigoths from the migration period to the seventh century. – Woodbridge; Rochester: Boydell & Brewer Ltd, 2003. – 563 p.

Поступила 17.04.2013 г.

UDC 94(430)01

ALARIC BETWEEN THE EAST AND THE WEST: SEARCHING FOR THE PLACE IN THE EMPIRE (399–402)

D.S. Konkov

Tomsk State University
E-mail: dkonkov@mail.ru

The paper considers the events of 400–402 in Roman Empire related to the name of the leader of Gothic military formations of Alaric. The data of the sources and the main view points of the researchers of this period were analyzed in terms of interaction of Rome and barbarian communities, the search for barbarian proper place in the empire. Conflict of interests of different political fractions of Roman elite made it difficult for barbarian to adapt in to empire structure on social and mental level; this conflict made the official ideological and logistic discourse unpredictably uncertain and inconsistent. Alaric tried to act parallel in Roman and barbarian discursive space manipulating them in his interest. However he did not succeed in implementing the strategy. This fact explains inconsistency of barbarian integration into empire structure.

Key words:

Integrative social processes, Goths, barbarians, federate, East Roman empire, West Roman empire, Stilicho, Alaric.

REFERENCES

1. Konkov D.S. Goty i imperiya: vosstanie Gayny kak krizis identichnosti [The Goths and the Empire: Gainas' Uprising as Crisis of Identity]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 321, no. 6, pp. 245–249.
2. Synesius. On Imperial Rule, 15. Available at: http://www.livius.org/su-sz/synesius/synesius_monarchy_15.html (accessed 19 January 2013).
3. Cameron A., Long J., Sherry L. *Barbarians and politics at the Court of Arcadius*. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 1993. 441 p.
4. Burns T.S. *Barbarians within the Gates of Rome*. Bloomington; Indianapolis, Indiana University Press, 1994. 419 p.
5. Zosimus. *Novaya istoriya* [New History]. Belgorod, Belgorod State University Press, 2010. 353 p.
6. Wolfram H. *Goty* [The Goths]. St-Petersburg, Yuventa, 2003. 654 p.
7. Heather P. *The Goths*. Oxford; Cambridge, Wiley-Blackwell, 1998. 358 p.
8. Kulikowski M. *Rome's Gothic Wars: from the third century to Alaric*. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 238 p.
9. Blockley R.C. The Dynasty of Theodosius. *The Cambridge Ancient History. Vol. 13. The Late Empire, A.D. 337–425*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. 905 p.
10. Treadgold W.T. *A History of the Byzantine State and Society*. Stanford, Stanford University Press, 1997. 1019 p.
11. Claudian. Vol. II. Harvard, Harvard University Press, 1998. 420 p.
12. The Ecclesiastical History of Socrates Scholasticus. *Socrates and Sozomenus Ecclesiastical Histories*. New York, Christian Literature Publishing Co., 1886. 1045 p.
13. Orosius P. *Istoriya protiv yazychnikov* [History versus Pagans]. St-Petersburg, Oleg Abyshko's Press, 2004. 544 p.
14. Filostorgiy. Sokrashchenie «Tserkovnoy istorii» [Philostorgius. Epitome of the Ecclesiastical History]. *Tserkovnye istorii IV–V vekov* [Historians of the Church in IV–V centuries]. Moscow, Rosspen, 2007. 621 p.
15. Maenchen-Helfen O. *The world of the Huns: studies in their history and culture*. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 1973. 602 p.
16. Heather P. The Creation of the Visigoths. *The Visigoths from the migration period to the seventh century*. Woodbridge; Rochester, Boydell & Brewer Ltd, 2003. 563 p.

Сведения об авторах

Андреева Полина Владимировна, канд. филос. наук, доцент кафедры культурологии и социальной коммуникации Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-34-99. E-mail: arv82@mail.ru. Область научных интересов: современная наука, междисциплинарность, прикладное знание, социальная инженерия, экспертология.

Анофриков Сергей Павлович, 1977 г.р., канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории ФГОБУ ВПО «Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики», Новосибирск. Р.т. 8-(383)-269-82-84. E-mail: anofrikov@rambler.ru. Область научных интересов: анализ процессов в сфере труда и занятости населения, миграционных процессов, государственного регулирования экономики.

Антонова Зоя Георгиевна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-35-82. E-mail: economics@tpu.ru. Область научных интересов: государственное регулирование, корпоративный бизнес, экономический рост.

Ардашкин Игорь Борисович, 1972 г.р., д-р филос. наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий НИТПУ. Р.т. 56-34-24. E-mail: ibardashkin@mail.ru. Область научных интересов: философия и методология научного познания.

Ардашкина Ольга Михайловна, 1973 г.р., аспирант кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-34-24. E-mail: olgaardashkina@mail.ru. Область научных интересов: социальная философия, архивоведение, делопроизводство, история.

Бальчиндоржиева Оюна Баировна, канд. филос. наук, ст. препод. кафедры философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ. Р.т. 8-(301-2)-21-05-62. E-mail: baoyu2008@yandex.ru. Область научных интересов: социальная философия, изучение процессов модернизации в КНР, китайская философия, духовная культура Китая.

Бланк Татьяна Павловна, ст. преподаватель кафедры иностранных языков Томского научного центра Сибирского Отделения РАН. Р.т. 49-19-37. E-mail: dfl@english.tsc.ru. Область научных интересов: педагогика, психология, методика преподавания иностранных языков.

Борисова Людмила Михайловна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-35-82. E-mail: unexx@rambler.ru. Область научных интересов: теория самоорганизации сложных систем, уровень и качество жизни населения, миграционные процессы, безопасность.

Брылина Ирина Владимировна, канд. филос. наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-34-24. E-mail: ibrylina@yandex.ru. Область научных интересов: социальная

философия, философия образования, философская антропология, философия любви.

Гиниятова Елена Владимировна, канд. филос. наук, доцент кафедры культурологии и социальной коммуникации Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-34-99. E-mail: evg@tpu.ru. Область научных интересов: современное культурное пространство, визуалистика, современная эстетическая сфера.

Гончаренко Марк Васильевич, 1973 г.р., канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры социологии, психологии и права Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-34-66. E-mail: markgon73@rambler.ru. Область научных интересов: аналитическая философия, проблема интерпретации факта в контексте современного гуманитарного знания (основания и последствия субституции реальности, взаимодействия реальности и симулякра).

Густап Елена Владимировна, 1966 г.р., канд. экон. наук, главный экономист Главного управления Центрального банка Российской Федерации по Томской области. Р.т. 43-47-24. E-mail: GEW2008@mail.ru. Область интересов: изучение различных аспектов развития банковской деятельности, в том числе банковского сектора региона.

Густап Наталия Николаевна, 1989 г.р., аспирант кафедры экономики инженерно-экономического факультета ТПУ. Р.т. 56-36-00. E-mail: gustapn@mail.ru. Область научных интересов: вывод инновационного продукта на рынок, Европейские технологические платформы, технологическая платформа «Медицина будущего», дорожные карты.

Долгих Мария Николаевна, 1988 г.р., аспирант кафедры теории и истории культуры, ассистент кафедры дизайна Института искусств и культуры Томского государственного университета. Р.т. 53-46-29. E-mail: m.dolgich@gmail.com. Область научных интересов: дизайн в контексте технико-технологического развития общества, дизайн в современном мире, гибридизация медиа, виртуальная жизнь, автоматизация проектирования, интеллективные разработки.

Донскова Людмила Ивановна, канд. экон. наук, доцент, профессор кафедры сервиса и туризма Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, Барнаул. Р.т. 8-(385-2)-36-41-98. E-mail: donskovaL@yandex.ru. Область научных интересов: сервис, управление, система.

Дукарт Сергей Александрович, 1970 г.р., канд. ист. наук, доцент кафедры экономики Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-35-82. E-mail: dukart@mail.ru. Область научных интересов: теория и методология экономических исследований, процессы экономической трансформации, экономическая психология, государственное регулирование экономики.

- Думинская Марина Викторовна**, 1975 г.р., канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социологии Сургутского государственного педагогического университета. Р.т. 8-(346-2)-35-75-27. E-mail: marina-duminskaya@yandex.ru. Область научных интересов: онтология и теория познания, онтологическая эстетика, философская антропология, философия искусства и культуры.
- Земцов Борис Николаевич**, 1951 г.р., д-р ист. наук, зав. кафедрой истории Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана. Р.т. 8-(499)-263-65-42. E-mail: zemtsovbn@mail.ru. Область научных интересов: политическая история России, ментальность, история правовой культуры.
- Золотарева Галина Алексеевна**, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики инженерно-экономического факультета ТПУ. Р.т. 56-35-82. E-mail: zgazga@mail.ru. Область научных интересов: анализ финансово-хозяйственной деятельности предприятия, налогообложение, регулирование инвестиционной сферы.
- Иванкина Любовь Ивановна**, д-р филос. наук, профессор кафедры менеджмента Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-37-89. E-mail: ivankina@tpu.ru. Область научных интересов: философские, социологические и психологические аспекты современного общества и человека.
- Ионикан Наталья Вадимовна**, магистрант кафедры экономики Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-35-82. E-mail: natasha2307@mail.ru. Область научных интересов: социально-трудовые отношения, рынок труда, миграционные процессы, бедность, уровень и качество жизни населения.
- Каз Евгения Михайловна**, студент кафедры финансов и учета экономического факультета Томского государственного университета. Р.т. 78-36-79. E-mail: Genyak92@sibmail.com. Область научных интересов: миграционные процессы в экономике, труд мигрантов, проблемы государственного регулирования миграционных процессов.
- Каз Михаил Семенович**, 1958 г.р., д-р экон. наук, профессор кафедры экономики Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-35-82. E-mail: economics@tpu.ru. Область научных интересов: динамика экономического знания; мотивация труда; когнитивно-ценностный подход.
- Кокаревич Мария Николаевна**, 1956 г.р., д-р филос. наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий ТПУ; профессор кафедры философии Томского государственного архитектурно-строительного университета. Р.т. 56-34-14. E-mail: kokarevich@mail.ru. Область научных интересов: философия культуры.
- Коньков Дмитрий Сергеевич**, 1978 г.р., канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории ТГУ. E-mail: dkonkov@mail.ru. Область научных интересов: политогенез традиционных обществ, история раннего средневековья, историческая антропология, политическая антропология.
- Корниенко Алла Александровна**, д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-35-26. E-mail: alaphil@mail.ru. Область научных интересов: философия науки и техники.
- Корниенко Анатолий Васильевич**, д-р филос. наук, профессор кафедры оптимизации систем управления Института кибернетики ТПУ. Р.т. 42-04-59. E-mail: kornav@tpu.ru. Область научных интересов: философия науки и техники.
- Корниенко Анна Анатольевна**, канд. техн. наук, доцент кафедры инженерного предпринимательства Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-35-29. E-mail: anna_kornienko@mail.ru. Область научных интересов: философия науки и техники.
- Корниенко Михаил Анатольевич**, 1980 г.р., аспирант кафедры автоматизации и роботизации в машиностроении Института кибернетики ТПУ. Р.т. 41-96-74. E-mail: mkornienko1@yandex.ru. Область научных интересов: философия, герменевтика, феноменология.
- Кухта Мария Сергеевна**, 1963 г.р., д-р филос. наук, профессор кафедры автоматизации и роботизации в машиностроении Института кибернетики ТПУ. Р.т. 41-96-74. E-mail: eukuh@mail.tomsknet.ru. Область научных интересов: философия науки и техники, теория промышленного дизайна, композиция в технике, философия искусства, методология моделирования визуального восприятия.
- Лившиц Вера Исаковна**, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-35-82. E-mail: economics@tpu.ru. Область научных интересов: экономика общественного сектора, государственная научно-техническая политика, проблемы развития социальной сферы.
- Литвинова Татьяна Дмитриевна**, заведующая кафедрой иностранных языков Томского научного центра Сибирского Отделения РАН. Р.т. 49-19-37. E-mail: dfl@english.tsc.ru. Область научных интересов: педагогика, психология, методика преподавания иностранных языков.
- Лотова Елена Васильевна**, аспирантка кафедры менеджмента Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 60-62-26. E-mail: asp@tpu.ru. Область научных интересов: философия управления, философия гражданского общества, философские аспекты социальной организации.
- Макогон Татьяна Ивановна**, канд. филос. наук, докторант кафедры философии и методологии науки философского факультета Томского государственного университета. Р.т. 64-56-13. E-mail: makogomti@mail.ru. Область научных интересов: исследование категории «пространства», топология социально-философского дискурса, теории социальных систем, выявление логических констант в пространстве местных сообществ.
- Манжуева Оксана Михайловна**, канд. филос. наук, доцент кафедры информационно-коммуникационных технологий

- Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, г. Улан-Удэ. Р.т. 8-(301-2)-23-22-00. E-mail: osydenova@yandex.ru. Область научных интересов: информационная безопасность, информационная этика.
- Маренкова Евгения Викторовна**, студент кафедры экономики Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-35-82. E-mail: eugen.marenkova@yandex.ru. Область научных интересов: экономическая психология, государственное регулирование экономики, миграционные процессы в экономике.
- Медведева Татьяна Александровна**, 1969 г.р., канд. филос. наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-34-24. E-mail: tamedvedeva@tpu.ru. Область научных интересов: философия культуры, ценностные детерминанты научного и художественного творчества.
- Минченко Татьяна Петровна**, д-р филос. наук, доцент кафедры философии Томского научного центра Сибирского Отделения РАН. Р.т. 49-25-01. E-mail: mtp70@mail.ru. Область научных интересов: теория и история культуры, история и философия науки.
- Моисеева Агнесса Петровна**, д-р филос. наук, проф. кафедры культурологии и социальной коммуникации Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-34-99. E-mail: arm_tpu@mail.ru. Область научных интересов: философия трансдисциплинарности, эпистемология, постнеклассическая наука, синергетика, когнитивные стратегии, социальное проектирование.
- Нехорошев Юрий Сергеевич**, 1930 г.р., д-р экон. наук, профессор-консультант кафедры экономики Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-35-82. E-mail: nekhoroshev@tpu.ru. Область научных интересов: экономика науки, интеллектуальная собственность и научно-инновационный рынок, миграционные процессы в России и за рубежом.
- Никитина Юлия Анатольевна**, 1963 г.р., д-р филос. наук, профессор кафедры инженерного предпринимательства Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-35-82. E-mail: Ynik@tpu.ru. Область научных интересов: проблемы управления и адаптации социально-экономических систем в нелинейной внешней среде.
- Панькова Наталия Михайловна**, ст. преподаватель кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т.: 56-34-24. E-mail: korovky@list.ru. Область научных интересов: философия образования, герменевтика.
- Подопригора Игнат Валерьевич**, 1978 г.р., канд. экон. наук, доцент кафедры экономики факультета экономики и менеджмента Томского государственного архитектурно-строительного университета. Р.т. 47-28-86. E-mail: podigval@mail.ru. Область научных интересов: инвестиции в жилищную сферу, анализ финансово-хозяйственной деятельности предприятия.
- Полещук Лариса Геннадьевна**, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры гуманитарного образования и иностранных языков Юргинского технологического института (филиал) Томского политехнического университета. Р.т. 8-(384-51)-6-05-37. E-mail: e-mail: kgoutitpu@rambler.ru. Область научных интересов: социальная философия, история и актуальные проблемы формирования экологического мировоззрения, философия образования.
- Прокопенко Сергей Артурович**, 1959 г.р., д-р техн. наук, профессор, профессор Юргинского технологического института НИ ТПУ. Р.т. 8-(384-51)-6-44-32; ведущ. науч. сотр. Института угля СО РАН, г. Кемерово. Р.т. 8-(384-2)-74-17-02. E-mail: sibgr@mail.ru. Область научных интересов: методология конкурентоспособности инноваций, новые инструменты маркетинга промышленных товаров.
- Рагозин Дмитрий Валерьевич**, 1970 г.р., канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории и регионоведения Института социальных и гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-34-02. E-mail: rdragozi28@gmail.com. Область научных интересов: новая и новейшая история, история и теория международных отношений, геополитика.
- Ройз Екатерина Евгеньевна**, аспирант кафедры культурологии и социальной коммуникации Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-34-99. E-mail: Keren_Royz@mail.ru. Область научных интересов: визуальность, современное искусство, использование современных визуальных практик в процессе представления культурно-исторического опыта.
- Рубанов Виталий Георгиевич**, 1940 г.р., д-р филос. наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-34-24. E-mail: rubanw@tpu.ru. Область научных интересов: философско-социологические проблемы науки; философские проблемы личности; философия русского космизма; современные экологические проблемы.
- Рубанова Елена Витальевна**, 1971 г.р., канд. филос. наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-34-24. E-mail: rubanwaelena@tpu.ru. Область научных интересов: история и актуальные проблемы формирования экологического мировоззрения; философские проблемы личности.
- Рыжкова Марина Вячеславовна**, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики Инженерно-экономического факультета ТПУ. Р.т. 56-35-82. E-mail: marybox@tpu.ru. Область научных интересов: потребительское поведение, дизайн рынка, экономический эксперимент.
- Сбойчикова Мария Владимировна**, 1981 г.р., соискатель кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-34-24. E-mail: mariy-asheg2007@rambler.ru. Область научных интересов: миф в системе политической культуры.
- Соколов Александр Петрович**, 1956 г.р., канд. техн. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной механики Института физики высоких технологий ТПУ. Р.т. 56-38-20. E-mail: iscanderaga@rambler.ru. Область научных интересов: дизайн, психология художественного восприятия, философия формообразования.

- Спицын Владислав Владимирович**, 1976 г.р., канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-37-89. E-mail: spitsin_vv@mail.ru. Область научных интересов: инновационное развитие, региональная экономика, научно-образовательный комплекс.
- Удальцова Марина Васильевна**, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры социальных коммуникаций и социологии управления Новосибирского государственного университета экономики и управления. Р.т. 8-(383-2)-24-26-61. E-mail: ivan.abramov.95@mail.ru. Область научных интересов: социология управления, социальное управление, сервисология.
- Цырендоржиева Дари Шойбоновна**, д-р филос. наук, проф., зав. каф. философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ. Р.т. 8-(301-2)-21-05-62. E-mail: dari145@mail.ru. Область научных интересов: социальная философия, синергетика, системный подход в социальном познании.
- Черникова Дарья Васильевна**, канд. филос. наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-34-06. E-mail: chdv@tpu.ru. Область научных интересов: природа человека, философия и психология управления, когнитивные науки, синергетика, социосинергетика.
- Черникова Ирина Васильевна**, д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и методологии науки философского факультета Томского государственного университета; профессор кафедры социологии, психологии и права Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 53-32-73. E-mail: chernic@mail.tsu.ru. Область научных интересов: философия и эпистемология науки, глобальный эволюционизм и цивилизационное развитие, междисциплинарное знание, технаука.
- Черняева Елена Евгеньевна**, аспирант кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 53-09-99. E-mail: elenachern08@yandex.ru. Область научных интересов: социальная философия, философия права.
- Чмыхало Александр Юрьевич**, 1973 г.р., канд. филос. наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 56-34-24. E-mail: sanichtom@inbox.ru. Область научных интересов: философия науки, история философии науки, философия образования.
- Чубик Анна Петровна**, канд. филос. наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий ТПУ. Р.т. 70-56-70. E-mail: chubikap@tpu.ru. Область научных интересов: проблемы информационной власти.
- Чубик Максим Петрович**, 1975 г.р., канд. мед. наук, директор центра мониторинга и рейтинговых исследований Информационно-аналитического управления, доцент кафедры геоэкологии и геохимии Института природных ресурсов ТПУ. Р.т. 70-56-77. E-mail: mchubik@tpu.ru. Область научных интересов: создание исследовательского университета, «зеленые» технологии, теория ресурсоэффективности, экология, экологическая биотехнология.
- Шаболотов Тажимамат Тайгараевич**, 1959 г.р., д-р полит. наук, заместитель руководителя Аппарата Жогорку Кенеша (Парламента) Кыргызской Республики. Р.т. (+996-312)-63-88-51. E-mail: shatt05@mail.ru. Область научных интересов: политология, внутренняя и международная миграция населения, международно-правовое регулирование внешней миграции населения.
- Ян Фан**, 1972 г.р., магистр русского языка и словесности, профессор факультета русского языка Шэньянского политехнического университета, директор Института Конфуция при Томском государственном университете с китайской стороны. Р.т. 86-(024)-24-68-60-96. E-mail: yangfang2010@yandex.ru. Область научных интересов: методика русского языка, язык и культура

Редактирование и корректура *А.С. Глазырин*
Компьютерная верстка *О.Ю. Аршинова*
Перевод на англ. язык *С.В. Жаркова*

Подписано к печати 23.12.2013. Формат 60х84/8. Бумага «Снегурочка».
Печать XEROX. Усл. печ. л. 37,22. Уч.-изд. л. 33,66.
Заказ 1468-13. Тираж 500 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТПУ. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30.
Тел./факс: 8(3822) 563-291, www.tpu.ru, izv@tpu.ru